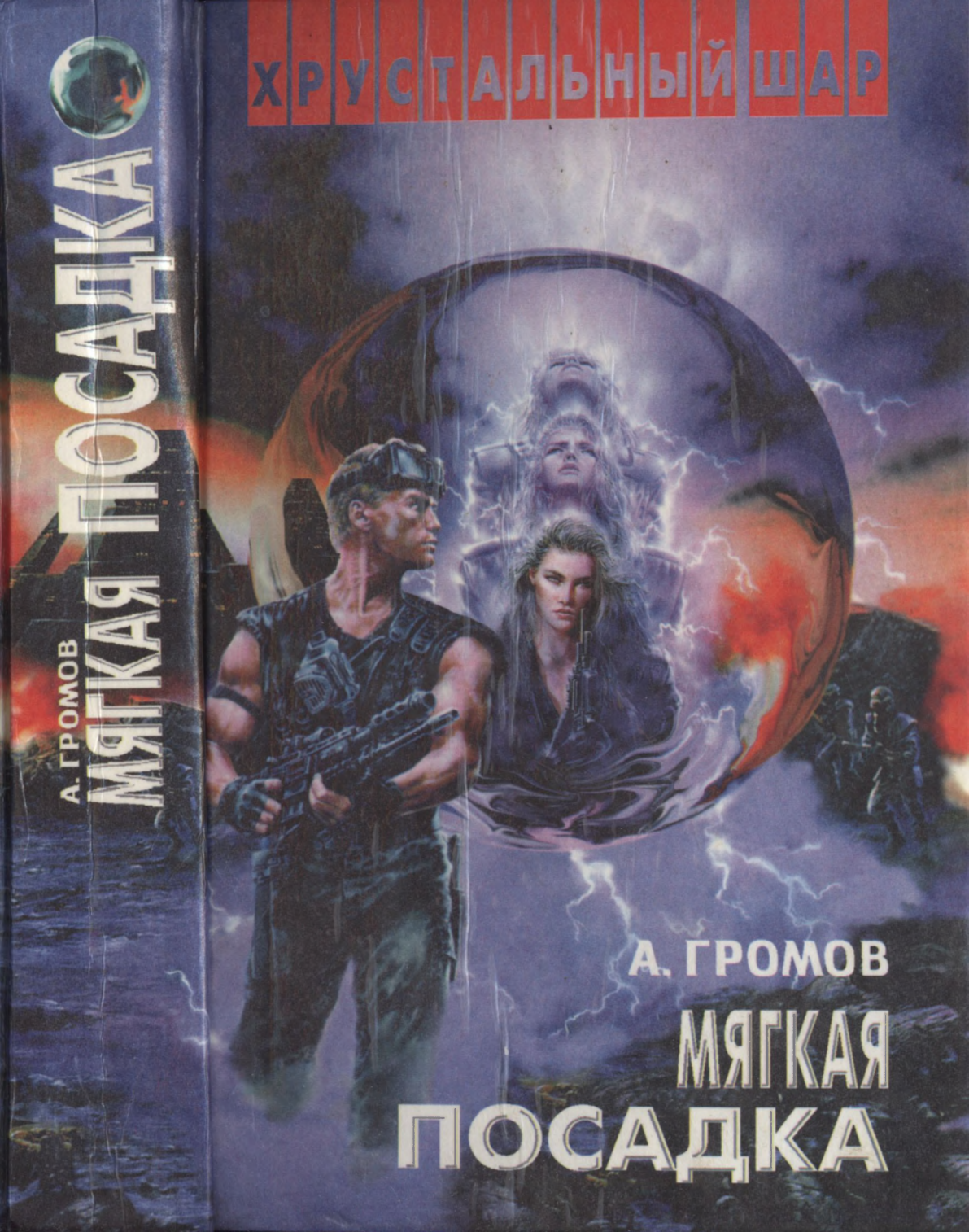
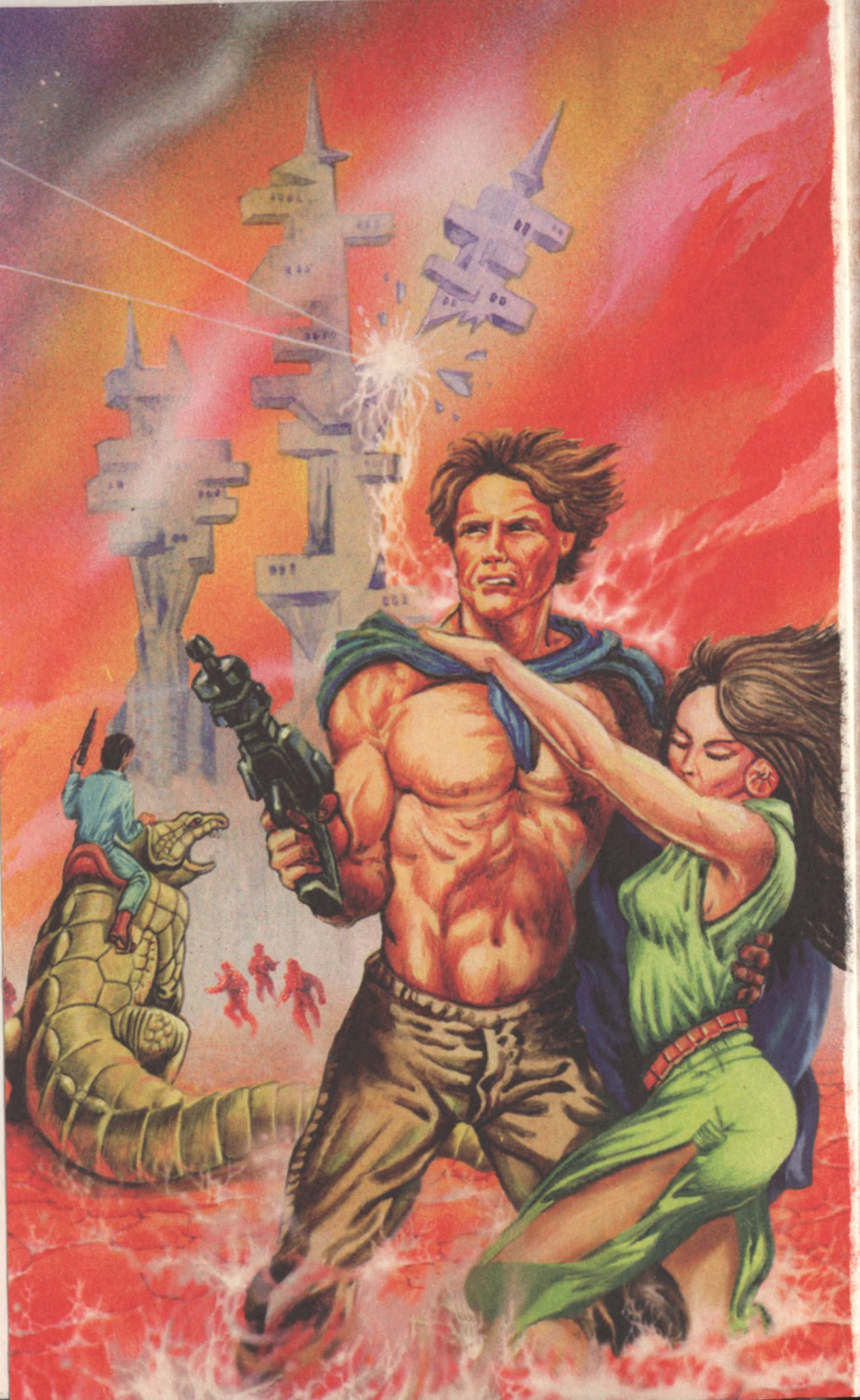

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР
А. ГРОМОВ
МЯГКАЯ ПОСАДКА
А. ГРОМОВ
МЯГКАЯ ПОСАДКА

Александр Громов дебютировал в начале 90-х годов фантастическими повестями "Такой же, как вы" и "Наработка на отказ", и обе сразу же были отмечены — включены в списки произведений, претендовавших на литературные премии в жанре НФ — "Бронзовая улитка" и "Интерпресскон-94".

В своем творчестве А. Громов продолжает традиции социально-психологической фантастики, основателями и классиками которой в отечественной литературе стали Аркадий и Борис Стругацкие.

Стремительно развивающееся на фоне острых сюжетных коллизий действие, живые, запоминающиеся образы героев, выписанные с на удивление зрелым для начинающего автора мастерством, стилистически отточенная, окрашенная мрачноватым юмором и иронией манера письма, местами напоминающая (но не копирующая) тех же Стругацких, "не отпускают" читателя с первой до последней страницы.

В первую книгу А. Громова вошли повести "Мягкая посадка", "Наработка на отказ", "Такой же, как вы", а также рассказы "Текодонт", "Всяк сверчок" и "Вопрос права".

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

А. ГРОМОВ

МЯГКАЯ ПОСАДКА

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1995

ББК 84Р7

Г87

Составитель серии
М. Редошкин

Серийное оформление
А. Гришина

Иллюстрации
В. Ана

Громов А. Н.
Г87 Мягкая посадка: Повести и рассказы. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1995. —570 с.: ил.

ISBN 5-86067-035-4

В сборник фантастических произведений Александра Громова "Мягкая посадка" вошли повести "Мягкая посадка", "Наработка на отказ", "Такой же, как вы", а также рассказы "Текодонт", "Всяк сверчок" и "Вопрос права".

Г $\frac{4703040100\text{-}035}{3Е8(03)\text{-}95}$ без объявления ББК 84Р7

ISBN 5-86067-035-4

© А. Н. Громов, 1995
© Издательство "Параллель", 1995

МЯГКАЯ ПОСАДКА

I

ИЮНЬ

1

На двери подвала под табличкой «Секция самообороны при помощи подручных средств» была нарисована оконная рама. Несомненно, инструктор дядя Коля, приглашенный институтом в качестве эксперта по самообороне, был способен защитить свою жизнь и рамой, однако нас этому не учил, резонно полагая, что оконные рамы в свободном состоянии суть явление неординарное и не у каждого человека под свитером найдутся мышцы, достаточные для выворачивания добросовестно вставленной рамы за приемлемое время. Учитывая институтскую специфику, наиболее ходовым подручным средством при обучении был обыкновенный стул, но уделялось внимание и другим предметам, в том числе на территории института не встречающимся, как, например, кирпичи, арматурные прутья или обрезки труб. Институту было все равно, где именно преподаватель будет убит или покалечен. Институт был заинтересован в том, чтобы это случалось как можно реже.

Я вошел и поздоровался. Дядя Коля был один, и все в подвале было как положено: четыре стены, одна из них дощатая и с засиженной жужелицами дверью, пара очень крепких столов из металла и пластика, шкаф габаритами с дядю Колю, стулья разных конструкций и степени сохранности, крохотное, занесенное снегом окошко под самым потолком, настенный портрет сангвинического Генриха Герца в сильно пострадавшей раме и сверху четыре лампы, забранные металлической сеткой. Помятая ржавая урна в углу у двери тоже была на месте, а в другом углу стояла, вытянувшись во фрунт, швабра без тряпки и сияло новенькое оцинкованное ведро. Раньше их здесь не было.

Дядя Коля повернулся ко мне всем корпусом — по-моему, иначе он не умел, — буркнул мне в ответ что-то отдаленно напоминающее приветствие и, поймав мой обращенный на швабру взгляд, ухмыльнулся. У меня сразу упало настроение. Не нравятся мне эти ухмылки. Если бы я неизвестно почему не ходил у дяди Коли в любимчиках, был бы соблазн подумать, что он собирается облегчить мне задачу. Но черта с два. Я знаю дядю Колю не хуже, чем он сам знает Сергея Самойло. Дядя Коля болезненно пере-

живает, если с его любимчиками что-нибудь случается, и, соответственно, принуждает их работать в полную силу, хотят они того или нет.

— Ага, — гавкнул он наконец, — пришел?

— Зачет, — объяснил я. — Вот что, дядя Коля, давай сегодня поскорее, ладно? Ей-ей, некогда.

— Некогда? — переспросил дядя Коля. — Вот даже как? Ладно, отожмись-ка для начала.

Переодеваться здесь не полагалось. Обучаемый должен уметь защитить себя в любой момент, то есть прежде всего находясь в заведомо повседневной одежде и при этом максимально используя ее достоинства. Я лег в чем был — темные брюки, темный пиджак поверх свитера — и начал отжиматься, надеясь, что сегодня как-нибудь обойдется. Не обошлось: дядя Коля носком ботинка подтолкнул ко мне стул с обломанной о чью-то шею спинкой.

— Ноги на стул, живо.

С дядей Колей лучше не спорить. Я отжался сколько мог — тридцать один раз. По-моему, это было совсем неплохо. Потом, понукаемый ядовитыми замечаниями, я отжался больше, чем мог: еще восемь раз. Потом рухнул.

— Дохлятина, — с презрением сказал дядя Коля. — Учи тебя не учи, а как был слабаком, так слабаком и остался. В чем дело: до сих пор девочки на уме?

Я хотел было сказать ему, что у меня сейчас на уме, но раздумал. Руки здорово дрожали, и дыхание никак не восстанавливалось.

— Ладно, — буркнул дядя Коля. — Встань с четырех на две. Посмотрим, как ты сдашь зачет.

Он свистнул подручного. Вот в чем, оказывается, было дело: обыкновенно дядя Коля гонял меня по комнате в одиночку. Теперь их было двое, и швабра с ведром в углу была ой как кстати. Впрочем, подручный тут же преградил мне туда дорогу.

— Одна минута. — Шлепком ладони дядя Коля оживил таймер. — Поехали.

Я хотел попросить его дать мне сначала отдышаться, но он, сделавшись вдруг гибким и ловким, уже двинулся ко мне, на ходу входя в свою роль: походочка резкая, развинченная, но одновременно и пружинящая, губы под моржовыми усами жуют плевок, взгляд поганый. Очень натурально это у него получалось; если бы не габариты фигуры — истинно садист из уличной стаи. Зверь.

Продержаться целую минуту против дяди Коли само по

себе отнюдь не просто, против двоих же у меня не было бы никаких шансов, если бы они дрались по-настоящему. Макет «тарантула» из руки подручного я выбил сразу же и позаботился, чтобы оружие отлетело под стол, но легче мне от этого не стало. Дядя Коля сегодня работал исключительно «на силу», на свою бычью силу, не хватаясь за посторонние предметы, зато применил все костоломные приемы, которые я знал, и даже один такой, о котором я не знал ничего, но, к счастью, сообразил вовремя. Один раз я достал его стулом, и он удовлетворенно крякнул. Меня он достал дважды и оба раза болезненно — в первый раз я сумел, хоть и с опозданием, блокировать удар, во второй раз успел ушмыгнуть. Подручный был мне незнаком и отнимал много внимания.

Пока идет бой, время никуда не торопится. Минута ударов, блоков, хаканья и треска насилуемой мебели больше похожа на прожитый день, по самое некуда заполненный тяжелой, глупой и никому не нужной работой. Когда заверещал таймер и все кончилось, с меня текло в три ручья. Подручный сразу исчез, унося с собой сломанный стул и расплющенное ведро. Кажется, он торопился. Дядя Коля поворчал в усы, сходил куда-то и включил аварийное освещение.

— Сойдет, — буркнул он, возвращаясь. — Будет тебе зачет. Только в следующий раз ты так нож рукавом не лови — распорешь вену. Усек?

— Усек, — сказал я, вынимая из рукава нож и вертя его в руках. Лезвию было далеко до стерильности, и на нем запеклась кровь. Не моя. Я брезгливо взял нож за лезвие и запустил в дощатую стену — под потолок, чтобы не сразу достать. Потом вытянул из кармана платок и вытер руки.

— Чего это с тобой сегодня? — поинтересовался дядя Коля, влезая на стол и вешая на место портрет Герца. — Неприятности?

Я не ответил.

— А ты нахал, — задумчиво сказал дядя Коля. — Как тебе пришло в голову проводку-то оборвать? Секунды три на халяву поймал. Мой недосмотр.

Когда дядя Коля говорит задумчиво, это опасно. Можно невзначай схлопотать по спине какой-нибудь оконной рамой.

— Как ты мыслишь, дядя Коля, — спросил я, указывая кивком на засевший в стене нож, — скоро у нас в институте появится секция самообороны от ВИЧ-девять?

Он только ухмыльнулся. По-моему, он не боялся ВИЧ-девять. Он вообще ничего не боялся.

— Ну, я пошел? — сказал я полуутвердительно.

— Погоди. — Дядя Коля пошарил под столом, нашел и убрал в карман макет пистолета. Разгибаясь, он попытался заглянуть мне в глаза. Ничего у него не вышло. — Серьезно: что с тобой сегодня?

Я пожал плечами. Со мной сегодня ничего не было. Ничегошеньки. Разве что в этот обыкновенный день мне все особенно осточертело. Мне осточертел институт. Осточертело сдавать еженедельные зачеты дяде Коле. Осточертел холод и серые сугробы на улицах. Пожалуй, мне просто надоело так жить.

А может быть, мне вообще надоело жить? Гм. Ценная мысль. Главное, свежая и оригинальная. Надоело вот, и все. Прямо с утра.

Я об этом потом подумаю, ладно?

— Так, чепуха, — сказал я, изображая улыбку. — Все в норме.

— Это не норма, — возразил дядя Коля. — Сегодня ты был готов убить. И не мотай головой, я видел. Нельзя звереть во время боя. Наша задача — выжить самим и по возможности дать выжить другим. Даже тем подонкам, что хотят проломить тебе голову. Это ясно?

Это было ясно. Хорошо еще, что дядя Коля не сказал про другую щеку, а то я бы не удержался и спросил, нужно ли подставлять и гениталии. Дядя Коля озверел бы. С его рефлексами бойца и плитами вместо мышц легко быть гуманистом и проповедником ненасилия. В общем, люби человека, и если не желаешь о нем думать, то хотя бы помни о его неприкосновенности. Себе же неприкосновенность обеспечь сам. Куда уж ясней.

Я покивал, соглашаясь. Кажется, дядя Коля мне не поверил. И правильно.

— Зачет-то я тебе поставлю, — неохотно сказал он, — только запомни, что я тебе сказал. А теперь иди с глаз, тебе пора.

Это я и сам знал. Сейчас было половина девятого, а занятия начинаются в девять. И еще было бы неплохо забежать к шефу и дознаться, какую гадость он мне уготовил на следующий семестр. В коридоре, где было посветлей и висело зеркало, я бегло осмотрел фасад и тыл, стряхнул с костюма мелкий мусор и привел себя к каноническому виду. Доцент доцентом. В торце коридора кто-то малознако-

мый, повесив себе на каждую ногу по блину от штанги, с натужными стенаниями корчился на перекладине, вытягивая подбородок кверху так, будто тонул в непролазном болоте. Морда лоснилась. Из-за двери с табличкой «Секция каратэ» доносились сочные удары, звуки прыжков и кошачий мяв. Дверь напротив, с надписью, извещающей о том, что секция айкидо находится именно здесь, а не где-то еще, была заперта на висячий замок: по-видимому, инструктор все еще пребывал в реанимации. Теперь секция наверняка распадется, даже если этот непротивленец выйдет на службу завтра. В институте в айкидо уже верят слабо. Гораздо больше верят в подручные средства.

Подвал — гардероб — улица. Снаружи лениво мела поземка и торчали из сугробов мертвые деревья. Небо было низкое, крашенное под пасюка на асфальте. С утра студгородок успели расчистить; редкие ранние студенты, зевая от холода, уже потянулись за разумным, добрым, вечным. Где-то во внутреннем дворе, невидимый отсюда, мычал движком снегоед, пробивая каньоны в свежих завалах, и неожиданно взревывал, напоровшись на пень или остаток какой-нибудь ограды. Оттуда тянуло промозглостью и высовывалось облако холодного тумана. Я поежился и плотнее запахнулся в куртку. Днем, пожалуй, подтает, особенно на тротуарах, все-таки в городе теплее градусов на семь, если не больше. Может быть, даже удастся увидеть открытую землю, давно я ее не видел, — черную, сырую, восхитительно липнущую к подошвам, с прелыми мочалками ископаемой травы. Чавкающую. Что ж, может быть, и удастся, день на пятьдесят шестой параллели сегодня совсем не плох. Лето.

Прошлое лето было холодным. Без единой оттепели. Прошлым летом я познакомился с Дарьей, и по выходным мы ходили на лыжах. Подальше за город, куда глаза глядят. Как правило, глядели ее глаза. Я наполнял термос кофе и пихал в рюкзак бутерброды. Мы искали лыжню и, если находили, забирались далеко в глубь леса. Там не так сквозило. Она убегала вперед, потому что лучше меня ходила на лыжах, и ждала меня, когда у нее замерзали руки. А я на эти руки дул. Помню, мы нашли в лесу карликовую сосну, с которой еще не осыпались иглы, и Дарья объявила это чудом. Потом она хотела еще раз добраться до той сосны, только я не пустил. Незачем. Сейчас на той сосне наверняка не осталось ни одной иголки. Она уже тогда была мертвая.

А вот зимой мы на лыжах не ходили. Зимой мы вообще никуда не ходили, разве что изредка я выбегал за едой и возвращался с фиолетовыми губами и носом цвета ватмана. Зимой на улицах холодно и почти безопасно, не встретишь даже адаптанта — сидят, надо полагать, по норам, берегут до летнего сезона свое краденое оружие и повышенную любовь к двуногим прямоходящим, жрут то, что удалось добыть в пустых квартирах, дрыхнут, гадят и совокупляются в свое удовольствие. Зимой я переехал к Дарье, потому что в моем доме замерзли трубы, и грех сказать, что это была плохая зима. В институте я маячил от случая к случаю — впрочем, с декабря по март там и не намечалось особенных трудовых свершений: летние каникулы теперь безжалостно урезаны в пользу зимних. Ввиду стихии.

Тут я обнаружил, что никуда уже не иду, а стою в сугробе и прочно в нем завяз. Пришлось выдирать ноги, выбираться на твердое место и нудно топать, отряхивая ботинки. Конечно, снег проник вовнутрь и теперь противно таял, пропитывая носки. Кроме как доводить человека до простуды, ничего другого он не умеет. Умник, обругал я себя. Ты еще вспомни, как по грибы ходил. По чернушки-волнушки. А как еще успел — хорошо, ребята уговорили — махнуть напоследок в Карелию и как байдарку колотило и ломало на порогах, вспомнить не хочешь ли?.. А по берегам порогов уже лежал и не собирался таять цепкий крупчатый снег, и было пусто, как в яме, вообще в том походе было что-то траурное, река остывала буквально на глазах, к утру тихие плесы схватывало тонким звенящим ледком, и мы ломали лед веслами и двигались медленно, сосредоточенно, стараясь оберечь байдарку от ранений лезвиями ледяных кромок...

Теперь она сгнила, эта байдарка.

Ближе к учебному корпусу снег растоптали в кисель. Здесь толклась небольшая толпа, она задерживалась, обтекая колонны, и тремя струями вливалась в главный вход. Это была осмысленная, векторная толпа, с умеренной составляющей броуновского движения. Люблю такую. Роились студенты потока один, существа знакомые и в целом безопасные — сам когда-то был примерно таким же, а теперь вот читаю им электротехнику. Что до прочих человекообразных с потоков два-А и два-Б — особенно два-Б, — то орда этих дубоцефалов выглядит куда хуже. Фауна. Но она появится чуть позже и не в этом крыле здания — потоки мудро разделены во времени и пространстве. Это правильно.

Оставалось еще минут пятнадцать. Я торопливо разделся в гардеробе для преподавателей и заспешил по коридору. Зря, конечно: спешащий у нас всегда неправ и подозрителен, следовательно, рискует нарваться. Разумеется, тут же какой-то самодовольный жлоб из внутреннего патруля пресек мою прыть и не захотел верить протянутому пропуску, после чего я сначала нетерпеливо объяснял, кто я такой, а потом вышел из себя и, кратко объяснив ему, кто такой он, был все же отпущен с миром, но в настроении хуже некуда.

Ублажать служебное рвение жлобов — дело препротивное, хотя, я знаю, находятся люди, испытывающие от этого занятия мазохистское удовольствие. Но это не по мне. Куда ни плюнь — либо жлоб, либо дубоцефал-толстолобик, хорошо еще, что в институте нет адаптантов, по крайней мере, теоретически. А вот где люди, хотелось бы знать? Люди-то где?

Дверь в наш деканат визжит, как жертва вивисекции. Люди были здесь. На визг повернули головы сразу трое: юный толстый секретарь из недоученных разгильдяев с протекцией, унылый Вацек Юшкевич с нашей кафедры электрических машин и надменная Алла Хамзеевна, мастер подлежащих и сказуемых с кафедры русского членораздельного для дубоцефалов. За дверью в кабинет декана кричали в два голоса — Сельсин разносил в атомы какого-то неподатливого. Это он умеет. Секретарь, соря на бумаги, ел бутерброд и с интересом прислушивался. Алла Хамзеевна сидела мумией — плоская спина в трех сантиметрах от спинки стула и идеально ей параллельна. Вацек с покорной тоской в глазах слонялся из угла в угол.

Я поздоровался со всеми, а с Вацеком — за руку. Вацек никогда не подает руки первым, это приходится делать мне. Секретарь что-то промямлил сквозь бутерброд, я не понял что. Алла Хамзеевна сурово поджала губы. Она меня не любит, и есть причина. Это она так считает. Никак не может простить, что моих родителей отправили на Юг раньше ее припадочного зятя, хотя по ее заслугам, в чем она глубоко убеждена, следовало бы наоборот, причем вне всякой очереди. Но вне очереди пошел я, и ей это сугубо не все равно.

Вацеку вот все равно, а ей не все равно. Бывают такие люди.

— Сельсин у себя? — спросил я.

Алла Хамзеевна сделала вид, что не слышит.

Сельсин — прозвище и сущность нашего декана. Я имею в виду сельсин-датчик. Это не фамилия, а несложный электромеханический прибор. Если ось сельсина-датчика повернется на некоторый угол, на тот же угол волей-неволей должна повернуться ось связанного с ним кабелем сельсина-приемника. В общем, все как у людей.

— У себя, — нерадостно сообщил Вацек. — Только он, по-моему, занят.

Крик за дверью усилился. Теперь орал один Сельсин, орал за двоих, а его оппонент только вякал с последней линии обороны. Сельсин его дожмет, вольтерьянца.

— Как думаешь, это надолго?

Вацек только пожал плечами. Будто поежился. Вид у него был самый несчастный. Вольтерьянец за дверью вдруг страшно заорал: «Я вам так не позволю!..» Позволит он. Еще как позволит. И так позволит, и эдак. Я знаю.

— Я первая, — вдруг сказала Алла Хамзеевна непререкаемым тоном. — Я здесь уже полчаса, а вы только что пришли.

— Пожалуйста, пожалуйста, — уверил я. — Вы так вы. Мне все равно.

Кажется, я ее обидел. Она копит обиды на меня и складывает их в обширную копилку. Сейчас ей очень бы хотелось, чтобы мне было не все равно, чтобы я полез к Сельсину напролом, пихаясь локтями направо и налево, а она бы не пустила и весь день ощущала бы удовлетворение от выполненного долга и причастности к высшей справедливости. Нет уж, дудки ей. И большой тромбон.

— Ты-то чего здесь? — спросил я Вацека.

— Своих на Юг отправляю, — скорбно пожаловался он. — Бумагу вот подписать. И еще... — Он замялся.

— Давно пора, — одобрил я. — Почти все уже стариков отправили. А куда предлагают?

— Нефтекумск, — с тоской сказал Вацек. — Вы случайно не знаете, где это?

— Да уж наверное не на Таймыре, — хмыкнул я. — Ты чего такой скучный? Кавказ, должно быть, или где-то около... Совсем не так плохо. Да, точно. Северный Кавказ. Или около.

— А там зимой тепло? — спросил Вацек.

Этого я не знал. По здравой логике, летом, пожалуй, не холодно, ледник далече. А вот зимой... Я развел руками. Вацек много от меня хочет. Погодой на Кавказе я пока еще не заведую.

— А вы, Сергей Евгеньич, своих куда отправили?

— В Туапсе, — сказал я с неловкостью.

— А-а...

Нотку зависти в его голосе я все-таки уловил. Но так, самое чуть-чуть, на пределе чувствительности. Мне опять повезло больше, чем ему, а Вацек убежден, что так и должно быть, и разубедить его в этом нет никакой возможности. Он всегда относился ко мне с громадным пиететом, еще с тех пор как я, тогда вечно злой от бессонницы аспирант и сам вчерашний студент, за неимением других погонял оказался у него в руководителях дипломного проекта. Крупных звезд с неба он не хватал, мелких тоже, но был как-то трогательно старателен и после диплома остался на кафедре инженером. Субординацию он и тогда уважал, и теперь уважает, только у него она особая. В его табели о рангах на втором месте, сразу после Сельсина, вписана моя фамилия, и, кажется, навечно. Он сделает для меня что угодно, но говорить мне «ты», на что я не раз и не два пытался его подбить, органически не способен. Если я скажу ему, что в интересах дела завтра его повесят, он придет со своей веревкой и мылом в кармане. Мне с ним бывает неловко. Вот как сейчас.

— Некоторые считают, что главное устроить своих родственников, — сказала Алла Хамзеевна, глядя прямо на меня, — а там хоть трава не расти, и остальные пускай отправляют родителей околевать в этот самый Земноводск...

Я ее проигнорировал.

— Тут м-м... такое дело...— сказал Вацек. Было видно, что он не знает, как начать. — Э-э... Ржавченко умер, вы знаете?

Секретарь икнул и укусил бутерброд. На меня сдержанность Вацека тоже произвела впечатление. Умер... гм. В общем, конечно, умер. Похоже, процесс был не лучше результата. Истерзанный труп Ржавченко был найден вчера между новым корпусом и спортзалом какими-то студентами со второго потока на отработке трудовой повинности по уничтожению снега. Говорят, долго не могли опознать. Студентов сейчас трясут, но много ли вытрясут, неизвестно.

— Еще бы, — сказал я. — Жаль: хороший был мужик. Кремация, кажется, послезавтра. Ты пойдешь?

— Н-не знаю... Да, наверное. Я это... Я э-э... вот что хотел сказать... Раз уж его убили... — Слова из Вацека шли туннельным переходом, пробиваясь сквозь потенциаль-

ный барьер. Он страшно мучился и вид имел такой раскаянный, будто сам и убил. — Тут э-э... вот какое дело...

— Ржавченко читал лекции в «два-Б», — опять встряла Алла Хамзеевна, и Вацек кинул на нее взгляд, отчаянный и благодарный одновременно. — И еще вел семинары в трех группах.

До меня начало доходить.

— Угу, — произнес я с пакостным предчувствием. — И кому теперь все это... добро?

— Вам, конечно, — с энтузиазмом сказала Алла Хамзеевна. — Вы у нас молодой и способный, даже чересчур, вам и палку в руки...

Я исхитрился сдержаться, чтобы ее не убить.

— Вам только лекции, Сергей Евгенич, — поспешил вставить Вацек. — Семинары будут у Конюхова, он как раз сейчас там...

Там — это, конечно, у Сельсина. Я прислушался. В кабинете декана уже не кричали. Сельсина слышно не было, а второй голос — теперь я и сам узнал Конюхова — упрашивал, настаивал, умолял... Тоже напрасное занятие. Если Сельсин позволит слезам и соплям влиять на свои решения, на его место пришлют кого-нибудь другого.

— Ясно, — сказал я, стараясь не выражать эмоций. — Меня, надо полагать, тоже обчистили. Не знаешь случайно, что отбирают?

— Кажется, знаю, — сказал Вацек, глядя себе под ноги. — Лабораторные в первом потоке. Но это, по-моему, еще не наверняка...

Секретарь потерял интерес к разговору, зевнул и жизнерадостно потянулся. Потом поискал под столом, поймал жужелицу и принялся обрывать ей ноги.

— Так... И кому отдают?

— Мне. — На Вацека было жалко смотреть.

Я медленно сосчитал до десяти. Потом эта дура Хамзеевна, не удержавшись, хихикнула, и я продолжил счет. Ай, спасибо! Спасибо Вацеку и спасибо Алле Хамзеевне. Очень вовремя вы здесь оказались, вот что я вам скажу. Не будь вас, я бы сейчас прямиком рванул к Сельсину драть глотку и терять от обиды лицо. Как вот сейчас Конюхов. Хотя, конечно, всучить дубоцефалов, да еще с потока «два-Б», взамен нормальных студентов — это подлость, которую я Сельсину не прощу. А еще это необходимость, и поэтому никуда ты, голубчик, не денешься и некуда тебе деться. Ну, выразись покрепче, если невмоготу. Ну, стукни кула-

ком где-нибудь подальше от Аллы Хамзеевны. Скрути в бублик того, кто от тебя зависит. В конце концов, напиши крупными буквами на бумажке: «Это твой долг!» — и утрись ею. Может, полегчает.

Алла Хамзеевна сияла. Специально для нее я пожал Вацеку руку:

— Поздравляю. Рад за тебя. Если будут какие-нибудь проблемы, можешь на меня рассчитывать, идет?

Он кивнул.

— Напрасно вы так сидите, Алла Хамзеевна, — сочувственно сказал я, покидая деканат. — Вот именно так геморрой и зарабатывают...

Ай-яй-яй... Зря это я. Глупо. На четвертом десятке уже поздновато гоняться за дешевыми удовольствиями, разумнее озаботиться сохранностью центральной нервной. Первая заповедь дяди Коли: если уж бьешь, то бей так, чтобы оппонент не встал. В противном случае лучше улыбайся.

И тут дядя Коля безусловно прав.

2

С девяти до одиннадцати — семинар в шестой группе потока «два-А». Это я люблю. На семинарах куда безопаснее, чем на лекциях или в лаборатории, к тому же сегодня как раз зачет. Очень люблю. Можно не слишком дрожать за свою шкуру: на зачете ты с потенциальным противником всегда один на один.

Сидят, пялятся на вопросы, напрягают скудные мозги. Сложной техники им не дают, и правильно делают, а видеодоску и световое перо легко заменить, если что. Впрочем, дубоцефалы народ, как правило, мирный, а для защиты от скрытых адаптантов придумана преподавательская кабинка на две персоны, стойкая к воздействию извне, и не только она одна.

Сижу в своей цитадели, слежу по экранчику, что там у них на досках. Н-да... Как обычно. Вот один пишет и стирает, пишет и стирает, решая непосильную задачу на обобщенный закон Ома. Другой, высунув от усердия язык, бездарно рисует порнографическую картинку. Варвар, да разве ж в этой позиции что получится? Ладно. Я им займусь с пристрастием, и не только потому, что не люблю, когда перевирают анатомические пропорции. Мне эта рожа давно не нравится.

У остальных — пока ничего. Когда от твоей работы нет отдачи, это задевает. И очень хорошо, что дубоцефалы учатся не четыре с половиной года, а два с хвостиком, по усеченной программе. По-моему, для того, чтобы обслуживать рубильник, и этого много. Вот, скажем, поток «Э» — элита — учится семь лет, да так, что только пар идет. Впрочем, какой это поток — струйка тощая, не на что смотреть. Ручеечек. И с каждым годом он все больше хиреет, а хотелось бы наоборот. Защитным энергостанциям нужны специалисты, а не обслуживатели рубильников, нужно было спохватиться еще лет двадцать назад, когда только-только сформировались и пришли в движение первые ледники. Но тогда даже адаптанты не признавались проблемой номер один и уж подавно никто не хотел верить, что наше межледниковье кончилось столь внезапно. А что, не нравится? Нет, только честно: вы в самом деле не ждали? Смешно мне с вами, ребята, а было бы еще смешнее, если бы вы ждали и готовились: что бы вы тогда сделали? На холод, ребята, на холод! Валяйте, выдумывайте свою Глобальную Энергетическую Программу, фабрикуйте для нее специалистов, спешите. И извольте принять тот факт, что семьдесят процентов населения теперь составляют такие вот дубоцефалы.

Эти, с потока «два-А», в сущности, не вполне еще дебилы, и на уровне спинного мозга с ними можно иметь дело. Что же касается «два-Б», то я не понимаю, зачем их вообще учат. Похоже, только для того, чтобы чем-нибудь занять. И скрытых адаптантов среди них гораздо больше: у каждого студента генокод не проверишь, спасибо, что сделали это для преподавателей. Вот я — человек, и мой генокод в порядке. Могу показать свидетельство, если кто-нибудь пристанет.

— Чермных, ко мне!

Идет. Хорошо идет. Грудь у нее большая и классическая. Сколько чего у одного места отнимется, столько к другому непременно и присовокупится. Воистину так, Михаил Васильевич. Ну, что там у нее? Гм... да. Мерзость запустения. Лесотундра. А эта дура еще что-то лопочет.

— Не так, — говорю. — Глупости. Запомните. Первый закон Кирхгофа: сумма токов в узле равна нулю. Второй закон: сумма напряжений по контуру равна опять-таки нулю. Это ясно? — Она кивает головой и грудями. — Повторите. — Сбивчиво повторяет. — Достаточно. Зачет. Марш отсюда.

Убегает, счастливая.

— Филенков, ко мне!

Идет. Ухмылка такая — гланды видно. Это тот, с порнографией. Художником ему не бывать. Техником на энергостанции, очевидно, тоже. Сейчас я его расколю, ошибку природы, только нельзя выпускать это мурло из поля зрения. Ни в коем случае... Под столом кнопка... ГДЕ?.. Ага, вот тут, под ногой, вот она, голубушка.

— Садитесь.

Странно, задача у него решена. И картинку он стер, а подсказал ему стереть, не иначе, тот, кто решил задачу. Ну, ясно. Вопрос дебилу. Молчит и щерится. Ответа и не жду. Еще вопрос. Щерится и молчит. Ну, теперь пора.

— Дурак, — говорю без выражения. — Толстолобик. И без зачета хорош. Выматывайся. Придешь на следующей...

До каждого скрытого адаптанта рано или поздно доходит, что преподаватель тоже уязвим. И тогда в его глазах внезапно вспыхивает бешенство, такое, что нормального человека просто отшатывает в сторону. Важно не прозевать этот момент. Жуткое бешенство, нечеловеческое. В сущности, адаптант и есть не человек, только он этого не знает. Любопытная это штука — глаза адаптанта. Такой же видовой признак, как шерсть у мамонта, и подделать невозможно: адаптанты нутром чуют чужого. Если бы мы могли внедрять своих людей в уличные стаи, в городе, пожалуй, можно было бы жить. Давлю ногой на кнопку. Спецкоманда обязана прибыть по вызову не позднее, чем через сорок пять секунд.

Олух царя небесного, ну кто же кидается на преподавателя с голыми руками! Да еще через стол. Этот стол специальный: выродок не может достать меня в броске и, теряя секунды, вынужден лезть поверх, вроде чудо-богатыря, форсирующего Альпы. Не спеша подсекаю ему ногу и слежу за тем, чтобы черепная крышка пришла в соприкосновение с крышкой стола. Большего не требуется: письменный стол вполне надежен как подручное средство. Глухой стук — и, собственно, все. Оползень расслабленного тела со стола на пол крайне неэстетичен. Адаптант жив, но сотрясение мозга, или что у него там, уже имеет. Дядя Коля учит дозировать силу воздействия.

Оправляю рукав и смотрю на время — прошло, должно быть, секунд шесть. Нормально. Остальные тридцать девять я отдыхаю в ожидании спецкоманды. А они врываются с хрипом и топотом, едва не высадив дверь и гремя наруч-

никами. Я величаво указываю перстом, и спецкоманда, стреножив смутьяна, выволакивает его вон — надо полагать, на экспресс-проверку и далее по этапу в резерват. Ноги волочатся по полу. Мне суют мятый бланк, и я расписываюсь. Сдал-принял. Почему-то именно эта бумажка производит на дубоцефалов сильнейшее впечатление. Сидят, раззявя рты. Предметного урока им хватит, пожалуй, до начала следующего семестра, вряд ли дольше. Потом опять держи ухо востро.

Интересно, кто свой среди чужих в этой группе и почему он проморгал явного адаптанта? Этот? Нет, пожалуй, вон тот. Или нет? Ладно, это не мой уровень, спрашивать работу с дятлов низкого полета не входит в мои служебные обязанности, и слава богу. И знать их в лицо мне тоже не полагается. Но все-таки интересно.

Некоторое время сижу неподвижно, тупо гляжу перед собой и давлю в себе непрошенное чувство жалости. Глупо и неуместно. А к кому жалость — к этой морде? И почему жалость? — потому что выродок не виноват, выполняя то, что заложено в него природой? Бунтуют гены потомственного интеллигента, переполняются идиотским сочувствием... А ведь эта протоплазма вполне могла меня убить. Да. И убила бы, если бы не дядя Коля. Страшно подумать — читать лекции в «два-Б». Сто морд с лягушачьими глазами, сто жвачных рыл... а я им про сигнальные графы Коутса. В гробу они их видели. Буду выписывать формулы, а они на букве «омега» начнут поощрительно ржать, полагая, что я специально для их удовольствия изобразил задницу. И самое главное — придется поворачиваться к ним спиной, а это хуже всего. Не дай бог, попадется необорудованная аудитория. Правда, у меня полный зачет по самообороне, не так уж и плохо... Хм. У Ржавченко тоже был полный зачет.

— Рыбин, ко мне.

Субтильный вьюноша, какой-то пришибленный. Лицо хорошее, а взгляд тупее некуда. Но задачу адаптанту решил он, или я ничего не понимаю в своей профессии и гнать меня надо. Не дятел он, это точно. И заведомо не адаптант. По-моему, он даже не дубоцефал.

— Ну, выкладывайте.

Пришибленный начинает объяснять, водя пальцем и мучительно подбирая слова. Экает и мекает. Там, где есть синонимы, он выбирает самый идиотский.

— Достаточно, — останавливаю. — Почему вы не учитесь в первом потоке?

Глупо моргает, запускает в нос палец по вторую фалангу включительно и хлопает ртом, как уловленный карп. Переигрывает.

— Ну хватит, хватит, — жестко говорю я. — Поиграли и будет. Мне все ясно. Не хотите быть откровенным — не надо. Вы не дебил и занимаете чужое место. Я буду вынужден сообщить о вас в сортировочную комиссию.

Я вовсе не шучу, и до него это доходит. Сгоняет с лица дурацкое выражение. Затюканность остается.

— Не надо. Пожалуйста, не надо...

Лжедебил косится через плечо, на лице испуг. Настоящий испуг со сфабрикованным я не спутаю.

— Можете говорить, здесь звукоизоляция.

Он сбивчиво объясняет свою ситуацию. Вышибить из меня слезу не пытается, и мне это нравится. Он не может отправить из города мать и сестру. Нет, не обязательно на Юг. У них нет возможности уехать. Когда в прошлом году он принес документы, то сразу спросил, будет ли рассмотрена просьба о сдаче экстерном. Его спросили, не считает ли он здесь себя умнее всех. Ему ответили, что нет. Тогда он обманул сорткомиссию. Он должен, он обязательно должен окончить институт в два года, больше им здесь не выдержать.

Когда он поедет по распределению, он сможет взять с собой родных, он узнавал.

Задаю наводящие вопросы, бью в цель. Мать? Да, больна. Нет, это с ней недавно, после того как сестра попалась к адаптантам и двое суток ее не могли найти, а так она женщина крепкая... Сестра? Нет, сестренка жива. Но... В общем, с ней...

Что с ней, я, к сожалению, очень хорошо понимаю.

— Ты вообще в своем уме? — говорю я сначала спокойно-увещевающе, как старший, который якобы дальше видит и лучше знает. Потом не выдерживаю, луплю кулаком по столу, ору и брызгаюсь: — Умник! Лопух развесистый! Обрадовался — два года! Да с таким дипломом ты всю жизнь будешь сдувать пыль с вольтметров на какой-нибудь энергостанции в Лабытнанги! Всю жизнь, до тех пор, пока вы там со своей энергостанцией не вмерзнете в лед, это ты понимаешь?

Он уныло кивает. И вдруг начинает с увлечением объяснять, что все не так страшно, как мне кажется, нужно только уехать отсюда и переждать несколько лет, а там все непременно изменится, не может быть, чтобы не изменилось, не бывает такого...

Подобные разговоры длятся пять минут, а устаешь от них, как от тренировки в подвале у дяди Коли. Парень по-своему прав. И я ничего не могу для него сделать. Только лишь не трясти языком где попало, а ведь парню большего и не надо... Иногда думаешь, что тот, кто придумал наше общество, был ненормальным от рождения.

— Идите, — киваю обессиленно. — Зачет. И... удачи вам.

Благодарит. Уходя, оборачивается:

— Простите, Сергей Евгеньевич, а как вы узнали?

— В задаче у вас ошибка, — говорю, — такая дурацкая, что даже талантливо.

— Спасибо, — говорит. — Большое вам спасибо. Я приму меры.

И примет. Скорректирует тактику, начнет репетировать перед зеркалом пускание слюны и больше не попадется. Я таких знаю.

— Довгонос, ко мне!

Очередной экспонат моей кунсткамеры боком выползает из-за стола и бредет ко мне в кабинку. Этот вполне натурален; на лице неизгладимые следы интеллектуальной недостаточности, с виду ближе к олигофрену, чем к дебилу, и вонюч вдобавок. Что у него, недержание? Это он хорошо придумал — пойти учиться. Сидел бы лучше дома, ходил бы, если не лень, в другую кабинку...

А в моей кабинке миазмам некуда деться, кроме как мне в нос.

— Зачет! — кричу. — Пшел! Ф-ф... Вон отсюда! И дверь не закрывай!.. Следующий! Эй, следующий! Кто готов?

Люблю зачеты.

3

Что ценного осталось в институте еще с доледниковых времен, так это обеденный перерыв и преподавательская столовая. Чисто, опрятно, несуетно, салфеточные вигвамы на тарелках, а главное, можно быть почти уверенным, что под видом голубцов или шницеля тебе не скормят пищевые дрожжи четвертого сорта и такого же срока лежалости. Здесь все натуральное, по крайней мере, я так думаю. А та плесень, говорят, произрастает на нефтяных фракциях, и неплохо, говорят, произрастает. Ну и пусть себе. На чем

ей придется произрастать, когда Глобальная Энергетическая начнет пожирать без остатка все, что горит, хотелось бы знать. На фекалиях?

Здравая застольная мысль.

Над соседним столиком Гарька Айвакян с кафедры автоматики терзал толстый антрекот. Жевал, тщательно собирал на вилку зелень. Вообще-то он Гагик, а не Гарик, о чем сам уже вряд ли помнит. Москвич в энном поколении, в смысле родного языка не владеет даже акцентом, так называемой этнической родины в глаза не видел, и во сне она ему, наверное, не снится, так он ее пытается уловить через кинзу и всякий прочий силос. Тоже способ. При моем появлении Гарька отвлекся от этого занятия и вонзился в меня взглядом.

— Ну, — спросил, — как?

— Изыди, — попробовал отбиться я. — Как обычно.

— А как обычно? — тут же прицепился он.

Я вздохнул.

— Гаденыша одного сегодня отловил. Ржавченко убили. Кретинов опять суют — учи, говорят. Чего тебе еще? Все нормально. А у тебя?

— И у меня нормально, — сказал он и снова включился в борьбу с антрекотом.

Очевидно, мои новости Гарьку не заинтересовали. Даже странно. Его зеленью не корми, дай только выяснить чужую позицию по основным вопросам мирозданья. О том, что теснота общения, как вообще всякая теснота, противна человеческому духу, он думать не хочет и на инспирированную им же грубость не реагирует.

А может, сегодня ему просто-напросто достался жесткий антрекот?

Я не спеша доел голубцы и сунул тарелки в дробилку. Обеденный перерыв кончался. Я задумался. По идее, мне сейчас следовало поспешать на кафедру, и поспешать рысью, потому что мне платят деньги не за то, что я в столовой думаю о фекалиях, а за то, что я всегда там, где мне нужно быть, а быть мне сейчас нужно в лаборатории. С другой стороны — я заметил, что иду уже медленнее — сегодня мне туда идти как раз не обязательно, Сельсин, скорее всего, уже утвердил вместо меня Вацека, так что плюну-ка я лучше на все отравленной слюной и поеду к Дарье. Тем более что нынче дополнительное занятие и придут только изгнанные с предыдущих лабораторок за неподготовленность разгильдяи да еще хворые с бумажками о

хворобах, — эти две категории обучаемых сильнейшим образом пересекаются. Вацек справится. Не забыть бы поговорить насчет него с дядей Колей.

Наверное, я все-таки соскучился по нормальным людям — иначе не объяснить, почему я свернул к лабораторному корпусу. Вацек так Вацек. Сейчас я воспринял бы даже Хамзеевну.

Должно быть, прежде, в былые времена башня лабораторного корпуса смотрелась неплохо, умиляя прохожих конструктивистскими изысками прошлого века, — но теперь здорово напоминала гигантский заснеженный пень. Здесь, сколько я себя помню, расчищали только дорожку перед входом: во-первых, снегоедам было негде развернуться, а во-вторых, на кафедре после продолжительных дебатов возобладало мнение, что в снегу теплее. Снегу навалило по третий этаж, и сквозь могучие завалы, вроде последнего привета от утопленников, просачивался слабый оконный свет. По вечерам это было даже красиво. Сейчас вокруг корпуса крутился туман: на Красноказенной со вчерашнего дня яро ломали асфальт и крушили экскаватором обогревательные трубы, а зачем — поди пойми. На тротуарах и не думало подтаивать, лишь стих ветер и все так же падал ленивый снег, сеялся вертикально черт-те откуда. Он так способен сеяться неделями, я его знаю, и торопиться ему глупо, у него впереди весь ледниковый период. Звуки куда-то пропали, было ватно. На вершине монументального сугроба мерз почем зря пёгий голубь на одной лапе и косился на меня красным, как у плотвы, глазом. Мало их теперь осталось, но еще живут и, наверное, размножаются. Это правильно. Тут такое дело, божьи твари: кто быстрее приспособится, тот и выживет, ясна задача?

Адаптантам она ясна вполне.

4

Пока будет что охранять, будет и охрана. А когда охранять будет нечего, она все равно будет. Сначала я предъявил пропуск при входе, потом у дверей кафедры — там тоже сидела тетка и тоже толстая, как цистерна. Она меня не знает. Миллион раз мимо нее ходил, а она меня не знает. Пыхтит, смотрит пропуск, потеет... Интересно, зачем ей кобура с «тарантулом», если она свой палец в предохранительную скобу ни за что не просунет? Увы, генотест под-

утверждает, что мы с ней (теткой, а не скобой) принадлежим к одному биологическому виду. Жаль.

— Все в порядке, проходите.

Ну, спасибо тебе, родная. Ну, обрадовала.

В лаборатории не нашлось никого, лишь маячил одинокий студиоз, напрасно вскочивший с места при моем приближении, зато в лаборантской я накрыл сразу обоих — Вацека и Сашку Столповского, лаборанта. Сашка сидел за столом и что-то строчил на листе бумаги.

— А, дети подземелья! — сказал я. — Сачкуем?

— Гы! — сказал Сашка и не поднял глаз. Вацек робко улыбнулся. Робко и виновато.

Когда мне с ним не бывает неловко, он меня раздражает. Ему нужна накачка, как лазеру, а пока накачки нет, Вацек так и будет стоять и улыбаться. Заставить Сашку работать он не может, а оставить лодыря в покое ему мешает принадлежность к породе выпрямителей пизанских башен. По-моему, прогресс гораздо чаще рождается не в борьбе идей, а в мучительном перетягивании каната на уровне классических инстинктов.

— Ну?

— Сейчас, сейчас, — сказал Сашка. — Я скоренько.

Я уже понял, что он пишет. Сегодня он был опять пойман на входе как злостно опоздавший и препровожден в караульное помещение — очень зря. Сашка был задирист и мстителен. Такого он не прощал и уже успел отослать Сельсину ядовитую объяснительную, а теперь потел над докладной в адрес начальника охраны. Я пробежал бумагу вполвзгляда. Документ был неотразим и изобличал всю гнусную подноготную вахтерши, «которая из-за явно неполного служебного соответствия, выражающегося в служебной медлительности, допускает образование при входе в корпус очереди мерзнущих сотрудников вследствие непрерывного рассказывания означенной вахтершей анекдотов сомнительного свойства и обсуждения интимной жизни начальника охраны непосредственно в рабочее время», а также — это все знают — бегает за пивом в буфет, бросая свой пост. Были в бумаге и трогательные слова о добросовестности, о попранном служебном долге, о палках, торчащих в колесах Глобальной Энергетической и о поврежденной электрической плитке, используемой в нарушение противопожарной инструкции от 18 ноября 2027 года.

— Силен, — сказал я. — Тебе бы должность — был бы страшен.

— Угу, — сказал Сашка. — Естественно. Вследствие служебной медлительности.

— Бросай рукоделие. Студенты ждут.

— Много? — испуганно спросил Вацек.

— Много не много, а один ждет. Может, и еще подойдут. Ты чего уши развесил? Бери этого лодыря за зебры, чтоб бумагу не изводил, и тащи. Ему вкалывать надо.

— А в Канаде мамонта оживили, — вдруг сказал Сашка. — Вы не слышали?

— Нет, — сказал Вацек.

— По экрану показывали, — сказал Сашка и даже облизнулся в предвкушении. — Что, никто не видел? Ну, так я вам расскажу. Пять лет генокод читали, пока разобрались. Своих-то мамонтов они еще в палеолите всех повыбили, так наши им по линии добрососедства от Березовского, музейного — полхвоста за валюту, неужели не слышали? Сделка века! Ну, долго, я вам скажу, они мыкались, пока своего не воспроизвели. У них там целая программа была: первый зверь экспериментальный, а потом, значит, нарастить поголовье и пустить вольным выпасом по всей Канаде, чтобы мясо всегда свежее. Коровы, свиньи повымерзли — так? Так. Это раз. Мяса всем хочется — два. Овцебыки ихние — мелочь с рогами, там смотреть не на что. Мамонту в подметки не годятся. Ну, вырастили, значит, канадцы мамонта в лаборатории, так он им все приборы ногами передавил, и пришлось его раньше времени из-под контроля на вольный выпас. А он там взял да и сдох через два дня.

— Замерз? — хмыкнул я.

— Напутали с генокодом? — спросил Вацек.

— Куда там! Начал было этот мамонт снег в лесу клыками разрывать, траву искал. А под снегом в том месте черт знает с каких времен — капкан на гризли, ржавый. Но сработал: хлоп — хобота нет. Напрочь. Мамонт отдельно, а хобот отдельно. А кому нужен мамонт с хоботом отдельно? В таком виде он сам себе не нужен. Потосковал-потосковал и помер. Канадцы в шоке: исходного материала-то у них совсем не осталось. А вторую половину хвоста мы им продать отказались, как ни упрашивали. Во-первых, она оказалась слоновьей, а во-вторых, самим нужна.

Вацек принужденно улыбнулся.

— Болтун, — сказал я. — Мамонты ему, бездельнику. Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне лучше вот что скажи: когда на четвертом стенде коллектор искрить перестанет?

— А он разве искрил? — удивился Сашка. — Ну ладно, ладно, верю. И... что?

— А ты не догадываешься?

— Почистить?

— Вот именно.

Сашка глубочайше вздохнул и посмотрел на меня. Потом на Вацека.

— Вацек, — пропел он томным голосом умирающего лебедя. — Ваценька...

— Нечего тут, — сказал я. — Марш работать.

Сашка обиженно посопел, отложил недописанную клязу и полез ковырять пальцем в ухе. Правым мизинцем в правом ухе. Я все понял.

— Слушай, Вац, — сказал я просительно. — Может, ты пока включишь там, а? Погоняй в разных режимах, и студента тоже, а я тут покажу Кузину маму этому дармоеду. Лады?

Вацек не может вынести, когда я говорю просительно. Разумеется, он тут же вышел, даже не взглянув на Сашку, и минуту спустя за стенкой уже что-то гудело, завывало и даже, возможно, искрило. Мы с Сашкой остались вдвоем. Шутки кончились. Теперь я остро чувствовал, что лучше мне было сюда не ходить, а ехать прямиком к Дарье. Помимо общения с Сашкой, есть очень много других способов испортить себе настроение.

— Ну что, хохмач? — спросил меня Сашка голосом начальника.

— Что — что? — строптиво спросил я голосом начальника рангом выше.

Сашка терпеливо покопался в брючном кармане и извлек ключи, вряд ли что-нибудь отпирающие, но зато с брелоком, выполненным в виде большеголовой кошки с тигровой расцветкой и отчаянным взглядом жертвы валерьянового похмелья. Оба глаза кошки горели зеленым — жукодав и вакуум-фильтр работали в полную силу.

— Нас не слышат.

— А нас слушают? — спросил я. — Был бы очень польщен, что кому-то нужен.

— Ты этот тон брось, — сказал Сашка. — Ты у меня уже вот где сидишь. Что у тебя по основной теме?

— Ничего, — ответил я.

— Почему?

Я свернул лицо в гримасу.

— Потому что ничего и быть не может. Пусто. Бред

эта ваша основная тема, по-моему. Ты сам вникни: откуда, ну откуда среди преподавателей может взяться адаптант? Рожу я вам его, что ли?

— Интересная мысль, — похвалил Сашка. — Есть аргументы?

— Пожалуйста, — сказал я, закипая. — Вот тебе аргументы: мы им просто не нужны. Точнее, мы им нужны лишь постольку, поскольку обеспечиваем им своеобразную экологическую нишу, хотя вряд ли они способны это понять. Если бродячая собака остановилась около столба, сие еще не значит, что она станет читать расклеенные на столбе объявления, есть у меня такое личное наблюдение. У собаки просто иные намерения. Что я, адаптантов никогда не видел? Сколько угодно и каждый день. Зато никогда не видел кишечных паразитов, сующихся управлять мыслями своего хозяина. Уровни различны — суть одна. Между прочим, каждый преподаватель дважды в год проходит стандартное генотестирование, а раз в два года — проверку по форме А-плюс, и без никаких. Во избежание. У вас там, надеюсь, известно, что такое форма А-плюс? Если даже допустить дурацкое предположение, что где-то среди нас существует выродок-супер, способный маскироваться под человека на уровне, превышающем наши возможности чтения генокода, то мы его просто не сможем найти, это хоть ясно?

— Это ясно, — сказал Сашка. — Такого рода аргументы оставь при себе. Можешь мне поверить, он существует. И наша задача — его найти.

Ну вот, опять сказка про белого бычка. Я удержал себя в рамках. Вообще-то, иногда полезно покричать на свое непосредственное начальство, но сейчас был явно не тот случай. Сашка не Сельсин. В Сашкином ведомстве крика не ценят.

— Что удалось сделать? — спросил он самым заурядным голосом.

Я рассказал ему, что мне удалось сделать. Это не заняло много времени. Сашка кивнул.

— Понятно. Круг подозреваемых?

— Я никого не подозреваю.

— Круг наиболее вероятных кандидатов в адаптанты, — уточнил Сашка. — По объективным параметрам.

Я наконец понял, чего он хочет, и тоска навалилась на меня как-то сразу. Мертвая это была тоска, неудержимая и безнадежная. Очевидно, если только я правильно понял, поимка скрытого адаптанта представлялась ему в виде ка-

кой-то алгебраической задачи — во всяком случае, формализуемой задачи. Или... не ему? Все может быть. Интересно, кто он по званию? Вряд ли Сашка принимает решения сам, скорее всего, это делает за него кто-то другой, и вот ему, другому, почему-то кажется, что здесь применимы традиционные методы родимых пенатов, вроде игр в агентурную сеть и системный анализ. Даже внешне Сашка куда как подходит для игр в агентурную сеть: обыкновенное бесцветное рыло, глазу не за что зацепиться, сто раз увидишь и не запомнишь, хоть удавись. И в голову не придет запомнить.

— Я. Ты. Он. Они. Любой из нас.

— И Вацек Юшкевич?

— А что — Вацек? — спросил я, настораживаясь.

— Только то, что у него родная сестра в адаптантах. Она теперь в резервате, он ей зачем-то письма пишет. Ты знал?

Нельзя сказать, что мне вдруг стало смешно. Мне стало тошно.

— Не знал. И ничего удивительного. Такое скрывают. Я бы на его месте об этом не болтал, да и ты тоже.

— Вот как? — сказал Сашка. — А тебе не кажется, что у него есть особая причина это скрывать?

— Само собой, — с готовностью согласился я. — Естественно, особая. Та же самая причина, по которой скрывают от посторонних, например, грыжу в паху. Или гонорею.

— Не хотите меня понять, Сергей Евгеньевич, — задумчиво проговорил Сашка, спонтанно перейдя на «вы» — меня это насторожило, — совсем не хотите... Неважная, прямо скажем, работа, отдачи не видно. Вы все-таки присмотритесь к нему повнимательнее, мой вам совет. Не век же ему ржаветь в лаборатории, думаю, рано или поздно ему доверят и семинары в первом потоке, а мы позаботимся, чтобы доверили, вот вы и присмотритесь. Домой его пригласите, сами понимаете, дружеская встреча коллег за рюмкой...

— Это совет или задание? — перебил я.

Сашка осклабился:

— А что, есть разница?

Я начал считать до десяти. Очень может быть, что личина нахального сопляка, давно засевшего у всех в печенках, и удачна, не мне судить, только меня она раздражает. Если они там все таковы, тогда я ошибся адресом. Боюсь, что когда-нибудь этот тип доведет меня до применения под-

ручных средств, будь он хоть трижды офицером нацбеза. Боюсь, что он сам этого хочет.

— Ясно, шеф, — сказал я. — Будет сделано, шеф. Непременно.

Сашка равнодушным щелчком сшиб со стола толстую жужелицу. Отлетев рикошетом от стены, насекомое упало на спину и засучило лапками.

— Нечисть, — брезгливо сказал Сашка. — Везде нечисть, что в людях, что вокруг. А ты еще смеешь паясничать. Что за народ пошел: плюнешь в рот — драться лезут... Ты мне скажи: когда ты в последний раз видел обыкновенного таракана?

— Ладно, молчу, — сдался я. — Один вопрос. Есть ли хоть какие-нибудь признаки того, что у нас в преподавательском составе действительно находится адаптант?

— Допускаю, что не в преподавательском, — сказал Сашка. — Возможно, в административном. Хуже всего, если в сорткомиссии.

Я машинально потер подбородок. Все-таки воображение у Сашки есть, зря я ему хамил. Даже страшно подумать, чем это может кончиться — адаптант в сорткомиссии. То-то последнее время у нее столько брака, а то ли будет... Одного адаптанта в сорткомиссии хватит, чтобы развалить институт до основания — а вот зачем, спрашивается? Мешает он ему? Глобальная Энергетическая ему поперек дороги? Концы с концами не сходятся. Да нет, все это какая-то зловредная чепуха, не может адаптант прикидываться человеком, а если может, то он и есть человек...

— А признаки? — спросил я.

— Будут признаки, — сказал Сашка. — Вчера убили Ржавченко, и это ты, конечно, уже знаешь. На прошлой неделе факультет потерял еще двоих: Цыбина и Андреева. Мало?

Я промолчал. Учитывая динамику роста числа убийств в черте города, аргумент звучал слабо.

— Тело Цыбина найти пока не удалось, — продолжал Сашка. — Зато с Ржавченко получается любопытная картина. Он был убит выстрелом с большого расстояния, при вскрытии обнаружены микрочастицы ртути и достаточно большой для экспертизы осколок пулевой оболочки. Стреляли из карабина метров с трехсот, а потом кому-то очень понадобилось, чтобы все выглядело так, будто Ржавченко не сумел отбиться от уличной стаи. Аналогичная картина с Андреевым, разница только в том, что его начали кром-

сать еще живого. Как видишь, противник знает о нашей деятельности и принимает достаточно жесткие контрмеры.

Это уже звучало убедительнее.

— Может, это и не моего ума дело, — сказал я. — Эти трое, они... они тоже?

Сашка пристально посмотрел на меня.

— Андреев — нет, — сказал он, помедлив.

Следовало понимать так, что Цыбин и Ржавченко — да. Очень мило. Кстати, Цыбин входил в сорткомиссию, это надо взять на заметку. Куда он, бедняга, только не входил: шустр был и карьерист неудержимый, получивший за неустрашимую прямолинейность прозвище Торпедный Катер — это среди тех, кто успел отскочить, а те, кому досталось локтем, называли его не иначе как Сучьей Выхухолью, и эта зоологическая небывальщина, надо сказать, прекрасно соответствовала... Наверняка он и к Сашке первым подплыл, не дожидаясь приглашения. А сколько еще народу играет в эти игры? Вряд ли мне стоило пыжиться, полагая себя пупком Земли, таких пупков здесь убивают ртутными пулями...

— Судя по всему, Андреев шел к нам, — сказал Сашка. — Мне бы очень хотелось знать, что он имел в виду нам сообщить.

Мне бы тоже.

— Мало ли в кого стреляют, — сказал я. — В меня, например.

— Когда? — напрягся Сашка.

— Последний раз неделю назад.

Он тут же потребовал выкладывать все, и мне пришлось выложить. Короче, шел я тогда к Дарье, и было уже довольно поздно, довольно сумрачно и абсолютно пустынно. Звука выстрела я не слышал, а когда рядом со мною шарахнуло по забору так, что брызнула бетонная крошка, сориентировался и не стал гадать, что бы это могло быть, а разумно кинулся прочь — бессистемными перебежками, как учили. Выяснить, откуда был сделан выстрел, мне не удалось — скажем прямо, оценив ситуацию, я вовсе не горел желанием подставлять себя лишний раз. Стрелять могли откуда угодно.

— Ртутная пуля? — спросил Сашка.

— Нет. Вероятно, «пила».

— Был только один выстрел?

— Кажется, да. Да. Один.

— Почему не доложил сразу?

— Не знал, что это тебя заинтересует. Да и не в первый раз.

Сашка пододвинул к себе недописанную кляузу и стал черкать на ней закорючки. Таким серьезным я видел его прежде только однажды: когда ему удалось убедить меня сотрудничать.

— Как по-твоему, это случайность?

— Да, — сказал я.

— Может быть, и так, — задумчиво сказал Сашка. Помолчал, поиграл брелоком. — Может, и так... Мы, конечно, проверим. В дальнейшем о подобных происшествиях изволь докладывать немедленно. Разрешаю использовать запасной канал связи. Ясно?

— Вполне.

— Повтори.

— Станут убивать — начну плакаться. Пожалуюсь дяде по запасному каналу. Это все?

— А ты не хохми, — сказал Сашка. — Когда получишь пулю в брюхо, вот тогда и нахохмишься вдоволь. А пока утихни и не маячь. Шанс у тебя есть. Твои обязательства перед службой безопасности нигде не зафиксированы. О тебе знаю только я и мое непосредственное руководство, следовательно, утечка информации полностью исключается. Делай свое дело, но в лаборатории без крайней необходимости не появляйся. Это приказ. Лучше всего придумай себе болезнь и посиди дома дня два-три. Если понадобишься, тебя найдут. Мы еще не знаем всех возможностей этого оборотня.

— Понятно, — кивнул я. — А если Вацек попросит зайти и помочь?

— Тогда зайдешь и поможешь. Немедленно после этого — подробный отчет. Не так, как ты привык, а максимум информации. Да! — Он вдруг откинулся на стуле, царапая затылком стену, и ухмыльнулся. Одновременно погасли глаза кошки-брелока. — Так вот я ей и говорю: куда ты, мол, дура, лезешь, на хрен ты мне сдалась, ты на себя в зеркало, говорю, посмотри, жертва напалма...

В дверь просунулся Вацек.

— Сергей Евгеныч, там этот студент опять не подготовлен, что с ним делать?

— Гнать, — сказал я.

— А может быть...

— Что?

— Может быть, вы сами...

А, чтоб вас всех...

5

Я шел к автостоянке и размышлял о гнусном. Во-первых, я думал о том, что носки у меня с утра мокрые, а месить подошвами снег очень и очень противно. Во-вторых, думал я, мне почему-то не было напомнено о том, как и почему моих родителей вывезли на Юг раньше зятя Аллы Хамзеевны, а также о том, куда их не в пример другим вывезли, и это было странно, учитывая, что на сей раз я не оправдал и не каюсь. Я ждал такого напоминания, да что там — не напоминания я ждал, а вульгарного начальственного нагоняя, как мальчишке, и фрикций носом о шершавый стол. Похоже, Сашка решил, что еще не время, а может быть, просто учел глубинные психологические изъяны Сергея Самойло. Ну-ну. Этот Самойло, знаете ли, такой фрукт, его, конечно, можно сунуть в грязь доцентской мордой, но только до определенной уровневой отметки, а дальше он становится жутко обидчив и социально опасен, и прецеденты, думал я, Сашке безусловно известны. В-третьих, думал я, почему они привязались именно к Вацеку? Сестра в адаптантах? У меня, например, родная тетка в олигофренах и соплива до невозможности, а о семейном моем положении лучше вообще молчать. Так почему не я? Нет, им нужен Вацек, а зачем — то мне знать не дано, то великая тайна сыскной алхимии. Им всем спать не дает троянская лошадь. Нет, не по мне эта работа, мне-то никакие лошади спать не мешают, и Вацека я им не отдам, чего бы мне это ни стоило. Вот так. Нужно быть совсем слепым, чтобы не понять, что Вацек беззащитен, и играть с ним в наши игры просто подло, я так считаю. Хуже, чем бить лежачего.

А вот выпить с ним я, пожалуй, выпью. Можно и с «глазом» за лацканом, пусть Сашка утрется. Тут нет ничего страшного. Сдал-принял. В архив.

Туман с Красноказенной куда-то пропал, зато опять задул ветер и снег сыпал с остервенением. К завтрашнему утру опять навалит по колено. Я выбрал и сунул охраннику наиболее мятую купюру, отыскал на стоянке свой «рейсмарлин», механически смахнул с защитной пластинки на дверце налипшие хлопья и сдвинул пластинку вбок. Оставалось только воткнуть палец в отверстие папиллярного идентификатора, и я чуть было не воткнул.

Это не было шестым чувством. Просто я нагнулся посмотреть, не попал ли в отверстие снег.

Из отверстия идентификатора торчала игла.

Наверно, секунды две я стоял в остолбенении, дурак дураком. Мишень мишенью. Потом сообразил присесть, натянул перчатки и бережно вытащил иглу. Она легко поддалась. Через секунду я уже сидел за рулем, но позволил себе отдышаться лишь после того, как нашел нужный рычажок и прозрачные экранирующие щиты прямо-таки выстрелили из своих ниш. Та-ак. Пули мне теперь от вас не ждать, ни ртутной, ни «пилы», если только вы не окончательные идиоты. Не знаю, ребята, кто вы такие, но в последовательности вам не откажешь, вот что я вам скажу. Цыбин, Андреев, Ржавченко... теперь, значит, Самойло? Прямо-таки стиль Борджиа, за что такая честь? Человек накалывает палец и очень спокойно, очень мирно опускается на снег, где и лежит себе, пока о него случайно не споткнутся, полузанесенного и твердого, как оглобля. Или, скажем, так: человек ложится на снег и минуту спустя его уже рвет на мелкие фрагменты подоспевшая стая... Как Ржавченко. Я огляделся по сторонам. Естественно, никого не было. Тогда я стал рассматривать иголку. Это была самая обыкновенная игла от швейной машинки, с ушком у самого жала. С тупой стороны налипла какая-то вязкая дрянь — похоже, клей скорее замерз, чем схватился, и теперь не спеша оттаивал. Хорошего клея не нашлось? Я выдернул из записной книжки чистый лист, смастерил из него кулек и как можно тщательнее упаковал свою добычу. Пусть Сашкины коллеги разберутся, какой именно гадостью меня намеревались спровадить на тот свет. А еще я бы не возражал, если бы они разобрались с вопросом, кто именно хотел это сделать.

Сначала ничего не было, только досада. Я сидел в машине, даже забыв завести двигатель, и очень жалел, что бросил курить. Досада была оттого, что Сашка оказался прав, а я, выходит, вел себя как последний кретин. Потом пришел страх — тоскливый, потный, с мурашками по коже. Просто страх, без мысли и без движения. Я прогнал его, но не почувствовал заметного облегчения. Из человека, которого могут убить в принципе, я превратился в человека, которого хотят убить целенаправленно. Это не бодрило. Зато теперь я знал ответ на вопрос, надоело ли мне жить. Теперь мне как никогда хотелось скончаться от тяжелой и продолжительной, причем в чрезвычайно отдаленном будущем.

Аминь.

Я прогрел двигатель и без спешки выехал на Красноказенную. Конечно, раз уж пошли такие игры, под баком с метанолом вполне мог оказаться сувенир фугасного действия, но выбирать не приходилось. Не слишком приятно в этом сознаваться, но сейчас мне очень хотелось оставить машину где стояла и немедленно вернуться в лабораторию, к Сашке. Под крылышко. Кстати, было бы интересно посмотреть, как он прореагирует на иголку.

Разумеется, я этого не сделал.

На улице пришлось прижимать машину к самому бордюру — экскаваторщики трудились в поте ковша. Добравшись до конца раскопок и поймав наконец сигнал Единой Дорожной, я запустил обычную программу и задумался. Подумать было о чем. Прежде всего я сильно засомневался в том, что неделю назад по мне стреляли просто потому, что какому-то стайному выродку приспичило пристрелять свой карабин. Следовало понимать так, что на доцента Самойло началась охота и теперь меня ударными темпами начнут выводить из обращения. Я стал дичью, еще не зная, кто охотник. А может быть, не охотник, а охотники? Очень может быть. Вернее всего так, что этот оборотень контактирует с какой-то местной стаей, если только не совмещает функции ее руководителя и мозгового центра. Похоже на то. Нормальным адаптантам еще мог прийти в голову фокус с иголкой, только они ни за что не стали бы прятаться, когда стало ясно, что трюк не прошел. Они постарались бы разделаться со мною тут же, на автостоянке, а то, что за защитными листами меня достать не так-то просто, пришло им в головы существенно позже. Изуродовали бы машину, зато я знал бы их в лицо. Нет, кто-то был рядом, кто-то их удержал. Кто? Хороший вопрос. Кто вообще может заставить адаптанта делать то, что ему не хочется? Если эту сволочь до сих пор не смог вычислить Сашка, то что, спрашивается, могу я? Придумать себе вывих голеностопа и отсиживаться у любовницы? И до каких пор?

Настроение было препоганое. Между прочим, мне пришло в голову, что Дарья тут ни при чем и втягивать ее в это дело не стоит. Так... а куда тогда ехать? К себе? Гм... К Мишке Морозову? Нет уж. Моя рука без толку зависла над гнездом с утонувшей в ней программ-пластиной, а потом я вспомнил, что Цыбин, Андреев и Ржавченко были убиты не дома, а на улице, причем все трое в сравнительной близости от института. Очевидно, радиус действий оборотня ограничивался охотничьими владениями местной

стаи. Это было уже кое-что. Правда, если уж быть до конца последовательным, не мешало бы признать и тот факт, что в меня-то стреляли отнюдь не около института, а совсем даже наоборот...

Я ехал к Дарье.

В конце концов, почему я решил, что меня собираются убить? Возможно, меня просто хотели напугать.

Под пятки уносился асфальт. На шоссе было свободно, даже чересчур. Далеко впереди маячила гузка какой-то легковушки, и дважды мой «рейс-марлин» обгонял семейные трейлеры для дальних перевозок — из тех монстров, в которые при большом желании можно впихнуть целиком квартиру вместе со стенами. Уезжают люди из Москвы, уезжают. И правильно, конечно, делают. Из пятнадцати миллионов к нынешнему лету осталось едва четыре — людей я имею в виду, включая сюда и дубоцефалов. Адаптантов, понятно, никто не считал.

Справа от шоссе торчала шеренга стандартных жилых сорокаэтажек, похожая на челюсть с зубами через один, и меня замутило, когда я машинально попытался сообразить, сколько же здесь может жить дубоцефалов; слева как раз проносило мимо вагоноремонтный завод имени Ростроповича. Тут над ухом оглушительно взвякнул сигнал и одновременно виолончельным секстетом завопили тормоза. Очень мило. Я выругался от души и вслух. Знаем мы эти штуки. Когда в Единой Дорожной вдруг ни с того ни с сего возникает сбой, машина сама должна погасить скорость и припарковаться. Тут ей лучше не мешать. Она ни в коем случае не врежется в ограждение или другую машину; она ни за что не собьет пешехода; она даже не раздавит любимую болонку того пешехода, поскольку имеет распознаватель зрительных образов с обширнейшим регистром памяти, и болонка, не говоря уже о доге, в этот регистр входит. Туда, как я неоднократно имел случай убедиться, входит великое множество всяких предметов, подчас самых неожиданных.

Кроме, как выяснилось, сугроба.

В примитивные мозги частного автомобиля не укладываются подобные случаи, и мысли у этих мозгов, если только они мысли, а не что-то другое, нисколько не лучше, чем у махрового толстолобика, — самодовольным всезнайством с боков сплюснутые, здравым смыслом сверху припечатанные. Если трасса не отапливается, она должна расчищаться, и все тут. И никаких сугробов. Их и не бывает, поскольку

трассы действительно расчищаются. А если сугроб все же есть, значит, это или ошибка снегоеда-автомата, или... Или, вернее, это работа уличной стаи.

Вот только этого мне сейчас не хватало.

Минут пять я пытался выбраться задним ходом, нервно облизываясь и оглядываясь по сторонам. Мой сарай на колесах, раскидав половину сугроба, не желал расставаться со второй половиной. Ему было там хорошо. Мне — нет. Стая адаптантов могла свалиться мне на голову в любую минуту. Умом я уже понимал, что если на меня не кинулись сразу, значит, их здесь просто нет и все это не более чем дурацкая случайность, — но то умом, а этажом ниже, на уровне павловских рефлексов, царила во всей своей первобытности классическая паника. Между прочим, существуют очень действенные форсированные способы добыть человека из запертой машины, и самый простой из них — канистра с метанолом и спичка. Адаптанты любят яркое.

Но пока все вокруг выглядело очень обыкновенно, и мимо подъезда ближайшей сорокаэтажки даже проковылял какой-то очень обыкновенный старый дед в очень обыкновенном мышином пальто и побрел куда-то тоже очень обыкновенно — поминутно озираясь. Движение на шоссе восстановилось. Изредка мимо меня, никак не реагируя на мои сигналы, проскакивали шустрые «корсаки», солидно катились трехдвигательные «эребус-экспрессы» — сразу видно, что на ручном управлении, — а один раз совсем рядом, урча и содрогаясь от невостребованной мощи, проплыл слоноподобный карьерный самосвал из тех, на которых тщатся вывезти снег, и сверху на меня глянуло равнодушное лицо водителя. Никто не рискнул остановиться, и я очень их понимал. Но теперь мне мечталось насовать им всем в морду.

А сам бы ты остановился в такой ситуации? Вместо ответа я стиснул зубы и еще раз попытался выбраться. Н-да... Вопрос. Вне города — да, безусловно. А вот в городе...

Так чего же ты, спрашивается, сигналил?

Я подпрыгнул на сиденье, когда с правой стороны неожиданно раздался стук в дверцу. Слава богу, это оказался тот самый обыкновенный дед. Морщины на нем тоже были обыкновенные — на лице и на мышином пальто, только разной глубины. Пожалуй, на лице глубже.

Кожа была ему велика. Я рискнул убрать правый щит и опустил стекло.

— Ну?

— Вам помочь? — Либо дед отморозил челюсть, либо изъяснялся с акцентом.

— ?..

— Вы в затруднении.

Помочь? Хорошее дело. Если бы из старикашки и впрямь в соответствии с фольклором сыпался песок, я бы его использовал. Но песок из него не сыпался. Вытолкнуть машину вручную нам тоже никак не светило. Тут нужно человек пять.

— Ничего, обойдусь.

— Вам лучше повернуть колеса, — он показал рукой, как это делается. — Мне кажется, тогда у вас получится...

Я был готов изо всех сил лупить себя по лбу. Забыл! Совсем забыл, дичью стал. Нервной дичью, пугливой. Я развернул все шесть колес ортогонально продольной оси, включил эксцентрики, и мой «марлин» боком выполз на трассу. Этот крабий ход — он и называется «краб» — специально придуман для парковки в таких местах, где не развернется и велосипед, а я вот напрочь выбросил его из головы и не использовал черт знает с каких пор — наверно, с тех самых Ревущих Пятидесятых, когда автомобилей в мегаполисе было больше раз в пять, если только не в десять. И времечко же было! — тогда словечко «адаптант» только-только начало входить в общеупотребительный жаргон, что очень не нравилось Комиссии по правам, а кое-какие умники еще находили удовольствие по инерции острить, что человек-де в городе не человек, а не более чем брелок к ключу зажигания. Старо, ребята! Теперь у венца творения иной статус. Теперь венец творения, сидящий в машине, не брелок, а начинка. Иногда — лакомая. А Единая Дорожная сбоит, сволочь, специально способствуя тому, чтобы эта начинка была еще и доступной.

Кстати, судя по отсутствию сигнала, система все еще не работала.

— Спасибо! — Я высунулся в окошко. — Огромное вам спасибо. Э-э... Может быть, подвезти?

— Да, — дед закивал, явно обрадовавшись. — Да, с большим удовольствием. Я вам признателен.

Я мысленно чертыхнулся и распахнул дверцу. Никто ведь за язык не тянул, сам виноват. Старикан суетливо и как-то очень неловко протиснулся в машину, подобрал пальто и угнездился рядом со мной. Я проследил, чтобы его не прищемило защитным листом.

— Пристегнитесь.

— О? Ах да, сейчас... Где же это есть?.. Вот так? Теперь корректно?

Странный у него акцент.

— Бойль, — сказал он.

— Что?

— Святослав Меррилл Бойль. Э-э... Святослав Теодорович. Бойль. Я представляюсь.

— Ясно, — по-идиотски сказал я. — А где Мариотт?

Старикан заморгал сильно прореженными ресницами.

— Простите, я как-то не совсем...

— Ничего, — сказал я. — Это я шучу. Очень приятно.

— Приятно шутить?

Я отмолчался. Трудно разговаривать с бестолковыми. Мы проскочили под линией надземки и свернули влево. Тут было людно. Со стороны Тувинской двигалось, сворачивая на Золотарную, какое-то христианское шествие и качались мерзлые хоругви, а слева на пространстве от Междурядной до Новорожонной толклись сразу две толпы. В первой выл проповедник, время от времени вздевая длани туда, где по его понятиям пряталось за облачными слоями светило, и, подвывая в унисон, в облаках выдыхаемого пара качались в трансе язычники. Это теперь модно. Рядом бурлил митинг Лиги Перемен, собирающейся, как следовало из транспарантов, принудить правительство к установлению для всех без исключения жителей Земли Всеобщей Территориально-Климатической Справедливости путем уменьшения угла наклона оси вращения планеты к эклиптике. Чувствовался общий боевой настрой, и абсолютное преобладание дубоцефалов в обеих толпах бросалось в глаза без всякой оптики. В переулке, скромно приткнувшись к обочине, пребывали: малый полицейский броневик на воздушной подушке и с вертящимся многоствольным газометом на крыше, полицейский же фургон с решетками и двухэтажный автобус скорой помощи — ждали начала драки. Может быть, полиции сегодня удастся взять одного-двух адаптантов — и то хлеб. Наше счастье, что далеко не все адаптанты успели объединиться в стаи.

Если бы все — тогда...

— Что они делают? — спросил Бойль. Он крутил головой так, будто впервые это видел. Интересного типа я к себе посадил.

— Вон те? Молятся Яриле, или кто там за это ответственный, чтобы Солнце грело пожарче. Им недостаточно.

— А вам? — немедленно спросил он.

— Мне тоже...

— Тогда почему же вы не молитесь?

Кажется, этот дед поставил себе задачей надоесть мне как можно быстрее.

— Вас куда подбросить? — спросил я.

— Подбросить? — Он заморгал и посмотрел вверх. — Зачем?

— Подбросить — в смысле подвезти. Это идиома.

— А, да-да. Куда-нибудь. Где можно жить.

Час от часу не легче.

— Я ищу, где можно жить, — уточнил он. — Отель или квартиру. Все равно.

Это уже конкретнее.

— Вы приезжий? — спросил я.

— Из Кембридж, — сказал он. — Я соотечественник. Мой багаж в... эйрпорт.

Мы вынеслись на набережную, и на повороте противно завизжали шины.

— В аэропорту, — сказал я. Он кивнул. Все равно было непонятно, почему он искал отель возле вагоноремонтного завода и вообще как он там оказался в своем жеваном пальто. Но тут его прорвало, и он затарахтел как заводная шкатулка, без умолку. Что-то о том, на какую долю он русский, а на какую просвещенный мореплаватель, и как он всю жизнь хотел здесь оказаться, и его родители тоже хотели, и почему он не мог приехать раньше, а теперь вот приехал и очень рад, потому что перспективы работы в Институте антропологии Академии Наук, потому что давняя мечта вернуться именно с этими перспективами... Ну и ладно. Я слушал вполуха: пока машина шуршит по набережной, отвлекаться вредно для здоровья. Тут есть пара таких мест, куда нога человека не ступает без острой необходимости. Вот, кстати, первое...

Пусто. Никого нет. Даже как-то странно.

— У нас лучше? — спросил я.

Он не сразу понял. Потом приподнял костлявые плечи, почему-то сперва одно, потом другое. Это выглядело забавно.

— Везде одинаково.

— А-а, — сказал я, следя за дорогой и особенно за обочинами. — А как там одинаково?

— Туман, — сказал старик. — Туман, смог. Как в девятнадцатом столетии, даже хуже. Только снега не так, как здесь. Иногда тает.

— Да здравствует Гольфстрим, — кивнул я. — А адаптанты?

Он только пожал плечами — опять поочередно. Очевидно, хотел сказать, что этого добра и там хватает.

— Как вы думаете, они все-таки люди?

— Что вы имеете в виду? — спросил он. — Генетически или социально?

— Генетически. Социально — тут все ясно.

— Вряд ли, — подумав, сказал Бойль. — Э-э... вряд ли ясно. С обыденной точки зрения они, разумеется, не люди, а... изродки. Я правильно сказал? Выродки? Да-да, именно выродки, благодарю вас, я осказался... Оговорился? Да-да. Однако по социальному поведению их, вероятно, все еще следует относить к людям, нравится это нам или нет. Пусть к самым отвратительным людям, какие когда-либо оскверняли земную поверхность, но все-таки, извините, к людям...

— Ничего себе, — мрачно сказал я. — Не оскажитесь так где-нибудь в людном месте. Могут быть неприятности.

Бойль обеспокоенно повертел головой по сторонам:

— А где отель? Или как это... гостиница?

— Зачем вам гостиница? — возразил я. — Платить еще, а за что? Сколько угодно покинутых квартир, встречаются и с мебелью. Выбирайте любую.

Он с подозрением посмотрел на меня:

— А это вполне корректно?

— Вполне, — уверил я. — Наймите кого-нибудь выломать замок, если заперто, и вселяйтесь. Если хотите, можете зарегистрироваться в местном департаменте, хотя теперь это, наверно, не обязательно... Только не забудьте укрепить дверь и не расставайтесь с оружием. У вас есть какое-нибудь оружие?

Хоть удавись, не был он похож на сына Альбиона. Скорее, напоминал Георгия Юрьевича, Дашкиного соседа по лестничной площадке, этот могиканин недавно оборвался в шахту вместе с лифтом, не получив при этом никаких повреждений, кроме почему-то инсульта, и твердо намерен выздороветь. Он из бодрых старичков, из настырного племени беспробудных энтузиастов и изобретателей промышленного использования ушной серы. Совсем старый хрен: он не то что первую перестройку — он Брежнева помнит! Крепкое выдалось поколение, дуракоустойчивое. Как-то раз за коньячком — лакали вчетвером скромно, но неумеренно: я, Дарья, он и его внучатый племянник, стопроцентный ло-

щеный менеджер, белый воротничок — он рассказал нам анекдот без бороды (какая там борода — выпала давно, и зубы выпали). Кто есть Брежнев? Мелкий-де политический деятель эпохи Аллы Пугачевой. Вот. И, рассказав, задребезжал соседушка хлипким старческим смешком, заперхал — коньяк не пролил, и то слава богу.

Он думал, что нам будет смешно. Мне было не смешно. Он думал, что кто-нибудь из нас спросит про Брежнева, и уже облизывался, предвкушая, как выдаст нам всю подноготную про него, про первую перестройку, про вторую диктатуру, да и про третью тоже. Я не спросил. Белый воротничок — тот вообще встал и ушел, пошатываясь, в уборную по своим воротничковым делам.

А Дарья вдруг спросила, кто такая Пугачева.

— Нет у меня оружия, — с достоинством сказал Бойль. — И не надо.

Ну-ну.

На приборной панели сигнал Единой Дорожной опять мигал вовсю, но я продолжал вести машину сам, следуя житейской банальности: из всех глупостей, какие в данный момент можно совершить, выбирай наименьшую. Правда, в центре можно было не трепыхаться насчет адаптантов. Тут их не держат. Если бы и держали, то здесь, между красной стеной и санным памятником на площади боярина Кучки, делать им все равно нечего, здесь все просматривается насквозь, как в институтском коридоре. По-моему, что эта стена в крупный зубчик, что гранитные сани с боярином одинаково действуют на адаптантов как хороший репеллент. Не пойму, в чем тут дело, какой-то угловатый стык зоологии с урбанистикой, не моя это область. Существует распространенное мнение, ни на чем, кроме здравой логики не основанное и потому вряд ли верное: весь центр города — не что иное, как штаб-квартира некоей невероятной сверхстаи, ее дом, а дома, как известно, не гадят... Здесь здравая логика дает сбой: адаптанты гадят где угодно. Не знаю, не знаю. Главное, что в центре почти безопасно, зато дальше, перед въездом на эстакаду и особенно потом, в Южном туннеле... Скверное место этот туннель, но в объезд еще хуже.

— Так вы, стало быть, антрополог? — спросил я Бойля — во мне пробудился интерес. Он закивал и опять завел свою механическую шкатулку. Да, ему, даже не являющемуся по прискорбному недоразумению членом Королевского общества, без всякой ложной скромности удалось кое-что

сделать в этой научной дисциплине, и хотя его работы по физиологии адаптантов, строго говоря, нельзя назвать основополагающими, поскольку бесспорными лидерами в этой области знания являются Дюфэз и Вержицкий, а также следует отметить блестящую статью Земанека, Гейнике и Гешке в недавнем специальном выпуске «Природы», но, тем не менее, феномен адаптантов открывает столь значительные перспективы для исследования, что можно рассчитывать на получение близких и значимых результатов, которые помогут прояснить ряд до сих пор непонятных моментов, что в свою очередь... и т. д. и т. п. Пока все это была ушная сера. Я терпеливо дослушал до конца.

— Мне бы хотелось как-нибудь с вами встретиться, — сказал я, — поговорить. Это возможно?

— Э-э... нет, извините, — сказал он. — Вряд ли. Я ожидаю, что в ближайшие дни буду занят.

Правильно. Я одобрительно взглянул на Бойля. Молодец. Пресекать праздное любопытство посторонних — дело святое.

— Можете пожить у меня, — поколебавшись, предложил я. — Квартира свободна, я теперь там редко бываю. Это тут недалеко, — я поискал в кармане карточку. — Вот адрес. Этот вариант вас устроит?

— Да, — он заметно обрадовался и оттаял. — Безусловно устроит, я вам очень признателен. Но как же вы?

— Я же сказал: я там не живу. Может быть, навещу вас как-нибудь, и только. Договорились?

Как же, так я и выпустил антрополога. Я сделал небольшой крюк, завез Бойля к себе, перекодировал дверной идентификатор под его палец и дал краткую инструкцию: никому ни под каким видом не отпирать, а буде объекты его научного интереса начнут крушить дверь — вызывать полицию и баррикадироваться; если же не поможет — пощады, упаси боже, не просить, а брать в руки подручное средство, вот этот специальный железный прут, и лупить сволочей прямо в морду, это может произвести впечатление. Клин клином, только так.

Он вежливо поблагодарил, изображая, что понял. Черта с два он понял. Такие, как он, ни за что не станут бить железным прутом по лицу даже адаптанта, я их знаю. Им почему-то кажется, что они не должны-де уподобляться и ронять свое человеческое достоинство, они ждут, когда их достоинство уронят другие. Нет, я уважаю эту странную вымирающую породу, но вымирать такими темпами да еще

в самом буквальном смысле — это уже, извините, слишком. Это не по мне.

И все-таки он был подозрителен, этот Бойль. Я вел машину, пробираясь сквозь заворот центральных уличных кишок, и ругал себя последним идиотом. Дурак я был, прямо-таки непроходимый дурак, вечнозеленый лопух самой классической разновидности. Это надо же придумать: взрослый человек, с виду вполне вменяемый, ни с того ни с сего поселил к себе какого-то сомнительного реэмигранта, подобранного на улице, а кто его знает, что он за тип, документов у него я не спрашивал. Расскажешь кому — ни за что не поверят. И лучше, конечно, никому об этом не рассказывать.

6

Эстакаду я проскочил довольно лихо, зато после нее все и началось. Улица-колодец, сжатая мертвыми домами, была совершенно пустынна, и мне это сразу не понравилось. Не люблю таких улиц, да и кто их любит, а тут еще впереди на дороге показался невесть откуда взявшийся снежок, и это мне понравилось еще меньше. На всякий случай я снизил скорость: если здешняя стая ведет охоту по своей обычной схеме, у меня есть немалые шансы уйти живым.

Вот они! Там же, где и в прошлый раз. Раздирающий треск моторов — такое впечатление, что разом со всех сторон и некуда деться. Ну, это обман зрения. Теперь главное не суетиться и понять, что тут к чему, непременно понять, слишком многое от этого зависит, слишком многие накрылись из-за того, что здесь все решает отнюдь не скорость реакции...

Что ни говори, а согласованность действий у этих ребят всегда на высоте. Не успел десяток мотоциклистов впереди занять свои позиции, как я был уже отрезан и сзади: там их оказалось раза в полтора больше и вдобавок из переулка выруливал приземистый квадратный джип с открытым верхом, до отказа набитый какими-то холодоустойчивыми мордами. Нормальный человек в таком джипе околел бы через пять минут, а этим, судя по всему, было вполне комфортно и один из них, лениво привстав и щерясь, пустил мне вслед пулю — поторапливал. По кормовому экрану коротко стукнуло. Все было в точности как в прошлый раз, совсем не делают выводов, а еще адаптанты.

Газ — до отказа. Теперь пора. Только зря вы, гадены-

ши, думаете, что я буду прорываться вперед, зря вы расступаетесь, мне совсем не хочется портить резину о ваши колючки под рассыпанным снежком. В сущности, ваша тактика рассчитана на ненормальных, колесящих по этим местам на автоматическом управлении, таких чудаков, вопреки Дарвину, еще достаточно много. Расчет на то, что нет времени переключиться на ручное.

Тормоз — руль влево! Кажется, я кого-то задел. Тем хуже для задетого. Машину с визгом занесло и развернуло на месте. Вот теперь я буду прорываться, и хотел бы я, ребята, посмотреть, как вы меня остановите...

Ну так и есть. Все врассыпную, даже джип. Кто-то справа, зажав мотоцикл под тощей задницей, попытался достать меня очередью навскидку — не по скатам даже, по экранирующим щитам! Дурачок. Я пронесся впритирку с вихляющимся джипом, очень жалея, что никто из адаптантов не выпал мне под колеса, и рванул по улице. На секунду мелькнули чьи-то бешеные глаза. Мотоциклы за спиной взревели. Конечно, от меня так просто не отвяжутся, инстинкт преследования у адаптантов в крови — у стайных садистов, во всяком случае, — но теперь они вряд ли меня достанут. Можно, конечно, рискнуть шинами и увести стаю вправо от эстакады, там у супермаркета обычно стоит полицейский кордон, — а можно и не рисковать. Лучше, конечно, не рисковать. Я ощупью пошарил между сиденьями и нащупал хорошо спрятанную кнопку. Прекрасная вещь этот распылитель, коллоидная взвесь еще позволяет кое-как дышать, зато мгновенно и надолго глушит любой мотор, вот только властям это объяснить трудно — похоже на то, что закон, запрещающий устанавливать распылители на частных автомобилях, принимали в расчете на граждан какого-то несуществующего в природе общества.

Оторваться мне, конечно же, не удалось, я и не надеялся. Мотоциклы у этой стаи были что надо. Я пропустил первый переулок — не стоило вырабатывать у стаи условный рефлекс, — пропустил второй и, чуть сбросив газ, нырнул в третий, очень надеясь, что он не оканчивается тупиком. Слава богу, переулок был как переулок, сквозной. Я подождал, пока в него втянется вся стая, и аккуратно утопил кнопку. У моего «марлина» сопло распылителя выведено в глушитель, и это плохо: очень узкий конус выброса, на широких улицах невозможно охватить всю стаю. Но, придумав улицы, человечество придумало также и переулки, и очень хорошо сделало.

Естественно, они стреляли, но крайне бестолково, видимо, от растерянности, и только одна пуля расплющилась о кормовой щит. Вообще, адаптанты, что бы там ни говорили, не слишком доверяют огнестрельному оружию, они предпочитают наброситься скопом и растерзать, по возможности, голыми руками, вот тогда они получают полное и настоящее удовольствие. Но теперь в другой раз, ребята... Когда-нибудь мы до вас, зверья, все-таки доберемся, и крепко доберемся...

Дождетесь. Я аккуратно выехал на параллельную улицу и чуть не рассмеялся, но сразу приумолк и посерьезнел: позади, черт возьми, все еще тарахтело. Метрах в ста за кормой из переулка вылетел одинокий мотоциклист, тормознул, развернулся на заднем колесе и рванул за мной так, что едва не вылетел из седла. А, черт!.. Все-таки один проскочил, давно было пора сменить баллончик с коллоидом, я так когда-нибудь влипну в историю из-за собственного разгильдяйства...

Становилось интересно. Я не стал особенно гнать, и мотоциклист настиг меня в два счета. Позиция у него была удобнее некуда — сбоку и чуть сзади, — но, по-моему, стрелять по колесам он не собирался. По-моему, у него вообще не было из чего стрелять. Ну ладно. Пусть и мой тайничок останется нетронутым, не всякая дрянь заслужила расхода боеприпасов. Может, правильно делают славные наши законодатели, что по сию пору приравнивают к преступлению ношение доцентом Самойло оружия. И не надо. Доцент Самойло сам себе оружие.

Я затормозил прямо посередине дороги и не спеша вышел из машины. Как ни странно, мотоциклист тоже остановился — крутил по сторонам головой, щупал ногами асфальт и нервно подгазовывал. Судя по всему, он только теперь заметил, что остался один.

— Ну что, спортсмен, — сказал я ему, приближаясь и взвинчивая себя, — желаешь сдать зачет?

Его лица я не углядел под шлемом, а вот тело было худое, мальчишеское. Пожалуй, выродку стукнуло лет пятнадцать-шестнадцать. Гаденыш, выкормыш стаи, сучий комбикорм. Если только он не удерет, мне не понадобятся никакие подручные средства...

И тут он снял шлем.

Одного взгляда было достаточно. Я плюнул и полез обратно в машину. Весь боевой заряд пропал даром. Дубоцефал! Это был самый обыкновенный юный дубоцефал; по

слухам, их немало в уличных стаях, но погоды они там, разумеется, не делают. Нет, не собирался он меня приканчивать, ну разве что пнул бы разок-другой, и то если бы приказали. Ему не хотелось убивать. Ему хотелось мчаться за кем-нибудь на вздыбленном ревущем «тарпане», пригнувшись к рулю в завораживающем азарте погони, и чтобы погоня подольше не кончалась, и чтобы тело было облито блестящей черной кожей, и чтобы ветер трепал эту кожу на складках... Разменная медь, расхожее мотоциклетное мясо.

Трогаясь с места, я сделал знак недоумку отстать, и он сразу отстал — должно быть, поехал выяснять, почему остался один и что это такое странное приключилось с родимой стаей. Дурак. Весьма вероятно, что его за неимением других громоотводов тут же и убьют, причем не сразу, а с растяжкой удовольствия; стайные инстинкты — штука страшная, редко остающаяся втуне. Конечно, это уже не мое дело: дурак всегда был, есть и будет виноват сам в том, что он такой глупый, что бы там ни твердили генетики про папу и маму. Ничего похожего на угрызение совести я не чувствовал. Будь этот прыщ нормальным адаптантом, я бы его просто убил, задавил бы голыми руками, такая во мне сидела злость. Извини, дядя Коля, но я бы его убил. Правильно ты во мне усомнился, дядя Коля.

Я въехал в Южный туннель, насвистывая что-то бодренькое. Пятый час, а я все еще не дома! То есть, не у Дарьи, но это одно и то же. Я попытался вспомнить, какой сегодня день — кажется, с утра был вторник, если только я не напутал с летоисчислением. Это хорошо, что вторник, — значит, вечер наш. Дарья — учительница. По вторникам, средам и пятницам она с девяти до обеда охмуряет гимназистов, а по понедельникам и четвергам во исполнение Программы Интеллектуализации преподает в вечерней школе для отпетых дубоцефалов, учит этих великовозрастных сидеть прямо, не сутулиться и выводить по линейке: «Мы не козлы — козлы не мы», — или что-то в этом роде. Когда-нибудь это должно плохо кончиться: насколько мне известно, спецкоманды в той школе нет и не предвидится. Конечно, хоть и не хочется об этом думать, мы можем надоесть друг другу значительно раньше, но, пока этого не случилось, я каждый день буду выходить из института, спеша по хрустящему снегу, и ни на что не захочу смотреть, и ничего не буду видеть. Кроме дороги, бегущей под капот, кроме вот этих специальных небьющихся,

но тем не менее всегда битых ламп, мелькающих над головой в Южном туннеле, а в перспективе — лифта, двери и четырех стен, достаточно теплых. Кроме Дарьи, отражающейся в зеркале, и себя около. Честно говоря, она выглядит настолько же лучше меня, насколько я лучше того дебила с мотоциклом, и мне от этого бывает не по себе. Но, в конце концов, если она выбрала меня, значит я того стою, что бы я о себе ни думал. И я люблю, когда я около. Или над. Или...

Дальше мечтать стало некогда.

Все-таки я не успел — чересчур поздно уловил момент, когда лучи фар в брюхе туннеля начали дрожать и странно расплываться, а потом впереди вдруг вспыхнуло целое облако мельчайших радужных искр, какое бывает только от подсветки коллоидной взвеси. Отчаянно тормозя, я влетел в самую кашу, и радужное сияние сразу облепило машину со всех сторон. Мотор чихнул и простудился. Какие-то заскорузлые серые тени метнулись было навстречу, но сейчас же отпрянули в темноту, съежились и пропали. Будто растворились. И тотчас далеко, теперь уже очень далеко впереди дробно и внятно затопотали чьи-то спешащие ноги. Я оглянулся — так и есть: в туннель медленно, с низким тектоническим гулом вкатывался приземистый и широкий, как камбала, полицейский броневик. Вовремя.

Иногда приятно сознавать, что в полиции работает отнюдь не банда идиотов, по крайней мере, броневик в кашу не полез, а, включив слепящий прожектор, замер в безопасном отдалении от радужного облака, и из его распахнувшейся утробы четко, по двое, посыпались люди в уродливых бронекомбинезонах. Четверо, натягивая на ходу пулестойкие «морды», пробежали мимо, не обратив на меня никакого внимания, и скрылись впереди в черноте. Пятый остановился и побарабанил мне в дверцу:

— Выходите.

Я бы и без него вышел: коль скоро опасность миновала, торчать в машине не было никакого смысла. Моего «марлина» уже цепляли тросом к броневику. Коллоид — штука сильная. На несколько часов машину можно было считать мертвой, да и потом первые пять-десять километров двигатель будет сбоить, приходя в себя, астматически задыхаться и временами трястись, как припадочный.

— Ваша машина? — спросил полицейский.

— Моя.

— Значит, ваша... А что вы в ней делаете?

Рано я полицию похвалил.

— Сижу, — сердито сказал я. — То есть, сидел.

— Документы есть?

Впереди послышались приглушенные голоса, потом что-то лязгнуло, чмокнуло, раздирающе затрещало и донесся гулкий удар металла по пластику — там что-то ломали.

— Эй! — крикнул в черноту мой полицейский. — Что такое?

— Еще машина! — крикнули оттуда. — Крепко ее, сволочи... Тут один убитый и еще, кажется, женщина. Сейчас вытащим.

— Жива?

— Хватил... Носилки есть?

Появились носилки. Я не стал смотреть. Когда говорят: «Кажется, женщина», — то смотреть уже действительно не на что. Оба тела унесли куда-то за броневик — очевидно, позади был еще автомобиль. Броневик заурчал, медленно пополз назад, и трос натянулся.

— Куда ее? — спросил я полицейского.

— Машину-то? Отбуксируем в участок, — он назвал адрес, — завтра получите.

— А может быть, вы ее отбуксируете в... — я тоже назвал адрес.

Полицейский смерил меня взглядом с головы до ног.

— Еще чего...

— Я заплачу, — посулил я.

— Еще чего, — сказал он. — Ты что, не видишь, что творится? Слепой? Тебя вот, если хочешь, подбросим, коли недалеко. Хочешь?

— Хочу, — сказал я.

— Зверье...— меня он словно не слышал и взгляд имел невидящий. — Сволочи поганые, чем дальше, тем хуже. Да что же это у нас делается, а?..

7

Я даже не вошел к Дарье. Я ввалился. Должно быть, примерно так же во все исторические эпохи вваливались после вылазки в свое логово человеческие самцы всех пород и достоинств, от насупленных троглодитов, выплевывающих на ходу из пасти чужую шерсть и влачащих по полу пещеры окровавленную дубину, до какого-нибудь заваляющего, завшивевшего в Палестине средневекового барона,

громыхающего иззубренным эскалибуром по осклизлым ступеням родимого донжона, — впрочем, и много позже процесс вваливания в логово не претерпел существенных изменений. Так что ввалился я по всем правилам, притом чувствуя себя кем-то вроде победителя. Почему бы нет? Времена меняются, и не я в этом виноват. Если в наше, извините, время и в нашем, еще раз извините, континууме человек вообще что-нибудь чувствует, он уже должен чувствовать себя победителем. Потому что живой. И, сообразно исторической традиции, он вправе последовательно требовать вина, мяса и женщин. Первого и второго — побольше, а женщину можно одну, но такую, как Дарья.

В ванной горел свет и шумела вода — Дарья была дома. Из боковой комнаты сдержанно гавкнули и застучали лапами по паркету — надо полагать, там маялся взаперти гладкий лощеный доберман Зулус и, судя по отсутствию подкроватного шороха, там же пребывал морской свин Пашка, нахальнейшая тварь из всех грызунов его весовой категории. Я торопливо скинул куртку, сковырнул, наступая себе на пятки, с ног ботинки и заспешил прямиком к бару. Пусть даже никакой я не победитель, куда там, пусть все мои сегодняшние телодвижения, нужные и ненужные, выглядели достаточно убого и даже шкурно, а вовсе не героически, — но на прогрев суставов я себе заслужил, и все тут. Дарья, конечно, тоже, с ее профессией данаиды я бы вообще удавился по собственному желанию, но выпить с ней вдвоем мы еще успеем, у нас впереди не только вся ночь, но и весь вечер, исключая, конечно, время на выгул добермана...

Настоящего коньяку не оказалось. Настоящий мы выпили вчера. Водки тоже не было. Было какое-то подозрительное бренди какого-то не менее подозрительного Усть-Кишского изготовления, судя по надписи мелкими буковками на этикетке. Стаканчики Дарья куда-то задвинула. Я нашел фужер под шампанское и налил себе до половины в намерении интеллигентно выцедить, но поперхнулся и заглотнул разом, как удав. Меня прожгло. Энное время я стоял без дыхания, вроде персонажа Эдгара По, и дико сканировал пространство вращающимся взглядом, в желудке бушевали Этны с Толбачиками и плавились минералы, гортань варилась заживо, а в пищеводе рвались мелкие петарды. И ко всему было невыносимо гадко. Дверь в ванной звучно хлопнула задвижкой. Образовалась щелка, вся в свету и ошалелом метании водяного пара.

— Самойло, ты? — крикнула Дарья. — Опять булькаешь?

Я перевел дыхание. Если в Усть-Кише спирт для этого бренди не делают из местных энцефалитных клещей на креозоте, тогда я не знаю, из чего его делают. Ладно, бывает хуже.

— Ничего, тут нам с тобой еще хватит, — сказал я, вытирая слезы. — Спинку потереть? Имей в виду, считаю до трех, потом раздумаю. Раз, два... два с половиной...

— Потереть. Эй, где ты там?

— Бегу! — я кинул на диван пиджак, содрал с себя свитер и очутился в ванной. Там было жарко, влажно и дышалось, как в коллоиде. — Вот я уже и добежал... Что тут нужно потереть? О-о! — отшатнулся я и закрылся рукой. — Не показывайте мне этого, я сейчас сойду с ума...

— Болтун! — сказала Дарья. — Э, ты что делаешь?

— Рубашку снимаю, — объяснил я. — Жарко.

— Не вздумай ко мне забраться, — предупредила она. — Я тебя позвала работать, вот ты и работай...

— Я и не собирался, — соврал я, беря и намыливая губку. — А ну-ка вот так... Привстань. Так хорошо?

— Алкоголик, — сказала Дарья. — Пришел, дышит тут какой-то отравой... И каждый день пьет, да еще слабую женщину в пьянство втягивает. Другой бы на его месте давным-давно стал доктором, а этому хоть кол на голове теши...

— А зачем? — спросил я, работая губкой. — Мне и кандидата за глаза хватит, а остальное у меня уже есть. — Тут я приналег на губку, и остальное застонало, выгибая спину. — Не нужно засорять собой науку, это антиэкологично...

Я развил эту мысль. В конце концов, сила науки заключается отнюдь не в том, какое иерархическое место занимает в ней некий доцент, говорил я Дарье, вновь намыливая губку. Если угодно, сила науки в том, чтобы каждый имеющий к ней касательство делал именно то, к чему он на данный отрезок времени наиболее приспособлен, а вышеупомянутый доцент именно этим изо дня в день и занимается как проклятый... Да, конечно, если бы лет десять назад ему сказали, чем все кончится, он бы крайне удивился, поскольку был в те годы бодр, настырен, самолюбив и непомерно глуп, не представляя ни себя без науки, ни даже, совсем уж смешно сказать, науки без себя. Так что в глазах того сопляка, ворковал я, с наслаждением водя

губкой по восхитительной упругой спине, — да, в глазах того целеустремленного глупого сопляка вышеприведенное суждение имело бы некоторый вес, и даже, можно сказать с уверенностью, очень большой вес в силу обозначенных только что причин... Да. Что я хотел сказать?.. Пожалуй, теперь некий доцент, заменивший благополучно вымершего кайнозойского сопляка, считает, что занимает более честную позицию, нежели какой-нибудь бездарный выползень, каких на государственных грантах пруд пруди, какой-нибудь от науки прихлебатель профессор Антилопов-Гнусов... И потом, ты что, экран не смотришь? Теперь самые достойные профессии — энергетик и учитель, разве нет?

— Ты у нас, кажется, и то и другое, — ехидно произнесла Дарья.

— Ну, какой я учитель... Я дрессировщик.

— Резонно, — сказала Дарья. — Кстати, о приспособленности. Я правильно поняла: по твоим словам получается, что ты, очевидно, более всего приспособлен для того, чтобы лупить своих дубоцефалов по мордам?

Я не нашел, что ответить. Как хотите, а говорить в такой обстановке на серьезные темы я не могу, хоть застрелите. А если кто-нибудь сможет, я готов встретиться с этим несчастным и выразить ему свои соболезнования.

— Врешь ты все, — сказала Дарья. — Ты же просто боишься, боишься каждый день, дрожишь как заяц, потому и лакаешь коньяк. И болтаешь тоже поэтому. И я тоже боюсь и тоже пью, а главное, никому не известно, чем все это кончится, это-то и есть самое страшное. Пусть будет еще хуже, только чтобы мы об этом знали... Скажи вот лучше: ты сегодня нормально сюда добрался? Или опять через пень-коллоид?

— Без проблем, — уверенно сказал я. — Как всегда. А что?

— Врешь ты, как всегда... Эй, ты там по третьему разу пошел, что ли? Спину домыл?

— Домыл, — сознался я. — А дальше?

— А дальше ты меня мыть не будешь, — сказала Дарья. — Дальше ты пойдешь и сделаешь нам кофе с коньяком, если еще не разучился это делать, а я посмотрю, разучился или не разучился...

— Ясно, — вздохнул я. — Ты скоро?

— Скоро, скоро. — Она сделала мне ручкой — иди, мол, иди, не маячь... И я пошел.

Варить кофе я, конечно, не стал, это было бы и неумно,

и преждевременно. Дарья способна пролежать в ванне не один час, особенно когда я дома. Она любит помучить. А после ванны она еще может лечь под лампу загорать, тогда уж к ней и вовсе не подходи, не затеняй. Кто как, а я не согласен. И никогда не был согласен. Нет, я, конечно, понимаю: поваляться на диване, созерцательно глядя в потолок, отловить и выстроить в каре разбегающиеся мысли — но загорать! Лежать тюленем и думать только о том, как бы не облупиться, — это занятие, по-моему, второе по идиотизму после собирания марок. Так что я не пошел варить кофе, проигнорировав заодно задверный скулеж добермана, а пошел в комнату и включил экран.

Передавали «Мою страну», предвечерний выпуск, причем шло самое начало, астрофизический прогноз на будущую неделю опять уточнили, подправили и теперь выдавали новые цифры. Я уронил себя в кресло и стал смотреть. Как всегда при передаче прогноза, на экране показывали Танжерский комплекс, все эти грандиозные радиотелескопы, гравиметры и нейтриноуловители, что, очевидно, должно было внушать зрителям доверие к прогнозу. Для начала в очередной раз было напомнено о том, что человечество переживает глобальный ледниковый период, начавшийся еще два миллиона лет назад, и что вся история развития человека как вида была в сущности историей нынешнего оледенения. Не знаю уж, для чего это было напомнено. Наверное, просто чтобы не забывали. Затем невидимый диктор — от стыда прячется, что ли? — сообщил о том, что поток излучения Солнца к настоящему моменту составляет, грубо говоря, ноль целых шестьдесят одну сотую солнечных единиц и что на прошлой неделе он, вопреки ожиданию, скачкообразно упал еще на семь десятитысячных, а число Вольфа, напротив, возросло, и есть все основания полагать (тут голос диктора стал как-то неестественно бодр), что в связи с приближающимся максимумом цикла будет наблюдаться локальный рост солнечной активности, благодаря чему уже на будущей неделе главная обсерватория прогнозов ожидает увеличения потока солнечного излучения примерно на две-три десятитысячных...

Не знаю, чего уж они там ожидали на телецентре, какой реакции. Должно быть, как минимум той, что каждый зритель так и подпрыгнет от радости у своего экрана и возликует душой, а потом, конечно, кинется с места в карьер покупать плавки и озоновый крем. Я фыркнул, вскочил, поймал на полу перед креслом жужелицу, отнес ее в уни-

таз, спустил и окончательно успокоился, когда с экрана пропал Танжер и возник Дагомыс. Передавали сводку прений в Думе, сводку новостей и правительственные решения. Это было уже интересно, и я устроился в кресле поудобнее.

(Еще недавно у нас был Конгресс, теперь — опять Дума. Если этот модный вектор устремится вниз и вширь, очень скоро появятся городовые, околоточные и прочие статские советники. Городской голова — звучит? Звучит. Думский голова... И два уха. Голова по-тевтонски — копф. А Думу для разнообразия можно оставить и по-русски. Получается — думмкопф.

До того глупо, что даже приятно.)

Так... Энергетический терроризм. Экологический терроризм. Просто терроризм. Терроризм политический и терроризм немотивированный... Прогрессирующее похолодание грозит всходам зерновых на Кубани... Гм... как всегда. Боевые действия в Закавказье между эмигрантскими формированиями и местными силами самообороны продолжаются с прежним ожесточением, с обеих сторон наблюдаются крайние формы жестокости... Тоже как всегда. Из Иваново сообщают, что число зарегистрированных новорожденных с синдромом адаптивности сократилось за последнее время с двадцати двух и трех десятых до двадцати и девяти десятых процента... Ну, тут какая-то ошибка. Продолжающаяся эвакуация Петрозаводска проходит четко и организованно... Отрадно слышать. Нашествие орды реликтовых гоминоидов на Великий Устюг отражено силами специальных подразделений... Знаем мы, какие они реликтовые... Подвижкой ледника разрушен участок навесной магнитотрассы класса «ультра-рапид» в Беринговом проливе... Жаль. Личный баллистический самолет президента Латиноамериканской конфедерации г-на Мигеле Огельо во время совершения частного полета подвергся лучевой атаке со стороны неопознанного спутника-истребителя. Обломки самолета рухнули в океан, о судьбе президента достоверных данных нет... Еще бы. «Зеленым» Филиппин удалось уничтожить еще одну солнечную энергостанцию, от солнечных батарей освобождено двадцать квадратных километров территории... Молодцы ребята. Хм, странно, что там еще сохранились солнечные... Правительства ряда европейских стран выразили протест против неконтролируемого озеленения североафриканских пустынь, считая, что это приведет к замедлению роста концентрации двуокиси углерода в атмосфере планеты в целом

и, следовательно, к уменьшению защитного влияния парникового эффекта. Напоминаем, что к настоящему времени концентрация це-о-два в атмосфере составляет около двух десятых процента...

Прения в Думе, против ожидания, окончились столь быстро, что я так и не успел в деталях понять, кто там на сей раз был возмутителем спокойствия и зачем он его возмутил. Кажется, в очередной раз было торжественно подтверждено, что «так называемые адаптанты» являются в первую очередь людьми, равноправными гражданами, и как таковые не могут быть привлечены к какой-либо превентивной ответственности на основании одних лишь результатов генотестирования... какую бы скорбь мы ни испытывали от утраты наших товарищей... которые могли бы сейчас быть с нами... прошу почтить память вставанием... вся и всякая правовая самодеятельность на местах должна быть строго пресечена, меры к чему принимаются... Короче говоря, я и морщился, и ругался, и даже, кажется, шипел сквозь зубы что-то вроде: «Люди? Люди они вам?! Дождетесь! Ну, дождетесь! Вас там, я вижу, еще жареный страус куда надо не клюнул как следует, так он клюнет, будьте уверены. Еще как клюнет!..» И еще я почему-то ждал, что покажут море, но его так и не показали. То самое море, что ворочало некогда гальку у берегов Дагомыса, а теперь — замерзшее. Замершее. Тихое. Прошлой осенью мы с Дарьей видели на экране потрясающие кадры спасательной операции: ледяные поля ломали ледоколом, люди, заметаемые пургой, работали как звери, пытаясь вывести к Босфору последних, самых последних дельфинов-афалин... Не знаю уж, что особенно потрясающего было в тех кадрах, только меня они потрясли, а их показывали не один раз, и каждый раз они меня потрясали. Должно быть, тогда я и начал понимать, что все наши метания, толковые и не очень, все наши отчаянные потуги как-то выправить положение есть не что иное, как тщета и самообман, совершенно необходимый обыкновенный самообман для того, чтобы не опустить руки, чтобы неизбежное — оно, конечно, случится — случилось хоть немного, хоть чуть-чуть, в меру наших сил, позже...

Должно быть, тогда не только я начал это понимать.

Доберман Зулус продолжал тихонько и надоедливо скулить из своего заточения, а из ванной по-прежнему слышался плеск. Я встал, подкрался на цыпочках к двери в ванную и сунул нос. Дарья стояла под душем, запрокинув

голову и медленно поворачиваясь, а тугие горячие струи восхитительно-упруго били в тугое шелковистое тело, а еще крутился вокруг этого тела влажный весомый пар, обтекал его и пропадал где-то под потолком, и, черт возьми, я подумал о том, что никогда еще у меня не было такой женщины, как она, и я ее, наверно, совсем не заслуживаю: и не дура ведь, и терпение у нее есть, и темперамент на уровне, и фигура просто потрясающая, слов нет, хотя Гарька, к примеру, сказал бы, что грудь полновата, но Гарька эстет оскаруайльдовский, что он понимает... и даже вот эта белая полоска на животе, оставшаяся от отверстия, через которое люди в белом извлекли аппендикс, ее не портит, а, пожалуй, совсем наоборот... Но тут я был обнаружен, послан к черту и, прервав свои мысли, вернулся в комнату, тем более что на экране началось нечто неординарное. Начало я, как назло, упустил, но уловил главное: судя по словам диктора, правительство сегодня наконец приняло давно ожидавшееся решение о строительстве второго европейского пояса защитных энергостанций по линии Выборг-Вологда-Пермь, причем плотность энергостанций во втором поясе решено увеличить по сравнению с первым в полтора-два раза, иными словами, расстояние между термоядерными станциями будет составлять триста километров, между обычными АЭС — сто пятнадцать километров и между тепловыми энергостанциями — не более двадцати километров. Едва я успел переварить это сообщение, как зажужжал вызов. Я тихонько чертыхнулся, но клавишу «здесь» все-таки нажал, и на экране в специальном окошке справа внизу возник Гарька Айвакян. Черт. Так я и знал.

— Смотрел? — тут же спросил он.

— Ну, смотрел.

— И как тебе это? — возбужденно напирал он. — Ты ведь, кажется, это считал?

— Считал, — сказал я. — Грубая прикидка, конечно. Получается, что для того, чтобы остановить ледник, нужно строить десятигигаваттные энергостанции не более чем в восьмистах метрах друг от друга, так что сам понимаешь... Правда, я считал для северного пояса, там все же холоднее...

— Ясно, — сказал Гарька. — Слушай, ты бы хоть изображение включил, неудобно так, понимаешь, разговаривать...

— Обойдешься, — отрезал я, слыша, как Дарья кричит из-за двери: «Эй, Самойло, с кем ты там?..» Не хватало мне еще, чтобы Гарька увидел ее, когда она выходит из ванной, вся в томлении и неге. Я его знаю.

— Нехорошо, — с грустью констатировал Гарька. — Познакомил бы... Слушай, а зачем их тогда строят, а? Ничего не понятно. Ты хоть понимаешь, чем все это кончится?

— Еще как, — злобно сказал я. — Соберут под гребенку всех дубоцефалов, добавят адаптантов, какие посмирней, и пришлют к нам учиться. А ты как думал? И ты будешь их учить, никуда не денешься, да и я никуда не денусь. И с нас за их знания еще спросят. Понятно?

— Это понятно, — сказал Гарька, — я не о том. Я о том, что вообще...

— Э, нет, — прервал я его. — Извини, сейчас не могу. Насчет «вообще» — это мы потом, ладно? Завтра.

— Ты погоди, я не то хотел сказать...

— Завтра, говорю! — закричал я. — Завтра!

Я дал отбой, отчего окошко справа внизу на экране тотчас погасло, и, немного подумав, отключил телефон совсем. И ладно. Вечер — наш. Сумрак за окном выглядел криминально. Экран скромно известил о том, что выпуск новостей окончен, и что передача «Щит и меч» начнется через одну-две минуты. Одну или две? Никогда точно не скажут. Непонятным образом название передачи трансформировалось во мне сначала в «шип и меч», а потом, прокрутившись в голове через некую сеялку, — в «шип и мяч». Н-да. В общем, шарик лопнул.

Я пробежал по другим программам — там было что-то откровенно дубоцефальное — и выключил экран. Сзади послышались шаги, доберман призывно застучал лапами по полу, крутнулась дверная ручка, и голос Дарьи произнес: «Вот ты где, дурачок, настрадался, бедный, да?» Зулус оглушительно гавкнул. Немедленно в поле зрения возник морской свин Пашка и шариком закатился под диван, где, судя по звуку, тотчас вгрызся во что-то несъедобное.

— Эй! — сказала Дарья. — Где кофе?

— Будет, — пообещал я.

Она села с ногами в другое кресло, и я залюбовался. А ведь чуть не упустил ее тогда, чуть мимо не прошел, словно специально поставил себе целью упустить такую кису, хотя, конечно, настроение тогда у меня было, сколько я помню, препаршивейшее, и это в какой-то степени извиняет... Зато теперь приятно смотреть, как она сидит, свернувшись в кресле, в подпоясанном халатике, поджимает ноги, в которые тычется мордой дурак Зулус, и расслабленно дымит безникотиновой ароматической сигареткой, стряхивая пепел в маленькую пепельницу на подлокотнике. Вот эти

сигаретки я не люблю, после них изо рта пахнет каким-то полупереваренным одеколоном, и Дарья очень хорошо знает, что я их не люблю. Поэтому, должно быть, и курит.

— Бездельник, — осудила она и красиво выпустила струю дыма. — Доцент озабоченный. Ты зачем в ванную полез, когда не просили, а?

— Нельзя? — спросил я.

— Нельзя.

— А когда будет можно?

— Сам знаешь когда. Когда сделаешь предложение, тогда и можно.

— Могу сделать хоть сейчас.

— Дурак. Знаешь ведь, что я имею в виду.

— А-а, формальности! — сказал я. — А какие нам с тобой нужны формальности? Мерзлое шампанское, мороженые цветы, куча развеселых дубоцефалов и что-нибудь плюшевое на радиаторе?

— Хотя бы. Ты лучше не придвигайся, а то знаешь как хочется тебе по физиономии заехать...

— Догадываюсь, — сказал я, — Впрочем, на мою физиономию ты уже посягала.

— Неужели?

— Забыла? — я потрогал голову. — Еще легко отделался, на три сантиметра левее — и быть бы мне без глаза.

— Это я нечаянно, — сказала Дарья. — Подумаешь, один раз лыжи уронила. Это не считается.

— Это с шестого этажа не считается?

— Что-то я не пойму, — прищурилась Дарья поверх сигареты, — ты от меня отказываешься или просто дразнишь?

— Дразню, — сказал я. — Кстати, я женат. А ты торопишься.

— Знаю я, как ты женат. Долго смеялась.

Я пожал плечами: твое, мол, дело.

— Формально — женат... Я же тебе говорю: торопишься.

— А чего ждать?

— Вот составлю инструкцию по эксплуатации, повешу себе на грудь и заставлю вызубрить. Муж — он, видишь ли, предмет хрупкий, требует ухода, он еще раз лыжами по морде не выдержит, от этого только любовник в раж входит, а муж ведь и загнуться может...

Она не ответила. Вот всегда у нас так бывает, не можем друг перед другом не выкобениваться, без этого нам жизнь не в жизнь, а почему — загадка природы. Дарья молча ку-

рила, глядя куда угодно, только не на меня. Доберман наконец отстал. Я шуганул ногой Пашку, высунувшего нахальный нос из-под дивана, и позвал:

— Дарья...

— М?

— Да нет, ничего. Просто я люблю твое имя... Не Даша, а именно Дарья. Знаешь, был когда-то такой персидский царь, Дарий Третий. Плохо кончил.

— Я, по-твоему, тоже плохо кончу? — спросила она. — И я у тебя тоже третья?

— А это много или мало?

— В твоем возрасте безобразно мало.

— В моем возрасте уже начинают думать о сохранности зубов и волос, — сказал я. — И еще в моем возрасте обычно умеют не все понимать буквально. Извини, пожалуйста.

Она надулась. Черт меня побери, если я не буду следить за своим языком. В моем возрасте... В моем возрасте не стоит быть просто болваном, пора бы уразуметь, что женщины всегда ищут подтекст, даже там, где его нет. Так или иначе, но если я и почувствовал досаду, то только на себя, и через минуту уже был этаким котенком, пушистым и ласковым, которому даже сметаны не надо, только погладь. Я признавался, что неправ, распинался, что такой уж с детства, втолковывал об испорченной наследственности и о том, что в младенчестве выпал из кроватки и ударился о пол так, что этажом ниже обвалилась люстра, — в общем, нес низкосортную ахинею и только удивлялся, как плавно и гладко у меня это выходит, пока Дарья (мысли она читает, что ли?) не сказала: — Язык у тебя, Самойло, — уполовинить бы.

— Зачем?

— Не зачем, а чем. Трамвайным колесом.

Здравая мысль. Сельсин как-то раз тоже в таком духе высочайше изволил высказаться. Стоп, она, кажется, сказала «Самойло»? Хороший симптом, надо не упустить.

И я проговорил скучнейшим сургучным голосом:

— Язык есть продолговатое, обычно красное, иногда с сыпью, средство общения человеческого индивидуума с другими аналогичными индивидуумами...

Она захохотала, закрыв мне рот ладонью. Моя паяльная лампа работала не зря: ледник между нами таял.

— Покажи свой с сыпью, — потребовала Дарья.

— Что?

— Язык, говорю, покажи.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, раздвоенный или нет.

— Не раздвоенный.

— Зато уж точно без костей. И в трубочку, наверно, сворачивается.

Я продемонстрировал.

— А в две трубочки?

Я показал и это.

— А дурак ты, Самойло, — сказала Дарья. — Я понимаю, зачем я тебе нужна: должен же кто-то иногда говорить тебе, что ты дурак, тебе это иногда просто жизненно необходимо, от кого ты это услышишь там, где в умниках ходишь...

И все возвратилось на круги своя. Мы выпили кофе и дружно изругали бренди, потом мы выпили этого бренди уже без кофе, а потом еще раз кофе, но уже без бренди, и еще раз, последний, мы выпили немного, чтобы согреться после выгула добермана, расточительно заели настоящей треской в настоящем томате, а не вульгарным ротаном в рапсовом масле, и Дарья дважды принималась рассказывать, что и как у нее сегодня было в школе, а я слушал и даже вставлял философские замечания, в общем, вечер получился таким, как я хотел. И еще мы поговорили о Георгии Юрьевиче и о том, что надо-таки навестить его в больнице, а то свинство получается... А потом мы вместе разобрали постель, я напоследок вспомнил о Вацеке и Сашке и успел еще подумать, что нельзя же так, в самом деле... И сразу мои мысли распались на фрагменты, ничего в них не осталось, кроме меня и Дарьи, нам было в этот раз особенно хорошо вдвоем, все получилось просто чудесно, и во второй раз все получилось чудесно, вот только под кроватью все шуршал и шуршал проклятый морской свин, грыз, подлец, что ни попадя, и я сказал, что на таких свинов, по идее, должны хорошо ловиться сомы, а Дарья хотела было рассердиться на меня за этот выпад, но не рассердилась, потому что уже засыпала, уткнувшись лицом мне в плечо. Должно быть, я тоже скоро заснул, потому что, когда открыл глаза, за окном оказалось утро.

8

Я скосил глаза на часы — они показывали семь с чем-то — потянулся, смахнул с одеяла пригревшегося Пашку, зевнул и включил телефон. Утро выдалось таким же, как

вчера, не хуже и не лучше. Дарья еще спала. Пусть поспит, полчаса у нее еще есть, а потом я ее разбужу, провожу и обдумаю, чем бы мне сегодня заняться. Пожалуй, почитаю, неделю уже ничего не читал по специальности, непростительно даже... А может быть, плюнуть на Сашку и все же поехать в институт?

Зажужжал вызов. Я прошипел сквозь зубы краткое ругательство, подскочил к экрану и повернул его в сторону от постели. Ну, если это опять Гарька... Уничтожу. Я ткнул в «здесь», и на экране громадным всклокоченным медведем возник дядя Коля. У меня сразу засосало под ложечкой. Что-то произошло, это было ясно сразу. Дядя Коля просто так звонить не станет.

— Живой? — хмуро спросил он, жуя усы. — Это хорошо, что живой. Я уже не надеялся. Картинку включи.

Я включил изображение. Дядя Коля усмехнулся: хорош я был, наверно, в трусах и без майки. Бройлер с кожей в пупырышках.

— Что-нибудь случилось? — спросил я шепотом.

— С чего ты взял? — ворчливо осведомился дядя Коля. — Это я думал, что случилось. Взял, понимаешь, манеру отключаться... Ты вот что... — он вдруг задышал и стал говорить тише, — ты там случайно никому на хвост не наступил?

— Никому, — сказал я. — А «там» — это где?

— Идиот! — рявкнул дядя Коля. — В институте.

— Н-нет, — промямлил я, соображая, что здесь к чему. Странный какой-то получался разговор. — А что случилось?

— Помнишь пистолет вчера утром? — спросил он. — На зачете. Ну, тот, что ты тогда выбил?

— А-а, макет «тарантула»?

— Никакой это не макет, — сдержанно сказал дядя Коля. — Я только вечером обнаружил и сейчас же тебе звонить... Гнать меня надо. Настоящий боевой «тарантул» это был, новенький, смазка свежая. И полная обойма. Понял? Безгильзовые патроны с ртутными пулями, шестнадцать штук как одна.

Я сглотнул.

— А этот твой... новый подручный?

— Решетов-то? — рыкнул дядя Коля. — Исчез, тварь. Как с ведром вышел, так только его и видели, за дверью ведро бросил и деру дал. Я сообщил куда следует, так что имей в виду, к тебе могут возникнуть вопросы. Ты сегодня на службе?

— Не знаю, — сказал я. — Думаю вот: ехать — не ехать.

— Если надумаешь, позвони, — буркнул дядя Коля. — По-моему, ты кому-то очень не нравишься. И поосторожней там, ясно?

— Ясно, — сказал я, и дядя Коля дал отбой. Я подошел к окну и прислонился к стеклу лбом. Стекло было холодное. За окном в провал между нашим и соседним домами падал медленный снег, и где-то далеко, очень далеко, лениво, по-утреннему постреливали. Пусто там было, бело и пусто, и в этой пустоте начинался, постепенно разгоняясь, новый день, такой же, как остальные, самый обыкновенный московский день, и вот уже первая машина проехала внизу по улице, и низко, над самыми крышами, с гулом прошел, торопясь куда-то, десантный вертолет муниципальных сил, а Дарья за спиной заворочалась на постели и застонала, просыпаясь...

...Жил-был когда-то один человек. Иногда он совершал странные и необъяснимые поступки. Все думали, что он был дурак. А он был Святой.

Жил-был другой человек. Он тоже совершал странные поступки, и все думали о нем, что он Святой. А он был просто дурак, и поступки его были дурацкие.

А еще жил-был третий. Он и теперь жив. Он не был ни дураком, ни святым, никем он не был, так, ни то ни се, заурядное дерьмо в проруби. И все о нем прекрасно знали, что он дерьмо в проруби. Но у него был «тарантул» с рукояткой, до отказа набитой ртутными пулями...

Вот так.

Теперь понятно, почему «жил-был» первых двоих в таком плюсквамперфекте?

II

СЕНТЯБРЬ

1

Пламя пустили по ветру. Вначале дымно занялись костры на снегу под деревьями — все разом, все одинаково, будто в глазах множилось одно и то же. Кто-то командовал, от костра к костру метались раскоряченные тени. Мертвый лес не хотел гореть. В огонь плеснули нефтью, и первый длинный язык кинулся и облизал ствол до самой макушки. Вспыхнуло еще одно дерево. Я и не заметил, откуда взялась автоцистерна. Кто-то нелепо упал, споткнувшись о шланг. Встал, стряхнул снег, стал молча пялиться на ползущий под ногами резиновый хобот. Струя жидкого пламени ударила в голые кроны, и толпа попятилась. Взревела. Кто-то весь в белом, кроме символа Солнца на впалой груди, выбросил вверх тонкие голые руки. Что кричал, было не понять. Крутящийся дым относило в лес. Горел снег, пропитанный нефтью. Горела уже целая полоса на краю леса, пожар напористо шел вглубь, набирая силу. Последними остатками смолы плакали сосны. С пугающим треском взрывались горящие стволы. Тонкие ветви, схваченные огнем, извивались шипящими гадами. Корчились кроны. Невидимо и неслышно сгорали мертвые личинки в мертвой коре.

Половина шестого утра!

Полиция потеснила толпу с фланга. Это было уже кое-что. Я видел, как здоровенные ребята в сверкающих касках с забралами, сбив щиты в прозрачную шевелящуюся стену, повели наступление фалангой по всем античным правилам; как очень скоро из плотной шеренги, спрессовавшей перед собой человеческую массу до опасного предела, выхлестнул, врезавшись в самую гущу толпы, короткий острый клин и пошел, пошел профессионально-методично резать толпу на части. Отсечь — рассеять, отсечь — рассеять! И еще. И еще раз. Шеренга отвоевывала пространство. Размеренно взлетали и опускались дубинки, появлялись и исчезали пойманные камерой в толпе орущие рожи с отблеском огня в вытаращенных рыбьих глазах. Кто-то падал, визжа смертным визгом. Кого-то топтали, не замечая. Кому-то удалось выхватить полицейского из шеренги...

А потом я увидел самое страшное. Камера рывком, не

по-профессиональному отвернулась от толпы, куда только что бесследно, как в трясину, канул полицейский, метнулась к горящему лесу, проехала было дальше, но тотчас вернулась назад и уткнулась в самое пламя. И тогда я увидел.

В пятидесяти метрах от края леса к деревьям были привязаны люди.

Их было немного, может быть, полдесятка, но они были. Теперь, когда пламя подступило к ним совсем близко, они стали видны отчетливо. Очевидно, они стали отчетливо видны и толпе, потому что толпа опять взревела. Колыхнулся воздух. «Смерть им! Смерть! — завопили в толпе. Голос подхватывали. — Смерть адаптантам! Очистим!.. Согрей нас, Ярило, прими жертву детей твоих!..» Утоптанный снег возле ног привязанных темнел и плавился от жара. Ближайшие деревья были охвачены огнем. Привязанные извивались. Привязанные грызли веревки. В огне их лица, подкрашенные багровым, расплывались в бессмысленные колышущиеся маски.

— Знак! Знак! Подай знак детям твоим... Знак!..

На миг толпа почему-то смолкла. Только на один миг. Но этого короткого, не предусмотренного никем мига хватило, чтобы услышать, как оттуда, из-за подступающего огненного барьера, кто-то тонко и отчаянно кричит: «...не адаптант! Не надо... А-а-аа-а-А-А-А!.. Развяжите меня, я же вам все сейчас объясню...»

— А-а-а-чис-ти-и-им!..

Человек кричал. Человек звал на помощь. Раскаленный воздух дрожал и метался. С вулканическим фейерверком рушились горящие сучья. Какие-то неясные движущиеся фигуры на мгновение показались очень далеко в лесу, задрожали в раскаленном ветре и исчезли. Наверно, к моменту появления цистерны не все поджигатели успели выбраться из леса, и теперь отставшие и забытые спешили как можно скорее уйти от пожара. Я подумал о том, что они сейчас должны проваливаться в снег по пояс. Могут и не успеть уйти, вон как пошло вглубь...

— А-а-а... детей твоих... А-аа-а-а...

Камеру толкнули. И еще. Кажется, начиналась свалка: не то толпа все же прорвала шеренгу, не то полиция решилась-таки применить газ. Толпа завыла. Какие-то люди выбегали из черноты, скользили, падали, бестолково и невидяще метались перед камерой, прежде чем сгинуть прочь. Хрипели ямами ртов. Чадно и словно нехотя вспыхнула

разлитая нефть — толпа, топча задавленных, отпрянула. С неба падали тяжелые хлопья. Еще, еще бежали люди, как же их много... Вот опять один упал... нет, успел подняться. Бессмысленные, бессмысленные глаза. Оператора сбили с ног, и на экране пошло-поехало: бегущие и кричащие люди, растоптанный снег, огонь, черный дым, розовый дым, бледный рассвет на востоке... Толпа разбегалась. Потом с бывшей опушки раскатисто бухнуло, полыхнуло диким огнем в полнеба — цистерна таки не выдержала. Я еще успел заметить, как двое полицейских подобрали на снегу того самого шамана в белом и, торопясь, поволокли его подальше от жара, а потом передача прервалась. И тотчас же зажужжал вызов.

Звонил, конечно, Гарька. В окошечке на экране возникло его лицо, слабо освещенное ночником, и темные голые плечи под бретельками майки. На стене за Гаркой маячила всклокоченная тень, и из тени в свет ползла жужелица. Было слышно, как где-то неподалеку плачет ребенок — наверно, бодрствовал Гарькин-младший.

— Ты видел? — спросил Гарька.

— Видел.

— Все видел?

— Иди к ... — злобно сказал я. — Дай отдышаться.

— Ск-коты! — сказал он. Плечи его тряслись вместе с белыми бретельками, и губы дрожали не то от плача, не то от бешенства. — Это как, а? Видел это? Да их же давить надо, псов, не люди они, их всех давить надо!..

— Согласен, — сказал я. — Прямо сейчас и пойдем?

— Куда пойдем?

— Давить, конечно. Каток возьми, не забудь.

— Это ведь как? — ничуть не прореагировал Гарька. — Это значит, они начали, понимаешь! Ты такое когда-нибудь видел? Ты об этом думал? Не мы, а дубоцефалы начали! Они! Теперь нам, по-моему, крышка, ты как считаешь?

— Это почему?

— А ты не понял? Да просто потому, что мы не возглавили! Потому что в рамки не ввели! Упустили момент, теперь жди, что они и до нас доберутся, до всех и каждого, и до нас с тобой тоже...

Сердце колотило как пулемет, с отдачей. Я торопливо дал отбой, глотнул воды из стакана на столике и некоторое время лежал неподвижно. Слава богу, Дарья не проснулась, только пошевелилась и промычала что-то невнятное. Пулемет у меня в груди потарахтел еще немного, потом там на-

чали экономить боеприпасы, звук стрельбы ушел куда-то вглубь и пропал совсем, тогда я услышал ровное дыхание Дарьи, да еще в прихожей на коврике подскулил во сне Зулус, а в окне, в узком просвете не сошедшихся до конца штор все сильнее и сильнее — на полнеба — разгоралось зарево, и даже отсюда чувствовался, давил сверху тяжелый дым с черными хлопьями.

Все-таки уму непостижимо, что творится. В чей это спинной мозг забралась мысль согреть кусок планеты лесным пожаром? Лесопарк сожгли, сволочи... Людей сожгли...

Не спалось. Я лежал под одеялом и думал о том, что в городе становится непозволительно много дубоцефалов, откуда только берутся? Всегда были? Ладно, были, но не в таких же пропорциях! Притом это уже что-то совершенно новенькое, Бойль сказал, что частью они переходная форма от людей к адаптантам с геномом последних и психологией и привычками пока еще первых, частью — шлак эволюции, со всей очевидностью обреченный на вымирание в ближайшей исторической перспективе. Хорошенькое дело! По-моему, вымирать они как-то не очень собираются, а если судить по тому, как резво они взялись за адаптантов, не собираются вовсе. Солнцепоклонники, чтоб их... Ярилопоклонники. Гарька-то прав, один из сжигаемых заживо явно не был адаптантом, а вот кем он был? Дубоцефалом? Человеком без отклонений? Чушь какая-то. Чем вообще отличается человек без отклонений от дубоцефала, кроме степени умственного развития? Тем, что у одного душа, а у другого только потемки? Очень хорошо. Выньте из меня душу, измерьте ее и взвесьте, тогда я пойму, о чем идет речь. Ладно, чем еще? Правильным соотношением между высшей и низшей нервной деятельностью? Браво. У меня оно неправильное, это соотношение, признаю и не каюсь, а вы можете развивать эту тему дальше, я найду в себе силы не зевнуть при этом. Что хотите со мной делайте, но я не верю, что тот шаман в хламиде всего лишь обыкновенный придурок, не верю, и все тут. Так не бывает. Возможно, именно в том заключается отличительный признак человека, что он может быть предводителем толпы дубоцефалов, а дубоцефал — нет...

Противно.

Дарья шевельнулась, и я пошептал ей на ухо: «Спи, спи, хорошая». Потом осторожно откинул одеяло, пошарил по полу ногой, чтобы не наступить на свина Пашку, встал и поежился. В комнате было холодно. На окнах прочно на-

мерзли абстрактные узоры, сейчас на них играли и искрились красные отблески далекого пожара, и надо было полагать, что по соседству с ним все еще кипела драка, а небо постепенно бледнело, и солнце давало понять, что вот-вот высунется из-за горизонта. Я надел брюки, попутным шлепком лишил будильник права голоса, сходил умылся и кое-как соскоблил с себя крем для бритья. Вот интересно, подумал я, почему никому не приходит в голову создать крем для битья? До битья и после битья. А что, это имело бы сбыт.

На кухне я зажарил себе консервированную яичницу и сварил кофе на одного. Дарья ровно дышала. Пожалуй, раньше чем через час будить ее не стоило, даже если учесть время, необходимое каждой женщине для распределения по лицу косметики, а потом я зажарю еще одну яичницу и сварю еще кофе, уже на двоих. Я разложил свой фриштык на журнальном столике, пал в кресло и стал есть. Уже совсем рассвело. Воздух стал прозрачен, наружный термометр мигнул и показал минус двадцать девять вместо минус тридцати. Звезды давно исчезли, зато дым от лесопарка стал виден лучше некуда — тянулся низко и не рассеивался, словно не желал загрязнять такое утро. В каньоне между соседним домом и углекислотным заводом истаивала ущербная доходяга-луна, и на проспекте за квартал отсюда хором выли на доходягу снегоеды. Один, особенно шумный, напустив полную улицу пара, с урчаньем прополз прямо по пешеходной дорожке под окнами, и я решил, что Дарья уж точно проснется, но она не проснулась, только всхлипнула во сне и перевернулась на другой бок. Я вдруг заметил, что не дышу, и обозвал себя по-нехорошему. Что, испугался? Нет? Врешь, не хочешь ты, чтобы она проснулась, боишься ты этого, трус...

А ведь и верно, боюсь. И не хочу. Совсем.

Тут я вспомнил, что ей сегодня не нужно идти в гимназию, и обрадовался. Пусть спит. Пусть не проснется до моего ухода, а я уйду тихо и оставлю на столике записку о том, что постараюсь вернуться пораньше, насколько это от меня зависит, так рано, как только смогу. Но вот когда я смогу заставить себя вернуться?..

Я не знаю.

А может, заночевать сегодня у себя? Бойль не помеха...

Я устыдился этих мыслей. Лучше всего было поработать, все же хоть какой-то паллиатив. Пока еще есть время. Я утопил посуду в мойке, тихонько достал спрятанный

подальше от Дарьи клавир и подсел к экрану, вырубив к чертям всякий звук. Так... на чем мы в прошлый раз остановились? Энергоэлементы. Черт, не моя это область, ничего я в этом не понимаю... Точнее, даже так: распределенные аккумулирующие энерготепловые элементы, и если я в прошлый раз нигде не напорол, то этакий плоский блин получается, хоть собирай его на месте, хоть привози и раскатывай, а сверху присыпь субстратом, и пускай травка растет, а вспомогательный реактор, конечно, вовне... Травка... Да там бананы вырастут. Можно, естественно, и не блином, а длинной такой лентой, вроде бычьего цепня, так даже лучше... Ерунда, детали. А ведь неплохо получается, ей-ей неплохо, даже изящно, и вовсе это не чужая область, если я это первый застолбил. Вот вам всем доцент задрипанный! Нравится? Вот вам клерк патентной службы... Н-да. Эка хватил... Ладно, тепловики, будем считать, посрамлены навечно, и поделом: человек не паровоз, чтобы все время по рельсам за горизонт, человек — он волк, он рыскать любит. Идея-то, братцы-волки, реализуемая... Сожрут они меня, как пить дать, кричи потом, что не гений, а просто повезло: пришла в голову мысль, первая в этом году... Э, а это что такое? Предположим, здесь степень пять третьих, а не квадрат, тогда что получается? Бред получается. Какая-то сугубая лажа, не может здесь быть ни пяти третьих, ни квадрата, а скорее всего, это величина переменная от режима к режиму... Ладно, дадим кому-нибудь потом это вывести, все равно ясно, что КПД у этой штуки не лучше, чем у Сизифа с его камнем, одно тепло, что и требуется, а сейчас, братцы-волки, мы с вами смоделируем картину поля вот в этих зазорах, очень уж она занимательная, эта картина...

Дело двигалось. Я рассчитал картину поля на холостом ходу, предварительно загадав, какой она получится, и проиграл себе месячный оклад. Потом я рассчитал поле в холодной плазме и проиграл себе будущую премию. В третий раз, чтобы не рисковать пенсией, я поставил на кон добермана и выиграл. Вот так всегда. Ладно, кому не везет в игре...

Я оглянулся и вздрогнул. Надо мной стояла Дарья. Я и не заметил, когда она проснулась, но, наверное, не только что, потому что халат на ней был. Судя по всему, она успела и умыться.

— Доброе утро, малыш.

— Это что показывают? — спросила она.

— Вот это? — с фальшивой бодростью сказал я. — Это м-м... новая передача, математический телеконкурс такой, знаешь, для ума. Развивает. Погоди, сейчас сделаю нам что-нибудь другое.

Оставалось по-быстрому скинуть в память все, что я успел насчитать, и убрать с глаз клавир, пока Дарья не заметила. Пробежав по всем программам, я нашел мультфильмы и пододвинул кресло:

— Садись. Здесь тебе будет удобно. А я сейчас.

— Ты куда? — спросила она.

— Сделаю завтрак.

— А я уже позавтракала, — сказала Дарья, — пока ты занимался. И нечего меня за дурочку держать, конкурс какой-то выдумал... Думаешь, я поверила? Кстати, откуда в мойке тарелка? Это ты завтракал?

— Да, солнышко. Конечно, я.

— А-а. А я думала...

Она поправила волосы, и на лбу у нее вдруг вспыхнуло и засияло размазанное глянцевое пятно. К пятну боком прилип локон.

— Дарья! — заорал я не своим голосом. — Что с тобой?!

Она растерянно провела рукой по лбу и посмотрела на одну ладонь, потом на другую. Вид у нее был отстраненный. Я сорвался с места.

— Где? Стой, говорю! Да нет, не на лице! Стой, не дергайся! Руку покажи! Не ту! Ч-черт, бинт у тебя есть? Бинт давай! Перекись давай, промыть надо... быстрее, на пол капает... Да нет же, в ванную! Шевелись, шевелись живее!.. Это ты ножом?

Я потащил ее в ванную, ругаясь на чем свет стоит. Порез на ладони был глубокий, с пугающими рваными краями. Когда я стал промывать его перекисью водорода, Дарья почувствовала боль и попыталась выдернуть руку. Я не дал.

— Как маленькая девочка... Сколько раз тебе говорить, чтобы не хватала нож! Каждый день тебе говорить?

— Это не ножом, — сказала Дарья.

— А чем?!

— В мойке была чашка, — сказала Дарья. — Я еще подумала: откуда там чашка? Вчера не было, правда?

— Ну и что?

— А она вдруг как лопнет...

Набычившись и сопя, я бинтовал ей руку. Очень хотелось одеться и куда-нибудь уйти. Подальше. Туда, где не

разламывают руками фарфоровые чашки. Туда, где не молчат часами, уставясь в одну точку, и надо почитать за благо, когда молчат. Очень хотелось остаться одному. Трудно было отделаться от мысли, что к вечеру она припасет что-нибудь еще, какой-нибудь новый фортель, и я опять, в который раз буду к нему не готов. Впрочем, это процесс вероятностный. Дарья:.. Родной ты мой, глупенький, пошлый, тупеющий с каждым днем, невыносимый и очень нужный мне человек, зачем ты так? За что тебе такое? Знал же, знал, что это случается с другими, нечасто, правда, но все же случается, — и пусть бы это случалось с другими! Не с нами. Не с тобой.

Дарья молчала, изредка всхлипывая. Ей было плохо. Мало-помалу я взял себя в руки.

— Самойло, — сказала она.

— Да, малыш?

— Самойло, я дура, да? — Она всхлипнула.

— Ну что ты, — сказал я. — Глупости. С кем не бывает. Пошевели-ка пальцами — не больно?

— Больно. Ты знаешь, мне иногда кажется, что я уже совсем дура. А иногда не кажется, я даже немножко боюсь, когда не кажется. Сколько времени?

— Семь двадцать.

— У-у. Мне пора.

— Куда тебе пора? — спросил я.

— Ты что, совсем уже? В гимназию. А я еще не накрашена.

Она оттеснила меня и прошла в комнату. Я вымыл раковину, не очень соображая, что делаю, потом взял тряпку и вытер на полу везде, где была кровь. Доберман проснулся и гавкнул, приветствуя утро, поискал глазами, нет ли в поле зрения жужелиц, а потом заскакал перед дверью на лестничную площадку. Ему не терпелось. Я замахнулся на него тряпкой, но не получил в ответ ничего, кроме порции оголтелого лая. Для добермана я не авторитет.

— Перестань собаку мучить, — немедленно отреагировала Дарья. — Фьють, Зулус! Зулуська... Зулусинька...

Она сидела перед зеркалом и подмазывалась, одновременно успевая краем глаза смотреть мультфильм. На экране веселый боров Ксенофонт, бодро похрюкивая, бил по голове каким-то кайлом злого медведя Пахома, и злой Пахом с кирпичным грохотом распадался на куски. Я запер пса в прихожей, осторожно подошел к Дарье сзади и положил руки ей на плечи.

— Солнышко мое... Как бы это тебе сказать...

— М-м?

— Видишь ли, тебе не нужно сегодня идти в гимназию. Такое вот дело.

— Почему?

— Так, — сказал я, мучительно пытаясь что-то придумать. — Не нужно и все. Ты мне поверь, малыш, я знаю.

Она посмотрела на меня пустым взглядом и кивнула. Если я говорю, что что-то знаю, то так оно и есть. Она мне верит.

Тем временем на экране разбросанные кирпичи, кроме нескольких, которые хитроумный Ксенофонт успел покидать в речку, пришли в движение и вновь сформировали злого Пахома, но уже без обеих задних ног, как видно, по недостатку стройматериала. Безногий Пахом покачался на заду, как неваляшка, и почему-то залаял.

— Во! — в восторге закричала Дарья. — Смотри, смотри — ног нету!

Я подошел к экрану и убавил звук.

— Малыш, ты меня поняла? Тебе не нужно сегодня в гимназию. Не нужно тебе туда. Совсем не нужно. Не ходи.

В ее глазах что-то появилось на миг и исчезло. Что-то похожее на сомнение или, может быть, на ускользающее воспоминание. Скорее всего, на воспоминание. Она пыталась вспомнить.

— Мне нужно. Ведь не выходной... Или выходной сегодня? Нет? Тогда нужно. Я все время туда хожу. Каждый день.

— А сегодня не нужно.

Она не понимала.

— Как так не нужно... Зачем? Меня что, уволили?

— Не говори ерунды, — сказал я, кусая губы. — Вовсе не уволили, а только временно отстранили от преподавания. Это совсем другое дело. Ты не беспокойся, они так и сказали, что — временно. На время. Просто тебе нужно немного отдохнуть, прийти в себя. Ведь ничего страшного нет, ты просто устала, ты побудешь несколько дней дома, отдохнешь, и все у нас с тобой будет нормально, так ведь?

— Да, — сказала она.

— Ну вот и хорошо... А сейчас ты уберешь со стола свою косметику и будешь хорошей девочкой, ладно?

— Угм. Ладно.

На экране продолжалось все то же: боров Ксенофонт принялся отвинчивать у инвалида Пахома последние конеч-

ности. Потом со щелчком, как кнопки, вдавил медведю глаза — Пахом от этого громко пукнул, — отвинтил ему голову и закопал.

— Классно, да? — сказала Дарья.

— Что? А, да, конечно.

С чего же все это началось, подумал я с тихим отчаянием. Не знаю. Может быть, с того, что она перестала читать книги? Нет, это стало заметно гораздо позже... Последнее время она все читала детективы в ярчайших обложках дешевого пластика, она просто впивалась в действие и вскрикивала, сопереживая героям, а когда я, заглянув как-то раз под яркую обложку и морща нос, заявил, что если бы меня днем и ночью окружала такая же публика, как в этих романах, я бы, пожалуй, выпрыгнул из окна к адаптантам, вспылила, и вышла у нас такая ссора с визгом, что просто тошно вспомнить... Теперь она ничего не читает. Я даже не испугался, когда три... нет, уже четыре недели назад впервые это заметил, я почти обрадовался, когда обнаружил, что едкий, острый Дарьин ум уже не довлеет надо мной, как прежде, уже не имеет той силы, что позволяла довлеть, не имеет той остроты и едкости, — и я расслабился, я даже был доволен ею и где-то глубоко внутри, пряча это от себя, предвкушал еще большее довольство: мир в душе и спокойную радость хозяина от обладания ценной вещью... тем более что в постели у нас попрежнему все получалось прекрасно и даже лучше, чем раньше... Я пинал и гнал от себя мысль о том, что то страшное, что иногда случается с людьми, случилось с нею, и это неизлечимо, как въедливая разрушающая болезнь, хуже, чем болезнь. И как быстро, как безжалостно-неотвратимо идет процесс, нельзя ни остановить, ни замедлить, можно только быть рядом и смотреть, считая дни, которые уже прошли, и дни, которые еще остались... Можно еще вытащить со дна надежду, что все обойдется и процесс не то чтобы повернет вспять — такого не бывает, — но хотя бы замрет, приостановится сам собой — изредка это случается, — и пустить вплавь эту надежду, и на этой надежде держаться.

Самое время было сейчас собраться и уехать, я и так уже опаздывал, но медлил, неизвестно зачем. Дарья смотрела в экран, одновременно напевая что-то не в рифму и не в размер про горбатого, который может ходить по пустыне, как верблюд, но не ценит своих возможностей, потому что глупый. Допев, она рассмеялась, очень довольная.

— М?

— Смешно.

— Что смешно? — спросил я.

— Смешно, что глупый. Хорошо, что мы с тобой оба нормальные, да? Я бы не смогла быть дубоцефалкой. Правда, правда. Я тогда лучше повешусь.

— Дарья, — сказал я, — слушай меня внимательно. Постарайся понять, девочка, это очень важно. Сейчас для нас с тобой это важнее всего. Вспомни: тебя когда-нибудь генотестировали?

— Что? Да, конечно. Ты что, совсем уже? Когда в гимназию устраивалась, тогда и гено... Длинное какое слово, да? Зачем такое? Ге-но-тес-ти-ро-ва-ли, — она загибала пальцы. — Ужас.

— Стандартным генотестом?

— А? Не знаю. Кажется, давали лизнуть какую-то стекляшку. Какое мне дело?

— А по форме «А-плюс» — никогда?

— Да не знаю я... Самойло, отойди от экрана, загораживаешь. Ты почему такой нудный? Я тебе уже надоела, да? Ну скажи — надоела?

— Нет, что ты.

— Тогда иди ко мне. — Она вдруг рывком распахнула халат — веером разлетелись пуговицы, заскакали по полу. — Иди, слышишь! Ну иди. Ты смотри, как у меня... — Она всунула свои груди мне в ладони. Груди были горячие. — Помнишь, ты рассказывал мне, что был какой-то художник, который рассчитал, что оси симм... симметрии у грудей должны сойтись на каком-то позвонке? И тогда это идеальная грудь. Помнишь?

— Помню, малыш.

— Где, по-твоему, сходятся эти оси у большинства женщин? — спросила она и предвкушающе облизнулась.

— Высоко над головой, — механически повторил я свою старую плоскую хохму, еще надеясь, что все обойдется, — и все же наклонился и поцеловал тянущиеся ко мне влажные губы. Потом осторожно освободился.

— Прости. Мне пора.

— Что? Нет, нет... Ты уже уходишь? Я знаю, зачем ты уходишь: ты больше не вернешься, да? Скажи хоть раз правду: не вернешься? И уходи! — вдруг неожиданно и яростно закричала она. — Сама знаю, что я тебе никто! Найдешь другую! Исчезни отсюда вон, дрянь, ну! Йи-и-и...

Я успел схватить ее за руки, когда она бросилась на

меня с визгом дикой кошки. Лицо удалось уберечь, но по коленной чашечке мне досталось чувствительно. Я с трудом удержался, чтобы не взвыть.

— Дарья... Что ты, малыш, успокойся. Все будет хорошо... Все уже хорошо, верно?

Она смотрела куда угодно, только не на меня. Она смотрела сквозь. В ее глазах не было гнева, как перед этим не было желания. Они были блестящи и пусты, ее глаза, пусты, как черные впадины, прикрытые пленкой. Как вычерпанные до дна угольные ямы. Кричащий рот перекосила судорога.

— Вернусь как обычно, — сказал я, осторожно отпуская ее руки и напрягаясь. — Не открывай чужим и займись чем-нибудь. Постарайся не скучать.

— Сволочь!..

Я пожал плечами. В прихожей оглушительно залаял Зулус, требуя выгула. Где-то под диваном, невидимый, часто-часто зачихал простуженный морской свин — а может быть, вовсе не зачихал, а зафыркал, не одобряя происходящего. Я повернулся к двери.

— Самойло! — крикнула Дарья. — Ты не уходи, ты постой еще немного... Самойло, что со мной, а?..

2

Выждать. Подручное средство — шарф, торопливо сдернутый с шеи. Скудно. Не суетиться, пусть противник ударит первым, а если заупрямится, нужно выманить удар на себя. Наверняка не заупрямится: противнику по правилам игры полагается быть нахрапистым и полным уверенности в себе... Дрянь у меня, а не шарф, мягкий, даже по глазам как следует не хлестнешь. Ладно, урок понял. Впредь буду таскать на себе ошейник с шипами.

Есть! Удар снизу. Нож легко протыкает шарф, и, пока рука с ножом продолжает движение, я, уходя от удара, успеваю сделать оборот шарфом вокруг этой руки, затем захлестываю петлей шею. Бросок — и полузадушенный противник на полу, а если особенно повезет, то либо с повреждением шейных позвонков, либо с раной, нанесенной себе собственным холодным оружием. Так сказано в теории. Практически же только теперь противника нужно обезвредить по-настоящему, и для этой задачи практика не нашла лучшего подручного средства, чем каблук. Можно пожалеть гада и ударить по пальцам, нужно только быть

внимательным, чтобы не напороться лодыжкой на нож. Можно врезать по ребрам, поближе к сердцу. Можно ударить в лицо.

Никто, впрочем, не бьет. Пятеро валятся на маты, хрипя и наглядно показывая, какие глаза бывают у глубоководной рыбы, пять ног рефлекторно вздрагивают. И — ничего. Дядя Коля бурчит в усы, усмешка у него нехорошая. Он прекрасно понимает, чего хочется нашим мышцам в эту минуту. Он даже понимает, что мы знаем, что он это понимает. Пятеро удавленников встают с матов, и вид у них такой, что «пропади все пропадом, лучше пойду заниматься в дзюдо». Точно такой же вид был у меня всего лишь пять минут назад. Крутить головой все еще больно.

— На сегодня хватит. Завтра можете не приходить, кроме Струкова и Колесникова. Послезавтра у всех коллоквиум. Трое противников, одна минута. Обязательно проведение приемов номер четырнадцать, тридцать семь и сорок один — сорок три. Подручные средства: портфель, шарф, пустая пластмассовая бутылка. Все. Можете идти.

Пар — клубами. Недавно дядя Коля придумал заниматься в верхней одежде, с тех пор в подвале холодно и промороженные стены обросли инеем в два пальца толщиной. Отопление отключено и, кажется, надолго. Во всяком случае до тех пор, пока дядя Коля не решит, что каждый из нас способен ходить по улице без сопровождения взвода автоматчиков. Всего неприятнее, когда по ходу спарринга приходится бросаться ничком на хрусткий, задубевший от холода мат, — правда, зябко только поначалу. В этом подвале еще никто не замерзал.

— Какое оружие у нападающих? — спросил кто-то из новеньких, возясь с завязками набрюшника. Я разглядел пару ухмылок, тотчас погасших. Новичкам простительно задавать дурацкие вопросы. Противник может быть вооружен чем угодно, вплоть до ручного пулемета. Он может быть не вооружен ничем. Это личное дело дяди Коли.

— Любое. Проваливайте.

Набрюшники, нагрудники и набедренники были сняты и заперты дядей Колей в шкаф. На коллоквиуме шкаф останется запертым, коллоквиум — это серьезно. Только у нападающих жизненно важные органы могут быть прикрыты кевларовыми пластинами. Свистать наверх медицину. Недавно на институтской конференции проректор по кадрам погнал волну, крича, что в секции самообороны при помощи подручных средств институт теряет больше людей,

чем во всех других, вместе взятых. «Все верно, — ответил дядя Коля. — Но институт теряет их ранеными, а не убитыми. Это обратимо. Зато, когда они остаются с жизнью один на один, их гибнет намного меньше, чем ребят из других секций, разве нет?» (Он нас всех называет ребятами, вне зависимости от должностей и научных званий.) Больше он ничего не сказал, а начальство для сохранения лица еще немножко прошлось насчет необходимости всячески беречь, приумножая, и заткнулось.

— Сергей, задержись-ка.

Ну вот... Задерживаться мне не хотелось. Я с надеждой взглянул на часы. Отряхивая на ходу рукава и с любопытством оглядываясь на меня, преподаватели спешили на воздух. Новенького уже за дверью разобрал нервный смех, слышно было, как его толкают, приводя в чувство.

— У меня лекция, — сказал я. — Извини, дядя Коля.

— Задержись, я сказал.

Дверь за последним из выходящих закрылась. Плохо быть любимчиком, подумал я. Дядя Коля пока молчал, держа педагогически выверенную паузу. Ну, ясно. Опять наставление для бойскаутов младшего возраста. Если верно, что зрелость наступает тогда, когда пропадают мечты и начинают формироваться планы, то моей зрелости уже лет пятнадцать. У дяди Коли иное мнение. Для него я ныне и вовеки — разболтанный вьюноша, нуждающийся в патронаже. Он меня любит.

— Что нового? — спросил дядя Коля.

— Ничего... А что ты имеешь в виду?

— Новых попыток не было?

— Каких попы... А, вот ты о чем, — сказал я. — Нет, ничего такого, жив пока. Тишь да гладь, сам удивляюсь. Ну, уличные дела, понятно, не в счет. Это как обычно.

— А где синяк взял? — поинтересовался дядя Коля.

Я потрогал скулу.

— Споткнулся, упал.

— Упал, говоришь? — Дядя Коля понимающе хмыкнул. — Ладно, сколько их было?

— Один.

— Ну, знаешь...

— С пистолетом, — уточнил я. — И не в упор.

Дядя Коля только фыркнул.

— Адаптант?

— Черт его разберет. По-моему, просто какая-то сволочь. Подпустил прямо на улице шагов на тридцать и вре-

зал, как в тире. По движущейся. Я, само собой, на месте не стоял.

— С тридцати шагов по движущейся нетрудно и промазать, — сказал дядя Коля.

— Он и промазал.

— Значит, пронесло? — спросил дядя Коля.

— Похоже на то.

Дядя Коля грянул по письменному столу кулаком. В утробе стола хрустнуло, посыпался иней.

— Я так и думал, — сказал он. — Каким был, таким остался. Мальчишка! Чему я тебя учил, а? Чему я вас всех учу? Я вас учу тому, как выжить, а вовсе не тому, как правильнее махать той дрянью, что попадется под руку, это только средство! В наше время выжить чаще всего значит — обезвредить противника. Твой противник обезврежен?

— Не знаю... Решетов не объявился?

— Жди. Следствие прекращено за отсутствием состава преступления. Полиции нужен труп, тогда они зашевелятся. У них свои дела, у нас свои. Нам-то с тобой труп не нужен, верно?

— Это смотря чей, — мрачно сказал я.

— Ничей. Ладно, об этом хватит. Слушай, а где твой дружок? Вацек... как его? Юшкевич, что ли? Переметнулся?

— Нет.

— Ты ему скажи, чтобы на занятия ходил, — сказал дядя Коля, — и от меня прибавь пару ласковых. Он уже два зачета пропустил, потом не догонит. Скажешь?

— Да, — помялся я. — Обязательно. Если смогу.

— Что значит: если смогу? — насторожился дядя Коля. — Что еще такое?

Так я и знал, что этот разговор когда-нибудь возникнет. Пропади все пропадом. Инструкции инструкциями, а врать дяде Коле я не умею. Не получается.

— Я имею право знать? — спросил он.

— Нет, — сказал я.

Дядя Коля прошелся по комнате тигром, бормоча себе под нос. Давненько я от него такого не слышал.

— Не ругайся, не поможет.

Дядя Коля перестал ходить.

— Давно его забрали?

— Кто его забрал? — изумился я. — Куда его забрали? Ты о чем, дядя Коля? У нас народная демократия все-таки. Это только адаптантов теперь можно, и то не всех, как оказалось, а он даже не адаптант. Проверено.

— Черт его знает, может, и стоило, — задумчиво сказал дядя Коля. — Дыма без огня, знаешь...

— Я на лекцию опаздываю, — сказал я.

Дядя Коля взглянул на меня с усмешечкой:

— Не знал я, что и ты в этом дерьме... И как тебе там? Давно влез?

— Куда?

— Я должен был раньше догадаться, — сказал дядя Коля. — Вижу: неладно с парнем. Или я ошибаюсь? Ты не молчи, ты мне скажи, если я ошибаюсь.

— У меня все в порядке, — сказал я.

— Может, все-таки расскажешь? — предложил он, помедлив. — Вместе бы придумали что-нибудь.

— Извини, мне некогда.

— Весь ты какой-то... — неодобрительно сказал дядя Коля. — Нервный, шипы во все стороны. На прошлой неделе, говорят, какого-то студента в кровь избил. За что?

— А отвечать обязательно? — спросил я.

— Твое дело. Разные, понимаешь, слухи ходят. Большой шум был?

— Не было шума. И не будет.

— Ага, — сказал дядя Коля. — Я так и думал, что студентишка-то этот... того... Верно я думаю?

— Думай как хочешь.

Сейчас бы и уйти, но дядя Коля навис надо мной, как скала. Утес. Мохом порос. Педагог.

— Не нравишься ты мне последнее время, Сергей. Морду себе не добрил, волком смотришь. Не заметишь, как последняя женщина от тебя сбежит. Ты среди людей живешь, с тобой уже и так здоровается не каждый, а почему? Не замечал? Врешь, не верю. Ты бы хоть Карнеги, что ли, перечитал — классика! — или этого... как его... Бундук-Ермилова, недавно книга вышла, хорошо, гад, пишет, как раз для отечественных условий. Принести тебе?

— Сам читай, — сказал я.

— Почему?

— Не хочу. По-моему, нечестно это как-то. Превентивное одностороннее преимущество. Подловато.

— Ага! — каркнул дядя Коля. — Так я и думал. Значит, желаешь быть самим собой? Похвально. И как это у тебя получается, интересно мне знать. Подручные средства выручают?

Я отмолчался.

— А тот приемчик, что ты без меня освоил... — дядя

Коля молниеносно сделал захват, и я только и успел, что приготовиться к жуткой боли, но он вдруг отпихнул меня в сторону, — это не подлость?

— Подлых приемов вообще не бывает.

— Вот как?

Нет, голос дяди Коли — это нечто. Этакий боцманский рык, от которого дрожат мачты дредноута и всплывает кверху брюхом мелкая рыба. Доценты разные всплывают.

— Знаешь, дядя Коля, мне смешно, — сказал я. — Если у тебя есть понятие о благородном поединке, то очень хорошо. Держи его при себе. В мои правила не входит напрашиваться на драку, ты знаешь. А если меня кто-то к этому принуждает, с какой стати мне вести себя по его правилам? Почему ты считаешь, что в драке вот это морально, а вот это — нет? Драка вообще вне морали. Я буду защищать себя так, как сочту нужным.

— То есть, убьешь?

— Может быть, только искалечу.

— Хорош, — пророкотал дядя Коля. — И откуда такие берутся?

— А какие?

— Да вот такие... чистоплюи. По полочкам все разложит, не придерешься, а сам, если вникнуть, просто шкура без чести, без совести, и озлобленный, как всякий слабак. Чуть копнешь — и вот оно, выползло! Кушайте.

— Мне можно идти? — поинтересовался я.

— Иди. И чтобы я тебя... Стой! — Я обернулся. — Скажи-ка лучше: тебе уже приходилось убивать людей?

— Нет.

Дядя Коля невесело усмехнулся. Усы его топорщились.

— Ну, это ненадолго...

3

На лекцию я все же успел, да еще забежал в деканат и с неудовольствием переварил новость: общее собрание на сей раз не перенесено и состоится сегодня в обеденный перерыв в помещении кафедры электрических машин. Секретарь, жуя какую-то мочалку, безаппеляционно сообщил мне, что явка строго обязательна и будет проконтролирована.

— Кем? — агрессивно осведомился я.

Секретарь устремил толстый свой палец в потолок, и

больше я от него ничего не добился. Зато в «два-Б» сегодня было на удивление пристойно, один только раз в меня запустили бутылкой, и то без всякой злобы. Просто так. Я прочитал лекцию, как в какую-то широкую бездонную трубу, не имитируя преподавательскую увлеченность и очень стараясь не поворачиваться к аудитории спиной. Студентов на этот раз пришло немного, и я отпустил их за полчаса до звонка, наказав — впустую, разумеется, — не оглашать коридор звуками охоты на мамонта, особенно в виду патруля. Будет мне от Сельсина. Впрочем, сие еще не доказано, и так может быть, и этак, особенно в свете давненько идущих разговоров о том, что занятия будут временно прекращены. А почему бы, в конце концов, и нет?

Поразмышлять об этом по дороге к лабораторному корпусу мне не дали: один слишком хорошо знакомый и осточертевший всему деканату студент — не дубоцефал — из легендарных «хвостистов», память о которых хранится в студенческих преданьях десятилетиями, хищно выскочил из засады в вестибюле и какое-то время бежал вслед за мной по промороженной улице, с развязностью, почитаемой легендарными личностями за человеческое достоинство, требуя принять у него «хвост». Под конец он выдохся, замерз в своем свитере, отчаялся и только просительно шлепал синими губами нечто вроде «Серг Гиеныч», — тогда, помучив нахала еще немного, я назначил ему время на послезавтра, и легендарная личность отстала. В легенде, конечно, будет наоборот. Черта с два он у меня в этот заход трояк получит, пусть побегает еще. Глобальной Энергетической не нужны легендарные личности. Она сама по себе легенда. Пока в эту легенду будут верить, можно будет заниматься работой. И еще надеяться, что кто-то подумал о том, что нам делать, когда в легенду об остановке ледников верить перестанут.

Создать другую? Придется. Плохо нам всем будет, если мы ее не создадим. Гореть нам дымным огнем в лесопарках, по энергетику на каждый ствол... Природа дубоцефалов не терпит пустоты, ей нужно взамен что-нибудь адекватное.

Я так и вошел в лабораторию, бормоча себе под нос, как заклинание: «...не терпит пустоты... природа не терпит простоты... природа не терпит простаты...» Гм. Спорная мысль.

Время! Я поднялся на пятый этаж к Гарьке, выдернул у него с занятий двух третьекурсников с потока «Э», рас-

толковал им задачу и посадил за расчет режимов. Сашки не было. На вертящемся стуле перед его столом наличествовал рабочий халат в пыли и трансформаторном масле, а посреди стола на измятом номере газеты «Шуршащий друг» красовался стакан с остатками вчерашнего чая, увенчанный надкусанной горбушкой, и коричневый ободок показывал вчерашний ординар. Сейчас уровень жидкости стоял ниже — впрочем, рассмотреть было трудно. Стакан Сашка сроду не мыл, добиваясь, чтобы тот приобрел благородный коньячный оттенок. По стенам лаборантской — тоже Сашкина работа — висел на кнопках набор журнальных кисок в купальниках и без. Киски были преимущественно восточного вида, загорелые и под пальмами, а одна, полностью обнаженная, — в зеленеющих бамбуках. Интересно, где на Земле еще растет бамбук? Чушь какая-то. Я нашел линейку, брезгливо отодвинул ею стакан к краю стола и сдул крошки. Терпеть не могу бардака, если его устраивают другие. Особенно Сашка. Удружили кафедре штатной единицей... Самое интересное, что поначалу от него даже был какой-то толк как от лаборанта — плохонького, но все же лаборанта, — зато теперь он повадился внезапно и бесследно исчезать и внезапно появляться как раз тогда, когда меньше всего нужен, а совсем недавно, вскоре после того как исчез Вацек, я застал Сашку в деканате за разговором с Сельсином, и вид у Сельсина, когда я вошел, был сконфуженный, просто небывало сконфуженный, никогда Сельсина таким не видел...

А подите вы все в клозет! Самое умное, чем можно заняться на работе, — это работа. Время до лабораторки еще было. Я подсел к экрану и вытащил свои модели. По существу оставалось сделать не так уж много, и если это пройдет... Должно пройти, странно только, что никто еще до этого не додумался. Ведь могу же еще кое-что! Могу! Ладно, если так пойдет дальше, то через пару дней можно оформлять идею и нести пред ясны очи. Сельсин в кровь макушку расцелует.

Довольно скоро я поймал себя на том, что сижу сиднем и тупо гляжу на экран. Вот зараза, не могу работать. Здесь, сейчас — не могу. Могу сейчас, но не здесь. Или могу здесь; но не сейчас, а до того, как забрали Вацека, а значит, уже не могу. И вот что самое смешное: первые дни после его исчезновения я всерьез полагал, что Сашка меня избегает. Будь я проклят, если это не льстило моему самолюбию, если не поднимало меня в собственных глазах!

Мелкий ты человечек, доцент Самойло, тварь ты дрожащая... ну, положим, не вполне дрожащая и не перед каждым, но слабак — это уж точно, прав дядя Коля. Ты ведь даже по морде, по морде ему не съездил, а ведь должен был. Как человек — обязан был! Принародно и первым же подручным средством. Начальство бы ему не простило — ну и мне тоже, конечно. И что с того? Поехал бы в снега обслуживать рубильник и останавливать ледник руками? Да с радостью! Теперь-то поздно, теперь это так же непросто, как прикурить от паяльника, раньше надо было... А скользкий ты, оказывается, тип, доцент Самойло, когда-то я о тебе лучше думал. Дрожишь ты за свою сохранность, держишься за Сашку, — ртутных пуль боишься, отравленные иглы тебе не нравятся... А кому они нравятся? Надо понимать так, что кому-то на хвост я все же наступил. Где-то я от них совсем близко, ходим ощупью впотьмах, и не поймешь, кто кому в затылок дышит. То ли мне дали передышку для того, чтобы я расслабился, как лапоть, то ли для того, чтобы свихнулся от ожидания, как неврастеник. Потом со мною разделаются, опять прав дядя Коля. Спасибо. Ничего ты толком не понимаешь, дядя Коля, но все равно тебе спасибо...

— Начальству — салют!

Сашка.

Я не ответил. Он шел от двери ко мне — легкий, бодрый, уверенный в себе, как после хорошего отдыха, ступающий чуть пружиняще и в то же время с точно отмеренной порцией угловатой развинченности, свойственной возрасту, — когда-то и мне не пришло в голову усомниться в том, что ему двадцать один год. Это у него здорово получалось. Был он с мороза, румян и свеж, и черный, небывало чистый его костюм был элегантен, как Дашкин доберман, — сам Сашка элегантен не был, а вот черный костюм элегантен был. Не мятый свитер. Что-то фальшивое было в этом костюме, игрушечное. Положить в коробку и завязать бантиком... И почему-то запахло аптекой. Приглядевшись, я заметил пластырь у Сашки на шее. Пластырь был небольшой и слегка вздутый. Под самым ухом.

— Холодно, — сообщил Сашка, растирая руки. — Пока шел, черт, совсем дуба дал. Хорошо, хоть ветра нет, а то совсем бы... Даже адаптанты куда-то делись. Мороз и солнце, день чудесный... Это чье?

По-моему, он не рассчитывал даже на междометие вместо ответа. Я изобразил, что работаю. Сашка сделал дви-

жение, будто собирался с размаха плюхнуться на стол рядом с экраном, но не плюхнулся. Костюм обязывал. Вместо этого он заглянул в экран, фыркнул и положил передо мной свой брелок-кошку с горящими глазами.

— Поговорим? По-моему, назрело.

— У меня занятие, — холодно сказал я, вставая. — И я намерен его провести, мне за это деньги платят...

Сашка заступил мне дорогу. Теперь я уловил носом не только аптеку. Пахло крепким мужским одеколоном и чем-то еще, но не одеколоном и не аптекой. Чем-то из мира, предельно далекого и от того, и от другого. Гм, а ведь знакомый запах...

— Позволишь пройти? — осведомился я.

— Напрасно вы такую нагрузку взяли, Сергей Евгеньевич, — кротко сказал Сашка. — По-моему, она мешает вашей основной работе.

Черта с два он был намерен меня пропустить. Я почувствовал, что теряю сцепление с реальностью. Тут хорошо иметь под руками что-нибудь бьющееся, лучше всего фарфоровое, это отрезвляет в два счета... Господи, подумал я с тихим ужасом, глядя Сашке в лицо, — только не сейчас...

— Моя основная работа — здесь, — сказал я. — Отойди. Я психически неуравновешен.

— А я что говорю? — сказал Сашка. — Конечно, здесь. Нам с тобой, Серж, поговорить просто необходимо, хотя бы для того, чтобы понимать друг друга. Нехорошо получается, работаем с тобой бок о бок, а дружбы нет. Или, может быть, — он ухмыльнулся, — вы, Сергей Евгеньевич, теперь предпочитаете общаться со мной сугубо официально? На «вы»?

— Предпочитаю — никак.

— А зря вы спешите, Сергей Евгеньевич... — Сашка теперь улыбался во весь рот. — Во-первых, еще рано, никого нет, а во-вторых, с сегодняшнего дня занятия в лаборатории будет вести тот, кому это положено. Вацек Юшкевич.

Кажется, у меня отвалилась челюсть. Я торопливо сглотнул.

— Выпустили?!

— А что тут удивительного? — сказал Сашка с наслаждением.

— Да так... — я растерялся и сел. — Не ожидал. Вообще-то конечно... Я рад. Но... не ожидал, честно скажу.

— Ты еще Бамлаг вспомни, — осуждающе сказал Саш-

ка. — В нашей стране почему-то у каждого прямо с рождения превратное мнение о службе нацбезопасности. Ничего с твоим Юшкевичем не случилось, живой и здоровый. Прошел проверку генокода, только и всего, — есть у нас одна экспериментальная методика, достоверность три девятки. Секретности нет, со временем будем внедрять ее повсеместно. Результат отрицательный — гуляй и радуйся, что ты человек, задерживать далее не имеем оснований. Он сейчас подойдет.

— Мне что, сказать спасибо? — спросил я.

— А это как тебе удобнее. Ты погоди, я тебя еще с его женой познакомлю. Такая, знаешь, цыпа — что ты!..

— С какой еще женой?

— А ты нелюбопытен, — сказал Сашка. — Тебя, кстати, это тоже касается. Ладно, раньше времени ничего говорить не буду. Сегодня в обед собрание, не забудь.

— В обед обедать надо.

— Один раз потерпишь. Кстати, что у тебя произошло с этим студентом?

Я вздохнул.

— Он заложил двоих, которые не заплатили ему дань. Держал в страхе всю группу. Эти двое были обыкновенными дубоцефалами. Их взяли. По-моему, он просто клинический подлец с манией величия, а когда я ему так и сказал, он заявил, что это, мол, не моего ума дело. Ну, тогда...

— Дальше я знаю, — поморщился Сашка. — Тебе это не понравилось, и ты совершил героический поступок. Отправил человека в больницу, а толстолобики тебе помогали по мере сил. Очень хорошо. Мы проследим, чтобы подобные случаи больше не повторялись. А вам, Сергей Евгеньевич, от меня добрый совет не увлекаться самодеятельностью. Это ставит нас в один ряд с теми, кто идет за событиями, вместо того чтобы управлять ими. Вы меня поняли?

— А без стукачей никак нельзя? — спросил я.

Рожа у Сашки поехала вширь, будто он собирался заржать. Но он не заржал. Какую-то секунду казалось, что сейчас он хрюкнет, хлопнет себя по ляжкам и начнет трястись и давиться, вытаскивая из себя сквозь приступ радостного смеха: «...ну, ублажил... ну, ты юморист, Серг Гиеныч... не могу... как-как ты сказал?..»

— Предложите что-нибудь взамен, — серьезно посоветовал Сашка. — Мы бы рассмотрели, даю вам честное слово. Но я чувствую другой ваш вопрос, поправьте меня, если я не прав. Доколе этот хлыщ будет тут маячить и мешать

работать всем, кому можно. Вот именно такой вопрос я в вас и читаю: доколе? Это верно?

— Допустим.

— А вы заелись, Сергей Евгеньевич, — сказал Сашка. — Я понимаю, что вам так не кажется, я также полностью в курсе ваших личных проблем, но все-таки вы заелись. Вам бы иногда пройтись по городу, оглядеться вокруг — неужели у вас не возникает такого желания? Вы же все-таки ученый, пусть даже технарь, это не суть важно, главное здесь подход, — вы должны понимать, куда мы с вами катимся. И вы ведь это понимаете! — Сашка повысил голос. — Вы прекрасно все понимаете, только не желаете об этом думать. Вы привыкли считать, что у государства обязательно имеется кто-то, кому по должности положено думать за вас. Так вот он я! — Сашка ткнул пальцем себя в грудь. — Не нравлюсь? Хотите кого-нибудь другого? А не много ли вы от государства хотите, господа техническая элита? Вот я сижу здесь, думаю за вас и стараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вы остались жить и могли работать. Я вас спрашиваю: желаете ли вы — я имею в виду отнюдь не только вас персонально, — желаете ли вы остаться с этим миром один на один? Нет? Ну, разумеется. А ведь вы очень, очень плохо знаете этот мир. Вам когда-нибудь приходилось бывать в покойницкой при полицейском участке? Наверняка вы даже не знаете о том, что при каждом полицейском участке теперь имеется покойницкая. Пришлось учредить. А отрезанную голову ребенка вы когда-нибудь видели? А придурка, который режет себя вдоль и поперек осколком стекла и даже, сволочь, не чувствует боли? Уверен, что не видели и не стремитесь. Но кто-то обязан это видеть каждый день, кто-то должен заниматься этим дерьмом, чтобы вы могли работать, потому что вся надежда теперь только на вас, на то, что вы исхитритесь, извернетесь, встанете на уши и наконец придумаете, как нам остановить этот кошмар. Вам известно, что сейчас творится на Юге? Сейчас туда перебрасывают войска, и вообще невозможно предсказать, чем все это кончится. Вы знаете, что представляет собой наша армия? Там служат дубоцефалы! Кстати, в армиях других стран примерно такое же положение, хотя они, естественно, не делятся с нами этой информацией. Что говорить о рядовом составе — мы вынуждены отдавать дубоцефалам ряд младших офицерских должностей! Кроме пока еще стратегических сил, но и о них, боюсь, скоро нельзя будет сказать ничего опре-

деленного. В девяноста процентах случаев командование просто не знает, что может выйти из самого немудрящего приказа. Государство освобождает всех мало-мальски пригодных людей, к которым, кстати, относитесь и вы, для работы на свое будущее, пока кто-то еще способен позаботиться о настоящем. Никто не принуждает вас разделять все тяготы народа, а взамен от вас просят только сотрудничества, которое вам, безусловно, по силам и вдобавок в той или иной форме оплачивается, и еще чтобы вы не воротили носы при виде золотарей, потому что кому-то нужно заниматься и этим. А что делаете вы?

— Вообще-то я сотрудничаю, — сказал я. — И потом, все это я слышу довольно регулярно. Сельсин дает накачку.

— Пусть в меня так стреляют, как ты сотрудничаешь, — сказал Сашка. — Я, конечно, понимаю, твои чувства к приятелю, но и ты должен осознать, что в нашем деле оправданы даже ошибки, если они не ведут к катастрофическим последствиям, а в деле с Юшкевичем это заведомо не так. Имей в виду, мне проще всего было бы считать, что скрытым адаптантом и убийцей по меньшей мере троих преподавателей был этот самый исчезнувший Решетов, тем более что убийства теперь прекратились, — тебя устроит такая версия?

— Нет.

— Меня пока тоже. Ты сам прекрасно понимаешь, сколь многого эта версия не объясняет. Значит, будем работать, да или нет?

Да, кисло подумал я, кивая. Работать-то мы будем... Вацек отпал, кто следующий? Чтобы найти тупик в конце темного коридора, нужно пройти его весь. Может быть, конечно, там окажется и не тупик. Только ужасно не хочется идти этим коридором...

Я не услышал, как отворилась дверь, да и не все услышишь за вакуум-фильтром. Я только увидел, как в комнате беззвучно, как привидение, появился Вацек. Оправданная ошибка... Он шел по лаборантской со странной плавностью сомнамбулы, временами осторожно прикасаясь к стенам и предметам, ощупывая их кончиками пальцев — он словно бы вспоминал пальцами окружающее. Судя по всему, нас он не видел, это уже было что-то новенькое. Приглядевшись, я заметил у брелока-кошки третий горящий глаз.

— Ага! — закричал Сашка, схватив брелок и что-то с ним делая. — Вот и именинник. Марина! Маришечка, можно тебя?

Шаги. Молодая женщина. Ого! Все при ней, ничего не скажешь. Цыпа.

— Вацек, это Марина, — Сашка подскочил, устремился и подвел женщину за руку. — Помнишь, я тебе обещал? Маришка, это тот самый Вацек. Ну, совет да любовь, как водится, женился Тарас, не спросился у нас. Так?

— Так, — сказал Вацек без выражения. — Спасибо вам, Александр Генрихович.

— Не Александр Генрихович, — вразумительно сказал Сашка. — Какие церемонии между коллегами. Сашка — и все. Лаборант Сашка Столповский. Такой-сякой. Ты понял?

— Понял, Александр Генрихович, — еле слышно сказал Вацек.

Цыпа состроила гримаску.

— Сашка!

— Простите. Да-да, я помню. Саш... Я оправдаю. Я обязательно... Простите, очень спать хочется...

Сашка метнул на меня молниеносный взгляд.

— Ты бы хоть с Сергеем поздоровался, — сказал он Вацеку, — а то он тут без тебя не в себе немного. Психует.

— Здравствуйте, Сергей Евгеньевич, — вымучил Вацек.

— Здравствуй, Вац. Как ты?

— У меня все хорошо, Сергей Евгеньевич, — сонно сказал Вацек.

— Может, сегодня я занятие проведу? — предложил я, поколебавшись.

— Спасибо, я сам. Мне можно идти?

— Куда еще идти! — закричал Сашка. — А «горько»?! Ты чего смотришь, Вац? Такая женщина... Серега, давайка вместе: горь-ко! Горь-ко!!..

Они поцеловались торопливо, с болотным чмоканьем.

— И как это понимать? — спросил я, когда дверь за парочкой закрылась. Сашка только хмыкнул и повалился на стул.

— Уймись. Его пальцем не тронули.

— Рад слышать.

— Тогда какого рожна вопрос?

— Марина, — с отвращением сказал я, подумав. — Субмарина! У меня такое ощущение, будто я присутствовал при случке. У тебя нет? По-моему, если бы ты им приказал совокупиться вот на этом столе, они бы послушались без оговорок. Они даже ухитрились бы получить от этого удовольствие, если бы ты им это приказал. Нет?

— Кому есть дело до их удовольствия? — сказал Сашка. — Подожди до обеда, все сам поймешь. Ты, Сергей, меня все-таки удивляешь. Государственную Евгеническую когда еще обсуждали. Экран не смотришь?

— Смотрю.

— Тогда должен понимать.

Экран... Горящая нефть. Горящий лес, засыпанный снегом до половины высоты стволов. Снег тает у ног привязанных... И толпа. Орущая. Вот именно — экран. Вот оно...

— Так что, ты говоришь, у тебя с шеей? — спросил я.

— С шеей? — Сашка потрогал пластырь. — Разве я что-то говорил?

— Ожог?

— А зря я тебя нелюбопытным назвал, — усмехнулся он. — Что, дымом все еще тянет?

— Где твой балахон? — спросил я.

Сашка внимательно посмотрел на меня.

— Что ж, в интересах взаимного доверия придется объясниться, — сказал он после паузы. — Сам понимаешь, я мог бы просто заявить, что все то, чем занимается служба нацбезопасности, служит интересам народа и государства — между прочим, это действительно так, пусть даже некоторые наши действия не вполне понятны рядовому обывателю, — но такое объяснение, конечно, не для интеллектуалов, вроде тебя, верно? А если я просто попрошу тебя мне поверить, ты поверишь?

Я промолчал.

— В балахоне был не я, — сказал Сашка. — Но я там тоже был, это ты верно понял. Мы должны направлять энергию народа на его же благо, это, я думаю, в объяснении не нуждается. Прокаженного не лечат горчичниками. Выбор методов лечения всегда диктуется самой болезнью, как бы нам ни хотелось, чтобы было наоборот. Если бы человечество столкнулось просто с новой глобальной угрозой своему существованию, методы могли бы быть иными. Мы уже привыкли, в конце концов. Знаем, что человечество справится с любой доселе еще неизвестной угрозой — мобилизует все силы, отхаркнется кровью, вымрет в худшем случае наполовину, но справится! Но перед нами никогда еще не вставали сразу две угрозы такого масштаба: стремительно надвигающийся ледниковый период и обвальное вырождение интеллекта значительной части человечества...

Падающие хлопья... Жирный дым, закрученный в спираль...

— Тебе вообще-то не странно, что офицер нацбезопасности заговорил обо всем человечестве? — Сашка хмыкнул. — Я буду говорить только о нашей стране, чтобы ты не пугался. Где-то лучше, где-то хуже, а у нас картина довольно типичная: при всем напряжении сил государство еще смогло бы локализовать одну из этих угроз, но не обе. Не обе! — вдруг закричал он и покосился на свой брелок. — Мы не знаем, как это делается! Ликвидировали последствия войн и неумного управления, навели порядок, худо-бедно обеспечили охрану среды, стали наконец-то жить по-человечески — псу под хвост? У нас сокращают штаты, нет притока свежих сил и некому работать, неоткуда взять людей! Неоткуда! Сколько угодно желающих — и нет мало-мальски пригодного человеческого материала! Почти нет. Еще сто лет назад наша структура представляла собой как бы плотину водохранилища, обеспечивающую прочную стабильность государства. Теперь, и это еще в самом лучшем случае, мы просто задвижка для регулировки и отвода в безопасное место разрушительной энергии большей части наших с тобой так называемых сограждан. Чего ты хочешь от задвижки? Чтобы мы не вели определенную работу среди не пристроенных к делу дубоцефалов, так? А ты не думал, что они возьмут в работу вас, когда толпе надоест верить в вашу сказочку?

— Думал.

— Ага, уже прогресс, — Сашка осклабился. — Уже и высоколобые начинают размышлять на элементарные темы. Я мог бы долго и проникновенно говорить тебе о том, что правила игры навязаны нам противником, но делать этого не буду, хотя это чистая правда. Сейчас хорошо уже то, что эти болтуны в Дагомысе позволили нам назвать нашего противника противником, врагом — и поступать с врагом так, как он того заслуживает. Так вот, можешь мне поверить: если мы сейчас, вот именно сейчас, а не завтра, потому что завтра будет поздно, не направим справедливый гнев дураков против мерзавцев и убийц, они довольно скоро объединятся против нас. Это просчитано, есть социопсихологические модели. И здесь можно сколько угодно рассуждать о морали, но историю еще никто и никогда не делал чистыми руками, хотя кое-кто пытался. Это просто не получается.

Огонь... Вспыхнувшая одежда.

— Он был сволочью, — сказал Сашка, помолчав. — Мне даже не хочется говорить тебе, какой он был сво-

лочью. Работал за хорошие деньги, мне и вчетверть так не платят, имел доступ к кое-какой информации. Потом он нас предал. Если ты считаешь, что среди людей нет и не может быть пособников адаптантов, то крупно ошибаешься. Извини, что мы должны были с ним сделать? Расстрелять в подвале?

Я не ответил.

— Ну хватит! — Сашка резко встал, прошелся по комнате. — Будем считать разговор по душам состоявшимся, следующего скоро не проси. Теперь о деле, слушай внимательно...

4

К тому времени, когда элита явилась ко мне с результатами расчета режимов, я уже все сообразил и даже успел рассчитать одну простенькую модельку. Совсем простенькую. Но ее оказалось достаточно.

Впервые я видел элитников в таком состоянии. Их распирало. Обыкновенно они, особенно если на первых двух курсах им удалось не вылететь из элиты в первый поток, изображают из себя голубую кровь, и вид у них высокомерный и брезгливо-усталый, как у аравийских дромадеров. Со временем они взрослеют и находят для своего интеллекта не столь заметные заборы.

— Готово? — спросил я.

Дромадеры закивали.

— Отлично. Распечатайте результаты и сложите их в эту папку. Вот в эту. Можете считать, что зачет за этот семестр у вас уже есть. Спасибо, ребята.

Они помялись.

— А... что дальше? — спросил один.

— А ничего, — сказал я. — Это надо было лет на сорок раньше выдумать, тогда, может быть, и получилось бы. Теперь — пшик. Эта наша штучка ледника, к сожалению, не остановит, даже если раскатать в пять слоев. В лучшем случае и при грамотном использовании помешает образованию новых ледников, а сие уже не актуально. Что, впрочем, не мешает этой нашей идее оставаться изящной и остроумной. Так что, если есть желание, можете писать статью в «Энергетику». Только сначала дайте мне прочесть.

Можно еще запатентовать, вяло подумал я, когда элитники удалились. Заработать можно... И сразу же доктор-

скую... на докторскую это, пожалуй, тянет. Кой дьявол, блестящая бы вышла докторская, пальчики оближешь. Рецензенты, оппоненты, поздравления, потом свой кабинет и лекции не у дубоцефалов... Хорошо бы. Вот если наверху за эту идею от большого отчаянья все же ухватятся, вот тогда крышка: сперва за шкирку на пьедестал, затем пожизненное топтание ногами и в перспективе эпитафия: «Он хотел и не мог». Невероятно утешительно. И Сашка... новое положение — новые задачи... вы должны гордиться оказанным вам доверием... И Дарья...

На собрание набилась вся кафедра и еще пришли с других, так что яблоку негде было упасть. Кого-то погнали за стульями. Поверх голов я разглядел черную, непрерывно двигающуюся макушку Гарьки, он подавал мне знаки, а рядом с ним сидел истуканом Вацек, совсем уже снулый и без цыпы. Моя попытка устроиться у самой двери не увенчалась успехом: там уже успела усесться Хамзеевна, — тогда я, бормоча себе под нос разные слова, проследовал в гущу народа на призывные Гарькины махания — оказывается, он держал для меня место. Повторяя в уме, что лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять, я плюхнулся на стул и принялся оглядываться.

Председательствовал Сельсин. Рядом с ним пребывал некий незнакомый тип средних лет и мужественной внешности — не из институтских, не та морда. Юный толстый секретарь тоже был тут, сидел с краю председательского стола, шевелил какие-то бумаги и даже, как ни странно, не жевал. В дверях была сутолока, а у противоположной стены несколько человек, свесив головы ниже колен и скребя стульями, вразнобой стучали ногами по полу, и слышалось: «Вон, вон поползла!..» — но большинство собравшихся либо молчали, либо тихо шушукались по двое-трое. В общем-то, я уже представлял себе, о чем пойдет разговор. Остальные, кажется, тоже. Атмосфера была та еще.

— Ты зачем телефон отключаешь? — спросил Гарька. — Мне обидно, имей в виду. Уже и поговорить не с кем, когда хочется.

— Это ночью-то?

— Врешь, утро было. Ты ведь не спал, ты пожар смотрел. Вот ты мне прямо скажи: можно такое по экрану показывать? Или я чего-то не понимаю?

— А ты не смотри, — посоветовал я. — Страшно, противно — не смотри. Смотри Ксенофонта. А то, тоже мне, соберутся люди: не надо нам, боимся, видеть не хотим, и

без того на улицу не выйдешь! Мы-то, мол, выдержим, а вот за других страшно, ломаются люди, не верят никому, в будущее смотрят без оптимизма, так нам бы поменьше этого, тогда по закону обратной связи, глядишь, лучше станет...

Гарька издал змеиный шип.

— Да! — закричал он шепотом. — Боимся! И очень хорошо, что боимся смотреть! Потому что боимся с ума сойти! Ты нам все сразу не показывай, ты нам покажи врага, с которым мы можем справиться, тогда мы начнем что-то делать! Понемногу, понял! И сделаем, будь уверен. Зачем люди придумали лестницу? — чтобы по ступеньке, с одной на другую, шаг за шагом... Вот так и дойдем, если только умники, вроде тебя, не отнимут желание идти...

И этот туда же.

Сельсин встал и призвал к тишине — тотчас в переднем ряду кто-то заперхал и оглушительно раскашлялся, а у двери зашикали на опоздавших. Человек с мужественной внешностью оглядел наши ряды с некоторым недоумением и усмехнулся углом рта.

— Прошу внимания, — сказал Сельсин. — Все собрались? Дионисия Львовича не вижу... Здесь? Да-да, теперь вижу. Итак, я предложил вам собраться здесь главным образом для того, чтобы... — «Чтобы сообщить пренеприятное известие», — мрачно изрек кто-то позади, и над ухом фыркнули. — ...чтобы довести до сведения коллектива информацию о некоторых специфических задачах, касающихся выполнения Государственной Евгенической Программы, — взял Сельсин тоном выше, — сокращенно — ГЕП, прежде всего о новых правах и обязанностях каждого активного члена общества — в особенности об обязанностях, вытекающих из нашей общей ответственности перед будущими поколениями...

Сельсин не устоял на месте и начал ходить взад-вперед. На ходу слова выскакивали из него быстрее. Господи, вдруг подумал я с каким-то обостренным интересом, да он же не хочет говорить, стыдно ему, с великой радостью он залез бы сейчас в самый дальний угол — и молчал бы там, молчал...

— ...Предполагалось, что это собрание будет носить сугубо предварительный характер, — говорил Сельсин. — Однако целый ряд обстоятельств последних дней и особенно принятая вчера правительством Государственная Евгеническая Программа с комплексом сопутствующих правовых мер, вступивших в силу, как известно, немедленно, вынуждают нас несколько изменить порядок проведения...

Очевидно, он сам хорошо понимал, насколько изменится порядок проведения. Уже через десять минут на собрании творилось черт знает что и я принимал в этом участие. Сквозь общий гвалт и безобразные выкрики от председательского стола только и доносилось: «...решение временно заморозить ряд конституционных свобод... вынужденная мера, каждый должен осознать свою ответственность... не меньше четверых детей в каждой семье... государственная помощь многосемейным... первичные организации на местах... вы же взрослые люди...» — и прочие обрывки. Сельсин стал красен и охрип, молодежь на задних рядах хамски улюлюкала, и даже Вацек, очнувшись на несколько секунд от странной своей медитации, перестал совершать туловищем медленные хаотические движения и поднял голову. Человек с мужественной внешностью сидел как сидел, только кривил угол рта. Будто все это его не касалось.

— А теперь позвольте передать слово присутствующему здесь специальному уполномоченному окружной комиссии по реализации ГЕП, — стоически сказал Сельсин и сделал жест в сторону мужественного, — государственному разъяснителю третьего ранга Глебу Ипатьевичу Вустрому. Глеб Ипатьевич, пожалуйста...

Договорить Сельсину все же дали — как я понял, большинство присутствующих интересовалось не столько содержанием вступительной речи, сколько тем, как Сельсин с ней справится. Большинство, по-видимому, было удовлетворено плачевным видом оратора, и когда человек с мужественной внешностью встал и обвел собрание взглядом из-под насупленных бровей, как из амбразуры, было уже сравнительно тихо.

— Как-как? — только и спросил кто-то.

— Вустрый! — объяснили вопрошавшему, и никто даже не прыснул. — Глеб Ипатьевич!

Голова Глеба Ипатьевича медленно провернулась вправо-влево, как перископ изготовившегося к атаке подводного крейсера, выискивающий в неприятельской эскадре достойную цель. Достойные цели, если и присутствовали, то не лезли в глаза. Интересно, чем все это кончится, отстраненно подумал я, — не сейчас, конечно, сейчас он нас сомнет и раздолбит, а в некотором отдалении? Года, скажем, через три? Вообще, хорошо бы подсчитать средний срок действия подобных программ — как раз года три, должно быть? Или уже меньше? И как быть с теми детьми, которые успеют родиться за эти три года во исполнение Государственной

Евгенической?.. Четверых на семью, конечно, не будет, но двоих-троих вполне можно ждать. Маленькие такие, под стол ходят, трогательно мурчат, зарываясь щечками в мягкие игрушки, говорить еще не умеют, а им уже с трибуны какая-нибудь морда: извините, мол, ребята, ошибочка вышла, не знаем мы, что с вами делать, не нужны вы, как оказалось, в таком количестве, а виноватых дядей мы наказали и сами, конечно, сознаем свою ответственность, так что вы уж не держите зла, хотя кормить вас нам, прямо скажем, нечем...

— Я не понимаю, почему такая реакция, — медленно начал Глеб Ипатьевич. Голос государственного разъяснителя был глубок и наполнял раскатами все помещение. — Да, правительство приняло ряд мер в соответствии с чрезвычайным положением, имеющимся де-факто. Да, нынешняя чрезвычайная ситуация заведомо требует неотложных и энергичных мер; разве кто-нибудь возражает? Тем не менее, я вижу, — и перископ вновь пришел в движение, — определенное противодействие нашим усилиям по спасению человечества — будем наконец называть вещи своими именами — и со стороны кого? Со стороны кого, я хочу спросить? Может быть, люмпенов-дегенератов? Адаптантов, которые, как было установлено на самом высоком уровне, вообще не люди? Или дубоцефалов последнего разбора? Оказывается, нет! Со стороны интеллигенции, на благо которой как лучшей и дееспособнейшей части нашего народа главным образом и направлены принятые меры! Это, по меньшей мере, странно, чтобы не сказать большего. Человечество как вид давно уже теснимо на всем фронте и неуклонно проигрывает адаптантам, которые вдобавок размножаются куда быстрее, а их самки постоянно беременны. С некоторых пор люди привыкли с преступным небрежением относиться к своей главной социальной миссии: оставить после себя многочисленное и дееспособное потомство. В этих условиях ваши же избранники говорят вам: хватит рассуждать о свободе воли! Хватит, пусть даже это кого-то заденет — общий выигрыш от принятия ГЕП в историческом аспекте перевесит временное ограничение прав человеческой личности!

— «Дерьмо!..» — смачно и с удовольствием сказал кто-то справа от меня. По рядам пополз шум. Вацек опять пробудился от спячки и завертел головой, как радар, сканирующий по азимуту. Глеб Ипатьевич даже не отреагировал и вид имел уже не набыченный, но вдохновенный:

— Хватит болтать о вырождении! — неистовствовал

он. — Настала пора действовать, а не распускать нюни и сопли. Каждый лояльный хомо сапиенс, способный к воспроизводству потомства, обязан отныне прилагать все свои силы к распространению генетически чистой линии человечества! Любовь, мучения выбора, ритуалы ухаживания, доставшиеся человеку в наследство от времен его животного состояния, устарели, не отвечают более интересам человечества и как таковые должны исчезнуть, уступив место оптимальному подбору гамет в государственном масштабе. О возрастных ограничениях вы уже знаете: шестьдесят лет для мужчин и сорок для женщин... — «Сельсин, козел старый, ему шестьдесят три...» — прошипели сзади. Я чувствовал, что моя голова принимает отчетливо квадратную форму, да, наверное, не только я один это чувствовал, а чугунные фразы мужественного Глеба Ипатьевича все грохотали и грохотали, словно рельсы под каким-то чудовищным локомотивом: — ...Безусловная проверка генокода у всех лиц, въезжающих в страну, включая государственных деятелей... Вопрос о стерилизации дубоцефалов будет рассмотрен и решен в ближайшее время... Повсеместное внедрение новейших методов лечения бесплодия... Всех без исключения новорожденных — на немедленный экспресс-анализ! Комплекс правовых мер за неисполнение... Каждая семья обязана родить и воспитать не менее четырех нормальных — повторяю — нормальных детей...

— Какого пола? — вскинулся Гарька.

Вокруг заржали. Ржали долго, разряжались. Раздалось одинокое: «Тише вы!»

— Я думаю, это безразлично, — осторожно встрял Сельсин с председательского места. — Я думаю, этот вопрос находится э-э... так сказать, в компетенции родителей. Верно, Глеб Ипатьевич?

Гарька сел, очень довольный. По-моему, только деликатность, как он ее понимает, мешала ему сейчас откинуться на стуле, с облегчением отдуваясь и потирая руки, — или вообще встать и уйти. Его все это уже не касалось, и кое-кто, я заметил, уже поглядывал на него с ничуть не скрываемой завистью. У Гарьки девять детей, из них один мальчик.

— А побочные дети считаются? — спросил кто-то.

Позади снова заржали.

— Подождите, подождите! — Сельсин поднял руку. — Вопросы потом. Пожалуйста, продолжайте, Глеб Ипатьевич...

Этот кошмар должен был когда-нибудь кончиться. И он

кончился. В первичную ячейку Евгенического Общества, кроме Сельсина, попали еще толстый секретарь и Алла Хамзеевна, которая тут же с готовностью заняла место рядом с председателем и, отыскав глазами меня, предвкушающе улыбнулась. К тому моменту, когда настало время расписываться за знание обязанностей, вытекающих из ГЕП, оказалось, что большинство присутствующих уже выпустило пар, и, против ожидания, процедура подписания прошла довольно гладко. Секретарь пошел по рядам, раздавая брошюрки с кудрявыми виньетками на розовой обложке. Сбежать, кажется, не удалось никому: какие-то крепкие молодые ребята в дверях довольно невежливо заворачивали беглецов обратно. Протолкавшаяся цыпа разбудила Вацека. Со служебным долгом у нее все в порядке, а вот как, интересно, с деторождением?.. Просто материал, думал я, мрачно глядя, как преподаватели, инженеры и лаборанты по очереди встают и подходят к председательскому столу. Нормальный самовоспроизводящийся материал... Тут мне пришло в голову, что здесь, пожалуй, не один я так думаю, что и обо мне кто-то думает не лучше, тогда я навалился на свой внутренний фонтан и заткнул его. Принимая из пухлых рук секретаря брошюрку, я неожиданно поймал взгляд Сашки — оказывается, он тоже был тут и смотрел на меня с добрым юмором.

Я постарался принять наплевательский вид.

5

После налета, учиненного в прошлом месяце какой-то стаей на административное здание по соседству, толстую бегемотиху при входе в корпус убрали, заменив насупленным мордоворотом из спецкоманды, еще более дотошным и не склонным узнавать людей в лицо, к тому же, как не замедлило выясниться в первый же день его появления, имеющим право поверхностного обыска всех входящих в здание. На выходящих этот убивец обращал меньше внимания, и мне удалось выскочить наружу довольно быстро. Я задохнулся. Морозный воздух был тяжел и плотен, казалось, от него нужно было откусывать, чтобы дышать. Струя пара над снегоедом, неторопливо ползущим в конце улицы, поднималась вертикально вверх. Утро не обмануло: день выдался ярким и солнечным. Совсем не осенний день. Пожалуй, для осеннего дня было даже тепло.

С той самой швейной иглы у меня остался рефлекс: прежде чем сесть в «марлин», внимательнейшим образом исследовать гнездо папиллярного идентификатора, не забывая одновременно поглядывать по сторонам. И еще проверять сиденье, ибо из простого здравого смысла следовало, что получить отравленный укол в мягкое место вряд ли намного приятнее, чем в палец. А главное, это приведет к тем же результатам. Удостоверившись в отсутствии иголок, я уселся за руль и в который уже раз подумал, что занимаюсь ерундой и кретинизмом: уж если кто-то поставил целью сократить мне жизнь, ему вовсе незачем повторять старый фокус, у него есть богатейший выбор средств, наработанных человечеством за века его истории, и пытаться предохранить себя от всего, что только возможно, — самое неумное в мире занятие. А самое умное, что придумало человечество для сохранности индивида, заключается всего в двух словах: не зевай! Или даже «будь готов!», что в общем-то сугубый плагиат. Не зевай, когда припрет, и в особенности не хлопай варежкой, когда вокруг все спокойно. Чтобы потом не раскаиваться — если только тебе дадут время на раскаяние.

Вот так.

Только сейчас я понял, что Сашка меня предупредил, и предупредил очень серьезно. Еще можно кочевряжиться в допустимых пределах, но доцент Самойло рискует остаться без защиты, если не перестанет прикидываться человеком, звучащим гордо. Противен такой человек, не нужен никому, защищать его не хочется...

Я завел двигатель и выехал на трассу. На Красноказенной все было по-старому: середина улицы зияла громадной траншеей с торчащими из нее гнутыми кишками труб и ископаемыми трамвайными рельсами во всем первобытном безобразии, а на фланге этой противотанковой преграды уже которую неделю скучал забытый экскаватор, занесший над ямой свой покрытый инеем ковш на коленчатом суставе. Ремонтников нигде не было видно. Прочие двуногие тоже не особенно кишели. Единичные прохожие боязливо оглядывались, стараясь держаться на разумной дистанции от каждого попавшего в поле зрения сапиенса. Один из них, щуплый тип с запавшими, в кустистой щетине, щеками, прошел мне навстречу по тротуару, кольнув «марлин» внимательным взглядом. На хилой груди поверх ободранной куртки висел и болтался в такт ходьбе маленький коротковольный автомат. Напоказ.

Добравшись до места, где действовала Единая Дорожная, я перевел машину на автопилот и позвонил Дарье. Экранчик на лобовом стекле показал часть комнаты и морского свина Пашку, яростно грызущего ножку кресла. Дарья не подошла — приглядевшись, я заметил отблески резкого света на мебели. Загорает... Ладно, пусть загорает, это не во вред, не заснула бы только под лампой, возись с ней потом...

Может быть, все-таки заночевать у себя?.. Я взял эту мысль за шиворот и вывел ее вон. Она тут же вернулась. Нет, так нельзя... И так, как есть, тоже нельзя... Спокойнее, сказал я себе. Не трепыхайся. Разберись с тем, что тебе нужно, и с теми, кому ты нужен, прежде разберись, а уж потом действуй, здесь тебе жизнь, а не секция самообороны при помощи подручных средств. Обыкновенная жизнь, а значит, есть время задать себе тривиальные вопросы и, кажется, есть время на них ответить. Хочешь ты, чтобы Дарья осталась с тобой? Да. Ответ ясен. А теперь внимание: напрягись и попробуй ответить честно, хочешь ли ты, чтобы она осталась с тобой такая, как она есть? Молчишь? Противно, жалко себя, отвечать не хочется? Не хочется, сказал я себе. Совсем не хочется. Тут все зависит не от того, какая она есть, а от того, какой она в конце концов станет, вот этого-то я и не знаю...

Я едва успел среагировать, когда меня неожиданно бросило на защитный лист, — «марлин», лихо увернувшись от семейного трейлера, вынырнувшего сбоку на максимальной скорости, пошел юзом. Чтоб вас всех, подумал я, потирая локоть, занывший от удара о защитный лист. Стая за вами гонится? Я повертел головой. Стаи видно не было. Значит, просто от избытка чувств, от радости, что вырвались отсюда, и гори все огнем! Обычное дело. Странно только, что трейлер один, последнее время беглецы предпочитают собираться во внушительные караваны, вроде птиц перед отлетом на юг, а пробиваться в одиночку рискуют немногие. И это не из вульгарного чувства стадности: ходят слухи, что где-то за границами мегаполиса на машины действительно нападают...

В большом городе как в метро — всегда есть что-то над головой. Даже на набережной. Справа и сверху уступами нависали сорокаэтажки, слева белела река, засыпанная снегом по самый парапет. Вода давно куда-то делась. Под снежными барханами проложил себе русло сточный ручей, и кое-где сквозь протаявшие щели сочились тяжелые испарения. Дыхание коллапсирующего города еще ощущалось.

Мои мысли текли в точности как этот ручей — медленно и вязко. Вот, скажем, Бойль... Этот не уедет, как другие, пока своими глазами не увидит, чем все это кончится. Тоже мне, Плиний Старший... Мог бы исследовать коллапс в своем Кембридже, там даже нагляднее. Сколько нужно Бойлей, чтобы справиться в драке с одним, только лишь с одним вшивым выродком, потерявшим речь и остатки человекоподобия? Двадцать? Тридцать? Похоже на то, что реальное соотношение как раз обратное. Оно всегда было обратным. Удивительно, что Бойли еще рождаются, после того как человечество столетиями с увлечением их жгло, травило озверелыми толпами, гноило в бараках за колючей проволокой. Тоже символ цивилизации не хуже любого другого: колесо ломовой телеги, переезжающее голову Пьера Кюри... А вообще-то, интересно перечитать, как эти Бойли представляли себе наше Сегодня лет сто назад, ну, не все из них, конечно, — только оптимисты от избытка мудрости и постулата, что мудрость свойственна всем. Понять ребят можно. Приятно, черт возьми, чувствовать, что живешь не зря, что несешь в себе — бережно несешь, лелеешь — свое маленькое семя Будущего, что Будущее, поднявшись на твоем перегное и преспокойно о тебе забыв, станет хоть немножко разумнее, ну хотя бы самое чуть-чуть... Ладно, пусть лишь не повторит ошибок Прошлого — и уже неплохо. Кто осудит? Мир Разума! — для этой идеи стоит что-то сделать. Интеллигентные мусорщики, думал я, следя за тем, как «марлин» осторожно огибает стоящий поперек дороги длинный, как крокодил, остов сгоревшего «эребус-экспресса» — прекрасная была машина до того, как рванули баки. Вообще все без исключения интеллигентны... Таксисты, например. Водопроводчики. Интеллигентный вышибала вышибает сквозь дверь последнего неинтеллигента — и сам же интеллигентно подхватывает, чтобы вышибаемый не сломал себе что-нибудь... Блеск! Интеллигентные бабки на скамеечках, отрывая взгляды от шахматных досок, наизусть цитируют юному поколению Декарта и Спинозу, и юное поколение не делает попыток проломить бабулям головы. Интеллигентная уборщица вытирает тряпкой пыль... пардон, приводит в действие автоматику с искусственным интеллектом. Впрочем, всю бытовую и промышленную пыль зальют, конечно, связующим раствором, а от метеоритной чем-нибудь прикроемся...

Перед неприятным местом, застроенным старыми домами с множеством подворотен, я притормозил, чтобы позво-

нить Мишке Морозову, — сказал ему, что сейчас заеду, и отключился прежде, чем он успел возразить. С ним так и надо. Затем свернул с набережной и окончательно взял управление на себя — этой дорогой я не пользовался вот уже много месяцев. Когда-то здесь было довольно безопасно, но сейчас всеобщий клич «не зевай!» был куда как кстати. Один раз у перекрестка пришлось как следует врезать по тормозам, чтобы пропустить мимо довольно большую стаю — мотоциклистов семьдесят. Они промчались куда-то со страшным ревом и не обратили на меня внимания.

У самого Мишкиного дома чернел еще один горелый остов автомобиля — тут кто-то позаботился оттащить его с трассы на широченную полосу асфальта, прямо к громадному пьедесталу без памятника. Прежде на этом месте была барахолка, теперь что-то никого не было видно, только нерушимо, как могильные плиты, стояли два монументальных транспаранта забытых времен с плохо различимыми лозунгами — зазывающим: «Вкусную еду на ярмарке найду!» — и грозным: «Кто ярмарку не посещает, тот народных традиций не соблюдает!» Гм.

Тоже стихи.

Мишка травил жужелиц. Отворив дверь, он скривился, не очень пытаясь изобразить, будто аэрозольная отрава ему неприятнее, чем я. Я покрутил носом. Воняло не то чтобы очень противно, но довольно крепко.

— Можно войти? — поинтересовался я.

— Зачем? — спросил Мишка. Его рука лежала на дверном косяке, как шлагбаум.

— Есть одно дело.

— Валяй, — поколебавшись, сказал он. — Только недолго.

— Уж будь уверен...

С прошлого раза ничего у Мишки в квартире не изменилось: те же легкие веселенькие шторы, те же измятые случайными пулями стальные жалюзи по ту сторону окон, та же мебель; даже наш старый диван — еще я покупал — был на месте и выглядел плачевно. Мишка ленив к домашним делам. Как еще собрался с духом истребить жужелиц — уму непостижимо.

— Чем травишь? — спросил я, осторожно опускаясь на диван. Этот диван и в лучшие времена не любил фамильярности.

Мишка, хмыкнув, показал флакон. Торговая кличка снадобья мне ни о чем не говорила. Научная, напечатанная ниже в три с половиной строки, — тем более. Из химии я помнил только то, что железо ржавеет, что сероводород воняет, что существует некая таинственная реакция серебряного зеркала, да еще то, что вода растворяет все, кроме того, что в ней не растворяется.

— А действует? — спросил я.

— На меня — да. — Смахнув со стены оробелую жужелицу, Мишка поймал ее в специальное ведро. — Нет, вроде действует... Совсем осторожности лишились. И бегают неправильно.

— Боком, что ли?

Мишка скосил на меня глаз, и я позаботился придать своей физиономии самый невинный вид. Очень хорошо я знал этот его взгляд и еще со школы усвоил, что за ним обычно следует, как-никак лет семь учился с Мишкой в одном классе. Мишка — транссексуал. Когда-то его звали Катькой Морозовой, и не было в школе девчонки более отчаянной и презирающей говорящие куклы «с характером», чем она. Более дерзкого инициатора потасовок и порчи школьного имущества — в том возрасте, когда большинство из нас открыто считало себя педагогическим браком и тем гордилось. Даже в старших классах заигрывать с ней не решались. Когда однажды амбал Котковский, балбес и неукротимый бич всей школы, придумал от большого ума немного потискать ее в углу, каковую операцию не раз и не два проделывал с молоденькими учительницами, он пожалел об этом немедленно и всерьез. Катьку даже судили за нанесение увечий, но, к счастью, оправдали. Адвокат както сумел убедить суд в том, что имела место попытка изнасилования.

Усидеть на месте для Мишки было невозможно. К тому же с ранних лет он (тогда еще она, а не он, но это не суть важно) имел счастливое и, в общем, верное убеждение в том, что самая мощная бетонная стенка не превосходит прочностью самого хилого человеческого лба, — так вот, лоб Мишка имел замечательно прочный. С терпением было хуже. Одно время он учился на заочном филологическом, одновременно успевая заниматься тысячью других дел; был автором шарлатанской статьи о внутривенном откармливании бройлеров; потом представил как соискатель антропонимическую диссертацию (главным образом, доказывал, что козел Трофим из «Поднятой целины» поименован Шолохо-

вым в честь Т. Д. Лысенко, — однако диссертацию таки отклонили за неактуальностью); потом занимался еще каким-то прохиндейством, трудился механиком (спал на каком-то насосе в каком-то подвале) и наконец прилип к Главному Диагност-центру — черт его знает зачем, поскольку в медицине он пень, всегда был пнем и до сих пор, наверное, уверен, что саркофаг — это импортное средство для уничтожения саркомы...

Сначала с ней ошиблась природа. Потом ошибся я, потому что не задумался над тем, сколько и каких гормонов вырабатывает Катькин организм. Мне этот организм просто нравился. Она не взяла мою фамилию, когда выходила за меня замуж. После операции она сменила имя, а место жительства и работы менять не стала — ей было плевать.

ЕМУ было плевать — это точнее.

— Я тебя не звал, — напомнил Мишка. — Говори, что нужно, и убирайся. Ко мне прийти должны.

Мишка — кобель. Но разборчивый.

— Опять женщины? — Я покачал головой. — Грустно, Миша, грустно. Растрачиваешь молодые силы. У меня, может быть, обыкновенная ностальгия — чем тебе не нравится? Диван, вижу, тот самый. Приятно посидеть на обломках кораблекрушения. Кстати, ты как сейчас пишешь в анкетах: все еще «замужем»?

— Пишу «семьянин», — хмыкнул Мишка. — Ты за этим и пришел?

Я коротко объяснил ему, зачем я пришел.

— Ага! — сказал он, когда я закончил. — Значит, непременно по форме «А-плюс»?

— Верно. И как можно скорее.

— Не пойдет. — Он покачал головой.

Так я и думал.

— Почему?

— Действуй официально — вот почему. У нас с этим строго.

— Официально — это раз-два и в резерват, — возразил я. — Мне нужно, чтобы было неофициально. Ты, я и она. И чтобы больше ни одна живая душа не узнала.

— Значит, «она»? — ухмыльнулся Мишка. — Ну, естественно. Мог бы сразу догадаться. Не везет тебе с бабами, а? А скажи мне, пожалуйста, с какой стати мне решать за тебя твои проблемы? Мне просто интересно.

— Катя, — сказал я умоляюще, — я тебя прошу.

Мишка окрысился:

— Я тебе не Катя...

— Миша, — сказал я. — Послушай, не Катя, а Миша, мне очень нужно, чтобы ты мне помог. Мне некого больше просить. Ты же работаешь в этом центре, Миша! Помоги и требуй от меня что душе угодно. Теплоэлемент хочешь? Ни у кого нет, а у тебя будет. Тридцать киловатт, автономность пять лет с гарантией... Или денег? Миша, ты пойми, ты сейчас посмеешься надо мной, но один раз ты меня пойми: мне Дарья нужна так, как ты никогда нужен не был... не была...

— Пошел вон! — сказал Мишка.

Что ж, исчерпывающе. Я встал и прошелся по комнате. Уж чем-чем, а доходчивостью изложения Катерина всегда отличалась, не отнять и не забыть, как ни старайся. Черт меня побери, понял я вдруг с испугом, а ведь мне хотелось ее увидеть! Не его, а именно ее. Вспомнить, представить в воображении вот эти руки — они теперь Мишкины, вот эти щеки — они тоже теперь Мишкины, бритые, но зато вон та ложбинка сзади, где шея переходит в затылок — она еще Катькина, ее Мишка не украл...

— А хорошо, что у нас с тобой не было детей...

Мишка промолчал.

— Значит, не поможешь? — спросил я.

— Ты еще надеялся?

Чтобы успокоиться, пришлось глубоко вдохнуть. Воняло приторным. Мерзкое снадобье не подавляло обоняние, совсем наоборот. И ведь ходят же сюда женщины... Впрочем, Мишкины женщины — они ко всему привычные, к насосу в подвале в том числе.

Ну что ж... Я вытащил из кармана мятые брошюрки и шлепнул перед Мишкой в ведро с жужелицами. Теперь была моя очередь. Извини, Катя.

— Читал?

— Нет, — покосился он. — Что за дрянь?

— Я тебе оставлю, — пообещал я. — Ты почитай, тебе будет интересно. Видишь ли, мне предписано зачать от тебя ребенка.

Мишка открыл рот.

— Что-о?

— Вредно говорить на вдохе, — сказал я. — Можно поперхнуться. Повторяю еще раз. От нас требуется зачатие ребенка, детали процесса оставлены на наше усмотрение.

Мишку передернуло.

— Ты от рожденья такой или в детстве уронили?

— Можно двойню, — уточнил я. — Но приступить мы должны немедленно, там так написано. Начало можешь не читать, там лозунги и статистика, а дальше кратко и энергично: уклонение считается действием, наносящим прямой вред государству и человечеству. Систематическое неисполнение требований ГЕП, выявленное окружной комиссией, карается в установленном законом порядке. Кстати, разводы отныне запрещены. Будем плодиться, вроде кроликов. Так что раздевайся, женушка, и ложись в постель.

— Погоди, погоди, — пробормотал Мишка. Он попятился и стал бледен. — Как ты это себе представляешь?

— Это не мое дело, — нахально сказал я и, подобно толстому секретарю, устремил указательный палец в космические сферы. — Там спроси. Или придумай сам, проблема-то твоя. У тебя девять месяцев на доказательство лояльности.

— А вот это ты видел? — завопил Мишка, брызгаясь. — Ха, удумал, чем напугать! Да плевать я хотел! Да не один нормальный человек, даже в твоей говенной комиссии... Ни один, слышишь!..

— Ты сомневаешься, что Государственная Евгеническая разработана нормальными людьми? — кротко спросил я. — Видишь ли, наш с тобой случай в Программе не предусмотрен, так уж вышло. Раньше надо было думать. Ты моя жена, иди докажи обратное.

В дверь позвонили.

Я обошел пораженного столбняком Мишку и отпер. На пороге стояла женщина, мало того — знакомая женщина. Самое интересное, что я даже не очень удивился. Похоже, сегодня выдался такой день, что я просто подсознательно ждал чего-нибудь в этом роде. И второй раз за пять минут я видел, как лицо человека вытягивается, одеваясь бледностью.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вас ведь зовут Субм... то есть, виноват... Марина? С Вацеком все в порядке?

— Да, — очень тихо сказала цыпа.

— А с Сашкой Столповским? Он знает, что вы здесь?

Мишка за спиной громко сглотнул.

— Простите, что не могу уделить вам сейчас внимание, — непреклонным тоном произнес я, затворяя дверь, — но у нас с супругой есть дела, не терпящие отлагательств...

— Сволочь!!! — заорал Мишка и попытался меня лягнуть. Я уклонился, одновременно проверяя взглядом комнату на наличие подручных средств.

— Конечно, сволочь. Только вот что интересно: людей почему-то сильнее всего бесит не тот, кто сам по себе сволочь хуже всякого адаптанта, а тот, кто становится сволочью тогда, когда его к этому вынуждают. Почему так, не знаешь?

— Марина! — закричал Мишка. — Марина, ты здесь? Марина, ты подожди, я сейчас...

— Мы договорились? — спросил я.

— Ладно... — Мишка тяжело дышал. — Давай адрес... Попробую.

Я записал адрес и фамилию и, послав Мишке воздушный поцелуй, галантно распахнул дверь перед дамой.

6

— Нет, мне так не нравится, — сказал Бойль. — Давайте все-таки оттолкнемся от какого-то определения, иначе нам не забраться... Не выбраться? Да-да, правильно. Не выбраться. Итак, попробуем сформулировать: основная черта, выделяющая адаптантов из основной массы человечества, — суть острая интеллектуальная недостаточность при сохранении и даже совершенствовании адаптивного поведения, отсюда и видовое название. Так?

— Так, — поддакнул Георгий Юрьевич, нюхая яблоко. — Вот это ты, брат, правильно сейчас сказал. Дураки они и дерьмо живучее, всего и делов. А то напустил тут поначалу: зиготы какие-то, аллели, Менделеев...

— Мендель, — поправил я и погладил Дарью по руке выше локтя. Она не почувствовала.

— Вот я и говорю, что проще надо... — Георгий Юрьевич вытер слезы и захрустел яблоком. — Верно, Дащ? Ты чего скучная? Серега, налей-ка еще.

Уютно. Мягкие кресла, вечерний полумрак, морской свин под кроватью шуршит и грызет деревянный чурбачок, а доберман Зулус изгнан и заперт в другой комнате за надоедливость. Вино, коньяк, кое-какие фрукты. Вино, кажется, хорошее. Это все Бойль. У меня в баре вина сроду не было.

— На самом деле это определение тоже порочно, — заметил Бойль, — если мы уже двести лет не можем договориться о том, что такое интеллект, а мы этого именно не можем. Кроме того, наше определение поневоле упрощено, как вообще всякое определение сложного понятия. Самые

сложные вещи — как известно, те, в изготовлении которых не участвовал человек. Например, такой вещью является он сам. Я бы сказал так: интеллект по сути своей есть привычка — или, скажем, его можно рассматривать как привычку, как чисто человеческий способ уверенно чувствовать себя в обществе себе подобных, причем само же общество и формирует привычку, и подсказывает способ. Очевидно, что у Маугли не может быть иного интеллекта, кроме волчьего, да и не нужен ему в стае человеческий интеллект, даже вреден. Что касается нас, то мы долго и поступательно, называя свое движение прогрессом, шли к такому обществу, при котором интеллект вовсе не является ни условием выживания, ни даже условием душевного комфорта. По сути, хотя это, конечно, тоже упрощенная модель, у адаптантов выключены именно и только те участки мозга, которые усложняют существование индивида в современном социуме. Сейчас сохранение интеллекта сдерживается только общественной привычкой, а привычка, знаете ли, штука колкая... Хрупкая? Да-да, спасибо, я имел в виду сказать, что именно хрупкая...

— Как чашка, — неожиданно сказала Дарья. — Хруп! Я ее рукой...

Я быстренько налил вина в ее рюмку.

— Выпей, малыш...

— С точки зрения социологии интересен именно этот вопрос, — сказал Бойль, внимательно разглядывая Дарью. — Почему до шестидесяти процентов адаптантов проходят через фазу дубоцефальства, до поры до времени никак не проявляя своей видовой сущности, которая напрямую следует из их генотипа? Здесь общественная привычка выручает нас сильнейшим образом, а вместе с ней, конечно, вся система подражательного воспитания. Подумать страшно, сколько раз на протяжении последней сотни лет эту дрессировку клеймили, и справедливо, а оказалось, что в ней заключена внутренняя защита еще не окончательно дегенерировавшего общества, она дает обществу шанс... — Бойль аккуратно отпил из своей рюмки и поставил ее на стол. Все молчали. — Однако воспитание тоже палка о двух концах, — сказал он. — Оно может скрыть от нас самое начало процесса, как скрыло на этот раз. Кто-то, конечно, по роду работы обращал внимание на общее падение цивилизованности, на увеличившийся процент детей с врожденным слабоумием, на рост немотивированной преступности, кое-кто уже тогда пытался бить тревогу, но

факт остается фактом: начальный момент был замазан, мы даже не можем с уверенностью сказать, когда и почему все это началось...

— Что ж удивительного, — сказал я, косясь на Бойля. Очень мне не нравилось, как он разглядывал Дарью. Как экспонат какой-то. — Где для тревоги основания? Ну, дебилы... Ну, садисты-выродки, уличные стаи... Бывает. Всегда было. Кого и за что судить? За убеждение, что человечество само по себе очень устойчивая система?

— К воздействию извне — да, конечно, — сказал Бойль.

Спорить с ним не хотелось.

— Знаем, с чего это началось! — бухнул Георгий Юрьевич и, взяв рюмку за ножку, покачал ее в руке. Вид у него был такой, что, мол, ежу ясно, когда и, главное, почему все это началось, вообще удивительно, что живем еще. — Я свое детство хорошо помню, не так все было... Серега, я же тебя просил: коньячку! Вот сюда.

Я налил. И себе тоже.

— Похоже, что подобный казус уже имел место, — сказал Бойль. — Я имею в виду случившееся некогда выделение из центрального ствола человечества боковой линии классических неандертальцев. Между прочим, это выделение подозрительно совпадает по времени с началом последнего большого оледенения, у вас это не вызывает ассоциаций?

— Солнце? — спросил я.

— Возможно. Собственно, это только одна из многих гипотез, но мне она нравится. Во-первых, тем, что она легко объясняет многие особенности физиологии адаптантов: например, их малую чувствительность к боли и холоду, редуцированный инстинкт самосохранения. Просто удивительно, как мало и плохо мы думаем о влиянии Солнца на жизнь человечества, а природа, заметьте, редко упускает случай заполнить экологическую нишу. Ну а во-вторых, эта гипотеза нравится мне тем, что по ней не одно только человечество повинно в создании экологической ниши для адаптантов. Знаете, это как-то приятно, я же все-таки человек...

— За людей! — провозгласил я. — Да здравствует человечество!

— Когда такие слова говоришь, вставать надо, — проворчал Георгий Юрьевич, поднимая рюмку двумя руками. — Треплются тут...

Мы выпили. Георгий Юрьевич крякнул, вытер слезы и с хрустом надкусил яблоко. Бойль допил свою рюмку, и я, пользуясь моментом, тут же налил ему коньяку. Нечего переводить сок лозы, пусть его приканчивает Дарья. Вино легкое. У меня не было никакого желания подставлять под взгляд Бойля Дарью в пьяном естестве.

— А может, они это специально? — сказал я, чтобы что-то сказать. — Ну, не специально, не сознательно то есть, а где-то на уровне инстинктов. Может быть, адаптантами или даже просто дубоцефалами становятся те из нас, кто не может с нами жить, в нашем мире? В одном объеме пространства с нами и на одном временном отрезке? Может, дубоцефальство для них — единственно возможная защита от нас и от нашего мира?

— Это старая безумная гипотеза, — Бойль свернул свои морщины в улыбку. — Было бы просто замечательно, если бы все безумные гипотезы оказывались верными. Кроме того, она абсолютно бесполезна для практики, подобно всем другим поэтическим изыскам. Есть, например, такая гипотеза: природа-де изначально закладывает в каждый биологический вид генетическую бомбу замедленного действия, которая выраба... срабатывает, когда вид начинает создавать угрозу существованию самой природы. Оставьте. Раньше мы не знали, как и почему возникают новые биологические виды. Теперь знаем. Нам в некотором роде повезло: процесс идет прямо на наших глазах, региональные различия заключаются лишь в деталях. Я же объяснял вам, что такое подавляющая часть дубоцефалов.

— Шлак эволюции, — мрачно сказал я и не удержался — взглянул на Дарью. Она сидела в кресле перед столом, закинув ногу за ногу, сидела почти так, как умела сидеть когда-то, и только летаргическая неподвижность лица делала ее позу скованной. Статуя... Вряд ли она слышала наш разговор. На миг у меня возникло чувство, что она думает о чем-то своем, очень важном, но вот сейчас она додумает, встряхнется, пихнет меня в бок и скажет: «Самойло, ты чего кислый?..» И лицо ее снова оживет. Нормальное лицо, загорелое даже...

Я изо всех сил постарался не зажмуриться.

— Это когда-нибудь кончится...

— Почему вы так думаете? — спросил Бойль.

— Потому что это не может продолжаться, — неуверенно сказал я. — Потому что это должно когда-нибудь кончиться.

— Вы правы, — ответил Бойль, помолчав. — Это когда-нибудь кончится, если, конечно, вы имеете в виду вопрос: кто кого. Я даже не сомневаюсь, что это кончится довольно скоро, поверьте пожилому человеку. Дело только в том, что мы не знаем, чем все это кончится.

— Это ты правильно, — сказал Георгий Юрьевич. Он уронил огрызок яблока на стол и сидел пригорюнившись. — Никто, хрен, не знает. Помню же: не так было... Жуть до чего дожили, я уж на улицу и не выхожу, еду внук привозит, такие дела. Ты вот приехал, браток, спасибо тебе, хоть ты и не наш, а то, бывает, и посидеть не с кем, во всем доме две квартиры с людьми. И пособие опять урезали, — пожаловался он, — а я инвалид, мне положено в полном объеме... Выпьем?

— Вы бы поосторожней, — предостерег я. — Все-таки после приступа. И печень у вас...

— А тебе какое дело?

— Да, собственно, никакого, — я пожал плечами. — Будете потом хвататься за организм при одном только виде бутылки. Или закуски. Любой. Творогом, как известно, не закусывают.

— Что бы понимал... — обиделся сосед и тут же в подробностях рассказал о том, как в девяносто девятом в окопах под Гдовом пил с друзьями очищенный БФ с простоквашей — и хоть бы хны...

Мы чокнулись. Георгий Юрьевич предпринял было поползновение растормошить Дарью, но я помешал. Пусть сидит. Бойль вылил в рот содержимое рюмки, как воду, не выразив на лице абсолютно ничего. По-моему, он тоже был бы способен выпить очищенный клей, если бы возникла такая необходимость.

— Кстати, — сказал Бойль, — я говорил вам о том, что у адаптантов аномально низкая чувствительность к спиртному? Нет? Представьте, это выяснилось совсем недавно. Оказывается, это им и не нужно: их щитовидка непрерывно выделяет вещество, заменяющее алкоголь. Они как бы пьяны сами собой, особенно в момент между действием раздражающего фактора и ответной агрессией. Возможно, в каком-то смысле они счастливее нас с вами.

— Ну, хватил, брат! — сказал Георгий Юрьевич и стал вытирать слезы. — С такими-то рожами...

— А вы взгляните на лицо счастливого человека, когда сами не в настроении, — возразил я, чувствуя, что пьянею. — Тоже скажете: рожа, так бы и звезданул по чере-

пу... А адаптант смотрит на вас, как на птеродактиля: откуда ты, мол, такой взялся, парень? Сыт, пьян, главное, жив — почему не радуешься жизни? Забить, чтоб не маячил, да помедленней... — «Это кто птеродактиль?!» — взвился сосед, и мне пришлось извиняться, прикладывая руки к сердцу, и втолковывать, что не то хотел сказать. На некоторое время беседа приобрела бестолковый характер, даже Дарья начала неритмично хлопать глазами, выказывая признаки пробуждения, и я уже задумался над тем, как бы поделикатнее выпроводить гостей...

— Ладно, — сказал Бойль. — Кое-что мы все-таки выяснили, только это нас не продвинуло ни на икоту... На йоту? Верно, ни на йоту, я иногда путаюсь, вы меня пожалуйста поправляйте... Я сильно ошибаюсь в языке?

— Отнюдь, — уверил я. — Последнее время вы говорите вполне прилично.

Мысленно я добавил, что когда он увлекается разговором, то не делает ошибок совсем.

— Спасибо. Я хочу, чтобы вы поняли, Сергей. Давайте все-таки разберемся в основах навязанного нам мироздания. Что послужило причиной массовой мутации — войны ли, истребившие часть генофонда, насыщенность ли среды обитания радионуклидами или химическими мутагенами, наркотики ли, а может быть, все-таки специфическая предледниковая активность Солнца, — сейчас совершенно не актуально. Бесспорно, это очень интересная, но увы, узкоспециальная проблема, по-настоящему человечество заинтересуется ею значительно позже, когда встанет вопрос о недопущении подобного в дальнейшем. Сейчас большинству людей неинтересно знать, откуда рядом с ними появился новый конкурентоспособный вид. Большинство просто-напросто хочет понять, что с ним делать.

— Обезвреживать, — сказал я.

— Ну да, ну да. Значит, все-таки резерваты?

— А вы что предлагаете?

— Я не предлагаю, — сказал Бойль. — Предлагают другие. И вы знаете, все эти предложения очень схожи. Раздавить — некоторые пишут: «Раздавить, как болотную гадину», — интересно, правда? — смешать с землей и все в таком роде. Разница в том, что одни надеются на полицию или армию, а другие предпочитают вольный отстрел. Вы что предпочитаете?

— На прошлой неделе в одном детском саду воспитательница убила одиннадцать детей, — хмуро сказал я. —

Об этом сообщали. Заперлась с ними в комнате и резала одного за другим на глазах у остальных. Кухонным ножом. И затыкала детишкам рты, чтобы не кричали. Те, кто остались в живых, сейчас на лечении в неврологической клинике, двое до сих пор в коме. Когда полицейские высадили дверь, они не смогли заставить себя арестовать эту женщину. Они ее попросту застрелили, разнесли в клочья очередями из четырех стволов, тоже, кстати, на глазах у оставшихся детей. И я их не осуждаю.

— Я спрашиваю: какое решение предлагаете вы? — спросил Бойль.

— Изоляцию адаптантов от человеческого общества. Может быть, еще стерилизацию, не знаю. Но изоляцию — обязательно.

Бойль неприятно засмеялся.

— В резерватах?

— Естественно.

— С вами не согласятся те, кто не захотят, чтобы адаптанты их объедали. Или вы, может быть, считаете, что благодаря биотехнологиям с голодом на планете покончено раз и навсегда?

— Не считаю...

— Я тоже расскажу вам одну историю, — сказал Бойль. — Не далее как вчера утром толпа в самом буквальном смысле разорвала человека, который бежал по улице в трусах и в майке. Я это видел. По холодоустойчивости его, вероятно, приняли за адаптанта. Позже выяснилось, что этот человек страдал болезнью легких и закаливал себя в лечебных целях. Тем не менее, он был убит, и я что-то не заметил, чтобы кто-нибудь из-за этого особенно терзался. А сегодняшнее гнуснейшее аутодафе в лесопарке?

— Только этого не надо, — возразил я. — Жгли дубоцефалы.

— Извините! Есть сколько угодно примеров того, как самые нормальные люди в подобных ситуациях ведут себя ничуть не лучше. Можно привести примеры, да только нужно ли?

— Не нужно, — сказал я. Я вспомнил Сашку. — Что вы хотите?

— Я хочу очень немногого, — сказал Бойль. — Я хочу, чтобы вы осознали, запомнили и никогда не забывали, что рассматривать нынешнюю стычку людей с адаптантами с точки зрения морали совершенно бессмысленно, как бессмысленно навешивать моральные ярлыки на любую борьбу

видов за выживание. Моральным или аморальным было вымирание, ну скажем, шерстистых носорогов? У природы нет привычки оперировать моральными категориями. Мораль придумывают люди для оправдания своих поступков...

— Вот как?

— Или бездействия, — закончил Бойль.

— Опять нас учат! — с неожиданной злостью сказал Георгий Юрьевич. — И опять заграница. У самих кровь и грязь, а они учат. Сережа, ты скажи ему, чтоб он ушел... Не могу я...

Я сделал ему знак замолчать.

— Значит, шерстистые носороги? Так? Вы уж не стесняйтесь, пожалуйста. Может быть, даже трилобиты?

— Вы зря сердитесь, Сергей, это у вас человеческое. Попробуйте как-нибудь взглянуть на человечество со стороны, это бывает полезно для понимания. Очень интересная штука — человечество со стороны.

— Я не хочу со стороны, — угрюмо сказал я. — Я — внутри. Вы лучше скажите мне и вот Георгию Юрьевичу, чем все это кончится? Что говорит наука?

— Кому?

— Ну, не нам же...

— Наука говорит, что человечеству предстоят тяжелые времена в борьбе за выживание, — сказал Бойль. — И только. Поймите же наконец, что наука не способна предвидеть результат этой борьбы. Она может только приблизительно предсказать срок, в течение которого должно решиться, какой вид двуногих прямоходящих будет главенствовать на планете. Это не очень большой срок, порядка нескольких лет, не более. У вас мало времени.

— У вас? — мстительно спросил я.

Бойль наклонил голову так, что не стало видно морщин. Костлявыми пальцами помассировал дряблую шею.

— Я уже старик...

— А дальше? — спросил я.

— Может быть, человечество выиграет эту борьбу, — сказал Бойль. — Но мы не знаем, какое это будет человечество. Мы уже сейчас в среднем ниже по уровню интеллекта, чем были еще сотню лет назад. Кроме того, не так-то это легко для большинства людей — убивать, даже зная, что уничтожаешь врага, что иначе он уничтожит тебя, — но у врага-то те же две руки, две ноги, лицо, иногда остатки речи... Очень уж он похож на человека, этот враг, вряд ли его уничтожение оставит человечество таким, каким оно бы-

ло. Может быть, люди проиграют. И тогда закат нашей цивилизации произойдет сравнительно тихо, скорее всего, без тотальных ядерных войн и прочих шумовых эффектов. Просто одна большая трагедия рассыплется на множество трагедий индивидуальных, и еще один вид сойдет в историю, как сошли до него пятьсот миллионов других видов. Полет человечества прервется, но это будет не как взрыв, Сергей, люди зря этого боятся. Это будет как мягкая посадка...

— Мягкая посадка, — пробормотал я. Хотелось выругаться.

— Серега, — простонал сосед, — я не могу, пусть он уйдет... Серега, я же тебя просил: налей...

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Бойль, мастеря углами запавшего рта британскую улыбочку. — Сергей, вы обещали меня отвезти...

— Конечно, — сказал я. — Пойдемте.

— Д-дорога, — с натугой произнес Георгий Юрьевич. — С-катертью... — Голова его клонилась к рукам, сложенным на столе. Я встряхнул его за плечи и, наклонившись к самому уху, попросил не уходить из квартиры до тех пор, пока я не вернусь, и присмотреть за Дарьей. Он промычал что-то насчет того, чтобы я не беспокоился.

Одеваясь, я проверил оружие — «тарантул» был на месте, в кармане куртки, — и мы с Бойлем спустились по лестнице. Снаружи было морозно и тихо, в гаснущем небе понемногу проступали бледные городские звезды. Где-то стреляли, в частые одиночные выстрелы прихотливо вплетались короткие злые очереди, — но где-то далеко, почти на пороге слышимости. Мой «марлин» стоял на стоянке через квартал, я предложил было Бойлю подождать меня здесь, но он шел за мной как привязанный. Какой-то одинокий прохожий, увидев нас, остановился в нерешительности, а потом быстро юркнул в ближайший подъезд и забарабанил в запертую дверь.

— Давно это с ней? — спросил Бойль, когда мы уже почти доехали.

Я помолчал. Я молчал всю дорогу. Говорить не хотелось.

— Почти месяц...

Резкие лучи слепящих фар метались по домам, по темным горловинам подозрительных переулков. На поворотах машину швыряло из стороны в сторону. Возможно, я был слишком пьян, чтобы вести машину на такой скорости. Впрочем, так оно безопаснее.

— И как вы думаете быть дальше?

— Знаете что, — сказал я. — Оставьте это мне. Дарья вам не объект для изучения. И не надо мне сочувствовать, пожалуйста. Я уж как-нибудь сам.

— Вам будет плохо, Сергей, — сказал Бойль увещевающим голосом. — Поверьте мне. Вы даже не представляете себе, как вам будет плохо.

Я не ответил.

— Лавинное вырождение сознания встречается не часто, — сказал Бойль после паузы. — Собственно, это явление есть редкое исключение сразу из нескольких правил, но оно всегда приводит к одному результа...

Я тормознул так, что он повис на ремне безопасности, как тряпка на заборе.

— Стая. Переждем.

Еще не отдышавшись, он принялся с интересом осматривать перекресток:

— Где стая?

— Нет стаи, — сказал я, трогаясь с места. — Это мне показалось. Собственно, мы уже приехали... — я затормозил около подъезда. — Проводить вас до квартиры?

— Нет, спасибо, — сказал Бойль и стал вылезать из машины. — Вы знаете, Сергей, мне кажется, что у вас не все в порядке, у вас самого, а не только у людей, вам близких. Извините меня, если я мешаюсь не в свое дело, но, может быть, я могу как-то помочь?

Только этого еще не хватало. Я покачал головой:

— Все в норме. Спасибо вам за сегодняшний вечер.

— Удачи вам, Сергей...

7

Наверно, с полчаса я мотался по городу на полной скорости и все никак не мог успокоиться. Первым делом я отцепил из-под лацкана «глаз» и, отключив, убрал его в тайничок. Меня мучило искушение остановить машину, неторопливо выйти, швырнуть «глаз» на асфальт и раздавить, перенести на каблук всю тяжесть и услышать хруст — какое это, вероятно, было бы наслаждение... Черта с два, пусть будет как есть, кажется, Бойль сегодня ничего особенного не наболтал, обыкновенный полупьяный треп, никакого криминала с его стороны, только хорошо бы предварительно прослушать запись, сильно мне не нравится эта

многозначительная оговорка — «у вас»... А как прослушаешь, если приставки нет? Ладно, главное — о ГЕП в записи ни единого слова, и я не влезал в эту тему, и Бойль тоже молодец, возможно, он даже догадывается... Хорошо, если так.

Визжали шины.

А вообще за эту работу Сашка мне врежет, думал я, перебирая в уме, что буду говорить в оправдание. Особенно за последнюю фразу врежет — отшил агент клиента, сам снял с крючка и выпустил. Ничего, как-нибудь спишется на интеллигентскую бестолковость... Противно, да? Тебя никто не спрашивает, противно тебе или нет. Работай, коли влез в лямку, тяни, отрабатывай родительский комфорт и свою безопасность, прекрати юлить ужом и думать на тему: отдам — не отдам... Вацека вот взяли, сломали и не спросили, отдам я его или нет. Лучше всего, конечно, вообще не думать, то есть не думать о том, что не одобрено и не предписано, но я этого не умею, дисциплины мышления у меня никакой, так что с точки зрения Сашки я, пожалуй, не самый ценный кадр. Однако, по-видимому, не безнадежный — вот что самое противное. Бойля-то он мне доверил... правда, кому же еще, как не мне? И лучше, конечно, мне, чем кому-то другому. «Акцент у него все-таки деревянный, взгляни на спектральные характеристики, а вот запись одной из ваших бесед — ты удивлен? — тут даже на слух...» Тоже мне, знаток произношения звука ти-эйч...

И какой же это гад, интересно, меня пасет, подумал я. Господи, да кто угодно, перебрать всех невозможно и не хочется. Только теперь к «кто угодно», кажется, прибавился Вацек...

Волки воют не на луну. Они жалуются друг на друга.

Далеко позади, вывернув из-за угла, мелькнул броневик дорожной полиции, коротко вякнул сиреной, требуя остановиться, а потом кинул мне в корму луч прожектора и наддал. Я ушел от него играючи, в три поворота, и заглушил двигатель в переулке с перебитыми фонарями — слышно было, как броневик сотрясает мостовую в некотором отдалении и как эпицентр сотрясания мало-помалу удаляется из поля ощущений. Ладно... В крайнем случае намекну Бойлю, когда буду уверен, что нас не слущают, не запаниковал бы только он с непривычки, вот что опасно...

Как он сказал? «Мне кажется, у вас не все в порядке, у вас самого...» Неужели заметно? Еще бы, как не заметить. Я, конечно, не государство, но с двумя проблемами

сразу и мне не справиться, куда там, хорошо уже то, что удалось надавить на Мишку...

Возвращаться на патрулируемую улицу и объясняться с полицией не было никакого желания. Трогаясь с места, я осветил стену дома боковой фарой, надеясь прочесть название переулка, и в этом не преуспел.

Вывески не оказалось. Только сейчас я заметил, что у тротуара не припарковано ни одной машины. Зияющие провалы окон с зазубренными стеклянными жвалами по периметрам говорили сами за себя. Этому переулку уже не требовалось название.

Минут через пять я окончательно заблудился. Здесь оказалось какое-то ненормальное количество узеньких переулочков и проездов в щедрой россыпи мусора на асфальте, коротких темных тупиков и арок в сомкнутых стенах домов, открывающих проезд в непроходные и проходные, но все равно непроходимые дворы, больше похожие на снегохранилища. Единая Дорожная тут не действовала. Черт знает что! Часть города, в которую я вляпался, была совершенно мертва и покинута всеми, сюда не манило даже адаптантов, один только раз в далеком окне мелькнул слабый свет и тотчас погас — очевидно, там услышали шум машины. Неужели в городе все еще живет два с половиной миллиона человек? Целых два? И еще с половиной? Врут, должно быть.

А ведь Бойль сказал сущую правду: у нас просто нет времени...

Может быть, и ГЕП выглядела бы разумным средством, а не очередным зигзагом в метаниях ополоумевших от страха народных избранников, будь у нас впереди достаточный временной промежуток? Лет сто...

Может быть.

Совершенно неожиданно машина вынеслась на освещенную улицу. Асфальт под фонарями мокро блестел от натаявшего снега. Ага, вот где я! Улица была знакомая, на периферии владений той стаи, с которой я не раз играл в кошки-мышки. Ну, не так уж далеко меня занесло, через пять минут дома буду...

Я наощупь потыкал в клавиши телефона:

— Малыш, я еду.

На лобовом стекле загорелся экранчик. И сейчас же в машину ворвалось тяжелое дыхание из нескольких ртов, сопенье, странное повизгиванье, мерное хрупанье, будто кто-то упорный грыз и никак не мог догрызть громадную кочерыжку, непонятный гнусавый выговор, тягучие обрыв-

ки нечеловеческих фонем, знакомые каждому в этом городе, снящиеся по ночам в тягучих кошмарах...

Стая!

Простые события и начинаются просто.

Нога воткнула педаль в пол. Я еще не верил в случившееся. Не мог поверить, и тело сработало как автомат: дать газу, дать на полную катушку, чтобы машина рванулась вперед гоночным болидом, чтобы потемнело в глазах, чтобы размазаться по спинке сиденья и как можно дольше, хотя бы лишнюю секунду, хотя бы полсекунды не верить...

Стая у Дарьи в доме.

Адаптанты предсказуемы только поодиночке. Выловленных одиночек свозят в резерваты, а невыловленные постепенно вымирают в самом буквальном смысле. Стаи живут и множатся. Свою потребность в жилье и пище они удовлетворяют набегами на жилые кварталы. Действия стаи нелогичны и непредсказуемы. Невозможно угадать, какой дом будет следующим. Только выбрав цель, а иногда сразу две или три, если стая достаточно велика, она начинает действовать размеренно и планомерно.

Экран загородила чья-то спина. Гнусавый голос оборвался лающим хохотом. Донесся пронзительный женский визг.

— Дарья!.. — закричал я.

Спина убралась, будто ее смахнули, — адаптант отпрыгнул от экрана. Визг повторился.

— Уж! — коротко и внятно сказал кто-то, и несколько глоток ответили все тем же отвратительным взлаивающим смехом.

— Дарья, держись!!! — заорал я не своим голосом.

Ничего умнее я не придумал.

Ощеренная харя не поместилась в экранчик. Из безгубого рта по грязному редколесью на подбородке стекала слюна. Глаза не оставляли никаких сомнений: конкурентоспособный вид был тут как тут и не терял времени. Одно мгновение адаптант и я молча смотрели друг на друга. Затем харя отодвинулась, как бы приглашая меня полюбоваться.

В комнате царил разгром. Кресла были перевернуты, журнальный столик целился в потолок тремя ножками — четвертая была выворочена с корнем. Рядом со столиком, вытянувшись на полу среди осколков битой посуды, лежал с оскаленной мордой мертвый доберман Зулус. Живот собаки был вспорот по всей длине, и красные внутренности вывалились на пол. Адаптантов, кроме обладателя ощеренной хари, в кадре было двое: один не спеша натягивал на себя рваный армейский комбинезон, другой непринужденно испражнялся посреди ком-

наты. Еще один проволок по полу женское тело. Голова Дарьи безжизненно моталась, домашний халатик был разорван и висел клочьями. Экран повернулся к окну — должно быть, кто-то заботливый повернул его специально для меня. Чернявый, голый ниже пояса детина с замашками вожака и исцарапанной вокруг волчьих бельм физиономией стоял на подоконнике и несуетливо подергивал привязанную к карнизу веревку с петлей на конце — испытывал на прочность.

«Держись...» Идиот!!!

Не сбрасывая газа, я отвернул вбок, уходя от столкновения с искореженным автобусом, пробившим ограждение и въехавшим передними колесами на тротуар. На миг мне показалось, что машина сейчас перевернется на полном ходу, и сердце у меня отвалилось. На лобовом стекле творилось невообразимое — похоже, поваленный на пол экран топтали ногами. Мелькнуло перевернутое кресло. Мелькнул и исчез силуэт, раскачивающийся в петле на фоне темного окна, и тут же экранчик замерцал и погас. Динамик компьютера с приборной панели забормотал значительным голосом — вежливо убеждал снизить скорость и поберечь себя и окружающих. Не добившись успеха, он разразился оглушительным прерывистым воем. К черту! Зарычав, я разбил панель кулаком и оборвал провод — сирена умолкла.

Ждите меня. Потому что я иду, как это ни глупо. Потому что индивидуальная трагедия бывает страшнее всеобщей, что бы там ни говорил Бойль. Потому что сейчас я не стану разбираться, люди вы или не люди.

Потому что не только адаптанты умеют убивать.

Визг шин сменился нестерпимым свистом. На вираже три правых колеса повисли в воздухе.

...Мозг отключается постепенно, не сразу. Так говорит медицина, а ей надо верить. Петля сокрушает гортань, перехватывает сонную артерию. Сердце работает как бешеное: мозг может погибнуть! Мозгу нужна кровь! Легкие сотрясаются спазмами: воздуха! Дайте воздуха! Хоть немного...

Воздуха!

Сознание уходит быстро, раньше, чем прекращаются конвульсии тела, но мозг начнет умирать только спустя пять-шесть минут... Я заставил себя сбросить газ, входя в поворот, и снова вдавил акселератор до отказа. Если Дарью только изнасиловали и повесили... Если ее повесили мучительно и неграмотно — не повредив позвонков... Допустим, ее не изрезали ножами... Не растерзали голыми руками,

как адаптанты умеют и любят делать... Не вырвали для забавы глаза и внутренности... Будем считать, шесть минут у меня еще есть. Нет, уже пять. Уже только пять...

Скорость перевалила за двести.

Если они ее только повесили, я еще могу успеть. Должен успеть! Обязан.

Две минуты.

Отказывают двигательные центры. Тело замирает и вытягивается. Лицо повешенного стремительно синеет. Искусанный язык вываливается из раскрытого рта.

Зачем, зачем я столько времени крутил по городу! Для какой надобности? Почему меня не было с Дарьей, когда ворвалась стая? Мы бы отбились...

Я глубоко вдохнул и попытался расслабиться, насколько это было возможно на бешеной скорости. Спокойнее! Если ты хочешь что-то сделать, тебе предстоит действовать с хладнокровием автомата, как тебя учил дядя Коля. Предстоит быть расчетливым и абсолютно вне эмоций, только так. В бою это очень полезно — вне эмоций...

А сам бы ты смог без эмоций, дядя Коля?

Три минуты. Останавливается сердце. Кровяные шарики замирают в бесчисленных капиллярах. Кровь темнеет и загустевает, как клей. Мозг еще жив, он продержится какое-то время. Очень небольшое время.

На последнем вираже машина пошла юзом, едва не врезавшись в ограждение. Улица — вот она! Два шага до дома.

Никто не двинулся с места и тени перестали быть тенями, когда я ослепил их противотуманными фарами. Стайка. Малая часть стаи — кордон прикрытия. Мотоциклов нет. Дались мне эти мотоциклы — как будто адаптанты не могут передвигаться пешим ходом! Тем лучше, холодно подумал я, направляя «марлин» на ближайшую ослепленную фигуру. Давить буду.

Все произошло очень быстро. Фигура метнулась в сторону — и тотчас раздался такой звук, будто разом откупорили несколько бутылок с шипучкой. Адаптанты оказались предусмотрительнее, чем я ожидал. Что может быть проще колючек? Только мозги идиота, который о них забыл. Я бешено выматерился. «Марлин», хлюпая жеваной резиной, вильнул вбок и пошел в отчаянном визге тормозов кидаться от бордюра к бордюру. Мне удалось вывалиться из машины прежде, чем она с треском и скрежетом обняла бампером фонарный столб, а когда, прокатившись кубарем метров семь, я вскочил на ноги, было уже поздно. В пяти шагах

от меня, картинно расставив разновеликие ноги, стоял щуплый выродок. Короткий толстый ствол, черный и блестящий в фонарном свете, был направлен точно мне в живот. Расстояние для прыжка было великовато.

— Влип! — констатирующим тоном сказал выродок и по-идиотски хихикнул.

Четыре минуты... В окне шестого этажа, единственном освещенном окне в доме — нашем с Дарьей окне! — был ясно виден женский силуэт, не касающийся ступнями подоконника. Я очень хорошо знал, чей это силуэт.

— Ути, мой маленький, — сипловато пропел выродок. Он наслаждался. — Ути, хороший...

Тот самый... Или не тот? Дубоцефал-мальчишка. Адаптанту вовек не связать трех слов. На стреме у работающей стаи всегда стоят дубоцефалы, за это стая их терпит. Я нервно оглянулся. Остальные тени были где-то рядом, но пока прятались в темноте. Не спешили. Кто-то, ответственный за мою судьбу, давал мне время.

Мне одному. Не Дарье.

Я сделал маленький шажок вперед.

— Эй! Ты меня узнаешь?

Дубоцефал шевельнул наставленным стволом — теперь я разглядел, что в руках у него обрез, а не автомат. Почему-то это меня обрадовало. Будто не все равно.

— Мы знакомы, — терпеливо сказал я. — Мы встречались раньше. Помнишь?

— Как? — бессмысленно спросил дубоцефал.

Я показал ему пустые ладони.

— Меня нечего бояться. Я друг, понимаешь? Я с тобой знаком. Я — с тобой. Знаком. Понимаешь? И ты со мной. Тоже! Знаком! Понимаешь?

— Знаком, — механически повторил дубоцефал. — Сачком. Пахом. — Он задумался, чмокая губами. — Пешком. По роже мешком... Кирпич в мешке. Два.

— Я тебя как-то раз отпустил, — настаивал я. — Теперь вспоминаешь? Это было летом. Вспомни. Ты тогда оторвался от стаи. Ты был один. А я тебя отпустил. Отпустил, ты понимаешь?

Все мое бешенство куда-то исчезло. Ушло, просочилось, рассыпалось, истерлось в пыль, оставив взамен сосредоточенную холодную злобу. Ледяную. Я убеждал. Я сделался очень красноречив. Я уговаривал. Уговаривая, я попытался отшагнуть в сторону — ствол обреза двинулся за мной как привязанный.

— Теперь я один, — сказал я. — Я, а не ты. Теперь твоя очередь. Теперь ты меня отпусти. Совсем. Ты. Меня. Отпусти. Моя стая далеко. Мы должны помогать друг другу в беде, верно?

Дубоцефал отцепил одну руку от обреза, завернул ее за шею и задумчиво почесал между лопаток, усваивая сложную мысль. Моя правая рука скользнула в карман.

— Эй! Отпусти меня!

На лице дубоцефала отразилось слабое подобие понимания. Он неуклюже кивнул. Да, конечно. Все мы люди. Все мы братья-человеки... Дубоцефал переступил с ноги на ногу, зачем-то потянулся, передернул плечами от холода и опустил свой обрез.

Тогда я выстрелил прямо ему в лицо.

Возможно, я пожалел бы его, не заставь он меня потерять без толку целую минуту. Я был готов сделать такую глупость.

Опрокинутый выстрелом навзничь, дубоцефал еще падал, когда я взял старт к подъезду дома. Пять минут! Осталась одна минута, еще только одна...

Действие вновь приобретало динамизм: от соседнего дома ко мне бежали пятеро. У подъезда я разрядил в них пол-обоймы — передний схватился за живот и согнулся кочергой, остальные отпрянули. Кто-то дважды выстрелил слева, из темноты. Ха, мимо! На первом этаже звонко лопнуло стекло, посыпались осколки. Влетев в дверь подъезда, я сразу ушел в сторону, и вовремя: снаружи брызнула щедрая автоматная очередь, от двери веером полетели щепки. Раненный в живот страшно завыл.

Вперед! На площадке первого этажа меня уже ждали. Две темные фигуры, два силуэта без лиц, плоские, как мишени, — свет настенного плафона бил им в спину. Я расстрелял их в упор, не дав им даже поднять оружие и потратив вдвое больше патронов, чем требовалось, — мне показалось, что они падают слишком медленно. Вверх, вверх! Нет, только не лифт, это мышеловка... Я несся через четыре ступеньки. На площадках второго и третьего этажей не было никого, зато сверху кто-то тарахтел каблуками по лестнице. Очень спешил. Я подождал его между третьим и четвертым этажами и подарил ему последнюю пулю. Больше патронов не было.

Шестая минута!

За окном продолжал вопить раненый. В этом смертном крике не было ничего человеческого. И не могло быть.

К черту! Какой из меня стрелок... Я отшвырнул писто-

лет — секунду было слышно, как он со стуком скачет по ступенькам, — и сдернул с шеи шарф.

Попробуйте меня остановить. Себе во вред вы заставили меня убивать. Человека, превратившегося в лавину, остановить нельзя, этого вы еще не поняли. От него можно попытаться спастись бегством, но ведь вы и этого не поймете...

Вперед!

Почему меня никто не преследует? Боятся? Не может быть. Адаптанты — и боятся?!

Слух уловил далекий вой полицейской сирены.

Еще немного...

Дверь была выбита и висела на одной петле. Перед ней в луже темной крови, раскинув руки и ноги, словно гигантская водомерка, лежал лицом вниз сосед, Георгий Юрьевич. Врываясь в квартиру, я перепрыгнул через труп.

Четверо. Восемь бешеных глаз.

Никто из них не растерялся, никто не подумал об осторожности. Чернявый вожак как сидел на полу под подоконником, так и остался сидеть, разинув пасть в затяжном зевке, а трое кинулись на меня сразу — молча, с голыми руками. Только один из них выхватил из-за пазухи армейского комбинезона что-то похожее на самодельную заточку, хотел было метнуть, но передумал. Длинное грязное лезвие осталось в руке выродка. Оно войдет в тело на всю длину, повернется, вырезая кусок мяса, — вот тогда адаптант будет вполне удовлетворен... Убийцы. Обыкновенные безмозглые убийцы.

Должно быть, полное отсутствие страха не всегда благотворно влияет на популяцию. Я отступил в дверной проем между комнатой и коридором и здесь спокойно, как на занятиях, сломал двоих, без сожаления добавив к приемам дяди Коли логическую концовку, — об этих двоих можно было больше не беспокоиться. Третий продержался чуть дольше и рухнул на пол уже в комнате, шипя и пытаясь выдернуть свою заточку, засевшую у него меж ребер. Огибая его, я подхватил с пола опрокинутый стул с деревянной спинкой — прекрасное подручное средство, стулом я владею как бог, почти как дядя Коля... Я кинулся на четвертого.

Это была моя ошибка. Прежде я никогда не думал о том, что среди стайных выродков могут встречаться профессионалы рукопашного боя. Мне говорили об этом. Я не верил.

Чернявый вожак не спеша поднялся на ноги, оттолкнув рукой мешающее ему тело Дарьи, и в ту же секунду внутри у меня взорвалось в трех местах разом.

Бой между равными профессионалами длится секунды.

Схватка между профессионалом и любителем длится столько, сколько захочет профессионал.

Большая кошка и мышь...

Он не добил меня сразу, как мог бы. Он позволил мне отлететь внутрь комнаты, а обломкам стула вместе с оконным стеклом — наружу. Четвертый удар был простонародным — точно в морду. Вожак меня попросту презирал. Он не спешил. Он ждал, когда я встану и кинусь на него еще раз. Он скалился, не слушая приближающегося вопля полицейской сирены. Он забавлялся.

Дарья...

Ее не было. Я видел труп с синюшным лицом. Это был порядочный труп, и даже глаза его были закрыты.

Я вложил в бросок всю ярость, на какую был способен. На этот раз я даже не понял, как все произошло — лишь каким-то дальним углом сознания уловил, что адаптант сделал захват. Вонь немытого тела ударила в ноздри, в мозг. Правая кисть отвратительно хрустнула и повисла. Боли я не почувствовал, просто кисть отказалась мне повиноваться. В следующую секунду я отлетел к дивану спиной вперед — адаптант отшвырнул меня, даже не ударив. Наверно, с его точки зрения, это было бы слишком просто.

Жив...

Кто-то фыркнул возле самого уха. Моя левая рука наткнулась на что-то мягкое и шевелящееся. В ладонь немедленно вонзились острые резцы грызуна, но я не разжал пальцев и вытащил из-под дивана отчаянно отбивающегося Пашку. На одну попытку меня еще хватит... Я взгромоздился на ноги. Адаптант громко отрыгнул и приглашающе осклабился. Будь у меня в качестве подручного средства даже не нож, куда там, а всего лишь спичечный коробок — и тогда я швырнул бы его в эту гнусную оскаленную рожу. Что ж, морской свин — тоже подручное средство...

Может быть, адаптант ждал обманного движения, а может быть, окончательно перестал принимать меня всерьез, не знаю. И теперь уже не узнаю никогда. Морской свин с силой влепился в физиономию выродка. Оба заверещали разом. Кидаясь вперед, я видел, как взбесившийся Пашка пустил в ход свои резцы и как вожак задергался, пытаясь оторвать от себя мое подручное средство. Мгновение спустя ему это удалось, и еще одно мгновение он совсем по-человечьи смотрел на меня с недоумевающим и обиженным видом, но этих мгновений хватило мне для того, чтобы с разбега толкнуть вожака в грудь. Большего я уже не мог.

И не потребовалось.

Окно, разбитое моим стулом, было за спиной адаптанта. Должно быть, он осознал, что с ним происходит, только когда за окном мелькнули его ноги. Вопль был непродолжительным — шестой этаж.

Кто сказал, что невозможно упасть с пола?

Полицейская сирена смолкла под самым окном, и тотчас внизу лязгнуло — с таким предупреждающим звонким лязгом разворачивается в боевое положение многоствольный газомет. Между домами заметалось и стихло бестолковое эхо автоматной очереди. Раненный в живот продолжал истошно выть.

Я перерезал веревку заточкой, выдранной из скрюченных пальцев выродка — каким-то чудом тот еще дышал, — и заорал от боли, пытаясь удержать тело Дарьи двумя руками. Выше кисти из моей руки торчал, цепляясь за рукав, обломок кости, очень белый на темном фоне венозной крови. Невообразимо белый.

Быстрее! Еще можно попытаться... Один выдох в рот — пять нажимов на грудную клетку. Или три? Пусть будет четыре... Господи, сколько их нужно?..

Одна рука. Я могу действовать только одной рукой... Выдох. Теперь четыре нажима. Сильнее! Еще выдох. Нажим. Еще раз!..

Держись! Ты должна жить, ты же хочешь жить, я знаю! Постарайся мне помочь. Очень постарайся. Без тебя у меня ничего не получится.

Резче! Еще!

Темно в глазах. Почему нас учили только самообороне? Должны же быть на теле какие-то стимулирующие точки, не может их не быть...

Еще!

Помогая руке всем телом, я слышал, как под моей ладонью хрустят ее ребра. Я давил и давил ее грудную клетку до тех пор, пока страшная трупная синева на ее лице не начала понемногу спадать, пока мои пальцы не почувствовали первые, еще совсем слабые и неправильные толчки ее сердца...

И уже кто-то, спеша, поднимался по лестнице — не один, несколько. Спешащие шаги были человеческими; кто-то, споткнувшись на ступеньках, загремел оружием и на весь подъезд матерно покрыл идиота, швыряющего себе подобных из окна на крышу казенной машины. Кто-то поддержал в том же духе. Это были люди. И что бы они ни говорили, что бы они ни делали — они были люди, и теперь для меня этим все было сказано.

III

ФЕВРАЛЬ

1

Банки с говядиной были большие, одна на двоих, судя по всему — родом с какого-нибудь стратегического склада, сытные внутри и солнечно-золотистые снаружи, самодовольно блестящие и смазанные тавотом лучше, чем боевые торпеды. Отстояв очередь, я кое-как обтер тавот, заново раскурил потухшую сигарету, отыскал глазами своих и кивнул Вацеку. Тот уже получил и теперь прижимал к груди три полкирпича хлеба, тоже один на двоих. Кофе пока не подвезли, но говорили, что будет. На всякий случай дядя Коля разломал на дрова первый попавшийся на глаза ящик и теперь уминал в котелке снег.

В подвале стрельба слышалась глуше, зато труднее определялось, куда перемещается эпицентр перестрелки, и это нервировало: стаю, взятую вчера в кольцо на участке девятого отряда, не сумев добить сразу, теснили к нам. Говорили о каких-то новых снайперах, то ли наших, то ли совсем наоборот. Скорее, наоборот. Курили, сплевывали, кашляли, отходили после ночного боя, и каждому было понятно, что поспать сегодня опять не удастся. Кто-то из дубоцефалов влез на протянутую вдоль стены мерзлую трубу дерьмопровода и, соря инеем, тянулся к забитой снегом отдушине, пытался проковырять смотровую щель. Заметнее других дергался длинный, унылый и гнутый, как отмычка, студент — малый, по общему мнению, безнадежно заторможенный и то ли за свой чудовищный гранатомет, то ли за особую бестолковость получивший в отряде прозвище Дубина Народной Войны. Даже в подвале он мерз и ежился — не иначе, в комбинезоне шалил термостат. Кроме студента, гранатомет здесь был только у меня, и то жалкий подствольник, зато шею каждого оттягивало подручное средство десантного образца с подогревом ложа и ночным прицелом в придачу. Ручные гранаты были без подогрева — вчера ночью один мобилизованный из молодых и краснощеких в самый разгар драки, когда часть дубоцефалов, ошалев от страха, с животным ревом дала деру под свой же пулемет, а потерявшие голову новички, не слушая команд, орали и палили в темноту кто во что горазд, схватил гранату голой рукой и, швырнув изо всех могучих сил, по-

терял по лоскуту кожи с каждого пальца. Гранат побаивались.

Я как раз пронес банки мимо Дубины Народной Войны — он вскинул на меня воспаленные зрачки в контактных линзах, споткнулся о гранатомет и засуетился, выражая немедленную готовность как можно точнее выполнить повеление начальства. Хрена ему сейчас, а не повеления. Обойдется. Дубина — он дерево и есть, ему бы кого-нибудь по маковке с богатырского размаха... Так он себе войну представляет, а городскую почему-то в особенности, и вот что обидно: не дурак парень. И думать умеет, и излагать, поспорить об отвлеченном тоже горазд, зато намертво убежден в том, что на войне нужны рефлексы, а не мозги, — и комплексует, потому как с рефлексами у него от природы не густо. С навыками тоже. По ночам свои линзы он вымачивает в пластиковой кружке с водой, а чтобы никто не выплеснул, привязывает кружку к ноге специальной веревочкой. Если ночь прошла тихо, что иногда все-таки случается, студент еще проснуться не успеет, как к нему так и бегут отовсюду, так и шустрят на утреннее развлечение — давать советы насчет научного поиска этих самых линз в этой самой воде и научной их поимки. Один раз надорвали животики, когда поутру обнаружилось, что за ночь вода в кружке замерзла по самое дно. Потом-то стало не до смеха: в тот день из одной только нашей группы накрылись сразу шестеро. Самое поразительное, что в бою Дубине Народной Войны везет, а за компанию и тем, кто возле Дубины находится, надо только знать специфику и пореже торчать у него за спиной — он ведь сначала выпалит из своего гранатомета, потом с интонациями ослика Иа прокомментирует результат, а потом уже обернется посмотреть, кого там позади ветром сдуло...

Для роты отряд был велик, для батальона мал и слаб. В обширном подвале люди жались кучками вокруг еды, сидели прямо на полу и на корточках, подпирали спинами промерзшие стены. Жевали. Просто удивительно, насколько велики подвалы под гаражами в современных домах, непонятно, зачем они такие и кому нужны, но сейчас это было хорошо: отряд, кроме боевого охранения, разместился в подвале весь.

В дальнем углу царило оживление: наверное, убивали крысу. Крысы теперь интересные: крупные, с кота, агрессивные и все в густейшей шерсти, включая хвост. Два пожилых дубоцефала из вчерашнего пополнения молча дра-

лись, не поделив термокостюма. Третий претендент, выбывший из борьбы в полуфинале, с хныканьем размазывал по лицу розовые слюни. К дерущимся придвигались болельщики. Кто-то давал полезные советы. Кто-то, опустив в банку лицо, отчетливо чавкал.

Я пробрался к дяде Коле и с сомнением посмотрел на дрова:

— Прямо здесь разжигать и будешь?

Дядя Коля разогнулся, повернулся ко мне всей своей набыченной громадой («Аки монстра», — пришло мне на ум. — Кого так обзывали? Ромодановского, кажется. Или нет? Шут с ним, с князь-кесарем, куда ему, те бояре дядю Колю не видели...) — и легко, как камышину, расщепил пальцами доску от ящика. Как всегда, это выглядело внушительно.

— Не задохнемся, — он ткнул щепкой в потолок. — Тут вентиляция.

— А тяга есть?

— Если нет тяги, тогда это уже не вентиляция, — пробурчал дядя Коля.

— Резонно. А если кофе все-таки подвезут?

— А если не подвезут?

Что ж, могут и не подвезти. Честно говоря, горячая вода пригодится в любом случае, не на питье, так на бритье. Хорошо бы и то и другое... хм, размечтался. Когда это мы брились в последний раз? Не без некоторой гадливости я провел ладонью по щеке и обнаружил то, что ожидал: превращение щетины в дикого вида бороду состоялось — пока еще низкорослую, колючую, но уже более чем грязную. Н-да... Все мы здесь аки монстры. Впрочем, вшивость в отряде, как ни странно, все еще нулевая...

— Ладно, — сказал я, проходя мимо, — ты все-таки погоди пока нас травить, договорились?

Вацек сидел на корточках и следил за экраном. Одновременно он успевал строгать ножом хлеб и бережно складывал на сгиб локтя хлипкие ресторанные ломтики. Аккуратист. Ди орднунг юбер аллес... Интересно, на какой я сейчас позиции в его табели о рангах? Не на первой, это точно. Должно быть, опять на второй, только уже не после Сельсина, а после Сашки.

Черт бы его побрал: этот цивилизатор был даже брит!

Если человек, имеющий право питаться лучше других и не пачкать руки тавотом, тем не менее их пачкает да еще стоит за едой в общей очереди, уважения к нему это,

разумеется, не прибавит. Зато не вызовет и ненависти, а о том, что важнее, говорить не приходится. Я присел рядом, взял сразу два ломтика, запихнул в рот и учинил первой банке харакири. На вид говядина была вроде ничего, обыкновенная. Съедобная. Пряная. Обрыдлая давно и всем. Некоторое разнообразие меню случалось иногда добыть в покинутых квартирах — но банки стратегической говядины доставлялись регулярно, дважды в сутки. Дата выработки консервов скрывалась в неизвестности, пока на прошлой неделе дотошный Гарька Айвакян, вообще привычный к хорошей пище, не обнаружил на своей банке исключение: 05.98, после чего ходил голодный и злой до визга, отказавшись «в пользу самоубийц» от своей доли. Если он наивно полагал, что забитые в прошлом столетии крупнорогатые стратегические скоты не вызовут в массах энтузиазма, то здорово ошибся: «самоубийц» нашлось более чем достаточно. Теперь-то Гарька все жрет, только подноси, зато нудно бубнит, что уничтожать исторические реликвии — вандализм, и не устает вдохновенно описывать бесценные сокровища национальных кухонь, намекая, какую правильную еду имел бы отряд, если бы он, Гарька, а не кто-то другой занимался снабжением... «Плох тот солдат, который не хочет стать интендантом», — бессердечно комментирует Наташа; — «Молчи, гад, убью!» — в гневе ревет дядя Коля, глотая пустую слюну, и Гарька снова срывается на визг...

Я наложил волокнистого мяса на ресторанный ломтик и ткнул им в Гарьку:

— Куси, интендант...

Бутерброд Гарька взял, но и только. Он был занят, а когда он занят делом, с ним вполне можно общаться, есть у него такое ценное свойство. Сейчас он даже вспотел. На грубом экране армейского монитора картинка по-прежнему стояла неподвижно. Мертво. Ни души в ней не было, ни движения. Пустота. Мощный бетонный забор полузатонул в сугробах. Проволочные ряды на заборе уныло провисли. И уже знакомая тонкая ровная строчка извещала: «Анализирую обстановку. Решение о дальнейших действиях не принято». За то время, пока я ходил за говядиной, надпись не изменилась ни в одной букве.

— Не пойму, — сказал Гарька, с отвращением поднося ко рту бутерброд. — И тогда не понимал, и теперь не понимаю: почему он, собственно говоря, встал?

Я пожал плечами. Мне это тоже казалось странным. Более чем.

— Забор... — высказал банальное предположение Вацек.

— Дурак, — Гарька даже не счел нужным повернуть голову и обращался к экрану. — Что ему этот забор? — забормотал он жуя. — Стенка как стенка, прошел бы и не заметил... Может, за забором что-то было, он ведь чувствует... он ведь не мы, он был умный... Или токовая защита... проволоку видишь?

— Обыкновенная сигнализация, — возразил я, раскуривая от бычка новую сигарету. — Мухи не убьет. Кстати, тот район неделю как обесточен.

— Ха! — встрепенулся Гарька. — А ты уверен? Сам обесточивал?

— Присутствовал. Разве что автономный источник...

— Автономный бред, — кусая губы, сказал Гарька. — Откуда там автономный источник? Не нравится мне все это, тишина эта скотская... Заметь, уже второй случай: как гоняли его по нашей территории, так ничего, а как полезли на чужую, так сразу с ним какая-нибудь лажа, а адаптантов и не видно. Анализирует он, видите ли... что тут анализировать? Анализатор какой... Стейниц! Вот тут-то я и перешел на ручное: чего, думаю, он стоит... Стоп! Ага, пошел! Глянь: пошел, зар-раза!..

— На ручном управлении отчего не пойти, — заметил я, затягиваясь.

Изображение на экране дрогнуло и поплыло вбок. Этот фрагмент я помнил. Словно бы именно сейчас в двух километрах от нас вдруг задышало теплое железо, мягко провернулись обрезиненные катки, взревел двигатель, выбрасывая в небо горячую углекислоту и соляровую копоть, ударили о лед траки, крутой дрожью завибрировали выдвижные бронелисты, закачался антенный прутик — и наш потрепанный «ведьмак», безбашенный танк-робот для уличных боев, лицензионный русифицированный вариант известного в Европах «эцитона», с лязгом развернувшись на правой гусенице, взял осторожный разгон вдоль стены. По экрану побежали бетонные сегменты. Все было в точности как три дня назад — тогда у отряда еще был «ведьмак»... Последние минуты был. Только Гарькины руки тогда лежали на пульте.

— Ускорь, — попросил я. — Здесь ничего интересного.

Бетонные сегменты слились в серую рябь. Улица метнулась под брюхо машины. Спереди набежала тень и крякнула под гусеницей, брызнув осколками, — «ведьмак» раз-

давил опрокинутый автомобиль. На долю секунды картинку смазал разворот. Надвинулась и скрылась, как выстрелила в лицо, характерная для такого забора парадная вывеска фирмы — не то «Квазар», не то «Фонон», не то еще какой-то бзик из репертуара березово-силиконовых долин. Птицей вспорхнул огромный лист — танк снес стальные ворота. Взлетело и опало облако снега.

— Они где-то здесь, — сказала Наташа. Я не заметил, как она подошла. — Они рядом. Я их чувствую.

— Да? — Я поднял бровь. — Чем?

— Шестым чувством, — объяснил Гарька. — Или седьмым. С половиной.

— Я их тоже чувствую, — нежданно встрял Дубина Народной Войны.

И этот тут как тут.

— Тогда почему я ничего не чувствую? — спросил я, тыча пальцем в индикатор целеискателя в углу экрана. — Экстрасенсы подвальные, адаптантов в записи унюхали... Дальтонизмом никто не страдает?

Индикатор был зелен, как кошачий глаз. Пусто. Ни одного теплокровного существа на сто метров вокруг танка.

— Это ничего не значит, — возразила Наташа. — Они прячутся и наблюдают. Если они каким-то образом влияют на аппаратуру...

Так. И еще летающие блюдца. И кристаллические свойства атмосферы. А «шавкин нос» они обманывают, потому что умеют менять гнусный свой запах и, когда надо, пахнут ландышами... Я пихнул Гарьку в плечо:

— Ты тоже так считаешь?

— Что? — заморгал он, отрываясь от экрана. — А? Нет, не считаю.

— Отлично, — сказал я с ядом. — Хоть один человек тут в здравом уме.

— Если бы не знал, что это невозможно, то считал бы, — добавил Гарька.

Я затянулся последней дымной сладостью и погасил окурок о подошву. Нет уж. Хватит. Спорить — увольте. Если эти дурни намерены с бессонных красных глаз и дальше терзать видеозапись и разрабатывать версию о проникновении подсознания в электронику, это их личное дело. По-моему, все мое бывшее отделение, кроме дяди Коли, потихоньку впадает в тихое помешательство. Физиология адаптантов не столь уж явно отличается от человеческой, а об анатомии и говорить не приходится. Факт общеизве-

стный. Восприимчивость к ядам у них почти та же, что у нас, а все без исключения бактерии или вирусы, смертельные для адаптантов, смертельны и для людей... правда, Экспертный Совет ведет в Диагност-центре кое-какие работы, скрытые от посторонних глаз, но все это, между нами, чепуха и вода в ступе, лапша на холодные уши... В самом деле, поесть человеку не дают! Почему я должен это слушать? Объясните мне, кто сможет.

— Помнишь? — сказал Гарька. — Тут мы людей нашли.

Я покивал. Танк уже успел выбраться с заводской территории и теперь прессовал снежную целину в жилых кварталах. Красный огонек в углу экрана опять сменился на зеленый — как и следовало ожидать, на человеческое присутствие индикатор среагировал вполне штатно — и так же штатно переключился, когда танк оторвался и люди пропали из виду. Как они кричали вслед! Как они бежали за танком, эти люди, мало похожие на людей, измученные, хронически голодные, забывшие о том, что надо прятаться, чтобы выжить, как они плакали от радости, как тащили за собой обмороженных детей и умоляли остановиться, некоторые не бежали, а ползли, а один мужчина догнал-таки танк и принялся колотить по броне фиолетовыми ладонями, и звук был такой, будто стучат деревяшкой, — Гарьке пришлось увеличить скорость. Эту кучку изможденных людей мы вывели на следующий день — к их невероятной удаче Гарька накануне рискнул взять на себя управление не только ходом танка, но и огнем: вряд ли людям было известно, что «ведьмак» в автономном режиме запрограммирован на безусловное уничтожение любой двуногой цели...

— Вот, — сказал Гарька. — Гляди.

Что-то изменилось. Танк опять стоял. Перед ним имело место ветхое, жилое когда-то строеньице, кособокая рухлядь в четыре этажа, которой давно бы обвалиться, а на экране опять висело осточертевшее: «Анализирую обстановку. Решение о дальнейших действиях не принято». Ярко и ровно горел зеленый огонек.

— Это опять на автоматике. Как я переключил, так он и встал, и не где-нибудь, а перед самым гадюшником... Двенадцать минут стоял. — Гарька вынул из подмышек зазябшие ладони и передвинул запись вперед. — А вот теперь снова на ручном, кроме огня... Нет, ты глянь!..

«Ведьмак» с места рванулся к зданию. Крутнулась и застыла орудийная платформа. Хобот орудия продавил оконный переплет. Взвякнуло. Грохнуло. Танк содрогнулся.

Снаряд, пробивая перегородки, заметался рикошетом по дому, рассеивая компонент. Пустой жестянкой вылетел вон. Длинно заработали крышевые пулеметы: по-видимому, танку что-то не понравилось в верхних этажах. Суставчато вылез и вдвинулся в окно бортовой манипулятор. Танк подался чуть назад.

Это было красиво и в записи. И еще это было страшно. Даже Наташа начала кусать губы, а Вацек как вцепился зубами в бутерброд, так и замер. Танк словно бы сделал *выдох* — секунду спустя из окон первого этажа вырвались плотные языки пламени, мгновением позже — из окон второго этажа, третьего... «Ведьмак» отполз. В здании бешено крутился заряд бинарной смеси. С пушечным грохотом сорвало крышу. Из окна четвертого этажа один за другим выпали два горящих клубка; первый остался, где упал, второй принялся быстро-быстро кататься по снегу. Замер, горя. Шевельнулся. Медленно скорчился и остался недвижен.

— Ну вот, — Гарька указал на красный огонек. — Кто был прав? На мертвых адаптантов он реагирует.

— Пока теплые, — уточнила Наташа.

Теплые... Горящие!

Иногда поневоле принимаешь к себе меры, поймав себя на том, что по-нехорошему скалишься и борода у тебя встопорщена: так вас, так!.. Всех, до последнего! В пепел! За спиной Дубина Народной Войны роняет гранатомет и неумело ругается. Дрянь наше дело. Наташе простительно кусать губы — но только ей, потому как женщина. Нам трепыхаться нельзя никак. Не знаю, кто тут виноват и какой враг вбил нам в головы столько мусора, но только сейчас нам непременно понадобится изобразить, что, мол, видели и не такое (это, кстати, правда), и что вообще из нас можно делать гвозди (а это уже вранье). Глупо, но так и будет. Жаль, дядя Коля не у экрана, он бы это враз пресек... Вон он — дует на костер, который не хочет гореть. Я давно знал, что дядя Коля среди нас самый мудрый.

Готово: Вацек уже жует.

— А жаль ведьменка, — с фальшивой небрежностью бросаю я. — У тебя, я гляжу, к тому времени неплохо получалось.

— Дурацкое дело не хитрое, — строит ухмылку Гарька. — Если простой солдат может, почему я не могу?

Кажется, он до сих пор мнит о себе, что он не простой солдат. Понято. Записано в подкорку. Не следует без острой необходимости его разочаровывать.

В нашей записи танк продолжает ползти. Я знаю, что случится дальше: будет еще один выжженный дом, только уже не жилой, а бывшая клиника, затем несколько минут «ведьмак» будет вполне прилично работать самостоятельно и в соответствии с программой лишения противника кормовой базы доберется почти до складов, после чего проигнорирует команду вновь перейти на ручное управление, неожиданно набросится на абсолютно ничем не угрожающую ему двадцатиэтажку, дважды протаранит несущие пилоны и сам останется под развалинами.

— Будь другом, — роняет Гарька через плечо, не отрываясь от экрана, — сделай еще бутерброд.

Это он мне, бездельник. И зря.

— Вац, — отпасовываю я, — будь другом...

Вот к кому надо обращаться.

Слышно, как за спиной наш общий друг Вацек ковыряет в банке ножом. Мне, надо полагать, бутерброд тоже готовится, и даже потолще Гарькиного. Субординация.

— Уполномоченный здесь?

Ну вот. Поел, называется. Теперь уже будет не до споров о сущности феноменов, а надо идти и предстать... Это бы еще ничего, если вместо споров. Хуже, что вместо завтрака. Встаю, засовываю в карман три ломтика хлеба, пробираюсь галсами между людьми, стараясь не наступить по пути ни в чью банку. Готово — я предстал. Командир отряда сидит поодаль от народных масс на невесть откуда взявшемся в этом подвале стуле о трех с половиной ногах. Он тоже завтракает, а рядом с ним стоят вольно и стену не подпирают оба его порученца — хлопцы рослые, крепкие и не шибко разговорчивые. Не то муниципальные десантники, не то еще чего похуже. Не гориллы, но напоминают. Личная гвардия.

— Угу, — жует Сашка, глядя на меня поверх банки и как бы говоря: «Честь не отдашь и имеешь на то право, мы не регулярная часть, — а мог бы и отдать, рука бы не отсохла». — Как твое второе?

Имеется в виду отделение дяди Коли. Странно не то, что я до сих пор по привычке считаю второе отделение своим. Странно, что Сашка мне подыгрывает.

— Отделение завтракает, — докладываю я. — Все пятеро. — И, видя, что не удовлетворил, добавляю: — Раненых нет, больных нет.

Сашка с отвращением глотает кусок говядины и вытирает ладонью рот.

— Недовольные?

— Недовольных нет.

— Очень хорошо. — По лицу Сашки невозможно определить, в какой степени его устраивает отсутствие недовольных. И какие виды он имеет на мое бывшее отделение, я пока не знаю. Какие бы он виды ни имел, мне они заранее не нравятся. Второе отделение у нас и так самое маленькое, а пополнения — шиш. Правда, работает отделение неплохо, лучше многих, а на фоне общей штатско-полевой бестолковости работает просто прекрасно — но ведь пять же человек только! Дядя Коля — раз. Наташа — редкой собранности боец, снайпер, — два. Низенькая, некрасивенькая, и клеются к ней только от большого мужского воздержания, заранее обеспечив себе пути отхода, зато уважение к ней настоящее. Она бывшая аспирантка и сдвинута на пулевой стрельбе, кандидат в мастера или что-то такое. От современного оружия воротит нос, чем-то оно ей не нравится, — нашла и таскает с собой старую СВД с оптическим прицелом, нянчится с этим веслом, как с ребенком, и если нужно кого-то снять издалека — тут уж ей не мешай. Ветровые потоки в городе хаотичны, холодный воздух плотен, и работать с дальней дистанции надо уметь. Весь отряд ей аплодировал, как в цирке, когда с расстояния в два километра она спокойно и даже как-то нежно сняла с крыши адаптанта и тот крошечной букашкой полетел вниз мимо всех сорока этажей, раскинув руки и ноги... Эти двое уже стоят иного отделения. А ведь есть еще Вацек, старательный и исполнительный, как всегда, есть Гарька Айвакян — тоже способный, хоть и не доброволец. Оторвали его от семьи, семью в эвакуацию, его — сюда, когда пошла мобилизация и кто-то наверху — спасибо умной голове! — придумал комплектовать отряды по территориально-профессиональному признаку. Позже других в отряд пришел, но кое-чему уже научился. Хитрый, змей, и злой, но злость у него повернута в правильную сторону, и это главное. Четверо. Пятый — Дубина Народной Войны. Этот, надо полагать, в противовес. Тоже отделения стоит, но только в ином смысле.

— Вот что, Сергей...

Я слушаю. Я весь внимание.

— Оденься. Прогуляемся.

Я стою. Жду, неизвестно чего. Ох, не хочется мне прогуливаться с Сашкой. Стоять перед ним и смотреть, как он с риском для жизни качается на своем стуле-инвалиде, мне

тоже не хочется. На его порученцев — тем более. Может быть, он пояснит, чего ему от меня на этот раз нужно. Может быть — нет.

Смотрит на меня, легонько усмехается:

— Охранение взяло пленного, нужно посмотреть.

Так. Нужно значит нужно. Хотя завтракать тоже нужно, а адаптант без меня не растает, не сахарный. Шагаю обратно через людей, собираю снаряжение в «горб» и пристегиваю «горб» к загривку. Двигаю плечами, подпрыгиваю в сомнении — нет, все хорошо, «горб» сидит нормально, не мешает. Хоть беги с ним, хоть падай, хоть ползи на брюхе — не мешает. «Уоки-токи» вдвинут в шлем до щелчка, нижний срез забрала опущен к подбородку, термокостюм с бронепрокладкой застегнут и не жмет, в подручном средстве полон рожок и еще три рожка в специальных карманах, и на каждом бедре — по два подручных средства осколочного действия. Автомат у меня на груди смотрит вправо: я предпочитаю стрелять с левой руки, правая начинает ныть от отдачи, особенно в плохую погоду. Я теперь метеочувствительный, как старый дед. И ладно. Метеочувствительный Сергей Самойло, экс-доцент, экс-командир второго отделения второй же штурмовой группы третьего добровольческого очистительного отряда, а ныне уполномоченный Экспертного Совета по связи с реальностью (это злая шутка: на самом деле я уполномоченный по связи с повстанческими формированиями), — говоря короче, мелкая околоштабная сошка, обвешанная с ног до головы всей этой словесной бижутерией, снаряжена, экипирована и готова к выходу. Теперь можно посмотреть, что у них там за пленный.

Снаружи — поземка и медленный промерзлый рассвет. Ветер сегодня ни на шутку. В городе ему простора не дают, давят домами и эстакадами, режут на части тонкими звенящими проводами, так он свирепеет, как зверь, гнет людей к земле, плюет в забрало и под забрало снежной крупой, до чистого льда выметает улицы-каньоны. У нас как раз такая улица, но на проезжей части не лед и не асфальт, а отвратительное сусло из снега с водою, и валяется в этом сусле мотоцикл, издали похожий на роликовый конек с обтекателем. Ветер, ветер. Летит, дробясь в воздухе, сорванный с крыши снежный пласт. В сусло — плюх! Сусло лениво шевелится. Странно, что некоторые трассы еще отапливаются.

Нас с Сашкой то в спину легонько подталкивает, то го-

нит взашей. На проспекте Русских Генералиссимусов будет потише, там дует поперек и экранируют дома, а проспект — это тот рубеж, куда второй и девятый отряды продвинули нас вчера, а мы потом помогли подтянуться им. Боевое охранение все там, распределено по фронту автономными группами, одна из них как раз напротив места, где помещались на чугунных столбах все пять чугунных бюстов, а ныне осталось четыре — граната Дубины Народной Войны разнесла вчера в крошку Антона Ульриха Брауншвейгского. По эту сторону проспекта очистка уже почти состоялась, осталось доделать всего ничего; по ту сторону — пока нет. Но туда мы сегодня не полезем, отряду дано указание закрепиться и закупорить все щели, по которым противник может вырваться из западни. Весь центр мегаполиса — одна большая западня для тех, кого мы обложили и жмем со всех сторон. И дожмем. Адаптанты, надо сказать, прекрасно это чувствуют. Сегодня днем мы выровняем линию, а ночью постараемся удержать позиции. По ночам бывают самые тяжелые бои. В такие ночи каждый, кто умеет стрелять, обязан это делать — отныне людям не возбраняется жить простыми желаниями. Чего же вы еще ждали, убийцы, адаптированные к социуму, как глист к кишечнику? Когда кишечник стал для вас мал? Получите же войну на уничтожение, такую, к какой нам не привыкать, она у нас уже в генах, именно такую, какой только и бывает настоящая очистка. Полная. Окончательная. Ассенизационная акция. Вязкая каша уличной войны, взаимоистребление чистых и нечистых. Я — чистый.

2

Этот адаптант сдался сам. Его уронили в снег, ощупали — оружия не нашлось — и некоторое время топтали, выбивая, как было нам объяснено, сведения о противнике, а когда оказалось, что адаптант не обладает не только сведениями, но и элементарной речью, исключая слабо модулированное мычание, остервенились и топтали уже просто от злости и задерганности последних суток. Этих топтальщиков я знаю наперечет, в лицо — всех, а кое-кого из бывших коллег и по имени. По существу, ребята они неплохие, не пацифисты, конечно, но и не холодные убийцы, не садисты, им бы, ребятам, сейчас поспать часа три — были бы в порядке. Или чтобы кто-нибудь погладил по нервам,

подбодрил добрым словом. Ну, сейчас я их подбодрю... Сашка едва заметно кивает: вдарь, мол, разрешаю. Сейчас я их поглажу... По-моему, на время экзекуции они даже не оставили никого наблюдать за проспектом. Я им не начальство, но насовать любому в рыло имею и без Сашки полное право. Как и каждый из нас, разомлевший в подвале под прикрытием такого боевого охранения.

— Сволочи! — рявкаю я, оглядывая проспект и вбитое в утоптанный снег тело. — Скоты, не люди! Душу выну!

Недоумевающие лица под забралами. Потом — все разом:

— А что?

— Кому там не нравится?! Тебе? А иди ты...

— В тепле сидит!..

— Тише вы — командир...

— Да у меня они дочь убили! Понимаешь, дочь!..

— А в чем, собственно, дело?

— Уйди, Серега, уйди от греха, надоел ты мне...

— Полтора ей было, говорить уже начинала, Светланой звали, Светочкой...

— Заткнись, гад, не скули, у всех здесь кого-нибудь убили...

— Да нет, мужики, он же у них по связи, ему же его в штаб вести, верно, да? А если этот не встанет — ты его попрешь? Или я?

— Встанет, они живучие...

— Ма-а-а-алчать!! — ору я, не сдерживаясь. На секунду их берет оторопь. Секунды достаточно, чтобы овладеть положением. Из окон горелого дома начинают выглядывать любопытные из соседствующей автономной группы, черт бы их подрал. Сашка молча ковыряет ногой снег и делает вид, что не интересуется. Указываю стволом автомата на выродка:

— Поднимите.

Выродка пинают в бок. Поднимать его никто не торопится, на лицах людей написана брезгливость пополам с усталостью. Один пытается раскурить сигарету под бронезабралом.

— Я кому сказал!

«Сволочь Сашка, — думаю я со злобой. — Мне самое дерьмо, я для него подручное средство...» — но тут выродок издает сиплый писк и начинает шевелиться. «Во! — говорят с удовлетворением. — Погоди, сейчас сам встанет...»

Адаптант издает еще один сиплый писк и встает на четвереньки. Дальше у него идет глаже, и он уже без особой

натуги поднимается на ноги. «Способный, стервь», — поясняет кто-то уже без особой злобы, а, скорее, с интересом. Цепкость к жизни у адаптантов, как всегда, поражает воображение. Весь он иссиня-битый, в жутких кровоподтеках, сквозь прорехи тряпья не видно телесного цвета, одна синева с чернотой, и как минимум одно ребро скверным образом сломано — но стоит прямо, не кривится, только слегка вздрагивает, скребет бороду и страшный колтун на черепе, стряхивает кровь со снегом и покряхтывает, а глаза — пустейшие... То есть, один глаз, второй уже заплыл. Пиджак, если в это звание можно произвести клифт, на нем старенький, дамского делового стиля, дыра на дыре, правый рукав напрочь оторван. Штаны еще хуже, даже не поймешь, какого они изначально были цвета, а на ступнях — ничего. Совсем ничего. Босой на снегу. И тут я ловлю себя на том, что я ему завидую. Я — ему! Выродку! С колтуном! Экий же феномен природы, нам бы быть такими, тепличные мы кактусы, а не апофеоз эволюции, вон как стоит, феномен, и не мерзнет, голым пусти — все равно ведь выживет, а на дворе, между прочим, минус пятьдесят пять...

Ага, теперь — внимание! Вплотную к пленному медленно подходит Сашка, и забрало у него уже затемнено, лица не видно. Походка хищная. Тоже решил отвести душу?

Сашка неожиданно издает странный звук — и пленный тут же вздрагивает всем телом. Звук, начавшись с низкого утробного рычания, проходит по очереди все стадии ворчания и пришепетывания и оканчивается пронзительным взвизгом. У меня закладывает в ухе, а адаптант вздрагивает еще раз. Потом начинает мычать. Тихонько и жалобно, одним носом. Сашка из-под забрала сплевывает ему под ноги.

— Отойдем-ка, Сергей.

Сколько угодно. Даже с удовольствием: происходящее мало-помалу начинает меня занимать.

— Ты с ним разговаривал? — спрашиваю.

— Ты же видел.

— Видел, — говорю. — В первый раз сам видел, как человек разговаривает с адаптантом. С ума сойти, есть же доказательства, что это невозможно. Правда, Бойль утверждает... — я спохватываюсь и замолкаю на полуслове. Про Бойля это я зря. Напоминать о Бойле совершенно незачем.

— Так что же утверждает Бойль?

— Да нет, ничего особенного... Он думает... думал, что

для человека с особой, чрезвычайно редкой психической организацией... не помню, как она называется... в общем, для такого человека изучить способ общения стайных адаптантов не труднее, чем овладеть иностранным языком... То есть, иностранным языком из другой языковой семьи. Может быть, даже легче.

— Так оно и есть. Ты хочешь знать, что он сказал?

Хочу ли я? Естественно.

— Ком дерьма. О дислокации ближайших стай сообщить не может или не хочет. Он потерял свою стаю, к другой не прибился и теперь от полного отчаяния канючит, спрашивает, не примем ли его мы.

— В нашу стаю? — Я усмехаюсь.

— В нашу стаю.

— А ты не спросил его, почему стаи никогда не грызутся друг с другом? — интересуюсь. — Или их кто-то координирует?

С минуту Сашка смотрит на меня темным своим забралом.

— Вот именно это я и хотел бы выяснить...

— А он что?

— Мерзавец не понимает вопроса. — Сашка опять сплевывает. — Отребье, шестерка. Пусть им занимаются в Экспертном Совете, это их прямое дело... Ты мне не хочешь рассказать, как тебе было в госпитале? У меня есть пять минут.

Конечно. Для Сергея Самойло у него всегда есть пять минут. Лучше бы не было. Оглядываюсь на ребят — те кучно стоят в стороне и ни черта не боятся. Всякому в отряде известно, что против нас стоит особенная стая, до девяти примерно утра она никогда не проявляет активности, если ее к этому не вынуждают. У каждой стаи свой характер, как у человека. А за три квартала отсюда — идет бой.

— А что госпиталь? — рассказываю я в сотый раз. — Лежишь себе, рука на блоке в каком-то перпетуум мобиле с винтами, да еще мажут ее такой дрянью, что потом целый день чешется. Охраны нет, оружия нет — лежишь в полной беспомощности и дрожишь, когда дверь хлопает, и почесаться нельзя, а за окном, естественно, стреляют... Один так с ума сошел. В общем, веселое времяпровождение.

— Сам виноват, — выносит вердикт Сашка. — Герой. Не знал, что надо делать?

Я молчу. Знал, конечно. Знал я, что мне надо было де-

лать, знал, кому сообщить и каким каналом связи воспользоваться. Все необходимое имелось в машине. Весьма вероятно, что через десять минут стаю разметали бы в пыль, стая перестала бы существовать — о предраспадных возможностях нацбеза я был худо-бедно осведомлен. С меня бы и волос не упал. И взяли бы живьем верхушку стаи для надобностей, недоступных доцентскому пониманию, тут нет никаких сомнений. И даже выразили бы соболезнование, помогая мне вынуть из петли окоченевший труп.

— Операцию ты провалил, — Сашка безжалостен. — Вывел себя из строя на полтора месяца. Бойля упустил. Пытался отказаться перейти в Экспертный Совет...

— С особой дерзостью и цинизмом, — не выдерживаю я.

— Что?

— Да так. Знаешь, была когда-то такая формулировка в судебных определениях: с особой дерзостью и цинизмом. Мне нравится.

— Вот именно: с особой дерзостью. И с этим... Правда, потом ты с блеском провел операцию «Гвоздь в ботинке», но имей в виду, что это тебя не оправдывает. Нисколько.

Я молчу. Что мне сказать? Он знает обо мне если не все, то многое, а я о нем ничего — наблюдается между нами такая анизотропия, и отбиваться мне нечем. Остается открыть кингстоны и тонуть.

Но я еще побарахтаюсь.

— Бойль тебя в госпитале не навещал?

— Нет. Ты уже спрашивал.

— Бойля я тебе не прощу, — спокойным голосом говорит Сашка, — это ты помни. Теперь доложи по основной теме...

Что Сашка хорошо умеет — это вызывать у агентов рефлекс отвисания челюсти. Ну, пусть отвисает. Я ей еще помогу.

— Я считал, что основная тема давно закрыта...

— Вот как?

Не вижу, какой взгляд у Сашки под забралом. Но могу представить.

— Запомни: тема для тебя закрыта только тогда, когда тебе приказывают ее забыть и заняться другим делом. Насколько мне известно, я тебе этого не приказывал. Основная тема для тебя была и остается основной, ты меня понял?

— Но ведь обстановка же изменилась...

Трудно Сашке с дилетантами.

— Ты знаешь, какие структуры государства распадаются в последнюю очередь? — скучным голосом осведомляется он.

Это я хорошо знаю. Хотя никто не объяснил мне, почему иначе не бывает.

— К твоему сведению: тот, за кем мы охотимся, скорее всего, находится среди нас.

— В *нашем* отряде? — ошарашенно спрашиваю я, а сам все еще не могу поверить, и вид у меня, должно быть, глупейший.

— В Экспертном Совете.

Нет, не верю. Не может быть. Судорожно глотаю липкую слюну.

— Откуда информация?

Знаю, что не ответит. Но почему бы не спросить?

— Заберешь пленного, — говорит Сашка как ни в чем не бывало. — Его уже обыскивали, но ты все равно проверь, он мне что-то не нравится. Отведешь его куда надо, дорогу помнишь? — Это ирония.

— Вацек сбегает, — возражаю я. — Я бы еще тут побыл.

— Нет, — Сашка в третий раз сплевывает. — Юшкевича я тебе не дам. И запомни: ты мне здесь не нужен, ты мне нужен в Экспертном Совете. Все. Иди выполняй.

Иду. Оружия у пленного, конечно, нет, но для профформы хлопаю феномен природы по рукам и бокам, лезу пальцами в жуткий и вшивый его колтун, отчего боевое охранение брезгливо воротит носы и плюется. Термоперчатки, ясное дело, придется выбросить. И это я Сашке тоже запомню.

— Пошел!

Не понимает, хоть и феномен. Толкаю его автоматом: иди, мол, сука, пристрелю. Ага, теперь понял. Плетется — нога за ногу. Я следом. Идиотская обязанность, идиотская киношная роль: затерявшиеся в снежной пустыне арестант и зверь-конвойный... Ладно, побудем зверем. Чувствую затылком провожающие взгляды и злюсь. Интересно, насмехаются надо мной или, наоборот, сочувствуют? Я им посочувствую, я им так, мерзавцам, посочувствую... Провалитесь вы со своим сочувствием, забудьте о нем, о себе больше думайте, не обо мне — только о себе, нас с вами, ребята, уже которое поколение подряд пытаются научить думать только о себе на благо государства, да ведь мы же люди с рефлексами: ладонь к козырьку — фигу в карман,

оба действия строго синхронны, противоположны и описаны Ньютоном — но зато когда фигу обнаруживают и заставляют вынуть, вместо нее почему-то всегда вынимается автомат... Насколько я знаю, Ньютон такого не описывал.

— Иди, сволочь.

Он, собственно, и идет. Торопить прикладом, конечно, нет никакой необходимости. Редкостный попался адаптант, дисциплинированный. Вообще какой-то неправильный: где это видано, чтобы адаптанты сдавались в плен, хотя бы и потеряв стаю? У них и понятие-то о сдаче в полном отсутствии, себя не берегут, о том, что сила солому ломит, знать не желают, дерутся всегда до последней крайности, перешагиваешь через недобитого — он тебя зубами за ногу, а хуже их патлатых ведьм в ближнем бою ничего нет и быть не может. Притом кое-чему у нас уже научились: и снайперы у них теперь есть, и грамотные пулеметчики, а дядя Коля просто-напросто убежден, что они нас за нос водят... Ну, это вряд ли. А пиджак у этого типа, если приглядеться, не так уж и стар, просто уделан до невозможности. С какой же женщины ты его снял, мерзавец? И где теперь лежит эта женщина — в снегу, в пустой квартире, в обледенелом подъезде? Сожжена в автомобиле? Очень вовремя мы за вас взялись, вот что я вам скажу, то есть чисто по-отечественному вовремя, в самый последний момент, а ведь промедли мы еще месяц — и все, ни одного человека здесь бы уже не было. Дрянь у нас сегодня боевое охранение — а понять ребят можно...

Я засыпаю. На улице пустынно и, по-видимому, безопасно. Очень хочется лечь, я бы лег прямо в снег — но человек может спать и на ходу, даже конвоируя, — он существо хотя и непрочное, с проектными недоработками, но ко многому способное. Ноги выведут, а если что-нибудь случится, я не так уж сильно запоздаю с ответной реакцией. Проверено.

Глаза открыты — я начинаю видеть белый сон. Белый, как снег. Не хочу видеть белое. Огня мне, огня! Рыжего, с дымом! Мне снится, что я подсчитываю: сколько же это суток я не спал по-человечески? Гм, а не так уж много, если разобраться. Говорят, Эдисон всю жизнь спал по три часа в сутки и прекрасно себя чувствовал. Всю жизнь — я бы так не смог. Говорят, он тоже спал на ходу. Шел, должно быть, как-то раз по улице, забрел в темноту, от неуюта проснулся и подумал, что не худо бы изобрести электрическую лампочку. Правильно подумал. А один византиец —

тоже насчет поспать был вроде Эдисона — взял вот так однажды да и усовершенствовал от бессонницы тайную службу...

Сашке я наврал. Не так уж скверно мне было в госпитале, если не касаться состояния души, которой нет, и не столь уж беззащитными были страждущие: почти каждый второй имел под матрацем что-либо на случай крайней необходимости. Я, например, имел, так было спокойнее. И ни разу никем из больных это оружие не было применено, если не считать того идиота, который начал палить в потолок, — стрельба случалась только на улицах и преимущественно между людьми. То было время массового бегства из города, в уличных пробках стонали перегруженные легковушки и ревели исполинские трейлеры, битком набитые людьми, а те, кому не досталось места... ну, это отдельный разговор. Между прочим, Сашка мог бы зайти посмотреть, как себя чувствует его агент, это было бы педагогично... Хотя — может, и лучше, что не зашел.

Желал бы я знать: поверил он мне насчет Бойля или нет? Я бы не поверил.

— Иди, иди...

Просыпаюсь и вновь засыпаю. Теперь мне снится письмо — то самое письмо от мамы. Оно ждало меня, когда я вышел из госпиталя. Лист был странный, шероховатый на ощупь — настоящий бумажный лист, — видно, где-то бумагу опять начали делать из древесины, решив не ждать, когда снег окончательно завалит мертвые леса. Я боялся читать это письмо. Весь Юг сейчас — кошмар кромешный, место, где десятки миллионов людей рвут друг друга за еду, за жилье с хотя бы нулевой температурой воздуха, за место под негреющим солнцем. Армия почти вся там. С адаптантами тоже дерутся, но чья берет, неясно: телевидение сдохло еще раньше почты. Правительства вроде бы уже нет, по некоторым слухам — утоплено в проруби, в море, в полном составе, по другим слухам — не в полном. Не знаю, чему верить, а вот этому поверил сразу: «Сынок, Сереженька, жить здесь невозможно, люди хуже зверей, так мы с отцом думаем вернуться, ты как, Сережа, считаешь?..»

Куда они вернутся?! Сюда?

Тогда я бросил все. Сашку. Квартиру. Работу в институте — уже чистую синекуру. Дарью. Я рванул на Юг. Уже в то время я понимал, какой невозможной мальчишеской глупостью это было, но не сделать этой глупости не

мог. Мне еще повезло: я вернулся живым. Последние пятьдесят километров обратного пути я проделал пешком, бросив разбитую машину, и каким-то чудом добрел, не замерз...

Я не добрался даже до Курска.

Потом я ждал, когда придет очередь Дарьи. Просто ждал. Она не кричала и не отбивалась, как другие, когда ее забирали. Последние дни она вообще была очень тихая, будто что-то чувствовала заранее. Она только подошла ко мне и спросила: «Что, правда так нужно?»

Лучше бы она выцарапала мне глаза. По крайней мере, я не стал бы тогда утешать ее лживыми словесами о том, что все это, конечно же, временно, что надо просто подождать, пока что-то там не изменится и не станет лучше, и мы опять будем вместе, ты и я, мы даже как-нибудь летом сходим на лыжах к той самой сосне, ты ее помнишь?

Потом ее увели. Навсегда. Через Сашку мне удалось определить ее в Степной резерват — были слухи, что там можно выжить и не возбраняется выкапывать мерзлых сусликов. Мне опять повезло, я успел вовремя: спустя несколько дней, когда первые отряды повстанцев начали разоружать полицию, любой, кому я предложил бы отправить в резерват формирующегося адаптанта, просто-напросто рассмеялся бы мне в лицо.

В моем белом сне, конечно, наоборот: Дарья остается со мной, а те, кто за ней пришли, — те уходят, причем на цыпочках...

— Стой!

Проснулся. Вот она, главная зараза, — площадь под эстакадой надземки. Крохотная, метров сто всего бежать по открытому, а противная, простреливается вся насквозь с любой крыши — после вчерашнего дела, правда, не с самой близкой крыши, и то удача. Амелин и Бугаец накрылись вон там, под самыми опорами эстакады, да и некий Самойло успел здесь отведать ртутной пули в мягкое место — синяк еще не сошел и садиться на твердое не тянет. Бронепрокладка, само собой, спасет от ртутной пули, и «пила» в ней застрянет, зато вульгарная игольчатая дрянь с прицельной дистанции прошьет ее как тряпку и не ощутит сопротивления...

Р-раз и два уроду в спину:

— Бегом, гад!

Плохонько, но спринтует адаптант по вчерашнему снежку, взрывает бразды пушистые, и склеенный колтун на голове мотается по своей воле куда хочет. Тяжеленький,

видать, колтунчик. Что он в нем скрыл от моих пальцев: гирьку на тросике, что ли? Полкило вшей? Быстрее же, сволочь! Долбануть бы тебя промеж лопаток, да сейчас нельзя, свалишься ведь на бегу, поднимай тебя пинками в оптическом перекрестье... Дзень! Началось. Звонко — об опору эстакады! Летит крошка. Что я говорил: враг не дремлет. «Кукушка», «кукушка», гадина, сколько мне жить осталось... В ближайшем доме с медленным звоном осыпается стекло. Беги, урод. Положить бы тебя на месте и утечь, но я уж тебя доставлю куда надо, это я тебе говорю. Ясно, что имел в виду Сашка, когда не дал Вацека: если пленный не добежит, то кругом виноватым буду я...

— Стой! Шагом.

Проскочили. Позволено отдышаться и мысленно показать снайперу укромные телесные подробности. (Жаль, что только мысленно, но ведь отстрелит. Во-он там он, кажется, засел, далековато — надо будет сказать Наташе.) Дальше прямо по улочке, да по правой стороне, а не по левой, да короткий бросок под арку через двадцать шагов после поворота, затем напрямик через сгоревшее здание, а там по другой улочке, и вот оно Сашкино «куда надо» — городской штаб очистки, здесь же подчиненный ему штаб по борьбе со снегом, здесь же мобилизационный пункт, здесь же бывшая воинская часть таинственного рода войск и историческая городская гауптвахта с мемориальными досками под каждой третьей решеткой. Экспертный совет тоже здесь сидит. Все это хозяйство за одним забором, и тут уж как положено: КПП, караульная рота забытых в Москве профессионалов, колючий вал трех метров ростом — при желании можно металл добывать. И ржавая на нем колючка, и новенький «самохват», и прочие культурные слои для исследователей. А на подходе, сейчас я его увижу, стоит, уполовинив проезжую часть, раздетый «ведьмак», уж не упомню, с каких пор. Покойник, но заслуженный. Видно, что при жизни он любил ходить сквозь стены кратчайшим путем из переулка А в закоулок Б, а горел по меньшей мере дважды. Интересно бы знать: на его аппаратуру тоже влияли астральным способом? Я в переселение душ не верю, а Гарька мог бы найти время поинтересоваться, как делались комплектующие в святая святых силиконовых долин и чего можно ждать, когда при попадании в гермозону одного-единственного и даже старательного дубоцефала зимой в сверхчистые расплавы непонятным образом начинает залетать снег, а летом — мухи...

Шучу, шучу. Какие сейчас мухи.

Часового нет, и правильно, чего ему торчать на морозе. Я прислоняю адаптанта лицом к стене и принимаюсь колотить в дверь, пока на стук не выходят — впрочем, выходят лишь для того, чтобы преградить мне дорогу. Вид у профессионала типично дубоцефальный. В лицо меня здесь пока плохо знают, но в лицо и не смотрят, а смотрят на то место, где у порядочных людей должен быть лацкан, а у уполномоченных Экспертного Совета — значок-пропуск. Значок у меня на месте, так в чем дело? Оказывается, в пленном. С собаками и адаптантами вход воспрещен.

— Вызови начальство, дурак.

Все как всегда. Начальство не торопится. Потом оно выйдет — сонное до потери брезгливости, нелюбопытно пробежит взглядом сначала по мне, затем по адаптанту, лениво покачается с пятки на носок, буркнет: «Опять нам, что ли? Сами не могли за угол отвести?» — и после короткого спора все же пропустит и меня, и пленного. Все так и будет. Все произойдет очень обыденно — вот что самое страшное. Обыденность трагедии. Норма. От которой хочется зажмуриться. Как объяснить это детям, которые у нас, возможно, еще будут? Как и почему мы такое допустили? Дети ведь спросят. Небритый дядя в арктическом снаряжении, отобранном у муниципального десантника, конвоирует пленного. Пленного истратят на эксперименты, тот же Мишка Морозов в изолированном боксе опробует на нем нововыведенный штамм какой-нибудь дряни. Пленный умрет или не умрет. Если умрет, той же дрянью заразят добровольца и попытаются вылечить. Доброволец умрет или не умрет. Тут все ясно. Но давайте попробуем, давайте поднатужимся и честно ответим на простой вопрос: как получилось, что мы, такое устойчивое, напористое, умелое, такое уверенное в своих неиссякаемых возможностях и вместе с тем вроде бы достаточно осторожное, вперед-назад-и-по-сторонам-смотрящее человечество, как мы довели себя до состояния, при котором лютая борьба за выживание *обыденна*, а проигрыш начальной фазы борьбы *очевиден*? Как же вы не заметили, спросят дети. У нас спросят. И с нас спросят. Отвести глаза? Ну, нет. Разумеется, мы начнем выкручиваться и врать, что сделали все от нас зависящее, а если бы сверху на нас не давили страшной каменной тяжестью несколько твердолобых или корыстных дураков (которых мы сами же и взгромоздили себе на шею, но об этом мы распространяться не будем), то сделали бы

гораздо больше, и, обидившись, заявим, что нехорошо так разговаривать с отцами, прожившими несладкую жизнь — сам бы попробовал, сопляк! — по вине тех, кто жил прежде нас и не принял мер, — ведь старт ползучему обесчеловечению, превратившемуся ныне в обвальное, был дан не при нас, а значительно раньше, так что ваши отцы не повинны ни в чем и ни перед кем — уяснил, щенок? Марш к амбразуре! Проверь пулемет и гляди в оба! Кто же виноват? — спросят с громадным детским недоумением, готовые верить любому ответу. И мы, конечно, придумаем канонические ответы на любые детские вопросы, потому что ничего другого нам не останется... Ох, как мы придумаем!

Держитесь, дети.

И верьте.

3

Если человек в здравом уме носит на плечах китель с чужого плеча и со знаками различия, нанесенными прямо на ткань через трафарет, это еще не обязательно выдает в нем размороженного участника Ледового похода. Гораздо вероятнее то, что этот человек намеревался прожить свою жизнь как-то иначе. И если у него нет руки и половины скальпа, а фальцет ровен и начисто лишен интонаций, сразу же наводя на мысль об искусственных голосовых связках, можно сколько угодно думать, что командующий имел несчастье родиться с хромосомными дефектами. Но куда ближе к истине будет гипотеза о сугубом преобладании внешних факторов.

— ...Кроме того, дубоцефалы, — сказал командующий. — Я имею в виду неотмобилизованных — да-да, прежде всего я намерен поднять именно этот вопрос, и чем скорее мы его решим, тем лучше. Что с ними делать? Их сейчас в городе тысяч двести. То, что тянуть с ними дальше нельзя, ясно даже идиоту. От ответа на вопрос прошу не уходить. Мне нужно, чтобы Экспертный Совет дал наконец хоть какие-то рекомендации, и самое главное: продолжать их все-таки кормить или нет?

— Не знаю, — сказал я.

— То есть, как так не знаете? Кто же еще должен знать? Вопрос, по-моему, поставлен предельно ясно: либо мы продолжаем ежедневные раздачи и через три недели остаемся без крошки продовольствия — наши ресурсы вовсе

не безграничны, — либо надо объявлять о том, что дубоцефалов мы кормить не будем. Так?

— Не обязательно, — заметил Сашка.

— Что не обязательно?

— Не обязательно объявлять.

— Ну да... — Командующий встал и с ожесточением поскреб в бороде. — Верно, не обязательно. Да сидите вы — повскакали!.. Допустим, мы кормим только тех, кого используем... м-м... на какое время хватит наших ресурсов при этом условии? Надеюсь, хотя бы это у вас просчитано?

— Конечно, — я пожал плечами. — В предположении о неизменной динамике потерь и о том, что мы не дадим разграбить контролируемые нами склады, — месяца на два. Точнее сказать трудно. При удачном стечении обстоятельств, может быть, на десять недель.

— Это предел?

— Да.

— Насколько я понимаю, — командующий прошелся по комнате, — упомянутое удачное стечение обстоятельств — не что иное, как просто-напросто большие потери?

Я покосился на Сашку. Тот сидел молча, положив перед собою на стол свой шлем, и тихонько барабанил по нему пальцами.

— Да.

— Подвоз?

— Капля в море, — сказал я. — А скоро и ее не будет.

Командующий подошел к окну. Мне не было видно, но я знал, на что он смотрит сквозь три слоя оконного стекла: утренняя очередь к коптящему по ту сторону колючего вала гигантскому крытому грузовику, из кузова которого в тянущиеся руки сбрасывали тощие пакеты, двигалась уже четвертый час и все никак не могла иссякнуть. Без арктического снаряжения люди, напялившие на себя все, что только возможно, были похожи на огромные тряпичные комья, медленно и неуклюже переступающие толстыми ногами. Ветер трепал выдыхаемый пар и гнал его вдоль улицы. Хвост очереди сворачивал за угол.

— Вот, — сказал командующий. — Полюбуйтесь! Две трети нашего продовольствия уходит на прокорм общественных иждивенцев без всякой пользы для дела. Семьдесят тонн ежедневно. Давать меньше в такие холода все равно, что не давать совсем. Причем среди них уже имеются секты опасной направленности, даже пацифистские, существует какой-то Хидырь-Спасение, которого мы никак не

можем поймать... Я уже не говорю о вульгарной преступности. Ладно, допустим. Еду они получают. Нашу еду. Вывезти их некуда. Может ли кто-нибудь дать дельный совет, как их использовать?

— Нет, — сказал Сашка.

Командующий повернулся ко мне.

— Вы как думаете?

— Небольшое количество использовать можно, — возразил я. — Отбирать здоровых и тех, кто потолковее, обучать и держать пока в резерве. Сейчас пополнять дубоцефалами отряды нет смысла: некоторые из них уже состоят из дубоцефалов на шестьдесят-семьдесят процентов. Экспертный Совет держится мнения, что при превышении этой величины они перестанут быть управляемыми. Кроме того, дубоцефалы более или менее пригодны только для оборонительных боев — штурмовые группы из них не скомплектуешь. Но так как потери среди них больше, чем среди нормальных людей, резерв в четыре-пять тысяч дубоцефалов будет полезен.

— Четыре-пять тысяч, — раздумчиво сказал командующий. — Это уже хорошо. Остальных куда? Может быть, на снег? В санитары, наконец? В другие какие-нибудь службы? Что у нас есть еще?

— Подразделения по борьбе со снегом в пополнении не нуждаются, — ответил я. — Санитаров нам на сегодняшний день хватает. В остальных службах либо комплект, либо бардак. Кое-где численность надо сокращать, а не увеличивать.

— Где, например?

— Например, при штабе.

Наглый ответ был пропущен мимо ушей. Командующий сел в кресло и пощипал себя за бороду.

— Допустим, с завтрашнего дня мы прекращаем раздачу иждивенческих пайков дубоцефалам, — сказал он. — Конкретно: чем это нам грозит? Вопрос о нравственных муках прошу не поднимать.

— У нас это просчитано, — объяснил я. — Собственно, Экспертный Совет просчитал только вероятные сроки событий, а качественно картина и без того предельно ясна. Не позднее чем через пять дней можно ожидать первых серьезных волнений, на которые нам придется обратить внимание. Мелкие неприятности начнутся уже на второй день — они начались бы еще раньше, но холод будет держать людей преимущественно по домам...

— Дубоцефалов! — раздраженно перебил командующий. Странно было видеть раздражение на его лице и вздрагивающие ветвистые жилки под тонкой пленкой, затягивающей половину черепа, в то время как голос был ровен и механичен. — Дубоцефалов, а не людей. Давайте наконец разберемся с терминологией и отделим зерна от плевел. Людей мы в меру сил кормили и будем кормить, даже тех, кого не можем использовать, в первую очередь детей и их матерей, также и стариков. Никто не собирается вырывать кусок хлеба изо рта ребенка, в противном случае вся наша борьба лишается смысла. Наша задача спасти город, а город — это люди. Между прочим, людей у нас на иждивении сравнительно немного и речь сейчас не о них. Дальше.

— На пятый день начнутся волнения, — монотонно, как заученное, повторил я. — Мы можем отсрочить нападение голодных толп на склады, разработав соответствующие меры пропаганды — дубоцефалы очень внушаемы, особенно в толпе, — однако у нас нет ни времени этим заниматься, ни достаточного количества подготовленных специалистов. Кроме того, никакая пропаганда не помешает голодному дубоцефалу отнять паек у голодной матери с ребенком, и в масштабах города мы вряд ли сможем этому противостоять. Как хорошо известно из истории, показательные казни мародеров в голодные времена приносят очень мало пользы...

— Абсолютно никакой, — сказал Сашка.

Командующий неодобрительно покосился в его сторону:

— Помолчите. Дальше.

— Короче говоря, через неделю нам придется снимать с позиций целые подразделения для защиты складов, — резюмировал я. — К сожалению, они у нас сильно разбросаны, и вы знаете, что это за склады: от военных до складов супермаркетов. Придется также создавать подразделения для разгона толп, а это поставит под угрозу герметичность линии фронта. Наконец, начнется массовая миграция дубоцефалов на территорию противника, что сразу усилит его как количественно, так и продовольственно — я думаю, излишне объяснять, чем нам грозит последнее. Экспертный Совет считает, что этого нельзя допустить ни в коем случае...

— В каком смысле — продовольственно? — спросил командующий.

— В прямом, — пояснил я. — Их просто съедят. Со

временем, конечно. Пока, по нашим данным, продовольствие в центре города еще имеется.

— Вывод. Вывод!

— Расстреливать, — сказал Сашка. Словно большая змея упала с дерева и, шипя, переползла через хрустнувшую ветку — рассс-тре-ливать. — Зачем себя обманывать, это уже каждому ясно: или кормить и всем сдохнуть, или уже сейчас избавиться от балласта единственно возможным способом. Третьего нет.

Я почувствовал, что в комнате очень душно. И еще я почувствовал облегчение: слово было произнесено. Кажется, командующий тоже почувствовал облегчение. Решение — я знал это точно — сегодня принято еще не будет. Но оно будет принято обязательно — завтра, послезавтра... Когда? А ведь Бойль был прав, подумал я. Может быть, человечество выиграет борьбу за выживание, но мы не знаем, какое это будет человечество...

— Экспертный Совет что думает?

— Мнения разделились, — сказал я. — Этот вопрос такого рода, что если человек точно знает ответ на него, то он либо дурак, либо сволочь, в зависимости от ответа.

Командующий вскочил и велел мне встать. Он бегал по комнате, и выпроставшийся из-под ремня пустой рукав его кителя мотался сзади, как хвост.

— Мне их не жалко? — пытался кричать он, но крика не получалось и голос был все так же ровен, только плясали на лице мышцы, кривя рот. — Они же не виноваты в том, что мы не можем их использовать. Они такими родились. И они не меньше нашего хотят жить, и у них тоже есть дети. Знаю. Ответственность за принятие решения лежит на мне, я здесь командующий, и в конце концов кидать камни будут в меня, а от Экспертного Совета требуется всего-навсего аргументированная рекомендация к принятию решения. Ах да, рекомендация ведь тоже ответственность. Не хотите быть палачами? А вы подумали о людях, которые умрут позже, если дубоцефалы не умрут теперь? Как же себя чувствует после этого ваш гуманизм? Да сядьте вы наконец... Мы же подставляем дубоцефалов под огонь вместо себя где только возможно, и никто мне еще не говорил, что это неправильно. Язык не повернется сказать такое, потому что каждый знает, что выжить должны в первую очередь люди и лишь при благоприятном стечении — дубоцефалы. Сейчас каждый в первую очередь должен для себя решить, кто он: абстрактный гуманист или

человек ответственный, то есть гуманист конкретный. Я тоже, представьте себе, не палач, а архитектор... Ну хватит! — Командующий подобрал упавшее кресло и сел. Он был красен. — Положение у нас критическое, чтобы не сказать ужасающее. Заметьте, я не намерен говорить сейчас о проблемах с энергетикой и транспортом, я даже не упоминаю о том, что о ходе борьбы в других очагах сопротивления по стране, да и по всему миру, мы имеем лишь отрывочные сведения, половину из которых Экспертный Совет считает недостоверными, и о том, что мы до сих пор не можем понять, почему не действует спутниковая связь. Утрачены громадные массивы информации. Большей части специалистов по городским коммуникациям физически не существует. Герметичность линии фронта!.. — Было ясно, что командующего всерьез сорвало со стопора. — Вы оба знаете, что нам приходится держать в тылу специальные формирования для уничтожения просачивающихся стай и стаек. Мы перекрываем улицы и метро — они лезут через коллекторы, водотоки и канализацию. Мы перекрываем все, что можем, — они проникают через какие-то совсем уже невероятные ходы, которыми в последний раз пользовались в шестнадцатом столетии. Я запрашиваю Экспертный Совет, когда же наконец у нас будет схема подземных коммуникаций, которой можно верить, — мне отвечают, что лет через десять, и просят для этой работы людей, тогда как даже дураку ясно, что если нам не удастся наладить подвоз, то самое позднее к маю мы дойдем до трупоедства, а к июлю попросту вымрем от голода, и вряд ли нам будет легче от того, что, по расчетам, адаптанты вымрут раньше нас. Логически у нас есть один-единственный выход: не считаясь с потерями, завершить очистку города в кратчайшие сроки, прежде всего чтобы успеть захватить то, что еще не сожрано. Мы это и делаем. Не считаясь с потерями и даже иногда молчаливо их приветствуя, потому что этого требует логика событий. А Экспертный Совет в такое время имеет наглость строить воздушные замки, и его уполномоченный по связи целыми днями пропадает в своем любимом третьем отряде. С Экспертного Совета я еще спрошу, а сейчас я хочу услышать ваше... — командующий провел рукой по запульсировавшей вдруг тонкой пленке на черепе и ткнул пальцем в меня, — да-да, именно ваше личное мнение: должны ли мы избавиться от излишка дубоцефалов немедленно?

Вопрос, подумал я. Плохо, что я знаю на него ответ. Я

оглянулся на Сашку. Помощи от него я не ждал, и почему-то мне казалось, что он улыбается. Но он не улыбался. Он даже не изображал, что его тут нет. Он смотрел на меня с интересом и ожиданием. Почему-то для него было очень существенно то, что я сейчас скажу. Должно быть, он всегда был конкретным гуманистом, только раньше я об этом не догадывался.

— Может быть, я и сволочь, — медленно произнес я, ясно чувствуя, что «может быть» уже излишне, — но я не дурак, это точно.

— Прекрасно. — Командующий ударил ладонью по столу, как припечатал. — Я рад, что не ошибся в вас. Может быть, вы возьмете на себя предварительную разработку технической стороны этой акции?..

Вверх. Направо. Пост охраны — стоп. Вот пропуск, верните оружие. Теперь прямо по коридору... Разбитое окно было заколочено дребезжащей фанерой, тянуло холодом. Взмыленные порученцы, попадавшиеся навстречу, ежились и старались быстрее прошмыгнуть. Штаб работал, проявляя способность к осмысленным действиям. Гуляли промозглые сквозняки. Спешили люди. За окном мело и, косо заштрихованные метелью, впритирку к колючему валу недвижно и внушительно, развернув к прилегающим улицам башенки с тонкими стволами пулеметов, стояли два гигантских транспортера резервного командного пункта. Прямо в коридоре на школьной парте — откуда здесь парта? — злобно трясся допотопный принтер, выплевывая в поддон свежеотпечатанные воззвания к населению от лица несуществующей гражданской администрации. Кипа на поддоне росла. За ближайшей дверью кто-то вопил в микрофон армейской рации: «Что?.. Не слышу тебя! Нашел? Где?.. У тебя же экскаватор, там еще одна должна быть... Повтори! Не можешь переключить — рви эту трубу к свиньям собачьим! Они жопы греют, а мы... Что? Наплевать, там давление от силы пять процентов, рви — и точка! Пусть горит, тебя это не касается, потом переключим...» Так. Значит, нашли и перекрывают еще одну газовую магистраль, ведущую к центру города. Уже кое-что. За другой дверью громогласно, с крикливым восторгом штатских, дорвавшихся до военного дела, спорили о втором эшелоне и необходимой плотности огня в полосе прорыва. Упоминались третий и девятый отряды. Значит, прорыв к центру города намечается все же

на нашем участке, и это тоже неплохо... Не то, что на нашем участке, а то, что он вообще намечается.

Прямо. Опять вверх. Теперь четыре пролета вниз и дважды налево... У того, кто выдумал подобную планировку, было не в порядке с головой. Как и у того, кто, зная, кто ему Сашка, вздумал проверить одну свою гипотезу насчет того, кто Сашке командующий... Сашка, конечно, прекрасно это понял.

Души нет, но на душе гадко...

Кидать камни... Никто ни в кого не станет их кидать. Никто из оставшихся в живых не посмеет никого осудить даже в мыслях, и это правильно. Но тоже гадко.

Еще один пост. Пропуск...

— Подождите!..

— Да? — я обернулся.

— Простите... Вы меня не узнаете?

— Узнаю, — кисло сказал я. — Как не узнать? Вы Глеб Ипатьевич Вустрый, государственный разъяснитель третьего ранга. Бывший государственный разъяснитель. Теперь вы стоите в засаде и ждете меня. Мне представляться нужно?

— Нет, нет! — Он расцвел и заулыбался. — Я вас знаю. Я вас даже помню, хотя видел только один раз, у меня вообще очень хорошая память. Мне порекомендовали обратиться к вам...

— Кто? — перебил я.

Улыбка Глеба Ипатьевича была обаятельной.

— Разве это так уж важно?..

Я решительно повернулся и зашагал прочь. — Подождите! — отчаянным голосом вскрикнул за моей спиной Глеб Ипатьевич. Я подождал. Мне было все равно. И уже было ясно, что он просто так не отстанет.

Он подбежал ко мне суетливой рысцой.

— Кто вам порекомендовал обратиться ко мне?

— Алла Хамзеевна, — покаянно сказал он. — Вы должны ее помнить, она ведь когда-то работала с вами, а теперь она фасовщица пайков... Она... мне порекомендовала... предупредила только, чтобы я не ссылался...

— Вы ищете работу? — спросил я. Он усиленно закивал. — И вас, конечно, не устроит ни повстанческий отряд, ни подразделение по борьбе со снегом... — Я ухмыльнулся, глядя, как человек мужественной внешности сдувается на глазах, точно дефектный воздушный шарик, — вот уже скукожился и заморщинил, а скоро останется одна цветная

тряпочка... — Вы боитесь повторной мобилизации, притом у вас обострение язвы желудка на базе тылового пайка и четверо детей, поэтому вы ищете работу по своей основной специальности. Высоко вы не летаете, и вас бы устроило место инструктора при мобилизационном пункте. Угадал?

— Нет, — с несчастным видом произнес Глеб Ипатьевич. — Нет у меня детей... Совсем нет. А язва есть, это вы верно...

— А Государственная Евгеническая? — мстительно осведомился я. — Как же насчет четверых детей на семью?

На Глеба Ипатьевича было жалко смотреть. Цветная тряпочка съеживалась и сморщивалась — казалось, она вот-вот пропадет совсем и государственный разъяснитель скончается у меня на руках в штабном коридоре.

— Что вы умеете делать? — спросил я.

— Работать, — мгновенно воспрянул Глеб Ипатьевич. — Разъяснять, пропагандировать... и многое другое... мне говорят, что теперь это не нужно, но это же абсурд, вы понимаете, так никогда не бывает... Вы поверьте мне пожалуйста, я очень хорошо умею работать с людьми, у меня за всю жизнь были только поощрения, ни одного взыскания... Вот смотрите! — Он мгновенно, как кольт из кобуры, выхватил из кармана пачку каких-то листков разного калибра; некоторые из них, выскользнув из рук, рассеялись по сквозняку, и он кинулся их ловить. — Ни одного! — торжествующе кричал он, бегая и размахивая руками. — Только поощрения за отличную работу! Вы еще не представляете себе, какую я могу принести пользу, но вы в этом сами убедитесь, даю вам слово...

— Спасибо, — сказал я, поворачиваясь, — не нужно.

Глеб Ипатьевич вдруг метнулся ко мне и рухнул на колени. Отшатнуться я не успел, и он ухватился руками за мои ноги. Из его глаз по обмороженным шелушащимся щекам катились мутные слезы.

— Подождите! Я могу...

— Работать с людьми? — спросил я, пытаясь освободиться. — Извините, не требуется. Да встаньте же!..

Он все цеплялся за мои ноги. Вырваться я не мог, а бить его по голове пока не хотелось.

— Нет! — кричал Глеб Ипатьевич. — Не отказывайте мне, умоляю вас... Вы еще не знаете, что я могу! У меня прекрасная наследственность! Прекраснейшая, вы понимаете? Один из тысячи! Вот справка... — Он судорожно начал перебирать свои листки, отыскивая нужный, и мне удалось

освободиться. — Вот она! Вот! Мои дети с огромной вероятностью не будут дубоцефалами. Нет, нет, подождите... — Он проворно полз за мной на коленях. — Я знаю, что сейчас это никому не нужно, но ведь наступят времена, когда таких, как я, будут искать! Да вы же разумный человек, сразу видно... Настанет день, когда таких, как я, будут искать, чтобы продолжить человеческий род, и не найдут... Ведь не найдут же!.. Человечество вымирает, это теперь ясно каждому. Господи, ну за что меня, за что!.. Я еще не стар... я могу... мои дети могут стать первыми детьми нового человечества...

— Четверо на семью? — спросил я.

— Больше! — замахал руками Глеб Ипатьевич. — Много больше! Я готов! Столько, сколько потребуется, поверьте мне...

Я засмеялся. Смеялось мне легко, как давно уже не смеялось. Весь ужас и вся боль сегодняшнего дня уходили в идиотский смех, как в громоотвод. Этот корчащийся передо мной, недораздавленный по чьей-то забывчивости полусумасшедший слизняк, потомок и предок слизняков, глядящий на меня снизу вверх преданными собачьими глазами, был совершенно искренен!

— Хорошо, — сказал я, отсмеявшись. — Зайди завтра. И перестань скулить, дурак. Обещать ничего не могу, но если завтра ты рассмешишь меня так же, как сегодня, я поделюсь с тобой своим пайком.

4

Экспертный совет занимал два этажа в правом крыле здания. Здесь было относительно тепло; перед стальной дверью, украшенной надписями, запрещающими шуметь, входить без дела и сморкаться на пол, скучал часовой в обыкновенной полевой форме. Он имел человеческий вид, и я против воли остановился послушать его рассуждения о том, что хотя прошлая зима выдалась холоднее, чем нынешняя, но зато тогда не было таких жутких ветров, и с чего бы они нынче взялись? Я рассказал ему о бурлящей на точке замерзания Атлантике, а он, возражая, поведал мне свою гипотезу, согласно которой уцелевшим представителям Лиги Перемен удалось-таки склонить объединенные нации к принятию мер по скорейшему установлению Территориально-Климатической Справедливости, благодаря

чему в связи с изменением угла наклона земной оси наблюдается некоторое избыточное неспокойство атмосферы, каковое, по его мнению, должно полностью прекратиться в точности через триста восемьдесят семь лет, так что для паники нет абсолютно никаких оснований...

Я подтвердил, что оснований и впрямь нет, и, когда мне по проверке пропуска было позволено пройти за стальную дверь, мы расстались вполне довольные друг другом.

Кое-кто из знакомых был на месте. Сновал вспомогательный персонал, тускло светились экранчики музейных компьютеров. Где-то ругались. В ближайшей зарешеченной комнате хлебали чай и звали составить компанию, но я отклонил. Эксперт по специсследованиям поймал меня за рукав и выразил благодарность за доставленного адаптанта — перспективный экземпляр. Эксперт по транспорту меня не узнал и проводил удивленным взглядом. Эксперт по энергетике узнал и сделал серьезную попытку затащить к себе, чтобы засадить за проверку расчетов, это надо было сделать, и я обещал, но — позже, позже... Эксперт по мобилизационной тактике заступил мне дорогу и, поминутно утирая шею и оглядываясь, заставил выслушать туманную речь, пересыпанную намеками на назревшую необходимость смены тем или иным путем некомпетентного и впавшего в волюнтаризм командования, при котором лучшим умам Экспертного Совета приходится играть жалкую и унизительную роль, — он все время спрашивал мое мнение, и мне опять удалось отделаться шуткой... Уже на излете меня настиг приказ быть к ночи в пятом Особом отряде, потому как на его участке просматривается непонятная активность противника, и я, обернувшись, показал пятерней, что понял правильно: в пятом так в пятом... Бойля я нашел в той же каморке без окон, которую сам же отвел ему под рабочее помещение. Тут он и спал. Тут он и ел, тут он и консультировал, когда к нему как к единственному специалисту по сущности адаптантов обращались с просьбой о консультации. Сейчас он сидел за проектором и изучал микрофильмы из недавно захваченного нами архива — черт знает, что это был за архив, но, видимо, документы попадались интересные, поскольку Бойль был полностью поглощен работой и закаменел на своем табурете. За последние дни старик еще больше высох, корм, тепло и безопасность не шли ему впрок.

Я вошел и тщательно запер за собой лязгнувшую дверь.

— О? — Бойль вздрогнул и оторвался от своего заня-

тия. — Это вы есть? Здравствуйте, Сергей. Очень вам радостен.

— Взаимно, — сказал я, улыбаясь. — Я тоже радостен. Нет-нет, я к вам не по делу. Просто поговорить... Сколько же это мы с вами не виделись — дня три? Четыре?

— Пять, — сказал Бойль. — С тех пор, как я здесь сижу, вы заходили только один раз. Извините меня, но я так и не благодарил вас...

— Чепуха, — отмахнулся я, роняя себя на топчан и кладя автомат и шлем рядом с собой. — Не берите в голову. У вас тут все нормально? Ну, кормежка там, и вообще...

— Что? Да, конечно. Все замечательно. Вы знаете, Сергей, я недавно набрел на одну старую статью — так вот, оказывается...

Я успел его прервать. Когда ему хотелось общения, его заводную шкатулку всегда прорывало монологами, и я давно уже знал, что если не удается остановить его на разбеге, приходится либо выслушивать до конца, гордясь своим терпением, либо сразу начинать ругаться черными словами — на него это действовало. Но сейчас мне не хотелось ни того, ни другого. Я дотянулся до проекционного аппарата и выудил из него кассету с микрофильмом. Бойль смущенно захмыкал.

— «Новый подход к изучению миграций неолитического человека на Среднем Востоке», — прочитал я. Судя по шрифту надписи, новому подходу исполнилось лет пятьдесят. — Интересно. Зачем вам это?

Он промямлил что-то насчет того, что смена рода занятий действует на организм освежающе. Врать он не умел, это было очевидно. Я пожал плечами и вернул кассету на место.

— Дело ваше. Я к вам, собственно, вот зачем... — «А зачем?» — вдруг с удивлением осознал я. Кой ляд меня сюда принес? Не скажешь же вот так прямо, в лоб, что больше не можешь, что быть командиром отделения и каждую ночь подставлять свою шкуру под пули неизмеримо легче, чем быть хотя бы в малой степени ответственным за то, что делается по нашей воле. По моей в том числе. Не скажешь, что уже начал ощущать странное болезненное удовлетворение своей работой и боишься такого удовлетворения. Не скажешь, что, чувствуя себя на пределе, простонапросто пришел поговорить с умным, беспомощным и непонятным человеком, желая получить от него что-то очень нужное и не зная — что, но притом зная, что можешь в

любую минуту уничтожить этого человека одним только словом, одним движением пальца... Глупо все это. Ох, как глупо...

— Я закурю? — спросил я.

— Конечно. Пожалуйста.

Я зажег сигарету. Сизая струйка, замысловато завиваясь, всплыла к потолку, ударилась и отправилась посмотреть, нет ли где обходного пути. Я выпустил еще одну. Полегчало.

— Послушайте, Сергей...

— Да? — Я напрягся.

— Я вам благодарен. Но вы должны меня понять: мне очень злонеловко употреблять вашим гостеприимством... Э-э... я корректно сказал?

— Почти. Вы хотите знать, когда вас отсюда выпустят, — эту фразу я произнес в утвердительном тоне.

Он помялся.

— Ну, в общем... да. Примерно. Видите ли, мне нужно работать, а многие материалы здесь недоступны... вы понимаете?

Это я понимал. Не понимал я другого и не мог понять: как он до сих пор выходил живым из тех мест, где материалы доступны даже слишком. В одной мелкой стайке он ухитрился прожить дня три — не знаю, много ли ему удалось извлечь для науки, но уносить ноги пришлось на форсаже. Помню, на меня это произвело впечатление. Человек жил в стае! Один. Без подстраховки. Без дюжины снайперов, готовых по радиокоманде разом оставить его в растерянном одиночестве среди дюжины трупов. Он это смог. Он доказал, что это возможно. Такого везучего человека я в жизни не встречал: пули изорвали его одежду, он заблудился и едва не замерз, но вышел точно на мое отделение, и опять ему повезло: в тот раз ни Сашки, ни Вацека с нами не было.

А ведь я тогда уже точно знал, что Сашке его не отдам, с внезапным ознобом подумал я. Ни за что. Знал, что спрячу его в такое место, где никому не придет в голову искать, по типу того классического письма... Сашка, конечно, далеко не Дюпен, а настоящие профессионалы из нацбеза, кто уцелел, сейчас либо на Юге, либо легли на дно и не шевелятся. Риск был умеренный. Пожалуй, я мог бы еще отдать Бойля до ареста Сельсина и, как водится, нашел бы способ оправдать себя если не в Сашкиных глазах, то в своих собственных... Теперь — нет. Не могу.

Плохо, когда позади тебя рушится мост.

— Как вы считаете, долго еще они смогут сопротивляться? — спросил я.

— Адаптанты?

— Они.

— Я бы не ставил вопрос таким образом, — раздвинул морщины Бойль. — Я бы поставил его по-другому: долго ли еще сможем сопротивляться мы?

— То есть?

На этот раз он все же завел свою шкатулку, и я ему не воспрепятствовал. Как всегда, говорил он гладко, будто слова у него были заранее построены в походные колонны, — говорил, как на лекции, а в моем мозгу откладывался конспект. Большинство людей почему-то считает адаптантов феноменом новейшего времени, говорил Бойль. Однако это не так. Без сомнения, говорил он, адаптанты существовали всегда, во все эпохи, поскольку причина их существования не социальная, а генетическая, но они стали очень заметны тогда, когда человечество создало для них подходящую социальную базу, что, к сожалению, совпало по времени с генетическим взрывом. Я хочу сказать, говорил он, что людям не так-то легко будет отвернуться... отвертеться от кровного родства с адаптантами, хотя, конечно, им будет очень этого хотеться. Уже хочется, верно? Дело, однако, не в гипертрофированной агрессивности адаптантов по отношению к внешнему врагу, коим им справедливо представляются люди... Как вы полагаете, Сергей, какая основная черта присуща человечеству?

— Уничтожать себе подобных, — ответил я не задумываясь. — Знаем, проходили.

— Вы ошибаетесь, — мягко возразил Бойль, и я заметил, что вид у него усталый и отрешенный. — Основная черта человечества — беспечность. Это свойство превалирует даже над тягой к творчеству или, скажем, к насилию... разумеется, я говорю о человечестве в целом. Беспечность у вас... у нас просто поразительная. Мы легкомысленно рано нарушили естественный порядок вещей. Человечество перестало жить стаями и выиграло во всем, кроме уверенности в завтрашнем дне, забыв о том, что стая с обязательной иерархической структурой — крайне устойчивое и дееспособное образование. Совершенно безразлично, как называется эта стая: военная диктатура, абсолютная монархия или первобытная толпа, которая вовсе не была толпой... До появления конкурирующего вида считалось, что биологически мы доросли по крайней мере

любую минуту уничтожить этого человека одним только словом, одним движением пальца... Глупо все это. Ох, как глупо...

— Я закурю? — спросил я.

— Конечно. Пожалуйста.

Я зажег сигарету. Сизая струйка, замысловато завиваясь, всплыла к потолку, ударилась и отправилась посмотреть, нет ли где обходного пути. Я выпустил еще одну. Полегчало.

— Послушайте, Сергей...

— Да? — Я напрягся.

— Я вам благодарен. Но вы должны меня понять: мне очень злонеловко употреблять вашим гостеприимством... Э-э... я корректно сказал?

— Почти. Вы хотите знать, когда вас отсюда выпустят, — эту фразу я произнес в утвердительном тоне.

Он помялся.

— Ну, в общем... да. Примерно. Видите ли, мне нужно работать, а многие материалы здесь недоступны... вы понимаете?

Это я понимал. Не понимал я другого и не мог понять: как он до сих пор выходил живым из тех мест, где материалы доступны даже слишком. В одной мелкой стайке он ухитрился прожить дня три — не знаю, много ли ему удалось извлечь для науки, но уносить ноги пришлось на форсаже. Помню, на меня это произвело впечатление. Человек жил в стае! Один. Без подстраховки. Без дюжины снайперов, готовых по радиокоманде разом оставить его в растерянном одиночестве среди дюжины трупов. Он это смог. Он доказал, что это возможно. Такого везучего человека я в жизни не встречал: пули изорвали его одежду, он заблудился и едва не замерз, но вышел точно на мое отделение, и опять ему повезло: в тот раз ни Сашки, ни Вацека с нами не было.

А ведь я тогда уже точно знал, что Сашке его не отдам, с внезапным ознобом подумал я. Ни за что. Знал, что спрячу его в такое место, где никому не придет в голову искать, по типу того классического письма... Сашка, конечно, далеко не Дюпен, а настоящие профессионалы из нацбеза, кто уцелел, сейчас либо на Юге, либо легли на дно и не шевелятся. Риск был умеренный. Пожалуй, я мог бы еще отдать Бойля до ареста Сельсина и, как водится, нашел бы способ оправдать себя если не в Сашкиных глазах, то в своих собственных... Теперь — нет. Не могу.

Плохо, когда позади тебя рушится мост.

— Как вы считаете, долго еще они смогут сопротивляться? — спросил я.

— Адаптанты?

— Они.

— Я бы не ставил вопрос таким образом, — раздвинул морщины Бойль. — Я бы поставил его по-другому: долго ли еще сможем сопротивляться мы?

— То есть?

На этот раз он все же завел свою шкатулку, и я ему не воспрепятствовал. Как всегда, говорил он гладко, будто слова у него были заранее построены в походные колонны, — говорил, как на лекции, а в моем мозгу откладывался конспект. Большинство людей почему-то считает адаптантов феноменом новейшего времени, говорил Бойль. Однако это не так. Без сомнения, говорил он, адаптанты существовали всегда, во все эпохи, поскольку причина их существования не социальная, а генетическая, но они стали очень заметны тогда, когда человечество создало для них подходящую социальную базу, что, к сожалению, совпало по времени с генетическим взрывом. Я хочу сказать, говорил он, что людям не так-то легко будет отвернуться... отвертеться от кровного родства с адаптантами, хотя, конечно, им будет очень этого хотеться. Уже хочется, верно? Дело, однако, не в гипертрофированной агрессивности адаптантов по отношению к внешнему врагу, коим им справедливо представляются люди... Как вы полагаете, Сергей, какая основная черта присуща человечеству?

— Уничтожать себе подобных, — ответил я не задумываясь. — Знаем, проходили.

— Вы ошибаетесь, — мягко возразил Бойль, и я заметил, что вид у него усталый и отрешенный. — Основная черта человечества — беспечность. Это свойство превалирует даже над тягой к творчеству или, скажем, к насилию... разумеется, я говорю о человечестве в целом. Беспечность у вас... у нас просто поразительная. Мы легкомысленно рано нарушили естественный порядок вещей. Человечество перестало жить стаями и выиграло во всем, кроме уверенности в завтрашнем дне, забыв о том, что стая с обязательной иерархической структурой — крайне устойчивое и дееспособное образование. Совершенно безразлично, как называется эта стая: военная диктатура, абсолютная монархия или первобытная толпа, которая вовсе не была толпой... До появления конкурирующего вида считалось, что биологически мы доросли по крайней мере

до усеченной демократии. Впрочем, это уже предмет экологии структур, по этому вопросу я рекомендовал бы вам обратиться к... Да-да, вы правы. Все время забываю... Это ничего, что я столь дидактичен?

— Даже приятно, — сказал я. — Я уже отвык. Вы продолжайте, продолжайте.

— Что тут продолжать? — Бойль развел руками. — Вы же знаете, как крысы подходят к приманке. Первой ее пробует самая слабая и подчиненная крыса, а остальные сидят и смотрят, что из этого получится. Если крыса издыхает от яда, для стаи эта потеря практически неощутима. Стаю, в отличие от нас, можно уничтожить, только истребив полностью, единственный оставшийся в живых — уже зародыш новой стаи. В человеке извечно борется сознательное стремление к свободе с унаследованным от предков неосознанным желанием жить в стае, охотно подчиняясь ее дисциплине. Неудивительно, что после многих цивилизованных попыток мы смогли противопоставить адаптантам только повстанческие отряды — это ведь тоже стаи, Сергей. Стаи против стай. Беда только в том, что их стаи устойчивее наших, поскольку скрепл... укреплены инстинктом такой силы, о которой мы не имеем ни малейшего понятия. Самое неприятное состоит в том, что любое увеличение свободы отдельной человеческой особи неизбежно ведет к уменьшению запаса прочности цивилизации, и причина этому лежит внутри нас. Нам еще миллион лет не удастся избавиться от этого естественным путем. Избавиться — значит поумнеть, а умнеем мы туго. Конечно, можно было бы попытаться искусственно взрастить совершенно иное человечество, свободное от наших врожденных недостатков, технически это уже достижимо, — но зачем нам такое человечество, в котором не будет нас? Возможно, мы просто обречены как вид. Поразительно, что люди только-только начинают это осознавать — отдельные люди, заметьте это, Сергей. Только отдельные. В своей массе человечество, вероятно, никогда этого не осознает.

— Почему? — только и спросил я.

Он посмотрел на меня с жалостью. Так мог бы смотреть добрый учитель на старательного, но безнадежно тупого ученика.

— Не успеет...

Он меня злил. Я докурил сигарету, поискал глазами, куда бы выщелкнуть окурок, и бросил его под топчан. Бойль сделал вид, что не заметил.

— Допустим, — сказал я. — И чем же все это, по-вашему, кончится?

— Э-э... Вы о людях?

— Нет. В людей вы не верите, это ясно, но это ваше личное дело. Я об адаптантах. Они же без нас вымрут. Или вы так не считаете?

— Трудно утверждать. — На этот раз Бойль улыбнулся. — Может быть, сумеют выжить. Видите ли, абсолютно новый вид не формируется в течение одного поколения. Спросите меня об этом через пять тысяч лет — тогда я, пожалуй, отвечу.

— Спасибо...

Он пожал костлявыми плечами:

— Поверьте, я вовсе не собираюсь... как это... затенять забор? Так корректно сказать по-русски?

— Наводить тень на плетень, — сказал я. — Так корректно.

— Да-да. Благодарен вам.

— Послушайте, — спросил я. — Кто вы такой?

— Э-э... Простите?

— Вы не Бойль, — сказал я хмуро. — Я давно знаю, что вы не Бойль. То есть, возможно, вы и Бойль, но вы не тот, за кого пытаетесь себя выдать. Только не изображайте девственницу, у вас это плохо получается. Неужели вы всерьез полагали, что те, кого это касается, не наведут элементарных справок?

Он посмотрел на меня с каким-то детским удивлением:

— Навели?

— Естественно, — сказал я. — В Академии о вас знать не знали. Чего и следовало ожидать. Впрочем, некий Святослав Меррилл Бойль, как ни странно, в природе существует, но ни к науке вообще, ни к антропологии в частности отношения не имеет. Действительно, предки по материнской линии у него русские, из старых эмигрантов. В духе своего исторического однофамильца постоянно проживает в Кембридже... если еще проживает. Шесть лет назад привлекался к суду по обвинению в уклонении от уплаты налогов, но был оправдан. Уважаемый человек, совладелец магазина по продаже сантехнического оборудования... Вам ведь это известно лучше, чем мне, не так ли?

Он понурился. На всякий случай я придвинул к себе автомат. Перегибать палку сегодня не следовало, теперь я это понимал, но раз начал, приходилось продолжать. От прижатых к стене можно ожидать всякого.

— Знаете, почему я вас не сдал сразу же?

— Нет.

— А вы спросите.

— Почему? — покорно спросил Бойль.

— Потому что все это выглядит невероятно глупо. Первое, что приходит в голову нормальному человеку, когда ему дают ознакомиться с подобной справкой, — махровая дубоцефальная глупость вашей легенды. Наводит на определенные мысли о достоверности, однако источники информации, по-видимому, вполне безупречны. Такая легенда попросту невозможна, однако же вы ею воспользовались. Вы не агент и никогда им не были. Вы по своему складу не можете им быть: вы не понимаете намеков. Вы человек не от мира сего и не ученый в общепринятом смысле этого слова, тем более, не ученый такой... карикатурно-устаревшей модификации, каким хотите казаться. У вас нет ни одной печатной работы. Однако вы, безусловно, крупный специалист по адаптантам, вот этого я никак не могу понять. Кто вы такой?

Бойль поднял голову.

— Простите, — мягко сказал он, — вас это интересует профессионально?

— Нет, — ответил я. — Считайте, что это личный интерес.

— Я могу об этом перемолчать?

— Лучше бы вам ответить, — сказал я. — И перестаньте коверкать русский язык, вы же не англичанин. Вы не представляете опасности, я это понял. Но есть люди, которые не любят непонятного.

— А вы любите? — спросил он.

— Терплю. Но мое терпение на исходе. Я надеюсь, вы понимаете, что бывает с людьми, когда у них терпение на исходе?

— Они делают глупости, — сказал Бойль.

— Правильно.

— Нет, нет, — быстро сказал Бойль. — Не надо делать глупостей. Вы ошибочно думаете, уверяю. Никакого вмешательства, только наука. Исследования, не способные повредить. Никакой опасности для вас.

— Для меня лично?

— Для вас. И для других. Для всех на вашей Земле.

— Что? — переспросил я.

Бойль медленно потер ладонью морщины на лбу.

— Да. Вы поняли. На вашей Земле, Сергей.

Так.

Наверное, мне полагалось бы опешить. Я не опешил. Я ждал чего-либо подобного. Если после такого признания, сделанного всерьез (а я был уверен, что это именно признание, точнее, начало признания), человек не чувствует, что из него делают идиота, то это у человека сугубо профессиональное. Вычислить было нетрудно, я сделал это еще в госпитале в качестве логического упражнения, но куда труднее было поверить... Невероятные объяснения надо искать только тогда, когда не проходят объяснения вероятные, — если человек принял эту аксиому, он нормален. Я был нормален. А Святослав Меррилл Бойль — не Святослав, не Меррилл и не Бойль — уже говорил, он давал мне первое и единственное из невероятных объяснений, его прорвало взахлеб, так его никогда еще не прорывало, и он говорил, говорил, нимало не интересуясь тем, верю я ему или нет, он говорил невозможные, дикие вещи о другой Земле и другом человечестве, он был смешон и велик одновременно, его невозможно было остановить, и я не хотел его останавливать...

Два Солнца. Очень похожих.

Две Земли. Тоже очень похожие.

Два человечества. Одного корня.

Два? Или больше?

Пока неизвестно.

Не очень давно, каких-нибудь девять-десять тысячелетий назад в историю человечества были внесены распараллеливающие изменения: небольшая, но представительная выборка биологического вида хомо сапиенс была переселена на другую планету. Так на Земле-два из приблизительно пятидесяти—ста тысяч переселенных индивидов возникло и продолжило развитие человечества-один человечество-два. Своеобразие природных условий новой планеты определило отклонения в направлении и скорости этого развития, на особенностях которого сейчас нет причин подробно останавливаться, главный же смысл настоящего момента состоит в том, что впервые со времен Великого Разделения технические возможности человечества-два позволили ему совершить первое посещение человечества-один ради его изучения и рассмотрения вопроса о целесообразности возможного контакта в будущем, каковое посещение близится к успешному концу, так что, вы должны нас понять, мы просим, мы даже очень просим вас считать сообщенные вам сведения конфиденциальными...

— А это что? — спросил я, постучав пальцами по «Новому подходу к изучению миграций», торчащему из проектора, и, не удержавшись, хмыкнул. — Поиск корней?

Самое интересное, что глаза старика загорелись, а механическая шкатулка была пущена вновь:

— Существует несколько гипотез о причинах Великого Разделения, в настоящий момент я проверяю наиболее безумную...

И прочее, и прочее, и прочее. Почти Бернс. Прочего было много. Закусив губу, я слушал молча, почти не перебивая. И прочее, и все такое прочее... Теперь уже точно Бернс и Марщак.

И два человечества.

Нельзя сказать, чтобы даже теперь я безоглядно поверил Бойлю. Нельзя сказать, чтобы я не поверил ни одному его слову. А только не был он сумасшедшим, это я вам точно говорю. Скорее я подумал бы такое о себе — с психикой агентов, имеющих не по чину резвое воображение, случаются любопытные вещи. Разгадка не разгадка, объяснение не объяснение, но что-то от рабочей гипотезы, за неимением лучшей, во всем этом присутствовало, и такая гипотеза меня не вдохновляла. Такая гипотеза била наотмашь. В памяти с перископной глубины суетливо всплыло и закачалось: «Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами...» Н-да... Вот оно — отражение. Мы и с нашим-то миром не знаем, что делать. Зачем мы им? Чем, ну чем мы можем их заинтересовать? Своих братьев по разуму и генокоду, если Бойль не врет. Ведь не нашей же технологией... Чем еще? Техникой организованного истребления людей? Вряд ли это им нужно, если только у них не те же проблемы, что у нас. Тогда чем? В альтруизм человечества-два что-то не верится. В добровольный альтруизм человечества, какой бы номер оно ни носило, не верится вообще. Получается, что мы можем заинтересовать их только сами собой как объектом наблюдения, как объектом научного интереса Бойля и ему подобных — кстати, сколько их среди нас всего? — вот только человек так устроен, что быть ему под взглядом всегда унизительно, а иногда, в иные моменты истории, не просто унизительно, а стыдно, невозможно стыдно...

Показать ему весь наш стыд... Да ведь он его уже видел.

Бойль кончил говорить. Струйка пота, сорвавшись с его лба, пошла чертить извилистое русло. Теперь он ждал, что

скажу ему я. Я не сказал — не мог. Наверное, следовало произнести что-нибудь приличествующее случаю, а я пробормотал два, всего два жалких слова:

— Нашли время...

5

Вертолет полз в низких облаках. Каша со всех сторон обзора была основательная, плотная, без всяких легкомысленных тучек-странников и прочих неорганизованных обрывков, без цепи жемчужной и степи лазурной. Казалось, мы висели на месте, и только щекотная вибрация пола выдавала полет, дробились об остекление снежные заряды да еще свистела над головой турбина, всасывая воздух и снег, и с надтреснутым низким гулом вращался несущий винт. Вертолет был маленький, созданный в забытые времена — скромная муниципальная машина для десантирования в городских условиях мелких групп, легкая, очень маневренная, без изобилия навесных излишеств, но с прекрасными возможностями локации по земле и воздуху. Сейчас экран панорамного локатора по воздуху отражал отсутствие в последнем постороннего металла, зато экран локатора по земле, наполовину скрытый спиной пилота, рисовал красивую трехмерную картинку: вот он проспект — даже уцелевшие по обочинам скелеты деревьев получились вполне прилично, — вот прилегающие улицы и эстакада надземки, а вот виден бывший гипнотеатр с просевшей от снега крышей, далее давно разграбленный супермаркет, а за ним вот-вот покажется то, что нам нужно, тот самый дом со знаменитым на всю Москву винным баром «Истина» на первом этаже — чудесное было местечко, но Дарье почему-то не нравилось, и последний год я туда не ходил...

Когда отряду для штурмовой работы придают вертолет, это прекрасно. Пусть летчик, вполне сознающий свою дефицитность, капризен и брюзглив, но так или иначе работать над очередной сорокаэтажкой можно одновременно сверху и снизу. Основная сила атакует подъезды и окна, верхняя группа сыплется вниз, кроя противника огнем и яростным матом. Наташа меняет снайперскую винтовку на короткоствольный автомат. По коридорам, если они есть, с волчьим воем путешествует дефектная реактивная граната Дубины Народной Войны, рикошетирует от стен и потолков и разрывается в безопасном отдалении как от нас, так и от

адаптантов. Но клещи сжимаются. Если нет — тогда крайнее средство: нижние этажи по команде очищаются, в вентиляционные шахты пускается газ, а спасающихся от него бегством отстрелять уже несложно. Но это, повторяю, на крайний случай. Теоретически в здании могут быть и люди.

— ...А в двадцатом отряде еще такое было, — продолжал Гарька. — Видят: над домами струя пара метров на триста вверх — снегоед, ясное дело! Сто лет уже не видели. Только очень уж странно работает: пар — импульсами. Выпустит серию и замрет на полминуты, выпустит и замрет, потом опять. Пригляделись — сигнал бедствия, классика: три точки, три тире, три точки. Выстрелы слышны. Послали, естественно, штурмовую группу на выручку, сам командир двадцатого с ними пошел, тоже был любитель делать чужую работу, — только эту группу с командиром и видели. Капкан. Хорошо, говорят, ребята держались, минут десять. Никто там, конечно, бедствия не терпел, и рассчитано все было по высшему классу. Вот вам и олигофрены-имбецилы. Что ты сказал?

— Утомил, — повторил я.

— Это я от тебя уже слышал. Ты мне скажи про адаптантов: кретины они или все-таки нет?

— Заткнись, — душевно сказал я. — Это все, что я могу тебе сказать про адаптантов, да и про кретинов тоже.

— Один из нас точно кретин, — хмуро вставил дядя Коля.

На всякий случай я предпочел не выяснять, кого он имел в виду. Может быть — меня. Если это так, тогда сегодня уже третий человек указывает, где мне нужно быть и что делать. Что-то много.

Интересно, не в первый раз подумал я, почему Сашка так легко позволил мне участвовать в этой по сути ничего не решающей операции — для разрядки, что ли? Он заботливый...

Вертолет встряхнуло. Обе скамьи внезапно и синхронно провалились в преисподнюю, там бы им и остаться, но они вернулись и наподдали по копчику. Вацек замычал, прикусив язык. Дядя Коля клацнул зубами. Дубина Народной Войны уронил гранатомет, повалился на Наташу и был по окончании рефлекторных объятий отвергнут с отпихиваниями.

— Эй! — заорал Гарька. — А поосторожнее?

Пилот повернул к нам голову. Лицо у него было потное. Совсем не такое лицо было у него пять минут назад, самодовольная была морда, даже не морда, а штампованная

тыловая ряшка; он сразу же начал покрикивать с интонациями о-очень большого начальника, что не туда-де мы сели и не так сидим, — но когда в вертолет насупленным медведем полез дядя Коля, прижимающий к груди пулемет с самодельной патронной коробкой на четыре состыкованные ленты и не подпоясанный разве что танковой гусеницей, моментально умолк и больше не высовывался.

— Здесь! — прокричал пилот. Я взглянул на дядю Колю. Дядя Коля кивнул.

— Садимся, — сказал я.

Пол ушел из-под ног. Вертолет падал. На секунду в облаках мелькнул просвет, и тотчас затянуло снова. Примолкшая было турбина буркнула и взвыла хриплым воем — вертолет завис и закачался, примериваясь. Дядя Коля уже щелкал замком, воюя не на жизнь а на смерть с примерзшей дверцей. Снизу фонтаном взлетело облако снега. Ударило по окнам.

— Прыгайте! — крикнул пилот.

Дядя Коля откатил-таки дверцу. Одно мгновение белую муть в овальном проеме загораживала его спина, потом она исчезла. Вторым под вопль пилота: «Быстрее, сносит!» — прыгнул я, третьей — Наташа. За ней почти одновременно кувырнулись в снег Гарька, Вацек и Дубина Народной Войны. Как ни вымело на этой крыше, снега хватило на то, чтобы уйти в него по пояс. Вертолет сразу же пошел вверх и через секунду пропал из виду. Через десять секунд его не стало слышно.

Теперь все молчали, даже завязший в сугробе Гарька. На этой высоте ветру было где разгуляться, снежная крупа неслась почти горизонтально, и было трудно отделаться от ощущения, будто мы выброшены за ненадобностью в ледяной пустыне за тысячу километров от человеческого жилья, и вовсе не верилось, что человеческое жилье находится у нас под ногами. Бывшее человеческое. Дубина Народной Войны выполз на наст и на ветру сразу же начал стучать зубами — что-то неладное творилось с его термокостюмом. По возвращении надо будет добыть ему новый, отняв его у какого-нибудь дубоцефала... Дядя Коля снял с себя «горб» и извлек из него веревку. Я откашлялся в «уоки-токи», чтобы всем было слышно:

— Командуй, дядя Коля...

Вот именно так авторитет и зарабатывают — если, конечно, твое имя не Наполеон Буонапарте. И это надо было сказать сейчас, потом могло быть поздно. Как ни отрабо-

тана нами техника проникновения в здание, она оставляет место для многих случайностей. Никто и никогда заранее не скажет, что ждет группу внутри, после того как в башенке посередине крыши упадет дверь. Дом может быть пуст. Он может оказаться набитым битком, и попытка атаки сверху будет заведомо обречена на неудачу. В ясную погоду группу могут с азартом гонять по всей крыше огнем с более высоких зданий, отстреливая поодиночке, и на основании личного опыта я могу сказать, что в этом нет ничего веселого. В метель или туман, напротив, легко затеряться и начать блуждать наугад с риском продавить своей тяжестью снежный карниз — что до меня, то я предпочитаю более спокойные мысли, чем те, которые возникают у человека при падении с высоты в сто пятьдесят метров. Но метель, конечно, кстати: за воем ветра и нулевой видимостью наша высадка теоретически могла остаться незамеченной...

Хотелось в это верить.

Веревка, привязанная к ограждению, неритмично подергивалась — дядя Коля уже исчез за краем крыши. Как он со своим пулеметом ухитряется спускаться к окну вниз головой в ежесекундной готовности дать очередь — ума не приложу. Страха высоты у эксперта по самообороне никакого, а отсутствие суеты в действиях и мыслях просто поражает. Вот бы кому нами командовать, не Сашке Столповскому...

Кстати, успел подумать я, интересный вопрос: зачем Сашке командование отрядом? В особенности таким отрядом, где каждый третий помнит его вздорным лаборантишкой. Темна вода во облацех, да и полевой командир из него, надо сказать... Ладно, замнем. Сказано при дамах: «Не тронь герань — вонять не станет». Цитата. Дядя Коля.

Металлическая дверь в нише башенки была полузанесена, заперта и хорошо выглядела, она явно никогда не подвергалась взлому. Сейчас ей это предстояло в первый раз. В некоторых случаях лучшее подручное средство — отмычка, а лучшая в мире отмычка всегда при мне. Я разгреб вокруг двери снег и загнал кумулятивную гранату в подствольник.

— Отошли все!

— Уже? — дробным от стука зубов шепотом спросил Дубина Народной Войны. — А дядя Коля?

Вечно он скажет под руку какую-нибудь глупость. Может быть, не следовало сегодня брать его с собой? Нет, пусть учится. Ученье — свет.

— Дядя Коля уже внутри, — объяснила Наташа. От нетерпенья она притоптывала. Притоптывал и Гарька.

— Карлсоны! — ожил мой шлем голосом Сашки Столповского. — Карлсоны, как слышимость? Готовы?

— Фрекен Бок, слышу хорошо, — ответил я. — Слышу вас хорошо. Готовы. Повторяю: готовы.

— Пора. Начинаете вы.

— Понял, — ответил я. — Начали.

Приклад с силой отбросил назад мое плечо. Туго ударило по ушам. На месте дверного замка образовалась аккуратная дыра. Дверь лязгнула и повисла на одной петле, открывая ход в чердачные объемы. Внутри было пустынно, темно и гулко, в громоздких металлических коробах летаргически спали заржавленные механизмы лифтов. В полу был открыт серый прямоугольник, оттуда просачивался свет и высовывалась голова дяди Коли.

— Что? — спросил я. Хотя уже было видно, что. Как всегда, дядя Коля норовил сделать работу за других.

— Пока чисто, — он поднял забрало и сплюнул куда-то вбок. — Здесь никого. Спускайтесь.

Странное это было здание — нацеленное, угловое в плане, как классическая неравнобокая флешь на пересеченном рельефе, и, не в пример другим зданиям, совершенно не пострадавшее, будто флешь воздвигли не перед боем, а много позднее, в потакание мирному любопытству потомков. Странной была не форма здания — это бывает. Странно было то, что оно до сих пор не выгорело. Зато оба крыла соединялись между собой только через чердак, и дядя Коля устал на каждом этаже крушить подручными средствами тощие стенные панели. Десятую по счету он просто расстрелял, проведя стволом пулемета по овалу, и выбил овал ногой. Адаптантов не нашлось и здесь, зато где-то внизу, пока что далеко, колотилась автоматная стрельба, да еще время от времени оживала связь. Слышно было плохо.

— Карлсоны! Что у вас? — кричал Сашка.

— Пусто. Фрекен Бок, у нас пусто. А у вас?

— У нас не пусто. Идем со «щитом», гоним к вам. Хорошо гоним — их немного. Встречайте.

— Встретим.

Я чувствовал облегчение. Теперь я понял и признался себе, что держало меня в напряжении и чего я боялся: не того, что мы не справимся с теми, кто здесь засел, нет. Я до жути, до пота и побеления щек боялся, что в этом доме опять окажется своеобразный, ни на что не похожий «ро-

дильный дом» адаптантов, как это уже было однажды, и я боялся того, что нам неизбежно пришлось бы сделать с этим «родильным домом». Это тоже было. Мы сделали это, но никто из нас не хочет об этом вспоминать. Может быть, в этом и заключается самое ценное, спасительное свойство человеческой памяти: уметь не вспоминать, не напоминать себе, когда не удается забыть. На старости лет мне только и останется — не вспоминать...

Мы продвинулись на этаж ниже, и дядя Коля с треском вышиб еще одну стенную панель:

— Хватит. Дальше не пойдем. Айвакян — ты старший. Вы трое перекрываете лестницу здесь. Мы держим лестницу в том крыле. Самойло, Юшкевич — за мной!

Это было разумно. Правда, я оставил бы эту лестницу себе, а старшим в другой группе назначил бы Наташу, а не Гарьку. Но дяде Коле было виднее. Он боком пролез в пролом, держа у живота пулемет, игрушечный в его лапах, и нимало не интересуясь, последовал ли кто-нибудь за ним в эту дыру. Он все еще оставался инструктором по самообороне, исповедующим железное кредо: хочешь выжить — делай как я, не хочешь — твое дело, никто не заставляет. Но тогда отойди в сторону и не мешай.

В мертвых квартирах пахло запустением и промороженной пылью, кое-где валялось барахло. Сухо потрескивали стены. В одной комнате нашлась собранная на полу детская железная дорога. Крохотный паровозик застыл перед шлагбаумом.

— Что скажешь? — спросил дядя Коля. Он выглядел угрюмым. Мы обшарили этаж и заняли позицию: лестница здесь была точь-в-точь такая, как в другом крыле, — узкая и удобная для сдерживания противника. Беспорядочная стрельба снизу мало-помалу приближалась. Гуляло сумасшедшее эхо.

— Что говорить? — я пожал плечами. — Их здесь никогда не было, видно же. Вац, ты что скажешь?

— Не было.

— То-то, — со значением сказал дядя Коля. — Послушай-ка лучше. Усек? Их и внизу всего-то с пяток, от силы. Стратеги... маму!.. Думали, тут их до черта, а их...

— Не вижу плохого, — перебил я.

Секунду дядя Коля глядел на меня сумрачным неандертальским взглядом.

— И чему я тебя учил...

— А что?

— А то, что они с нами не воюют. Ты еще не понял? Мы знаем, как они умеют драться, вспомни, как они дрались за «родильный дом», — так вот: они с нами не дерутся. Они перед нами бегут и огрызаются лишь в самом крайнем случае. С полицией и десантниками они дрались отчаянно и брали верх, а перед нами бегут. Почему? А слияние стай? Уже последнему дурачку должно быть ясно, что у них единое командование. В городе полно людей, только воевать некому, а нестроевые воротят рожи: не наша, мол, забота драться, и думать об адаптантах не желаем, пусть штаб думает...

— Нестроевые на окраинах отбиваются от снега, — возразил я. — Ты не видел, какие там барханы. Когда ветер — страшное дело.

— Вот где страшное дело! — рявкнул было дядя Коля, но тотчас понизил голос. — Здесь! Не где-то, а здесь! И вот здесь! — Он гулко постучал себя по шлему. — Что, не так? Оставляют нам на расправу всякую мелочь от щедрот, а мы и рады стараться: ура, мол, отбили еще один дом. Сокр-р-рушительная победа. Ура, отбили квартал! Знай наших. Ура-ура, вчера продвинулись на двести метров, а сегодня рванем на триста! Сожмем пружину еще немного! Чувствую: что-то будет...

— Что-то всегда бывает, — без охоты возразил я.

— Бывает! — зло сказал дядя Коля. — Еще как бывает! И будет! Когда — не знаю, как — не знаю. Но добром не кончится, это я тебе точно говорю. Скажи: что может знать о сети рыба?

Опять он за свое. Я отмолчался. Почему-то вспомнился эпизод: мужчина и женщина на ничейной территории водили большой двуручной пилой, пилили дерево. На дрова. День был тихий, ржавая пила визжала на несколько кварталов. За спиной у мужчины висел автомат, очень старый, еще «калашников», с отбитым прикладом и стертым воронением. Наверное, мужчина повесил его просто для поднятия духа — целью они были превосходной. Им дали закончить работу и уйти, они еще долго вязли в сугробах, унося свои три полена, и только потом началась перестрелка. Эту парочку видели и перед другими отрядами, иногда порознь, а иногда вместе и даже с детьми. Было это тягостно и непонятно: люди, живущие размеренной жизнью на ничьей полосе, продвигающиеся вместе с ничьей полосой и не желающие ни нас, ни адаптантов... Зато дядя Коля был мне понятен: как всякий человек, не владеющий всей полнотой

информации, он вечно полагал, что с ним играют в нечестные игры и даже как-то раз спросил меня шепотом, действительно ли существует штаб очистки или он придуман специально, чтобы валить на него вину за наш вечный кафтан имени Трифона. Но удивил: прежде считалось доказанным, что дядя Коля и отвлеченные метафоры суть понятия несовместимые. Видно, допекло. Рыба в сети... Или нет: о сети. Что может знать. Гм. Что может, то и знает. Рыба. Это такая, с плавниками. Вкусная штучка, особенно на сковородке под майонезом, сто лет не ел...

Я проглотил слюну. Этажах в пяти ниже нас рванула граната. Прорезав эхо автоматных очередей, заметался одинокий отчаянный крик. И сразу все смолкло. Тишина была оглушительная. Тишины не хотелось.

— Карлсоны! — прокричали снизу. — Что у вас?

— Пусто.

— Карлсоны, не слышу!

— Пусто! — во всю мощь легких рявкнул дядя Коля. — Пусто у нас!

— Везет некоторым. Спускайтесь!

— Эй! Эй! — закричал дядя Коля. — Потери большие?

— Чепуха. — Я узнал голос Сашки Столповского. — Один раненый.

6

Троих убитых дубоцефалов сложили в ряд за стойкой бара и прикрыли сорванной шторой, чтобы не портили настроение. Четвертый, оставшийся в живых, сидя на полу у груды опрокинутых резных стульев, тоненько ныл, осторожно щупал вмятины на термокостюме и временами вздрагивал всем телом. Несколько не участвовавших в атаке дубоцефалов, кстати сказать, вполне безучастно отнесшиеся к мертвым, смотрели на него с выражением глубокого ужаса. Их никто не гнал: выбранные наудачу кандидаты в команду «щит» должны привыкнуть к своей роли заранее. Стонущего раненого из штурмовой группы положили на снятую с петель дверь и куда-то унесли.

Адаптантов при штурме было убито пятеро, как и предсказывал дядя Коля, имевший теперь вид типа «ну, что я тебе говорил?» Спускаясь и обшаривая по пути этажи, мы нашли еще одного: дядя Коля вдруг резко остановился и повел носом, как волкодав, учуявший добычу. «Здесь...» —

«Где?» — «За углом. Ждите», — и я имел удовольствие видеть работу профессионала. Граната ему не понадобилась. Дядя Коля шел, выставив перед собой пулемет, шел нарочито шумно, топая и сопя, — когда же до угла осталось два шага, он бросился вперед внезапным нырком с переворотом на спину в падении. Этот трюк был мне знаком, но совершить его с подобной тяжестью в руках я бы не рискнул. Очередь прошла над его головой, и тут же звучно заработал пулемет — было слышно, как подброшенное пулями тело грянулось об пол.

Под ногами пищало битое стекло. Если бы не битые окна, в русском зале винного бара «Истина», пожалуй, еще и сейчас ощущался бы уют. Здесь все было сделано крепко, на совесть: когда в былые времена кого-то сгоряча били по голове резным стулом, страдала голова, а не стул, как тому и должно быть. Столы в зале стояли дубовые — не приподнять, стену скрывало резное панно: сильно усатый дядька Черномор стоял по колено в неспокойном море-акияне и, плотоядно облизываясь, тянул к стойке гигантскую утконосую братину. Из-за громоздкого плеча дядьки высовывались веселые деревянные рожи числом тридцать три — понятно было, что морские богатыри тоже не прочь тяпнуть винца на страх ревматизму. В зубчатой — под кремль-детинец — кадке с вечной мерзлотой прозябала зачахшая на корню березка с окаменевшими ломкими листьями. Из криогенных глубин подвала слышались голоса, донельзя возбужденные редкой удачей. Дураки же, это дело надо делать тихо и конспиративно, не шуметь сверх меры и уж подавно не орать: «Уж стол накрыт, ряды бутылок стоят, построившись в затылок!» — тем более что никаких бутылок в подвале не нашлось, как сообщил, вернувшись, равнодушный к спиртному Вацек, а обнаружилась там одна-единственная, зато неправдоподобно громадная лопнувшая бочка с розовым винным льдом и свернутым на сторону краном. Судя по треску и гиканью, бочку доламывали. На рысях под взглядом Сашки пронесся командир первой штурмгруппы и застрекотал каблуками вниз по лестнице — пресекать мародерство. Что, дождались, голубчики? Говорил же — надо тихо.

Снаружи завывало, снег валил в выбитые окна, и одиноко дребезжало какое-то уцелевшее стекло, зато никаких других звуков извне не ощущалось, а то, что не дано нам в ощущении, вспомнил я, не является объективной реальностью. Соседние участки тоже безмолвствовали, и мечта-

лось мне, что вот сейчас можно подняться с тяжелого резного стула, легко выйти на улицу и впервые за много недель идти, идти себе куда угодно, хоть дойти до центра города, если повезет не заблудиться в метели. Дойти и вернуться. Не для того, чтобы дать шороху тылам противника, а просто так... Ладно, будет уже хорошо, если сегодня ночью адаптанты ничего не предпримут в ответ, подумал я. По такой метели, пожалуй, и не предпримут...

И вдруг я ощутил тишину — какую-то ненормальную, нехорошую тишину, совершенно неуместную в таком зале. Я повертел головой: Сашка и Вацек были налицо, но и только. Куда унесло дубоцефалов и куда был услан дядя Коля, я не заметил, и все двери были аккуратно заперты, из подвала не доносилось ни звука, зато Вацек неразборчиво шептал что-то на ухо Сашке, суетливо бегая глазами по сторонам. Я снял с себя шлем.

— ...Короче умеешь? — звучно прорвался голос Сашки. — Все готово?

— Так... — Вацек задохнулся, — точно... Доставлен. Здесь...

— Хвалю, — Сашка прошелся по мне ленивым взглядом и так же каменно-лениво отвернулся к напрягшемуся Вацеку. — Работнички... Что один, что другой. Я тебе говорил, что об этом, кроме нас двоих, не должна знать ни одна живая душа? Говорил или нет?

Вацек стрельнул глазами в мою сторону и опять уставился на Сашку.

— Ни одна? — недоверчиво спросил он.

— Ни одна.

Вацек отшагнул от Сашки, лишний раз передернул затвор автомата, отчего желтый патрон выскочил и запрыгал по полу, и направил ствол на меня. Лицо у Вацека сделалось интересное: извини, мол...

Я вскочил.

— Э! Э!.. Совсем уже? Крыша съехала?

— Отставить! — негромко скомандовал Сашка.

Вацек опустил автомат. Глаза у него были совершенно оловянные.

— Выйди вон.

Вацек вышел.

— Хороший мальчик, — мечтательно сказал Сашка, когда дверь за Вацеком осторожно закрылась. — Дурачок пока, правда, но это ненадолго, со временем освоится...

— С-сукин сын! — с чувством сказал я.

— Ну-ну. Успокойся. — Сашка зачем-то взглянул на часы — было без десяти минут три, — с усмешкой взял у меня из рук автомат, посмотрел на свет в ствол и отставил в сторону. — А ты как думал? Интеллигенция, стуломахатели! Ни работать, ни стрелять, ни даже ухаживать за оружием толком не научились, а туда же — не тронь, мол, нашу ценную психику... Не так?

Действие стало походить на дрянной боевик. Я не успел ответить, а дверь уже протяжно скрипнула на мерзлых петлях, и в зале снова возник Вацек. Но теперь он был не один — за ним, отставая на два шага и сотрясая пол, затмевали дверной проем оба Сашкиных порученца, а перед ними, опережая их на один шаг, шаркающей старческой походкой шел Бойль.

Увидев меня, он остановился. Толчок сзади бросил его к резному стулу, он налетел на спинку и вцепился в нее обеими руками.

Стул даже не качнулся.

Вот так и проигрывают, мельком подумал я, косясь на автомат. Автомат был далеко. Похоже, мне предстояло узнать в подробностях то, о чем я был осведомлен в общих чертах: что бывает с агентами, неразумно затеявшими собственную игру. С бывшими агентами... Стоп, сказал я себе. Остановись. Если это всего лишь случайность, а такое вполне возможно, и если Бойль притом не окончательный олух... если так, то у меня еще есть шанс... У *нас* есть шанс. Еще поборемся... поводим по кругу...

— Расслабься, милый, расслабься, — ласково сказал мне Сашка. Он даже не взглянул на Бойля, и только сейчас до меня дошло, насколько наивен я был все это время. Он смотрел на меня в упор, скрестив на груди руки. Он знал про меня все.

И тогда я решился. Сразу. Не раздумывая.

— Живьем! — бросил Сашка.

Мой рывок к оружию не удался: один из порученцев в прыжке отпихнул автомат так, что тот с лязгом ударился о кадку; второй нанес мне два молниеносных удара — в челюсть и в солнечное сплетение. Я отвел оба и в свою очередь достал его шлемом. Порученец взвыл и схватился за лицо. Первый, нырнув под мою руку, попытался нанести мне сокрушительный удар сзади по шее, он был выше меня, и бить ему было удобно, он действовал грамотно и вложил в удар ровно столько сил, сколько было нужно, — мне удалось лишь увернуться, но не поймать его на неточности.

Я отступил и ответил. Из трех моих ударов порученец сумел блокировать два. «Бегите!» — крикнул я Бойлю, лягая в живот кого-то набежавшего сзади. Из-за спины задавленно охнули голосом Вацека. Краем глаза я поймал Бойля — тот все еще стоял, держась за спинку резного стула, причем с видом совершенно спокойным. Будто происходящее никак его не касалось.

— Да бегите же, вы! — закричал я.

Бойль медленно покачал головой. Его морщины выделялись резко, как свежие рубцы.

— Я не должен...

Мне хотелось рявкнуть на него, и надо было рявкнуть, я позволил бы себе даже ударить его, чтобы расшевелить, заставить очнуться и бежать, но не успел: в затылок вонзилась молния, мир вспыхнул, взорвался и начал гаснуть. Упасть мне не позволили. Последнее, что я увидел, была деревянная стена с морским дядькой и богатырями, стремительно летящая мне в лицо.

7

Катастрофа, постигшая третий отряд, была лишь одной из многих и в сравнении с тем, что случилось с другими отрядами, далеко не самой страшной. За час до сумерек отряд отошел на исходные, оставив заслон у проспекта Генералиссимусов. Метель усиливалась, активность противника была на нуле, и никому не мнилось иной раскладки, кроме перспективы отдохнуть по-человечески, не утомляя себя наблюдением в инфракрасную оптику, что-нибудь съесть и, возможно, чем черт не шутит, выспаться. Атакующих заметили в двадцати шагах. В метели сослепу показалось, что их тысячи, а может, так оно и было. Они шли как волна. Мало кто успел изготовиться к бою — заслон, составленный преимущественно из дубоцефалов, был мгновенно смят и исчез под этой волной. Слышались страшные крики. Третья штурмовая группа, оказавшись ближе других к месту прорыва, встретила адаптантов огнем, но вынуждена была отойти, понеся потери. Часть дубоцефалов, немедленно обратившаяся в паническое бегство, наткнулась на вторую волну атакующих, накатывающуюся с тыла, — осталось неизвестным, где, когда и каким образом смогла просочиться в наш тыл крупная стая. Атака была молниеносной и сокрушительной. Мечущиеся были истреблены в

несколько секунд, но три штурмовые группы — костяк отряда — сумели занять два здания и наладить оборону. О защите пресловутой герметичности линии фронта теперь нечего было и думать, все усилия были направлены на спасение отряда от полного уничтожения. О том, что творилось у соседей слева и справа, никто в точности не знал, об этом можно было только догадываться, и догадки были скверные. Радиопросьбы о помощи остались без ответа. Полчаса спустя оба здания были подожжены — одно не занялось, потому что один раз уже выгорело; второе запылало факелом. Настоящим чудом выглядело то, что несколько человек в дымящейся одежде сумели прорваться через огонь и соединились с основными силами, а еще через пять минут был получен приказ отходить для прикрытия штаба, и Сашка, собрав остаток отряда в кулак, сделал попытку прорваться. Прорыв удался, но о том, чего это стоило, могли рассказать только человек пятнадцать — столько их пробилось к штабу. Отовсюду летели пули. В ближайшем тылу уничтожался второй эшелон — два новых, только что сформированных отряда и приданная от щедрот штаба полурота профессионалов. Казалось, весь город был занят адаптантами, их было неправдоподобно много, они были хозяевами в городе, и человек городу был не нужен...

Оценить масштаб катастрофы мне предстояло куда позднее: в течение по меньшей мере трех часов у меня не было ни зрения, ни слуха, ни мыслей, и я не видел, к сожалению, подробностей боя. Или к счастью? Должно быть, к счастью, потому что иначе мне пришлось бы увидеть, как по-заячьи прыгал в сугробах потерявший голову Гарька; как Дубина Народной Войны споткнулся на бегу, охнул, выгнулся дугой и в последний раз уронил свой гранатомет; как Наташу отбросило очередью к стене дома, и пули, пробивая ее тело, рикошетировали от промерзлого бетона...

Вероятно, мне все же вкололи что-то сильнодействующее — не могу представить, кто и какими не перекрытыми противником закоулками сумел доставить меня к штабу. Помню два гигантских транспортера, оба еще чадящих, один из которых успел развернуться для боя, но больше уже ничего не успел, а второй так и не тронулся с места, испустив дух возле колючего вала; помню безобразно спутанные клубки колючки в тех местах, где вал был прорван, и широкие гусеничные колеи на снегу, и несколько растерзанных пулями трупов защитников и нападавших, и без-

жизненное тело пулеметчика, свесившееся с вышки. В штабных лабиринтах не нашлось ни одной живой души, и кто-то опознал командующего по отсутствию руки, потому что опознать его в лицо было невозможно...

А над городом висела тишина. Метель съела звуки, и только по трупам в коридорах штаба ощущалось, что катастрофа произошла здесь и с нами, а не за тысячу километров от нас, что десятки и десятки стай растекаются сейчас по беззащитному городу, грабя, насилуя и убивая всех, кто встретился им на пути, потому что ничего другого адаптанты делать не умеют. Где-то, слабо подсвечивая мутное небо, разгорались пожары, где-то отстреливались, разъединенные части еще продолжали драться, и кто-то, наверно, пытался пробиться из окружения по линиям подземки неглубокого залегания и другим коммуникациям, еще не затопленным по нашей же нерасторопности люизитом, как поступил бы и я, командуя окруженной частью, но звуков боя не было слышно, и каждый из нас, кому повезло выжить, понимал, что первый раунд сопротивления обесчеловечению проигран нами вчистую.

Нами? Кем это — нами?

Немногими, кто остался. Теперь — и без меня...

Снова прорвался, забился о стены одинокий крик. Кричал не я. Я лежал лицом вниз на цементном полу, борясь с позывами к рвоте, и в моей голове поселился еж. Он топотал лапками, блуждал впотьмах, тычась в мозг то иглами, то холодным мокрым носом, раздраженно фыркал, не понимая зачем его заперли, часто чихал, а иногда, вдруг испугавшись чего-то, сворачивался в надутый шар, и тогда тысячи игл впивались в меня изнутри, а я царапал ногтями пол, чтобы не завыть. Или мне казалось, что царапал. Тело было чужое, выключенное. Моим оставалось лицо — оно горело, и под ним было жаркое и липкое. Вероятно, я застонал, и сейчас же кто-то грубо перевернул меня на спину, слух уловил обрывок: «...в кондиции... скоренько...» — и ко лбу мне приложили нечто мягкое и влажное. Прижгло, будто приложили утюг. Я зашипел и попытался пошевелить скрюченными пальцами. Пальцы слушались. Глаза были целы, и я обрадовался. Насчет переносицы имелись сомнения и, судя по ощущениям во рту, не все зубы сидели на своих местах. Ног я не чувствовал и интереса к ним пока не испытывал.

— Сейчас будет в кондиции, — повторил кто-то. — Сей момент.

— Не морда — фарш, — раздраженно ответили голосом Сашки. — Что, не могли поаккуратнее?

Он еще что-то говорил, но смысл от меня ускользал. Возражать ему не осмеливались.

Еж снова чихнул, по коже пробежали мурашки. Еж был простужен.

Теперь я осознал, где нахожусь. Каморка во владениях Экспертного Совета — теперь уже, вероятно, бывшего Экспертного Совета — была та самая, где жил Бойль, и в каморке было тесно. Посторонние звуки сюда не проникали. Пыльная лампочка горела в четверть накала, на стенах пластались гигантские тени, в углу каморки угадывалось какое-то тряпье и почему-то валялся сапог с разорванным голенищем. После всего, что я видел, когда меня волоком тащили по коридорам, меня не очень удивило бы, если бы в сапоге оказалась нога без туловища. Но ноги в сапоге не было.

Крик повторился, и опять кричал не я. Кричал старик — надрывно, захлебываясь. Достигнув высшей пронзительной точки, крик начал стихать, а когда стих, послышался торопливый прерывающийся шепот: «...нет, нет... никакого вреда, уверяю... никакой опасности вашему человечеству... не надо больше, прошу вас... пожалуйста... никакого вмешательства, только наука, поверьте...» — «Завянь с наукой, — сказали ему, и порученцы коротко взгоготнули. — Тебя о чем спрашивали, потрох?.. Тебя о науке спрашивали?!» Металлически лязгнуло что-то невидимое. Бойль болезненно охнул.

Я попытался сесть, и тут меня наконец вырвало на пол. Еж в голове подпрыгнул.

— Ага, — сказал Сашка, — вот и второй именинник. Кто бы мог подумать, а?

Порученцы хранили почтительное молчание.

— Кто бы мог подумать, — сказал Сашка, — что среди людей может оказаться выродок, вовремя нами не распознанный? И к тому же в Экспертном Совете? Мыслимо ли?

Никто не ответил. Было слышно, как тяжело, с хрипом дышит Бойль.

— И кто бы мог подумать, что в наших рядах может найтись предатель, решившийся на добровольное сотрудничество с адаптантами? — продолжал Сашка. — Кто, скажите мне, мог такое подумать? Не я. Нет, не я.

Меня снова вывернуло. Я отплевался и попытался приподняться на локтях.

— Помогите ему.

Меня вздернули под руки и посадили на топчан. Затылок коснулся холодной стены, стало полегче. Еж тоже не возражал. «В блевотину наступил, — сообщил один из порученцев, с оттяжкой возя подошвой по полу. — У, с-сука!..» Он бережно ощупывал опухшую половину лица, украшенную великолепной гематомой. Моя работа, подумал я с мимолетным удовлетворением. Жаль, мало...

— Постойте-ка в дверях, ребята, — скомандовал Сашка. Порученцы нехотя отошли к двери. — С той стороны, — добавил он негромко, и порученцы исчезли.

Вацек жался к стене. Бойль, намертво прикрученный к табурету, клонился набок, уронив голову на грудь. Спина его не держала.

— Зачем тебе это? — спросил я, стараясь говорить спокойно. — Знаешь ведь, что вранье. От первого и до последнего слова.

— Ты так и людям скажешь? — осклабился Сашка. — Подумай сам, поверят ли. Представляешь себе картину: «Вот он, предатель, пятая колонна, все из-за него, теперь он ваш...» — Сашка мечтательно закатил глаза. — Воображаю, что с тобой сделают, в дурном сне не приснится... Не нравится картина, а?

— Тебе тоже, — сказал я.

Он посмотрел на меня с уважением.

— А ты иногда умный. Даром что доцент.

— Разгром штаба — твоя работа? — спросил я, напрягая и расслабляя руки.

— Вот тебе! — И Сашка сделал непристойный жест. — Наша! Это наша работа! Твоя и моя. Так и помни. Это результат нашей с тобой работы за последний месяц, ты уяснил?

Я заскрипел зубами. Я уяснил. Это было правдой. Это не могло не быть правдой уже потому, что в наши дни возможна только *такая* правда. Страшная. Которой не хочется верить и которая все-таки существует как бы независимо от людей. На самом деле люди не хотят знать всей правды, потому что боятся извериться и сойти с ума. И незнание правды двигает историю, как двигало во все века... А знание... знание правды подвинет ли что-нибудь? А если да, то куда?..

— Скотина! — крикнул я. — Зачем тебе это?

— Не мне, — сказал Сашка. — Не мне, а нам. Причем под «нам» я подразумеваю не только тебя и меня. Ты по-

лагаешь, наши отряды смогли бы уничтожить адаптантов? Вижу, что полагаешь. Напрасно. Ну, предположим... Допустим, нам удастся очистить один город, который теперь даже не столица, а если бы и был столицей, частный успех все равно ничего не решит... А дальше? Ты об этом когда-нибудь думал? Молчишь?.. — Сашка начал ходить по комнате, четыре шага в одну сторону, четыре в другую. — Правильно молчишь. Твой топорный штаб очистки очистил бы город прежде всего от людей, он уже давно начал грести под себя, и нормальная ответная реакция в этих условиях — очистить город от такого штаба очистки. Кстати, исполнение было превосходным — никто не ушел... Да, сегодня мы потеряли многих и многих, и еще будем терять, зато сегодня мы впервые заставили адаптантов делать то, что нам требовалось, и управляемость обществом не утрачена, а восстановлена. Мы к этому и стремились, не так ли? Без управляемости обществом общество рассыпается. Надо это доказывать? Без управления идеями, а не людьми, — людьми-то управлять проще всего... Запомни: миром правят простые идеи. Простые и понятные большинству людей. Исключение составляют бараны, живущие не идеями, а несложными желаниями, и умники, для которых идеи, понятные большинству, чересчур просты. Первых можно не принимать в расчет, вторые не способны увлечь за собой массы. Идея очистки отжила свое, на смену ей должна прийти идея контролируемого сотрудничества. Вот тут-то ты мне и был нужен — не чистенький, но и не в дерьме, способный, в нужную меру управляемый... А ты и напортачил. Дуролом ты, доцент, не к такому я тебя готовил...

Я все напрягал и расслаблял руки, напрягал и опять расслаблял. Руки были деревянные, но слушались. Ноги начало понемногу покалывать. Тело оживало, но слишком медленно. Недопустимо медленно.

— Дарья — это тоже ты?.. — перебил я.

— На что тебе та телка? — Сашка пожал плечами. — Уж девочек-то тебе бы хватило...

Я осторожно попробовал напрячь мышцы спины. Затем ноги.

— А покушения на меня?

— Ты, кажется, пока жив, — Сашка усмехнулся. — Если бы хотели убить — убили бы, можешь не сомневаться.

Это было верно. Безусловно, Сашка говорил чистую правду. Значит, Цыбин, Андреев и Ржавченко не подошли ему по каким-то своим параметрам... Значит, Самойло подо-

шел... Остальные были устранены либо потому, что о чем-то догадывались или могли догадаться, либо затем лишь, чтобы Сашка мог судить о правильности выбора, отслеживая мою реакцию...

Я еще раз напряг ноги, сначала одну, потом другую. Мне показалось, что левая шевельнулась. Нет... Не смогу. Не успею...

Бойль вдруг издал странный горловой звук и выпрямился. Старик был совершенно спокоен. Впервые я видел его таким уверенным в себе — и где! Он по очереди обвел взглядом каждого из нас, и Вацек много позднее уверял, что Бойль взглянул на него с видом высокомерного превосходства, мне же показалось, что я поймал выражение участливого сожаления.

А потом он исчез. В то же мгновение ударило в уши, и грохот был такой, будто Бойль взорвался, но я понял, и понял Сашка, что это схлопнулся воздух, устремившийся в то место, где только что был человек, а теперь не стало ничего.

Всколыхнулась пыль. В проекционном аппарате мерзко задребезжала какая-то деталь. Покачались и замерли несуразно торчащие петли проволоки на табурете. И все кончилось. Святослава Мерилла Бойля с нами больше не было.

На минуту воцарилась пауза. Вацек, ковыряя в заложенном ухе, ошалело тряс головой. Порученец, сунувший в дверь озабоченный нос, утянул его обратно. Сашка сосредоточенно покусал губы:

— Жаль... Надо же, не врал дед... Обидно, но всего ведь не предусмотришь, не так ли? Очень жаль, он бы мне еще пригодился... Ну... — он опять начал ходить, заложив руки за спину, — а на твое сотрудничество я могу рассчитывать? Кстати, если ты еще не сообразил: ты теперь формальная городская власть как единственный оставшийся штабной функционер... Сам понимаешь, доцент, меня может интересовать только сотрудничество добровольное. Что скажешь?

Я его ненавидел.

— Да.

— Врешь... — Сашка коротко всхохотнул. — Я же тебя знаю как облупленного. Лучше, чем ты себя знаешь. Твое «да» дешево стоит. Предположим, тебе удастся меня убрать... предположим, хотя я, конечно, этого не допущу... а что дальше? Дальше-то что? — Он широко обвел рукой вокруг себя и вдруг заорал: — Дубина, ты же не будешь

знать, что делать со всем этим!.. Куда тебе сейчас, когда тебя же самого грохнут с удовольствием после первой же ошибки! Идиот!..

Фарс, подумал я, морщась. Вопрос о добровольном сотрудничестве был излишним. Я знал, что меня ждет. В наше время агентов, своих или чужих, убивают нечасто, даже агенты-непрофессионалы слишком ценны для того, чтобы их уничтожать. Агентов используют вторично, как макулатуру. Превращать людей в послушных болванчиков с помощью сравнительно легко синтезируемых психоделиков умели еще в середине прошлого столетия, но подобные приемы работы суть примитив и каменный век. Болванчик может быть полезен, но никак не сравнится ценностью с агентом, сотрудничающим сознательно, преданным делу и абсолютно, без тени сомнения, убежденным в правоте и благородстве своих целей. Какими бы они ни были, он будет *знать*, что это *его* цели, а о том, что где-то, у кого-то имеется миниатюрный рулер-блочок, притом используемый сравнительно редко, агенту знать не обязательно.

Тысячи рукотворных созданий размером с лейкоцит, обманывая иммунную систему, проникнут по сонной артерии в мозг, дойдут до коры. После несложной процедуры активации они включатся в связи между нейронами. Человек останется человеком — он сохранит все свои профессиональные качества, почти всю свою память, свой юмор, если у него он есть. Он сохранит свой ум — вот только выводы этого ума слегка изменят свое направление. И пока не начнут отказывать чипы, человек будет жить, принося пользу, — долго, несколько лет...

Обыкновенная инъекция. Укол. Меня не потребуется даже изолировать: я никуда не денусь, и никто мне не поверит. Медленное текучее время между уколом и командой на активацию — хотя бы одни сутки. Если у Сашки есть в запасе сутки, он так и сделает, подумал я.

Если нет — убьет.

Я не успел додумать, а Сашка, открывший было рот, чтобы сказать мне еще что-то, не успел связать и двух слов. За дверью резко, с оттяжкой, как щелчок хлыста, ударил выстрел. В ту же секунду послышался хриплый короткий вскрик и что-то мягко хрустнуло, будто над ухом раздавили сырое яйцо. Дверь сорвалась с петель.

Эта сцена и сейчас еще помнится мне в мельчайших подробностях: низенькая комната, залитая тусклым желтым светом, Вацек, метнувшийся навстречу оглушительному

грохоту упавшей двери, катящийся по полу автомат с оборванным ремнем, вихрь промозглого воздуха, отпрянувший Сашка, рвущий из-под мышки пистолет, разъяренный медвежий рык ринувшегося в комнату дяди Коли и двое Сашкиных порученцев за его спиной — один лежащий неподвижно, другой еще падающий с раздробленным теменем и странным выражением удовлетворения на лице, будто он и вправду сумел остановить выстрелом эксперта по самообороне...

Ломая топчан, ломая табурет, ломая проекционный аппарат, ломая все, с чем входил в соприкосновение, растопырив руки и ноги, из одного угла комнаты в другой спиной вперед пролетел Вацек.

Сашка выстрелил. Я хорошо его видел. Сашка был страшен: такого исступленного выражения безграничного бешенства не могло быть в глазах существа человеческой природы — на бешенство такой силы человек просто не способен. Какой бы спектакль здесь ни затевался, актеры начали играть не по ролям, и режиссер не уследил за своим лицом.

У него были глаза адаптанта. Самые обыкновенные.

Одна, и две, и три пули пробили тело дяди Коли, прежде чем пистолет выпал из сломанной руки. Сашка влепился в стену, как лягушка. На целую секунду все замерло. Дядя Коля сделал к упавшему три грузных шага, и каждый давался ему тяжелее предыдущего. Потом он остановился. Потом — упал навзничь, стукнувшись затылком о цементный пол.

К горлу опять подкатила тошнота. Я пытался и пытался встать, пока мне это не удалось. Придерживаясь за стену, я двинулся вдоль нее маленькими шажками. Дядя Коля был мертв — Сашка стрелял «иглами». А Сашка был еще жив. Теперь он полусидел, привалившись лопатками к стене. Глаза у него были осмысленные, человеческие. Он не сделал попытки подняться — вероятно, удар о стену переломил ему позвоночник.

Я едва не упал, нагибаясь за автоматом, но устоял на ногах и мало-помалу выпрямился. Я осмотрел автомат. Предохранитель был в положении для стрельбы одиночными.

— Лучше очередью, — сказал Сашка.

Я послушно сдвинул предохранитель. Пальцы Сашки слабо дернулись — может быть, он хотел заслониться рукой. Я вдруг заметил, что целюсь ему прямо в лицо.

— Сырье, — с усилием проговорил Сашка. Он не от-

рываясь смотрел мне в глаза. — Сырье... Еще работать и работать... — Упираясь скрюченными пальцами в пол, он попытался приподняться. — Как мало...

Он умолк и перестал на меня смотреть.

Последняя гильза еще со звоном скакала по полу, а я уже услышал людей. Кто-то неразборчиво кричал, кто-то тяжело дышал на бегу, и грохотали ботинки на лестничных маршах. Дверь в коридоре ахнула и сердитым скрипом пожаловалась на то, что с нею плохо обращаются.

Люди, и некуда от них деться. Люди всегда были вокруг меня, нужны они мне были или нет. Случалось, они приходили мне на помощь. Теперь они пришли за мной. Их было много.

Я протянул им пустой автомат.

Никто его не взял. Качались лица. Я видел их как в тумане: вот Гарька Айвакян, застывший с раскрытым ртом, вот Вацек, облапивший стену в безуспешной попытке подняться на ноги, вот командир второй штурмовой группы, изумленно переводящий взгляд с того, что прежде было Сашкой, на меня и обратно, а вон тот позади всех тянет шею, он еще ничего не понял... Задние перешептывались, не глядя друг на друга, и мне казалось, что они обмениваются одними междометиями. Стоящие впереди хранили почтительное молчание.

Я все протягивал и протягивал им свой дурацкий автомат. Я был согласен на все. Я не стал бы сопротивляться, если бы кто-нибудь из них навел на меня ровный черный кружок и, цедя ругательство, согнул на спусковом крючке указательный палец.

Никто из них этого не сделал. Я вдруг начал понимать, и мне стало страшно. Они не застрелили меня в первый момент. Теперь они уже не смогли бы застрелить меня, если бы и захотели. Я был им нужен. Я занял место, принадлежавшее прежде кому-то, а теперь — мне. И измученные люди, вооруженные автоматами, смотрели на меня так, будто ждали от меня команды. Да так оно и было.

Они ждали моей команды и были готовы ее выполнить.

А я все шел к ним, как сослепу, на негнущихся деревянных ногах, протягивал им, расступающимся передо мною, автомат и без конца повторял одно и то же:

— Да что вы, ребята... Да что вы...

IV

ЭПИЛОГ

Вот, собственно, и все. Эта пыльная ветхая рукопись и сейчас еще лежит в нижнем ящике моего личного сейфа, запертая на код и плотно задвинутая другими пыльными бумагами. Надеюсь, что о ней никто не знает. Я писал ее урывками много лет назад, отдыхая за этим занятием от ежедневного каторжного труда, — в те годы меня еще устраивал отдых такого рода, а может быть, просто хотелось высказаться перед безответным слушателем, и теперь я уже не помню, зачем. Значительно позднее до меня начало понемногу доходить, что моя рукопись может представлять некий исторический интерес — возможно, именно вследствие пыли и ветхости. И как всякий порядочный исторический манускрипт, рукопись моя однобока. Теперь мне странно, почему я в то время так увлекся кусками, выхваченными из памяти, которая просеяла и отбросила многое, в том числе и ценное, а оставила вот это: Дарья, Сашка, Бойль... Почему именно это, хотя было и многое другое? Но эти куски не тускнеют в памяти, наоборот, становятся ярче, несмотря на то что мне уже трудно вспомнить хронологию событий и иногда я, не тревожа дежурную секретаршу, лезу в рукопись как в справочник — смешно, правда? Наверное, это старческое. Мне семьдесят три, и мозг мой затвердел. Если мне раскроить череп, он вывалится оттуда куском.

Видимо, оттого что я стар и к моему брюху прижата грелка, мои мысли гладки и легковесны. Сегодня опять идет снег. Я смотрю в окно на белые холмы Тиманского кряжа и по-детски радуюсь, что они заслоняют от меня языки ледника, незаметно ползущие по девонским отложениям в речных долинах. Завтра холмы снова почернеют, обработанные энергоизлучателями, и со склонов опять побегут ручьи, направляемые в специальные котлованы. Я не вникаю в то, какое количество этой воды будет использовано, а какое придется откачать подальше на ледник, — это дело специалистов. Когда-нибудь ледник превзойдет своей толщиной высоту холмов и нависнет над Убежищем — вот тогда-то и начнется настоящая борьба, если только наша энергостанция, единственная термоядерная в бывшем первом защитном поясе, еще будет действовать. Не исклю-

чено, что она износится задолго до того времени, но люди так устроены, что наверняка что-нибудь придумают, взять нас голыми руками не так-то просто. Предельные возможности человека не безграничны, но и не достигнуты — доказать это я не могу, я просто знаю это на основании своего опыта. И это, и многое другое.

Например, на основании своего опыта я совершенно точно знаю, что через десять минут ко мне войдет дежурная секретарша со свежей грелкой — заберет остывшую, а горячую приладит к тому месту, где, как она считает, находится моя печень, или что от нее осталось. Прежде чем войти в кабинет, она постучит, и если я почему-либо не отзовусь, ворвется ураганом, на ходу распахивая чемоданчик со шприцами и, разумеется, успев по пути въехать пальцем в кнопку вызова медицинской бригады. Но я, понятно, отзовусь сразу же и во время смены грелки буду фривольно шутить, как и полагается в моем положении, и даже, если будет не лень, попробую ущипнуть секретаршу за попку, от чего та, конечно, не откажется и охотно взвизгнет, чтобы доставить мне удовольствие, — а без визга какой смысл? Все три мои нынешние секретарши молоды, послушны, соблазнительны и в меру не умны, так и должно быть. Что бы там ни болтали втихомолку, меня они не интересуют. Я давно уже не представляю демографической опасности. Болтают — и пусть. Разрешается.

Кроме грелки, секретарша принесет стопку бумаг, и я опять займусь тем, чем занимаюсь вот уже сорок лет. Нужно смонтировать дополнительный излучатель для гидропонных теплиц — я сам проверю расчеты, потому что мне не нравится, сколько энергии уходит на эти теплицы, и, по-моему, половина ее уходит зря. Нужно законсервировать старый полиметаллический рудник в ста километрах от Убежища — я распоряжусь и об этом. Нужно дать личное указание открыть новую техническую школу — я дам такое указание. Нужно подготовить и послать третью экспедицию на Юг и убедить кое-кого в том, что это необходимо, после того как первая экспедиция пропала без вести, а вторая позорно вернулась, не пройдя по льдам и тысячи километров. Нужно, пока держится лето, поставить на ремонт пятую и седьмую турбины энергостанции. Нужно, наконец, разделаться с идиотами, которые заперлись в котельной и объявили суверенитет. Нужно... Нужно... Поощрить. Наказать. Дать. Лишить. Подавить нытье и безразличие, заставить пять тысяч человек работать единым

организмом. И каждый день, меняя грелки, делать то, что обязан делать президент — первый в истории президент Человечества.

Я знаю, что будет, когда я умру. Через месяц из притащенной с холма глыбы мне вырубят непохожий памятник как Спасителю и создателю Убежища, через год этого истукана с гиканьем завалят и расколошматят на сто кусков как памятник диктатору — как будто одно не влечет за собой другое, — а еще лет через тридцать памятник, может быть, склеют и водрузят вновь, чтобы через какое-то время расколотить опять. Пожалуйста. Не возражаю. Жаль, что я этого уже не увижу. Люди в массе очень смешны, но они единственное, что у меня есть.

Я возвращаюсь в мыслях к своей рукописи. Может быть, потихоньку продолжить ее — уже специально как исторический документ? Понемножку. Лет на десять меня еще хватит. Не исключено, что потомкам будет полезно узнать, как мы еще почти год продолжали фактически уже безнадежно проигранную борьбу, пока у кого-то из ныне покойных (теперь я уже не помню, у кого) не возникла мысль об Убежище, и какие методы борьбы мы применяли, и какие методы применял противник. Он всегда был на шаг впереди, всегда. Между прочим, высказанная однажды в мерзлом подвале гипотеза о влиянии странного биополя адаптантов на электронную аппаратуру полностью подтвердилась, как подтвердилось и то, что мы знали об адаптантах непозволительно мало. Если верить паническим воплям последних теле, пойманных нами много лет назад, среди них появились особи, умеющие убивать взглядом...

Не знаю, не знаю.

Еще хорошо бы написать о том, как мы создавали Убежище, о самых первых годах, и как мы работали — как звери ведь работали, вспомнить страшно, — и замерзали поначалу, и боролись с разразившимися как-то вдруг эпидемиями, и грызлись друг с другом, и спасали книги и микрофильмы, и голодали от перенаселения, но принимали и принимали новых беглецов, пока нас не стало несколько сотен; мы приняли бы и больше, но наплыв с каждым годом все падал и падал, а потом беглецы перестали прибывать совсем. Да что там, героическое было время. Беда только в том, что о нем нужно либо писать честно, либо не писать вовсе. И лучше, конечно, не писать: нынешняя молодая поросль не так устроена, чтобы спокойно воспринять правду. Не исключено, впрочем, что по окончательном впадении в

покаянный маразм я сознаюсь в своем авторстве действующего и поныне закона о немедленном уничтожении всех подозрительных младенцев и безусловной стерилизации дубоцефалов, а может быть, если маразм окажется крепок, и в инициативе изгнания в снежную пустыню наиболее шумных крикунов из той, самой первой и по сравнению с последующими вполне безопасной оппозиции. Но сознаюсь лишь на бумаге. До моей смерти этих записок не увидит никто, а покойнику прощается многое, и кроме того, как я лично подозреваю, покойнику абсолютно все равно, простится ему или не простится.

Никого из друзей и недругов моей молодости уже нет в живых — я уйду последним. Пять лет назад при попытке переворота по нелепой случайности погиб Вацек Юшкевич. На протяжении тридцати пяти лет он был бессменным руководителем Отдела безопасности, и на него, в отличие от этих, сегодняшних, я всегда мог без оглядки положиться. Мне его не хватает. После него осталась тетрадь со стихами — он-то знал о моей рукописи, зато я никогда бы раньше не подумал, что Вацек пишет стихи. Первое стихотворение начиналось так:

«Лучезарный закат, полный красных чернил,
Ты зачем мне в окно нежный луч уронил?» —

и далее подробно объяснялось зачем. Я распорядился издать эти стихи тиражом в двести экземпляров и включить их в школьную программу. Вацек вполне заслужил такое внимание к его памяти.

Гарька Айвакян дезертировал через месяц после описанных событий. Следы его затерялись.

Алла Хамзеевна умерла спокойно, от неожиданной старости, когда ей было уже за восемьдесят. Несмотря на откровенно подхалимажный стиль ее общения со мною, о лучшем буфере я и мечтать не мог. До последних своих дней она работала у меня секретарем-референтом и как специалист по словесности достигла большого мастерства в редактировании проектов приказов.

Покойный Глеб Ипатьевич Вустрый некоторое время состоял при мне в своей прежней должности и оказал заметные услуги при возобновлении Государственной Евгенической. Он оказался прекрасным подручным средством: не помню, чтобы у меня хоть раз были основания для недовольства качеством его работы. Кстати, он действительно оказался неплохим производителем: все шестеро его детей

получились вполне удачными и здравствуют и поныне. Жаль, что таких людей у меня под рукой всегда было немного... Может быть, зря мы отказывали в убежище профессиональным политикам?

О судьбе Мишки Морозова мне ничего не известно.

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что мы выстояли. Вероятно, мы одни. Первые несколько лет нам еще удавалось иногда принимать отрывочные теле, настолько панические и противоречивые, что нашим аналитикам и посейчас не удается сложить из деталей полную картину катастрофы. Любопытно, что дольше других сопротивлялись самые северные и самые южные государства — тропические и экваториальные погибли первыми, не выдержав внутриутробных конфликтов, усугубленных чудовищным наплывом беженцев. Судя по всему, объединить человечество в единое целое не удалось никому даже под угрозой всеобщей гибели. Мы не были монолитом — когда на нас надавили, мы раскололись по трещинам. Бойль оказался прав: закат земной цивилизации произошел быстро, но не сразу, и без ненужных катаклизмов. Лишь однажды, когда нам уже казалось, что с человечеством покончено, наши приборы уловили слабое эхо наземного ядерного взрыва далеко на юге, и аналитики не сошлись во мнениях, что это было: последние отчаянные отголоски войны (кого? с кем? где?), или язык ледника походя снес брошенную людьми ядерную энергостанцию.

Лет десять назад мы впервые вышли в эфир, рискнув отменить закон о телемолчании. Наша телестанция вызывала уцелевших на связь каждый день, трижды в сутки, и теперь еще продолжает вызывать. Но эфир пуст, и очень похоже на то, что Убежище — единственный островок ныне действующего человечества. Наше общество трудно заподозрить в процветании, но кое-какие надежды на будущее у нас уже есть. С прошлого года мы были вынуждены ограничить рождаемость.

Теперь многие думают, что нам остается только выждать, пока не случится, с их точки зрения, очевидное: пока социально недееспособные адаптанты, разрушив кормившую их цивилизацию, естественно и повсеместно не вымрут от голода, после чего людям останется лишь вновь населить опустевшую Землю, причем начало сего благостного процесса может состояться уже в нынешнем поколении, а кульминация — по отступлении ледника. Многие верят, что так оно и будет. Это полезная вера. Не следует

без острой необходимости ее разрушать: один из важнейших пунктов неписаной азбуки управления гласит, что законное место веры во что-то светлое и достижимое (во что — не суть важно) мгновенно и неизбежно занимает очередное разрушительное непотребство.

Что до меня, то я настроен скорее скептически. Если предположить, что в среде адаптантов хотя бы изредка могут появляться такие индивиды, как Сашка Столповский, то наше дело плохо. Может быть, адаптанты сумеют выжить без нас и спустя десять тысяч лет создадут свою цивилизацию, которая будет удачливее нашей? Может быть.

Может быть, все это старческий бзик.

Хочется на это надеяться.

Чуть не забыл — у меня есть преемник. Нет, не из тех, кто лезут из кожи вон, чтобы мне понравиться. Несколько лет назад, взвесив свой опыт, я поручил Вацеку найти подходящего человека и взять его к себе. Хороший парень, перспективный. Молодой, из родившихся в Убежище, умный, не отягощенный. Прирожденный руководитель, и руководителем станет, только сам он об этом пока не догадывается. Вчера я устроил ему первое липовое покушение, и теперь он оглядывается, гадая, кто это задался целью сократить ему срок отбытия на этой планете.

Пусть привыкает...

Как ни жаль, а мою рукопись все-таки придется уничтожить. Страшно подумать, какое брожение в умах может вызвать Бойль и его бормотанье в смертном ужасе о параллельном человечестве, а в особенности подтверждающий его слова способ ухода, которым прервалась, а вернее, была кем-то прервана его рекогносцировка Земли и землян. Существование двух человечеств, расселенных в неолите по разным планетам (пространствам? временам?), неизбежно подталкивает к мысли о существовании неких Экспериментаторов (опять: где? почему? зачем?), не говоря уже о целях и методах их экспериментов. Иногда, когда хочется опустить руки, в мой корродирующий мозг забирается мысль: а может быть, и глобальная мутация — их рук (щупалец? псевдоподий?) дело? Или нет?

Какое из двух человечеств — контрольная группа?

Я гоню от себя эти мысли. В самом деле, ни для того, чтобы выжить и развиваться, ни для того, чтобы погибнуть, нам не требуется постороннего вмешательства. В нас слишком много потенций и для того и для другого. Случайно — может быть, случайно, я до конца не уверен — мы открыли

для себя одну из этих потенций. Мы не знаем, каковы остальные и сколько их еще откроется в истории человечества, если история человечества будет продолжена. Пока же она единственна и неизбежна, как траектория самолета, садящегося на пустынный аэродром без капли горючего — двигатели уже молчат, пилот вцепился в штурвал, и только долгий свист ветра в опущенных закрылках, только короткий визг резины о бетонную полосу...

Глиссада.

Касание.

Пробежка.

Ангар.

Самолет, на котором летело человечество, совершил мягкую посадку. Это был очень странный самолет, и его пассажиры подозревали, что с ним может случиться всякое. Так, например, в полете от него может оторваться одно пассажирское кресло.

Оно все еще летит, это кресло.

Без крыльев.

Теперь я уже знаю, что успею умереть задолго до его приземления.

Это утешает.

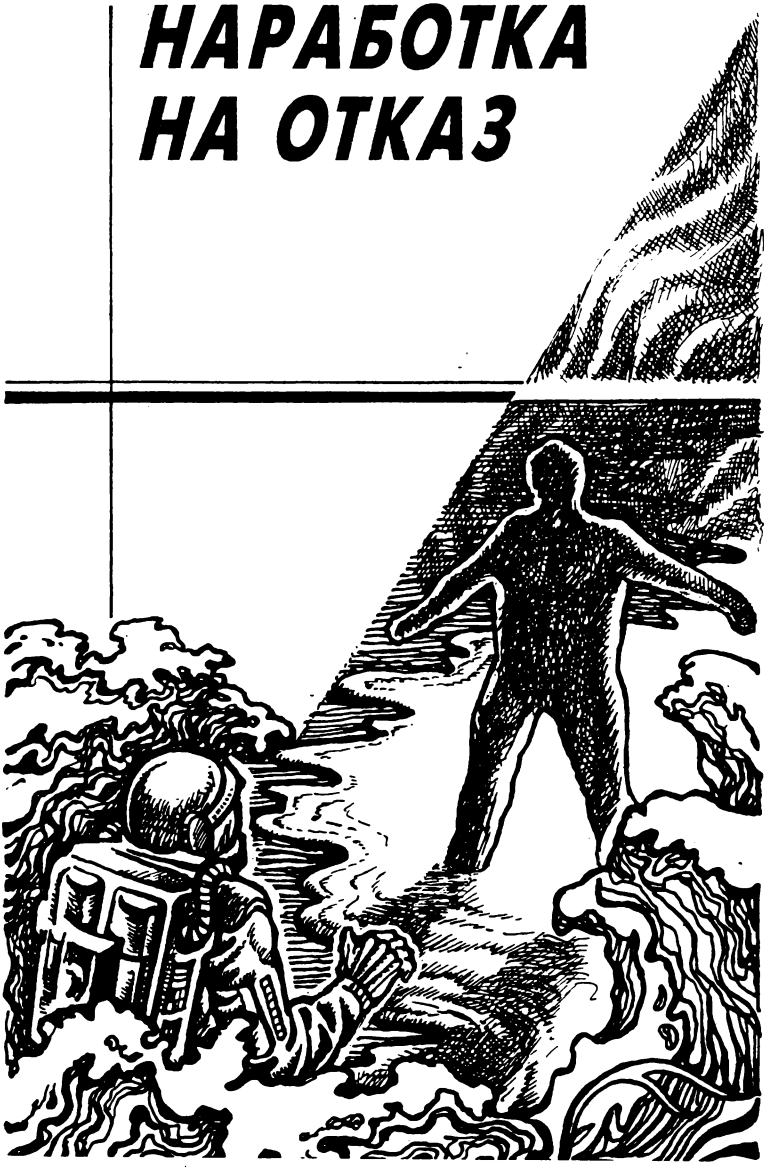
И еще я знаю другое: мы под взглядом, но шефство над нами никто брать не собирается. Думаю, Бойлю и его соотечественникам еще долго не захочется познакомиться с нами поближе. Боюсь, что свои проблемы, крупные и мелкие, нам и дальше придется решать самим. Хотя, почему боюсь? Это нормально. Вот только очень холодно.

Иногда я чувствую злорадство, когда думаю, что то, иное человечество, возможно, пытается справиться с теми же проблемами, что и мы, — иначе зачем было Бойлю столь внимательно изучать нашу мягкую посадку? Мы одного корня, и этим многое сказано. Я все-таки человек, как любил говорить Бойль, и ничто человеческое мне не чуждо. Злорадство — это человеческое. Пусть.

И с каждым годом эта гипотеза нравится мне все больше и больше.

1992-94 г.

НАРАБОТКА НА ОТКАЗ

«Лучше быть безумным со всеми, чем благоразумным в одиночку».

Бальтасар Грасиан
«Карманный оракул»

У каждого свои проблемы

1

Утром потоп сошел на нет, но последние, особенно крупные капли еще побрякивали по жестяной крыше, скатывались к краю и лениво стекали по окнам. Как всегда после ливня, снаружи пузырилось и шипело, воздух был свеж и очень хотелось выбраться из жилого вагончика, вдохнуть полной грудью, а может быть, даже пробежаться босиком, по-детски расплескивая лужи и ловя ртом настоящий воздух с небольшим, но верным избытком аммиака. И пахло как будто аммиаком, хоть говорят, аммиак и не пахнет вовсе. Чепуха, в больших дозах он особенно приятен. Муссон всегда приносит много аммиака. Не вонь нестерпимая — целебный воздух, пьяная ясность в голове и позыв к немедленному действию. Такие позывы надо гасить. Но, пожалуй, было бы неплохо дойти до лаборатории, посмотреть, много ли бед натворил предутренний толчок, а заодно выяснить, что еще не готово к эвакуации, и если что-нибудь все-таки не готово — найти виновного и занудить так, чтобы тот побежал работать вприпрыжку, а не сидел без дела, что плохо, и не ныл на печальные обстоятельства, что еще хуже. Сегодня каждый должен быть мил и очарователен, с точки зрения высокого начальства, иными словами — деловит, корректен и исполнителен до безмозглости, а если таковым не окажется, то это в первую голову вина начальства местного... Симо Муттик скрипнул зубами. В иных случаях начальник биологической станции обязан быть само радушие и гостеприимство, и грош начальнику цена, если он этого не умеет. Джулия послана вчера в Международную Зону с приказом пустить в ход личное обаяние и без Чернова не возвращаться. Можно не сомневаться, Чернова она добудет, да и сам Чернов, если, сидя в начальственном кресле, еще не задрал нос в заоблачные сферы, не откажется повидать друга-приятеля Симо Муттика, хоть и понимает, конечно, что раз друг-приятель зазывает к себе, значит, что-то ему, другу-приятелю от начальства нужно. Остается выяснить: много ли просит? А впрочем, чего там выяснять, сам скажет.

В углу трудился Ахмет, драил мягкой щеткой противорадиационный скафандр, останавливался, критически глядя на работу, потом плевал на щетку и драил снова. Скафандр блестел. Еще один в ожидании чистки был разложен на полу, а остальные три, грязные и облохматившиеся, были убраны с глаз долой и заперты в дальнем шкафу лично Симо Муттиком.

— Внутри чистил? — скучным голосом спросил Симо.

Ахмет прервал работу.

— Обызаесь, насяльник. За сто обызаесь Ахметку? Ахметка нисего не сделал.

— Не дури. — Симо не счел нужным менять тон. — Я тебя спрашиваю: внутри чистил?

— Чистил, — зло сказал Ахмет. — И снаружи, и внутри, даже дезодорантом спрыснул, если хотите знать. Еще духами могу полить, хорошие духи у Джулии. Полить? Ахметка мигом.

Паясничает, подумал Симо. Это хорошо, что паясничает, значит, еще не опустил руки, еще на что-то надеется. Хороший парень, цепкий.

— Вольфганг где?

Ахмет отложил щетку, пытливо оглядел убогое нутро вагончика, затем заглянул под стол и, не найдя там никого, перевернул скафандр и затряс им, очевидно ожидая, что уж оттуда-то непременно выпадет Вольфганг. Вольфганг не выпал.

— Ахметка не знает, насяльник.

— Бакалавр Усманов, — хмыкнул Муттик, — я вынужден призвать вас к порядку.

— Слусаюсь, насяльник.

— Заткнись, — сказал Симо. — И без тебя тошно. Имей совесть.

Ахмет посверкал глазами.

— Ладно, — сказал он и снова взялся за щетку. — Тошно так тошно. Нашли чем удивить. А Вольфганг пошел на сельву смотреть, прилива он, видите ли, боится.

— А ты не боишься?

— Я всего боюсь, — мрачно сказал Ахмет. — Только не прилива. В любом случае нужно эвакуироваться, приедет там ваш Чернов или не приедет. А приедет, так будет уносить ноги вместе с нами. Кстати, правду говорят, будто вы спасли ему жизнь на Капле?

— Глупости, — буркнул Муттик. — Кто это говорит? Это он меня спас, а не я его. На это-то вся надежда.

— А-а, — протянул Ахмет. — Понимаю. Этот ваш Чернов — не иначе как высоконравственный человек, купли-продажи не приемлет и любит человека за сделанное ему добро, а не наоборот, так, что ли?

— Замолкни, сделай милость.

— Ничего он не сделает, ваш Чернов.

Симо пожал плечами и протер ладонью окошко. Со вчерашнего дня горы отодвинулись вбок, будто кто-то сдвинул пленку в проекторе: во время толчка, разбудившего всех, вагончик с треском и скрежетом съехал метров на десять вниз по склону и, налетев на вросший в землю валун, застрял в наклонном положении. Могло быть и хуже, следовало только радоваться, что за толчком на сей раз не последовало камнепада. Обошлось. А могло бы не обойтись, особенно теперь, когда вкупе с ливнем первый же толчок способен родить хороший сель.

Симо с ненавистью посмотрел на господствующую вершину. Гора как гора, округлый и скучный на вид конус, подпорка для снежных гигантов хребта Турковского и ничего более. Названия у конуса нет, снега нет, растительности нет, солидных камней по склонам и то что-то не видно, гнейсовая скала над южным разломом рухнула еще на прошлой неделе, и что, спрашивается, еще может с горы сыпаться? Однако сыплется, и еще как сыплется. Только вчера с восточной стороны сошел такой оползень, что, возьми он южнее, от станции осталось бы одно воспоминание. А передвинуть станцию еще ниже нельзя, там — сельва, а с ней не шутят. Вольфганг прав: если будет прилив, станцию захлестнет. Впрочем, прилив обычно бывает на третий день после первого ливня, время терпит. Симо повернул голову к Ахмету:

— Долго будешь копаться?

Ахмет отложил вычищенный скафандр, взял другой.

— Для Чернова готово, — сказал он. — А вам блестеть ни к чему, по-моему. Пусть ваш Чернов блестит и радуется. И дезодоранта не дам, не надейтесь.

— Это почему? — спросил Симо.

— Рангом не вышли, — объяснил Ахмет. — Вот когда вы, а не Чернов будете определять стратегию в науке, тогда так и быть, дам немного. В целях приспособления личного организма к доминирующим условиям. А кроме того, радиоактивному горизонту все равно, чем пахнет ваш скафандр, разве нет?

Симо усмехнулся:

— А если Чернов наденет не тот скафандр?

— Наденет то, что я дам, — заявил Ахмет. — И пусть попробует пикнуть. Вообще, рамки для начальства должны определять подчиненные.

— У тебя это хорошо получается, — сказал Симо, забавляясь. Разговор позволил отвлечься, и это было приятно.

— А если Чернов забыл о Капле, так я ему напомню, — сказал Ахмет.

Симо постучал согнутым пальцем по голове.

— Не вздумай.

— Ясно. — Ахмет вздохнул. — Я так понимаю, что меня это не касается. А кстати, что это за имя для планеты — Капля?

— Имя как имя, — неохотно сказал Муттик — и вдруг почувствовал зуд в спине, как раз там, где после Капли ему был вживлен изрядный клок искусственной кожи. Чесотка возникала всякий раз при упоминании о Капле, должно быть, эту кожу берегли специально для какого-нибудь неврастеника. — Нормальное имя, — сказал он, стараясь не морщиться. — Чем тебе не нравится? Жидкая планета, есть такой космогонический феномен. Твердого ядра нет, потому — Капля. У нас там был исследовательский плот, пока Капля его не растворила.

— Как это растворила? — Ахмет вскинул глаза. — Как сахар, что ли?

— Не как сахар. Как плот. Молча. В один день.

— А люди?.. А, ну да, извините. Вы ведь там с Черновым вдвоем были?

— Вдвоем. — Зуд стал совсем невыносимым, и Симо, кряхтя, завернул руку за спину, поскреб. Стало легче.

— Меня там не было, — с завистью сказал Ахмет.

— И очень хорошо. Ты работай, работай.

— Я и работаю.

— Вот и не отвлекайся. Дочистишь скафандр — переходи к уборке помещения. Вольфганг поможет, скажешь ему, что я велел. Меня найдете в лаборатории. Если понадоблюсь. — «Если от нее еще что-то осталось», — буркнул Ахмет. — Если понадоблюсь, — с расстановкой повторил Симо. — Что кому убирать, разберетесь сами. А при Чернове, будь любезен, сделай так, чтобы он твоего языка не слышал. И я тоже. Сиди молча и не высовывайся, иначе ты со мной больше не работаешь. Уяснил?

— Даже очень, — со злостью сказал Ахмет. — А энтузиазм на морде изображать?

— На морде — обязательно.

Ахмет с видимым наслаждением плюнул на забрало скафандра, размазал плевок ветошью и, сверкнув глазами на начальство, потянулся к флакону с чистящей жидкостью. Симо отвернулся. Идти в лабораторию уже не хотелось. Он снова протер окошко и всмотрелся. Зданьице лаборатории было еще цело, только чуть покосилось набок, будто присело на одну ногу, и снаружи выглядело вполне благопристойно. Если не знать, что там внутри. «Не-ет, — решил Симо, — Чернова я туда не пущу». Сегодняшний толчок уже ничего не мог изменить к худшему. Строго говоря, лаборатория перестала существовать после особенно мощного толчка, случившегося четыре дня назад, — к счастью, погибло не самое ценное, только то, что Джулия не смогла отправить с последней оказией. Не так уж много, но Чернову и этого будет достаточно, чтобы подтвердить полученное еще месяц назад и пока что успешно саботируемое распоряжение о немедленной эвакуации станции и персонала. Пока еще не поздно. И нужно убедить его в том, что этого делать нельзя. Ни в коем случае.

Камнепады начались в начале лета.

Еще в мае, который в нынешнем високосном году растянулся на сорок три дня, горы временами вздрагивали от глубинных толчков, будто в сезон землетрясений; где-то очень высоко, с уреза аммиачных снегов, чаще обычного срывались лавины. Иногда, особенно ночами, был слышен приглушенный гул далеких обвалов, и грохот катящихся камней походил на сонное бормотанье не вовремя разбуженных гор. К концу месяца удары рушащихся скал стали слышны и днем, кто-то впервые заметил набрякшую желтую тучу над свежим обвалом по ту сторону ближайших уже вершин, а из Межзоны пришло первое распоряжение об эвакуации. Поначалу Симо пытался спорить и к отсылаемым в Академию отчетам прилагал пространные объяснительные записки. Потом бросил. Прибывший на грузовой платформе уполномоченный — мерзкая рожа — увез часть оборудования и двоих сотрудников, пожелавших уехать. С Симо уполномоченный не разговаривал. Кричал. Остающиеся предупреждены о вероятном исходе? Предупреждены. Они согласны ждать до последнего? И, вероятно, полагают, что это их личное дело? Они ошибаются, это дело Академии и администрации Международной Зоны. И если необходимо эвакуировать научную станцию с территории чужого государства по недвусмысленному требованию его правительства, это может быть сделано и силой...

Наверное, следовало наорать в ответ. При желании всегда можно переорать того, кто орет по обязанности. Ага, значит, силой? Силой, да? Оч-чень любопытно, знаете ли. Следовательно, Международная Зона уже имеет своих коммандос? Имеет? Я так и думал, что это не мое дело. И Зона, надо полагать, не задумается послать их на территорию суверенного государства? Так-таки всю роту инвалидов от чиновной науки, с геморроем и ловчими сетями для поимки Симо Муттика? Ну то-то, не суйтесь немытым рылом в чужие исследования, в которых вы там ни бельмеса, а Симо Муттик вам не какой-нибудь дурак-энтузиаст и впредь мешать науку с политикой не намерен, хватит с него Капли, хлебнул досыта на пару с Черновым... Ну, что приутих-то? С Черновым, не с кем-нибудь. С ним и будешь иметь дело, если сей момент не уберешься отсюда к чертовой матери. Пшел!

Вот примерно так и надо с ними разговаривать. Симо улыбнулся, и его отражение в запотевающем оконце улыбнулось тоже. Да, это было бы сладко. И глупо: не Черновым единым жива Международная Зона, черт бы ее взял, и незачем дразнить красной тряпкой чиновную братию, она от этого звереет, а академическая в особенности. И потому — молчать, а если спорить, то недолго и всегда соглашаться, благодаря за ценные указания, долженствующие обеспечить взлет мировой науки, держать пиетет, а еще очень следить за глазами, глаза должны быть светлыми и выражать признательность за заботу, иначе ничего не выйдет. Конечно! Обеспечим! Само собой! Еще день, ну два на свертывание лаборатории — и распоряжение будет выполнено, мы же в своем уме... Соглашаться! И делать то, ради чего ты здесь, а не в Межзоне, где, положа руку на сердце, не в пример уютнее. И — сохранить станцию.

Так Симо и сделал.

Потом — перевести дух. Поднять глаза и встретить три взгляда: недоумевающий — Вольфганга, гневный, с презрением — Джулии и ехидный — не в меру проницательного Ахмета. Нужно еще выдержать эти взгляды, как кулачный боец держит удары, вышибающие воздух из диафрагмы. Вот кто энтузиасты, негнущиеся, вот кого ломают в первую очередь. А вы согнитесь! Только потом не забудьте распрямиться, а я помогу, если будет трудно. Ну, как? Не желаете? Нет, брезгует молодежь. Вот что я вам скажу: вы все очень хорошие ребята, но вы совершенно не умеете думать — не головой, как раз головой вы думать умеете, — а чем-

то еще, спинным мозгом, что ли, а может быть, и трясущимися коленками, и поэтому вы проиграете. Потухнут ваши идеалы, так-то, и вспоминать о них вы будете с неловкостью и смешками. А может, не вспомните вовсе. Учитесь же! Учитесь у мудрого змея Симо Муттика, и пусть его шишки станут вам наглядным пособием, иначе к чему их столько накоплено? Опять не хотите? Жаль... Жаль, времени мало, вот что. Совсем нет времени.

Два дня мучились — тянули вездеходом вагончики, несли на руках хрупкое. Подальше от крутых склонов, поближе к Процессу. Вольфганг рассчитал: тоннель выйдет на поверхность не ближе километра от места Процесса. И не далее полутора. Двадцать шестого июня после особенно сильных толчков опять двигали станцию — к урезу сельвы. Успели вовремя: в ночь на двадцать девятое раскололась гнейсовая скала, катящиеся глыбы испахали южный склон, одна особенно крупная прошла рядом с жилым вагончиком, раздавила в лом антенну спутниковой связи и с треском ухнула в сельву. Тридцать третьего, после небольшой передышки, гора вздрогнула так, что вагончик подпрыгнул на полметра и в лаборатории не осталось ни одной целой склянки. Тридцать четвертого были отмечены продолжительные нерегулярные толчки: тоннель спровоцировал-таки землетрясение. Километрах в пятидесяти к западу ожил безымянный вулкан, плюнул в небо серной тучей. Сегодня тридцать пятое, и уже был один толчок. Нужно ждать второго, а скоро будет последний. Чернов тоже это знает.

Пискнула входная дверь, вошел Вольфганг. Долго, по-медвежьи топтался, снимая бахилы, потом, сложивши свой рост вдвое, не торопясь, как положено, прошел фильтрующую завесу — оба слоя. Не торопясь, снял дыхательный фильтр, сунул в очиститель. Пахнуло дезинфекцией, и Вольфганг удовлетворенно хмыкнул. Весь он был громадный, ростом в полтора Ахмета, а весом в два, а медлительность у него не от комплекции, понял вдруг Симо, — а оттого, что очень уж старается парень не делать ошибок. Кой черт, все равно делает, разве что чуть реже, чем другие.

— Ну, что сельва?

— Просыпается. — Вольфганг сел.

— Знаю, что просыпается, — терпеливо сказал Муттик. — Твой прогноз?

— Завтра, — сказал Вольфганг. — Скорее всего, к вечеру. Или ночью.

— Станцию захлестнет? — спросил Симо. Он знал, что

захлестнет, но в душе поселилась дурацкая надежда: а вдруг нет?

— Ясное дело, захлестнет, — вставил Ахмет.

— А я тебя не спрашиваю...

Вольфганг наморщился, задвигал бровями. Медлил, обдумывая.

— Захлестнет. Прилив будет мощным.

Симо кивнул. Ладно. Если все-таки придется эвакуироваться, прилив — дело десятое, а если станцию удастся отстоять — передвинемся выше.

— Там нас угробит, — опять влез Ахмет.

Дурак. Будто без него не ясно. Поставить сопляка на место. Нет, пусть лучше это сделает Джулия. Когда вернется. А мы ограничимся пристальным взглядом, долженствующим, как пишут, иметь воспитательное значение. Вот так. И достаточно.

— Там пришел Третий, — сказал Вольфганг. — У сельвы. Стоит и ждет вас.

Так. И этот хорош. До сих пор не понял, о чем нужно докладывать в первую очередь. Добросовестный, этого у него не отнимешь — но бизон...

— Как он сейчас выглядит? — спросил Симо.

— Тетраэдр, — Вольфганг показал руками, — вопросительная форма. Он хочет говорить.

— А ты что же?

— Он хочет говорить с вами.

Вот как. В другое время это было бы любопытно. Значит, уже и вариадонты научились разбираться в человеческой иерархии, подай им не кого-нибудь, а начальника станции, будто от него в самом деле многое зависит. И ведь догадались послать Третьего, а Джулия еще уверяет, будто им чужд практицизм... С нами же рядом жили, у нас учились. Третий самый упорный, не уйдет, пока не получит ответа, — а что ему можно ответить? Что мы все ему можем ответить? Симо почувствовал ужас. Но если вариадонт спрашивает — нужно отвечать. Никто не скажет, почему. Просто нужно.

Не очень далеко из трясины бил грязевой гейзер, похоже, тот самый, что заработал еще с вечера и все никак не мог иссякнуть. А может быть, другой. Сельва дышала. Там, откуда она отступила при последнем выдохе, простиралась широкая полоса грязи, окаймляющая необозримую корич-

нево-зеленую стену зарослей. Стену осточертевшую. Стену, готовую к броску, колышащуюся, будто от ветра, хотя ветра не было и не могло быть ветра, способного заставить сельву колыхнуться — сельва не обращала внимания даже на ураганы, изредка достигавшие гор. Она была безгранична. Она была равнодушна ко всему постороннему, как бывает равнодушно большое животное к судьбе насекомых, хрустящих у него под ногами.

Сельва дышала. Ошеломляющая вонь гниения перебивалась острыми запахами жизни, чужой, странной и страшной для всякого осмелившегося углубиться в топкие чащи или не успевшего уйти от прилива. Сельва шевелилась. Временами из темной глубины невероятно сплетенных ветвей по-змеиному выскальзывало гибкое корнещупальце ползучего тростника, тяжело плюхалось в жижу и, найдя незанятое место, мгновенно укоренялось, твердело и прорастало десятком жестких стеблей, очень похожих на земной тростник, если не знать их способности остановить вездеход, оплести его со всех сторон, играючи приподнять над топью, примериться и со смаком разорвать, как большого твердого жука... Стена двигалась. Коричнево-зеленое тесто ползло вперед. Начинался новый вдох.

Это был еще не прилив, сельва лишь просыпалась. Ворочалась. Накапливала силы. Еще день-другой она будет дышать, с каждым часом все размашистее, потом замрет на недолгое время — и ринется вверх, по камням, по голым склонам, по мутной остекленевшей слизи, оставшейся с зимних приливов... А может быть, и по вагончикам биостанции, есть такая вероятность. На прилив лучше смотреть откуда повыше, например, с той стороны разлома, стоять на краю и снимать на пленку, как падают вниз и корчатся на дне ползучие гиганты и чуткие ветвистые плотоядные, а еще как сыплются вниз колоссальные одноклеточные, упакованные в мембрану, поросшую отравленными иглами, как шарахаются от них коричневые фитофаги с рудиментарным фотосинтезом и слепые, но стремительные в атаке болотные гады, разбуженные всколыхнувшейся топью, — да мало ли безмозглых и бессмысленных тварей создано природой в припадке избыточности и неизвестно зачем, а ведь каждая форма уникальна, каждую беречь надо. Так же, как и себя от нее. Но после отлива подбирай все, что осталось — раздолье: иногда сельва позволяет людям считать себя объектом изучения, могла бы ведь и не позволить... Вот и сейчас, выдирая бахилы из клейкой гря-

зи, Симо привычно отметил незнакомый прежде вид фотосинтезирующей планарии и еще что-то мелкое, копошащееся в трясине и ничего путного не напоминающее. Животное. Пожалуй, новый отряд, а вернее всего, класс или даже тип. Поймать бы, подумал Симо, — Джулии показать, самому покорпеть... Но он хорошо знал, что не станет этого делать, потому что совсем рядом, в десяти шагах от живой стены, в грязи, увязнув в ней основанием, стоял вариадонт.

Судя по всему, он стоял уже давно — должно быть, приполз сразу после толчка, еще до рассвета, и Симо проклял себя за то, что не рискнул выйти под ливень — ну пусть бы сбило с ног... Это действительно был Третий. Он ждал.

— Привет, — сказал Симо.

Тетраэдр задвигался: не то приглашал к разговору, не то просто устал быть тетраэдром. Нет, все-таки приглашал. Симо почувствовал покалыванье в висках, что-то теплое пришло и вдвинулось в мозг — вариадонт налаживал связь.

— Ты хоть из грязи-то вылези.

Третий скруглил углы, сплющился с боков. Симо моргнул. Теперь к нему, медленно раздвигая грязь, катилось огромное рубчатое колесо: не иначе, вариадонт где-то у границы подсматривал за армейским вездеходом. Очень похоже. Только к тем колесам грязь липла, а к этому — нет. На твердой почве колесо завалилось набок, подпрыгнуло, будто резиновое.

— Все шутишь, — сказал Симо. — Не до шуток ведь тебе, знаю. Тоже вроде нас, только что врать не умеете... Ты ведь спросить пришел, так я жду, спрашивай...

Он знал, о чем спросит Третий. Вариадонт, он же кучевик, он же нуклеед, каких только названий им не выдумывали, а до сих пор ни одного годного, каждое каким-то боком равняет их со зверьем. Вариадонт. Зверь-де, меняющий форму тела по своему разумению. Оч-чень исчерпывающе, знаете ли. Креодонт. Мастодонт. Глиптодонт. Глипт.

— А человеком можешь?

Колесо без видимых усилий встало, точно в фильме, пущенном в обратную сторону, потянулось вверх, вырастая в колонну, и колонна выпустила из себя, как выстрелила, отростки-руки и шар головы, лопнула снизу, формируя ноги. Человек. Вот только лица у человека не было — вместо лица была гладкая черная поверхность, матово отсвечивающая, как кожа, как искусственная кожа, еще не бывшая в употреблении, — иллюзия для непосвященных. Настоящей кожи у вариадонтов нет и никогда не было. Зато был

запах, резкий и специфический, и когда Третий шагнул вперед, запах прорвался сквозь дыхательный фильтр и ударил в нос, заглушая миазмы топи. Не запах — вонь, бежать от нее хочется. Это им повезло, подумал Симо. Неудивительно, что вариадонты не очень-то боятся сельвы — ну кто захочет пробовать на зуб существо с таким запахом? Разве что нарвутся на пограничный пост...

...Хруст ветвей, клацанье, писк брызнувшего сока или, вернее всего, крови. Долгий поросячий визг... Симо не повернул головы на хорошо знакомые звуки. В чаще происходило то, что и должно было происходить: один панцирный гад вскрывал другого. Урчал, пожирая. Природа... И вариадонты все еще по уши в этой природе, подумал Симо, никуда от нее не ушли, она же их и пожрет, как только найдется какая-нибудь тварь без обоняния. Вот Седьмого не видно уже которую неделю, да и Четвертый вчера был какой-то странный: подранили? Не нужно им в сельву лезть, совсем не нужно, да, как видно, придется...

А вопрос все нарастал, бился в черепной коробке, и было ему там тесно. Симо поднес ладони к вискам, зажмурился, привычно напряг и расслабил мышцы шеи. Он был готов к передаче. Он уже знал, что ответит. И знал, о чем попросит. Никогда бы раньше не подумал, что придется о чем-то просить вариадонта... Да, в лучшем случае придется туго. Если очень повезет, то будет туго. А в худшем случае — не будет Процесса, не будет вариадонтов, не будет Симо Муттика. Радиоактивного горизонта и то не будет, выскребут его мало-помалу, а вот тут, например, вот на этом самом месте, где мы с тобой, Третий, стоим, возведут горно-обогатительный комбинат, и потекут от него составы на ту сторону, в Северный Редут. А вон там будет огромный карьер, здесь у нас под ногами такое лежит... Ты знаешь, что такое карьер? Сейчас я его представлю — вид сверху — и ты поймешь... Теперь понял? Здесь будут люди, много людей, они и сельву заставят отодвинуться, насколько смогут. Но прежде будет последний взрыв, и тоннель выйдет наружу. Будет, наверное, радиоактивное облако, но это совсем не та радиоактивность, что у вашего горизонта, и вам от нее лучше держаться подальше. А может быть, в вас станут стрелять. Объяснить тебе, что такое — стрелять?..

Вариадонт стоял неподвижно. Он ждал. Он привык ждать. Сначала, еще в Процессе, как только начал сознавать себя, он ждал очередного глипта. Потом ждал, когда выйдут из Процесса Четвертый, Пятый... Восьмой. Потом

стоял в грязи и ждал, когда же к нему наконец соизволит выйти Симо Муттик. Теперь он ждал, когда же этот бестолковый человек докончит свой бестолковый рассказ о других бестолковых людях, грызущих тоннели под горными хребтами — зачем? Должно быть, в свое удовольствие... Ничего он не поймет, с тоской подумал Симо, самому бы понять...

— Я понял. — Голос был негромкий, но явственный. — Продолжай.

Симо вздрогнул. Вот это да! — значит, они умеют и разговаривать... Интересно, чем? А как мы их учили, как старательно выговаривали слоги, пока не поняли, что телепатировать им и проще, и удобнее... И какие же мы кретины, если не уяснили до сих пор, что в вариадонтах куда больше непознанного, чем во всей сельве! А голос... Господи, да это же мой голос! То-то слышу — знакомое. Дрянь у меня, а не голос, блею, как старый козел, слушать не хочется. Но Чернов!.. Если он и после этого не захочет поверить, что перед ним разумная форма жизни, тогда он сволочь и остальным под стать. Пусть увидит Процесс, вот что. Глипт нужен...

— Мне нужен глипт, — сказал он вслух.

— Мало, — глухо возразил Третий. — Трудно найти.

Он уже пятился к придвинувшейся вплотную чаще — черный, неестественно прямой, — уже уходил, как всегда, неожиданно, легко вынимая из топи ноги, к которым не липла грязь, а ступней на ногах не было... Нужен глипт... Глиптов мало. Еще бы не мало, коли в последнюю войну их выбили на девять десятых: принимали, видите ли, за танки. Это в сельве-то — танки!..

— Ты слышишь! — закричал в чащу Симо. — Мне нужен глипт! Сегодня! Чернову!.. Я знаю, что их мало, но мне очень нужен хороший глипт...

Он попятился. Коричнево-зеленая стена наступала, нависала над ним, как океанская волна, тянула хищные ветви. Где-то там, в зловонной трясине пискнуло под ногой Третьего какое-то растение. И все смолкло.

2

С самого утра полковник Нуньес чувствовал себя неважно. Во-первых, полковника мучил кашель, неизбежный спутник сезона муссонов, — и не дал-таки уснуть ночью, несмотря на таблетки и дилетантскую попытку самогипно-

за; во-вторых, на краю стола лежал далекий от завершения полугодовой отчет, о котором командующий округом напоминал не далее как вчера, и это было непонятно, а непонятного Нуньес не любил. Да еще этот больной... Полковник озабоченно потер подбородок. Больной — это скверно. И непонятно, как беднягу угораздило подхватить — не в сельву же ходил... Как назло: который год все тихо и вот на тебе — пятнистая горячка, да еще с такой анемией, что хоть прямо в учебник. Жаль солдата — толковый, случайно сюда попал, — но тут уже ничего не поделаешь. Выраженные симптомы, и даже не поймешь сразу, плохо это или хорошо, что они сразу заметны? Наверное, плохо, коли врач кинулся бежать, едва увидев больного, и назад в лазарет светило медицины пришлось волочить силой и при непосредственном участии начальства в лице самого Нуньеса. Врач впал в истерику и только визжал и плевался, когда Нуньес орал ему в самое лицо, в бешеные глаза: «Твоя работа? Твоя работа, я спрашиваю!..» Толку не было.

О гарнизонном враче Нуньес не мог думать без тихой ярости. В военное время мерзавца следовало бы расстрелять перед строем, без суда и незамедлительно. Неужели же знал, подлец, что сыворотка скисла? Наверняка знал, брезгливо подумал Нуньес. Вор не вор, а разгильдяй и трус первейший. Заплевал весь лазарет. Не на пол наплевал, скотина полуштатская, — на службу. В карцере в потолок он давно не плевал, это точно.

Полковник промокнул лоб носовым платком и расстегнул китель. Утро выдалось жарким, кондиционер уже не справлялся. Днем будет еще хуже, если только не разразится ливень, а к вечеру станет уже совсем невыносимо, но за вечером придет ночь, и тогда, может быть, удастся уснуть. Если позволит кашель. И если сегодня за ворохом мелких дел найдется время закончить отчет. Ну, пусть не закончить, пусть только выделить главные моменты. Хотя бы в черновом варианте.

Он дотянулся до клавиши интеркома.

— Дежурный... Кхе!.. — И приступ кашля разразился, как всегда, совершенно неожиданно.

— Дежурный слушает. Доброе утро, господин полковник.

— Доброе, — соврал Нуньес, вытирая глаза. — Я еще когда заказывал документы из архива. Где?

— Они на вашем столе, господин полковник.

Нуньес скосил глаза на стол — действительно, все три

пластиковых листка на месте. Надо же, не заметил. Глупо и, пожалуй, обидно. Лишний повод к сочинению очередной байки для любителей устного словотрепа. Впрочем, сегодня дежурит хороший малый, этот не позволит себе лишнего, разве что отметит про себя, что хрыч Нуньес успешно переходит в новое качество: в хрычи старые, заслуженные. И это, надо признать, соответствует действительности. В линейной пехоте стариков не держат. А если тебе шестьдесят два, то о пехоте забудь и радуйся, что командуешь хотя бы пограничным участком, без перспектив повышения по службе и по уши в сельве. Унизительно, если знать, что сельва охраняет границу лучше любых постов, сколько бы их ни было, — а кто же этого не знает? Начальство, во всяком случае, знает. Но и в отставку пока не гонит. Это главное.

О значении слова «синекура» Нуньес лишь догадывался. Судя по конкретным признакам, его предшественникам это понятие было знакомо во всех приятных подробностях. Участочек оказался из рук вон, оторви и выброси, что же касается личного состава, то он, подобно всякой изолированной системе, уверенно стремился к нулевой энергии и вполне в этом преуспел. Нуньес впрягся в службу как вол и о начальном периоде командования участком отзывался кратко: чистил нужник. Для дам он на всякий случай держал в памяти «авгиевы конюшни», однако дам на участке не было, а тех существ последнего разбора, что поначалу были, язык не поворачивался назвать дамами, и Нуньес с особенным удовольствием вышвырнул их с заставы при первой возможности. В него стреляли: кто-то, пожелавший остаться неизвестным, пустил в полковника две пули — обе мимо. Нуньес не стал выяснять, кто это сделал. Он знал, что когда хотят убить — убивают. Вместо этого он добился замены большей части младших офицеров и сержантов — как ни странно, это удалось, — и в конце концов смог констатировать некий минимум порядка, который и старался поддерживать, не особенно рассчитывая на большее. На него писали кляузы, всегда остававшиеся без последствий. Раз в полгода он сам писал отчет «о положении дел» с грифом: «Секретно. Лично.» — по обязанности и без энтузиазма, ибо хорошо знал, что насчет секретности еще таксяк, а что касается «лично», то вряд ли командующий лично вникает в каждый документ подобного рода, и правильно. Он был забыт, это кололо самолюбие, но пока устраивало. И вот — начальство вспомнило, что есть еще та-

кой Нуньес, и вместо того чтобы попросту гнать вон со службы, торопит с очередным отчетом. Почему? Об этом полковник еще успеет подумать, но сперва нужно разгрести текучку.

— Дежурный! Вы слышите меня?

— Еще что-нибудь, господин полковник?

«Еще что-нибудь!..» Наглец. Тон, как у официанта. Наказать? Нет, пока рано. В линейную бы пехоту его, суток на трое в сельву с полной выкладкой, да чтобы без жратвы... Сдохнет ведь. Молодежь, одно слово.

— Еще вот что, — хмуро сказал Нуньес. — Сегодня же эвакуируйте больного. Да, вы. Вертолетом. Займитесь этим немедленно. Что? Это как понимать: «если позволит погода»? Пусть позволит. Запомните себе на будущее: плохая погода бывает только для разгильдяев.

Вот и хорошо, что вы поняли. Далее. С больным полетят двое сопровождающих, выберите их сами из резервной смены. Еще полетит врач. А меня не интересует, захочет он или не захочет. И не интересует его невменяемость. Тогда так: еще двое сопровождающих полетят с врачом. Пусть получит в медицинском управлении новую партию вакцины, вы поможете ему составить заявку, если он забыл, как это делается. Кхм... Кха! Кашель, черт... Вакцина сегодня же должна быть здесь. Сегодня же. И врач тоже. Нет, не «пусть он катится к чертовой матери», а пусть сегодня же проведет повторную вакцинацию всего личного состава. Да. Я сказал: всего личного состава. Полностью. Ответственный — вы лично. Это все.

Полко́вник снова закашлялся и, прочистив горло, сплюнул в носовой платок. Вот гадость. А ведь после прививки станет еще хуже. Люди будут недовольны, и трудно их за это осуждать. Но аверс аверсом, а с реверса отчетливо маячит пятнистая горячка — та еще хвороба, верный и мучительный конец. Вакцина спасает от пятнистой горячки, зато делает человека крайне восприимчивым к обычным простудам, это бы еще ничего в сухое время года, но теперь пошел муссон, и значит, уже завтра личный состав будет едва волочить ноги. Вакцина — дерьмо... И жара. Страшно подумать, что будет там, снаружи, когда солнце взберется повыше. Особенно завтра, после прививки. По-видимому, единственной работоспособной единицей на всем участке останется полковник, строчащий полугодовой отчет. Трогательная картина.

Он подошел к окну, скосил глаза вниз. Оттуда, с пря-

моугольной площадки, отвоеванной у сельвы под плац, забетонированной и расчерченной в соответствии с назначением, поднимались торопливые дрожащие испарения. В тени старой башни, реликта эпохи Второго Нашествия, ныне увенчанной крутящейся антенной станции дальнего обнаружения, досыхали последние, самые стойкие лужи. Двое солдат с натугой катили через плац гигантскую кабельную катушку, их движения были плавны, как в замедленном кино. «Мухи дохлые», — определил Нуньес. В катушке было куда больше жизни, чем в солдатах, она проявляла норов и стремилась покатиться в направлении, солдатами не предусмотренном. Полковник отогнал мысль о том, что было бы с ним самим, вздумай он спуститься вниз. И здесь-то не продохнуть... Скверный сезон. Муссонные ливни все похожи один на другой. И еще они похожи на конец света. Но сельве того и надо.

И вот пожалуйста! — на плацу опять свежая трещина. Спрашивается: откуда? Вчера ее здесь не было, это точно. Не иначе, опять из земли лезет какая-то дрянь, ей двухметровый бетон вроде скорлупы для любителей яиц всмятку. Санобработка? Да, и чем скорее, тем лучше. Полковник поморщился. Излучатели выжгут всякую жизнь на пятьдесят метров вглубь, но, конечно, лишь на время. В муссонный сезон эту процедуру необходимо повторять как минимум раз в неделю. Плохо то, что излучатели портят плац: бетон крошится, рассыпается в неприятную вонючую пыль, и плац потом выглядит как обгаженный. Не дай бог, командующий округом затеет инспекционную поездку — сгореть от стыда полковнику Нуньесу.

Сельва, кругом сельва, до горизонта во все стороны, кроме севера — там она только до гор. Сельва бессмертна. У нее тысячи способов расправиться с человеком, и поэтому углубиться в нее хотя бы на пять шагов способен лишь самоубийца или буйно помешанный, каких здесь, слава Лиге, пока еще не держат. Каждому доводилось видеть, как легко и вместе с тем мощно движется, нависая над чащей, шагающий баньян и отвратительное месиво словно бы раздвигается, угадывая, где он ступит, и давая ему ступить. Несуразный глипт в шишкастой броне ползет напрямик, с треском валит подгнившие деревья, оставляя за собой развороченную просеку. Там, где он прошел, могла бы получиться хорошая вездеходная трасса — только сельва не даст. Для этого в ней слишком много жизни.

Можно каждый месяц выжигать вдоль границы конт-

рольную полосу. Если хорошо выжечь и если на ней не укоренится баньян, ее действительно хватит на месяц. Потом — снова, и так без конца. Жечь, травить дефолиантами, выметать излучателями все живое — в золу и пепел. Надолго ли? Сельва упорна от рождения, гораздо упорнее людей. На соседних участках контрольной полосы давно уже не существует, линия границы условна, как мнимое число, и на это обстоятельство не устают выжидательно намекать подчиненные. Дьявольский соблазн. Люди не понимают, что они охраняют и от кого. По эту сторону хребта Северный Редут формально владеет куском территории, до которого еще ни у кого не дошли руки — потому и владеет. Между прочим — потенциальный противник, несмотря на то, что уже лет двадцать как полноправный член Содружества и плюс к тому формальный доминион Земной федерации. Но их людей здесь нет, если не считать каких-то биологов в предгорьях, да и те не северяне, а из Межзоны, как-то их там терпят. Больше никого. У полковника Нуньеса нет коллеги по ту сторону границы. Это плохо. Такая служба оскорбляет командный состав и разлагает подчиненных. У них есть задачи, текущие и на перспективу, но нет цели, придающей службе значимость и видимый смысл. Людей трудно винить, но необходимо. Подчиненные не понимают, за спиной полковника делают неприличные жесты, сочиняют похабные анекдоты и думают, что одеревеневший на службе Нуньес ничего не видит. Один из этих сочинителей пустил в него две пули. Его пытались напугать — что ж, на службе случается всякое. И тем не менее, полковник не считает своих людей сбродом. Просто они не могут дать ответ на мучительный вопрос: *зачем*? Нет ответа. И, наверно, не будет, и не надо его искать, ответ этот. Служить надо.

Он переждал приступ кашля и вернулся к столу. Сначала дело, нытья на сегодня уже хватит. Отчет — тоже дело, и дело первейшей важности, когда отчетом интересуется лично командующий. И он не скрыл того, что интересуется потому, что заинтересовались в высших сферах, похоже, даже в генштабе. Непонятно, зачем им? Совсем темный лес, вроде здешней сельвы. Что они там хотят выудить из этого отчета? Уж, наверное, не то, что гарнизонный врач скотина, не исполняющая прямых обязанностей. Тогда что?

Дана подсказка: случай с нарушением воздушной границы, очень неприятный случай. Нуньес не любил о нем

вспоминать. В свое время и начальство о нем не вспоминало, то есть настолько, что вообще не отреагировало, хотя по убеждению полковника отреагировать следовало бы, и самым крутым образом. Случай был скандальным, до сих пор сидел как заноза, и хотя обошлось без видимых последствий, но дураку было ясно, что об этом еще вспомнят... Вспомнили — но странно. Об отставке ни слова. Само собой очевидно: ждут не оправданий и, вероятно, даже не анализа бездарных действий дежурной смены, не говоря уже о предложениях по совершенствованию порядка боевых дежурств. Ждут чего-то иного, а если подумать, то все это очень похоже на тотальный сбор информации, настолько систематизированный, что задействованы все каналы сбора, даже самые гиблые... Знать бы еще: какой информации? И на кого?

Полковник недовольно посмотрел на тощую пачку исписанных листков. Отчет называется... Нет, строго говоря, нормальный отчет «о положении дел на вверенном...», ну и так далее, по стандарту. Даже против обыкновения позволил себе кое-какие предложения касательно «совершенствования порядка»... Нуньес поморщился. Дельные, между прочим, предложения, а придется все же убрать, чтобы у высших сфер не застревал глаз на том, на что они заведомо не обратят внимания.

Итак. Нуньес перетасовал три полученных из архива листка и выбрал наугад. Короткий текст оказался рапортом давно уже сплавленного отсюда солдата, и с первого взгляда было видно, что документ составлен не по форме.

«По тре. плк. Нониуса от младшего оператора радарной службы рядового Ф. Р. Мбеле. Доклад...»

Полковник механически исправил Нониуса на Нуньеса, зачеркнул слово «Доклад» и вписал: «Рапорт». Дальнейшее он решил не править. В официальном интерсанскрите рядовой Мбеле путался, как водолаз в водорослях, но пиджин-санскритом владел и писал на нем следующее:

«...В соотв. с росписью дежурств 8 юня 91 г. Лиги около в 11 ч. 29 м. едного времени мною был замечен двигание летательного объекта в направе приблига к гран. В наиточном соответстве с инструкцией (номер инструкции) я произвел немедля вложение всех параметр полета предположной цели в следячий контур и доложил. Все без исключ. указания которого дежурного офицера четкоточно сполнял вдальнейшем. Случаем пользуюсь докласть факт о том, что жидкость для протира экранов операторам не дают почему

не знаю, которые потому упыляются и не обеспечают надлежного слежения. Рядовой Филипп Реджинальд Мбеле». Резолюция — прочерк. Дата.

Вот так, подумал Нуньес и хмыкнул. Себя — полным именем, а полковник у него Ноний. Болвану лучше быть скромным, пыжащийся болван слишком похож на сувенир: дорого стоит и ни на что не годится. И правильно, что нет резолюции. Какие тут могут быть резолюции? Отчитать дурака в устной форме, заставить вызубрить инструкцию, чтобы впредь знал, что делать в первую очередь при обнаружении цели. Обругать за жаргон в официальном документе. Жидкости для протирки экранов не давать: не хватало еще пищевых отравлений, — а вместо этого назначить рядового Филиппа Реджинальда, как его там, на три внеочередных дежурства. Кажется, так и было сделано.

Полковник вздохнул, отложил листок на край стола и перешел к следующему. Второй документ был рапортом дежурного офицера лейтенанта Риттера из той же злосчастной смены. Первые строки Нуньес пробежал вполвзгляда. «Объект-нарушитель был замечен над южным склоном хребта Турковского уже в непосредственной близости от границы...» Так. Параметры полета на момент обнаружения... азимут... угол места... скорость полета... Ого! Далее: относительная высота... Так. Снижение. Маневр. Первый вывод: «Нарушитель осуществил пологое пикирование с одновременным глубоким разворотом вправо и через 20 секунд после вторжения вторично пересек линию границы и покинул охраняемое воздушное пространство, двигаясь на малой высоте в направлении азимута 310 градусов. Исходя из параметров полета, а также вариаций эффективной отражающей поверхности, можно утверждать, что нарушителем являлся боевой одноместный флайдарт класса «джокер» типа «Е» или более поздних модификаций...»

Так. Нуньес пробежал еще несколько строк и устроился в кресле поудобнее. Дальнейшее он помнил очень хорошо, но все же следовало вчитаться еще раз.

«...Таким образом, по вине дежурного оператора рядового Мбеле боевая тревога была объявлена с опозданием на 30—35 секунд. За это время нарушитель успел вторгнуться в охраняемое воздушное пространство и начал разворот, очевидно намереваясь в возможно более короткий срок выйти за пределы зоны поражения. Поднятое по тревоге зенитно-ракетное подразделение обеспечило готовность к пуску ракет в соответствии с установленной нормой времени,

однако к этому моменту нарушитель находился уже в воздушном пространстве Северного Редута, удаляясь вглубь его территории на крайне малой высоте, и через 70 секунд после вторичного пересечения границы радарный контакт с объектом-нарушителем был потерян. В связи с этим обстоятельством мною была дана команда отбоя боевой тревоги...»

Нуньес заерзал в кресле. Вот в чем была главная ошибка Риттера, а вовсе не в том, что перед экраном у него сидел дурак. И даже не в том, что Риттер в горячке не успел сложить два и два, а потому не вспомнил, что «джокер Е» в силу своих исключительных летных качеств способен уйти от атаки зенитными ракетами и надо было задействовать лазерный пост... Самое печальное для Риттера случилось минуты через две после отбоя тревоги, когда локационщики искали, кто виноват, а зенитчики, скучно ругая Нуньеса — а кого же им еще ругать, — зачехляли свои ракеты. В это самое время флайдарт-нарушитель снова пересек границу и несся на сверхмалой высоте, практически повторяя свою первоначальную траекторию. Суета боевой тревоги повторилась во всех подробностях и с тем же успехом. Что-либо предпринимать было поздно. Нарушитель преспокойно удалился в сторону южных владений Редута, сразу после пересечения границы сделал горку метров на восемьсот, и дальнейшая траектория его полета была классифицирована как посадочная глиссада.

Нуньес даже застонал от досады: вот тут бы Риттеру и сбить нарушителя — на горке! Пусть даже над чужой территорией — полковник Армандо Нуньес сумел бы отстоять своего подчиненного. А так — пришлось наказывать. Риттер мог бы и сообразить, а по должности просто обязан был догадаться, что нарушитель обязательно пойдет на второй круг — иначе где ему там сесть? В сельву? На горы? Уже на первом заходе можно было понять, что нарушителя из Редута интересует своя территория. Свой собственный пятачок, на который еще надо сесть. Ну ладно, флайдарту высокого класса не нужна необъятная посадочная полоса, но при всем том он не вертолет и не летающая платформа, чтобы садиться на любую ровную лысину. Он просто выжег себе посадочную полосу где-нибудь на краю сельвы, а чтобы сесть, ему нужен был второй заход. С его радиусом разворота он непременно должен был еще раз войти в охраняемую зону и еще раз подставить себя под вероятный удар. Вернее — под маловероятный, учитывая полную деморализованность Риттера. Умно. Отлично спланированная

акция, со здоровенной дозой разумного нахальства. И время выбрано удачно: за несколько недель до летнего муссона, иначе торчать бы тому флайдарту в болоте по самый стабилизатор...

К концу рапорта Риттер не удержался и съехал на оправдания и объективные обстоятельства, что в глазах Нуньеса выглядело совсем уже неприлично. Хлюпик, щенок скулящий... Резолюция: «Аргументы неубедительны. Лейтенанта Риттера предупредить о неполном соответствии. Капитану Нильсену принять необходимые меры к обеспечению надлежащей боевой подготовки вверенного ему подразделения. Нуньес».

Спускал на тормозах. А что еще было делать?

Полковник опять вздохнул. Последний документ он читать не собирался: помнил наизусть. Это был рапорт самого Нуньеса, обращенный к командующему округом. Не рапорт — крик души, черт знает что. Хорошо, не подал сгоряча в отставку, а ведь мог бы... Две недели спустя, когда о нарушителе уже и думать забыли, тот самый флайдарт — а откуда там взяться другому? — вновь вынырнул из южных земель Редута, легко, у всех на виду пронесся на взлетном форсаже чуть ли не над самой заставой и в считанные секунды скрылся за хребтом Турковского. Как назло, лазерный пост погряз в регламентных работах, а от ракет, впопыхах пущенных вдогон, нарушитель, конечно же, ушел в какое-нибудь ущелье. Ясно же, пилот высочайшего класса, таких один на две-три сотни. Он и в эту сторону летел ущельями, иначе быть бы ему обнаруженному за триста километров, гореть бы ему дымным огнем сразу после пересечения границы... Мастер. И опять-таки налицо все приметы тщательно спланированной и подготовленной операции. Не говоря уже о тщательности исполнения.

А виноват Нуньес. Виноват, потому что не задумался над простым вопросом: а что он делал, этот пилот, по южную сторону хребта? Где он жил эти две недели, не вопрос — у биологов он жил, — а вот чем он там занимался? Именно пилот, не кто-нибудь: в «джокер Е» два человека не поместятся физически. Учил биологов пилотажу?

Транспортная операция, вот что это такое. С целью доставить специалиста в интересующее кого-то место, не привлекая излишнего внимания ни к месту, ни к специалисту, потому и замаскированная под нахальный разведполет. Ясно, отчего выбран флайдарт: никакая летающая платформа не в состоянии перевалить через хребет, кишка тонка, а

что касается космических средств, то у Редута всего один корабль, да и тот грузовой мастодонт, там ему не сесть. Правда, и «джокер Е» с навесным ускорителем способен выходить в ближний космос, но на посадке сделает такой круг, что будет испепелен над чужой территорией задолго до вхождения в тропосферу. Неудачные задворки у северян, прямо скажем...

Тихонько дзенькнули стекла. Задрожал письменный стол, пополз по нему рапорт рядового Мбеле. Дурнота накатила было, но отхлынула. Какого черта...

— Кха!.. Хгм. Дежурный, вы что-нибудь почувствовали?

— Толчок, господин полковник. Уже второй за сегодняшний день.

Да, верно. Откуда они взялись, эти каждодневные толчки? Не было же раньше. Ну ладно, это мы потом, а сейчас не худо бы выяснить насчет того пилота, лучше поздно, чем слишком поздно. А что? Заказать полную информацию о пилотах высокого класса, затребованных Редутом за последние три-пять лет, и в особенности об их смежных специальностях... Допуска нет, не дадут. Еще доложат: суется старый пень не в свое дело, подозрительно... Разве что через Пикара? Круто он пошел в гору с тех пор, как я его вытащил, а сам, небось, думает, что выплыл без помощи Нуньеса, и в свои тридцать семь уже полковник службы информации с хорошими связями. Прыткий, как всякая сволочь. Что ж, напомнить не помешает, хотя, конечно, риск... Да что там риск, противно это, как ногой в дерьмо... а придется. Лучше ногой, чем мордой, тут и думать нечего. Как-нибудь оботремся.

— Дежурный! Соедините-ка меня с полковником Пикаром...

3

— Ого, — взгляд Чернова прилип к шкале индикатора, вшитого в рукав скафандра, — тридцать рентген в час. Здесь всегда так?

— Не всегда, — сказал Муттик. — Иногда больше. Скафандры держат. Ты смотри, смотри, как они его...

Глипт был еще жив. С полдесятка ложнокрылов уже обсели его, как москиты, завязнув бивнями в спинной броне. Остальные пока кружили высоко: были еще сыты позавчерашним зверем, оказавшимся на редкость упитанной ту-

шей. Некоторые вообще не покинули верхушки скалы — торчали черными изваяниями, абсолютно неподвижные, и издали напоминали обыкновенных птиц с не в меру развитым клювом — вроде марабу. Не спешили. Глипт крутился на месте, как тяжелый танк с перебитой гусеницей, взревывал и явно не понимал, что с ним происходит. Он был стар. Он хотел жить, он и приполз, чтобы жить — сюда, где растения-карлики, подступившие к осыпи, вырастают гигантами, а гиганты бессильно стелятся по земле, он тащил свое тело прочь от пограничных постов, унося неразорвавшуюся противотанковую ракету, ушедшую в бок по самое сопло. Пожалуй, он еще мог бы спастись, повернув назад, но Симо знал, что глипт не повернет. Не догадается, тупорылый, не сообразит костным мозгом — а другого у него нет — и потому обречен стать частью Процесса, сырьем Процесса, углем в разгоревшейся топке. Третий — молодец, не подвел, зверь что надо. Больной, конечно, но ведь здоровый к радиоактивному горизонту не полезет. Вылечат его здесь, сей момент... Не зацепили бы ракету, вот что. Все-таки уму непостижимо, какая медленная тупость, какая косная животная сила толкает Процесс, выбрала Природа тех, кого не жалко. И ложнокрылы тоже тупы на редкость, летающие бронебойные тараны, что с них возьмешь — сыты они, видите ли, жрать не хотят. Чернов уже устал стоять, уже глядит понимающе, готовый принять извинения, — ничего, мол, в другой раз... «Ну давайте же! — мысленно взмолился Симо. — Ну, вниз, вниз... Все вместе! Хорошенько его!..»

Есть! Незабываемое зрелище, когда пикирует вся стая — словно россыпь управляемых бомб. Бивни вниз, отброшенные за ненадобностью крылья — кружащиеся лепестки, подхваченные ветром. Новые отрастут уже на земле, в считанные секунды. Ложнокрылы развивают в падении невероятную скорость; забавно смотреть, как они перестраиваются в воздухе, стараясь не помешать друг другу... Тук! Тук-тук! Тук-тук-тук-тук!.. Звук пулеметной очереди. Крррр... Так его!

Спина глипта лопнула в десяти местах разом. Брызнули фонтанчики синеватой жидкости. Глипт замычал, долго, мучительно... Он еще боролся, еще дышал... все слабее, слабее...

— Хм, — сказал Чернов. — Ты мне хотел показать именно это?

— И это тоже. Но самое интересное будет потом, когда съедят. Они быстро.

— А мы для них случайно не съедобны? — попробовал пошутить Чернов. На агонизирующего глипта он старался не смотреть.

— Ты натурализован? — спросил Симо.

— Дурацкий вопрос, извини. Да, конечно.

— Значит, съедобен. Но ты не беспокойся, нас они не тронут.

Глипт содрогнулся в последний раз и упал на брюхо. Сверху в него уже вгрызлись, когтистые лапы выдирали прочь обломки спинных щитков.

— А почему, собственно, они нас не тронут?

— Глупые...

Маленький ложнокрыл с обломанным бивнем прыгал возле самых ног, видимо, не решаясь приблизиться к туше. Квохтал что-то.

— Иди, иди, дурачок, — ласково сказал Симо, — туда иди, там всем хватит... Старый знакомый, — объяснил он Чернову. — Вздумал однажды спикировать на вездеход, сломал бивень. Он теперь пария, Джулия его подкармливает.

— Может быть, ты его отгонишь? — сказал Чернов. — Дрянь какая...

— Сам ты дрянь, — весело фыркнул Симо. — Гидролух ты, Борька, а не гидролог, красоты не понимаешь. Ладно, ладно, отгоню, не мучься... Пшел! Пшел, дурачок! Фьють!..

Ложнокрыл запрыгал прочь — у туши глипта зачем-то сбросил крылья и мелко-мелко затряс головой — явно канючил. Глипт уже не был глиптом. Он был сочащейся пищей, огромным мясным складом, отданным на разграбление, вскипающей муравьиной кучей, потревоженной упавшей веточкой. Куча заметно оседала.

— Жрут, — сказал Чернов и прищелкнул пальцами. — Ты прав, на пленке это выглядит не столь гомерически. Но я думал, они умеют быстрее.

— Торопишься? — спросил Симо.

Чернов промолчал. Только переступил с ноги на ногу.

— Значит, торопишься...

Глипт исчез. Последним взлетел ложнокрыл с обломанным бивнем, тяжело покружился в небе, опробуя новые крылья, и наконец угнездился. На него квакнули, и он попятился к краю скалы. И почти сразу же из сельвы вышли вариадонты.

— Конвой, — объяснил Симо. Он всматривался, угадывая. Так... Четвертый, Первый и, естественно, Восьмой. А

вон тот, кажется, Пятый. Свита более чем пышная — в честь Чернова. Но Третьего почему-то нет. Интересно, где Третий?

— Ну вот, смотри, как это бывает...

Останки глипта неторопливо шевелились. Удивительно мало оставляют после себя ложнокрылы: щитки панциря, кости, часть системы выделения и еще одно... Знать бы: зачем глипту этот орган? Туман. Мертвый зверь ничего не дал, а с живым глиптом в лаборатории не поэкспериментируешь, скорее, он сам поэкспериментирует с лабораторией. Пока что по умозрительным построениям получается, что речь идет о древнем рудименте со странными свойствами, вроде способности к самостоятельному передвижению. Гм... когда не знают, как вписать работу непонятного органа в расхожие представления о метаболизме, обыкновенно списывают на рудиментарность. Одно ясно: не мозг. «Суборганизм икс»... Джулии это название почему-то не нравится, а Ахмет и вовсе позволил себе охарактеризовать уровень фантазии, доступный начальнику биостанции. Вольфганг, правда, промолчал. Он молодец.

Черный блестящий комок размером с голову человека, ритмично сокращаясь, полз точно к Восьмому. Пока все шло как обычно, Симо видел эту картину двадцать раз воочию и сотни — в записи. Теперь, притемнив забрало скафандра, он исподволь наблюдал за Черновым. Ничего... Ну, то есть, совсем ничего, никакой реакции. Можно подумать, что Чернову неинтересно. Стоит себе человек, смотрит на Процесс как на пустое место, как на осточертевший пейзаж в окне, но пейзажа не видит, а мучительно размышляет: куда же он, черт побери, подевал свои тапочки... А может быть, хоть на Чернова и не похоже, просто вспоминает последний толчок, содрогается внутренне, что вполне естественно, и думает о том, как бы поделикатнее унести отсюда ноги. Обидно.

Восьмой двинулся навстречу комку. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, как два притягиваемых друг к другу магнита, и наконец последний стремительный рывок... Чмок! Удивительно сочный звук соприкосновения. Черного комка не стало, и Восьмой замер. Теперь он стал немножко больше.

— Это — все? — спросил Чернов.

— Все, — разочарованно ответил Симо. — Прирос. Это шестнадцатый по счету, а всего нужно девятнадцать. Теперь он поползет на осыпь и будет часа два заряжаться, да

и остальные тоже, так что мы можем идти. Когда они едят, с ними без толку разговаривать — не ответят. Или, может быть, подождем?

— Ну-у... — с сомнением протянул Чернов, — вряд ли это интересно. И потом, я читал твои отчеты. Ты мне вот что скажи: ты всерьез полагаешь, что они разумны?

Ну вот, мрачно подумал Муттик. Опять начинается, в который уже раз. И кто — Борька Чернов!

— Ты же читал мои отчеты...

— Мало ли, что я читал.

— Они немножко больше, чем разумны, — сказал Симо, сдерживаясь. — Они мудры. Мудры, как дети, если это не смешно звучит. В сущности, они и есть дети. Редкие, гениальные дети, феноменальные младенцы. Ты видел рождение, поздравляю.

— Это не похоже на рождение, — сказал Чернов. — Это похоже на басню с моралью. Чтобы стать мудрым, необходимо чтобы тебя съели. И даже не один раз. Так?

Пришлось улыбнуться:

— Ну... примерно.

— Спасибо, что показал. В последний раз ведь.

Симо похолодел.

— В последний, в последний, — кивнул Чернов. — Станцию будем эвакуировать. Ну что, двинулись?

Двинулись. Красный столбик на индикаторе радиоактивности потихоньку пополз вниз. Одиночные камни, вывернувшиеся из-под ног, неторопливо скатывались по осыпи. Симо плелся сзади, стараясь не смотреть на мелькающую перед глазами начищенную оскафандренную спину — зря старался Ахмет. Зря молчал как убитый, терпел и только кивал, поддакивая, зря старалась Джулия, зря Вольфганг тяжеловесно пытался услужить. Все впустую, болотному гаду под панцирный хвост. Не тот Чернов, совсем не тот, что лез в пекло на Юнии, и даже не тот, каким был на Капле. Начальство. Молодое, еще горячее начальство, не без спеси, любит принимать решения даже там, где это не обязательно. Попирает землю, человече. К тому же спасатель по натуре: на Капле спас и теперь тоже тщится, а когда спасаемый упирается и намерен утонуть, его глушат кулаком по темени и выволакивают на берег за волосы, это всем известно. Веди себя смирно, выполняй что приказано, сам не тони, пока не топят, и не вовлекай подчиненных. Уяснил?

Нет.

Ну, тогда заставим...

Капля, Капля... Симо на ходу помотал головой, отгоняя видение. Стойкий сюжет ночных кошмаров: разъедаемый тонущий плот, жгучие брызги, слетающие с таранящих волн, плевки едкой пены, и горизонт горит — что там может гореть?! — а вокруг только океан, зеленые воды, наполненные жизнью до самого центра планеты, и где-то там, уверенно и неотвратимо, наматывая на винты чужую жизнь, идет к цели ядерная торпеда, наделенная искусственным интеллектом... Симо еще поморгал, и видение пропало.

— Зря ты меня тогда вытащил, вот что.

— А? — Чернов обернулся. Симо догнал, пошел рядом.

— Борька, — хрипло попросил он. — Давай так: ты меня не видел, а? Не нашел, не долетел, не передал. Гукнулся в сельву, застрял, пришлось вернуться. Годится?

Чернов натянуто улыбнулся. Покачал головой.

— Раньше надо было думать, Симка. Теперь поздно. Не сегодня завтра здесь будет полно северян. Это их территория.

— Нет, — сказал Симо. — Это не их территория. Это вон чья территория, — он показал через плечо. — Только их и ничья иная. Это единственное место на планете, где возможен Процесс, и ты это понимаешь не хуже меня. Где ты еще видел превращение неразумного в разумное? Вот и не увидишь нигде через несколько дней, голову даю на отсечение...

— Это почему не увижу? — спросил Чернов.

— Убьют их, вот почему! — не выдержал Симо.

— Ну-ну. Вот так сразу и убьют... — Чернов поморщился. — А зачем их, собственно говоря, кому-то убивать? Чепуха. Пошлем от Академии официальное обращение к правительству Редута. В связи с исключительной научной ценностью... ну и так далее. Я добьюсь. Слово.

— Подотрутся они твоим обращением, — сказал Симо. — Каплю забыл?

— Ну, Капля — это аномалия. Когда начинают делить жидкую планету...

— Когда начинают делить твердую, бывает то же самое. А мы тут... «В связи с исключительной научной ценностью...» — Симо фыркнул. — Мне вообще последнее время кажется, что в Академии разучились думать. Никак не могут понять, что вариадонты ценны сами по себе, а вовсе не потому, что мы ими интересуемся. Да не очень-то и интересуемся, право слово.

Чернов поднял бровь, молчал. Симо отвернулся, скрывая злость. Надо же, как смотрит, ждет, что подчиненный сам поймет неуместность своих слов... Не дождется.

— Академия занимается вопросами комплексного освоения планеты, — заговорил наконец Чернов. — Освоения, заметь, это существенный момент. А не наоборот. Ты что намерен предложить, только без соплей, — заповедник?

Симо махнул рукой:

— Не мечтаю. Тут Редут устроит заповедник... Но хотя бы... Борька, я прошу тебя, ты же можешь... Сохрани мне станцию, больше мне ничего не надо, только станцию...

— Вот эту? — показал Чернов. Развалины вагончика были уже видны вполне отчетливо. В развалинах копошились три крошечные фигурки, издали было не разобрать, где кто. Пытались что-то спасти.

— Станция — это не вагончики, — возразил Симо. — Станция — это люди. Люди, делающие свое дело и готовые делать его впредь. Нормальные люди.

— Вот-вот, — сказал Чернов. — Значит, ты, сам нормальный, хочешь рискнуть своими нормальными для того, чтобы уберечь этих твоих... как их...

— Вариадонтов.

— Вот именно, вариадонтов. Прикрыть, значит, телом, причем не только своим... молодец! Да ты хотя бы представляешь себе, что здесь будет твориться в тот момент, когда тоннель выйдет наружу?

— Нет, — зло сказал Симо. — Не представляю. А что здесь будет твориться?

— Сдохнешь, идиот! Если тебе на себя наплевать, то мне нет. И ставить Академию, да что там — всю Межзону в дурацкое положение я тебе не позволю. И мне не позволят. Понял?

— Значит, нет? — спросил Симо. — Значит, никакой надежды?

— Ее и не было, — сказал Чернов. — Я тебя, кажется, не обнадеживал.

Верно. Симо почувствовал себя опустошенным. Не обнадеживал. Сейчас придем, Чернов скомандует собираться, все будут смотреть на меня, а я не буду знать, что сказать. А Чернов скажет: «Мы сюда еще вернемся», — и все поймут, что это ложь и что мы не вернемся сюда никогда. Почему же он ничего не понял, Чернов? Ведь понял же тот пилот, а уж на что, кажется, заурядный малый... Может быть, Чернов испугался? Может быть, дошел своим умом,

какие для кого-то откроются возможности, если гипотеза верна и восемь вариадонтов, как только будет готов Восьмой, сольются в единый сверхорганизм-супермозг? Ужаснулся, замахал руками: не хочу, мол, не надо... А может быть, просто дорожит своим местом — чем же еще и дорожить, когда жизнь привычно вне опасности? Нормальный человек, налицо нормальная логика...

— Ну вот что, Борька, — Симо прибавил шагу, оглянулся через плечо, — имей в виду: я отсюда никуда не лечу. Никуда, ты меня понял?

4

Томмазо Матрелли. Александр Шабан. Юзеф Рыкульский. Рэндолф Дитц. Нуньес механически помассировал шею, стряхнул с ладони капли пота. Кто-то из них, из этой четверки... Кто? Все четверо пилоты класса «ультра-плюс», рассматривать иные уровни не имеет смысла, и все четверо в июне девяносто первого находились в Редуте. Кто же? Так... первого и четвертого можно отбросить: нет побочных специальностей, пилоты как пилоты, не более. Гм... Матрелли — дипломированный инструктор по прыжкам с планирующей доской... Ну, пусть себе прыгает. Не то.

Нуньес отложил два листка на край стола, взял два оставшихся. Его не покидало предчувствие удачи. Рыкульский и Шабан, теперь один из двоих. Кто?

Юзеф Рыкульский, двадцати девяти лет. Так. Очень подходящий возраст: рефлексы еще не притуплены, мышление конкретное. Прекрасные аттестации. Долгосрочный контракт с Редутом. Ладно. Что еще? Ага, образование: Северо-Западный Центр земных ВС, одиннадцатый в выпуске 88 года. До этого: Технологический колледж в Ванкувере, полный курс. Неплохо... На этом можно было бы построить немало предположений, если бы не одно обстоятельство: пилот Юзеф Рыкульский прибыл в Редут 2 июня 91 года Лиги, за 6 дней до полета флайдарта-нарушителя... Нуньес наморщил лоб. Нет, чепуха, не получается по времени, за такой срок сколько-нибудь серьезно подготовить акцию невозможно. Или, лучше сказать, сомнительно. Как-то удивительно несерьезно это выглядит: поручить сверхсложный полет малознакомому новичку, заведомо плохо знающему местные условия... Нет, не то.

Третий листок лег поверх первых двух. Осталась последняя кандидатура: Александр Шабан, тридцати трех лет,

в Редуте с сентября 90 года, трехгодичный контракт. И значит, он еще здесь, на Прокне, и еще долго будет здесь, знаем мы эти трехгодичные... Нуньес усмехнулся. А вот самое удивительное: о пилоте Шабане в контракте ни единого слова, оговоренная работа — геологоразведка. Это как понимать? Редут послал в Межзону липовую копию? Вряд ли, причины не усматриваются. Гм... Ладно, еще раз... Так. Кадетская школа с младых ногтей, затем опять-таки Северо-Западный Центр, четвертый в выпуске 83 года... Ого! Пилот «ультра-плюс», без натяжки. Так. Служба... Вот оно: авария, разлом центроплана пилотируемой машины. Что ж, бывает... Результаты цереброанализа: страдает синдромом Клоцци в скрытой форме, к несению службы непригоден. Отставка — 86 год. Гм, Клоцци, Клоцци... Ага, есть сноска: «Синдром К. — стойкое психическое состояние, при к-м больной не в состоянии на сколько-нибудь длительный срок подавить мыслительный процесс. Неизлечим. Для Прокна-натурализованных временный эффект дает применение психотропных препаратов группы СТ-гамма...»

Нуньес сочувственно кивнул. Понятно, отчего флайдарт развалился в воздухе: он же с цереброуправлением. На карьере пилота с синдромом Клоцци можно ставить жирный крест. Так, а чем этот клоццанутый занимался после отставки? Гм... пробелы. Неопределенный род занятий — по 87 год. Далее: Скандинавия, Берген. Курс петрографии с упором на разведку редких и рассеянных элементов... Очень хорошо. Участие в экспедициях: Антарктический горст, кратер Тихо... Просто замечательно. Контракт с северянами через их представительство на Земле. В Редуте: краткосрочные курсы разведчиков и (предположительно) начальная ступень школы выживания. Прекрасно.

Нуньес встал, заходил по комнате. Теперь он знал ответ. Ай да северяне! Два года темнить и отмалчиваться, скрывать то, что, казалось бы, скрыть невозможно... Понятно, зачем им понадобился пилот со специальностью геологоразведчика, и понятно, почему они не воспользовались официальным каналом — через Межзону. Конечно, не велика премудрость геологическая съемка, можно подучить любого, но специалист все же предпочтительнее, пусть даже накормленный психотропной дрянью. С толчками тоже все ясно: направленные ядерные минизаряды, ускоренный метод. А не маленькое, видно, месторождение на этой стороне, повезло Редуту... Впрочем, Редуту ли еще?

Заверещал распылитель, принимая в утробу четыре ли-

стка. Информация, конечно, открытая, хотя и не подлежащая, иной от Пикара не получишь, но все-таки... Нуньес ткнул пальцем в клавишу:

— Кхм... Дежурный, есть что-нибудь новое?

— Да, господин полковник. Вакцину привезли, сейчас начинаем.

Нуньес прокашлялся. Сплюнул в платок.

— Вакцинацию отставить... э-э... до особого распоряжения. На завтра десять ноль-ноль назначаю учение по отражению массированного воздушного нападения со стороны вероятного противника. Буду присутствовать лично. Передайте Нильсену, пусть приведет в порядок имитатор. И чтобы никаких регламентных работ, вы меня поняли? Никаких.

— Будет исполнено, господин полковник. Еще что-нибудь?

На этот раз «еще что-нибудь» Нуньес пропустил мимо ушей.

— Дежурный... — Он помолчал. — Что вы думаете насчет этих... толчков?

— Северяне долбят тоннель, господин полковник. Это все знают.

— Откуда?

Неопределенное мычание — на другом конце провода дежурный прикусил язык. Нуньес дал отбой, хмыкнул. Век живи, век учись... а толку? Во всяком случае, уже ясно, какого тона придерживаться в отчете. Закончить и отправить непременно сегодня: когда начнутся боевые действия, будет поздно. Границе конец. Какой бы крен ни приняли события, границы здесь уже не будет. Как это поется: «Вперед, линейная пехота, вперед сквозь огнь...» Господи, с чем же там рифмуется «огнь»? Надо же, забыл. Ну и ладно... Нуньес почувствовал прилив сил, захотелось расправить плечи. Рано в отставку, рано. Конечно, о линейной пехоте пора забыть, но и на оперативно-штабной работе потребуются офицеры с опытом службы в местных условиях...

А почему бы, собственно, и нет?

5

С борта грузовой платформы Симо наблюдал за погрузкой. Грузить было особенно нечего. Низко над сельвой, крутясь, шла вихревая туча, похожая на спиральную Галактику с четырьмя ветвями. Мини-тайфунчик, сигнальная ракета перед хорошей атакой.

— Скорее, вы, там! Ливень идет.

Вольфганг, красный от натуги, протолкнул в грузовой люк холодильник с образцами флоры.

— Готово.

— А скафандры? — спросил Симо. — Скафандры взял?

— Так мы же вернемся...

Верно... Симо кисло улыбнулся, кивнул. Конечно, вернемся... завтра. Ну, послезавтра. Что я им буду послезавтра врать, подумал он в отчаянии. Что? Прибегут — растерянные, обманутые... И самым ужасным, отчего захочется закрыть лицо, будет уверенность ребят в том, что я точно так же был обманут; они не позволят себе думать иначе, даже Ахмет. Блажен, кто верует. Чернов тоже верует в то, что сделает все возможное для того, чтобы двое-трое из нас вернулись из Межзоны со статусом наблюдателей, и господи, как же мне хочется в это поверить... этим он всех и купил. Но мы не вернемся. Чернов дал себя уговорить, уже сейчас, должно быть, прикидывает, какие пружины нажать, с кем переговорить в первую очередь, с кем во вторую и какие выбрать слова, — он действительно сделает все возможное. Но когда явно, голо, грубо встанет вопрос, кого ему спасать: вонючих вариадонтов или старого, хотя и заблуждающегося, друга, можно не сомневаться, кого он выберет... И мы не вернемся.

— Там опять Третий... — сказал Вольфганг. — Стоит и ждет вас.

— А сам что же? — Симо постарался не встретиться с Вольфгангом взглядом.

— Он не хочет говорить со мной. Он хочет говорить с вами.

Из бокового люка высунулся Ахмет. Прислушивался с интересом.

— Скажи ему... — по лицу Симо прошла судорога. Он ощутил неожиданную злость: какого черта... Мало для них сделали? — Скажи ему, что меня нет дома, что ли...

Взлететь успели до ливня.

Глава первая

Лысый. Противно смотреть. Такой лысый, что выть хочется, и мало радости, что не уникален. Сзади еще кое-что есть, жаль, под шлемом не видно, но спереди лыс, как глобус. Нет, если набычиться и наклонить голову, то можно

разглядеть, что и на темечке не совсем гладок, осталось еще, хоть и прорежено. Можно даже поднатужиться и вообразить, что обзавелся всего-то благородными залысинами, но поди попробуй заставить поднатужиться окружающих — всем видно, что не залысины вовсе, а натуральная плешь. Плюс на минус дает минус: плешь благородной быть никак не может. Даже не одна, а две плеши, и обе умеют за себя постоять, обходят центральный оазис, норовя сойтись на затылке. Противно. Пора бы уже привыкнуть, но все равно — противно. И за что? Дурацкий вопрос, между прочим. Значит, так надо, так уж получилось, а ты терпи и не комплексуй. Работа у тебя есть, и не ври, что неинтересная, быт устроен, Лиза у тебя есть, чего же больше? Нет, еще и волос хочется, будто Лизе не все равно, и еще чтобы росточек был побольше, а вид помужественней, чтобы, значит, гипотетические девочки не воротили носы... Дурак ты, человек, бывший сапиенс, не видишь ты счастья своего, мимо чешешь и еще рычишь на тех, кто поправляет. Так и пропрешь мимо.

Шабан сидел на уступе торчащей из снега остроконечной глыбы, с наслаждением вытянув гудящие от долгого подъема ноги, и смотрелся в нарукавное зеркальце, потому что больше делать было нечего. Пока поднимались, прояснилось, низовой ветер отогнал облако в долину, и теперь стали отчетливо видны изломанные пики хребта Турковского, забитые снегом ущелья, белые шапки далеких вершин и крутые, не удерживающие снега склоны.

— Как думаете, на какой мы высоте? — спросил Роджер.

— Тысячи четыре, — лениво ответил Шабан. — Может быть, четыре сто — сто пятьдесят. Не больше. Для такой высоты очень хорошая видимость. Обычно здесь всегда туман.

— Вершины какие-то нереальные, — сообщил Роджер. — Как в мультфильме. И не приблизились совсем. То же самое, что и с равнины.

Шабан хмыкнул. В их работе Роджер был новичком и к горам относился с восторженной обидой. Все хорошо, и все плохо. Устал, зато вокруг красиво. Красиво, но снег пошел. Заблудились, зато уронили в снег и потеряли спасательный буй и запасную батарею к геолокатору — пять килограммов с плеч долой! Кнут и пряник. Теперь вот видны все восемь главных вершин, зато опять издалека, — у Роджера в голосе комбинация восторга и обиды.

— Предположим, нам будут сбрасывать еду и батарейки — за сколько дней мы дойдем до гребня?

Шабан поковырял ногой снег, раздумывая: отвечать — не отвечать? Вопрос был дурацким даже для новичка.

— Ни за сколько. Если даже не убьемся на стенах, то просто замерзнем.

— В хитинах?

— Там не поможет. Один дождь тысячах на шести — и часа не протянем.

Было видно, как за стеклом шлема Роджер обиженно заморгал. Справа вставал мало заснеженный Срединный гребень, выставив над собой, словно зубы, острые, пятнадцатикилометровой высоты пики. Где-то еще правее, отсюда не видно, должен быть тот перевал, который он, Шабан, одолел два года назад, — не пешком, конечно. Пешком никому не одолеть.

Он пошевелился, проверяя, не примерз ли хитин к камню. Нет, не примерз. В ногах, полузакопанный в снег, работал геолокатор, отмечая писком повороты луча. Сколько еще? Пожалуй, минуты две-три. Пора, засиделись. И ветер подымается. С чего бы? Ага, значит, с долины пойдет верховой поток, погонит облако обратно.

— Я еще хотел спросить, — сказал Роджер. — Правда, что по ту сторону можно дышать без фильтра?

— Врут.

— Говорят еще, что убегунов там нет.

— Помолчал бы лучше, а? Дай отдохнуть. Нету там убегунов, — с раздражением сказал Шабан. — И не топчись, пока локатор работает.

— Так ведь снег, снег-то амортизирует, — возразил Роджер, но топтаться перестал. Стоял, молча смотрел на Шабана. А Шабан, злясь, подумал, что при всех своих несомненных достоинствах Роджер бывает трудноперенос им: вечный вид по форме «чего изволите», нескончаемые вопросы типа тех, что задают — и совершенно напрасно — учителям на переменах примерные ученики, — не для того, чтобы что-то выведать, а просто чтобы понравиться, — и неистребимое, на лице написанное желание иметь наставника, такого как Шабан, а ему, Шабану, менторский вид уже ох как надоел. Вот если бы остался Менигон...

Запищал в снегу локатор, вытолкнул из себя пластиковый листок. Шабан перехватил вопросительный взгляд Роджера.

— Давай, давай сам, — сказал он. — Посмотрим, чему тебя учили.

Роджер долго разглядывал картинку.

— Ну?

— Значит, так, — неуверенно сказал Роджер. — Значит, разрез по азимуту сорок четыре и пять, шириной раскрыва девять градусов. Осадочные и метаморфические породы. На глубине два семьсот — три... три двести — пегматит. Жилы мелкие, интереса для разработки не представляют. Потом гранит и... и...

— Все? — спросил Шабан.

— Вот тут, с краю, выгиб. Возможно, недалеко закрытый магматический очажок. Небольшой.

— Так, — сказал Шабан, разглядывая разрез. — А что прямо под нами?

— Осадочные породы. Доломит, а вот тут, кажется, известняк.

— Правильно. А это что за жила?

— Не знаю, — насупился Роджер. — Глубоко, нечетко получилось.

— Это ринколит. Жилка идет по старому разлому из радиоактивного горизонта. Сплошные редкие земли. Но, в общем, ты прав, разрабатывать ее никто не станет. Все. Собирай вещи, мы возвращаемся.

Заелись, подумал Шабан, засовывая пластик в карман — для архива. На Земле открытие такой жилы считалось бы событием, за право разработки боролись бы умно и жестоко, даром что мир и консолидация, и не дай бог, если бы ее открыли где-нибудь в приграничной полосе. А парень-то ничего, разбирается. Научится обходиться без няньки — будет разведчиком. Не будет, вдруг подумал Шабан. Теперь уже не будет. Тоннель не даст. Год назад еще мог бы, а теперь нет, поздно.

— Шевелись, шевелись живее...

Роджер споткнулся обо что-то круглое, поддел ногой.

— Смотрите! Череп.

Шабан нехотя повернул голову. Череп лежал на боку и совсем не таращил пустые глазницы, потому что был забит снегом. Очень спокойный, мирный череп.

— А вы еще говорили, что мы первые в этом ущелье, — с обидой сказал Роджер. — Здесь уже были люди, сами видите... Один даже помер.

— Это не человек помер, — терпеливо объяснил Шабан. — Это убегун помер. Видишь гребневое кольцо ниже затылка? Тупиковая ветвь.

— А-а... Я возьму на память, можно?

— Еще чего...

Снежная крупка, поднятая порывом ветра, пробараба-

нила по стеклу шлема. Роджер бросил упаковывать локатор и поднялся, отряхиваясь.

— Ты готов? — спросил Шабан.

— Нет еще, — Роджер всматривался в ледник, замыкающий верхний конец ущелья. — Не пойму, откуда взялся ветер. Только что его не было.

Шабан, кряхтя, встал, силой повернул его лицом к долине.

— Не туда смотришь. Смотри на облако, запоминай, как это бывает.

Пухло разрастаясь, облако ползло вверх по склону долины, обволакивая белым скальные стены, затопляя боковые ущелья, словно кашей, рыхлыми клубами тумана. Темная подошва тучи неспешно текла совсем низко над склоном, слоистая облачная верхушка вытягивала вперед короткие языки. Снежные шапки на далеких вершинах потускнели. Бесшумно и как-то неожиданно верхняя часть облака начала быстро подниматься, выбрасывая белый купол выше скальных стен, пока на спине тучи не вырос гигантский клубящийся гриб, и новое облако, втянув в себя ножку гриба, поплыло, быстро обгоняя ползущую внизу тяжелую тучу.

Шабан выдернул наконец из локатора примерзший разъем питания. Работая руками, выкопал из снега, убрал в заплечный контейнер увесистую батарею. Поднявшись с корточек, посмотрел вниз, туда, где вползала в ущелье рыхлая серая масса.

— Ага, — сказал он. — Уже разделилось. Иногда это бывает очень красиво, но все же лучше держаться от этого подальше. Твой «ишак» еще дышит?

— Так серьезно? — удивился Роджер. Сберегая батареи, «ишаками» пользовались редко. — А что будет?

— Все по очереди. Облако разделилось на две фракции: водяную и аммиачную. Та, что наверху — аммиачная. Она идет быстрее — там, наверху, сильнее ветер — и через полчаса будет здесь. Тогда пойдет аммиачный дождь, потом дождь с мелким твердым снегом, потом один снег, уже обыкновенный. Хорошо бы все это увидеть уже из вездехода. Ты готов? Тогда пошли.

На ходу, отодвинув пластинку на рукаве, он включил «ишака». «Я здесь. Я помогу», — шепнуло в шлеме и идти сразу стало легко: «ишак», улавливая малейшие движения мышц, ловко задвигал скрытой арматурой хитина. Включить его можно было и голосом, произнеся кодовое слово, — на случай если покалечишься или обморозишь руки

и не сможешь дотянуться до заветной пластинки. Шабан знал, что Хромец Гийом, к примеру, одолел со сломанной ступней весь кошмарный спуск с гребня Чертовой Пилы, и ему повезло: слабенький сигнал о помощи был случайно принят патрульным вертолетом, когда батарея «ишака» уже исчерпала себя полностью. Бывало, «ишак» подсказывал наиболее выгодный в данной ситуации режим движения, следил за самочувствием хозяина, служил справочником и переводчиком, держа в памяти до тридцати языков. Вариант для Прокны имел к тому же одностороннюю приставку-преобразователь «мимика-речь» для общения с убегунами. В целом, достаточный набор удобств для землеподобных планет, если, конечно, не забираться в горы. Потом как-то вдруг заговорили об успешных испытаниях высокогорного сервоскафандра, и что месяцев через пять-шесть... Вот-вот, подумал Шабан. Как раз тогда-то он уже никому не будет нужен. И вообще горная разведка прекратится на несколько лет, как минимум. Может быть, сегодняшний выход для нас последний, а там месяц-другой — и улечу на Землю, стану экспертом... как Менигон. Буду работать в чистом кабинете, давить подчиненных авторитетом первопроходца... И ладно.

Они обошли торчащую из снега скалу, похожую на каменный клык, пораженный кариесом. В «дупло» набилось ледяное крошево. Вокруг клыка снег был глубок и рыхл, следы замело, и пришлось идти медленно, высоко, по-журавлиному поднимая ноги, иначе, если грести ботами снег, «ишак» этого не поймет и спровоцирует падение. А время дорого. Выйдя на твердое место, пошли быстрее, и Шабан порадовался тому, что на подъеме сохранил батарею свежей. Терпел сам и парня заставил, и теперь уже ничего не случится.

Он поднял глаза и присвистнул: облако было уже почти над ними. Теперь оно было охвачено бурным движением, словно кто-то наверху помешивал пену, как при большой стирке. Адская кухня. Казалось, туча опускается прямо на них, как осьминог на краба, уверенный в том, что жертва не уйдет. Опоздаем, прикинул Шабан. Но чуть-чуть, не так уж и страшно. А парню будет только полезно.

Сзади топал Роджер, совсем близко. «Пятки отдавишь!» — буркнул Шабан через плечо.

— Так это не я, — возразил Роджер. — Это «ишак» старается, а у меня просто шаг шире, потому что я выше, — я виноват, что у меня шаг шире?

Вездеход был уже виден, когда вдруг пронесся и стих ветер и первые капли чистого аммиака зачмокали по лежалому снегу, с шипением вскипели на шлемах. Роджер, споткнувшись, остановился, недоуменно завертел головой. Вот теперь пора, решил Шабан. Он знал, что сейчас будет.

— Бросай локатор! — крикнул он. — Бежим! Да брось же!..

Локатор шлепнулся в снег рядом с брошенной батареей.

— Говорят, в Межзоне есть перевалы всего в семь тысяч высотой, — уже на бегу крикнул Роджер.

— Чушь говорят. — И Шабан побежал в полную силу.

Туча, не разродившись молнией, громыхнула вхолостую, и сейчас же в землю, в снег, в скалы ударили мощные, хлесткие струи. Под ливнем, окутанные шипящими клубами пара, прыгали через снежные бугры, бежали к вездеходу две человеческие фигуры.

— Райский уют, — сказал Роджер, когда люк вездехода отделил их от ливня и система обеззараживания, прокачав через себя воздух, позволила снять шлемы. — В сущности, много ли человеку надо? Да, а как там локатор, под дождем не испортится?

— Ничего ему не будет, — сказал Шабан, стаскивая хитин через голову. — Потом подберем. Отдыхай пока и помолчи, если умеешь. Лучше всего ложись.

Он устроился на передних сиденьях, затолкнув ноги под рулевую колонку. Позади зашипело: Роджер поливал свои сиденья пенящейся струей из флакона. Рыхлая пузырящаяся масса вспучивалась, невероятно увеличиваясь в объеме, попыталась было сползти на пол, но Роджер, подхватив убегающую пену рукой в перчатке, вернул ее на место. Через минуту, попробовав пальцем постель, он издал громкий торжествующий вздох и рухнул спиной в мягкую снежно-белую перину.

— Здорово, — с завистью сказал Шабан. — Новинка?

— Старье. Но мне говорили, что на Прокне этого не достать.

— Еще бы. Такого здесь и в глаза не видели.

— Если хотите, могу уступить пару флаконов, — охотно отозвался Роджер. — Это недорого.

— Ладно, — сказал Шабан. — Подумаю.

Лежать было блаженством. В теле ходили сладкие токи, будто сок в молодом дереве, когда в лесу — в земном лесу —

исчезает набрякший серый снег и в первом дуновении тепла лес оживает — еще не всплеском цветения, не яростным порывом листьев, ломающих оболочки почек, а тихой радостью обновления жизни, мудростью внутреннего перевоплощения в ожидании близких перемен. Зачем? А надо так, и глуп тот, кто спрашивает. Не надо спрашивать. Шабан любил такие минуты. Он наслаждался, созерцательно ощущая, как сладко согревается кожа и растворяется в блаженстве усталость, а тело, лишенное хитиновой удавки, вот-вот готово взлететь, не то что у Роджера, который утонул в своей перине, как начинка в пироге, и воображает, что отдыхает. Господи, лежать бы тут и лежать, подумал он. Жаль, спать нельзя прямо сразу, но это ничего, это успеем.

Оба почувствовали толчок снизу, вездеход заметно дернулся. Снаружи донесся ухающий грохот: должно быть, невдалеке сходила лавина.

— Вот-вот, — сказал Шабан. — Вот всегда так. Если перекроет дорогу, нам отсюда до ночи не выбраться.

— Землетрясение или взрыв? — Роджер даже привстал.

— Очередной взрыв в тоннеле. Пожалуй, километрах в девяноста — ста отсюда. Естественно, без оповещения. На Прокне всегда так, а в Редуте в особенности: сначала сделают, потом, может быть, предупредят.

— Это как же, — загорячился Роджер. — Ведь там должны были знать, что мы-то здесь!

— Должны, — лениво ответил Шабан. — Но, во-первых, нам уже давно пора быть на равнине, во-вторых, расстояние все же большое: видишь, сошла только одна лавина. В-третьих, кто мы с тобой такие?

— Ну и ну, — сказал Роджер. — По-моему, хамство.

— Нет, — возразил Шабан. — Стиль работы.

Улыбаясь, он проследил смену выражений на лице напарника, всю последовательность: от недоумения до обиды на всех и вся. Новичок... Ну-ну, мальчуган, ерунда все это, забудь, много тебе еще разной ерунды встретится, успевай только отмахиваться. Вот застрянешь на Прокне после стажировки лет, скажем, на пять, да хотя бы и на год — вот это будет уже не ерунда. Прошел натурализацию — теперь терпи. Для начала предложат полуторный оклад. Потом заявят, что «Юкон» — грузовой корабль и совсем не полагается возить на нем пассажиров, да и места все равно нет. Потом придумают что-нибудь еще, это несложно. А пока что ж, лавина-то кажется упала выше нас по ущелью, может быть, на том самом месте, где нас застал дождь, —

радуйся, парень, своей удаче, радуйся тому, что впереди у тебя больше, чем у меня, а еще тому, что ох как многого ты еще не понимаешь. А понять бы главное: за что мы, люди, так безжалостно терзаем несчастную обитаемую планету, словно завтра ее у нас отберут, как отбирают в наказание игрушку у провинившегося ребенка? Вселенский абордаж, говорил Менигон. Накинулись: лежит — бери. Глубоко лежит — копай, а еще лучше заставь копать кого-нибудь другого и опять-таки бери, пока еще есть. А ведь есть еще, за три Нашествия не вычерпан даже верхний слой, разведка из года в год устойчиво приносит избыточные результаты. Нужно ли? Премиальные убеждают, что нужно. Поздняков говорит, что это наш долг... соберет у себя разведчиков и говорит... Наш долг — служить Редуту и, в конечном счете, всему человечеству... зачем воротите морду, вы, там! Слушайте. Он прав. Приятно чувствовать себя человеком, выполняющим свой долг, это поднимает в собственных глазах, если не в глазах окружающих. Попробуйте опровергнуть. За голые премиальные не полезешь туда, где можно свернуть себе шею и не добудешь результатов, а значит, какой же ты к дьяволу разведчик? И жаль людей, которые перестали понимать, в чем состоит их долг. Себя, например, жаль...

Было слышно, как Роджер ворочается, устраиваясь поудобнее. «Рано, — подумал Шабан. — Вот сейчас и начнется...» Он почувствовал легкий озноб, неприятная волна прошла в глубине тела и растеклась по коже мелкими мурашками. Морщась, он сел, достал из багажной ниши два спальных мешка, один оставил себе, другой перебросил через спинку сиденья на голову Роджеру. Потом подумал, вытащил теплый свитер и кинул туда же.

— Это зачем? — спросил Роджер, сгребая вещи. — Жарко же.

— Скоро тебе не будет жарко, — сказал Шабан. — Зато запомнишь, что такое аммиачный дождь. Устраивайся там у себя, главное — потеплее.

Он потянулся застегнуть свой спальный мешок, и тут его самого начало бить крупной судорожной дрожью.

— В-в-в...вв-в... — сказал из своего мешка Роджер.

Спальник позволил свернуться калачиком. У Менигона с его ростом это никогда не получалось, вспомнил сквозь дрожь Шабан. Он был немного фаталистом, этот Менигон. Считал озноб законной компенсацией за первые минуты наслаждения теплом и покоем. Ничего, скоро пройдет. Мо-

жет быть, это вообще в последний раз: со дня на день тоннель должен выйти по ту сторону хребта, и тогда вся разведка будет там, в тепле и солнечном свете. Потом там начнут рубить шахты... нет, об этом лучше не думать.

Что это там? Кажется, еще одна лавина. Ниже нас. Скверно.

Он закрыл глаза. Было слышно, как шумит снаружи дождь, лупит по крыше вскипающими каплями, и урчат струи в большой промоине под днищем, шлифуют камешки, перетирают в песок рыхлую породу, а дождь сильный, не каждый день такой бывает. И хорошо, что не каждый день, и лучше бы его вообще не было в природе, а держать его специально для туристов, если когда-нибудь сюда заявятся туристы. Организовать им спасательные пункты на перевалах, сенбернаров для спасения обмороженных людей и людей, чтобы спасать обмороженных сенбернаров, а в долине построить больницу и лечить там пневмонию и увечья. Отбоя не будет.

«А кто такие вариадонты?» — спросить бы их. «Не знаем, — зевнут. — Были вроде бы такие... вымершие». Вот-вот, вымершие. Черта с два меня здесь удержишь после срока, подумал он засыпая. Обойдетесь без Шабана, голубчики хомо аммоникусы, мать вашу, слово «сапиенс» никто и не вспомнит, и получается, что вы — двуногие без перьев и с плоскими ногтями. Платон. Кстати, убегун прекрасно подходит под это определение. Человечество Прокны, герои Третьего Нашествия — какие славные слова! Поздняков без них жить не может. Не дурак ведь, а талдычит, как попка: хорошо честно выполнять свою работу и плохо нюхать ползучий гриб... Ладно. Хорошо жить с женой или моделью и плохо, совсем никуда не годится, меняться моделями с друзьями-приятелями... Согласен, а что дальше? Не знаю. И никто не знает, даже Менигон, и спросить не у кого...

Ненадолго он увидел Лизу, улыбающуюся и почему-то одетую в форменный хитин. Потом Лиза исчезла, и под закрытые веки заполз говорящий енот с голосом Хромца Гийома. Он сидел верхом на натурализационной камере и дразнился полосатым хвостом. «Чего тебе?» — изумленно спросил Шабан. «Псих! Псих, псих, псих, псих! — зачихал енот и почистил лапу о лапу. — Пси-и-их! С-с-согласссии-ился! Три го-о-о-да!.. — енот зевнул и протер морду. — Котя хоро-о-о-ший. Хороший пси-и-их!» — и енот опять показал хвост. Пошел ты, рассердился Шабан и, заморгав,

выгнал енота вон. Умник. Попробовал бы сам не согласиться, когда туп по молодости и еще хочется посмотреть мир и выбиться в люди. Молчал бы уж...

... — Здравствуйте... Да вы садитесь, садитесь. Вот сюда. Ведь ваша фамилия Йоити, верно? А моя фамилия Поздняков, я начальник геологической службы Редута. Будем работать вместе, не так ли?.. Да не стойте, садитесь же. У вас семья есть? Ну что ж, это даже к лучшему, эти проблемы мы решаем своими силами, постараемся и вам помочь, не глотать же вам либидоцид... — Поздняков вдруг уставился прямо на Шабана. — Э, постойте-ка... Ведь ваша фамилия не Йоити, я не ошибаюсь? Ведь вас зовут Александр Шабан, то-то гляжу, на азиата вы мало похожи... ну да, точно. Тут на вас была какая-то информация... Вы ведь пилот?

— Нет, — сказал Шабан. — Не пилот. Впрочем, был когда-то.

— И прекрасно. Как вы посмотрите на то, чтобы, после соответствующей подготовки, разумеется, совершить один-два полета? Подумайте.

Что тут думать... Шабан дернул щекой. Вечно перед глазами, вечно: высотный полет, восхитительное чувство слияния с машиной, и он умел наслаждаться этим чувством, а небо над головой было черное... И никого, абсолютно никого вокруг, он был один в субкосмосе, а под ним, сжавшись в ужасе, висела Земля, подожженная по краю короной встающего Солнца, — тогда он, готовый почувствовать себя богом, засмеялся и бросил флайдарт вниз, чтобы испытать невесомость. И краткую секунду перед тем, как перегрузка лишила его сознания, а мимо кабины, крутясь, пронеслись оторванные крылья, он действительно чувствовал себя богом... Нет, подумал Шабан. Я не хочу.

— По-моему, — осторожно произнес он, — я прибыл сюда... э-э... в несколько другом качестве.

— Ну, разумеется, разумеется, — Поздняков источал благодушие. — Конечно, в другом, этого у вас никто не отнимет. А все-таки если предположить... Теоретически — смогли бы?

— Вряд ли. — Шабан помялся, отвел глаза. — Я, наверно, не смогу. У меня... у меня, знаете ли...

— Да-да, — покивал Поздняков. — Синдром Клоцци, не так ли? Да не стесняйтесь вы, с кем не бывает. Я лично

не вижу в этом ничего унижающего ваше достоинство... ну хорошо, не будем об этом. Вы знаете, — он вдруг понизил голос до шепота, — мне по роду службы часто приходится приказывать людям делать то, чего им делать не хочется, а иногда даже то, чего они делать не обязаны. Это ужасно, верно? Но бывают моменты, — и голос возвысился, — я бы даже сказал, исторические моменты — да, да! — когда приходится сжав зубы отдавать самые жесткие приказы и требовать безусловного их выполнения. Во имя человечества, во имя всех нас... Вы меня понимаете?

— М-м... Не вполне.

— Понимаете, — погрозил пальцем Поздняков. — Все вы понимаете... Ну хорошо, оставим пока этот разговор, время терпит. Не торопитесь с ответом, подумайте. Этот полет стал бы для вас прекрасной аттестацией, мне было бы легче убедить руководство дать вам сразу вторую служебную степень... У вас ведь пока четвертая? Заметьте, не пятая, как обычно: разведчики в Редуте образуют нечто вроде привилегированной касты, мы с этим миримся и даже, могу признаться, немного этому способствуем, поскольку и спрос с них...

Впрочем, в этом вы сами убедитесь. А пока, — Поздняков встал, и Шабан встал тоже, — позвольте пожать вашу руку. С этого дня вы государственный служащий, будьте достойны своего положения. У меня на вас большие надежды, и что-то говорит мне, что не напрасные... Если будут какие-либо неприятности служебного или личного характера — сразу ко мне, договорились?

— Договорились, — кивнул Шабан. Он был рад уйти. Государственный служащий... гм, совсем неплохо. Звучит значительно. Так и буду теперь представляться: Александр Шабан, государственный служащий.

— К кому же мне вас пока прицепить? — Поздняков провел ладонью по розовому лбу, поправил красивые седые виски. Улыбнулся. — Пожалуй, к Винсенту Менигону — прекрасный разведчик, вот только с напарниками ему не везет. Зайдите к нему прямо сейчас, я уверен, он вам рад будет...

— Да! — крикнули из-за двери. — Входи, я не запираюсь. Но учти, посылаю к ... без предупреждения.

Шабан, робея, вошел. За дверью оказалась замусоренная холостяцкая берлога с пыльным окном-экраном и оди-

ноким настенным светильником, отбрасывающим на замызганную стену резкое световое пятно. Под светильником на откидной полке лежал, закинув ногу за ногу, некто длинный, лениво покачивал ногой в поношенной туфле, и сплющенный задник туфли равномерно шлепал по костлявой пятке. Кверху смотрела коленка с торчащим, как шишка, мениском — коленка твердая, явно знакомая с задами непрошенных гостей, — а лицо лежащего было закрыто книгой — он читал и, по-видимому, не собирался отвлекаться на такую мелочь, как посетитель. Шабан почувствовал себя неуютно.

— Кхе, — сказал он. — Здравствуйте. Видите ли, Поздняков направил меня к вам...

Поверх книги показался загорелый лоб в морщинах и равнодушные глаза — спокойные и желтые, как у безмятежного хищника. Затем выехал крупный облупленный нос.

— Слушай, милый, — сказал лежащий. — Здесь ведь такого не терпят. Или ты будешь звать меня на «ты», или сейчас вылетишь отсюда соплей и больше не вернешься, это я тебе говорю. Ты кто?

Неприятный тип, подумал Шабан. Ясно, почему ему не везет с напарниками. Хамло.

— Я же говорю, меня к вам... к тебе Поздняков прислал. Для совместной, — он поперхнулся, — работы.

Книга полетела на пол. Лежащий вскочил неожиданно легко: несмотря на возраст, он оказался ловким и жилистым. Его плохо бритый подбородок приходился Шабану выше глаз.

— Меня зовут Винсент, — буркнул он, протягивая костлявую лапу. — Теперь это твоя комната, живи. Вещи перетащить поможешь?

— Да-да, — ошеломленно сказал Шабан, — конечно... А почему моя? Это ваша... твоя комната, мне про это никто ничего... Здесь, наверно, какая-то ошибка, вы меня извините, пожалуйста. Я сейчас пойду выясню, и я уверен...

— Стоять, — сказал Менигон. — Это твоя комната. Была моя, а теперь твоя, понял? Тут у нас такой порядок: кто-нибудь из старожилов отдает свою комнату новичку. Психологи, за ногу их, придумали, чтобы нам здесь, значит, не заржаветь. Кретины же: ржавчина не ржавеет. Не слушают.

— Но мне как-то неловко, — сказал Шабан.

— А ты плюнь, — посоветовал Менигон. — Так вещи перенести поможешь?

— Ну... разумеется.

— Ничего не разумеется. А обзаведешься моделью, — Менигон брезгливо осмотрел комнату, — скажешь ей, чтобы убралась тут. Сам не трогай — обижусь. Понял?

— Не понял, — раздраженно сказал Шабан. — Что еще за модель?

— Ты что, маленький? — Менигон округлил желтые глаза и даже повеселел. — Моделей не видел? Говори дяде правду: так-таки и не видел? Ах, ну да, ты же у нас еще совсем цыпленочек... И не слышал даже? О чем же с тобой Поздняков разговаривал? Сосунок ты. Ну а, к примеру, кто такой Живоглот, тебе тоже не известно?

Исключительный хам... Шабан сжимал зубы, сдерживаясь. И с таким вот работать, терпеть мерзавца...

...Но именно Менигон, единственный из всех, встретил его на Базе после того сумасшедшего полета, и именно он, опередив техников, вынул его, полуобморочного, из кабины флайдарта, когда сил хватило лишь на то, чтобы довести машину до Базы — сажали уже наземным «поводырем»... Как Менигону удалось добыть пропуск на флайдром, так и осталось неизвестным.

«Трудно было, малыш?» — только и спросил, когда они остались одни. Шабан показал глазами: да, трудно. Язык все еще не слушался. И тогда Менигон наклонился к его уху:

— А будет еще труднее, — сказал он шепотом.

Как в воду глядел.

...Шабан не заметил, когда кончилась дрожь. Проснувшись, он обнаружил, что дождя снаружи нет, и верно: сквозь крохотное оконце в башенке пробивался солнечный свет, отраженный каким-то ледником. Вставать не хотелось, но, вспомнив о лавине, он вылез из мешка и растолкал Роджера.

— А? — спросил Роджер и стал тереть глаза. — Уже все?

— Вставай, вставай. Разлегся здесь... Пену свою убери. Чтобы чисто, понял?

— Ага. Я сейчас.

Преданный взгляд... Мальчишка. Лечить надо. Жаль, нет Менигона — он умел.

— Ты вот что, — сказал Шабан, помедлив. — Скажика мне: что тебе про меня Поздняков пел? Только честно.

— Ну-у... — Роджер покраснел. — Он ничего такого про вас не говорил. Я, собственно, не помню точно... Хвалил вас, ставил в пример. Говорил, что вы лучший специалист в разведке, что заслуженно отмечены. Еще сказал, что вы человек долга, что можно на вас положиться... Что мне повезло...

— Достаточно, — прервал Шабан. — Ты сам тоже так считаешь?

Лицо Роджера стало совсем бордовым. Он застенчиво кивнул:

— Считаю...

— А раз считаешь, — Шабан криво ухмыльнулся, надеясь, что ухмылка выйдет гнусная, — тогда сгоняй-ка ты, парень, за локатором.

Глава вторая

Вездеход резко дернулся вперед, отряхиваясь, и налипший на крышу пласт серого снега одеялом сполз на землю. И сразу же гусеницы захлюпали в вязкой каше: вокруг успело-таки подтаять. За ближайшим поворотом путь преградил снежный завал. Это была даже не лавина — просто масса раскисшего снега лениво съехала метров на пятьдесят вниз по склону и, выбрав единственное во всем ущелье ровное место, здесь и застряла.

— Парень, давай к турели.

Из башенки на крыше брызнул лазерный луч — на дальней скале вспыхнула красная точка, взвилось каменное крошево, посыпались камни.

— Не идет! Может, примерзло?

Ну что ж, это не первый случай, бывает, что и гусеницы смерзаются намертво. Шабан поморщился. Теперь предстояло снова лезть в хитин и растапливать завал личным оружием.

— Брось дергать, все равно не оторвешь. Одевайся.

Верхний люк выпустил его на крышу. Следом вылез Роджер, волоча за ремень кобуру чудовищных размеров, зацепил ее за край люка, чертыхнулся, дернул и, чуть не упав, пошел красными пятнами, тщетно пытаясь принять безразлично-молодецкий вид. Контраст между ним и кобурой был разительным — Шабан даже присвистнул. Ну и монстр... Оружие титанов. Ясно, отчего Роджер при всем своем очевидном желании покрасоваться не носит кобуру

на поясе: мальчики ужасно не любят вызывать чужой смех, да и кто любит? А зря. Редкая и замечательная вещь этот «винсент-магнум», до упора набитый гранато-пулями. Идеальный копытоотбрасыватель. И имя у него, как у Менигона. Забавно.

Усевшись на башенку, Роджер лихо передернул затвор. Он был явно рад случаю пострелять, и Шабан, заметив его блестящие глаза, фыркнул. От грохота выстрелов у него заложило в ухе, загудела под ногами броня вездехода. Результат оказался ничтожным: пули бесследно тонули в снежной массе. Одна все-таки сдетонировала — из завала взвился огненный фонтан, с шипящим свистом вырвался столб пара, но тут же снег сполз в новорожденную яму, как ничего и не было, только ветер погнал по ущелью белое облачко и, ударив о скалу, растрепал, разметал, развеял. Роджер, сконфузившись, убрал пистолет в кобуру.

— Ты еще спичкой попробуй, — сказал Шабан. — У тебя что, лучевика нет?

— Мне не выдали. Сказали, что скоро на ту сторону, а там он не нужен. Может, у вас лишний найдется, а?

Шиш ему... У Шабана в Порт-Бьюно был лучевой пистолет, оставленный на прощанье Менигоном, но он покачал головой. А Роджер с завистью смотрел, как Шабан, расфокусировав луч, расправляется с завалом. Через несколько минут дорога была свободна, вниз по ущелью стекала грязная жижа.

— Может быть, в обмен на «магнум»? — с надеждой спросил Роджер.

Снимая хитины, поторговались. В придачу Шабан получил флакон с пенящейся жидкостью. Довольный Роджер убирал оружие в багажник. Шабан снова сел за руль, и вездеход, обогнув большую глыбу, муторно затрясся по камням. Через час стены ущелья раздвинулись. Снег кончался. Уже в полдень выбрались наконец на равнину и пошли вдоль хребта. В этом месте не было предгорий, крутые склоны начинались как-то сразу, и ближние вершины закрывали собой недоступный гребень.

В последний раз гусеницы проскрежетали по камню, и сразу же за кормой потянулся клубящийся пыльный хвост: вышли в степь, и Шабан, отдав Роджеру управление, разрешил себе расслабиться. Местность была знакома. Вдалеке за высохшим по случаю сухого сезона озерком по мере движения уходили за горизонт развалины древних построек, сохранившихся чуть ли не с времен Первого Нашествия, а

еще дальше лежала обозначенная вышками граница крохотного анклава Коммуна, приближаться к которой разведчикам не рекомендовалось, несмотря на то, что Коммуна никогда не была членом Содружества, а может быть, именно поэтому. Больше ничего на глаза не попадалось, за анклавом голая степь простиралась до самого океана. Слева нависали горы. Один раз в узком просвете, в вечном тумане ущелья, проточенного в теле горы мелкой, переплюйного вида речкой, показалось бледное размытое солнце, нехотя переваливающее в этот час через апогей. Часов через шесть, когда вездеход достигнет Порт-Бьюно, оно осторожно опустится ниже и начнется вечер; тогда откроются и будут работать до утра бары и концертный зал, худо-бедно завертится программа ночных развлечений, и Лиза наверняка приготовит что-нибудь вкусное. А пока — уходит за гребень солнце, тень хребта накрывает равнину, свистит на средних оборотах турбина и, вдавливая катками в степь траки, движется, словно беспокойная черная головка огромного, из клубящейся пыли ожившего червя, маленький разведочный вездеход.

— А там что? — Роджер мотнул головой куда-то вправо. — Вон там. А?

Что там может быть? Шабан прищурился, всматриваясь в горизонт и уже чувствуя, как рефлекторно обостряется его реакция, как подрагивают готовые к действию мышцы. Степь, мальчик, степь, ты степи никогда не видел? Пустота там, холод и ветер, и очень хорошо, что только пустота, нам бы этой пустоты до самого Порт-Бьюно. Степь куда опаснее гор, этого ты, мальчик, еще не знаешь, это тебе еще предстоит постичь на практике. А ведь и вправду что-то есть... не может быть... Проволока? Шабан прилип к визиру, крутя увеличение. Верно, проволока. Во огородили... Он весело чертыхнулся. За ограждением что-то шевелилось, какие-то плотные округлые тела слепо тыкались в проволоку. Отскакивали, разбредались, сталкивались друг с другом и опять отскакивали. Гриб? Гриб, конечно. Толстые волосатые гифы — шевелящиеся, ощупывающие. Плантация, и не маленькая.

Роджер затормозил.

— Подпольная?

Шабан молча кивнул. Разумеется, подпольная, иных плантаций ползучего гриба и не бывает. Странно, подумал он, не знал я ничего об этой плантации. Наверное, новая. Ай да стервецы: под самым под боком у Коммуны! Ловко.

— Будем давить? — спросил Роджер.

Давить? Да-вить? Шабан покачал головой. Нет, парень, давить плантацию мы не будем. Смотри, чтобы тебя самого как-нибудь не задавили за одни эти слова, это я тебе говорю. Тоже мне, законник.

— Нет. Поехали.

Роджер помялся. Понять, какой расклад происходит под этим высоким, без единой морщинки, юным лбом, было невозможно.

— Но ведь мы же обязаны, верно?

Ну вот. Еще и непонятливый...

— Мы много кому чего обязаны, — буркнул Шабан. — Марш, я сказал.

Степь была суха, слякотный сезон в этом году запаздывал. Мутный воздух высосал из земли аммиак и воду, глинистую почву раздирали трещины. Иногда вездеход ломал сухие кусты или с треском давил вылезший из грунта плоский листовидный корень. Один раз из развороченного гусеницей куста выскочила настоящая ежиная ящерица — редкий теперь вид — и, встопорщив колючки, прытко засеменила прочь. Роджер вильнул было рулем вслед за ней, но она уже успела юркнуть в трещину, зато тут же на дорогу выползло ползучее растение, похожее на непомерно большую морскую звезду, и Роджер со вкусом раздавил его — угрожающее движение щупальцев-корней, хруст, противный писк сока, брызнувшего из-под гусениц, — в пыльном облаке за кормой несколько раз вздрогнула изувеченная плоть, и куст умер. Больше живности не попадалось: в это время года все живое прячется в землю, а дикие толпы убегунов откочевывают к северу и, на время объединившись, пробиваются через чужие земли к океану, чтобы к началу теплых дождей вернуться назад в оживающую степь, снова с племенными войнами, уже скорее между делом, чем по необходимости. Изредка вдали показывались покинутые жилища — невысокие конусы, похожие на кротовые отвалы, скрывающие в себе пещеры для целого клана, но с выходом не на верхушке, а сбоку и под глиняным козырьком для защиты от ливней. Попадались и развороченные конусы: не то они были покинуты давно и успели обвалиться, не то были разрушены в племенных войнах. Шабан вспомнил, как Менигон рассказывал о стремительных ночных нападениях, когда дозорные не успевали поднять тревогу, а нападавшие, не давая жертвам высунуться, заваливали вход и, выждав сутки-двое, раскапывали и до-

бивали всех, кто еще не задохнулся. Последняя большая война была на памяти Менигона, и ее с огромным трудом пришлось останавливать, ибо прекратился приток сил и даже прирученные начали уходить с рениевых шахт. Тогда еще тоннеля не было и в помине, а шахты работали вовсю, уходя штреками все глубже под горы, и с каждым ковшом зачерпнутой в глубине породы прибавлялась маленькая, чуть заметная глазу крупинка тяжелого тусклого металла.

Роджер, увлекшись, все-таки прозевал ориентир, и вездеход юзом сполз в старую, с полкилометра шириной, воронку, свидетельствующую о том, что людям пришлось-таки тогда вмешаться. Воронка и была ориентиром. Впрочем, на твердом спекшемся склоне убегуны уже успели вырыть новое жилище — с виду вполне целое и с очень высоким отвалом: по-видимому, в слякотный сезон в воронке образовывалось что-то вроде озера. Шабан помнил свои ощущения при посещении такого жилища: сыро, темно, гадко. Хуже, чем снаружи. Понятно, отчего убегуны поклоняются Теплу и даже приносят Теплу человеческие жертвы, если, конечно, считать убегунов людьми. Они всегда идут туда-где-Тепло, по результатам спутниковой термографии удобно определять места их скопления. Эти потомки людей, огрызки человечества Первого Нашествия всегда охотнее работали за Тепло, чем за пищу. Одно время контора, осененная идеей благотворительности, пробовала расплачиваться с ними блоками для строительства разборных домов, но из этой затеи ничего не вышло: в домах убегуны жить не желали. Почему-то. В наибольшем ходу была гипотеза о том, что тепло домов убегуны считают эрзацем и сторонятся его как противоестественного. Шабан склонялся к другой версии: что они так и не поняли, как эти дома собирать.

Вездеход, буксуя, одолел подъем, и снова легла под гусеницы степь, а Роджер, взяв круто в сторону, искал дорогу, точнее, колею, оставленную ими по дороге туда, и, найдя ее, дал полный газ. Шабан, устав от мелькания, сам не заметил, как задремал. Проснулся он оттого, что затекло тело, и удивился, увидев на приборной панели солнечное пятно. Он еще моргал непроснувшимися глазами, еще пытался сообразить, сколько же времени он проспал, но уже было ощущение, что что-то не то, что-то случилось не так, как должно было случиться, и это ощущение становилось тем назойливей, чем больше он приходил в себя. Наконец он увидел Роджера, уверенно и без особой тряски ведущего

вездеход, неглубокую прямую колею, справа и до самого горизонта — степь, дрожание воздуха над высохшими озерами, слева — хребет, сильно отодвинувшийся, но это было заметно только по увеличившемуся пространству степи, отделившему вездеход от гор, а сам хребет, подумал Шабан, действительно отсюда такой же, как и из ущелья, правильно Роджер сказал. Но что-то было не так, не проходило ощущение неправильности, все сильнее он чувствовал необходимость вмешаться, как-то повлиять на результаты совершенной ошибки, и он уже не сомневался в том, что ошибка была совершена. Он резко передернулся всем телом и замотал головой, прогоняя сонную муть. Ага, вот оно! Солнце! Солнце висит над вершинами. Почему оно здесь, подумал Шабан. Его не должно быть. Оно было за горами, и весь наш путь пролегал в тени, и мы знали, что обратный путь, несмотря на то что солнце будет высоко, тоже пройдет в тени. Отклонились в степь? Зар-раза! Некоторое время он мрачно смотрел на бегущую под днище колею и чувствовал, как в нем накапливается холодное бешенство.

— А ну, стой!

Роджер удивленно обернулся, и то, что он прочитал на лице Шабана, заставило его поспешно затормозить. На время вокруг ничего не стало видно: мимо, клубясь и закручиваясь в вихри, пронеслись тучи поднятой вездеходом пыли. Сволочь, думал Шабан, ненавидяще глядя на Роджера. Лопух безмозглый, убожество. Кто-то из мудрых и убеленных сказал, что если хочешь убить человека, сосчитай сначала до десяти. Другой советовал считать до ста. А до скольких считать, если человек, на которого ты рассчитываешь, уверенно хочет угробить и тебя, и себя? Ишь ты, не понимает. Глазами лупает, а глаза голубые, испуганные, но это не тот испуг, не за жизнь свою глупую, а опять боязнь получить нагоняй от строгого учителя. А за что, сам не понимает. И при всем том, между прочим, уверен, что какое бы раззявство он не учинил, я непременно и даже жертвуя собой буду спасать ему жизнь, будто это стоит главным пунктом в моем контракте, будто это что-то настолько ценное, что я прямо зачахну от огорчения, если жизнь ему не спасу. Загнусь в трубочку. Нет, не понимает... До сих пор не понял.

— Это что? — злобно спросил Шабан, ткнув пальцем вперед.

— Колея.

— Вижу, что не девка. Это не наша колея. Это колея

от колесного вездехода. Наш след не такой и не здесь, а вот теперь хорошенько подумай, чей это след. Учти, колея свежая, сегодняшняя. Надеюсь, это тебя и сбило с толку, иначе я с тобой больше не езжу. Я не работаю со слабоумными... Так чья это колея?

— Э-э... — сказал Роджер, моргая. — Кто-нибудь из наших, из разведчиков?

Шабан ядовито фыркнул:

— Это на колесном-то вездеходе?

— Может, военные?

— Может, и военные, — согласился Шабан. — Только не наши. У наших бездельников другой рисунок на покрышках. И когда это ты видел армейский вездеход в трехстах километрах от Базы? Они и летают-то здесь только парами и на максимальной скорости. А если это вторжение — мы бы уже знали. Забудь.

— Тогда кто?

Это еще предстояло осмыслить. Ясно было только то, что такой след не мог оставить ни один из известных Шабану типов машин. Может быть, все-таки военные или охрана? Нет, чушь, ерунда. Вся их техника, даже та, что никогда не покидала складов, известна наперечет, как бы они ни старались уберечь свои липовые секреты. Конечно, им могли подбросить что-то новое, но это значит, что вне всякого графика прибыл корабль — нет, шиш, не может быть сейчас никаких кораблей. К тому же армия считает, что делать здесь нечего: все-таки не охранный объект и не приграничная зона. А темные слухи об исчезнувших машинах и людях армию никогда не занимали. Охрану тоже.

Это могли быть разведчики из другой зоны экспансии, ныне — из сопредельного государства, охотники покопаться в чужих недрах, и это было скорее всего. Хищники, дерзкие, хорошо вооруженные, знающие, на что идут. Гончие. С этими лучше не встречаться, им не резон оставлять свидетелей, напрашиваясь на уничтожающий удар. В таких случаях армия всегда реагировала мгновенно. Шабан хорошо помнил последнее сообщение Хромца Гийома, он услышал его, когда зашел для какого-то разговора в кабинет к Позднякову, но разговора не получилось, а был только хриплый, с одышкой, голос через спутниковую связь, последнее, что сказал Хромец в своей неудачливой никудышней жизни: «...Загнали в ущелье... Третье ущелье слева в Большом Каньоне. Слышите, третье! Дальше ледник, нам не уйти. У Вейгельта перебиты ноги. Вездеход бросили, он

разбит... Их много, все вооруженные. Ждем помощи! Слышите, третье! Третье ущелье слева. Помощи!» — и после нескольких секунд тишины: «Вот они. Сейчас нас будут добивать. Третье ущелье, третье!.. Они подходят ближе... их очень много... они медлят. А это для тебя, ты слышишь меня, Поздняков?..» — и голос, взвившись криком, звучал еще долгую минуту, он шел из спрятанного в стене переговорного устройства и был невыносимо реален, словно Гийом умирал не в далеком обледенелом ущелье, а среди тех, на кого он надеялся и кого проклинал под нацеленными в упор стволами. Останков не нашли, и искать было бесполезно: то ущелье накрыли ракетным залпом. После этого набеги чужаков стали редкостью. Интересно, если это хищники, то откуда: из княжества Хинаго или с Мелких Озер? — подумал Шабан и вдруг понял, что это ему совсем не интересно.

Наконец, и это тоже было не лучшим вариантом, след могли оставить щитоносцы. Кто они такие и почему их так называют, никто толком не знал. О том, что их корабли видели в Редуте, большинство узнало из официального бюллетеня «В опровержение вздорных слухов», обнародованного на следующий день после того, как их необычный корабль полдня безнаказанно висел над Порт-Бьюно. Самих щитоносцев никто никогда не видел, но на Прокне, да и на других планетах Лиги многие рассказывали о черных кораблях, неуязвимых якобы для любого оружия. Шепотом передавали историю о том, как летающая платформа с Базы, поднявшись навстречу черному кораблю, медленно плывущему вдоль хребта Турковского, выпустила по нему четыре ракеты. Был ли приказ атаковать или военные просто перенервничали, так и осталось неизвестным. Черный корабль не сделал попытки уйти, якобы даже завис на месте, покачиваясь, и тем, кто это видел, показалось, что он ждет удара с холодным высокомерным любопытством. Ракеты шли точно, и все четыре попали в цель, но и только. Не было ни взрыва, ни ударной волны, ни разлетающихся оплавленных обломков. Ракеты пронеслись сквозь корабль, как сквозь облако, и вылетели с обратной стороны, прозрачные, вроде сосулек, стремительно, много быстрее, чем полагалось бы по законам перспективы, уменьшавшиеся в размерах. Эти ракеты не упали нигде, они, по клятвенным уверениям очевидцев, просто растворились в небе, как леденцы во рту, но еще раньше черный корабль задвигался, меняя очертания, будто не летел над хребтом, а переползал

через него, и тут же в небе вспыхнуло. На месте входящей в крен боевой платформы вздулось и поплыло по ветру бурое облачко, а обломки, закувыркавшиеся было вниз, были подхвачены черным кораблем, всосавшим их, как губка воду. После этого корабль будто бы, все так же колыхаясь, пересек всю территорию Редута вплоть до океана, где и был потерян из виду. Шабан не знал, что здесь правда, а что сгенерировано буйным воображением. Большинство считало щитоносцев не людьми, говорили еще, что черные корабли это вовсе не корабли, а овеществленные формы Мирового Разума. Однако эта идея стала чахнуть после того, как появились сведения о высаживании с кораблей неких наземных транспортных механизмов. Все это, по мнению Шабана, здорово напоминало чушь, и он поверил в щитоносцев только тогда, когда сам увидел зависшую в зените черную кляксу корабля, за день до того как все, с виду очень серьезные, слушали бюллетень «В опровержение...» Нет, скорее, все-таки гончие.

— Так что будем делать?

Роджер пожал плечами, и Шабан, вспомнив о Менигоне, пожалел, что задал лишний вопрос. Менигон бы мгновенно нашел лучшее решение. У него был богатейший опыт, у Менигона, он сам когда-то состоял в спецгруппе разведчиков, о чем очень не любил вспоминать, и Шабан не спрашивал, догадываясь, что эта работа не могла не оставить в памяти такого, о чем лучше забыть. Наверное, он был неважной гончей, подумал Шабан. Интересно, как он относился ко мне на первых порах? Должно быть, тоже презирал, как я этого лопоухого стажера. Только теперь его надо спасать, как спасал бы меня Менигон, если бы нам с ним когда-нибудь не повезло так, как не повезло сейчас.

— Связаться бы с Базой, — осмелел Роджер.

О, господи!.. Надо же...

— Спутниковая связь через два часа, можешь посмотреть расписание. Ретрансляторов здесь нет. Предлагаешь два часа поспать? Они не хуже нашего знают, когда проходит спутник. Хотел бы я знать, засекли нас уже или еще не успели...

Ну, теперь все, подумал Шабан. Все забудь. Теперь ты машина. Механизм для спасения двух жизней. Хорошие, быстрые рефлексы. Только это. Все остальное — конец, вспышка, столб огня и пыли, дымящаяся яма посреди степи. Яму они заровняют.

— Вот что, — сказал он. — Будем отсюда выбираться.

Только не назад, иначе, если они нас уже засекли, то поймут, что мы напали на след, догонят и прикончат. Будем двигаться наискосок к хребту, вон к той горе, что без верхушки, и очень тихо, чтоб без пыли. Тогда, может быть, проскочим. Пошел!

Чужая колея ушла вбок, и по экрану слева направо поплыл хребет — вездеход разворачивался. Теперь они двигались так медленно, что глаза успевали рассмотреть каждую трещину в пересохшей земле, и Шабан удивился, увидев, какие они глубокие, а края их приподняты, кое-где даже вывернуты наружу, как ухмыляющиеся губы. Он представил себе, как траки гусениц ломают сейчас края трещин, и обеспокоенно посмотрел на увеличивающийся пыльный хвост. Нет, надо не давить, надо гладить эту гнусную ухмылку, эту степь. А медленнее тоже нельзя: если они видят, то заподозрят неладное, и тогда — столб пыли, яма в земле. Идиотское положение. Напьюсь, решил Шабан. Выберемся — напьюсь по-скотски и набью кому-нибудь морду. Все равно кому. Очень много морд, которые нужно набить.

Несколько секунд он тупо глядел в затылок Роджера, на потемневшие до серости, слипшиеся волосы. Потеет. Стало быть, боится, и это правильно. Хотя нет, почему правильно, ну устроят нам сафари со стрельбой, так что — мир перевернется? Всю жизнь, всю историю люди охотятся один на другого, давно пора бы привыкнуть. Эка невидаль — жертва. Ату ее! Бей, чтоб брызнуло! И вообще, смерть — нормальный физиологический процесс, а уж если помирать, так лучшего места и не найти. Не в комфорте же помирать, в комфорте обидно. Не этого, парень, надо бояться, не этого.

Чушь, подумал Шабан, напрягаясь. Бред. Думай, о чем думаешь! Ты машина, ты механизм, и это дает шанс. Ты дурной механизм. Издыхая, ты будешь думать о том, что не уберег парня, что он уже никогда не увидит того, что увидел ты, там, где другие не видели, и никогда не поймет того, что понял ты. Работай! Черта с два я дам себя угробить. У нас есть чем драться, и у меня не хватит духу почувствовать себя жертвой.

— Не лезь на холм, — предостерег он Роджера. — Обойди его слева. Слева, я сказал. Там есть ложбинка, по ней и двигай. Там не так сухо, меньше пыли будет.

Роджер затравленно кивнул, и Шабан счел уместным подбодрить его шлепком по плечу. Давай, парень, давай. Пока везет. Из ящика под сиденьем он достал дыхательные

фильтры — мало ли что — и полез в башенку. Как и следовало ожидать, она давно оттаяла и крутилась нормально. На всякий случай Шабан несколько раз прогнал ее по кругу. А может быть, она и не замерзала вовсе, вдруг весело подумал он, — может быть, парень просто забыл снять ее со стопора, а я, дурак, и не посмотрел... Он проверил, как ходит в турели ствол, и поставил излучатель на короткие импульсы — в случае чего можно бить очередями вспышек по десять, — осмотрел прицел и огляделся. Горы уже заметно приблизились, и солнце, канув за гребень, больше не показывалось. Скорее бы. Нервное это дело — ждать последней в своей жизни драки, вернее, ждать, что ее все-таки не произойдет. Хуже не придумаешь. Некуда хуже. А может, их тут давно уже нет? След вполне мог быть утренним, даже ночным. Или это все-таки щитоносцы, от которых неизвестно чего ждать? Ракеты их не берут, а вот как насчет лазерного луча? Чего они медлят, если хотят прикончить?

— Впереди должна быть большая низина, — сказал он. — Поедешь по ней. Если пройдем спокойно, считай, выбрались. И не торопись. Вот выйдем на свою колею — тогда рванем.

Низина открылась с пригорка вся сразу, обширным пространством темной почвы. Отсюда лишь недавно ушла вода, кусты, торчащие здесь чаще, чем в других местах, еще не все засохли. Какой-то зверек выскочил прямо перед носом вездехода и, смешно замелькав лапками, мгновенно закопался в землю. В следующую секунду Шабан увидел вдали, в самой середине низины неподвижное темное пятнышко, продолговатое, похожее на запятую, и невдалеке от него две крохотные точки. Одна из них чуть заметно двигалась — мелкий суетливый жучок, спешащий куда-то по своим неотложным делам. Вот если бы еще над жучком не дрожал потревоженный воздух, если бы не стелился за ним скудный пыльный хвост... «Вот они, — подумал Шабан. — Вертолет и два вездехода. Гончие». От неожиданности он не сразу сообразил, что надо делать. «Гончие, — крутилось в голове. — Гончие. Гийом...» Удивляясь, он смотрел на деловито разъезжающие чужие машины, будто не было только что подъема на бугор, когда он, дрожа от накатившей злости, шипел над ухом Роджера: «Тише! Еще тише!» — и ругался, что опять подняли много пыли. Но внутренне он уже поверил в удачу, уже был готов к тому, что на их пути никто не встретится.

«Почему они нас не видят?» — с удивлением подумал Шабан, и эта мысль разом, будто вонзившаяся в мозг холодная игла, заставила его ощутить всю безнадежность положения. Роджер еще ничего не заметил. Вездеход медленно сползал в низину.

— Назад! — заорал Шабан.

Роджер вскрикнул коротко и тонко, как пойманная птица. Вездеход, взвизгнув турбиной, развернулся на месте, и в этот миг Шабан увидел, как черная запятая вдруг подскочила в воздух метров на двести, а там, на высоте, раскрылись цветком тонкие лопасти, слились во вращающийся диск, и тогда Шабан выстрелил. Взяв прицел ниже вертолета, он повел стволом излучателя вверх, потом снова вниз, перечеркивая небо там, где кренилась, разворачиваясь для атаки боевая машина, где откинулись сейчас крышки носовых люков, готовясь выпустить просящуюся наружу смерть. Он понимал, что сейчас будет поздно. Вездеход содрогнулся от близкого взрыва, и сейчас же справа, раскидав комья вырванной земли, вспыхнул второй огненный столб, еще ближе — третий, четвертый...

А это вездеходы, понял Шабан. Черные точки вдали теперь стояли как вкопанные, окрасившись дрожащим огнем выстрелов. Полоса разрывов наискось прошла за кормой, по броне простучали камешки. На крышу перед башенкой мягко упал вырванный из земли горящий куст, и Шабан, яростно крутнув стволом, сбросил его под гусеницы. Вездеход с воем шел на подъем, оказавшийся вдруг таким крутым и длинным. Позади снова повисла пыльная туча. Чужие вездеходы пропали из виду. Сквозь пыль Шабан сек дно низины короткими импульсами, не особенно надеясь на удачу, стараясь лишь заставить чужаков понервничать. Судя по отблескам, внизу уже что-то горело, должно быть, кустарник. Разрывы теперь густо вставали впереди: чужаки пристреливались к верхней кромке подъема. Роджер, не отрываясь от управления, обернулся. Лицо у него было потное, измученное отчаянием.

— Вперед, вперед, — сказал Шабан почему-то шепотом. — Проскочим.

Черта с два, подумал он, следя за тем, как быстро сокращается расстояние, отделяющее их от беснующихся разрывов. Проскочишь тут...

Пуля попала им в корму, когда они уже почти выбрались. При ударе Шабана вытряхнуло из башенки, и он, закрывая руками голову, кубарем ссыпался вниз. Ему пока-

залось, что он летит очень долго и никак не может остановиться. Похоже, он летел не один, потому что со всех сторон его толкали и били. «Не бейте, — говорил он им. — Не надо», — но с удивлением видел, что он один, а вокруг никого нет, должно быть, все люди, сколько их есть, уже разбились о дно пропасти, а он все летит и почему-то вместо замшелого дна под ним все ярче разгорается дневной свет. «Наверное, я летел не в ту сторону», — догадывается Шабан и вдруг видит, что внизу вовсе не день, а голубой свет дают тянущиеся вверх языки холодного огня. Языки схлопываются над ним, как щупальца анемонов, и вот он сам вспыхивает и утоньшается, сгорая в голубом пламени, и никак не может понять, куда денется его «я» после того, как тело исчезнет полностью. А вездеход? Куда денется вездеход?

Когда он осознал, что жив и лежит на полу между сиденьями, он понял, что вездеход идет на максимальной скорости и что в вездеходе очень жарко. Он пошевелился и зашипел, закусив губу. Пересчитал все углы, подумал он. С-сс-в-в-волочи! Каждое движение причиняло боль, но он чувствовал, что так и должно быть, и был готов вытерпеть какую угодно муку, только чтобы не слышать душераздирающего треска корпуса, шипения проплавляемого металла, не чувствовать, как от взрыва вездеход содрогается всей своей десятитонной массой, словно большое животное, добиваемое в спешке нетерпеливыми охотниками. Морщась, он перевалился на бок. Тело слушалось, но чувство было такое, будто его били железными прутьями. В правую щеку вдавился загубник дыхательного фильтра. Зачем здесь фильтр? — подумал Шабан. Ах, ну да. А почему так жарко? Кряхтя от боли, он поднялся на ноги и сел на заднее сиденье, тут же пожалев, что приказал Роджеру убрать пену. На корме медленно тускнело темно-красное пятно раскаленного металла. Ага, вот они куда попали. Стало быть, повезло, пуля, конечно же, на излете — он не сразу избавился от этой мысли, — действительно, почему бы ей не быть на излете? Расстояние... И тут он понял, что еще ничего не кончено, а то, что будет дальше, не будет зависеть от человека по фамилии Шабан, а будет зависеть от его умения быть машиной с правильными и быстрыми рефлексами да еще от случая, и от этого он мучительно застонал.

— Живы? — повернул к нему Роджер ожившее лицо. — Очень больно? — и Шабан, беря себя в руки, успел еще раз удивиться, как быстро у Роджера меняется настроение. Только что собирался помирать, и вот на тебе...

— Куда едем? — спросил он, облизывая языком сухие губы.

— Пока в Порт-Бьюно, — сказал Роджер, — если, конечно, не будет других распоряжений.

Было видно, что он очень хочет получить распоряжение ехать именно в Порт-Бьюно.

— С ума сошел! — закричал Шабан, забыв про боль. — Живо в горы!

Роджер, пожав плечами, развернул вездеход.

— Они нас так не оставят, — стараясь говорить как можно убедительней, сказал Шабан. — Они же сейчас за жизнь свою дерутся. Просто, как ящик: они нас прихлопывают и спокойно уходят за границу. И наоборот, если мы будем живы и сообщим на Базу — их прихлопнут. На равнине нам конец. Гончие это. Псы.

Тело снова свело режущей вспышкой боли, и он, зажмурившись, скорчился на сиденье. Хотелось выть. Да, здорово нам врезали, подумал он сквозь боль. Кормовой локатор, конечно, вдребезги, а броня — надо же! — выдюжила. Пуля, само собой, излетная, но все равно странно. На испытаниях, говорят, прошибало лобовой лист и срывало крышу, забрызганную изнутри унипластовыми кляксами. Из унипласта тогда делали макеты членов экипажа. Просто везет. Шабан ощупал ноги, плечи, ребра: нет, кажется, ничего не сломано. Действительно, везет. Покопавшись в кармане, он достал коробочку, вынул щепотку порошка из сушеных гифов ползучего гриба и зарядил себе в нос хорошую понюшку. Когда исчезла боль и одеревенела голова, он открыл глаза. Теперь предметы были расплывчаты, но он знал, что скоро в голове прояснится и тело на время станет легким, почти невесомым, как бывает, когда летаешь во сне. Драки все равно не избежать, нельзя позволить боли отвлекать себя от дела.

Но сейчас над ним, подобно маятнику, то удаляясь, то приближаясь к самым глазам, качался потолок, и по его поверхности ползали крупные радужные пятна. Некоторое время Шабан заинтересованно следил за их движением, пытаясь отгадать, закономерны или случайны их перемещения. «Вот это пятно сейчас пойдет влево», — говорил он себе и, каждый раз ошибаясь, сердился, но продолжал игру, пока пятна не начали тускнеть и потолок, в последний раз скупо качнувшись, не стал на свое место. Шабан поочередно напряг мышцы, проверяя, не болит ли где. Нигде не болело, и тело, ставшее почти бесплотным, рвалось вверх,

как аэростат. Он поднялся в башенку. Вездеход ходко бежал по твердому, как кирпич, руслу высохшей речки и то и дело лязгал гусеницей о камень. Горы были уже рядом, впереди распахнулось ущелье, стиснутое красноватыми скалами. Шабан огляделся вокруг. Позади ничего не было видно, и он остро пожалел о разбитом локаторе, зато далеко слева вставала пыль. Ага, вот они как. Опоздали, милые, теперь вам нас не отрезать, раньше вас в ущелье будем, вы, ребятки, нас там еще поищете... — он рассмеялся и махнул рукой испуганно обернувшемуся Роджеру: давай, парень, жми! Интересно, подумал он, присматриваясь к пыльному облачку, — оба они там или только один? Тогда где второй? По следам, что ли, идет? Очень возможно, а если подумать, то скорее всего, так оно и есть. Ну и черт с ним: раз не стреляет, значит, еще далеко, а ущелье — вот оно. Он снова хихикнул и понял, что перебрал порошка. Теперь нужно было сосредоточиться и решить, что дальше. Можно было бы подождать чужаков в устье ущелья и встретить их хорошей лучевой очередью. В качестве укрытия Шабан уже присмотрел большой валун на краю каменной осыпи. Нет, сказал он себе, их двое. Неоправданно. К чертям всякий риск, развлечение для недоумков. Он посмотрел на часы — до связи оставался час с лишним. Протянем, решил он, собираясь скомандовать Роджеру, чтобы не останавливался. Поиграем в кошки-мышки... И тут он увидел дым.

Это была тоненькая, едва заметная струйка, наверху ее трепал ветер, и где-то на уровне невысоких здесь вершин она исчезала, но она шла из того самого ущелья, куда они уходили от погони. Теперь Шабан узнал это ущелье. «Что там у них? — подумал он обеспокоенно. — Пожар? Куда же это мы? Что я делаю, теперь же туда нельзя!..»

Хуже всего было то, что Роджер тоже заметил дымок и даже чуть притормозил, вопросительно глядя на Шабана. Шабан похолодел.

— Крути влево, — сказал он глухим, абсолютно чужим голосом. — Сейчас... Врежем им как следует...

Через минуту он пожалел о своем решении: можно было попытаться успеть заскочить в следующее ущелье — но теперь было уже поздно. Каменная, без единой промоины, туша горы надвинулась справа, а спереди, увеличиваясь в размерах, приближалось пыльное облако, и уже можно было различить впереди него черную точку. Точка росла. «Один!» — обрадовался Шабан, ловя точку в прицел. Стре-

лять было пока еще рано. Покрутив головой, он заметил второй вездеход. Тот был в стороне и еще дальше. Было видно, как он, не разбирая дороги, гонит на предельной скорости. Шабан зло улыбнулся: зря, не успеет. А этот — мой... Хоть одного...

Невдалеке грохнул взрыв, и Шабан понял, что по нему открыли огонь. Он отметил это чисто механически, как обыватель отмечает, что на улице пыльно, сосед опять под мухой, а на забор села ворона. Проверив прицел, он поставил его на слежение и внес поправку на аберрацию. Занервничали, подумал он. Неважно они эту очередь положили, прямо скажем, бездарно. Он нашел пальцем спусковой крючок. Пора.

Перед глазами, на мгновение ослепив, вспухло белое пламя, и вездеход с ходу пронесся через огненный султан взрыва. «Неплохо», — вслух сказал Шабан и, чуть довернув ствол, нажал на спуск. От чужака полетели клочья, он вспыхнул и растекся, как пластилиновая фигурка на раскаленной плите. Потом язык огня пропал, удушенный столбом жирного дыма, и то, что осталось от чужака, стало похоже на действующий вулкан с разрушенным конусом.

«А теперь нас... — как-то отстраненно подумал Шабан. — Все». Он понимал, что не успеет установить прицел. Слепая удача — один к десяти, кто в нее верит? Только тот, кому больше не на что рассчитывать. Надо верить. Невозможно подумать о том, что через секунду твои останки будут перемешаны с обломками искореженного железа. «Ну! — крикнул Шабан, разворачивая башенку. — Где ты?»

Второго чужака не было видно. Там, где он только что был, даже ближе, висела, неторопливо колыхаясь, плотная черная туча. Она была похожа на большую медузу посреди океана, ленивую и безразличную ко всему, что плавает вокруг, она была как живая, и не было сомнений в том, что это такое. Это был черный корабль.

— Ы-ыы-ык! — сказал Роджер, вытаращив глаза. Челюсть у него отвисла. Вездеход заскрежетал тормозами, пошел юзом.

Стрелять?.. Шабан чувствовал, как дрожит на спусковом крючке его палец. Стрелять? Или не стрелять? Он боролся с искушением нажать на спуск, он знал, что обязан стрелять в щитоносцев, не разбираясь, кто они такие. Они — враги. Этим все сказано, а значит — уничтожить. Но как можно уничтожить корабль-тучу? Как? Полоснуть излучателем, зажмурить глаза, сжаться и, разинув рот в

крике, ждать ответа? Нетрудно догадаться, что долго ждать не придется.

И все-таки — надо... Или нет? Кому я нужен мертвый? Даже не мертвый — пропавший без вести. Лизе я нужен живым, себе я нужен живым, Позднякову и то я нужен живым. Лиза будет ждать, первое время ее не тронут... Боже ты мой, разве нельзя устроить так, чтобы никого не убивать, чтобы ни у кого не поднялась рука, ведь никто из нас не держит в голове мысли об убийстве, зачем же тогда? Трус я, вот что... Не-ет, я так не могу, я должен выстрелить, я должен, я себя заставлю...

— А-ап! — Роджер со стуком захлопнул рот. — Ф-фф-фу-у! Уф!

Черный корабль исчез. Только что медуза была тут, висела и покачивалась — не то мишень, не то занавес, — и вот ее не стало, и глаза не успели уследить за ее исчезновением. Ну и правильно... Черный корабль... Бред. Их не бывает... Шабан с облегчением перевел дух, рассмеялся сквозь зубы и сразу выбросил из головы все на свете черные корабли. Второй чужак был хорошо виден. Он уходил в степь.

— Добьем! — загораясь, закричал Роджер. — Ну же!

Шабан неторопливо довернул ствол. В визир прицела было видно, что чужак гонит вовсю, стараясь успеть уйти из зоны поражения. Оттуда не стреляли. «На что они надеются? — тщательно прицеливаясь, подумал Шабан. — На то, что я промажу? Или на то, что пощажу их после того, что они сделали с Гийомом и что хотели сделать со мной? На что-то ведь надеются...» — и тут на него нахлынула волна отвращения, и он понял, что не выстрелит. Там, в чужом вездеходе, были люди; лишившись мужества при виде черного корабля, растеряв весь кураж погони, не веря больше ни в себя, ни в свой пулемет, они мчались прочь от настигающей смерти, в страхе они оглядывались, не замечая заливающего глаза пота. Они втягивали головы в плечи, каждое мгновение ожидая режущего удара луча, они уже слышали шипение вскипающего металла, и в стальной коробке, наполненной невыносимым свистом работающего на пределе двигателя, цепенели на рычагах управления их руки. Они не хотели, они, должно быть, как и все, не понимали, зачем им нужно умирать. Шабан убрал палец со спускового крючка. Он чувствовал себя гадко.

— Уйдет! Уйдет ведь! — переживал Роджер. От нетерпения он подпрыгивал на сиденье. — Ну вот! В овраг ушел. Теперь ищи его...

— А ну, брось трепыхаться, — буркнул ему Шабан. — В погоню не пойдем. Во-первых, у него скорость выше нашей, во-вторых, не наше это дело соваться под пулемет. Наше дело сообщить на Базу — и пусть они там разбираются, если им хочется. Давай-ка выйдем поглядим, что у нас с кормой. Брось сюда фильтр.

Он скосил глаза на указатель фона — как всегда, высоковат, но, в общем, не смертельно, — надел фильтр, выбрался через верхний люк и тяжело спрыгнул на землю. Какое-то мелкое насекомое, ошалев, забегало кругами возле его ног, противно пискнуло под каблуком. Корма вездехода была оплавлена и почернела. Там, где пуля выела кусок, броня прогнулась внутрь, с края выбоины свисала корявая стальная сосулька. Шабан пнул ее ногой.

— Срежем? — спросил Роджер.

— Как хочешь. Лучевик теперь твой, вот ты и режь. А лучше плюнь. Я бы еще сильнее искромсал. Может, мы под эту выбоину «армадил» получим, откуда нам знать? Нет худа без добра, и наоборот. Все в мире имеет две стороны: правую и левую, как сказал один больной после ампутации мозжечка, — вот только где теперь какая?

Маска на лице Роджера издала хрюкающий звук. Чего он? — подумал Шабан, удивляясь, откуда это в нем самом вдруг взялась способность шутить. Ах, ну да, как же: начальство, так сказать, соизволило. Снизошло. Дубина жизнерадостная. Вот таким почему-то всегда везет, а заодно уж и мне. За компанию. Чудо ведь, что попал я, а не они, и сразу. Чудо, что попал тогда, — он вспомнил вертолет чужаков, мохнатую вспышку в небе, смешавшуюся с дымом и дрянью, в то время как разлетелись, кружа и кувыркаясь, лопасти воздушного винта. Везение. Фатум.

— Садись, поехали.

Вездеход взял с места рывком, словно допотопный танк, выскакивающий из засады, и пошел мощно и ровно. Было ясно, что Роджер хочет о чем-то спросить, и Шабан очень хорошо знал, о чем. Он боялся этого вопроса. Теперь он чувствовал себя в положении человека, которому предстоит испытать неприятное, очень болезненное ощущение, и он, протестуя всем телом, старается оттянуть момент боли, но с сосущей тоской понимает, что момент этот наступит, что и здесь придется пройти, и еще неизвестно, что там дальше, за страхом и болью.

В устье ущелья дым стал отчетливо виден; он сделался гуще и чернее, и ветер наверху рвал его с натугой, как

резину. Шабан облизнул пересохшие губы и нарочито небрежно потянулся за фляжкой, холодея при мысли, насколько фальшиво это у него получается. «Чего встал?» — спросил он, стараясь придать голосу естественное неудовольствие. Роджер молча показал на дым.

— Ну и что, — упреждая вопрос, сказал Шабан. — Бывает. Там когда-то была шахта и маленький лагерь. Теперь там ничего нет, кроме брошенного старья. Должно быть, там убегуны, больше некому. Поехали.

— А может, посмотрим?

— Вперед, я сказал.

Кажется, пронесло, подумал Шабан. Еще раз пронесло... Украдкой он вытер вспотевшее лицо, промокнул рукавом залысины. Роджер повел вездеход дальше. Он явно опять обиделся и демонстративно не отводил глаз от рвущегося под днище бездорожья. Барышня, фыркнул про себя Шабан. Гимназисточка Темных веков. Мадемуазель. Ох, ах, ножки топ-топ, кружевной зонтик, на поводке болонка, как кочан, со всех сторон одинаковая. Под подушкой послание в скверных стихах от субтильного гимназиста-воздыхателя, на подоконнике выводок кактусов в горшочках и старая нервная канарейка. Еще папочка-чиновник, гомерический такой мужик, рука тяжелая... «Коллежский асессор гомерически высморкался...» Что бы ему сказать такое, чтоб не сходил с ума? Черт, и сказать-то нечего, слова все растряс, хоть жестами изъясняйся. Теперь еще и следи за ним, чтобы не сунулся в то ущелье, а пуще — чтобы не очень молол языком. О чем тут еще говорить?

— Через час сменю, — сказал он. — А в том ущелье завал. Там полдня по камням прыгать.

В Порт-Бьюно въехали засветло. Шабан притормозил у въезда в охранную зону, покосился на решетчатую вышку. На вышке было пусто, и пулемет, обычно торчавший в сторону степи, теперь смотрел вверх, как телескоп. В караулке горел свет, и сквозь окно различались мотающиеся, как воздушные шары на ветру, фигуры — там либо дрались, либо отплясывали флик-джигу. Динамик на крыше орал невыразимое. Проезд в рядах проволоки был свободен. Справа жалко торчала недомонтированная будка автоматического контроля с выдвинутыми блоками и отпечатком подошвы форменного ботинка на боковой панели. Похоже, въезд никем не охранялся. Такое Шабан видел впервые.

Из караулки через шлюзовую выскочил охранник — без берета, — протарахтел каблуками по ступенькам, покачнулся, но не упал, и, сорвав с лица фильтр, с длинным горловым звуком изрыгнул в кусты зеленую желудочную жижу. Замычав, выпрямился и, закрыв рукой слезящиеся глаза, побрел обратно. То ли он не заметил вездехода, то ли не обратил внимания.

— Гуднем им? — предложил Роджер.

— А зачем? Видишь: открыто, поехали.

Сочиню рапорт, подумал Шабан. Кажется, это Живоглотовы ребятки. Так им, сволочам, и надо. Даст им Живоглот опохмелиться, вклеит по первое число — суток по десять на индивидуума. «Припомнят, — сказал внутри него другой голос, и он узнал голос Менигона. — Не только они, сам же Живоглот и припомнит при случае. И будет прав: не суйся, умник, куда не просят, береги внешние органы, пока не пооборвали, не лезь в его дела, не любит он, когда лезут...»

«Но ведь он лезет в мои!»

«Не очень-то и лезет, говори дяде правду. Он же к тебе неплохо относится — пользуйся! Благодаря кому ты всегда имел пропуск куда угодно, хоть в Межзону? А? И на Землю имеешь шанс отправиться вовремя, это я тебе говорю. Так какого ж тебе еще?»

«Он подонок. Мразь. Это же нелюдь, Винс! Он же хочет, ты пойми, все они хотят, чтобы и я стал таким же. Я сам становлюсь скотом!..»

«Да ну? Ай как плохо! — голос Менигона ироничен, невидимые губы кривит усмешка. — И ты, конечно, хочешь его убить? Стереть, так сказать, с лица, да?»

«Да. То есть, нет, не знаю. Просто хочу, чтобы его не было».

«Он будет всегда. Мы пришли сюда как воры, и до тех пор, пока хоть один из нас останется здесь, ничего не изменится. Мы не те, этой планете нужны другие люди. Мы очень мало кому нужны, Искандер. Кретины называют нас авангардом человечества. Волны экспансии: одна, другая, третья... Какой героический эпос! Мы настырны и дотошны, всегда что-то ищем, только всегда вовне, иначе нас никто не учил, не умеем. Слишком долго не было видимой причины, мы забыли, как это делается. От этого умирают вернее, чем от пятнистой горячки, и мертвые заражают живых. Я тоже мертвый. Мы действительно авангард: мы умерли раньше. Эй, сюда! Все назад, дайте дорогу! Вот они

идут, мертвецы, потомки людей. Их предки, говорят, построили пирамиды и Акрополь. Их потомки стыдливо вычеркнут нас из школьных программ. Ровнее строй! Ты думаешь, это человеческие лица? Вглядись получше, какие это лица. Запе-вай! Ах, как красиво они идут, просто не оторвать глаз! Их торсы каменно-неподвижны, строй встает на носок и единой волной выбрасывает вперед прямые в струнку ноги. На два такта: ать-два, ать-два... Подковки на сапогах. Вольноопределяющийся Шабан, шире шаг! Вы что, не видите, что ломаете строй?» — и удаляющийся в глубину сознания довольный смешок Менигона.

Замычав, как от боли, он дернул рулем — вездеход, вильнув вбок, искрошил гусеницей вазон с корявым декоративным растением. Рывок обратно — и снова тарахтенье траков по бетону дороги. Шабан мотнул головой удивленно уставившемуся на него Роджеру: так, мол, парень, ничего. Вот-вот, подумал он. Вот только на это меня и хватает — вазоны давить. Он чуть не плюнул. Впереди уже встала во весь рост, нависла двухсотметровой стеной стальная грань куба Порт-Бьюно. Центральное шоссе, усаженное по обочинам местной растительностью, уходило прямо в фундамент, к гаражам и дезинфекционным камерам. Перед самым въездом на постаменте, облицованном чистым рением, высилась недавно установленная сверкающая статуя, изображающая Первопоселенца, к которому какой-то умелец уже успел приварить детородный орган невозможных размеров. На горизонте слабо дымились конусы отвалов ближайшей шахты, многие из них далеко обогнали по высоте несуразный кубический поселок. Правее и дальше располагался комбинат, но за дальностью были видны только трубы, выраставшие словно из-под земли. Там тоже были отвалы, но на таком расстоянии они выглядели маленькими, как прыщи. Еще правее была только степь да еще кое-где вдоль невидимой отсюда проволоки карандашами торчали сторожевые вышки. Вездеход, присев на передние амортизаторы, затормозил у закрытых ворот. Автоматика не сработала, вероятно, была выключена. Черт-те что, подумал Шабан. Охрана — вдрызг, ворота заперты, трубы не дымят — определенно что-то случилось. Авария или праздник? Вернее всего то, что тоннель все-таки докопали. Довзрывали, поправился он. Что ж, это должно было когда-нибудь случиться. Глупо было уверять себя, что это произойдет нескоро. Глупо. Ужасно представить себе последний взрыв: вз-з-з... толстый бур, смазанный, самодовольный, вибрируя,

уходит в дымящийся гранит, затем ползет обратно, весь в каменной крошке. Потом в дыру заряд, всем в укрытие, вспышка! — и уже охлаждение, турбины, захлебываясь, отсасывают пыль, убегуны под руководством какого-нибудь высокооплачиваемого смельчака в спецскафандре крепят своды, кладут рельсы, гулко катится платформа с буром и снова: вз-з-зз-з... И вот с той стороны на склоне вспухает чудовищный волдырь — и тут же прорывается огненным вихрем, и течет расплавленный камень, и нечеловеческий огонь, погасив день, сворачивается сытым удавом, вскидывает к обожженному небу характерное облако на толстой бурлящей колонне. Для них — праздник... Вон и картонная гильза валяется на бетоне, как консервная банка: не иначе, был фейерверк. Этим только дай...

Шабан вдавил кнопку гудка. Странное дело: теперь ему совсем не хотелось вылезать из надоевшей стальной коробки. Гудеть пришлось долго — занемел палец. Противный звук действовал на нервы.

— А может, тихонечко стукнем? — загорелся Роджер и потянулся к управлению. — Давайте я. Легонько, одной гусеницей.

— Не надо. Слышишь: идут. Приехали.

Глава третья

Винтовой коридор был пуст и оттого навязчиво мрачен. Над головой пыльно светился потолок, кое-как освещая шершавые стены, загнувшиеся в нескончаемом повороте, и поворот был плавным, будто коридор-улитка, проснувшись когда-то, попытался было распрямиться во всю длину и почти уже развернулся, но дальше не пустили грани куба, и он так и застыл скрюченным. Коридор вел наверх. Уже давно, с тех пор как был ликвидирован верхний гараж, им почти не пользовались. Еще и теперь на полу удавалось рассмотреть старые вмятины от траков гигантских «армадилов», а вот и покореженное место на стене — Шабан приостановился, вспоминая, — это Амар сюда въехал с разгона — хороший был парень, но безалаберный отчаянно, он и Позднякову тогда в лицо жеребцом заржал не обдуманно, а просто от избытка жеребячьего здоровья, прямо скажем, сдуру, — и вот угодил на шельф, к черту на кулички, и что-то давно о нем ничего не слышно. А я позволил себе возразить Позднякову, а Поздняков, взявши меня за плечо,

сказал убедительно: «Нельзя, Искандер, нельзя этого», — и я потом ходил самодовольный, как павиан, удовлетворенный тем, что сделал все, что можно. А когда перестал быть павианом, убеждал себя в том, что действительно ничего нельзя было сделать, да только убедить так и не получилось. И столько еще всякого было связано с этим коридором, даже жалко, что теперь так редко здесь бываю, никогда даже не пробовал дойти до самого верха, посмотреть, что там дальше. И даже не в том дело, что дальше наверняка нет ничего интересного, скажем, дезинфекционная с выходом на крышу, а то и просто тупик, а хорошо бы подняться повыше, где наверняка никто не ходит, посидеть там, вспомнить, подумать. Откуда это у меня? Синдром взыграл, что ли? — он пошел быстрее, — нет, не буду я тут сидеть. Устал, и ноги болят, и правильно сделал Роджер, что не пошел со мной, а я его, впрочем, с собой и не звал, и теперь он наверняка уже у себя, отдыхает, и не бывает у него никаких синдромов, не могу себе представить, чтобы ему захотелось вот так посидеть на пыльном полу, поразмышлять о чем-нибудь несиюминутном... А пол-то действительно пыльный, и это еще слабо сказано. Интересно, когда здесь убирали в последний раз, подумал он. Словно цементом присыпано. Мусор, тряпье какое-то валяется, стекло битое. Он поддел ногой рваную картонную коробку и тут же отпрыгнул в сторону — из коробки выскочило маленькое и белое, заметалось по полу и скрылось в тряпичной куче. Шабан плюнул. Это могла быть либо мышь, сбежавшая из лаборатории по разгильдяйскому недосмотру, либо гигантский белый клещ, единственный местный вид, приспособившийся к жизни в человеческом жилище, случайный переносчик пятнистой горячки, но насекомое мирное и на человеке, как правило, не паразитирующее. На всякий случай Шабан обошел тряпье стороной. Тоже уроки Менигона, подумал он серьезно. Если опасность существует, сведи ее к минимуму, а если опасности нет, то такого не может быть, оглядись по сторонам хорошенько, а далее — смотри сначала. Что ж, может, потому до сих пор и живы оба, сохранили для себя это удовольствие, хотя, кажется, никому, кроме нас самих, нет и не было до этого никакого дела. Менигон был ранен и выжил. У него в спине два пластиковых позвонка, и то удача. В разведке новичок через полтора-два года становится ветераном. Кто их считал, срывавшихся со скал, замерзавших под аммиачными дождями, тонувших в гиблых болотах на

севере, подстреленных, облучившихся, пропавших без вести? За упокой скольких душ втайне пил Хромец, алкоголик по убеждению, со своим уникальным двадцатилетним стажем разведчика? На смену приходят новички, желающие тотчас крушить и переделывать, пока жизнь не выбьет из них весь ковбойский романтизм, либо уволившиеся из армии тертые, бывалые ребята, держащиеся кучками, неразговорчивые, всезнающие, воображающие, что попали на спокойную скучную службу. И именно они начинают роптать первыми, когда уясняют, что скучная служба не лишена элемента занимательности в том смысле, что никто никогда не мог и не может с уверенностью сказать, что успешно доживет хотя бы до конца оговоренного в контракте срока. Мне просто везет, снова подумал Шабан, — вот и сегодня жив остался, хоть и побит весь, как собака, все болит, начиная с головы. Не первый раз, не стоит обращать внимания. Тяжко бывало? И сейчас тяжко, но ведь и счастливым бывал тоже! Как говорил Менигон, говори дяде правду! Бывал счастлив, когда возвращался из разведки, особенно если привозил что-нибудь интересное. Ха, теперь смешно и вспомнить. А только иной раз был еще более счастлив, когда удавалось снова вырваться в разведку, — никогда не мог вытерпеть Порт-Бьюно больше недели подряд. Может быть, потому, что не понимал раньше этого куба, видел только то, что лезло в глаза, а потом понял его весь, до конца — гнилье же, нарост, который выжечь, и единственное светлое чувство у большинства: «Домой бы, ребята... На Землю бы...» И еще проклятый всеми металл, что слитками грузится в трюмы раз в полгода приходящего корабля, и обещание райских кущ по ту сторону хребта... Теперь рядом: тоннель окончен, и я не знаю толком, зачем иду сейчас к Позднякову, что я ему скажу и что вообще можно сказать, после того как молчал, не хотел связываться и даже научился не раздражаться, когда разговор заходил о тоннеле, — Шабан скривил усмешку, — ведь боялся же, и было отчего, отлично понимал, что против такого ветра не вытянешь — сдует, но ведь и не пробовал! Тем более смешно, что решился наконец попытаться изменить что-то в последнюю секунду, еще пять минут назад знал, что скажу Позднякову, даже слова подбирал... Он похрустел зубами. Да, действительно смешно.

Пять минут назад он привалился к стене отдохнуть, чувствуя, что онемевшие от усталости ноги дальше не пойдут. По грубой прикидке, он находился где-то на уровне

двадцатого яруса. Навстречу спускались — Шабан прислушался: много, человек десять. Шлепанье разогнавшихся на спуске ног было похоже на яростную работу мухобоек, когда жарко и мух очень много. Шлеп! Шлеп! Это хорошо, подумал он, что пол старый, пластикат выкрошенный, а то было бы: «Бум! Бум!». Нет, не охрана, определил Шабан, когда наверху кто-то блажно заорал, явно валяя дурака, кто-то завопил режущим фальцетом модную песню в общеизвестном на Прокне варианте: «У модели есть на теле...», еще кто-то подхватил, возводя голос в пикантных местах до ангельской вышины, и все, даже многоногое шлепанье, кануло и пропало в оглушающем взрыве гогота. Компания веселилась вовсю, но это, конечно, было только начало. Потом пойдут морды бить, решил Шабан, или заберут вездеход и будут колесить по степи дикими зигзагами, бестолково палить во все, что умеет бегать, летать и ползать, от искрящей змеи до последней клювастой землеройки. Шабан напрягся. Против воли сжались кулаки, отставленная назад нога заелозила по полу, ища упора. Избить, разметать, расквасить, — что угодно, только чтобы не было этого ржания, резонирующего в черепных коробках перед сознанием бессилия хоть что-нибудь сдвинуть на этой планете, где под рев взрываемых скал по-прежнему бежит, бежит заморенный ослик, тянет напряженную шею за пучком травы, привязанным перед мордой. Куда ты делся, Искандер, наивный мальчик, три года назад явившийся сюда, потому что некуда было деваться, опасливо и чуть брезгливо пробующий ногой новую землю? Умер, нет? Говори дяде правду!

Такой злобы Шабан не испытывал давно. Кулаки зудели. Он даже не успел удивиться этому, как из-за поворота вынесло всю компанию: «А я говорю, у меня сопрано!» — и снова разинутые в ржании пасти, матерые потные морды: «Ой, не могу!». Ржали с энтузиазмом, до икоты, в изнеможении наваливались на стены трясущимися животами, перхали и давились, смахивая слезы, и — шлеп, шлеп! — перли вниз, самодовольные, как тот ослик, дотянувшийся наконец до травинки; их просто распирало. Некоторых Шабан знал в лицо: все здоровенные сытые мужики, местная рабочая аристократия, мастера, десятники, герои подземных миль, прогрызатели каменных хребтов, погонщики бессловесных убегунов. «Плешь!» — восторженно закричал белобрысый солист, увидев Шабана, и озабоченно пощупал свою макушку: «А у меня такой нет», — добавил он грустно и, состроив плаксивое лицо, талантливо захныкал. Но-

вый взрыв гогота не успел достичь апогея — Шабан, прыгнув вперед, сшиб солиста косым ударом под челюсть. Не давая упасть, поймал за ворот, ударил еще, не разбирая куда, чувствуя, что злость никак не проходит, — белобрысый гулко обнял стену и, заваливаясь набок, жалко выставил защищающую ладонь, в моргающих глазах — испуг и непонимание. Схватить, вытрясти из мерзавца душу, пока остальные не опомнились, — нельзя — Шабан спиной чувствовал, что нельзя. Разворачиваясь на каблуке, подавил желание лягнуть отползающего с подвываньем белобрысого, шагнул навстречу раскормленным жвачным мордам, выдохнул-крикнул: «Ну!» К нему приближались стадом, все сразу. Распаляя себя, подходили медленно, не спеша поддергивали рукава, щерились, ласково ощупывая глазами. Один еще не отсмеялся, гогот ушел в емкое сырое чрево, и оттуда взрыкивало. Убьют, решил Шабан. Вот сейчас кинется первый, а за ним все стадо — затопчут, забьют по-мясницки и только потом начнут жалеть, что забили так быстро, без выдумки, и будут думать, что делать с трупом... Пятясь к стене, он вытащил из кобуры пистолет, обхватил ладонью ствол — увесистая штука, такая и быка свалит, если по лбу, что и требуется. «А толку? — подумал он, почувствовав лопатками стену. — Ну, оглушу одного-двоих, а дальше? Дальше видно будет, хотя, скорее всего, дальше уже ничего не будет видно».

Почему-то они остановились. Все разом. Не решаются? Тот, что впереди, обернулся — загривок в потных складках, красный, — о чем-то шепчется с другими в полный голос. Ага, вот оно: «Разведчик, я его знаю». — «И что?» — «Живоглот шкуру снимет...» — «А при чем здесь разведчик?» — и кто-то уже одергивал засученные рукава, кто-то пряча глаза, отходил в сторону. Шабан все еще продолжал сжимать в руке ствол, слыша, как в груди прыгает сердце, холодное, как большая лягушка. Перед ним расступились, давая дорогу. «Извиняемся», — прогундосил тот, что шептался, и Шабан вспомнил, что видел его когда-то давно десятником в тоннеле. Он отлепил лопатки от стены и понял, что сейчас никуда не пойдет, — ноги норовили зайтись дрожью, и он почувствовал, какая это будет дрожь: не крупная, колотящая, как несколько часов назад, когда попал под ливень, и уж тем более не благородная дрожь гнева и негодования, — а мелкий, подленький, трусливый ознобчик, который никак нельзя показывать этим самодовольным животным, чтобы ни у кого из них не хватило духу

хрипеть потом: «А вот один передо мною так прямо в штаны и наклал, спроси кого хочешь...» «Пошли, ребята», — наконец сказал десятник, решив, видно, что разведчик держится стены, чтобы не подставлять зря спину; остальные уже шлепали вниз, избегая смотреть друг на друга, со злобой скашивали глаза в сторону утирающегося белобрысого.

Дождавшись, когда последний из них утащится за поворот коридора, Шабан побрел вверх. Как ни странно, ноги не дрожали, а только очень устали и немели где-то под коленками. Почувствовав, что руку до сих пор оттягивает пистолет, Шабан сунул его в кобуру и не сразу попал. Зря боялся, подумал он и, покрутив головой, усмехнулся: надо же, на этот раз Живоглот спас, вот уж чего не мог себе вообразить. Да и мало ли чего я не могу себе вообразить... Все его боятся, не один я, а вот все ли ненавидят так, как я? Где уж там. Ненависть — это роскошь, это ведь не каждому дается, а только за большие заслуги, вроде медали, и чаще всего вместе с переводом куда-нибудь на шельф, чтобы не маячил. Вот и от этих «героев подземных миль» ждать нечего, струсили — и только. Два пугала у них — Живоглот и фоновое излучение, но радиации они боятся все же меньше. И даже повадки у всех сходные, потому что все, что у них есть, помимо работы, — жратва, деньги, обмен моделями да еще, пожалуй, устроить дебош в баре, погонять по коридору канцелярскую крыску. Понять бы их, пожалеть бы, как того требовали великие гуманисты, да как-то не получается. Ведь убили бы, видно было, что убьют или, в лучшем случае, безнадежно покалечат, и ведь ничего не стоило наставить на них ствол, показать значок или просто удрать, а, как ни странно, даже в голову не пришло, тоже мне, вздумал быть щепетильным, словно мальчишка какой-нибудь, начитавшийся приключенческой классики и потому честно считающий, что Добро с кулаками непременно победит. А с кулаками оно — Добро ли? То-то и оно. Добро и Справедливость должны быть прежде всего в сером костюме, неплохо бы с галстуком, у школьной доски перед десятком внимательных глаз — вот тогда лет через пятьдесят или сто что-нибудь получится, только все это утопия, сэр Томас Мор и другие, а раз утопия, то вместо кулаков подошла бы, пожалуй, лазерная пушка...

Сзади кто-то догонял, тяжело, с надсадной одышкой. Донеслось сиплое: «Погодите!» Шабан обернулся. Это был белобрысый солист, потный, утирающийся рукавом, мордатый. Чего это он, подумал Шабан. Предупреждение, угроза

свести счеты? И так ясно, что теперь одному лучше в шахты не соваться. Или он меня глупее себя считает? Становилось любопытно. Шабан с интересом поглядел на белобрысого, подождал, пока тот отдышится и отплюется.

— Мотор не тянет, а?

— Не-е... Ребята послали извиниться. Фу-уф!— и белобрысый без особого труда проглотил одышку. — Быстро вы, разведчики, ходите, насилу догнал. Ребята плохого не хотели. Праздник же, ну и выпили немножко, в такой день как не выпить, сегодня разрешено без ограничения. К тому же у большинства срок истекает... Два года в тоннеле как каторжные, сами понимаете, — и все, пробили наконец, прогрызли, даже не верится. А ловко вы меня отделали, не каждый бы так смог, а мы-то, честно говоря, подумали — клерк попался, хомяк сидячий. Так что вы обиды не держите, ладно?..

Было занятно смотреть, как он, сконфуженно моргая, прикладывает руки к сердцу. Действительно, артист. Если бы еще не настороженные глазки, которые он так старательно отводит, чтобы выдержать роль, не показать ледяной злобы, совсем можно было бы подумать: раскаивается человек, чуть только не хнычет. Подлец, земноводное, брезгливо думал Шабан. Ударь его сейчас — утрет морду и спасибо скажет. Липкий, как слизень, и голый, как слизень же, насквозь виден. Боится, что Живоглоту донесу. По себе судит, гад, но пусть боится, это только к лучшему...

Высокомерно пожав плечами, он пошел дальше. Белобрысый отстал. Некоторое время из-за поворота были слышны его шаги, потом шаги заторопились, быстро удаляясь, — белобрысый спешил догнать свою компанию — и вскоре далеко внизу еле слышно залаяли голоса: не то белобрысый получал от сотоварищей внушение за недогадливость, не то компания добралась уже до гаража и скручивала в бублик диспетчера на предмет выдачи вездехода. Ну и черт с ними, безразлично подумал Шабан. Он попытался заставить себя думать о комедийно закончившейся стычке, но не это сейчас было главным, и мысли упорно не лезли в искусственное русло. Стычка произошла слишком давно и не с ним, была забыта, выпала в прошлое на тысячу лет, а историки, как известно, врут и путают. Догадка подтвердилась — теперь Шабан твердо знал, что тоннель окончен. Когда-то он часто пытался представить себе свои ощущения, когда узнает об окончании тоннеля, — что это будет: гнев, отчаяние или, может быть, то и другое вместе? Во

всяком случае, не восторг, как у большинства, это он знал точно. Все оказалось совсем не так драматично, как можно было себе представить, и он с удивлением понял, что не был готов к этому. Оказывается, не так уж это страшно, когда все вокруг переворачивается, подумал Шабан, входя в боковой коридор, — лишь бы и ты переворачивалея в ту же сторону. А может быть, все это бред, и мир наоборот встает с головы на ноги? Приятно так думать, а уж если быть с собой совсем честным, то приятно и наоборот, когда все за, а ты один против и упиваешься раздражением, благоразумно не показывая виду. Да нет, ерунда, я просто устал. Нельзя ни о чем думать, кроме постели, когда так устаешь, непременно отыщешь философский тупик там, где его сроду не было, и спать не захочешь, а назавтра: «И дурак же я вчера был!»

Кабинет Позднякова оказался запертым. Шабан бесполезно подергал дверную ручку. «Нет приема, — с неприятными интонациями только что разбуженного человека ответил дверной автомат. — Не рвите ручку и приходите в приемные часы».

Конечно, его разглядывали. Видеоанализатор прятался где-то здесь, скорее всего в самой двери. Спохватившись, Шабан расстегнул куртку, обнажая служебный значок второй степени. «Очень сожалею, но шефа действительно нет, — смягчился голос, меняя тембр — теперь это было бархатное контральто. — Если у вас срочное сообщение, пожалуйста, подтвердите это, и я попробую с ним связаться. В случае секретности сообщения категории выше третьей, согласно инструкции, передайте информацию в спецархив. Ближайший пункт приема информации находится...»

Шабан повернулся и побрел обратно. «Всего вам доброго», — задушевно сказал в спину автомат. И тебе того же, подумал Шабан, волоча ноги. Опять мимо. А было бы неплохо вот так и явиться к начальству, всклокоченным, с грязью в отросшей щетине, разнузданно ввалиться в ореховый кабинет, сжимая кулаки, провонявшие чужими мордами, принести с собой хотя бы запах того, что творится вовне, а там — рявкнуть, взорваться, заорать, что так дальше нельзя, и, может быть, тогда удастся увидеть — нет, не понимание, куда там, — хотя бы испуг, и то хорошо. Нет, поправил он себя. Не выйдет. С Поздняковым так не получится, не такой человек Поздняков. В лучшем случае возьмет за плечо и снова скажет: «Нельзя, Искандер, нель-

зя». Вот с Живоглотом можно бы попробовать, если припрет: слишком уж он властен, не может быть, чтобы не испугался человека, который его не боится. Хм... можно подумать, что я его не боюсь. И не только его, если разобраться. А хуже всего то, что меня даже устраивает, что Позднякова не оказалось на месте: развлекается, должно быть, как все, и значит, можно опять не торопиться с трудным разговором, тем более что пар я уже выпустил — солист со своим сопрано кстати подвернулся, — могу теперь без особого насилия над собой и завтра ничего не сказать, и послезавтра... И почему я, собственно, решил, что буду себя плохо чувствовать, если не вмешаюсь, один против всех? Очень может быть, что не так уж плохо...

Кровать была замечательная, распростертая на половину комнаты, предмет зависти, не какая-нибудь откидная полка. С наслаждением задвинув за собой дверь, на которую тут же обрушилась волна праздничного гула жилых ярусов, Шабан не раздеваясь плюхнулся на постель животом, затряс ногами, сбрасывая форменные боты. Расправившись с ботами, он уткнулся лицом в подушку и замычал от удовольствия. Спать не хотелось. Когда это я успел выспаться? — попытался вспомнить Шабан. Ах, ну да, в вездеходе. Тоже, нашел место... Он вспомнил испуганную физиономию Роджера и улыбнулся в подушку. Младенец все-таки, хоть и не совсем простак... Расстроился ужасно, когда ему так и не удалось связаться с Базой, и когда я попробовал, тоже не удалось — теперь-то понятно почему, — и, значит, чужакам в уцелевшем вездеходе удача улыбнулась во весь рот, имеют теперь неплохой шанс уйти живыми. Теперь, помимо тоннеля, еще забота — что-то предпринять, чтобы он не разболтал про дым в ущелье. Кстати, откуда там дым? С ума они, что ли, посходили? Наведаться бы туда, да в одиночку могут не выпустить — не Роджера же брать с собой. А если дым оттого, что их накрыли?.. Шабан почувствовал нервный озноб. Вот это плохо. Хорошо бы осторожно прозондировать Позднякова: если беглецов накрыли, то он должен знать, но страшно — может догадаться, умный он, когда не надо, куда мне до него...

Под боком промялась и зашуршала постель. Конечно, это была Лиза, кто же еще мог войти так, чтобы не было слышно ни шума шагов, ни колыхания воздуха. Она всегда

ходила бесшумно, но далеко не по-кошачьи, а скорее парила, едва касаясь ступнями пола, будто ее тело уже подхватил воздух, а ноги по милой забывчивости еще переступают по-прежнему. Так кошки не ходят. Мягкие руки, теплое дыхание, коснувшееся шеи. Шабан подумал, что волосы у нее, должно быть, сейчас распущены светлым водопадом, струи льются на плечи и на лицо поверх счастливых глаз, но не было сил повернуться посмотреть на нее. Она легла рядом, обняв за плечи, прижалась к нему, поцеловала в шею, и Шабан неприятно ощутил, что шея у него грязная и даже не вспомнить, когда мыл ее в последний раз, хотя, конечно, мыться перед разведкой самое бессмысленное занятие.

— Нет, нет, моя девочка, — пробормотал он нехотя. — Не могу я сейчас ничего, тошно мне, не человек я сейчас — кит на отмели, пес побитый, облезлый. Ты же у меня умная, все сама понимаешь.

Она понимала. Быстро поцеловав, отстранилась, спросила: «Ты голодный?»

— М-мм-м... — промычал Шабан. — Разогрей чего-нибудь. Только не сейчас, попозже. Через часок, если не засну, — и Лиза опять придвинулась, обхватила его руками, прижалась, что-то нашептывая, и смысл ее слов не доходил до Шабана, но ему был нужен этот шепот, и он блаженно расслабился, чувствуя, что под ее руками перестает ощущать границы своего тела и, может быть, в первый раз за много дней по-настоящему счастлив. Но Лиза вдруг приподнялась и затрясла его за плечи:

— Ты не спи. Слышишь, не спи! Я не хочу опять одна. Целый день одна и на прошлой неделе три дня подряд одна. Сегодня был праздник, и опять тебя со мной не было. Зачем ты уходишь? У тебя всегда злое лицо, когда ты собираешься уходить. Это оттого, что у тебя пистолет, да? Ты же не военный, зачем тебе пистолет? Ты всегда бросаешь кобуру в угол, когда возвращаешься. А сегодня не бросил. Потом ты опять уйдешь на несколько дней, и я опять останусь одна. Я не хочу. Почему мне нельзя всегда быть с тобой?

— Как прошел праздник? — поинтересовался Шабан, переворачиваясь на спину.

— Замечательно! — Лиза захлопала в ладоши. — Было так весело! Сначала что-то говорили. Я ничего не поняла, но люди вокруг кричали и смеялись. Потом заиграла музыка, и снаружи начали пускать в небо цветные огни. Я в

окно видела: много-много красивых огней, и все вокруг смотрели и радовались. А один огонь упал на вышку, и человек, который был на вышке, долго кричал и махал кулаком, а все люди смеялись и показывали пальцем. Я тоже показала пальцем, а люди увидели меня и опять засмеялись. Это так странно, когда люди смеются. Потом в небе прошли воздушные корабли, но это было уже неинтересно. А люди стали вдруг танцевать прямо в коридоре, и один из них захотел, чтобы и я с ним танцевала. Мы долго танцевали, а вокруг люди уходили и приходили и снова танцевали. А один начал шататься, как больной, и упал на пол, и все очень громко засмеялись. Они говорили, что он очень много выпил из бутылки. Тот, с которым я танцевала, тоже хотел, чтобы я выпила из бутылки, но я не стала пить, потому что ты говорил, что мне этого нельзя. А потом он пошел за мной по коридору и все уговаривал меня пойти к нему в комнату, и еще двое шли сзади и смотрели. Это было так смешно! Он стал хватать меня за плечи и тянуть в комнату, но я сказала: «Нет», и он странно посмотрел на меня, и те, другие, тоже. Потом он отпустил меня, и все они ушли. А я пошла домой и увидела тебя.

— Когда-нибудь доиграешься до того, что дашь себя изнасиловать, — хмуро сказал Шабан.

— Что такое «изнасиловать»? — спросила Лиза.

— Как бы тебе объяснить подоходчивее... Сама узнаешь, если и дальше будешь своевольничать. Я же тебе ясно сказал, чтобы не смела разговаривать с чужими. Кто тебе разрешил?

— Я забыла, — просто сказала Лиза.

— Забыла, — процедил Шабан. — З-забыла! — «Ты даже не представляешь, что теперь будет, — подумал он, впиваясь ногтями в подушку. — Да, девочка, язык твой длинный — враг твой и мой, и выходит, что учи тебя не учи, а как была дурочкой, так дурочкой и осталась, несмотря ни на что. Забывать, значит, научилась. Ох, не вовремя, и ведь забыла именно то, что никак нельзя было забывать».

— А больше ты ничего не говорила, одно только «нет»?

— Больше ничего, — сказала Лиза. Она улыбалась. — Только пела. Когда летели воздушные корабли, из стенки заиграла громкая музыка, и кто-то запел, и все вокруг тоже начали петь. Ты мне говорил, что это гимн. И я пела... те слова, которые знала. Теперь я выучила все слова. Там есть непонятные слова, но я их все равно запомнила. А что

такое: «Славой героев пространства озарены на столетья»? Кто озарен? Хочешь, я спою тебе это место?

— Нет уж, — сказал Шабан. — Обойдусь как-нибудь. Кстати, кто-нибудь слышал, что ты тоже пела?

— Нет. Кажется, нет. Музыка играла очень громко, и тот, из стенки, пел громче всех. Остальные как будто только рты открывали, ничего слышно не было.

— Ну ладно. Теперь расскажи, как выглядел тот, который тащил тебя в комнату. Ну там, характерные особенности, родинка на носу, например, или, может, он головой тряс? Может, ты его раньше где-нибудь видела?

Лиза покачала головой и по-детски положила подбородок на руки.

— Не видела. Обыкновенный он был. Как все. Потный, липкий. Я даже не запомнила его как следует. А зачем тебе?

— Зачем, зачем... Какая хоть комната?

— Раз, два... — Лиза старательно загибала пальцы. — Четыре. Значит, четвертая комната от первого поворота налево.

— Ага, — сказал Шабан. — Этого знаю. Его зовут Редла-Штуцер, прозвище у него такое — Штуцер, жмот по снабжению. С ним я договорюсь, жучок он мелкий, на поводу ходит и кругом должен, деньгам рад будет. А те двое, что паслись сзади?

— Один маленький, худой и какой-то темный. Кашлял сильно. Вообще-то я его не очень рассмотрела.

— Это Ли Оммес, — сказал Шабан. — Этот будет молчать. Всегда молчит, даже когда себе во вред. А третий?

— Третий красивый, — протянула Лиза. — Высокий, прямой, волосы вьющиеся. Вот так, мелко-мелко, — она покрутила пальцем, — целая шапка волос. Как будто ненастоящие. Когда они уходили, он обернулся и еще раз посмотрел на меня. А разве так бывает, чтобы люди ходили без значка?

— Что? — спросил Шабан. — У него не было значка?

— Не было, — улыбнулась Лиза. — Я думала, я тебе уже сказала. А что это значит, когда нет значка?

— Это значит, что значок у него лежит в кармане. Есть, значит, причина. Не нужен он ему на виду, понимаешь?

Лиза серьезно кивнула, и Шабану на миг почудилось, что она и впрямь поняла, но он знал, что это невозможно, как невозможно научить ребенка говорить сразу с рождения, хоть наизнанку вывернись, все равно ничего не вый-

дет. И конечно, Лиза была не виновата, виноват был он сам, и в том, что произошло, и в возможных последствиях. Мысленно он в сотый раз обругал себя и тот день, когда разрешил ей выходить в коридор. Нельзя было. Теперь вот мучайся неизвестностью... так тебе и надо, кретин, честно заработал, это тебе не лазером жечь. Если узнают, что она умеет разговаривать, церемониться не станут. Он пожевал закушенную губу и, почувствовав боль, вытолкнул губу на место. Человеком без значка мог быть только Гебрий Биртолли, журналист, и не какой-нибудь беззаветно загнанный начальством корпящий страдалец из местной газеты, а специально явившийся с Земли на открытие тоннеля корреспондент «Единого Ежечасного Курьера», известная фамилия, и непонятно, как он себя поведет теперь, когда услышал Лизин голос, потому что вряд ли не понял, что к чему. Наверное, понял, раз Лиза говорит, что уходя обернулся, подумал Шабан, — хотя, конечно, Лиза женщина красивая, почему бы ему не обернуться? Штуцер вот тоже оценил, а оценивши, возжелал и, должно быть, хватал не только за плечи, знал, сволочь, что от нее по физиономии вовек не дождешься. Ладно, со Штуцером мы еще разберемся, зато теперь есть предлог начать разговор с Биртолли — давно хотел, не знал, с какого боку подойти. Теперь проще: «Дошло до моих ушей, о недостойнейший из высокородных, что вы осквернили взглядом лик моей жены, так пусть Аллах рассудит спорящих. Ятаган при вас?» Надо же, дрянь какая в голову лезет. А потом плавно перейти к делу, все же Биртолли — это вариант, говорят даже, что он когда-то специализировался на экологии, и, в принципе, вариадонты могут его заинтересовать. Но все-таки скверно. Очень скверно.

— Ты уже не сердишься? — спросила Лиза.

— Нет, — ответил он. — Хочешь, я включу тебе газету?

Об этом можно было не спрашивать. Она радостно взвизгнула и захлопала в ладоши. Восторг у нее проявлялся непосредственно, как у ребенка. Вернулся муж, и муж не сердится, муж сейчас включит газету, и все будет хорошо, подумал Шабан. Ох, Лиза, Лиза, девочка моя...

Он включил газету и, когда посередине комнаты между потолком и полом повисли крупные желтые буквы, осторожно убрал стабилизацию. Для пробы сильно дунул — через секунду край текста начал загибаться назад, колыхаясь, как занавес. По давней привычке Шабан пробежал глазами первые строчки — так и есть, текст оказался праздничным

приветствием Правительственного Совета. Цвет букв показался ему слишком ярким, и, поморщившись, он заменил его на темно-коричневый. Лиза радостно засмеялась, и тогда он кивнул: «Давай, малыш, можно». Она соскочила с кровати и, легко подбежав к газете, взмахнула руками снизу вверх, будто выпускала в небо птицу. Газета всколыхнулась, рассыпалась, и буквы разлетелись по комнате, ударяясь о стены, рикошетом отскакивая от пола. За границами силового поля они постепенно теряли форму и становились прозрачными, в конце концов исчезая насовсем. Лиза со смехом гонялась за разлетающимися буквами. Набрав пригоршню, она с жадным любопытством смотрела на ладонь и, когда буквы пропадали, растерянно оглядывалась по сторонам. Эта игра ей никогда не надоедала. Шабан знал, что она хитрит, на самом деле растерянностью тут и не пахнет, а вот сейчас она лукаво посмотрит на него и улыбнется... Хорошая все-таки у нее улыбка.

Он закрыл глаза. Лиза, гоняющаяся по комнате за буквами, была привычна, но Лиза, поющая гимн, определенно не укладывалась в голове. А еще говорили, что ей никогда не удастся превзойти уровень двухлетнего ребенка, дескать, модель не человек, куда ей... Он поморщился, поймав себя на том, что назвал Лизу моделью. Жена. Женщина, лучше которой нет и не будет. А если и будет, то я этого не хочу, подумал он. А перспектива есть, особенно если Штуцер успел уже наболтать. Потом как ни кричи, что она мне жена, что она человек, а прикажут отдать — и отдашь, и лучше бы не знать о том, что они с ней сделают. Плохо, что я это знаю. Переговорить со Штуцером сегодня же, сейчас же, пока еще не поздно, а потом уже с Биртолли. Или наоборот? Лиза, Лиза... Сколько шишек сегодня набил и не думал, что последняя будет от тебя. А ты опять улыбаешься. Не спорь, я вижу. Ты всегда улыбаешься. Ты не умеешь плакать, они отняли у тебя даже это. Но это ничего, когда-нибудь я тебя научу, человек должен уметь плакать. Но все же лучше улыбайся, мне бывает хорошо, когда ты улыбаешься...

Когда в дверь ударили второй раз, не кулаком и не ногой, а чем-то тяжелым, Шабан уже пружинил на ногах сбоку от двери. Как скатился с кровати и, оттолкнув Лизу, метнулся к стене, он не почувствовал. Первое, самое ценное мгновение было выиграно, и теперь он с удивлением увидел свою руку уже на рукояти пистолета, а кобура словно и всегда была расстегнута. Он почти развеселился:

вот они, рефлексы, — но в дверь снова ударили, и тогда он медленно извлек пистолет. Снаружи били размеренно, упорно, и оттуда, заглушая уже порядком затихший праздничный шум, доносилось тяжелое злое сопение. Неужели Штуцер уже разболтал?

Лиза, не удержавшаяся на ногах, когда Шабан ее оттолкнул, поднималась с пола, все еще нерешительно улыбаясь. Она не понимала.

— Укройся там, — приказал Шабан, указывая рукой на спинку кровати. — И не высовывайся.

«Будут стрелять или нет? — билась в голове мысль. — Пока не сломают дверь, наверное, не будут, — не только дверь, а и себя берегут, а потом?»

В дверь застучали сильнее. Шабан медленно пятился: стрелять с близкого расстояния было бы самоубийством. Найдя ощупью дверную кнопку, он оглянулся на Лизу — она съежилась позади кровати, правильно закрывая руками голову, будто всю жизнь только этим и занималась. Было не разглядеть, улыбается она или нет. Шабан облегченно вздохнул и с силой вдавил кнопку в стену.

Глава четвертая

— Тьфу ты, — сказал Шабан, убирая пистолет. — Я думал, тебя давно след простыл.

— Н-не простыл, — объяснил Менигон. Он был пьян и выглядел вызывающе. В нос Шабану ударил резкий запах дешевого алкогольного суррогата, и Шабан, брезгливо пожав протянутую для приветствия руку, отодвинулся. Менигон немедленно воспользовался этим и, шагнув в комнату, попытался задвинуть за собой дверь. Руки его не слушались.

— Не хапай дверь, — холодно сказал Шабан. — Здесь кнопка.

Он тут же пожалел о сказанном: пока Менигон был в дверях, его еще можно было выставить. Теперь это превращалось в проблему. Он войдет и будет говорить, говорить, то проникновенно, то горячась, размахивая лапами и брызгая слюной; будет объяснять, почему он поступил именно так, а не иначе; будет захлебываться словами, ненавидя собеседника и в то же время всячески пытаясь убедить его в истинности только что пришедшего в голову абсурда. Или вдруг начнет каяться? И то, и другое — противно. А он

будет стараться, пока не выбьется из сил и не заснет прямо здесь, то ли на полу, то ли на кровати — и тащи его потом за ноги в коридор. Он не понимает, что все уже сказано, да и что тут еще скажешь, если при исторической сцене прощания каждый высказал все, что думал о другом. Все без остатка и сверх того еще многое, о чем лучше не вспоминать. До драки не дошло, и на том спасибо.

— Я д-думал, ты мне т-теперь и руки не подашь, — сказал Менигон, держась за стену. — А ты... — он вдруг икнул и качнулся, — а ты — п-подал. Руку.

— Я ее потом вымою, — пообещал Шабан. — Зачем пришел?

— Зачем?.. — На длинном лице Менигона отразилась работа мысли. — А и правда — з-зачем? Чего я у тебя не видел? Д-девку твою говорящую не видел? Я сам говорящий. И как говорящий говорящему я тебе говорю: н-не знаю я, зачем к тебе пришел. И ты не знаешь, — он вдруг выпрямился и бесцеремонно ткнул Шабана пальцем в грудь, — хотя тебе к-кажется, что ты знаешь. И она не знает... вон та, что за кроватью. Пришел вот, и все. Эт-то факт. А с ф-фактами нужно об-бращаться — ик! — осторожно... Во-от!

Шабан пошарил ногой вокруг себя, нашел обувь. Ему было тягостно. Не так уж легко терять друга, особенно когда человек, которого считал другом, приходит вроде бы неизвестно зачем, а на деле — искать понимания, и приходит в скотском состоянии, потому что иначе не может... Менигон — конченый. Теперь он эксперт, уважаемое лицо в агентстве по торгу и найму, да еще на Земле, не где-нибудь. Он сделал выбор и начал дрейф по течению, отдавая себе отчет в том, что неизбежно усилит это течение, и надеясь в душе, что усилит не слишком сильно. Это даже не предательство, подумал Шабан, зря я его тогда облаял. Это просто старость. Голову в песок и ни о чем не думать. Но он не сможет ни о чем не думать, очень он не прост и поэтому будет мучиться, пока сам не поверит в какое-нибудь выдуманное на свежую голову оправдание. Вообще-то Менигон — несчастный сдавшийся человек и, наверное, достоин сочувствия, только шел бы он сейчас к чертовой матери...

— Тебя не ждут на космодроме? — осторожно напомнил Шабан. — Между прочим, не советую тянуть с ренатурализацией. Лучше сделать здесь, а то на кораблях сам знаешь, какая халтура.

— На корабля-ях... — протянул Менигон и злорадно усмехнулся. — Врешь ты все, Искандер. Оп-пять врешь. Нету никаких кораблей, один к-кораб-бль есть, да и того, честно сказать, нету. Где он? — Менигон оглянулся, будто в самом деле рассчитывал найти в комнате корабль, и развел руками, но тут же снова схватился за стену. На его лице появилось горькое выражение. — Нету! — повторил он. — Нигде. Я теперь думаю: а может, его и не было?

— Твой корабль на космодроме, — сказал Шабан. — И я тебе настоятельно советую не тратить здесь времени. Упустишь рейс — застрянешь еще на полгода.

Менигон погрозил ему пальцем. Палец был желтый и костлявый, как у не вполне высохшей мумии.

— В-выгнать хочешь, — сказал он утвердительно. — Все меня гонят. Биртолли, хлыщ, на порог не пустил, Штуцер — ик! — и тот выгнал. А от тебя я не уйду, и не надейся. Здесь буду. Ты думаешь, М-менигон не в своем уме? Это ты не в своем уме, коли п-понять не хочешь... Не пускают никого в корабль, понял? И эк-кипаж не пускают, во! Охрана там, и даже не пьяная. М-морды! Ласково так заворачивают, с приб-баутками. А кого и п-побили.

— Так ты не улетаешь? — не поверил ушам Шабан.

— Ул-летишь тут, когда рейс отменили. Не отложили — эт-то ты заметь! — отменили. Р-раз — и нет рейса. Сплыл. Д-два — оглянулись — а отменять-то больше и нечего. А им мало, им еще хочется. И потому — впер-ред! От-менить! — Менигон возвысил было голос и снова опустил до шепота. — Меня отменят. Тебя... ик! — отменят. Всех...

Его голова поникла и вскинулась толчком, как резиновая. Он деревянно качнулся вперед и поймал Шабана за рукав.

— Потому что праздник, — сказал он с чувством. — Потому что радость, это ты понимаешь? А? Ты вообще-то понять способен? Гордость — понял? Радость! Я только сегодня понял, что такое радость. Это когда праздник, когда поют гимн и н-никто при этом не ржет и не х-хлопает себя по заду. Я сам пел! Даже прослезился, если хочешь знать, сам от себя не ожидал. Святые слезы! Оч-чищение — понял? И я теперь чист перед всеми вами, перед всем дерьмом вашим, и если меня не п-пускают в корабль, то только потому, что я чист, хоть и сам в дерьме, а это их не у...удовлетво...выворяет, им нужно, чтобы я был в дерьме и к тому же еще и грязен, тогда будет можно... А я чист! — Менигон ударил себя в грудь и, не рассчитав, отлетел к

двери. Здесь его колени разом подогнулись, будто сломались, он сел на пол и уронил голову на грудь.

Лиза, поднявшаяся наконец из-за спинки кровати, села на постель, смотрела на Менигона своими огромными детскими глазами, и Шабан, поймав ее взгляд, полный непонимания, подумал, что сам ничего не понимает. И уже не старается понять.

Такой Менигон был попросту невозможен. За три года общей работы Шабан видел его всяким. Он видел серьезного и сосредоточенного Менигона. Менигона осторожного и расчетливого. Менигона хладнокровного и насмешливого. Менигона — хулителя, фрондера и хама. Один раз даже — Менигона добродушного. Мертвецки пьяного Менигона он тоже видел. Но не такого.

— Шел бы ты спать, — неуверенно сказал Шабан. — Поздно уже.

Менигон зашевелился, с трудом, хватаясь за стену, поднялся на ноги и горько покачал головой.

— И все равно я улечу, — упрямо сказал он. — Не этим зв...звездолетом, так следующим. Ч-через полгода улечу. Ч-через год. Во они меня здесь удержат! Пешком дойду! — Он запнулся и завращал глазами. Было видно, что последняя мысль его ошеломила и поразила новизной. — Уйду, — повторил он с воодушевлением. — От вас от всех. К-как там у Баруха? Э-э... Да! «Мы уйдем по утренним звездам, и наши шаги...» Э-э... наши шаги... Шаги наши... м-м-м... ик! Не помню. Дальше-то как?

— «И наши шаги смешают во лжи добро со злом, и там, где мы ступим, не выпадет дождь и не опустится снег, и звезды будут гаснуть под нашей пятой и разгораться вновь там, где мы прошли, сжигая за нами боль наших слов и смрад наших тел, и не мигнут нам на прощанье», — закончил Шабан и, бросив взгляд на Лизу, заметил, что глаза ее затуманились. Она не просто слушала, она, кажется, услышала! Шабан почувствовал сладкую жуть, как всегда, когда открывал в Лизе новое. Она проснулась, подумал он. Она уже не заснет и уже никогда не станет просто моделью. Может быть, она когда-нибудь станет человеком. Может быть.

— В-вот я и говорю, что он был сумасшедший, — тянул Менигон, шлепая губами. — Я-то его уж не застал и знать не знал, а старик Гийом и справку видел. П-помнишь ст-тарика? Ну, тот, что тебя тогда в баре спас, когда тебе чуть ухо не откусили. Гхы! Шизофреником был твой Ба-

рух, ты сам это знаешь не хуже меня, да только кто-то придумал, будто говорить об этом н-не принято. К-кем не принято, я спр-рашиваю! Т-тобой? Девкой твоей паршивой не принято? — Менигон вдруг рассвирепел. Он уже не говорил, а рычал, брызгаясь. — Вот этой твоей игрушкой для постели не принято? Стервой твоей сексуальной? Ты, тебе говорю! Пшла!

— Пусть он уйдет, — робко вставила Лиза. — Я не хочу. Он страшный.

— Пошел вон, — с ненавистью сказал Шабан. — Дверь сам найдешь?

— А вот это ты видел? — кричал Менигон. — Д-дверь ему! Зря стараешься. Я от тебя никуда не уйд...йду, я твой наставник, если знать хочешь, меня Поздняков, свищ этот геморройный, еще когда накачивал: присмотри, мол, за этим... как его? За тобой, то есть, чтобы, мол, сглупа не гробанулся, во! И т-ты, молокосос, см-меешь меня гнать? Меня, куст ты ползучий! Наста-аа-авника, дрянь, своего! Коему ж-жизнью...ик!.. и в-вовек не расплатишься! Гад! Я т-твой наставник, понял? — и я тебе сейчас н-наставлю...

— Но-но, — пробормотал Шабан, отступая. — Утихни.

Но Менигон уже размахнулся. Потеряв при замахе равновесие, он попятился, силясь не упасть. Занесенный костлявый кулак тянул его назад, как магнит, на длинном желтом лице обозначились удивление и озабоченность. Шабан поймал его под мышки и потащил вон из комнаты. Менигон цеплялся за дверь. Потом он обмяк, перестал сопротивляться и позволил оттащить себя и поставить нетвердым столбом посередине коридора. «В случае чего дверь успеет захлопнуться, а там пусть себе ломится, — брезгливо подумал Шабан. — Охрану вызову».

— В-выгнал, — с горьким удовлетворением сказал Менигон. — И ты выгнал. Не пожалел. Отца родного, можно сказать, дайн либер фатер... Фатер фатеру — люпус. Волчий закон, понял? Это прерия. Дура лекс сед селяви... Стыдно теперь, а? А ты вот что... — Менигон качнулся вперед и неожиданно вцепился в комбинезон Шабана с такой силой, что на груди затрещало, — ты проводил бы меня, а? Я в-ведь один не дойду, я теперь на другом яру...русе, опять уступил м-молодежи... Проводишь? Ну, не надо, в-вижу, что не хочешь... А ты через не хочу, а? Ты т-только попробуй, и не стыдно тебе будет, а хорош-шшо, так ведь? А?

От него резко несло алкогольным суррогатом. Порош-

ком ползучего гриба тоже попахивало. Влажный мясистый нос свисал к подбородку, как сталактит. Шабан попытался отстраниться.

— Н-нет уж, — мычал Менигон. Разжать его хватку было невозможно. — Н-нет, ты уж меня доведи-и...ик! Т-ты знаешь, когда ид-дут двое пьяных, они сшш...шатаются по а-амплитуде в к-корень квадратный из двух б-больш...сшей, чем когда идет один. В-выпив-вший. Вот. А к-когда из двух ид-дущих только од-дин пьян... в-выпивш...ий... да! — то амплит-туда в к-корень из двух меньше, и ты вот это, я думаю, п-понимать должен, потому что г-голов-ва у тебя светлая, хоть и с п-плешью...

Длинный коридор был почти пуст, только в дальнем конце маячил кто-то, и Шабан порадовался тому, что их не видят. Потом он понял, что они уже идут в обнимку и покорился, чувствуя, что давно ему не было так тошно. Хотелось взвыть. Проклятое место эта Прокна, медленная убийца тех, кого не смогла убить быстро. Она их жрет. Вот Менигон, который был человеком. Даже редким человеком. Где он? Вот эта развалина, пускающая слюни, вот эти руины? Наверно, и Поздняков когда-то в молодости был неплохим парнем, а жизнь этого неплохого — об колено, об колено! С хрустом. Чтобы знал, что для того, чтобы ползти вперед, нужно быть скользким. И он старается, ползет по спинам других, устилающих ему дорогу, — он и рад бы не по спинам, да не выходит, не по спинам здесь мало кто умеет, а тот, кто умеет, тот чаще всего не хочет, потому что противно и без того, и не видно цели. Тот же Ли Оммес. Еще Тосихидэ, Гупта, Адам Панчев, прозванный, разумеется, Евой, да мало ли кто еще... А может быть, дело в том, что мы не сапиенсы? Есть же какие-то отличия, и не только в химии организма, а и в психологии тоже, об этом написаны труды, надо попробовать почитать, если будет время. Только времени, скорее всего, не будет. На нужное дело никогда не бывает времени, вечно чем-то занят: разведкой, снаряжением, обработкой результатов, начальством. Иногда даже своими мыслями, хотя проку от синдрома никакого. Мысль — продукт разума, почему-то пришло на ум. Но тоннель сквозь хребет — тоже продукт разума. И разум продуктом разума убьет чужой разум, не задумавшись и, вернее всего, даже не заметив. И может быть, уже убил...

Менигон совсем обвис, еле двигал ногами и цеплялся за шею. Шабан, морщась от гадливости, поддерживал его под

мышки. Недалеко впереди с тихим жужжанием уехала в стену дверь чьей-то комнаты, оттуда вышел некто румяный и розовощекий, со служебным значком пятой степени, по виду — мелкий чинуша из конторы, и, увидев разведчиков, панически заметался и юркнул обратно. Дверь за ним схлопнулась, как выстрелила. В прежние времена Шабан не удержался бы, чтобы не хряпнуть с разбега ногой по этой двери, а затем прислушаться и с удовлетворением услышать, как клерк с грохотом баррикадирует вход и как он срывающимся голосом кричит в интерком, пытаясь вызвать охрану. А потом смыться. И получить на весь день заряд бодрости и хорошего настроения. Правда, эта забава всегда была связана с некоторым риском. Если охрана со скуки и в самом деле не станет развлекаться, давая настырному клерку плоские советы, а прибудет на сигнал незамедлительно, будет худо. Люди здесь злы. Может быть, потому, что у них нет домашних животных, подумал Шабан. Кошечек бы неплохо натурализовать, морских свинок. Мне бы тоже иметь какую-нибудь свинку, пусть Лиза чешет ей за ухом. А что, это идея. Заведу себе Менигона на поводке, буду его выгуливать вдоль коридора... Или лучше заведу себе белого клеща.

Позади зажужжала еще одна дверь, кто-то грузным шагом вышел в коридор и остановился. Из-под руки Менигона Шабан оглянулся и обмер. Это был сам Юстин Мант-Лахвиц, бессменный шеф отдела Особой Охраны и приданных подразделений, он же Живоглот, маленький, квадратный, с газончиком блеклых волос на крупной шишковатой голове. Он смотрел вслед и улыбался.

— Стара, ст-тара ты, Эльп-пиника! — воскрес вдруг Менигон и снова уронил голову. Шабан невольно прибавил шагу. Встреча с Живоглотом — это никуда не годится. Казалось бы, что тут такого: бредет человек со второй степенью на значке, представитель уважаемой касты разведчиков, влачит уставшего товарища. Праздник же, все мы люди. А этот смотрит, будто увидел невесть что, и улыбается. При этом никто не знает, что он предпримет в следующую минуту, когда под бугристым черепом произойдет раскладка по чашкам весов, и чем это обернется для представителя уважаемой касты. И улыбается. Точно так же он улыбался, глядя, как его молодцы рвали на куски беднягу Эрдью — ходят слухи, что Живоглот лично вырезал ему язык, осмелившийся (гы-гы!) пролепетать что-то о злоупотреблении властью. Впрочем, скорее всего, это легенда. Но

характерная, поэтому говорят об этом шепотом и оглядываясь. А чаще всего молчат, и правильно. Наверняка все было гораздо проще, без вырезанных языков, без кровавой жути из детских ночных рассказок; гораздо обыденней, а потому страшнее. Но улыбочка Живоглота была, потому что не быть ее в тот момент не могло. Это уж у него с рождения — работа в радость. Он улыбался и тогда, когда на последнем усмирении приказывал затопить газом близлежащие норы убегунов, — а вот это уже не легенда, а документированная быль, и на кадрах хроники Живоглот жмурится, как сытый кот. Он любит улыбаться, и улыбка у него ласковая.

Кое-как свернули в боковой коридор, и Шабан утер со лба пот. С Живоглотом лучше быть в разных коридорах. Еще лучше — на разных ярусах, а самое заветное и недостижимое — на разных планетах. Чего это ради Менигон плел, будто Живоглот мне покровительствует? Или это мне приснилось? Чушь какая-то. Он же феодал, ему вассалы нужны, а я быть вассалом не умею. Я умею быть государственным служащим. В государстве с населением десять тысяч человек — одна трехсотая человека на километр квадратный — не мешало бы всем и каждому чувствовать себя государственными служащими. Но это тоже из области снов.

— В-в лифт не п-пойд-ду, — опять очнулся Менигон. — Гхм! Бху! В в-винтовой в-веди...

Шабан и сам не хотел в лифт. Хватит встречи с Живоглотом, совсем не обязательно напарываться на прочее начальство, особенно на Позднякова. Могут быть неприятности. Менигон спьяну полезет обниматься или впадет в буйство — и не видать ему Земли, не быть ему экспертом. Пусть уж лучше летит. Пусть катится «по утренним звездам», и как можно скорее. Месяца через два он будет на Земле, ошалевший от радости, потом отдышится, попривыкнет, а там, пожалуй, начнет скучать и окрашивать воспоминания о Прокне розовой акварелью, утвердится в своей правоте и года через три окончательно сопьется. Жаль, на Земле нет ползучего гриба.

Ага, вот и винтовой коридор, апогей обходного маневра. Дверь уезжает в стену медленно, со скрипом, ей совсем не хочется в стену. На двери вмятины: не то усталостная деформация, не то кто-то бился головой. Очень громко хлопает за спиной — вот вам всем! Так, теперь куда? Шабан притормозил набравшего инерцию Менигона и сам остановился, соображая. Вверх или вниз? На каком он ныне ярусе?

— Теперь хватит, — совершенно спокойным, ровным голосом сказал Менигон и отпихнул Шабана рукой. — Устал, поди. Все, цирк окончен.

Шабан остолбенел. Перед ним стоял прежний, хорошо знакомый Менигон со знакомой усмешкой в морщинках вокруг желтых глаз, разве что чуть более озабоченный, чем обычно. Чуть более сутулый, с длинными свисающими руками, с фигурой, похожей здесь, на наклонном выщербленном полу, в скудном свете заросшего пылью потолка, на огромную тощую человекообезьяну, зашедшую в эволюционный тупик. Не был он пьян, и не был он чист, даже если в самом деле тянул со всеми гимн, отрыгивая и притоптывая в такт, даже если прослезился — плевать ему было на гимн и на светлые слезы под праздничную выпивку без ограничения. Шабан почувствовал себя дураком, обиженным ни за что. Поделом дураку, не забегай, дурак, вперед. Менигон любит говорить, что нет смысла двигаться быстро, если не уверен, что идешь нужной дорогой. Он прав. Что ж, он нашел свою дорогу и быстро по ней движется. Он теперь добропорядочный. Что нужно, чтобы быть добропорядочным в праздничном Порт-Бьюно? Шататься по всему кубу и цепляться к людям, предварительно прополоскав рот какой-то химией в спиртовом растворе, мычать, изливая чувства, если неспособен иначе выказать восторг души, — пусть даже с жесткой усмешкой, запрятанной подальше вглубь, где не раскопают, с терпеливой покорностью участника длинного, сложного и абсолютно ненужного ритуала. К-конспиратор! А может быть, и не с усмешкой вовсе, и не с покорностью, а наоборот, с щенячьим удовольствием неофита, долго щурившегося на мутную мертвую жижу под ногами и наконец решившегося прыгнуть — ого! Жизнь-то, оказывается, хороша!

— Здесь их нет, — сказал Менигон удовлетворенно. — Так я и думал. А в твоей комнате их целых две, а может, и больше, это только я нашел двух, они даже не очень прятались. И никто не знает, чьи они...

— Кто — чьи? — спросил Шабан.

— «Блохи», — сказал Менигон. — Знаешь таких насекомых? Только эти «блохи» не прыгают, они ползают. Но шустро.

Шабан повернулся и шагнул к двери. Не будь Менигон когда-то его другом, не будь он и теперь его учителем... Или, скажем, будь на месте Менигона какой-нибудь Штуцер — плохо пришлось бы Штуцеру, хоть он и снабженец,

хоть перед ним и заискивают разные простаки. Чтобы впредь соображал, что разведчиков после разведки разыгрывать не стоит, разведчики люди грубые, розыгрышей не ценят и не любят, когда их беспокоят не по делу. А этим — шуточки. Вот и Винсент теперь — из «этих». Веселая планета Прокна.

— Дальше, надеюсь, дойдешь сам, — уронил он через плечо. — И больше не приходи, сделай одолжение. Считай, что попрощались.

— Я с тобой не прощался, — донеслось сзади.

Да? Вот как? Он хочет чего-то еще? Может быть, получить прощальное напутствие от некоего Шабана, какое-нибудь «семь парсек под килем»? Долетит и без напутствий, никуда не денется. Или ему хочется, чтобы некий Шабан немедленно, здесь же на месте поторопился заручиться протекцией на будущее, на случай если когда-нибудь все же вырвется на Землю? — и протекция, конечно же, будет оказана... Шабан сжал зубы и зашарил рукой по стене, отыскивая дверную кнопку.

— Стой, — сказал Менигон.

Шабан вздрогнул. Самое простое слово, но Менигон нашел то, что нужно. Вернее, он нашел тон, похожий не на команду, а на ответ на крик: «Спасите! Погибаю!»

Разведка. Горы. Воздушная волна впереди обвала, сбивающая с ног, жужжание каменной мелочи, опередившей основной поток, ужас и втягиванье головы в плечи, брошенный к черту геолокатор и двое безумцев, пытающихся спасти то, что тогда казалось им самым ценным: записи результатов глубинного сканирования, какую-то там проекцию месторождения А на плоскость В, относительной глубиною С. Вернее, безумец-то был один, а Менигон подыгрывал и тогда, и много позже...

Разведка. Степь. Пыль, вездеход трясет, турбина на пределе возможного режет уши смертным воем, а сверху, с голубого, как в насмешку, неба заходит для нового залпа боевой флайдарт княжества Хинаго. Он уже промахнулся один раз и ушел на разворот, ему нет дела до того, действительно ли вездеход из Редута нарушил ненароком границу, — да и кто может точно указать, где проходит граница? — он знает только то, что промазал, а это для пилота флайдарта непростительно, за это срывают нашивки, и поэтому он не отстанет...

«Стой, — говорил Менигон. — Дай-ка теперь я...» И давал! Еще как давал. На затылке у Шабана шрам, он ста-

нет заметен, когда Шабан облысеет окончательно, — это память о той глыбе, что падала на него, оцепеневшего, — и взорвалась каменной крошкой моментом после того, как Менигон из неудобного положения успел вскинуть оружие и поймать глыбу в прицел. И ведь именно он, а не кто-то иной размазал по небу неопрятную бурую тучку, подсвеченную огнем, — все, что осталось от боевого флайдарта княжества Хинаго. Были и другие случаи, Шабан их помнит, и Менигон, похоже, не забыл. Но это запрещенный прием — вот так играть на чужой ностальгии. Не надо бы этого.

— А мы ведь еще не договорили, — ленивым голосом сказал Менигон. — Впрочем, твое дело. Или ты спешишь?

— Я не спешу, — буркнул Шабан, косясь через плечо. — Я только не люблю, когда из меня делают идиота. Я с разведки и спать хочу, а тебе — шуточки. Приходи завтра, если ты думаешь, что у нас с тобой есть о чем говорить. Только учти, я так не думаю.

Менигон коротко хохотнул.

— Не-ет, малыш, — сказал он. — Говорить мы будем здесь. И думать тоже. Здесь лучше всего, а ты и не понял. Темный ты и упрямый, семь потов сойдет, пока тебя сюда вытащишь. Врос, как пень, и корни пустил, корчуй тебя, гулкого, и руки береги, а то еще занозу всадишь...

— А почему нельзя у меня? — на всякий случай Шабан решил не обижаться.

— Потому что у тебя «блохи».

— Что??!

— «Блохи», говорю. Ты что, про «блох» не слыхал? Что взять с разведчика! — Менигон развел руками. — Давно я с тобой не занимался, чувствуется влияние улицы на неокрепшую психику, ярчайшее проявление которого — самонадеянность и дремучее невежество. Да ты хоть о чем-нибудь кроме своего тоннеля помнишь? Ну хорошо. Может быть, тебе неизвестно и что такое «жучок», «баг»?

— Известно.

— А «блоха» лучше. Она умнее. Она не сидит на месте, а ползает, передает не только звук, но и изображение, а ночью — в инфракрасном. В поляризованном как угодно. В рентгене. В чем хочешь, то есть в чем хочет тот, кому принадлежит «блоха». У нее интеллект — гм — в отличие от некоторых моих знакомых. Есть тут один такой: «Ух, разведка! Ах, Лиза! Ох, тоннель!» А у него под ногами пешком ходят.

Шабан сглотнул. В голове закружилось: Менигон, не

удержавшийся на подгибающихся ногах и свалившийся на пол, оказывается, вовсе не потому, что переигрывал по артистической бездарности, а потому, что хотел рассмотреть на полу нечто мелкое; потом Лиза; потом самодовольный Роджер, подбитый вездеход с остывающим красным пятном на корме — и контуженное мелкое насекомое, бегающее кругами, противный писк под каблуком... Даже в разведке не уйти от чьего-то взгляда. Не выпускают... Держат.

— Живоглот? — спросил Шабан.

Менигон пренебрежительно махнул рукой.

— Если бы только он. Ну, конечно, и Живоглот тоже, ему и по должности полагается. По-моему, Лахвиц и сам бы непрочь выяснить, у кого еще есть свои «блохи», кроме него, Председателя и кое-кого из Совета. Ты думаешь, он спит ночью? Он «блох» ловит. И метит. Дело ответственное, не всякому холую такое доверишь, да и ловят их не руками, естественно, а... В общем, неважно. Ее же не просто поймать нужно, а суметь отключить так, чтобы ничего не успела передать, чтобы не получила команду на самоликвидацию, а пометив, следить, куда поползет. Это наука. Только всех «блох» не выловить даже Живоглоту, а про остальных и говорить нечего.

— «Блохи», — задумчиво сказал Шабан. Его передернуло. — Значит, и Поздняков тоже?

— А ты соображаешь, — похвалил Менигон, — хотя и медленно. Впрочем, ты и раньше не блистал...

— В моей комнате их две, — упрямо сказал Шабан, — а может, не две, а три или даже больше. Так? Допустим, одна из них поздняковская, а остальные? Мне что, не доверяют?

Менигон хмыкнул.

— Либо не доверяют, либо собираются двинуть в начальство. И в том, и в другом случае — побереги плешь. Не то сейчас время, чтобы делать карьеру, ты меня понял?

— Нет.

— И не надо. Но запомни, что я тебе сказал, очень прошу. Что-то будет, или я ничего не понимаю. Что-то надвигается, это как волдырь, который должен лопнуть. Когда он лопнет, будет плохо, и тоннель только ускорил дело. Ты не можешь этому помешать, я не могу, никто не может, потому что случится то, что должно случиться. Будет страшно. Обещаешь мне сидеть тихо и не высовываться?

— Почему это мне не высовываться? — спросил Шабан, хмурясь.

— Потому что, если высунешься, мне тебя будет очень не хватать, — задушевно сказал Менигон. — Мой тебе совет: на ближайшие дни напросись в разведку — подольше и подальше. Уяснил?

Нет, подумал Шабан. Чепуха какая-то. У Менигона — и вдруг таланты Кассандры. Это смешно. Чушь это. Бред грибного нюхателя.

— Ты меня за этим вызвал? — спросил он. — Что еще нового?

— Да что нового... — Менигон подвигал морщинами. — Тоннель, как ты уже, наверное, знаешь, додолбили. Радости полные штаны. Правительственный Совет от избытка чувств объявил три дня праздника. Они, дураки, не понимают, что за три дня многое может измениться... Что? Да провались ты со своей заумью, я тебе о главном, а ты о ерунде. Не было там твоих этих... составных мозгов или как их там, в сельву, должно быть, сплыли, если ты их не выдумал. Птиц там каких-то видели, говорят, с во-от такими носами, подстрелили их парочку на радостях. Вот тебе и все, а людей там тоже не было. Да, что еще? Башилаву-Носача из отдела Массового Досуга погнали в шею за некомпетентность и моральное разложение, а на его место прочат не то Пирсона, не то Ахилла Дремова, но это тебе, полагаю, неинтересно...

Это действительно было неинтересно. Но главное Менигон все же сказал: вариадонты не стали ждать, когда их накроет последним, прорвавшимся наружу взрывом. Они живы, они ушли в лес! Что-то сработало, разум ли, инстинкт ли самосохранения — какая разница! И теперь этот новый, неведомый нам нечеловеческий разум прячется в сельве, в гиблых зеленых топях, мучается страхом, потому что инстинкта самосохранения без страха не бывает и не всякий разум подавит страх, — сжимается от близкого шороха какого-нибудь безмозглого гада и спасается бегством от всякого шагающего баньяна. Потом они выползут из сельвы, потому что могут нормально существовать только вблизи выхода радиоактивного горизонта (после взрыва, когда пыль осядет в сельву, недостатка в радиации не будет, но это не то), вернутся — и будут встречены всей нашей мощью технологической цивилизации. Мы их не примем, для нас они не носители разума, а неопрятные кучи с дурным запахом. Гони их! А вот мы их разрядом... Да быстрее ты, уходят же!.. И они снова уйдут в сельву, извергнувшую их и готовую поглотить вновь, потому что ни-

чего другого сельва делать не умеет. А как бы хотелось думать наоборот: разум — хозяин сельвы, организующее, так сказать, начало, и сельва, кишащая зверьем, послушна его приказам... Вряд ли. Очень приятно так думать, но это, к сожалению, неправда. А от неправды надо избавляться. Надо, даже если очень этого не хочется...

— Это все? — спросил Шабан.

— Это не все, — сказал Менигон. — Теперь ты. О разведке. И подробнее.

Шабан пожал плечами.

— Ну что разведка... Разведка как разведка, обыкновенная. Гончих вот встретили. А так — ничего.

— Врешь, — Менигон погрозил желтым пальцем. — Говори дяде правду.

Правду ему? Ну, черт с ним, пусть слушает. Менигон слушал внимательно, и лишь когда Шабан добрался до боя с гончими и темного облака, вовремя скрывшего второй вездеход чужаков, засмеялся, коротко и зло.

— Опять щитоносцы, — сказал он с отвращением. — Верховные существа. Надоело.

— Что надоело? — спросил Шабан.

— Все надоело, — заявил Менигон. — Бардак в кубрике. Это по-нашему. Ты бы у них спросил: они молитвы только вместе с жертвами принимают или, может быть, можно всухую?

— С какими еще жертвами?

— С человеческими. Установим на крыше куба алтарь, что там еще полагается? Позднякова — верховным жрецом, из него хороший шаман получится. А что? Это можно поставить на поток. А ну, у кого значок пятой степени? Шаг вперед. И — по жребию, раз в полнолуние. Или наоборот, в новолуние. Под барабанный бой. Мы к этому давно готовы, можешь не сомневаться. Дело за малым: официально щитоносцы еще не признаны. Значит, будут пока подпольные секты, будут гонения. Инквизиция будет, подозреваемых в сектантстве — на шельф.

— Трепло ты, — сказал Шабан. — Щитоносцы существуют, это факт. Я их корабли сам видел.

— Я тоже видел, — сказал Менигон. — Да все видели. Это-то и интересно. Сожрали четыре ракеты. Так нельзя. Это колебание устоев. Последние триста лет человечество живет с убеждением, что в обозримой Вселенной нет иного разума, кроме его собственного...

— Уже есть, — перебил Шабан. — Вариадонты.

Менигон насупился, и стало видно, как ему хочется изложить свое мнение о собеседнике и о его манере прерывать его, Менигона, свободное излияние речи, однако он сдержался и потребовал рассказывать дальше. Услыхав про дым в ущелье, он стал очень серьезен.

— Похоже, ребят накрыли, — сказал он после раздумья. — Хорошо, если только с воздуха, тогда у них еще есть шанс. Но если наши орлы высадили десант — тогда худо. Перебьют как дичь, это им в удовольствие, защитничкам... Стой! — Менигон сощурился. — Если там были солдаты, то они могли видеть и тебя, и гончих, что тебя гоняли, а значит, обязаны были вмешаться. Однако не вмешались. Значит, либо там была задействована не армейская часть, а охрана, либо там никого и не было. Правильно я говорю? Надо попытаться узнать... Погоди, погоди, в какое время ты видел дым?

— Не помню. Что-нибудь около шестнадцати по местному, я думаю.

— Ага, — сказал Менигон. — Иначе говоря, информация должна быть в спецархиве уже сейчас, а если сделать поправку на праздник и разгильдяйство, то самое позднее завтра к утру. У тебя есть допуск?

— Откуда? Нет, конечно.

— И правильно. У меня тоже нет. Не знаешь, у кого можно одолжить значок первой степени?

Шабан заморгал. Сейчас что-то случится, механически подумал он. От таких слов может упасть потолок. И это спрашивает Менигон, обычно сверхосторожный, несмотря на вечную свою хулу на начальство! Но хула имеет право на существование и начальство ее терпит, полагая необходимой разрядкой, зато передача личного значка в чужие руки дело рискованнейшее, и виновный (вернее, оба виновных, если, конечно, значок не был выкраден) никак не имеют шанса отделаться всего лишь шельфом. Даже не хочется думать, чем это может кончиться.

— У Позднякова первая степень, — сказал Шабан, облизнув губы. Потолок не упал, и это было странно. — Только я к нему с таким вопросом не пойду. Сам иди.

— Спасибо, — сказал Менигон. — А помимо Позднякова?

Шабан подумал.

— У Биртолли должна быть первая степень, — неуверенно сказал он. — Он-то значка не носит, надоело, как видно, что все перед ним в струнку, как перед генералом, он и так не знает, куда от славы деваться.

— Хлыщ этот? А ты с ним знаком?

— Косвенно, — усмехнулся Шабан. — Он обо мне писал в «Курьере». Помнишь?

— Помню. Вот и попробуй.

— Вот и попробую. А ты?

— И я попытаюсь, — сказал Менигон. — До отлета, во всяком случае. А если не успею — тогда ты один. Надеюсь, справишься.

Будто хлестнули по лицу. Значит, ничего не изменилось, значит, Менигон все-таки решил лететь, вернее, бежать во что бы то ни стало. А он-то, дурак, надеялся... на что, спрашивается? Крысы не тонут. Они бегут и, разумеется, очень правильно делают. И все-таки они — крысы.

— Да, вот еще что, — сказал Менигон. — Хотел спросить: ты ту плантацию гриба, надеюсь, гусеницами не давил, а? Согласно инструкции?

Шабан сделал над собой усилие и пожал плечами.

— Нет, конечно. Не пойму: с какой стати мне ее давить?

— Это хорошо, — кивнул Менигон. — Ты молодец. А то у меня там пай, было бы жалко. Ну, что смотришь? Существует старая проверенная истина: не пытается устроиться сам только тот, кого и без того все устраивает, а где ты таких в Редуте видел? Я — не видел. И перестань пялить глаза, эка невидаль — пай... Хочешь, похлопочу и за тебя, если имеешь наличные. Так, мол, и так, есть хороший человек, не болтливый, ценимый начальством, то да се, но в глубине души лопух, потому что считает себя неудачником, надо бы порадеть такому... А?

— Я подумаю, — сказал Шабан. Он не был готов к тому, что снова придется стискивать зубы. Однако пришлось.

Менигон скорчил гримасу.

— Подумаю, подумаю... О чем тут думать? Соглашайся, пока я еще здесь. Поздно же будет.

— Ты все-таки улетаешь? — спросил Шабан.

— Не «все таки», а именно улетаю. Как только «Юкон» выпустят, так и отчалю. А ты что думал?

— Я думал, в тебе больше совести.

— Я и сам так думал, — сказал Менигон. — Но ошибался.

— Дрянь ты, — выдавил Шабан, уже не сдерживаясь. — Грибник. Шкура.

— Будь осторожнее, — говорил Менигон. Он не слушал и не собирался слушать, и это было оскорбительно. — Дер-

жись Позднякова и по возможности не высовывайся. Что-то должно произойти, и очень скоро. Может быть, завтра. Может быть, это уже началось. Будь внимательнее. Уже что-то должно быть заметно, какие-то глубинные токи, ведь никогда не бывало так, чтобы никто ничего не заметил. Отправляйся в разведку, отсидись там. Между нами: держись подальше от Коммуны. Анклаву конец, так им нужно. А на Живоглота плюнь...

— Гад, — сказал Шабан, давя кнопку. — Холуй барский. Эксперт.

Винтовой коридор был покинут, и Менигон немедленно начал пошатываться и уцепился за стену. Утвердив себя прямо, он посмотрел на Шабана долгим взглядом, и Шабан понял, что Менигон прощается. И на мгновение ему показалось, что в этих очень правдоподобно осоловевших глазах промелькнуло что-то не совсем обычное, что-то вроде гордости учеником и тоскливого сожаления о чем-то несбывшемся, но промелькнуло только на мгновение — и глаза снова потухли и стали бессмысленными. Нет, показалось. Конечно, показалось.

Ладно хоть отстал, и то благо. Сворачивая в свой коридор, Шабан видел, как Менигон, увязавшись за чьей-то семенящей вдоль стены моделью, шатаясь и размахивая руками сильнее прежнего, пытается ее поймать во вратарском броске и бубнит ей: «Цып-цып-цып...»

Клоун. А ведь почти национальный герой, человек-легенда, впервые подтвердивший существование радиоактивного горизонта. Из тех, о ком поется: «Славой героев...», чье имя впоследствии войдет в школьные учебники, да так, пожалуй, что будущие дети Прокны вообразят себе серьезного ученого, спокойного и вдумчивого дядю, а не разведчика, потного и пыльного, сплошь и рядом озабоченного тем, как остаться в живых, и только. Он убивал, и его убивали. Он убивал лучше и потому выжил. Это жизнь, в этом обязательное условие существования на Прокне, и дети, повзрослев, поймут. И сделают свои выводы, поэтому из кого-то из них вырастет второй Винсент Менигон, а из кого-то — второй Юстин Мант-Лахвиц. Хорошо, что дети не такие прагматики, как мы, иначе вокруг были бы одни Юстины.

Шабан на ходу потер затылок, размышляя. На пальцах остался клок волос. Вот черт... Лысею. Есть такая легенда: если человек после натурализации лысеет, значит, он хороший человек. Многие верят, особенно лысые... Ладно.

Как там было сказано: плюнуть на Живоглота? Интересная мысль. Это на человека, который непонятно почему до сих пор не подмял под себя Правительственный Совет? Хороша рекомендация, в духе оракула — попробуй истолкуй. Но Менигон зря болтать не станет, хотя его слова могут означать то, до чего не сразу додумаешься. Например, наличие в Редуте кого-то, кто могущественней Живоглота. Вот это страшно. Правда, в такое верится с трудом, но, с другой стороны, все возможно, и Менигон был бы более откровенен, если бы не читающаяся на его лице фатальная уверенность в том, что ему, Шабану, Биртолли и вообще кому угодно в любой час могут подослать «блоху» с крошечным баллончиком, заряженным возбудителем пятнистой горячки...

Ничего не понимаю, подумал Шабан. Какая-то возня, непонятно чья и непонятно зачем. Надо же: «блохи»... «Блохи» разных, должно быть, пород, разного подданства. Кто же хозяева, а? Что-то много получается, откуда только «блох» берут? Не иначе, импорт, здесь-то их не делают. Хотя откуда я могу знать, что здесь делают? Или, может быть, они умеют размножаться? Очень может быть. Может быть, существуют и «блохи»-хищники, уничтожающие чужих «блох»? Не знаю, не знаю... Энт-томологи! Следят, не выпускают из виду. Значит, и про Лизу им известно, вдруг понял Шабан и почувствовал, как по спине побежали мурашки. Значит, известно уже давно, с тех пор как я научил ее произносить первые слова. Они слышали ее первый, совсем детский лепет — Поздняков слышал, Живоглот слышал... кто там еще? Но — молчат: не иначе, Поздняков бережет ценного работника от душевной травмы, а если так, то плевать мне теперь на эту троицу: Штуцер, Оммес и Биртолли... Шабан покусал губы, соображая. Черта с два — плевать. Одно дело знать и помалкивать и совсем другое — письменная докладная, которой Поздняков будет вынужден дать законный ход, да, скорее всего, докладная попадет не к нему, а сразу к Живоглоту — и это конец. Нет, надо идти, упрашивать, клянчить, сулить и прочее... И немедленно.

У Оммеса оказалось заперто: не то он отсутствовал, не то уже спал. Идти к Биртолли было рано. И Шабан пошел к Штуцеру.

Дверь сработала сразу, едва Шабан нажал кнопку вызова. Похоже, здесь его ждали, и Шабан не удивился: Штуцер никогда не упускал своего. За первой дверью неожиданно обнаружилась вторая — настоящая деревянная дверь

в резных завитушках, крепкая и массивная, как ворота средневековой крепости, и, кажется, даже из выдержанного дуба или какого-то другого благородного дерева, только не из местных пород. «Живут снабженцы», — мимоходом подумал Шабан и толкнул дверь.

Здесь было благопристойно. Никто не шумел, не вопил песен и гимнов, не спал под столом в собственной луже и не затевал с моделями игру в «поймай — не отпусти». Собственно, моделей в комнате не оказалось вовсе, зато Штуцер наличествовал полностью и в соответствии с праздником выглядел даже более розовым, чем обычно. Будто ошпаренным. Он был не один, рядом с ним за столом, заставленным полупустыми бутылками и картонными тарелками с недоеденной закуской, по обе стороны от хозяина апартаментов в неестественно прямых позах сидели двое, и Шабан, кивнув всей троице, попытался припомнить, где же он видел этих двоих, и не припомнил. Зато закуска на столе была хороша, особенно заманчиво выглядели местные лангусты, уловленные в Дымящейся реке и, наверное, еще сегодня утром шнырявшие по дну в поисках съестного. За лангустами пламенели нездешние розовые яблоки; на блюде поверх тающего балыка лежало земное чудо: синий, как грыжа, натурализованный баклажан. Шабан заставил себя отвести глаза и непроизвольно сглотнул. С первого же взгляда ему стало ясно, что здесь ждали не его.

— А-а, разведка! — радостно закричал Штуцер. — Что, опять сальники текут? Познакомьтесь, это Шабан из разведки, краса и гордость, так сказать... Орел!

Двое незнакомцев молча наклонили головы. Тот, что сидел анфас, помимо кивка, вынул откуда-то из-за спины руку, механическим движением, как оживший манекен, налил себе рюмку прозрачной, посмотрел сквозь нее на Шабана, беззвучно опрокинул в рот и вяло пожевал губами. Он был похож на второго, и оба они были рослые, крепкие ребята, их можно было бы принять за удачные модели, если бы Шабан не знал, что выпуск мужских и бесполых моделей в отделе «Био» хотя и планируется, но разработка не завершена.

— Ваше здоровье, — пробормотал Шабан. — Я, пожалуй, зайду потом. Попозже.

— Это почему потом? — возмутился Штуцер. — А сейчас? А праздник? Мы еще за тебя не выпили, равно как и за всю разведку, и ты за нас еще не выпил. Налейте-ка ему, ребята.

Лжемодель, сидящая в профиль, потянулась за бутылкой.

— Э, нет, ребята, — сказал Шабан. — Сейчас не могу. Мне сейчас пить нельзя, не то свалюсь. Я прямо с маршрута. И потом... — он конфузливо покосился на рослых «близнецов», — у меня к тебе личное дело. А ты с компанией... Так что потом.

— Это кто компания? — сказал Штуцер. — Это вот эти компания? А вот сейчас они не будут компанией. Эй, ребятки! Посидите-ка пока в той комнате, договорились? Видите, человек пришел, что-то одному мне сказать хочет. Так ведь?

— Ну зачем же так, — пробормотал Шабан. — Так неловко как-то...

Штуцер не обратил на него внимания. «Близнецы», прихватив со стола початую бутылку, безропотно скрылись во внутренней комнате. Дверь, тоже дубовая и похожая на ту, что Шабан уже видел, поехала за ними медленно, словно броневая плита, и беззвучно захлопнулась.

— Хорошо устроился, — сказал Шабан, оглядывая помещение. — Две комнаты у него, двери из настоящего дерева. Лангустов жрет. Так вот куда идут мои денежки, а?

— Может, все-таки выпьешь? — спросил Штуцер. — Хорошее пойло.

Шабан с сомнением посмотрел на желтую бутылку.

— Коньяк?

— Вино, — сказал Штуцер. — А какое — не знаю, убей бог. Завалялось вот. Пей, пока дают.

— Нет уж, я лучше понюхаю, если ты не возражаешь.

— Ради бога, — уверил Штуцер. — Пожалуйста.

После лошадиной дозы, принятой в вездеходе, сушеного гриба осталось мало. Шабан осторожно высыпал на указательный палец немного порошка и, заранее жмурясь, вдохнул. Когда тело вновь стало легким и в голове прояснилось, он открыл глаза и поискал на столе чистую тарелку.

— А ты не боишься, что я сообщу в охрану? — спросил Штуцер. Он смотрел на Шабана изучающе и неприятно щурился.

— Не боюсь, — сказал Шабан, накладывая себе еду. — У кого ты тогда в долг брать будешь? Кто тебе даст?

— Шельф по тебе скучает, — заметил Штуцер и потянулся за лангустом. Шабан, пользуясь случаем, последовал его примеру. Лангуст уже не дымился, как ему было положено, и вообще был холодным и скользким на ощупь, как

если бы его подали на стол часа три назад, да так оно, наверно, и было.

— Ну что — шельф, — сказал Шабан, осторожно разламывая шипастый панцирь и вгрызаясь в мясо. — Не видел я шельфа, что ли? И на шельфе люди живут. Конечно, когда приливная волна смывает буровую — это неприятно, особенно если ты находишься как раз на той буровой. А так — жизнь как жизнь, терпимо. Скучно, правда.

«А здесь не скучно? — поймал он себя. — Ведь невозможно же, волком же взвоешь... Впрочем, нет, здесь-то по всем параметрам не скучно. Но лучше скука, чем такая жизнь. Там скучно, а здесь скученно, и от этой скученности люди звереют. Нельзя же в самом деле запихнуть шесть тысяч человек в стальной куб с ребром в двести метров и всерьез рассчитывать на то, что им здесь будет хорошо и воцарится тишь да гладь. Бред это, хотя, конечно, мера вынужденная, удобная для управления, невозможно себе представить мало-мальски эффективное управление вне этой скученности и непрерывной малопонятной возни, черт знает что это будет, а не управление. И все же люди должны жить как-то иначе, — подумал Шабан. — Но я не знаю — как. Наверное, нужен маленький домик с видом на горы, тишина, узкий круг приятных и неназойливых соседей, и чтобы на ветру в окно стучали ветви деревьев. Пусть даже не земных деревьев, а местных, не всех же тошнит от их вида, можно подобрать себе соседей, которых не тошнит. И пусть обязательно будет Лиза, пусть она встречает меня, грязного и уставшего, пусть она меня моет и кормит и вообще пусть занимается мною, а потом, когда я немного отдохну, я займусь ею, ее и сейчас нужно учить разговаривать, вдалбливать ей словарный запас, потому что говорит она все-таки плохо. Но у нее все впереди, она лишь полгода назад произнесла первое слово, и значит, можно надеяться на большее. Потом я научу ее читать. Потом — думать, это очень важно. Они говорят — модель. Что они знают о моделях? Немногим больше, чем я, а я — ничего. А у моделей гигантские неиспользованные возможности, я это чувствую. И может быть, Лиза очень скоро заткнет меня за пояс, может быть, я окажусь именно той ступенькой, с которой она рванет... Но до той поры мы будем проводить долгие вечера вдвоем, я стану ее учить и охрипну, потому что знаю, что это такое — учить модель, — и буду счастлив, замечая, что она научилась чему-то новому, а потом за окном стемнеет и Лиза начнет

вопросительно поглядывать на постель, проявляя атавистические признаки своего предназначения, а я буду делать вид, что ничего не замечаю, а потом выйду из себя и рявкну. Потому что вот она — постель, потому что впереди ночь, одна на двоих, и сдерживаться, право же, очень трудно...»

Стой, оборвал он себя. Нашел время. Очередная утопия на тему «как было бы хорошо, если бы...» Если бы что? А если Штуцер донесет, даже не из корысти и не из чувства долга, о котором он знать ничего не знает, а просто так, потому, допустим, что ему не нравится моя физиономия? Утопии — это опасно. Они похожи на надгробия, поражающие стройностью линий и потому очень привлекательные на вид. А в глухую защиту не хочешь ли? С головою? Не рассчитывая ни на что и отдавая по куску то, что есть, не хочешь ли? «Ты везунчик, — говаривал Менигон. — Тебя мало били. А надо бы». Сказано: будет страшно. Кому страшно и в каком смысле? Нужно очень постараться, чтобы стало еще страшнее, чем есть. Война, что ли? Что там сказал Менигон про анклав? Война с Коммуной — это смешно. Анклав не Хинаго — прихлопнут убогого и не заметят, как прихлопнули. Да и зачем? Кому он нужен, анклав, со своим натуральным хозяйством и тощими рудами? Никому, и это правильно.

— Ты по делу? — напомнил Штуцер, хрупая лангустом. — По какому?

Лангуст оказался вкусным. Дожевав членистоногое, Шабан нашел свежую салфетку и вытер руки. Со Штуцером не стоило темнить, по части уверток Штуцер был мастером. На всякий случай Шабан прислушался. Было тихо. С подбородка Штуцера капал сок. «Близнецы» сидели во внутренней комнате и не издавали ни звука. Вероятно, подслушивали.

— Ты вот что, — решился Шабан. — Ты мне сколько должен?

— Я? — удивился Штуцер и наморщил лоб. — А ведь и верно — должен. А вот сколько? Это ты должен помнить, брал-то я у тебя, не у кого-нибудь.

— У других ты тоже брал, — сказал Шабан. — А мне ты должен триста монет. Теперь припоминаешь?

Штуцер развел руками.

— Должен так должен. Принимаю на веру. И когда это я у тебя брал? Нет, не помню. Триста монет — надо же...

— Считай, что они твои, — сказал Шабан. — И дам еще сто, если будешь держать язык за зубами. Идет?

— Это насчет чего за зубами? — ненатурально удивился Штуцер. — А-а, догадываюсь. Угу. Так это была твоя блондиночка? Хороша киска, не отрицаю, сразу и не скажешь, что модель. Так в чем проблема?

— В твоем языке, — сказал Шабан, сдерживаясь. — Проглоти.

— А как же, — пообещал Штуцер. — За пять сотен проглочу обязательно.

— За сотню, — сказал Шабан. — Ну так и быть, за две. Но не больше.

— Жмот, — сказал Штуцер. — Не я, так другой. Тебе все равно прямая дорога на шельф, зачем тебе там деньги? Ладно, пусть будет двести. Считай, даром. Другой бы на моем месте потребовал бы с тебя твою киску на ночь, но Редла-Штуцер хороший человек. Вот за это давай и выпьем. Тебе какого?

— Никакого, — сказал Шабан. — Сам пей. А я пошел. Деньги завтра. Будь здоров. — Он тяжело поднялся. — А если все-таки сболтнешь... в общем, не советую тебе болтать. Разведчики — люди грубые...

— Э, ты погоди! — последних слов Штуцер будто и не слышал. — А как же праздник?

— Спать иду, — и Шабан поднялся. — А праздник — он и завтра праздник.

— Вот и выпей, чтобы крепче спалось. И за завтрашний праздник выпей. — Штуцер скалился. — И за шельф выпей, шельф ненормальных любит, привет там передашь от Редлы-Штуцера...

Шабан махнул рукой и выпил. Вино оказалось на удивление приятным, Шабан не пробовал такого уже много лет и не подозревал, что на Прокне может существовать такое вино. Ну и ну, ухмыльнулся он про себя, делая прощальный жест. Вот тебе и Редла-Штуцер, тот еще жук полосатый. Снабженец. Апартаменты, как у Арбитра, ест-пьет в свое удовольствие, и крепкие ребята у него на коротком поводке. Вот только модели у него нет. Интересно, почему у него нет модели? При своих талантах мог бы иметь и двух, и трех... Пижон. По сути, обыкновеннейшая сошка, работает с разведчиками, и значок у него всего-то третьей степени — а как пыжится, не хочет быть тварью дрожащей. Другой бы десять раз подумал, прежде чем так зарываться. Или у него свой человек в отделе Контроля? Тогда, конечно, другое дело. Между прочим, вот кто мог бы достать значок первой степени — Штуцер. Пожалуй, тысячи

за полторы сделает и даже не станет откладывать до утра. Вернуться, что ли? Шабан сделал несколько шагов от задвинувшейся за ним двери и остановился. А что, пополам с Менигоном, пожалуй, наскребем, пусть Штуцер подавится... Опасно, снабженец ненадежен. Такие обычно очень лояльны и не нарушают основ, а потому попросту берут деньги, ободряюще хлопают по плечу и бегут докладывать Лахвицу, а Лахвиц, должно быть, без лишних слов отбирает половину суммы, если не всю, и улыбается — жмурится, сытая тварь, сужая и без того невеликие глазки в крохотную щель, прежде чем мигнуть кому надо... Лучше, гораздо лучше последовать доброму совету и напроситься в разведку как можно скорее. Завтра же, и постараться, чтоб без Роджера. Выяснить все о том дыме — может быть, с ребятами все в порядке и они даже настолько осмелели, что попросту жгут старый мусор? Какая-то чушь. Или они забыли, что Живоглот очень даже интересуется такими, как они?

Я глупею, подумал Шабан. Вот вопрос: откуда на нашем ярусе взялся Живоглот? А? Вот откуда: он вышел из комнаты, и это комната Штуцера. Та самая дверь, ошибки нет. А вот это уже интересно: какие такие дела у Живоглота со Штуцером? Почему Живоглот, который сроду ни к кому не ходил просто в гости, ходит к Штуцеру? Покрыто мраком. Любопытный, оказывается, тип этот Штуцер. Вроде бы кутит, тихо и благопристойно, как любой служащий, не желающий неприятностей, только это не кутеж. Это что-то совсем другое, какая-то осторожная подземная возня. Прав Менигон: что-то будет. Чего-то они ждут, к чему-то готовятся, но молчат. Теперь многие молчат, и не то чтобы боятся, а просто молчат на всякий случай. Всякому известно, что всякий случай может случиться со всяким. Вот и молчат.

Он вернулся к себе. Лиза ждала, не выходя из комнаты, на оконном экране была непроглядная ночь, и вообще пора было спать, но сначала было бы неплохо помыться. Кивнув привставшей с кровати Лизе, Шабан содрал с себя одежду и, отцепив значок, впихнул комбинезон в приемный лоток прачечной. Раздался всхлипывающий звук, комбинезон был втянут и заскользил куда-то вниз, в бездонное чрево Порт-Бьюно. Через полчаса он вернется назад выстиранным, выглаженным и спрыснутым чем-то ароматическим — если, конечно, на том конце не перепутают адрес. Нижнее белье Шабан прачечной не доверял — его стирала Лиза.

Отмывшись, он еще пофыркал под душем, потом с сожалением выключил воду, обсох под струями горячего воздуха и надел свежее белье. Спать, как назло, уже не хотелось. Он лег на край кровати, потеснив Лизу и недовольно пробурчал, когда она попыталась придвинуться:

— Спи.

— Мне не нужно спать, — сказала Лиза. — Ты же знаешь.

— Всякий человек должен уметь спать, — сказал Шабан, глядя в потолок. — Следовательно, и ты должна уметь спать, поскольку ты человек.

— Я твоя жена, — сказала Лиза.

— Это не меняет дела. Попробуй уснуть. Мне сейчас нужно, чтобы ты уснула.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — Ты знаешь, я ведь умею спать, у меня уже получалось. Только я не понимаю, зачем это нужно — спать. Ничего не видеть, не слышать... Мне только интересно, как это бывает, когда снится сон. Это как по правде или как-то иначе? А еще я слышала, что бывают страшные сны.

— От кого ты это слышала? — с подозрением спросил Шабан и приподнялся на локте.

— От тебя. Сделай так, чтобы мне что-нибудь приснилось. Только что-нибудь хорошее, ладно? Я не хочу плохого.

— Конечно, — сказал Шабан и сглотнул комок. — Ты спи. Тебе обязательно приснится что-нибудь хорошее. Что-нибудь очень доброе. И пусть это будет как сказка...

Минут десять он лежал, закинув руки за голову и стараясь не шевелиться, потом осторожно перевернулся на бок и стал смотреть на оконный экран. Лиза размеренно дышала — не то спала, не то делала вид, что спит. На экране, включенном на обзор в южном направлении, над невидимым в кромешной тьме хребтом висел Терей — маленькая, неправильной формы луна Прокны, похожая на редьку без ботвы, с диковинной остроугольной скалой-хвостиком, выпирающим на половину радиуса. Редька заметно для глаз ползла по черноте хвостом вниз, не вращаясь и не меняя яркости, словно в самом деле была нормальным спутником нормальной планеты, а не захваченным по случайности астероидом. Как человек, лениво подумал Шабан. Тоже пыжится, полагает себя аборигеном. А вон та яркая звезда — это Пузырь, гигантская газовая планета, сейчас она в афелии и не страшна, но каждые шестнадцать лет она проходит перигелий, и тогда Прокну начинает корчить землетря-

сениями. А вон та тусклая звездочка — это ближайший сосед, оранжевый карлик Ликтор, там тоже есть заселенная планета, давний член Лиги. Интересно, одни мы такие уроды или и там есть модели?

Он вспомнил, как еще новичком заказывал модель, как смущался, что вовсе не мешало общему игривому настроению. Стыд, горький стыд... И ничего нельзя изменить, что было, то было. «Так вам, говорите, блондинку? А рост? Очень хорошо, теперь давайте уточним некоторые параметры... Замечательно! Сколько, вы сказали, в талии? Так. У вас хороший вкус, мсье Шарабан. О, извините, я, должно быть, плохо расслышал вашу фамилию. Виноват. Право же, нам не часто заказывают такие изумительные пропорции. Разве что вот здесь... Нет-нет, я понял, вы совершенно правы, это выйдет изящно и, пожалуй, чуть пикантно. Поздравляю вас, вы получите прекрасный экземпляр. Наша служба гарантирует, что вы останетесь довольны... по крайней мере, первый месяц. Ха-ха. Это я шучу. Но учтите, что, согласно установлению, вы получите право заменить модель не прежде чем через год, так что я советовал бы вам еще раз взвесить... Нет? Благодарю вас, вы упрощаете нам работу. Теперь хотелось бы уточнить густоту волосяного покрова и расположение зон... На бедрах не надо? Знаете, некоторые любят — мягкая такая шерстка, как у пушного зверька, очень приятно при прикосновении, хотя и не слишком эстетично... Не надо? Ну как знаете, а я бы на вашем месте еще подумал...»

Шабан зарычал в подушку. Вот она где, первая ступень превращения человека в животное — в обустройстве личной жизни новичка. Новичок мямлит, глупо хихикает, не отводит глаз от стереоизображений наиболее удачных образцов — и как же трудно новичку отказаться! Вот и ходят по коридорам, по кишкам Порт-Бьюно грудастые модели, а некоторые, возможно, и с шерсткой на бедрах, и, поскольку заказ новой модели взамен надоевшей возможен лишь спустя год, распространен обмен, хотя официально и запрещенный, но на деле не преследующийся. Процветает сдача моделей внаем, неплохо себя чувствуют посредники. Грязь. Несчастные, с зачатками разума существа, обученные любви и домашним работам, — за что их так? Их не любят, а насилуют, а иногда и бьют, жестоко и с наслаждением, вымещая на них свою обиду на жизнь, какую сами же и сделали. А если модель начнет давать сбои или, упаси боже, научится говорить, то в один прекрасный день ее уве-

дут охранники, потому что формально любая модель — собственность государства и как таковая может быть признана требующей замены. Для них Лиза всего лишь материал, который можно вновь пустить в дело — в начальную стадию длинной биотехнологической цепочки. Что там у них в начальной стадии: дробилка? Или растворяют целиком? Шабан зажмурился. Старая кадетская забава в химической лаборатории: набрать полную колбу мух с оборванными крылышками и плеснуть кислоты. Полшколы сбегалось смотреть, как насекомые отчаянно карабкаются вверх по стеклянным стенкам, как они срываются в кислоту, лезут снова и мало-помалу растворяются, образуя неприятный мутный осадок.

Они могут, злобно подумал Шабан. Они даже живьем могут, ведь самое обычное дело, даже Живоглот не придет посмотреть на процесс, потому что твердо убежден в том, что модель не человек, а значит — неинтересно... И Лиза будет кричать и звать меня на помощь, в то самое время как меня под усиленным конвоем будут препровождать на шельф. Нас слушают и слышат. Сейчас, наверное, запись нашего последнего разговора ложится кому-то на стол. Кому? В любой момент сюда могут ворваться. Ну, пусть кто-нибудь попробует отобрать. Кадык вырву.

Чтобы отвлечься, он дотянулся до полки, выбрал и раскрыл книгу. Страницы вяло осветились и замерцали — видно, иссяк заряд, — и Шабан, шепотом ругнувшись, вернул книгу на полку, взял было другую, но раздумал. Отложенная книга была редким прижизненным изданием Вирджила Баруха, единственного в истории Третьего Нашествия писателя Прокны. В этом издании были даже стихи — того периода, когда Барух еще только пробовал писать и еще не был сумасшедшим. Потом-то он писал совсем другое.

Что ты расхныкался, подумал Шабан. Хлюпик. Все у него в порядке, а он хнычет. Вот кого жизнь молотила не переставая — Баруха. Оказалось, что Прокне, как ни странно, вовсе не требуются писатели. Строители и шахтеры шли нарасхват, в свое время Прокна ненасытно поглощала людские потоки очередной волны экспансии. А вот писатели — нет, художники — извините, просто туристы — пошли вон, не время! Иногда ненадолго задерживались естественнонаучники, не потребные на данную минуту — кроме экологов, которых под разными предлогами всегда гнали в шею и Редут, и Хинаго, и Мелкие Озера, и, воз-

можно, также Коммуна, хотя об анклаве, как о любом отгородившемся государстве, трудно что-либо утверждать наверняка.

Для века штыковой атаки человечества на новые планеты Барух имел полезную специальность: оператор полуавтоматического проходческого щита. Он прибыл сюда «на три года» в расчете подзаработать, как почти все, и привез на Прокну жену — как почти никто. С работой он справлялся, желания спровадить жену на Землю и затребовать модель не проявлял, имел друзей и, вероятно, был свойским парнем, а по ночам, стесняясь, писал неважные стихи, которые нынче не любят печатать, а если печатают, то обязательно оговаривают, что это хотя и Барух, но не тот Барух. Как будто их было двое, хмыкнул Шабан. Даже трое: тот, что кропал стишки, затем настоящий Барух, автор «Сожженных гор» и «По утренним звездам», и еще некое мифическое существо, никогда не писавшее ученических опусов, поскольку от рождения было гениальным, обладало всеми необходимыми навыками и творило, разумеется, в благоговейной тишине и трепете окружающих при благосклонном внимании руководства. Так, во всяком случае, следует из его биографии в предисловии к последнему изданию.

И это правильно, подумал Шабан. Кто не согласен? Кто там вздумал щериться? А ну, сложить всем губы в куриную гузку! Вы как думали, голубчики? Кто сказал, что Барух страдал шизофренией? Вы? Вы соображаете, что говорите? Как ваша фамилия? Шабан? Так и быть, вам объясню: гений может и даже обязан обладать странностями, недоступными пониманию заурядного человека. Теперь поняли? Запомните раз и навсегда: великий писатель, создавший Редуту мировую славу, не мог и не имел права быть сумасшедшим. Уяснили? Кругом марш и выше ногу!

Теперь Баруха изучают даже на Земле. В Редуте распространены его портреты, один, как говорят, висит в рабочем кабинете Арбитра. Существует даже шахта имени Баруха — та, в которой он работал и в которой однажды был завален породой, провел несколько суток полупридавленный, в поврежденном скафандре, получил лучевую болезнь в легкой форме, лишился ступни и навсегда потерял способность быть свойским парнем. Когда его откопали, он был уже не в себе и вскоре начал писать удивительные вещи, тщательно, как капитан Ахав, скрывая свое сумасшествие. Конечно, многие догадывались, да и непосредствен-

ное его начальство наверняка было в курсе, но помалкивало, не желая расставаться с добросовестным работником. Романы Баруха трудно читать. Разумеется, не правы те, кто, не желая вникнуть, произносит о них обычную похвальную труху, считая в душе вычурной ахинеей. Еще глубже ошибается тот, кто считает Баруха пророком, ищет нечто между строк и, само собой, находит. Барух не пророк, подумал Шабан. Он просто большой художник, прекрасно, между прочим, описавший мышиную возню в Редуте, нужно лишь уметь его читать, а это уже не для мышиных мозгов. И как многие большие художники он плохо кончил: был застрелен каким-то дубиной-охранником за то, что перелез через проволочную изгородь. Позже выяснилось, что Барух, выбравшись после смены из шахты, решил не ждать транспортной платформы, а махнуть напрямик — до лагеря было всего полчаса ходьбы. Охранник крикнул, что туда-де не разрешено, а Барух то ли не понял, то ли не придал значения — просто махнул рукой и пошел в степь. Тогда охранник его застрелил. Охраннику поставили в вину то, что он не сделал предупредительного выстрела, и куда-то перевели, а в трюм очередного пришедшего на Прокну транспортника поверх семнадцати тонн металлического рения погрузили полтора килограмма фарфоровой урны с выгравированной фамилией и инициалами. Почти все хорошо знали, что в урне ничего нет — несчастного Баруха разнесло так, что не осталось даже фрагментов скафандра, — но несли ее бережно и так же бережно пристроили в трюме, обложив с боков, чтобы не упала при маневрах корабля, тяжелыми рениевыми слитками.

И это тоже по-нашему, отметил Шабан. Не в лицо, у кирпичной стенки под лучами прожекторов, и не в затылок, не очередь с вездехода каких-нибудь набежавших гончих, даже не треснувшее крепление в шахте, — а пуля в спину от подлеца-охранника, которому вдруг стало скучно, от какого-нибудь живоглотова выкормыша... Впрочем, нет, в те времена Живоглота здесь еще не было. До него был кто-то другой и, наверное, тех же достоинств. Преемственность поколений. Девственное было времечко: Порт-Бьюно только начинали строить, люди жили во временных лагерях, а вот охранники и тогда были точно такие же: зажравшиеся скоты, духовные наследники преторианской гвардии. Жаль, нет больше Хромца Гийома, у него можно было бы узнать все подробности того времени, если бы удалось развязать ему язык рюмкой-другой. Пусть даже десятой. Гий-

ом хорошо знал Баруха и восхищался его женой, маленькой энергичной женщиной с быстрой походкой и плотно сжатыми губами, помощницей, предопределившей его взлет, секретарем, сиделкой и всем сразу. Вот кого действительно жалко: все разом рухнуло, жизнь потеряла смысл...

Он перевернулся на другой бок и накрылся одеялом. За окном из темноты проступили горы — с востока подкрадывался рассвет.

— Ты не спишь? — спросила Лиза.

— Теперь сплю, — ответил Шабан. — Разбуди, если что-нибудь случится. Да, а ты почему не спишь?

— Я спала, — ответила Лиза, приподнявшись на локте. — А теперь ты спи, а я побуду рядом. Я правда спала. Ты знаешь, я все ждала, что мне в самом деле приснится что-нибудь очень хорошее. Только мне так ничего и не приснилось.

Глава пятая

В нижних ярусах было не продохнуть. По-видимому, здесь намеревались гулять до утра, если не дольше — настоящее веселье только начиналось. Где-то пили и звали пить, где-то пели и требовали подпевать, на столе, вытащенном в коридор, трое мордоворотов насиловали модель, кого-то били мордой о стену, и он мычал, кто-то, завидев Менигона, вдруг завопил диким голосом: «Вот он! Вот он!», и пришлось дать ему по зубам — в общем, жизнь бурлила вовсю. Здесь располагались рабочие ярусы, кровь и пот Порт-Бьюно, его мускулы и глотки. Чужих не было: жителей верхней половины куба сюда было не заманить никакими благами, а охранники даже в более спокойные времена появлялись здесь только группами. Но сейчас охранников не было видно вовсе. Изредка попадались модели с испуганными глазами, боязливо и бессмысленно жмущиеся к стенам, а один раз даже встретился убегун — его куда-то тащили, похлопывая по лысому черепу, и он упирался, комично разевая выдвижной, как у леща, рот.

Ярусом ниже было не так шумно. Менигон спустился по пандусу, одолел полутемный коридор, спотыкаясь о чьи-то расслабленные тела, прошел, зажавши нос, сквозь холл, посреди которого некто голозадый развлекал толпу зрителей «салютом из анального ствола» — двенадцать зал-

пов, — переждал ожесточенную драку в предлифтовом тамбуре и спустился еще ниже. Здесь было совсем уже тихо: ярус был нежилым. Старый хрен сидел, как всегда, на своем месте, обнимая табурет на удивление пухлым седалищем, и выглядел трезвым. Менигон постоял, посмотрел на него сверху вниз.

— Открой, дед.

— А? — старик приложил ладонь к уху. — Куда это? Туда? — морщины на его лице поплыли, сворачиваясь в улыбку. — Не-ет, туда нельзя, туда я не открою. Инфекционное отделение, потому и нельзя, так вот получается, потому и на посту я, что инфекционное, а ты кто такой?

— Открывай, — Менигон постучал пальцем по значку. — И быстро.

— Не-ет, — дед заулыбался еще слаще и закачал головой. Он явно наслаждался. — Не-е-ет, этого я никак не могу, запрещено это, и со второй степенью запрещено, и с первой даже не каждому можно, так вот получается, а кого тебе надо?

— Вэнса Гровера, — сказал Менигон, — разведчика. Он там.

— А-а, — протянул дед, — вот кого тебе надо. Так это ты зря пришел, помер он, твой Гровер, позавчера еще помер, так вот получается. Насильственной смертью, стало быть, помер. От болезни.

— Что-о??! — закричал Менигон. — Как это: насильственной от болезни?

— А вот как, — дед облизнулся от удовольствия. — Микроб, значит, над ним насилие учинил, он и с копыт долой. Пятнистая горячка, так вот получается. Только, я вот думаю, одному микробу с таким бугаем не справиться, тут групповое насилие было...

Менигон протянул руку, взял двумя пальцами старика за воротник и поставил на ноги. Кажется, подействовало: старик подавился и округлил глаза. — Замолкни, — шепотом сказал ему Менигон и с удовольствием добавил: — М-морда! — Особенной морды у старикашки не было, но он усиленно закивал головой. — Где тело? Ну!

— В мертвецкой, — придушенным шепотом проскрипел старик, — где ж еще? Вон т-туда, там не заперто... — Менигон разжал пальцы, и дед звучно упал на табурет, как приклеился. — Не убегут они, потому и не заперто, — сказал он, двигая морщинами. — Так вот получается...

За дверью оказался обыкновенный шлюз. Заквакал сиг-

нал, загорелась надпись: «Индивидуальные фильтры надеть, проверить», заныл какой-то насос. Чавкнули створы. Холодный, с неистребимым запахом, воздух ударил в ноздри, скользко пополз в легкие. Менигон мысленно выругался. Черт знает что, нюхай тут... От одного старикашки сколько вони. Настучит, разумеется, тут и разговора нет, знаем мы таких — это у них от любви к творчеству, иначе им жить тошно. Когда человек приходит проститься с телом товарища, да еще в праздник, это, конечно, похвально, но, прямо скажем, нехарактерно, и значит, подозрительно...

Налево была покойницкая и оттуда тянуло холодом, направо висела табличка: «Патологоанатомическое отделение». Менигон шагнул направо. Там было теплее, но так же мертво, как и налево, на некоторых дверях висели печати, а в дальней комнате оказался прозектор. Он сидел за столом, ждал и посасывал сок плюющей ягоды, сжимая банку коричневыми пальцами. Лысина у него была тоже коричневая, в пятнах — то ли следствие натурализации, то ли профессии. Еще одна банка сока была поставлена для гостя на противоположном краю стола. Мертвецами здесь почти не пахло.

— Винсент, — констатирующим голосом произнес прозектор. — Вот и вы, мой дорогой. Садитесь. — Менигон сел. — Вы медленно ходите, Винсент. Мне пришлось вас ждать.

— Старость не радость, — сказал Менигон. — Что вы хотите? Мне уже под пятьдесят, а разведчик не должен жить так долго, это противоестественно...

— Поэтому вы и пришли без фильтра? — спросил прозектор.

— Висельники не тонут, — отмахнулся Менигон. — «Блох» нет?

— «Блох» нет. Я вас слушаю.

Менигон не торопясь поднес ко рту банку, отпил глоток. Сок был терпким и кислым, слишком кислым, как только такое пьют? Он поставил банку на стол.

— Я надеюсь, вы понимаете, что явиться сюда меня заставили чрезвычайные обстоятельства, — сказал он, мучаясь оскоминой. Прозектор промолчал. — В свою очередь, я хорошо понимаю, что, настояв на немедленной личной встрече, подвергаю опасности не только себя, но и вас, и всю нашу работу, — осторожно продолжал Менигон. Прозектор молчал. — Однако я считаю, что в сложившейся ситуации это самое разумное, поскольку ход событий может

не оставить нам времени на принятие решения, — прозектор молча наклонил пятнистую лысину, что можно было расценить как кивок, и отпил из банки. — Исходя из этого, я рискнул пренебречь традиционными каналами связи и рассчитываю, что важность информации перевесит соображения личной безопасности, — кольнул Менигон напоследок.

— Я вас слушаю, — сказал прозектор.

— Это случится, — сказал Менигон.

Прозектор задумчиво покачал банкой. В банке булькнуло.

— Что еще? — спросил он бесцветным голосом.

— Это случится завтра, — сказал Менигон.

— Вам это точно известно?

— Нет, — сказал Менигон. — К сожалению, мне это точно не известно. Но на восемьдесят процентов это случится завтра.

— Так, — сказал прозектор. — Очень хорошо. А что должно случиться?

От него веяло доброжелательным вниманием. Зар-раза, подумал Менигон. Ведь знает же, рожа деревянная, все знает, и то, что я ему сейчас стану доказывать, тоже, наверно, знает. Молчит, трупорез, ждет. Смотрит в стеклышко на муравейник: как они там бегают?

— Вы знаете, что должно случиться, — сказал Менигон. — Вы это очень хорошо знаете. Я вам докладывал об этом еще три недели назад. Я вам назвал участников. Назвал силу, на которую они опираются. Теперь я называю вам наиболее вероятный срок. Может быть, я зря работаю?

— Нет, мой дорогой, — лениво проговорил прозектор. — Отчего же...

— Послушайте, шеф, — сказал Менигон, — мы работаем вместе не первый год. Наверно, за это время вы изучили меня вдоль и поперек. Скажите мне: был ли хоть один случай, когда вы получали от меня недоброкачественную информацию? — Прозектор медленно поводил головой из стороны в сторону. — Нет? Правильно, такого случая не было. Вы извините, шеф, что я позволяю себе так говорить, — Менигон прижал руки к груди, — но я должен разобраться, что к чему. Если у вас есть сомнения — проверяйте. Я уверен, что вы не раз проверяли и перепроверяли мои сообщения, и были абсолютно правы: все-таки перед Землей отвечаете вы. Но сейчас, поймите, у вас нет времени проверять и перепроверять. Вы должны поверить

— Я вам верю, Винсент, — сказал прозектор. — Успокойтесь, мой дорогой. У меня нет никаких оснований вам не верить. Вы оказали Земной федерации неоценимые услуги и, я надеюсь, будете их оказывать и впредь. Вероятно, руководство сочтет возможным лично выразить вам свою признательность. Кстати, когда вы летите?

— Не знаю, — Менигон пожал плечами. — Да не смотрите вы так, — окрысился он, — я же сказал: не знаю. И не знаю, кто знает. Никто. Как «Юкон» выпустят, так и улечу. Может быть, даже завтра, только завтра «Юкону» вряд ли дадут взлететь... Может быть, послезавтра. Может быть, никогда.

— Ну-ну, — сказал прозектор. — Так уж и никогда. Мне жаль, что вы улетаете, Винсент. Впрочем, на посту эксперта вы будете полезнее даже на Земле. И все-таки, — он покачал головой, — мне искренне жаль вас терять. Более того, скажу откровенно: мне будет трудно найти вам достойную замену.

— Сами виноваты, — буркнул Менигон. — Кто мне советовал соглашаться?

Прозектор улыбнулся — углами рта. Как окатил холодом.

— А если бы я посоветовал вам отклонить предложение? — спросил он. — Собственно, вы можете не отвечать, тут и так все понятно. Удрали бы, мой дорогой, верно? Только не вздумайте изображать оскорбленную невинность, это не по вашей части. Не изображаете? Ну, значит, мне показалось. Выдержка у вас есть, ценю. Другой бы на вашем месте насосался в стельку от радости. А вы молодец.

— Хватит, шеф, — попросил Менигон. — Давайте лучше подумаем, что мы можем предпринять.

— Предпринять? — лицо прозектора выразило вежливое недоумение.

— Да, — раздраженно сказал Менигон. — Предпринять. Именно предпринять. Я же вам докладывал. Уверен, что вы докладывали наверх. Прошу прощения, шеф, если это не в моей компетенции, но я очень хотел бы услышать: Земля намерена этому помешать?

Прозектор пожал плечами:

— А, собственно, почему Земля должна этому мешать? Насколько мне известно — из ваших сообщений, мой дорогой, известно, вы проделали громадную работу, — население Редута в большинстве своем не выступит против

препятствовать волеизъявлению народа суверенного государственного образования. Это его внутреннее дело.

— Я так и думал, — сказал Менигон. — Народа, значит. Волеизъявлению. Притчу хотите?

— Что?

— Притчу, спрашиваю, хотите? Есть тут одна, кажется, местного производства. Рассказать?

— Пожалуй, не стоит, — сказал прозектор. — Фольклор. Может быть, в другой раз?

— Нет, послушайте. Трое остановились перед высокой стеной. Один начал соображать, как бы через нее перелезть. Другой стал прикидывать, сколько потребуется времени, чтобы продолбить дыру, если иметь кирку и терпение. А третий сказал: «Зачем все это? Уж раз нам все равно стену не одолеть, давайте-ка лучше покрасим ее в какой-нибудь радостный цвет».

— Интересно, — улыбнулся прозектор. — И что же было дальше?

— А ничего. Прогулка, понимаете ли, кончилась. Пришел надзиратель и развел всех по камерам. Вот и все. Хорошая притча?

— Не смешно.

— А я и не обещал, что будет смешно, — сказал Менигон. — Я только объяснил вам, какое это будет волеизъявление народа. Доходчиво?

Прозектор подтянул банку ко рту, пососал сока. Даже не поморщился.

— А что вы предлагаете? — спросил он. — Допустим на минуту, что вам удастся меня убедить, что весьма сомнительно, допустим даже, что мне удастся убедить руководство, во что я также не верю... Предположим, Земля в самом деле решит оказать помощь существующему режиму — заметьте, режиму, который не просил о помощи и который проявляет недвусмысленное намерение вывести Редут из статуса доминиона, даже откровенно формального, — подсчитайте-ка сами, сколько потребуется времени на один только перелет, пусть это даже будут туннельные корабли. Забудьте об этом, мой дорогой. Они элементарно не успеют.

— Чепуха, — сказал Менигон. — Вызовите «Рейн». Он успеет.

Прозектор осторожно поставил банку на стол. На коричневом черепе вздулась и запульсировала синяя жилка. Глаза ничего не выражали.

— Так, — сказал он. — Вы и это знаете... Откуда?

— Откуда — несущественно, — сказал Менигон. — Существенно то, что я это знаю. Вызовите «Рейн». Пусть сядет на космодроме. Пусть даже не садится, пусть хотя бы запросит посадку — они и тогда не решатся.

— Откуда вы знаете о миссии «Рейна»? — повторил прозектор.

— Оттуда, откуда я о ней знаю, — фыркнул Менигон. — Меня уже тошнит от глупых вопросов. А вас?

В глазах прозектора что-то мелькнуло и тотчас погасло. Ага, с удовлетворением подумал Менигон, все-таки я тебя завел. Все-таки достал тебя, тритона пятнистого. Холоднокровного. Не любишь ты меня, шеф ты мой, трупорез, терпеть ты меня не можешь, другой бы от тебя после этих слов не вышел, но с Менигоном не тебе, трупорез, решать, вот ты и бесишься, Шелудивый. Знаешь свою собачью кличку? А знаешь, кто ее тебе дал? Знаешь, конечно, ты у нас все знаешь, и «мой дорогой» звучит у тебя как «сукин сын». Кто такой Готлиб Асплунд? Никто не знает, а кто знал, тот забыл. Шелудивый ты, а никакой не Готлиб, полип ты поганый, нарост на наросте, а ведь ты меня боишься: на Земле меня могут попросить дать оценку и твоей деятельности тоже...

— Я повторяю свой вопрос, — сказал прозектор. — Откуда вам стало известно о миссии «Рейна»?

— Ниоткуда, — ответил Менигон. — Не знаю я никакой миссии. Просто ткнул пальцем и попал. Вас это устраивает?

Было отчетливо видно, что прозектора это не устраивает. Какое-то время он сидел молча, соображая, как видно, что-то, и синяя жилка на черепе мало-помалу перестала вздрагивать и пропала.

— Вам не кажется, мой дорогой, что последнее время вы стали говорить со мной в недопустимом тоне?

— Я каюсь, шеф, — злобно сказал Менигон. — Я приношу свои извинения.

— Это ваше личное дело, что вы там приносите. Но прошу вас помнить, что на Прокне вы подчинены непосредственно мне. У вас есть еще вопросы?

— Есть, — Менигон подался вперед. — Вы вызовете «Рейн»?

— Нет.

— Почему?

— Я вам уже объяснил, почему, — сказал прозек-

тор. — Потому что решать судьбу Редута должен его народ, а не Земная федерация. Вам понятно?

— Этот народ на четыре пятых состоит из граждан Земной федерации, — возразил Ме́нигон. — Вам это в голову, очевидно, не приходит?

— Пока они находятся здесь, они в первую очередь граждане Редута, — сказал прозектор. — А Редут — член Содружества, а Прокна — ассоциированный член Лиги Свободных Миров, и хватит об этом. Я не собираюсь обсуждать указания руководства, имейте это в виду, мой дорогой. И вам не советую.

Менигон взял банку с кислятиной, отпил залпом.

— Так бы сразу и сказали, шеф, — морщась, выдавил он. — Указания руководства — это, конечно, другое дело, без указаний нам жизнь не в жизнь. Это вы правы. Пусть убивают людей, нам-то какое дело?

Прозектор посмотрел на него мрачным взглядом:

— Не вам бы говорить...

— Не мне бы, — с ядом сказал Менигон. — Это вы тонко подметили, шеф. — Конечно, не мне бы. Вам бы это говорить! — крикнул он, уже не сдерживаясь. — Вам бы! Менигон — скотина, наемник и дерьмо, это всем известно! Был в гончих! Нюхает гриб! Сам пошел на вербовку! Работает за деньги — фу, какая мерзость! — не то что вы, шеф, — вы-то, конечно, работаете за идею, хотя платят вам, я думаю, больше моего... И вы молчите, именно вы! Со своей идеей! Зачем Земле адепты идеи, которых убивают? Убивать будут не вас...

— Встать! — негромко скомандовал прозектор. Менигон в голос выругался. — Встать! — повторил прозектор, не меняя тона. Менигон медленно поднялся. «Банкой в висок, лысиной об стол, — мелькнула в голове шальная мысль. — Как просто...»

— Когда вы в следующий раз будете думать, — неторопливо произнес прозектор, — а я надеюсь, что это когда-нибудь случится, — дайте себе труд вспомнить, что думать предпочтительнее головой. Я со своей стороны настоятельно вам это рекомендую. Садитесь.

Менигон сел. В голове у него стучало. Пятнистая лысина маячила соблазнительно близко — один хороший прыжок, и...

— Сегодня охрана проводила внеочередной рейд, — как ни в чем не бывало проговорил прозектор. — По плану «сеть». Я подумал, что вам, мой дорогой, это будет инте-

ресно. Так вот, в одном из ущелий к востоку от Большого Каньона... — он неспешно допил из банки сок и повертел ее в руках. — Продолжать?

— Да, — Менигон сглотнул. — То есть, вам виднее, шеф.

— Мне виднее, — с горечью сказал прозектор, — что вы, Винсент, с преступным легкомыслием относитесь к собственной безопасности. Это мне виднее, чем вам... Сказать вам, что было в том ущелье? — рявкнул он неожиданно. — Лагерь беглецов, не больше, не меньше! И вы в нем были! Вы в нем были, несмотря на все мои инструкции, попробуйте только отрицать! Вы в нем бывали, еще когда работали с Хромцем Гийомом! Вы в нем бывали, когда получили нового напарника, мало того, вы бывали там вместе с напарником! Вы возили беглецам пищу и крали для них оборудование! Вы поставили под угрозу самый смысл нашей работы в Редуте! — прозектор отшвырнул пустую банку, и она задребезжала по полу. — Скажите спасибо, что Живоглот — это только Живоглот, а не гений сыска, — сказал он более спокойно. — К счастью для нас, он даже не профессионал, а его громилы который раз ухитряются не взять ни одного человека живьем.

— Всех? — с трудом спросил Менигон.

— Всех, — сказал прозектор. — Первым же залпом. В кашу. Считайте, что вам повезло.

И вам, подумал Менигон. Вам в первую очередь, что же вы себя-то забыли, шеф? Каждый разговорится, попав к Живоглоту, — кое в чем и Живоглот профессионал. С пленного — на Менигона, с Менигона — на Шелудивого... Это только древние стоики, шеф, умели кончать с собой, задержав дыхание, я ведь так, шеф, не умею. И тут вы правы, шеф, можно считать, что нам повезло, можно встать и на такую точку зрения... Всех в кашу. Восемь человек... восемь друзей, пусть не единомышленников, но людей близких... кто их осудит за бегство из того кошмара, что зовется Порт-Бьюно?.. двоих сам привез... зачем? Чтобы в кашу? Нэйджел, Доминик, Карл, Сергей, Петер... Сергей был действительным членом Академии, Искандер расспрашивал его о Симо Муттике. Какие люди! Жить в древних развалинах, в холодном запустении, жить не дни, а годы, прятаться, ежеминутно чувствуя себя благодарным объектом для травли, жить и работать, насилуя старую натурализационную камеру со слабой надеждой найти способ приспособить человеческий организм к условиям крайнего

высокогорья — хотя бы на время. На несколько суток. На столько, сколько понадобилось бы для того, чтобы перейти хребет пешком... Опыты на себе, неизлечимые аллергии... Не через Хинаго же добираться до Межзоны — какое государство выпустит квалифицированные кадры? Через хребет. Через перевалы высотой в одиннадцать километров. В последнюю встречу они говорили, что с натурализацией, кажется, начало получаться... «Знаешь, Винс, сколько вчера Петер лежал на аммиачном снегу? Тридцать одну минуту! Уже кое-что, а?..» Значит, в кашу, шеф? В кашу?

— Это точные сведения? — осторожно спросил он.

— Более чем, — ответил прозектор. — Сказать вам, Винсент, почему я согласился на личную встречу с вами?

«Чтобы надавать плюх», — подумал Менигон, напрягаясь. Сейчас должно было начаться самое главное.

— Я теряюсь в догадках, шеф.

Прозектор скользнул по нему изучающим взглядом. Словно прикидывал: стоит ли?

— Что вы можете сказать о человеке по фамилии Шабан?

Начинается, подумал Менигон. Опять. Значит, намеки уже побоку, приперло, что ли? Плохо же я вас знаю, шеф, если до сих пор не понял, что вы от своего не отступитесь. Зачем вам Шабан, шеф? Что тебе нужно от Искандера, Шелудивый?

— Это мой напарник, — сказал Менигон.

— Дальше.

— Он был в моем подчинении до последнего времени. Теперь у него в напарниках какой-то стажер.

— Это все, что вы можете сказать? — осведомился прозектор.

— А что еще? — Менигон развел руками. — Ну, хороший специалист и все такое. Дисциплинирован, начальство о нем высокого мнения. Был когда-то пилотом, летал через хребет в Южные Земли... да вы об этом знаете, шеф. Что еще? Был неплохим напарником, у меня с ним, шеф, особых проблем не было...

— Его деловые качества мне известны, — сказал прозектор. — Меня интересуют личные. Вы ведь, мой дорогой, кажется, с ним друзья?

— Более или менее, — осторожно ответил Менигон. — Впрочем, последнее время скорее менее, чем более. А что?

— И как он вам? — спросил прозектор. — Я имею в виду: как человек?

Менигон пожал плечами:

— Нормально...

— А подробнее?

— Человек как человек, — раздраженно сказал Менигон. — Хороший человек. Наивный только, а так — ничего. Хороший, как все дети, такая формулировка годится?

— Как все дети... — прозектор пожевал губами. — Интересно. И в чем это выражается?

Утомил ты меня, подумал Менигон. Лезет, немытое рыло, куда ему не следует, нависает, как над покойником... И уже, наверно, придумал, где будет отсиживаться завтра. Это у него не профессиональное, это уже видовое. Какая-то особая порода приматов.

— Да в чем это выражается? — протянул он. — Ну вот, например, он учит модель разговаривать... — Прозектор молча кивнул. «Знаешь, — с удовлетворением подумал Менигон. — Конечно, знаешь, Шелудивый, так вот чьи были «блохи», по крайней мере, одна из них, а ведь тебе Искандер зачем-то очень нужен...» — Еще он у нас человек долга, — продолжал он равнодушным голосом, — есть в нем такой феномен. Причем, знаете ли, шеф, долга не перед Редутом, а прямо перед человечеством, на меньшее он не соглашается. Это у него, наверное, с кадетской школы: ему кому-то служить надо. Привез из-за хребта дурацкую дилемму о том, что достойнее: долг перед человечеством или долг перед разумом. Вбил себе в голову, что человек должен иметь какое-то право загрязнять землю своими экскрементами. Мучается, бедный. Спрашиваю: а никому не служить ты не можешь?

— А он что же?

— А он меня послал. Передать дословно, шеф, куда именно?

Прозектор, не торопясь, встал из-за стола, растворил холодильник с табличкой: «Препараты», достал еще одну банку кислятины и сдернул колпачок. Сел.

— Под разумом здесь, вероятно, понимаются эти... как их...

— Вариадонты, — напомнил Менигон. — Я вам докладывал, шеф.

— Да-да, вариадонты, — сказал прозектор, смакуя сок. — Именно вариадонты, благодарю вас, мой дорогой. То, что вы рассказали, очень интересно. Скажите, а он никогда не рассказывал вам о своих детских годах?

— Н-нет, шеф, — сказал Менигон. — Кажется, ни о чем таком мы с ним не разговаривали. Зачем это?

— Может быть, все-таки что-нибудь вспомните?

Кой черт...

— Простите, шеф, — твердо сказал Менигон. — Я должен понять, к чему ведут ваши расспросы. — «Сейчас опять скомандует встать», — подумал он. — Извините, шеф...

Прозектор сделал неуловимое движение рукой. Над столом, между ним и Менигоном сгустилось и повисло объемное изображение. Где прятался проектор, догадаться было невозможно.

— Как вы полагаете, Винсент, что это такое?

Менигон вгляделся. На снимке была какая-то пустыня. Рыжий песок, всхолмленный унылыми барханами, тоскливо уходил к горизонту, нарушенному с левой стороны снимка цепочкой невысоких рыжих скал («Песчаник», — определил Менигон), отбрасывающих на песок резкие тени. На приличной высоте над песком зависла в небе некая неровная клякса.

— Черный корабль, что же еще...

— Правильно, — кивнул прозектор, — а это что такое?

Морская гладь. Штиль или что-то близкое к штилю — волн почти нет. Море холодное, вода свинцового цвета. Огромное солнце красиво садится в море, на воде дрожит огненная дорожка. В небе — клякса.

— Опять черный корабль, — сказал Менигон. — Где это, шеф? На Прокне?

— На Земле, — сказал прозектор.

— Шутите, шеф, — предположил Менигон.

Еще одно неуловимое движение рукой.

— Ну а теперь? — Менигон открыл рот. — Как вам нравится этот снимок? Можете выругаться, Винсент, я разрешаю.

Разрешает он... Счастья-то! Менигон с усилием сглотнул. Ну, спасибо тебе, трупорез, обрадовал. Черный корабль над Ватиканом — надо же додуматься... Другого места им не было?

— Монтаж?

— Ничего подобного, — отозвался прозектор. — Кадры, увы, настоящие.

— Ошибка исключается?

— Абсолютно. Объекты, известные на Прокне как так называемые черные корабли, имеют совершенно специфический спектр излучения, и выявить это на снимке, поверьте мне, Винсент, ничего не стоит. При самом поверхност-

ном анализе. Ошибка исключена, а мистификация, скажем так, затруднительна. Кроме того, некоторые снимки были в разное время выполнены нашими сотрудниками. Вам этого достаточно?

— Да, — сказал Менигон. — И давно это?

— Что — давно?

— Я спрашиваю: давно это началось?

Прозектор усмехнулся:

— Первый снимок был сделан около сорока лет назад... — Менигон отвалил челюсть. Сейчас нужно было быть особенно осторожным. Нет, кажется, не переиграл, трупорезу понравится... — Впрочем, устные сообщения поступали и раньше. Я полагаю, на Земле вас ознакомят с этим более подробно. Сейчас там, знаете ли, бум: снимки, рисунки, свидетельские показания... В большинстве, конечно, чушь, но один-два процента подобных сообщений достойны внимательного изучения. Примерно так же, как в Темные века с летающими тарелочками — знаете историю? Обывателю интересно. К счастью, мы пока в состоянии контролировать этот поток информации — не знаю, надолго ли, но в состоянии... Вам понятно, для чего я вам это рассказываю?

Менигон хмуро кивнул:

— Новое задание?

— Нет, новая ориентировка. Что касается задания, то вы, мой дорогой, уже давно его выполняете... — Прозектор неторопливо отпил сока. — Гм, этот кислее... Извините меня, Винсент, до сих пор я не имел права сказать вам об этом более откровенно... Кстати, я вовсе не убежден в том, что вы восприняли бы серьезно: ну, летает там что-то такое... неуязвимое, первым не нападает, и слава богу, — в общем, какая-то сомнительная фантастика, а вы у нас человек конкретный, так?

— Вы мне не ответили, при чем тут Шабан, — напомнил Менигон.

— Отвечу, мой дорогой, имейте терпение. Итак, давайте разберемся с тем, что мы имеем. Несколько более сорока лет назад было получено первое достоверное сообщение о появлении объектов, имеющих вид темного сгустка и названных впоследствии кораблями щитоносцев или черными кораблями. Насколько известно, впервые их заметили на Марции и там же впервые попытались атаковать. В дальнейшем поток сообщений о щитоносцах нарастал лавинообразно. К настоящему времени мы имеем сведения о появ-

лении черных кораблей на тридцати семи планетах, входящих в Лигу Свободных Миров, на четырнадцати планетах-колониях и на двух планетах, обособившихся от Земли и не вошедших в Лигу по причинам, на которых мы сейчас останавливаться не будем. И ни одного наблюдения в космосе или в известных нам субпространственных Каналах. Либо они там ненаблюдаемы, либо пользуются иными, пока совершенно неясными нам способами межзвездных сообщений. Так или иначе, черные корабли наблюдаются только в атмосферах или на поверхности обитаемых планет и только визуально — локационные средства здесь совершенно неэффективны. О появлении щитоносцев на Земле я уже говорил. Резюмирую: в последние годы освоенная человечеством часть Галактики стала представлять интерес для силы, о которой мы, земляне, не имеем ни малейшего понятия. Далее. За все это время ни одна из попыток вступить с щитоносцами в контакт или уничтожить их средствами, имеющимися в распоряжении человечества, не принесла успеха. Черные корабли абсолютно неуязвимы. Далее. По крайней мере, в восьми случаях наблюдалась высадка с черных кораблей наземных транспортных средств крайне необычного для земной техники вида. Излишне говорить о том, что эти транспортные средства также являются неуязвимыми. Иногда черные корабли контратакуют, уничтожая нападающих, иногда — нет. Какой-либо закономерности во всем этом уловить не удается, за исключением того, что они никогда не нападают первыми. Собственно, это ни для кого не секрет. Вывод?

— Какой тут вывод, — сказал Менигон. — Раз первыми не нападают... Не люди это, шеф, вот и весь вывод. Иная цивилизация?

Прозектор скосил на него один глаз.

— Вы сами-то, Винсент, верите в то, что сейчас сказали?

— Нет, — сказал Менигон. — Цивилизация, технологически превосходящая человеческую, в нашей Галактике — бред собачий. Не верю.

— Правильно делаете, — сказал прозектор. — Могу вам сообщить, что версия о чужеродной цивилизации в Центре уже не рассматривается. Пройденный этап. Тогда кто они? — крикнул он. — Что им нужно на Земле? Люди хотят это знать! Вы это знаете, Винсент? — банка, извергнув фонтанчик сока, со стуком опустилась на стол. — И вы еще смеете приходить ко мне со своей зас...й моралью и плакаться о крови каких-то нескольких десятков несча-

стных, когда рядом с нами есть сила, способная смести человечество, как сонную муху! Все человечество, вы слышите!

— Это я слышу, — сказал Менигон. — Не пугайте меня, шеф, я пуганый. Дальше что?

Прозектор перевел дух и снова присосался к банке — было видно, как на шее под коричневой кожей елозит кадык. Лысину он вытереть забыл, и она блестела. «А ведь ты здорово боишься, — неожиданно подумал Менигон. — Чего же ты, Шелудивый, боишься? Не самих щитоносцев, конечно, на черта ты им сдался, их ведь ни человечество не интересует, ни ты как представитель — плевать они на тебя хотели, на представителя, — тут что-то другое... Совсем близко, рядом ходит. Страшно тебе, Шелудивый, не за Землю тебе страшно, а за себя, и страх у тебя биологический: оказаться не охотником, а пожираемой дичью. Хрум-хрум. Древний такой страх, от бабуинов и дриопитеков, от ленивых трилобитов в первобытном океане — а ведь только тогда мы и произойдем от обезьяны, когда этого страха не будет...»

— Это не чужеродная цивилизация, — сказал прозектор. По его подбородку тек сок. — Это гораздо хуже, мой дорогой. Это люди.

— Хм, — мстительно сказал Менигон. — Вы сами-то, шеф, верите в то, что сейчас сказали?

— В гипотезы, мой дорогой, верят только идиоты. Их либо отвергают, либо принимают за основу для дальнейших построений. В данном случае могу вам сказать только то, что это наиболее разработанная версия, не более того. Мне разрешено ввести вас в курс дела.

— Разрешено или поручено? — спросил Менигон.

Прозектор с минуту смотрел на него без всякого выражения.

— Поручено. Это что-нибудь меняет?

— Нет, ничего, — сказал Менигон. — Это я так. Спасибо, шеф.

— Пожалуйста. Итак, во время первой волны экспансии... Кстати, Винсент, вы мне не напомните, когда она началась?

Менигон пожал плечами:

— Лет триста назад, я думаю...

— Со школьной историей у вас неважно, — сказал прозектор. — Первая волна пошла четыреста сорок один год назад и продолжалась около семидесяти земных лет. За это время Землю покинуло совершенно ненормальное количе-

ство кораблей. Вы удивитесь, но точное их число неизвестно. Не будем сейчас вникать в причины этого, рассмотрим лучше результаты элементарного анализа архивных данных. Значительная часть переселенцев освоилась на новых местах и основала колонии, более или менее процветающие, небольшая часть первоначально потерпела неудачу, как, например, на Прокне, часть вернулась на Землю. Наконец, часть кораблей с переселенцами погибла в пути или пропала без вести, что примерно одно и то же. Какие-то сообщества переселенцев искали лишь новых земель, какие-то — возможности применения на практике своих политических или религиозных концепций. Все это общеизвестно и не должно нас интересовать, как не интересовало тогдашнее земное правительство, чья сознательная деятельность в этом направлении сводилась лишь к эпизодическому подавлению наиболее изуверских режимов на колонизированных планетах. Чтобы не утомлять вас, скажу сразу: нас интересует лишь группа из девяти кораблей, отбывшая в самом конце первой волны в направлении на единственную планету, незадолго до того обнаруженную у весьма удаленной карликовой звезды спектрального класса М. Судя по архивным документам, высадка прошла успешно. На планету было доставлено около пятнадцати тысяч человек. Восемь кораблей из девяти вернулись на Землю, а один остался в распоряжении колонистов. Пока что это выглядит достаточно обычно. Необычным является состав переселенцев. Вне всякого сомнения ядро этой компании составляли люди с чрезвычайно высоким интеллектуальным потенциалом, об этом, помимо прямых свидетельств, говорит хотя бы тщательнейшая подготовка колонизации и полный ее успех на начальном этапе. Там было несколько мировых имен того времени. Молодые, дерзкие, чертовски талантливые люди. Что же касается основной массы, то, несмотря на крайнюю скудость данных, достоверно установлено, что все они проходили тщательнейшую проверку по какому-то не совсем понятному нам набору параметров, и некоторые документы позволяют предположить, что отсев кандидатов был весьма значительным. Между прочим, при прочих равных предпочтение отдавалось женщинам.

— Евгеническая секта? — спросил Менигон.

— Именно. Как раз в то время деятельность подобных сект на Земле была повсеместно запрещена, так что мотивы переселения понятны. Непонятно другое: с тех пор об этих переселенцах никто ничего не слышал.

— Ну, это не аргумент, шеф, — сказал Менигон. — Сектанты же.

— Сектанты тоже люди. Но допустим...

— Или они все повымерли, — предположил Менигон. — А может, выродились в каких-нибудь убегунов, всякое бывает. Я просто не понимаю, шеф, как можно строить на этом версию. Тогда уж давайте и нас с вами запишем в щитоносцы.

— До вас, мой дорогой, еще дойдет очередь, — сказал прозектор. — Слушайте внимательно. Несколько лет тому назад туннельный корабль «Салуин» по заданию Управления делами колоний совершил рекогносцировочный прыжок к тому самому красному карлику. В сфере притяжения звезды было обнаружено полтора десятка некрупных астероидов заведомо естественного происхождения, несколько короткопериодических комет, пара метеорных потоков и тому подобная космическая мелочь.

Но планеты обнаружено не было. Она исчезла.

— Усохла, — съязвил Менигон. — До невидимости.

— Планеты найдено не было, — бесцветным голосом повторил прозектор. — Собранные «Салуином» данные позволяют полностью исключить возможность космической катастрофы. По эволюции орбит астероидов удалось вычислить, что планета исчезла около шестидесяти земных лет назад. Она не взорвалась, не была поглощена красным карликом и вообще не покидала своей орбиты. Она просто исчезла как материальное тело. Со всеми людьми. Имейте в виду, Винсент, я излагаю только голые факты. До построения гипотезы дело у нас пока не дошло.

— Чего там строить, — сказал Менигон. — Ясно же. В Центре считают, что эти самые умники-евгенисты обставили человечество по всем статьям и эволюционировали в щитоносцев. Так?

— Упрощаете, Винсент, упрощаете, — сказал прозектор. — Впрочем, если вам так удобнее... Короче говоря, из всех существующих на сегодня версий эта считается наиболее вероятной.

— Куда они планету-то дели? — спросил Менигон.

— Спросите у них, — посоветовал прозектор. — Кстати, это еще не самое неприятное. Здесь, по крайней мере, есть несколько безумных гипотез. Подпространство, надпространство, внепространство и тому подобное. Я не физик. Непонятно другое: как могло случиться, что изолированная община пусть даже очень талантливых людей

опередила в своем развитии все человечество? Подобных примеров в истории не было. Вот в чем главная трудность этой гипотезы, мой дорогой, а вовсе не в том, куда подевалась планета. С планетой разберутся.

Ну, конечно, фыркнул про себя Менигон. У вас там в Центре с кем угодно разберутся, и с планетой даже. Разбираться вы умеете. Ни черта у вас не выйдет, пока не захватите хоть одного живьем — и там уж вы разберетесь... Придумали себе проблему: отчего-де евгенисты быстрее вас развиваются? Да не они быстро развиваются, а вы медленно, но откуда вам это знать?

— Это все очень интересно, шеф, — сказал он. — А при чем тут Шабан?

— Выпейте сока, мой дорогой, — сказал прозектор. — Выпейте, выпейте, это хороший сок. Для здоровья очень полезно.

Менигон, заранее морщась, отпил глоток. Его передернуло.

— Двадцать пять лет назад, — как ни в чем не бывало проговорил прозектор, — некий человек по имени Клаус Мейбергер привел в кадетскую школу при Северо-Западном Центре Вэ-Эс восьмилетнего мальчика. За ручку. Этот человек назвался отчимом мальчика, что подтверждалось предъявленными документами. Определив мальчика в школу, он исчез и больше не появлялся. В скобках замечу: человек этот не найден и по сей день, несмотря на самые тщательные поиски как на Земле, так и за ее пределами. Вас это не настораживает?

— С какой стати?

— Очень хорошо. Судя по документам, мать мальчика умерла несколькими днями ранее, отец же погиб в катастрофе, когда ребенку было два года. История, как видите, печальная, но вполне заурядная. Если бы не одно обстоятельство: в день появления мальчика в школе не далее как в пяти километрах от нее несколько случайных наблюдателей независимо друг от друга видели черный корабль.

— Совпадение? — спросил Менигон, вертя в пальцах банку с соком.

— Отнюдь. В разное время в различные закрытые учебные заведения Земли при подобных обстоятельствах было определено, по меньшей мере, шестеро детей от пяти до тринадцати лет от роду. Умершие родители этих детей отличаются одним любопытным свойством: они никогда не существовали в природе. В полной мере это касается и ро-

дителей вашего приятеля, включая его так называемого отчима. И во всех случаях поблизости наблюдался черный корабль. Что вы на это скажете, мой дорогой?

— Он как-то раз говорил со мной о родителях, — хмуро сказал Менигон. — Мать, во всяком случае, он помнит, это точно.

— Не сомневаюсь, — сказал прозектор. — Удалось установить, что у вашего приятеля первые дни в школе реакция была адекватная: плакал по ночам, звал мать. Потом-то, конечно, освоился.

— Ложная память? — спросил Менигон.

— Искусственно наведенная ложная память. Полагаю, Винсент, мне не нужно разжевывать вам, что это такое. Плюс к тому, вероятно, полностью стертая истинная память. Трое из этой шестерки, оказавшиеся в пределах нашей досягаемости, были подвергнуты тщательнейшему обследованию, один добровольно, остальные — так... Нет сомнения, что все трое принадлежат к тому же биологическому виду, что и мы с вами. У всех троих как физический, так и интеллектуальный уровень несколько выше, чем у среднего человека, в особенности же это касается интеллектуального уровня. Синдром Клоцци встречается главным образом у людей высокоодаренных, не так ли, мой дорогой? — Менигон не ответил, и прозектор утвердительно наклонил лысину. — А также у шизофреников, — добавил он, помедлив. — Впрочем, у них он, кажется, лечится... Что же касается истинной их памяти о том, что происходило с ними в раннем детстве, то тут самые изощренные методы ментоскопии оказались бессильными. Эта память либо уничтожена полностью, либо скрыта на недосягаемом для нас уровне. Картинки же ложной памяти выглядят у них на диво сочно и рельефно.

— У шизофреников? — поинтересовался Менигон.

— Бросьте шутить, Винсент, — строго сказал прозектор. — Бросьте. Не до шуток. Я уважаю ваши чувства, но прошу понять меня правильно. Могу вам сказать, что теперь и только теперь начинается ваша главная работа. У вас есть ваш приятель. У вас есть по меньшей мере два-три дня времени. Действуйте.

— Что я должен делать? — сипло спросил Менигон и откашлялся.

— Наблюдать, — сказал прозектор, прихлебывая из банки. — Не спускать глаз. Особенно в свете завтрашних событий. В случае появления черного корабля — имейте в

виду, что в Центре считают его появление возможным и даже вероятным, — немедленно фиксировать реакцию вашего друга. В остальном вы достаточно подготовлены для того, чтобы в случае необходимости действовать по обстановке. Это все.

— Я могу быть свободен? — спросил Менигон, вставая.

— Да, — сказал прозектор. — Действуйте, мой дорогой. Отчет представите послезавтра.

— По цепочке?

— Я же сказал: бросьте шутить, Винсент, — сказал прозектор. — Отчет представите мне лично. Устно. О времени и месте вас известят. Желаю удачи.

— Спасибо... — Менигон повернулся и косолапо пошел к двери. Он чувствовал, что мысли у него путаются. Ну, спасибо тебе, Шелудивый... Следить за Искандером... всю жизнь мечтал. Вот кого ты боишься, вот кто рядом ходит... Рассказать тебе, что ли, как нынче черный корабль спас Искандера? Да ведь ты со страху в штаны наложишь, а ведь был еще один случай, о нем даже Искандер не знает, о нем вообще никто не знает... И не надо. Противно. Зашевелился Центр, землю роет... Разворошили гадючье гнездо... ткнул кто-то палкой — вы и поползли... Согласны потерять Редут, и на кровь вам плевать, согласны лишиться хоть всей Прокны и половины колоний в придачу, тем более что это все равно случится рано или поздно, — только бы вам знать, что за сила нависает над вами, только бы знать, никогда вы не поймете, что не сила над вами нависает, а поймете, так и сами не поверите, и другим не дадите...

...Квакал сигнал и выл насос, прокачивая шлюзовой воздух через обеззараживатель, вспыхивала и гасла надпись: «Индивидуальные фильтры — в очиститель!», по ногам тянуло холодом. Старикашки на посту не оказалось: не то ушел спать, не то где-то бегал, разыскивая, кому бы доложить о подозрительном поведении. Над головой чинно пели в несколько голосов «У модели есть на теле», слышался далекий взлаивающий хохот да где-то обиженно бормотал пьяный, на которого наступили. Менигон медленно сжал кулак, сминая забытую в руке банку. Липкий сок, шипя, потек по запястью и вдруг, прорвавшись, брызнул из-под пальцев яркой, отчаянно-оранжевой струйкой.

Глава шестая

Все получилось бы прекрасно, если бы Лиза опять не задала вопрос, от которого в ту минуту не взвыл бы, пожалуй, лишь безнадежный евнух: зачем? Подразумевалось, очевидно: зачем мы этим занимаемся? Шабан взвыл. Теперь, стоя перед Поздняковым, он кусал губы, вспоминая то, что было. Вскочил, заорал что-то несусветное, громко, должно быть, орал, потому что в ответ завопили в соседних апартаментах и застучали в стену. Тогда он замолчал, но не успокоился и только шипел от злости, с бешенством глядя в расширенные детские глаза. Ну невозможно же, будь она человеком, прогнал бы к чертям собачьим такую дуру. То-то и оно, что она не человек и не модель, а что-то промежуточное. Модель ласкалась, обнимала и прижимала, показывая свое врожденное искусство, модель, давая наслаждение, наслаждалась сама, и было видно, что ей хорошо, она даже постанывала, извиваясь под его руками, но наслаждалось только тело, сегодня Шабан это понял, а в этом теле оказалось что-то еще, что неожиданно просочилось наружу и в разительном несоответствии с движениями бедер спросило просто и ясно: зачем? Поди ответь. Гораздо проще вскочить и наорать. Может быть, зря я вообще это начал, думал Шабан, следя за Поздняковым. О себе ведь заботился, шкурные мои интересы. А нужно ли Лизе становиться женщиной? Кто из двоих счастливее: модель или женщина? Модель, разумеется. Женщины вариантны и вероятностны. Одна желает быть львицей, другая кошечкой. А третья — курицей, которую топчут. Кто может сказать заранее, которая окажется счастливее? Зато модель счастлива всегда, когда к ней прикасается хозяин, будь он херувим или мерзавец, маньяк или даже импотент. Ей все равно. Это заложено в ее сущности, стоит ли переделывать? И трудно, и ей это не нужно, а я все пыжусь, и в результате: ЗАЧЕМ? Сильный, между прочим, вопрос, для Лизы — просто очень сильный и требует сильного ответа, а где я его возьму? Кроме одного, и тот звучит по-идиотски: я так хочу. А в причины мы вникать не будем, ладно? Хочу вот, и все. И ты хоти.

Поздняков был занят. Сколько Шабан его помнил, он всегда был занят: то сосредоточенно манипулировал клавишами служебного компа, добираясь до каких-то архивных данных, то вел разговоры по внутренней связи или, не принимая в расчет автоматику, принимался лично вызывать

какую-то не вышедшую вовремя на связь группу, то попросту без видимой причины начинал перекладывать предметы на обширном столе, но что бы он ни делал, даже если, тряся благородной седеющей шевелюрой, кричал на кого-то по громкой связи, он не переставал кивать: продолжайте, продолжайте, я вас слушаю... Самым удивительным в нем было то, что он действительно слушал.

— Да-да, — сказал он, и его пальцы не в такт простучали по клавишам. — Да! — Он вгляделся в экран и оттолкнул от себя комп. — Так ты говоришь, вариадонты — разумная форма? Ну хорошо. А как твоя последняя разведка?

— Ничего интересного, — сказал Шабан. — Результаты в архиве, можно посмотреть еще раз. Но на первый взгляд — ничего.

— Верю, верю, — кивнул Поздняков. — Другому бы на слово не поверил, а тебе верю. В последнее время, к прискорбию, участились случаи фальсификации, приходится наказывать. Во имя большинства мы должны быть твердыми, даже жесткими по отношению к случаям нечестности и разгильдяйства, с ними мы должны бороться вплоть до полного их устранения. В этом наш долг, это тяжело, но необходимо, поэтому мы должны быть непреклонны, ты со мной согласен? Я рад, что ты тоже так думаешь. Как тебе понравился новый напарник?

— Более или менее, — сказал Шабан. — Сразу, конечно, не разглядишь, но, по-моему, ничего парнишка. Вчера хорошо себя вел, задатки есть... — он вдруг понял, чего хочет Поздняков. — Спасибо вам за парня, — сказал он, спохватившись. — Парень что надо. Огромное вам спасибо. Вы ведь это специально для меня, да?

— От тебя не скроешь, — благодушно сказал Поздняков. — На лету ловишь, приятно с тобой работать.

— Спасибо. — Шабан сделал вид, что смутился. — Большое спасибо. Тут у меня еще транспортный вопрос. «Армадил» дадите?

— «Армадил»? — с улыбкой переспросил Поздняков. — А у тебя какой вездеход?

— Обыкновенный, типа «эшевен». Кормы у него после вчерашнего, считайте, нету.

— Возмутительно! — сердито сказал Поздняков. — Нет, это черт знает что такое! Это просто возмутительно! Вот так у нас и бывает: нет внимания к ценным кадрам, нет порядка в обеспечении, карьеристы и горлопаны лезут вперед, а заслуженные работники довольствуются бог знает

чем. Я думал, ты давно уже на «армадиле». Что же молчал? Нет, ты тут ни при чем, это мой просчет и я его исправлю, это моя обязанность и мой долг перед разведчиками, да что там — это мой долг перед всем Редутом! Каждый на своем уровне, каждый на своем участке, все вместе, плечом к плечу, невзирая ни на что, с чувством ответственности, с осознанием своего долга, всосанным с молоком матери или воспитанным... долг перед обществом превыше личных интересов, только так, а не иначе!..

Слово «долг» склонялось еще минуты три. Впрочем, в этот раз, как и во все предыдущие, Шабан не узнал о долге ничего нового и только старался не зевнуть. Поздняков был гневен и величествен, лицо его окрасилось благородным румянцем. Он даже пристукнул по столу, заставив отскочить комп, и хотел немедленно связаться с начальником подотдела служебного транспорта, чтобы потребовать объяснений, но вспомнил, что время еще слишком раннее, и остыл. «Не видать мне «армадила», — хмыкнув про себя, подумал Шабан. — И не надо».

— Да, конечно, — сказал он, дослушав. — Разумеется, вы правы. Но не все так думают.

— Вот именно! — воскликнул Поздняков и рубанул рукой воздух. — Вот именно, не все! А почему? Почему, я спрашиваю? Кто мне ответит на этот вопрос? Потому что мы мало работаем с личным составом, вот почему! Потому что личный состав разлагается с ужасающей быстротой, потому что даже те немногие из нас, кто родился и вырос в Редуте или, сказать шире, на Прокне, — даже эти немногие понимают свой долг лишь в самом вульгарном, деловом смысле, вот почему! Что же говорить о большинстве? Повальное пьянство, пассивное неподчинение, грибной порошок... Мы не можем и не будем с этим мириться, такая безответственность слишком дорого стоит. Чем занимается отдел Массового Досуга? Уже ни для кого не секрет, чем они там занимаются. Такому положению дел необходимо положить конец, и грош нам цена, если мы этого не добьемся! Я сегодня же буду говорить об этом на Совете!

— Лучше бы о вариадонтах, — напомнил Шабан. — Право, лучше бы.

— О чем? — недовольно переспросил Поздняков. Он потерял нить, и его речь не получила должной концовки.

— О ком, — поправил Шабан. — О вариадонтах. О разумной форме жизни. Они в Южных Землях, я же вам уже говорил. Они в опасности.

— Да-да, — сказал Поздняков. — Да, конечно, Искандер. Я знаю, что на тебя можно положиться в любом деле, я всегда это знал. Достояние Редута — это достояние Редута, и мы никому не позволим. Нельзя забывать, что мы на переднем крае, нельзя, развивая успех в центре, пренебрегать флангами. Человечество нам этого не простит. Признаться, я не вполне понимаю, какую эти — как ты их называешь? — могут представлять для нас ценность. Может быть, в отдаленной перспективе... — Поздняков морщил лоб, его рука совершала сложное движение, будто вворачивала невидимый шуруп. — Да, ты безусловно прав: думать о перспективе необходимо, кому же и думать, как не нам с тобой. Еще раз благодарю, Искандер: ты, как всегда, принес ценную информацию. Я же со своей стороны приложу все усилия... — Шуруп был закручен, и рука твердо легла на стол: вопрос был решен. Сегодня рука была обыкновенная, тяжелая и крепкая, внушающая доверие, совсем не похожая на ту суетливую конечность, что металась по поверхности стола, когда кабинетные стены кричали голосом погибающего Гийома, и искала, искала на ощупь клавишу отключения громкой связи, и все никак не могла найти... Если бы не эта мечущаяся рука, сегодня особенно назойливо вертевшаяся в памяти, Шабан бы, пожалуй, поверил. Ему очень хотелось поверить.

— Извините, — сказал он, потупившись, — я так не могу. Так нет смысла... Черт, что я говорю — нет смысла... — Он потер ладонью лоб, и ладонь стала влажной. — Их же убьют, вы понимаете! Обыкновенно, примитивно убьют. Случайно или для удовольствия. Вчера уже подстрелили двух ложнокрылов — кому они мешали? Дорвалась свинья до корыта... У нас под боком идет Процесс, рождается новая разумная раса, а мы не желаем подвинуться! — Он уже кричал, но не замечал, что кричит. — Единственная, помимо нас, во всей Вселенной разумная раса! Кто нам простит ее уничтожение?

— Думаешь, будет скандал? — спросил Поздняков.

— Я уверен, — ответил Шабан. Он чувствовал, что бьет туда, куда нужно. — Конечно, будет скандал. С Межзоны начнется, Земля, вне всякого сомнения, поддержит, да и Лига, пожалуй, тоже. Я не специалист, но ясно же...

— Гм, — сказал Поздняков. — Возможно, ты и прав. Я всегда говорил, что нельзя недооценивать всю глубину последствий, наш долг — мыслить и взвешивать. Так ты считаешь, что их следует взять под охрану?

— Нет, — сказал Шабан. — Я так не считаю. — «Это ты можешь — под охрану, — подумал он с тихой яростью. — Только это ты и умеешь со своим Живоглотом, не зря вы с ним друзья-приятели. Чувствуется стиль. Додумался: приставить к Процессу мерзавцев с карабинами!»

— А как же ты считаешь?

— Не надо им охраны, — сказал Шабан. — Им не нужно, чтобы их охраняли, им нужно, чтобы их не трогали... — он помолчал секунду и решился: — Закрыть тоннель — вот что нужно! Заткнуть эту дыру. Отложить освоение месторождений Юга хотя бы на один год, рассказывайте другим, что мы не можем себе это позволить! Не лезть туда свиным рылом — вот что нужно! Экспертов из Межзоны! Представителей от Земли и Лиги! Этих пустить, всех остальных — в шею!

— Да-да, — сказал Поздняков. — Может быть. Я не думаю, что ты прав, однако...

«Однако» повисло без опоры. Поздняков не вскочил, не наорал в ответ на чудовищную ересь, не пригрозил шельфом, не напомнил о долге и не сказал: «Нельзя, Искандер, нельзя этого». — Он остался сидеть, но его пальцы тихонько барабанили по столу. Чем-то он был взволнован, что-то не давало покоя. Что?

— Я собирался подать докладную, — мрачно сказал Шабан.

— Мне?

— Нет. В Правительственный Совет.

— Прекрасная мысль, — кивнул Поздняков. — Что же не подал? Испугался? Ну, шучу, шучу, не обижайся. Я тебе чрезвычайно признателен, Искандер. Ты не просто толковый работник, ты еще и человек неравнодушный, такое сочетание встречается отнюдь не часто. Вот что: Совет считает полезным учредить должность заместителя начальника геологической службы по работе с личным составом. Как ты посмотришь на то, чтобы принять эту миссию на себя?

— Вы не шутите? — спросил Шабан.

— Какие тут могут быть шутки. Подумай, Искандер. С твоим-то опытом работы не дело прозябать в рядовых разведчиках. Твой друг Менигон в гору пошел, и тебе пора. Впрягайся. Я помогу на первых порах, но предупреждаю: работы много. Так как?

— Не знаю, — нерешительно сказал Шабан. — Вообще я с людьми-то не очень... Есть другие, лучше... Я не справлюсь, наверное.

— Чепуха, — отмахнулся Поздняков. — Справишься. Знаю, о чем ты думаешь: на свете существуют более интересные вещи, чем продвижение туда или сюда по служебной лестнице, ты ведь думаешь именно так, я не ошибся? Не мотай головой, это я тебе в комплимент, а не в порицание. Скромность — это хорошо, но она украшает лишь до тех пор, пока не вредит общему делу. Не хочу говорить громких слов, сейчас, когда идет борьба за очищение кадров, для них не время, пусть наши противники говорят громкие слова, а мы будем действовать... Мы должны и будем действовать со всей энергией и решительностью, на какую способны, мы в случае необходимости не остановимся и перед принуждением, в эту минуту нам не простится только промедление. Нерешительность нам не простится. Редуту нужны молодые, надежные и энергичные руководители, молодая здоровая поросль, способная со временем встать у руля, такова установка Совета. Давно пора навести порядок: кое-кто из нынешних руководителей явно не соответствует. Утеряно чувство ответственности, утрачена перспектива... Трех поколений не прошло — забыта общая цель! Редуту нужны такие люди, как ты, готовые из высших устремлений служить на переднем крае. Согласен? Свой кабинет на административном ярусе, в недалекой перспективе — первая служебная степень и голос в Совете в мое отсутствие. А? Договорились?

— Можно я подумаю? — спросил Шабан.

— Можно, — разрешил Поздняков. — Подумай. Только не затягивай это надолго. Мне бы не хотелось употреблять здесь свою власть. А кроме того, — Поздняков вдруг прищурился и неожиданно подмигнул, — в случае твоего согласия руководству было бы проще закрыть глаза на некоторые факты, касающиеся тебя лично...

Лиза, понял Шабан. Поздняков еще что-то говорил, но он уже не слышал. Было страшно смотреть, как говорит Поздняков, как движется, будто жует что-то мелкое, его челюсть и беззвучно шевелятся губы, как ладонь пристукивает по столу для убедительности. На секунду включился звук, и слух уловил слова «вариадонты» и «в рабочем порядке», а дальше снова пошло немое кино. Он же меня покупает, с тупой покорностью подумал Шабан. Он же меня уже купил. Вот, значит, как. Кретин, меня ведь уже не нужно покупать, я и так уже на лопатках, зачем разбрасывать должности? Вариадонтам конец, это ясно, нечего было и надеяться, что Поздняков вдруг проникнется. Глупость все это. Тупик.

— Вы знаете, я подумал, — сказал Шабан. — Я согласен.

— И прекрасно! — Поздняков широко улыбнулся. Встал, протянул руку. — Поздравляю с назначением. В десять часов заседание Совета, там я тебя и представлю...

Наверно, следовало бы зайти домой позавтракать, но Шабан не мог. Он брел наугад по пустым коридорам Порт-Бьюно, слишком оглушенный, чтобы думать о еде, ругал Клоцци с синдромом его имени и тщетно пытался разложить по полочкам ускользающие мысли. Чего хочет Поздняков? Ничего не понятно, опять какая-то дурацкая суета, теперь и я с головой в этой суете. Для чего ему вдруг понадобилось собрать всех разведчиков — опять болтать о долге? «Ты знаешь, Искандер, почти все люди сейчас в разгоне, но экстренный вызов я послал, а после Совета ты лично проконтролируй, и чтобы к вечеру все были здесь...» Зачем это? Даже простил двоих с шельфа, тоже вызвал. Совсем на него не похоже. Болтун-болтун, но если он что-то делает, значит, не зря. Что-то будет. О вариадонтах, конечно, уже ни слова, забыл он про них и уже не вспомнит: тут дела, видно, поважнее...

Порт-Бьюно спал. Праздничная ночь оставила в коридорах свои следы, их сейчас затирали неторопливые механические мусорщики. Из-за дверей спален слышался храп, кое-где возились и кто-то орал, как видно, на модель: «Ты что делаешь, зараза? Я тебе как сказал лечь?!.» Резанул уши тонкий женский вскрик — Шабан стиснул зубы и пошел быстрее. У моделей невысокая чувствительность к боли, тут нужно быть особым специалистом... Кто-то по соседству спросонья завопил, чтобы перестали мучить животное, и где-то тихонько засмеялись. Коридоры были пусты, если не считать пьяного, валявшегося у стены и мычавшего в ответ на попытки мусорщика сгрести его в бункер, да еще вдали на секунду показался Ева Панчев, махнул рукой в приветствии и исчез. В другое время Шабан окликнул бы его и с удовольствием поболтал, но теперь он был начальством и не знал, как себя вести. Ладно, с Евой еще как-нибудь. Он-то поймет, еще несколько человек поймут, но прежней дружбы, как ни жаль, уже не будет, а остальные разведчики просто возненавидят: еще один прыщ вылез... Креатура Живоглота! А предложи любому мое место — никто не откажется, каждый начнет делать густые

намеки, что не для себя-де, а для пользы дела. И мне тоже придется.

Благопристойнее других выглядел ярус для семейных. Мусорщики сюда еще не добрались, но работы им было немного. Ярус спал. Около стены у решетки вентиляционной шахты стояла девчушка лет четырех в скромненьком платьице и водила ладошкой по решетке, а иногда делала неловкие хватательные движения. «Жуки, жуки, жуки, жуки...» — тянул тоненький голосок. Шабан остановился, с любопытством присматриваясь. Что еще за «жуки»? Может, «блохи»? Но это были и не «блохи». По решетке бегали личинки белого клеща, маленькие коричневые твари, вовсе не похожие на жуков; эта девочка никогда не видела настоящих жуков, да и откуда? Хвать! Детская ручонка устремлялась к личинке, но личинка оказывалась проворнее, и девочка разжимала кулачок, с разочарованием смотрела на пустую ладошку; и все начиналось сначала: «Жуки, жуки...»

— Это не жуки, — не утерпел Шабан. — Жуки не такие. Это личинки.

Девочка недоверчиво посмотрела на него и убрала руки за спину.

— Это жуки, — сказала она. — Я их ловлю.

— Лучше не лови, — улыбнулся Шабан. — Мало ли что... А родители твои где?

— Дрыхнут, — сказала девочка. — Папка храпит — слышишь? А жуки хорошие, их просто кто-то очень напугал. Ты их пугать не будешь?

— Конечно, нет, — уверил Шабан. — Но в руки ты их все-таки не бери, ладно?

Он зачем-то подмигнул и пошел дальше. «Жуки, жуки...» — донеслось из-за спины. Хорошая девчушка. Это сколько же времени я не видел детей? Давно что-то. Хорошо бы так: луг, солнышко светит, а лучше даже не луг, а лесная поляна, звон мошкары, густые лесные запахи, ягоды в траве, а на поляне стоит... нет, лучше бежит по поляне, по траве, смешно выбрасывая ноги, такая вот девчушка в платьице, пронизанном солнечными лучами... А я спрятался за дерево, замшелый такой ствол, и меня не видно, тогда она останавливается, растерянно крутит головой и вдруг, заметив, бросается ко мне с радостным визгом, а тут из леса чинно выходит Лиза, с гордостью неся за ножку настоящий подберезовик с прилипшим к шляпке листком — первый в этом году... У нас с тобой еще будут дети, Лиза. Что с того, что модель не может иметь детей? Здесь не мо-

жет, но на Земле мы с тобой что-нибудь придумаем, устоял бы бюджет перед медициной. Говорят еще, будто модель может не выдержать ренатурализацию, но кто это может знать наверняка? Никто же не пробовал. Я вырвусь отсюда не один, моя девочка, мы с тобой вырвемся вместе — я еще не знаю, как это сделать, но пока нам нечего бояться. Ты слышала: Поздняков обещал закрыть глаза. Пусть закроет. Ты думаешь, мне нужна эта должность? Мне нужна ты, солнечная поляна и девочка, бегущая по траве, но куда там... Жуки, жуки... А это еще что?

По полу в одном с ним направлении двигалось что-то мелкое, едва заметное на сером пластикате. Опять личинка белого клеща? Не-ет, на этот раз не личинка: личинки не любят света и не ползают столь целеустремленно. Не личинка, а самая настоящая «блоха». Надо же, теперь им мало внутренних коммуникаций и вентиляционных отдушин, они уже осваивают коридоры, а интеллект, о котором говорил Менигон, не позволит им угодить в контейнер мусоросборщика. Ну и ну. Шабан постоял, раздумывая, не задавить ли «блоху» ногой, и отверг эту мысль. Всех не передавишь. Неплохо бы начать с хозяев, иначе хозяева рано или поздно начнут с нас. Но начинать некому. И нужно дать себе отчет в том, что мы к этому не готовы, нужно просто сознаться, что большинству на это наплевать, а те, кому не наплевать, каждый сам за себя...

Теперь он внимательно смотрел под ноги. Уже через пять шагов он заметил еще одну «блоху», столь же целеустремленно ползущую навстречу. Эта «блоха» была крупнее первой — пожалуй, не меньше пяти миллиметров в длину, — и Шабан, нагнувшись, разглядел даже тонкие усики-антенны, венчавшие головогрудь и находящиеся в непрерывном беспокойном движении. «Блоха» действительно была похожа на мелкое и, вероятно, безвредное насекомое — в очевидном расчете на простаков, наивно выстукивающих стены в поисках подслушивающих устройств.

Расстояние между «блохами» быстро сокращалось. Шабан остановился посмотреть. Ему было интересно, что произойдет, когда «блохи» встретятся. Начнут обнюхиваться, подобно знакомым псам, или выразят чувство корпоративного единства как-нибудь иначе?

На расстоянии двадцати сантиметров друг от друга «блохи» разом притормозили и замерли на месте, поводя дрожащими усиками. Похоже, обе были не рады встрече. Через десяток секунд, убедившись в неподвижности против-

ника, первая, меньшая по размерам «блоха» неторопливо засеменила в сторону, пытаясь обойти препятствие, но вторая молниеносно отреагировала на этот маневр и преградила ей дорогу. Некоторое время обе «блохи» сидели неподвижно, и Шабан гадал, чем это может кончиться; затем первая «блоха» попятилась назад и, развернувшись, кинулась было прочь — но в тот же момент вторая рванулась вперед с неожиданной для насекомого скоростью, послышался негромкий щелчок, и Шабан с удивлением увидел, что обе «блохи» отлетели друг от друга на полметра, будто отброшенные, — и тут же одновременно перевернулись на лапки, как ни в чем не бывало. Но теперь их связывала тонкая, едва различимая глазом и, по-видимому, очень крепкая паутинка. Вторая «блоха», деловито подняв головогрудь, принялась быстро заглатывать нить, подтаскивая к себе жертву. Загарпуненная «блоха» отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться, упиралась лапками, но мало-помалу сдавала позиции, все ближе подтаскиваемая к хищнику, из чьей изготовившейся головогруди вот-вот должны были высунуться не то пилы, не то жвалы, не то иные орудия вскрытия. Из-за разницы весовых категорий первая «блоха» практически не имела шансов и, видимо, хорошо это понимала. Когда ей осталось жить на полпальца длины паутинки, «блоха» слабо пискнула, безрезультатно попыталась перекусить нить и вдруг, замерев на мгновение, резко и точно выплюнула во вторую «блоху» тонкую струйку какой-то жидкости. Ослепленная «блоха» завертелась на месте, и жертва, мгновенно воспрянув, кинулась на хищника. Шабан не стал смотреть, чем кончится битва, и пошел дальше, предоставив «блохам» разбираться друг с другом как умеют. До начала заседания оставался еще почти час, и все-таки следовало сходить позавтракать. Порт-Бьюно спал и видел сны про завтрашний праздник. Только один человек встретился по дороге. Это был Эл Мейтус по прозвищу Кошкодав, некогда разведчик, а ныне неприметный лаборант, вечно куда-то спешащий, очень старательный, с вечной испариной и суетливыми движениями. Мало кто не знал, что его работа в Аналитическом отделе была всего лишь прикрытием куда более нервной деятельности, связанной с перепродажей грибного порошка. Шабан проводил Кошкодава взглядом. Попросить порошка, что ли? Нет, в другой раз. Под курткой у Мейтуса явно выпирало что-то продолговатое и очень знакомое. А не карабин ли это? Шабан даже присвистнул: не боится неприятностей парень.

Давно в изоляторе на стены не бросался — соскучился? Или думает о себе, что все еще разведчик? Какие-то чудеса происходят. Может быть, Поздняков прав и собирает разведчиков именно потому, что ребята они решительные, каждый с оружием, умеет им владеть и стоит двух охранников, если только не в ближнем бою? Гм. Занятно.

В зал заседаний вошли вместе с Поздняковым. Одна из желтых касок правительственной охраны, разглядев значок второй степени, сунулась было преградить вход, но Поздняков на ходу бросил: «Это мой заместитель», и Шабана пропустили, равнодушно ощупав взглядом. Шабан был здесь впервые — на правительственный ярус заносило не всякого смертного — и с любопытством осматривался. Зал заседаний удивил его ромбической формой и витиеватостью отделки: стены и потолок были скрыты под настоящей флорентийской мозаикой, изображающей основные этапы колонизации Прокны — от горьких и поучительных неудач эпохи Первого и Второго Нашествий (мрачные архитектурные руины с парящей над ними крылатой Мечтой), от временного упадка и жалкой растерянности, соседствующей, впрочем, с неизменной верой в прекрасное Завтра (ряд аллегорических фигур) до твердой и неуклонной поступи человечества к жизни и процветанию на отдельно взятой враждебной планете. Этапами поступи являлись: первый корабль с переселенцами, первый поселок у первой шахты, быстрое распространение влияния человека на весь гигантский материк, образование славного государства Северный Редут (с символической зубчатой стеной, обозначающей нерушимость границ), присоединение Редута к Содружеству, бурное промышленное развитие, сопровождающееся самоотверженной борьбой с силами косной природы (большая, как у Позднякова, ладонь, останавливающая приливную волну, нависшую над выводком буровых платформ на шельфе), принятие Прокны в Лигу Свободных Миров, и наконец, закладка фундамента Порт-Бьюно, символизирующего основу прекрасного Завтра. Прекрасное Завтра оккупировало потолок. К потолку, пронзая точно посередине огромный, нездешнего голубого мрамора, стол, тянулась стройная колонна, увенчанная рениевым бюстом Свена Эриксона — архитектора и строителя Порт-Бьюно. Рениевый Эриксон, задрав подбородок, смотрел в прекрасное Завтра так, будто был уже почти там и приглашал за собою всех желающих.

Еще и теперь попадались старики, помнившие Эриксона, а один потомственный строительный рабочий из местных уроженцев обожал хвастаться воспоминанием о том, как удостоился лично от Эриксона дисциплинарного взыскания, и, выпросив выпивку, с гордостью доставал из кармана завернутый в бумажку коренной зуб и демонстрировал восхищенной молодежи. Был Эриксон, по слухам, человеком горячим, непреклонным, но справедливым, на опасных работах использовал только убегунов, а рабочих ценил и, редко давая делу официальный ход, предпочитал без ненужных слов насовать в личность провинившемуся разгильдяю, чем и заслужил всеобщую любовь и уважение.

Опять человек-легенда, подумал Шабан, косясь на бюст. Много их что-то, для Редута — просто непропорционально много. Мифы. А что? В этом что-то есть, мы же нормальные люди, а значит, в истории не нуждаемся. Нормальному человеку потребна не история, а именно мифология, и чтобы в ней непременно была бездна героики, заставляющая его чувствовать себя наследником некой исключительности и свысока поглядывать на соседей, расправляя более или менее богатырские плечи. Кто сказал: нет? Уймитесь, пока не уняли. В сущности, такая мифология совершенно необходима для успешного функционирования любой государственной системы. Кто-то что-то пишет, ищет, ему, чудаку, кажется, что необходимо собрать материал для будущих серьезных исследователей. Но ведь их скорее всего не будет... Мифы! Вот что сейчас нужно. И как можно больше. Если вранье чересчур очевидно, следует приписать: факт не проверен, возможно, это легенда. Возможно! Между прочим, Эриксон действительно спился и умер самым жалким образом, когда прозрел и увидел, какая жизнь идет в его любимом детище, — он-то, бедняга, думал, что люди, объединенные общим домом, станут терпимее друг к другу... Но все твердо знают, что гениальный строитель, поняв, что ничего более величественного создать не сможет, благородно разнес себе голову выстрелом из пистолета. Или бросился с крыши Порт-Бьюно, это другой вариант легенды, и многим он кажется изящнее... Нет, история нам не нужна. Разве можно поверить в то, что когда-то до тебя было не хуже и не лучше, чем сейчас, а примерно так же? Это мучительно...

Народу мало-помалу прибывало. По одному и по двоетрое в ромбозал входили начальники отделов и подотделов, заместители, эксперты. Здоровались, рассаживались. Ждали

Арбитра и Председателя. Мант-Лахвиц тоже был тут — сидел особняком, ни на кого не глядя. Кучка любопытствующих в углу, обступив взволнованного рассказчика, слушала новость о том, как на днях разведчики Малькольм Пул и Овсей Пучковский, исследуя ущелья в массиве Чертовой Пилы, снова обнаружили явственный след босой семипалой ноги чудовищного размера, причем след был не вдавлен, а как бы вплавлен в ледник на глубину до тридцати сантиметров и заведомо не мог принадлежать ни одному из известных на Прокне животных, равно как и не мог образоваться небиологическим путем. Следствием находки было то, что вчера около полуночи человек шесть разведчиков — седьмого несли — прямо из бара, разгоняя по пути мелкую канцелярскую сошку — «Здоровенные такие лбы, под два метра — во!», — вломились к начальнику подотдела снабжения, подняли того с постели и, не дав ему как следует продрать глаза, хором заявили, что они, то есть все разведчики как один, без особых премиальных в горы больше не пойдут, а если какая-нибудь скотина, то есть из них, разведчиков, какой-нибудь подлец, любитель начальственных задниц, вроде Менигона, и пойдет, — угрожающе добавил один детина, преследуя волосатой лапой рыбок в аквариуме, — то они, то есть все как один разведчики, устроят ему такую жизнь, что он будет счастлив сменить вездеход разведчика на дисплей канцелярской крысы. А кроме того — оснастить каждого разведчика самым совершенным личным оружием, включая планирующие гранаты с самонаводящейся кумулятивной струей. А кроме того... Начальник подотдела обещал, и вся банда с победными кликами вернулась в бар, забыв у него в комнате своего спящего товарища. Возмущенный рассказчик постепенно повышал голос, и к концу рассказа стало ясно, что обращается он прежде всего к присутствующему здесь шефу отдела Особой Охраны. Совершенно напрасно: на рассказ Живоглот почему-то не прореагировал, зато, увидев Шабана, осторожно присевшего на свой стул позади Позднякова, кивнул и улыбнулся, словно хотел сказать: «А, и вы тут! Давно пора, знаете ли, давно пора...» Шабан попытался состроить ответную улыбку, но тут в зал вошел Арбитр и все кинулись по своим местам.

Арбитр — существо недоступное, из заоблачных сфер. Шабан впервые видел Арбитра и теперь тянул шею, разглядывая спокойного лысоватого старичка, мирно шествующего к своему креслу. Как и большинство, Шабан знал об

Арбитре очень мало. Арбитр безвылазно живет на правительственном ярусе, он избирается пожизненно из старейших членов Совета на роль великого молчальника, ему запрещено вносить предложения и участвовать в обсуждении законопроектов и текущих дел, он не имеет права вето, зато при голосовании его голос эквивалентен десяти голосам рядовых членов Совета — потому он и Арбитр. Даже Председатель имеет всего два голоса, и на практике требуется редкое единодушие, чтобы провести в жизнь предложение, против которого проголосовал Арбитр. Для местной газеты давно стало общим местом называть Арбитра совестью Редута. Наиболее информированные из кулуарных трепачей божились, что Арбитра не существует вообще.

И тем не менее он был — маленький розовый старичок, а вслед за ним, уважительно пропустив его вперед, вошел Председатель, сопутствуемый дежурным заместителем, и теперь все были в сборе. Последовало вставание, прерванное жестом руки, заскребли по полу придвигаемые стулья, Председатель откашлялся и поздоровался, после чего предложил считать утреннее заседание открытым и дать слово заместителю Председателя для ознакомления членов Совета с текущей информацией. Возражений не возникло. Шабан сел поудобнее и приготовился слушать. Дежурный заместитель встал, махнул прической в легком поклоне, тонко кашлянул и начал говорить, заглядывая в карманную шпаргалку-комп, сбиваясь, нервно облизываясь и время от времени пытаясь поймать искательным взглядом Председателя и Живоглота одновременно. Главная новость об окончании проходки тоннеля уже была всем хорошо известна, поэтому докладчик не стал на ней задерживаться и лишь рискнул присовокупить свои собственные поздравления к поздравлениям Председателя, имевшим место на предыдущем заседании. Председатель вежливо похлопал, вслед за ним степенно поаплодировали и присутствующие. Ободренный докладчик вымученно улыбнулся и, попросив у Совета позволения перейти к более свежей информации, выждал благосклонного кивка Председателя. Кто-то напрягся, кто-то шумно подвинул стул, и слушанье текущих дел началось.

Первый день объявленного трехдневного праздника, вопреки известным сомнениям, прошел в общих чертах сносно. Выраженного недовольства среди лиц, чей срок контракта истек, замечено не было — напротив, народное ликование было всеобщим и искренним, омраченным лишь

отдельными незначительными нарушениями порядка, вызванными в первую очередь развалом, царящим в отделе Массового Досуга, новому руководству которого уже предложено наладить работу в кратчайшие сроки. Тем не менее, есть основания опасаться серьезных эксцессов в последующие дни, и так как ввиду настроения людей сокращение праздника до двух дней представляется решительно невозможным, имеется настоятельная необходимость просить руководство отделов Общей и Особой Охраны принять все меры к обеспечению надлежащего порядка в жилых ярусах Порт-Бьюно... Живоглот поднял голову, равнодушно кивнул, и докладчик, облегченно переведя дух, продолжил чтение.

С окончанием работ по проходке тоннеля становятся доступными месторождения Юга. Подотделом проектных работ завершены предварительные проекты одной шахты и двух открытых разрезов, окончательно проекты будут утверждены после дополнительных исследований на местности. Ввиду компактности предполагаемого расположения рудников намечается строительство всего лишь одного рабочего поселка укрупненного типа и малой военной базы с флайдромом подскока для отражения возможной агрессии со стороны вероятного противника. Переброска воинского контингента на Юг начнется не позднее завтрашнего дня, строителей с соответствующей техникой — сразу по окончании основных работ в тоннеле.

Металлургический комбинат имени Баруха вышел на рекордные показатели по производству сверхчистых лантаноидов, но пока отстает по производству рения, что вызвано как изношенностью оборудования, с одной стороны, так и выработкой наиболее ценных руд на близлежащих шахтах — с другой. На одной из алмазоносных трубок в том же районе найден крупнейший в этом году зеленый алмаз весом 34 карата.

Произошел обвал на шахте «Роза Севера». Жертв нет, один рабочий легко ранен. Материальные потери: одиннадцать убегунов и часть уникального комплекта шахтного оборудования, закупленного на Земле. Причины обвала выясняются.

На границе с Мелкими Озерами произошла перестрелка, спровоцированная противной стороной. Сведений о потерях не поступало. Правительству Мелких Озер направлена нота протеста, почти одновременно получена аналогичная.

Вскрыты новые злоупотребления бывшего руководства

отдела Массового Досуга. Отдел Контроля продолжает расследование.

В связи с приближающимся сезоном дождей и ожидаемым подъемом уровня грунтовых вод восточным рудникам грозит затопление, вызванное задержкой поставки аварийного оборудования. Есть необходимость в принятии неотложных мер.

Анклав Коммуна дал о себе знать и предлагает обменяться постоянными представительствами. Не исключено, что речь идет о попытке прозондировать почву для вступления в Содружество. Межзона обратилась к членам Содружества с предложением повысить дотации на перспективные научные исследования до одного процента национального дохода. Большинством стран предложение уже отвергнуто как неприемлемое.

Началась сезонная миграция убегунов. Большое их скопление движется с севера, очевидно намереваясь проникнуть в Южные Земли, и, по-видимому, еще сегодня обтечет Порт-Бьюно с двух сторон. Слухи об оружии, якобы имеющемся у убегунов, лишены всякого основания.

На территории пищевой фабрики «Околополярная» разыгралась пурга. Сорванным ветром щитом с наглядной агитацией по технике безопасности был убит проходивший мимо мастер.

За последнюю неделю обнаружены и сожжены две подпольные плантации ползучего гриба. Доблестными сотрудниками Особой Охраны уничтожена перевалочная база в горах, во время операции убито восемь опасных преступников, не пожелавших отдать себя в руки правосудия. Среди наших ребят потерь нет.

Вчерашняя авария на энергоподстанции, случившаяся из-за разгильдяйства дежурной смены, ликвидирована. Виновные наказаны полугодовым продлением контракта. «Мало!» — подал голос кто-то сбоку. «Достаточно», — веско сказал Председатель. Сбившийся докладчик взглянул на рениевого Эриксона, набрал в грудь воздуху и перешел к следующему пункту.

Пунктов было много. Иногда они прерывались репликами с мест, но чаще выслушивались молча, и до серьезного обсуждения было еще далеко. Шабан с удивлением чувствовал, что ядовитое настроение, владевшее им до начала заседания, постепенно уходит, уступая место уважению. Здесь, в этом дурацком зале с дурацкой мозаикой и торчащей из стола колонной, решалось будущее Редута, и он, в

сущности обыкновенный разведчик, ничего особенного из себя не представляющий, волею случая допущен в святая святых, и теперь он тоже причастен, и от него теперь тоже что-то зависит. Пусть пока мало... Пусть даже этот храм государственной мудрости вовсе не храм и вовсе не мудрости — все же это собрание людей, облеченных властью, неравнодушных, надеющихся как-то повлиять на ход событий, а это уже очень много. Все вместе, единой командой профессионалов, не жалея сил — только так можно вытянуть Редут из стремительно накатывающегося всеобщего развала, только так, а не иначе. Шабан втянул живот и расправил плечи. Да, только так. Грош нам цена, если мы этого не сможем. Конечно, не все у нас пока идеально: вот, например, новый начальник отдела Массового Досуга заурядно не умен и разваленный отдел не вытянет, дежурному заместителю неплохо бы ампутировать косный язык, а руководитель медицинской службы отвратительно рыгает и не слушает докладчика. Ну, и Живоглота, конечно, не мешало бы заменить: законная власть должна вызывать уважение, а не страх. Люди должны идти за властью, а не бежать от нее. Тоннель прибавил уважения к правительству, нужно этим пользоваться, пока держится эйфория победы, нужно решительно встать впереди толпы в окружающем нас болоте и идти, идти, несмотря ни на что, радуясь победам и извлекая уроки из неудач, идти, оскальзываясь и проваливаясь в грязь, но неуклонно и терпеливо, и вести за собою стадо, именуемое народом Редута, не пренебрегая, когда это необходимо, и жесткими мерами, потом сам же народ спасибо скажет, и тогда можно будет даже «блох» отдать в Аналитический отдел, а пока — только так, только так...

Он очнулся. Докладчик продолжал бубнить и облизываться. Председатель сидел прямо и значительно глядел перед собой. Совет слушал докладчика, а по ту сторону колонны кто-то расслабленный и мерно дышащий угрожал пространству морщинистой лысиной. Наверно, спал. Что же это, ужаснулся Шабан, что же это я делаю? Зачем я здесь нужен, зачем мне нужны эти люди? Не полечу на Землю, останусь тут и буду служить, буду воспитывать в разведчиках чувство долга и собачиться со снабженцами; если не дам себя съесть, то через десяток лет займу место Позднякова, ну какой из него, в конце концов, руководитель, какое к нему уважение? Давно пора его менять, есть, знаете ли, хорошая кандидатура — молодой, энергичный, пользуется авторитетом... Не хочу. С ними — не хочу. Прав Ме-

нигон: не то сейчас время. Да что мне Менигон, сам я разве этого не понимаю? С ними нельзя, это же не правительство, это какая-то дикая, бездарная пародия, второе-третье поколение преемников изначальной колониальной администрации. Черт его знает, что это была за администрация, только каждое новое поколение власти получалось почему-то хуже и слабее предыдущего — закон, что ли такой? Вести за собой людей по болоту? Очень хорошо, просто замечательно, давно пора, есть предложение поддержать, кто против? Никого? Ура-ура. А кто поведет? Эриксон? Да он, знаете ли, умер, а других таких ископаемых трилобитов уже не осталось... Да так ли уж нужно по болоту-то? Грязно же, неблагодарно, затянуть может в два счета, дойдем ли еще? И куда дойдем? И надо ли? Когда под ногами удобная кочка, почти не сыро и только следует посматривать, чтобы соседи не спихнули, — надо ли? Бесконечная игра на удержание счета. А кругом распад, усталое безразличие, общество деградирует, отработавшие по контракту требуют ренатурализации, люди звереют до потери естественного облика, снизу прет плесень, Кошкодавы разные, и единственная сила, еще способная спасти Редут от полного распада, — как ни странно, Живоглот со своими мерзавцами. Должно быть, и в Хинаго то же самое, и в Мелких Озерах, иначе гнить бы нам всем сейчас в лагере для военнопленных и ломать руду на благо человеческой цивилизации.

Шабан вздрогнул и помотал головой. Перед глазами маячил сивый поздняковский затылок. Арбитр молчал. Дежурный заместитель дочитал свое, сел позади Председателя и утерся платочком, а вместо него по мановению председательской руки встал для доклада начальник Аналитического отдела. Разомлевший обладатель морщинистой лысины издал было носом свистящий звук, но его пихнули в бок, и он засопел и заворочался.

«...Наконец, я рад отметить, что известные прогнозы относительно дальнейшего уменьшения численности населения Редута, к счастью, не оправдались. С начала этого года умерло естественной смертью, погибло, пропало без вести, а также покончило с собой в общей сложности тридцать четыре человека, родилось девять, последняя цифра значительно превышает прошлогодние показатели. Вопреки опасениям, статистика суицида практически не изменилась, но все еще продолжает вызывать беспокойство. Из числа отработавших по контракту покинуло Прокну сто девяносто

восемь, прибыло новых — двести двадцать три. Таким образом, можно уверенно утверждать, что демографическая ситуация в Редуте имеет тенденцию к улучшению. Цифры однозначно показывают неуклонный рост благосостояния населения, расширяется также комплекс бесплатных услуг, однако нас должен насторожить тот факт, что только двадцать процентов опрошенных согласились с тем, что их жизнь действительно меняется к лучшему. Если исключить различные чисто человеческие факторы, как то: необоснованные опасения части опрошенных, завуалированное нежелание сотрудничать с Аналитическим отделом, проистекающее, очевидно, от слабой информированности населения о его методах и задачах, то следует принять неутешительный вывод о том, что истинное число наших сограждан, удовлетворенных нынешним порядком вещей, существенно меньше числа ответивших положительно. Одно из двух: либо в Редуте незаметно для нас происходит интенсивное имущественное расслоение с непропорциональным обогащением лишь незначительной части наших сограждан, чего мы никак не должны допускать, — либо, что гораздо более вероятно, бесспорные положительные сдвиги происходят столь медленно, что основная масса населения попросту их не замечает. И здесь я намерен предъявить самые серьезные претензии к начальникам отделов Удовлетворения Нужд и Устройства Быта...»

Охаянные начальники пытались перебивать, но их заставили замолчать и дождаться конца выступления. Один из них раздраженно ерзал вместе со стулом и менялся в лице, цветом которого напоминал медицинскую иллюстрацию к ожогу первой степени, — другой же сидел спокойно и уверенно, всем своим видом давая понять, что вообще-то ему наплевать на инсинуации, но уж если его заставят отлягнуться, он отлягнется, и тогда пусть пеняют на себя. Связываться по раннему времени никому не хотелось. Аналитик метнул напрасный взгляд на Председателя, затем на Позднякова, выдержал паузу и, ничего не достигнув, в две фразы закончил доклад и раздраженно сел. Поздняков, как ни странно, не только не кинулся в атаку, но словно бы даже и не слышал. Кто-то сбоку явственно пробурчал: «Договаривались же!..» — но смотрел на Позднякова с уважением. Кто-то фыркнул в рукав. Поздняков не реагировал. Казалось, что он не понимает, зачем он здесь, почему он сидит с этими людьми и слушает вздор, в то время как где-то совсем рядом происходит что-то необыкновенное,

стихийное, крайне важное, нужно только набраться сил, подняться и уйти, никого не слушая и ни на кого не глядя, чтобы в последний отчаянный момент попытаться встать у руля и успеть, все-таки успеть предотвратить страшные последствия — но нет сил встать у руля, нет сил даже встать со стула, и уже слышится тяжелый подземный гул, уже приходят в движение неумолимые равнодушные силы, уже сдвинулись с места и расползаются древние геологические пласты, не выдержавшие тяжести куба, почву выпирает дикими горбами, рушатся горы, осыпаются шахтные выработки, а глубоко под фундаментом Порт-Бьюно уже зреет готовая раскрыться трещина — она закроется, как только поглотит корчащийся куб, она обязательно закроется... Что может противопоставить Поздняков? Полсотни разведчиков, у которых он давно сидит в печенках? Мало, и те разбросаны кто куда, козырная карта не на руках... Да черт с ним. Шабан отвернулся и перевел осторожный взгляд на Живоглота. Живоглот улыбался.

Заслушали еще один короткий доклад и перешли к прениям. Медленное время скользило по поверхности, утреннее заседание успешно продвигалось к концу. О семипалой ноге и учиненном разведчиками скандале никто не поминал. О щитоносцах тоже: очевидно, тема считалась запретной. Дважды голосовали какие-то предложения, которые Шабан пропустил мимо ушей, и обнаружили таинственную недостачу одного голоса, после чего со смехом будили морщинистую лысину и коварно предлагали немедленно проголосовать. Морщинистая лысина был «за». Председатель пожурил нарушителя порядка, сурово указав на то, что праздники существуют для народа, а не для правительства, а Арбитр, выпросив в порядке исключения слово, рассказал длинную, абсолютно непонятную, но несомненно поучительную историю из жизни первопоселенцев, к которым в свое время имел честь принадлежать, и, досказав, заперхал довольным старческим смешком. «Вот то-то и оно, — веско сказал Председатель, подняв кверху указательный палец. — Вот так и бывает, когда забывают свои обязанности, я припоминаю еще один случай...»

Господи, думал Шабан, чувствуя тупое отчаяние, — что же это? Ему мучительно хотелось зажать уши, сдавить голову руками, коленями, чем угодно, чтобы только до хруста, до лиловых кругов в глазах, и ничего, кроме хруста, не слышать. После Председателя говорили уже все. Шум нарастал, каруселью мелькали возбужденные лица — рядо-

вые члены Совета старались не отстать. Они уже вскакивали с мест, они хватали друг друга за рукава и кричали: «А помнишь?..» Молодежь, пряча иронию, почтительно прислушивалась. Глаза Арбитра заволоклись ностальгической дымкой. Господи, ведь так не бывает, так не должно быть, это же какой-то кошмар, их невозможно остановить, это стихия, а значит, ей все равно, она даже не заметит...

Но его заметили сразу, как только он встал, а когда он шагнул вперед, двадцать лиц повернулись в его сторону. Он заговорил, и они замолчали. Они смотрели в недоумении, но они слушали, и это было главное. Изумленно молчал Председатель. Дежурный заместитель забыл закрыть рот. Живоглот поднял брови и улыбнулся шире. Поздняков просвистел сквозь зубы неслышное: «С-сядь!» и отвернулся. Только бы не сбиться, подумал Шабан. Нельзя... Он с удивлением, будто со стороны, слышал свою речь. Говорил не он, он только шевелил губами, а говорил какой-то совсем другой, незнакомый человек, которому не было дела до того, что с ним будет, когда он кончит говорить, его не волновало, что его могут оборвать и унизить, он хорошо знал, что у него лишь один шанс из многих тысяч, и он как мог боролся за этот шанс, не собираясь его уступать. Неужели это я? — изумился Шабан. Нет, размечтался, я же так не умею, я просто боюсь, трус я обыкновенный, вот кто. Или все-таки я?.. Речь текла свободно и мощно — ухоженная, выпестованная, тщательно продуманная речь, — к ней нечего было добавить, и из нее ничего нельзя было убрать, он и не подозревал, что она уже давно сложилась в его голове, пошел хоть раз на пользу синдром Клоцци! Так вас всех! Слушайте. Поймите хоть раз, хоть на пять минут, что нельзя так жить дальше, поймите, что существуют иные методы мышления, кроме метода мозгового штиля, поймите и ужаснитесь. Попробуйте в качестве упражнения быть людьми! Справляйтесь с Порт-Бьюно сами, это ваше личное дело, не требующее вдобавок особой квалификации. Но оставьте в покое разум, если обладаете им сами. Засыпьте тоннель! Он уже выполнил свою основную функцию — теперь можно затеять другую грандиозную стройку, раз уж вам это так необходимо для управления страной. Допускаю, что необходимо. Проройте шахту под радиоактивный горизонт или осушите шельф, оградив его титанической дамбой, да мало ли что еще можно придумать. Хотите воевать — воюйте, но только с умом и недолго, я тоже вспомню, как летает флайдарт. Но не трогайте вариадонтов. Что?

Пора бы знать о них хоть что-то, затребуйте из Межзоны отчеты Симо Муттика. Поймите, если вы не недоумки: они превосходят людей во всем, они будут мудрее и чище нас, они только лишь на взлете и у них еще все впереди, тогда как у человечества впереди в лучшем случае столько же, сколько за плечами. Вы хотите быть преступниками? Забыли, кто такие убегуны? Наши же потомки, все у них от нас, разве что не нам, а им не повезло с войнами и натурализациями. Почему они дохли от радиации и позволяли кремировать своих покойников в плазме направленных взрывов? Вы это очень хорошо знаете: за обещанный путь в Южные Земли! Туда-где-Тепло! За свой рай земной по ту сторону хребта, с блаженным климатом и отсутствием враждебных племен. Они еще не знают, что такое южная сельва, а предгорья их не вместят. Их миллионы. Они очень быстро вымрут или перебьют друг друга, но прежде выплеснутся, как гной из нашего нарыва, затопят собой все, что смогут, и, разумеется, уничтожат всех до одного вариадонтов. Если до той поры вариадонтов не уничтожите вы сами. Хотите подогнать под это моральную базу? Я вам подскажу, как это сделать. Сначала чужой разум следует просто не заметить. И не замечать как можно дольше. Потом, когда это станет уже невозможно, нужно отказать чужому разуму в гуманности. Проще простого: гуманность у негуманоидов?! Бей их!! Но лучше все-таки напустить на них убегунов, а потом, через десяток лет, если напор общественного мнения станет ощутимым, если вообще найдется хоть какая-то общественность с мнением, можно объявить случившееся трагической ошибкой и учредить день траура, а то что-то мало в Редуте поводов надраться в дым, непорядок...

— ...я хорошо понимаю все практические соображения, подвигнувшие народ Редута к грандиозному прорыву на Юг, — говорил тот, решительный человек. — Но даже в наше напряженное время нельзя, как бы нам этого ни хотелось, руководствоваться одними лишь практическими соображениями, нельзя, если мы, люди, тоже мним себя разумной расой. Я обращаюсь к вам потому, что верю в вашу государственную и человеческую мудрость. Я обращаюсь к вам потому, что мне больше не во что верить...

Только однажды в жизни Шабан чувствовал подобное: давным-давно, в кадетской школе. Двое парней со старшего курса подстерегли его в туалете. Может быть, они ждали кого-то другого, а подвернулся он; может быть, им просто

было скучно или не понравилась его физиономия, но насели они основательно. После первых плюх, неумелого отмахиванья, крови из носа и боли в заломленных руках намерения верзил определились вполне: затолкнуть салагу лицом в писсуар. Нечего было и сомневаться, что им это удастся — каждый из них шутя сделал бы котлету из троих таких Шабанов. Вот тут и появился тот, другой человек. На несколько секунд Шабан отключился и не помнил потом, как все произошло, только один из верзил вдруг оказался без сознания на заплеванном полу, а другого, пустившегося в бега, Шабан гнал через всю школу и догнал бы, но налетел с размаху на директора, был кругом виноват и провел сутки в карцере. Юность, юность... Вьюность. Девочки. Битье морд. «Дур-рак! — учил впоследствии Менигон. — Что за удовольствие одержать верх, нанеся противнику десять ударов и получив девять? Лучше нанести один удар и не съесть взамен ни одного...»

Его слушали! Высокое собрание замерло перед обыкновенным, невзрачным человеком с обширной смешной плешью и молчало, загипнотизированное. Так их! Не в плеши дело. И не в росте. А только в точке зрения. Есть древняя история, которую любят рассказывать психологи: некий начальник дрожал и трепыхался перед подчиненными, потому, оказывается, что комплексовал из-за своего скудного роста. Снизу вверх — ай-ай-ай... Психолог посоветовал ему удлинить ножки стула на три сантиметра, и начальник стал орлом...

И вдруг кто-то оглушительно чихнул. Шабан запнулся и растерянно повел глазами по лицам. Катастрофа произошла. Решительный человек исчез, бросил его и удрал — Шабан один стоял под колонной с рениевым Эриксоном и не знал, что сказать. Он чувствовал полный провал. Лица, рожи, хари... вот лиц уже меньше, вот их уже нет совсем, а кругом одни хари — как быстро они меняются!.. Долгий миг пронзительной тишины — и вот они уже заворчали, заворочались, заговорили все разом. «М-да-а... Что-то я, признаться, не вполне уловил, а вы?» — «Ненормальный какой-то. Вообще, кто это?» — Поздняков ерзал и мучился, не зная, куда себя деть. — «А-а, вот оно что. Н-да-а... Жидковат. И дурак к тому же». — Шум в зале нарастал лавиной. — «Засыпать тоннель, ха!» — «Ну, псих, конечно». — «Балаган, а не заседание. Почему мы должны это слушать? Ему слово давали?» — «Вывести его!» — «В расход», — сострил кто-то. — «Потише, не надо так шутить». —

«А что?» — «Не надо так шутить, нехорошо как-то...» — «Гы-ы-га-га-а!..» — Во всем ромбозале молчал один Эриксон. — «Что он сказал? А ну, пусть повторит. Это Правительственный Совет не знает, что делает?!» — «Варианты какие-то. Донты. Что за варианты-то?» — «Передайте оратору закуску!» — «Гы-ы-ы...» — «Да он же пьян!» — «На шельф таких!» — «Не на шельф, а просто вывести! Куда смотрит охрана?» — Неожиданно выяснилось, что Живоглота в зале нет. Когда он встал и ушел, никто не заметил. Шабан отодвинул ногой стул и молча вышел. Хотелось бежать, но он заставил себя идти ровно. Желтые каски за дверью шевельнулись, глядя ему вслед.

Глава седьмая

— Однако, — сказал Гебрий Биртолли, промахиваясь бутылкой мимо стакана. — Ч-черт! Это я куда? Это ничего, что я тебе на брюки? К счастью? Ну, правильно. Да, что я хотел сказать: весело тут у вас, вот что я хотел сказать.

— Еще как, — подхватил Шабан. Он чувствовал себя в той стадии опьянения, за которой начинается уже провал, а потом очнувшийся человек уверен, что в его голове кто-то ворочает битое стекло. — Давай к нам, а? Бросай ты свою Землю. Ну на что тебе Земля?

— А на что мне Прокна?

— Прокна — это Лига, — объяснил Шабан. — Вторая молодость — понял? За кем, по-твоему, будущее, а? А Земля — музей. Ну что, уестествим по последней?

Уестествили. Местный джин «Редут» бил сперва по ногам, а потом уже по голове, как всякий порядочный напиток, хотя не напоминал самогон только цветом. Вставать и уходить от Биртолли совсем не хотелось. Вот уже полчаса, как они были на «ты».

— Музей, — согласился Биртолли. — Это правильно. Это я в статью вставлю.

— Музей предрассудков, — сказал Шабан. — Того нельзя, этого не тронь. Ничего нельзя. Были бы там у вас вариадонты — и их бы нельзя было тронуть, так?

— Опять ты за свое, — заныл Биртолли. — Сказал же я тебе: буду я писать статью, буду. Ну?

Пожалуй, и вправду напишет. Шабан покивал: да-да, не сомневаюсь, как можно? Ладно. Конъюнктуру парень

уловил с полуслова. Если отношения Земли с Редутом не выйдут каким-нибудь чудом из состояния активной эрозии, статья действительно появится месяца этак через два и наделает шуму на всю Вселенную. Да только будет поздно. Совсем. И уже ничего нельзя сделать. Вариадонтов выбьют до единого, а некий заместитель начальника геологической службы — впрочем, теперь, по-видимому, уже не заместитель — отправится на шельф бороться со стихиями. «Славой героев!..» В Редуте невозможно не проявлять героизма, это не по правилам. И все мы хорошо знаем эти правила, а чего мы не знаем, то объяснит Поздняков. Отключиться бы... Сволочь этот Гебрий: расплескал последнее. Нет, смотри-ка, полез еще за бутылкой.

— Вино?

— Нет. Коньяк.

— Земной?

— Угм.

Шабан с сожалением отстранил свой стакан.

— Нельзя. — Он покачал головой. — Отрава. Ты натурализованный?

— Это на неделю-то? — Биртолли хохотнул и потрогал руками курчавую голову. — Лысей сам. Я только адаптирован.

— Все равно не советую, — сказал Шабан. — Намаешься потом брюхом. Забыл, как в прошлый раз маялся?

Биртолли скривился — как видно, хорошо помнил. Морщины на его лбу собрались в сложный рельеф.

— Ага, — сказал он, — а ведь я тебя знаю. То-то смотрю: знакомое лицо. И фамилия. Постой, постой... Это не ты тогда спас этнографическую экспедицию с Мегары?

— Было дело, — признался Шабан. — Да ты же об этом писал. Помнишь?

— Э-э... То есть, да, конечно. Припоминается что-то такое. Но ведь это давно было, правда? И не писал я вовсе этого.

— Как не писал? — возразил Шабан. — Очерк «Я спасу вас», автор — ты.

— Ну, ты даешь, — оживился Биртолли. — Что я, вот так сам писать и буду? На то специальный писун на каждую полосу. Сидит и строчит. Да нет, какой это секрет? От кого? Или, бывает, комп за него строчит, и даже лучше получается... Главный не поощряет — зверь. Помню, писун выдал, будто ты, значит, вообще не дрался в норе с этими вашими... кто тут у вас в норах живет... убегуны, что ли?

Так старик его с ходу за загривок и в текст мордой, мордой, а потом повернул к себе задом да как врежет по сфинктеру...

— Святая правда, — сказал Шабан. — Не дрался. И незачем. Они же людей боятся.

— Правда или неправда, а писать такое нельзя. — Биртолли ударил ладонью по столу и придержал звякнувшую бутылку. — Нужно хоть немного уважать читателя. Специфика. Если читатель ждет героики, мы не имеем морального права всучить ему будничную спасательную историю. Согласен?

— Я с ними не дрался, — сказал Шабан.

— Ну, это твои трудности. Ведь мог бы подраться, верно? Слушай, может быть, все-таки выпьем, а? Может, не отрава?

— Нет. Я — гриба. Хочешь попробовать?

— Я? М-м... Да, пожалуй. Это как? Это нюхают?

— Нюхают. Нет, возьми больше, так ничего не почувствуешь... А теперь много, сыпь обратно. Вот теперь правильно. Ну, вперед!

— М-м-м...

— Твое здоровье. Нет, это не закусывают. Ну, как теперь?

— Не пойму. Нет, вот сейчас хорошо. Но я, кажется, где-то слышал, что это запрещено?

— Я тоже где-то слышал. Но тебе трепыхаться не надо, ты нездешний. Пока ты у себя в комнате, ты ничего не нарушаешь.

— А ты?

— «Нарушение порядка можно доверить лишь тому, кто им дорожит», — сказал Шабан и икнул.

— Это ваш Барух? — с улыбкой спросил Биртолли.

— Нет. Это ваш Шиллер.

— А, — сказал Биртолли, — да-да. Естественно. А ваш этот гриб, он что — наркотик?

— Черт его знает, — сказал Шабан. — Вот, кстати, тебе матерьял: есть гриб, вдыхание его сушеных гифов вызывает у человека легкость в движениях и ясность мысли. Если, конечно, не перебрать. Правда, налицо классический букет: похмелье, быстрое привыкание, увеличение доз, в пределе ведущее к нервному истощению. Но и только. И ничего более. Так почему, я спрашиваю, вместо того чтобы всерьез взяться за ликвидацию побочных явлений, гриб попросту запрещают? Законодательно. Ты журналист, вот и занялся бы этим делом.

— И займусь. Почему бы не заняться? Читатель должен знать!.. — Биртолли снова замахнулся хлопнуть по столу, и вдруг лицо его вытянулось. — Ой, кто это?

— Где?

— Вон там, у двери. Женщина. Что ей нужно?

— М? Не вижу. Кто там может быть?

Биртолли усиленно заморгал.

— Стоит, — сказал он. — Вон она стоит. Господи, да она же зеленая!

— Не страшно, — успокоил Шабан. — Это у тебя галлюцинация с непривычки. Тоже побочное явление. Бывает один раз, а потом уже больше не появляется. Сейчас я дуну как следует, и ее отсюда вынесет... Ну как, исчезла?

— М-м... Вроде, да. А она больше не появится?

Шабан уверенно помотал головой, и Биртолли сразу повеселел. Через минуту он уже пытался острить. Он-то, конечно, не бабник, но и не женофоб, и готов получить эстетическое и иное наслаждение, если, конечно, попадется достойный экземпляр, только пусть экземпляр будет естественного окраса, а не зеленый. Зеленым место на грядке. И вообще, какой урод придумал, будто зеленый цвет приятен для глаз? Бред, правда? Ты как думаешь: какой цвет лучше всего успокаивает?

— Черный, — поддержал Шабан. — Погасить свет и лечь спать.

— Правильно, — сказал Биртолли. — А у вас тут часто стреляют?

— Что?

— Я спрашиваю: часто у вас идет в ход оружие?

— Это смотря где, — сказал Шабан. — В степи случается, а здесь — нет. У нас с этим строго, — приврал он, вспомнив Кошкодава. — А что?

— А то, что стреляют, — заявил Биртолли. — Слышишь?

— Нет.

— Странно. Стреляют же!..

Хм. Опять мерещится шизоиду. Когда новички занюхивают грибом алкоголь, хорошего не жди. Обострение слуха может довести до истерики. Кто там стреляет? И в кого? И зачем? Может, просто бродят «блохи», перебирают лапками. Тук-тук. Ну и пусть себе бродят. Пусть смотрят и слушают, в последний раз ведь. Приятно вот так посидеть, зная, что это в последний раз, и болтать всякие всякости, чепуху болтать, только чепуху, и ничего, кроме чепухи, не

слышать в ответ — лучше бы, конечно, не с Гебрием, плохо, что так получилось... Потому что уже ничего нельзя сделать, совсем ничего сверх того, что уже сделано, дистанция пройдена, самое время упасть без сил и ждать, когда поднимут...

— Опять, — со страхом сказал Биртолли. — Теперь ближе.

Тук. Тук. Тук-тук-тук-тук... А ведь и верно — стреляют. Шабан замер, прислушиваясь. Бум-м!.. А вот это уже гранато-пуля фугасного действия. Совсем близко: не на смежном ли ярусе? Какого черта... Или наконец-то началось? Наконец-то... Давно пора. Шабан блаженно закрыл глаза. Может быть, что-то все-таки сдвинулось, провернулось со скрипом какое-то огромное ржавое колесо и покатилось, теперь его уже не остановить, потому что люди проснулись, потому что они вспомнили, что они — люди. Не зря Поздняков с утра сам не свой. И без стрельбы не обойтись, плесень сама не отвалится, ее только скребком. Совет этот дебильный уцепится за власть так, что и не отдерешь. Ничего, отдерем. Если все вместе, все, кому нечего терять, да еще с каким-нибудь особо озлобленным на власть Шабаном... Нет, что-то не то. Не получается. Все вместе они останутся просто толпой, вымогающей у Совета особые премиальные. Господи, да я же их ненавижу! Всех этих людей, все это стадо, стиснутое с шести сторон в кубической жестянке, вечно куда-то спешащее и никогда ничего не успевающее, звереющее от бесперспективности своего будущего и от бесперспективности себя в будущем. Тупость их ненавижу, жадность, подлость. Но что у меня есть, кроме этих людей? Нет, это даже интересно, давайте разберемся... Лиза? Этого мало. Вариадонты? Они далеко, и они сами по себе, я им не нужен. Получается, что кроме этих людей у меня в жизни, по существу, ничего и нет. Забавно получается...

— Что делать-то? — спросил Биртолли. Он был бледен. Шабан оперся руками о стол и с усилием поднялся. Ноги слушались, но в голове по-прежнему плыло. Добавить порошка? Нет, позже.

— Пойду посмотрю, что там такое.

— А я?.. — задребезжал Биртолли.

— А ты сиди тут, — сказал Шабан. — Вернусь — расскажу. Матерьял соберешь, писуну отдашь. Пока.

Только сейчас он вспомнил, что при нем нет оружия. Биртолли кинулся проводить до двери, квохтал что-то

вслед: кажется, призывал беречь себя, смотреть в оба, а как только что-нибудь прояснится, бежать назад и немедленно вводить его, Биртолли, в курс событий. Шабан задвинул за собой дверь, и Гебрия не стало слышно.

Грохнуло где-то совсем уже рядом. Шабан оглянулся. Пусто. Черт знает что. И здесь пусто. Если это бунт жаждущих отправки на Землю, то где ревущие толпы? Где лозунги, баррикады и кирпичи для бомбометания, что там еще полагается? Он прибавил шагу. Над головой грохотали чьи-то тяжелые ботинки — сначала туда, потом обратно, потом снова туда. Навстречу неожиданно вынесло Ли Оммеса. Этот-то откуда здесь взялся, подумал Шабан. Самый тихий, самый незаметный человек в Порт-Бьюно, больной, вдобавок. Лежать бы ему сейчас с грелкой... Оммес двигался как-то неуверенно, будто учился ходить, лицо его было темнее обычного, а обеими руками он держался за живот. Даже не кашлял. Били его, что ли? Какой гад?

— Эй, Ли! Что тут, собственно...

Самый тихий человек в Порт-Бьюно вдруг всхлипнул и мягко повалился набок. И только потом раскашлялся — страшно, булькающе. Он еще хотел, как видно, прикрыть рот ладонью, но не донес руку, и изо рта его вместе со струйкой крови вылетел какой-то сгусток. Потом он вытянулся, закатил глаза и замер. Одна рука так и осталась прижатой к животу, но уже не могла скрыть того, что живот у него разорван. Шабан отшатнулся. Происходило что-то страшное. Оммес... Мозг сопротивлялся, не хотел верить. Такого в Порт-Бьюно никогда не было, это какая-то ужасная ошибка, это неправда, такого здесь просто быть не может...

— Стоять! К стене!! Руки за голову!!!

Обвальный грохот спешащих ног. Охранники. Потные ощеренные хари. Двое. Живоглотова гвардия. Карабины в положении для стрельбы с бедра.

— Мордой к стене, сволочь!

Должно быть, он недостаточно проворно выполнил приказание — в бок с хрустом вломился приклад. На секунду стало очень тихо и темно, потом проснулась боль, поползла по ребрам к позвоночнику, заплясала в глазах мутными пятнами. За спиной зло сопели. Было слышно, как тело Оммеса пнули ногой. — «Этот?» — «Он самый». — «Живой?» — «Сдох. Ты ему прямо в брюхо. Кишки вон». — «А оружие?» — «Оружия нет». — «... с ним. Проверь у этого». — Шабана брезгливо обыскали. — «И у этого нет». — «Выбросил, сука...» — Позади него презрительно сплюнули.

Рискуя получить пулю, Шабан повернулся к охранникам лицом. Боль в боку мешала дышать. Ярус постепенно наполнялся звуками. Из одного бокового коридора в другой протопотало на рысях отделение Особой Охраны. Где-то поодаль ломали дверь, кого-то шумно тащили из комнаты в коридор, а он в коридор не хотел, визжал и вырывался. Потом негромко пукнул выстрел, и визг смолк. Ярусом выше рванула одиночная гранато-пуля — тяжело вздохнули стены, с потолка посыпалась крошка. Да что же это такое, беспомощно подумал Шабан. Убивают ведь... Людей убивают. Оммеса... Неужели переворот?.. Ясно, что переворот. Вот, значит, как. Проморгали Живоглота... Он отлепил лопатки от стены и качнулся вперед. Две хари в нахлобученных по уши форменных беретах осклабились.

— Кто такой?

— Человек, — с вызовом сказал Шабан.

— Кто-о?

— Человек, — сказал Шабан менее уверенно.

— Козел ты вонючий, — определил охранник. — Руки, падло!

— Что — руки? — спросил Шабан, держась за бок. Боль не отпускала. «Кончай его», — равнодушно сказал второй охранник. — «А?» — «Кончай, говорю, некогда». — «Нет, ты погоди! — ощеренная пасть брызгала слюной. Глаза сощурились и сделались ласковыми и масляными, как у Мант-Лахвица. — Ты слышал, что он сказал? Я тебе, плешь, покажу человека! Ты у меня свои кишки жрать будешь...» Второй охранник, не обращая внимания, отшагнул назад. Ствол карабина в его руках качнулся и превратился в черный кружок. Палец на спусковом крючке лежал плотно и ровно.

Сейчас меня убьют, подумал Шабан. Вдруг стало очень тихо. Черный кружок дула притягивал, от него невозможно было отвести глаз. Время словно остановилось, замерло в испуге. Невыносимо медленно сгибался палец, топя в ложе карабина спусковой крючок. Разрывная пуля снесет голову.

За мгновение до выстрела, уловив боковым зрением какое-то движение, он упал, успел откатиться в сторону — пуля, разбрызгивая осколки, сочно чмокнула в стену. Второго выстрела не последовало. Длинное, кажущееся в прыжке еще длиннее, тело Менигона обрушилось на охранников, как лавина. Что-то лязгнуло, выбитый карабин ударился в потолок. Один охранник отлетел к стене и больше не поднялся. Второй, казалось, успел среагировать, и Ме-

нигон едва не покатился кубарем, но на короткий миг Шабан ясно увидел, как в руке Менигона блеснула узкая сверкающая полоса, и охранник сложился вдвое. Менигон молча ударил еще раз — охранник захрипел, выкатывая глаза, споткнулся и упал на труп Оммеса. Другой, с шеей, вывернутой неестественным образом, лежал у стены и царапал пол скрюченными пальцами. Менигон деловито осмотрелся по сторонам, вытер лезвие стилета об одежду убитого, подобрал с пола карабин и не глядя выстрелил — распростертое тело подпрыгнуло на полметра. Скрюченные пальцы замерли.

— Вставай. Разлегся тут... Пляжник. Оружие возьми.

Шабан, кряхтя, поднялся на ноги, выдернул из рук убитого карабин. Его мутило.

— Ты их убил? — через силу спросил он и сам подивился глупости вопроса.

Менигон повернулся к нему рывком. В желтых глазах плясало бешенство.

— У тебя были другие предложения?

— Нет. Ты извини.

— Ты пьян, что ли? — спросил Менигон.

Шабан прислушался к внутренним ощущениям. Ощущений не было. Была пустота.

— Нет. Уже нет.

— Очень больно? Идти сможешь?

Шабан кивнул. Боль в боку не ушла, но стала тупой и ноющей. Терпеть было можно.

— Тогда пошли.

— Куда? — спросил Шабан.

— Там увидишь.

В боковом коридоре уже опять грохотали тяжелые ботинки. Пришлось не идти, а бежать, и все равно не успели — далеко позади кто-то хрипло заорал на бегу, нестройно ударили выстрелы. От стены с визгом срикошетировала пуля. У поворота к пандусу Менигон припал на одно колено и лихо, как в учебном тире, расстрелял в преследователей полобоймы — погоня отстала.

— Быстрее, пляжник!

Шабан задыхался. Они бежали по пустым ярусам, по бесконечным коридорам сонного Порт-Бьюно, и редкие обыватели, высовывающие головы из своих комнат, завидев их, спешили укрыться за задвижными дверями. Свет неожиданно погас, потом опять включился, потом замигал и погас уже окончательно. Менигон свирепо зарычал. Они пе-

решли на шаг и пошли было вдоль стены ощупью, но тут загорелось аварийное освещение, и Менигон опять сорвался на бег. В жилых ярусах уже не стреляли. Пальба еле слышно доносилась откуда-то сверху, как видно, с правительственного яруса и — гораздо громче и ближе — снизу, с уровней, занятых громоздкими системами жизнеобеспечения куба. Над головой что-то горело — по пандусам сверху вниз ползла ленивая пена, извергнутая автоматическими гидрантами. Воняло дымом. На несколько секунд ожили коридорные динамики, чей-то голос тягуче заныл: «Группа «Каппа» — на выход, группа «Каппа» — на выход, группп...» — забулькало, захрипело, и голос смолк.

Вниз! С яруса на ярус — вниз! Туда, где стреляют. Туда, где ты кому-то очень нужен, где может не хватить как раз одного человека... пусть этим человеком окажется кто-то другой, не ты, тошно же потом будет... Менигон еще прибавил, и Шабан изо всех сил старался не отстать. В боку пылало кипящее железо. Менигон бежал легко и пружинисто, как опытный хищник, взятый в облаву и точно знающий, что и как нужно делать, чтобы охотники остались с носом. Хищник и есть, подумал Шабан. Гончая, профессионал. Так и нужно. Зря я тогда отказался перейти в спецгруппу, предлагали же дураку — но кто знал?.. Что за бред, знали же! Все знали, на какой планете живем, кто такой Живоглот и чего от него ждать. Центропупизм, наполеоновские комплексы при острой умственной недостаточности и еще подлость, подлость и подлость. С рождения. Было время, когда юный Мант-Лахвиц был рядовым охранником, новичком без покровителей, вечным первым кандидатом на чистку сортиров, безошибочно избранным на роль жертвы, и легко, даже как-то охотно терпел казарменные подначки и изощренные издевательства. Долго терпел. Но что это были за издевательства, рассказать теперь некому: из его бывшего отделения в живых не осталось ни одного человека. А как они заискивали перед ним, когда неожиданно для многих, как сияющий волдырь на гладком месте, возник во всей красе отдел Особой Охраны, как ползали, должно быть, в ногах, лизали пол... Дольше других, говорят, продержался некий капрал Заурус, потому что перевелся на шельф, и уже, наверно, полагал себя в безопасности, как вдруг однажды ночью исчез с патрульной платформы без следа — вероятно, был смыт в море... Не то удивительно, что Живоглот рванул напролом к большой власти, а то удивительно, что рванул только сейчас — спу-

стя годы, — так долго ждал, что мы к этому привыкли: держит в узде своих мерзавцев, терпит над собою Правительственный Совет — значит, так ему нужно, значит, будет терпеть и впредь. Вот вам — впредь! Поздняков спохватился, да поздно. Фамилия у него такая. У Живоглота сотня обученных громил, всего лишь сотня, но на Порт-Бьюно и этого может хватить, особенно когда Общая Охрана разбросана кто куда по всему Редуту, разведчики тоже, а желтые каски малочисленны; особенно когда начинают убивать вот так — неожиданно, в праздничное утро. Ах, какое выбрано время! — никто не мечется в панике, не суетится под ногами, добропорядочные граждане в большинстве просто спят после вчерашнего, набираясь сил перед сегодняшним. Праздник же, все мы люди... Спят и видят в предпохмельных снах кружащийся волчком мир или, скажем, детский аттракцион — карусель, где можно прокатиться на имитации черного корабля в компании зеленого пришельца с классической сыроежкой вместо носа. Продерут глаза — обалдеют, спросят, что за новая власть такая, и успокоятся, если у новой власти хватит ума не отменять праздника. Толпа. Тупая, животная, непобедимая сила, почва и подкормка для всякой власти. Толпу никто всерьез не тронет: нельзя разрушать фундамент. Вот Оммес был не в толпе, значит, Оммеса — можно. Кто человек, тому власть не нужна, и тот власти не нужен. А ну, где вы там, умники, падлы, плеши, козлы вонючие! Получите свою разрывную в брюхо — один уже получил, и вы никуда не денетесь...

Жилые ярусы остались над головой. В машинном зале энергоподстанции искрили и выли генераторы, воняло маслом и горелой пылью. На кожухе трансформатора лежал убитый. Менигон, хакнув, с разбегу высадил аварийную дверь, и сразу в машинный зал ворвались звуки боя — стреляли, вопили и дрались врукопашную где-то совсем уже рядом. Перед глазами замелькали какие-то узкие ходы, неожиданные повороты, лазы с протянутыми вдоль них толстыми кабелями, потолочные люки над настенными лестницами из скоб.

Лабиринт. Шабан здесь никогда не был, но Менигон ориентировался и вел уверенно. Звуки боя то приближались, то удалялись, потом стали затихать. Поворот. Еще поворот, еще... И еще. Теперь в люк... Один раз в широком и непомерно длинном коридоре без дверей их обстреляли откуда-то издалека, и Менигон ответил. В другой раз вы-

скочили на каких-то вооруженных людей в гражданском, прямо на наставленные стволы, и Менигон, упреждая, заорал: «Свои! Свои!» Стволы опустились.

— А, Винсент! — сказал Ева Панчев. Он был всклокочен и дышал с хрипом. Комбинезон на нем был разорван до пупа и сползал с плеч, на волосатой груди запекся колтун крови и грязи. Поверх колтуна болтался на ремне короткий автомат. — Долго тебя носило. А это кто с тобой? Искандер, ты? Молодец, что пришел, мы тебя ждали... Серж, будь другом, узнай, как там со связью...

— Зацепило? — спросил Менигон.

— Ерунда, — отмахнулся Ева. — Своим же осколком по касательной. Бардак, как обычно. Пока что мы их выбили, сейчас непременно опять полезут. Гупту убили, ты знаешь?

— Ну? А Тосихидэ?

— Тосихидэ держит воздуходувку. Слышишь?

— Слышу. У тебя гранато-пули к карабину есть?

— Найдем. Что там наверху?

— По-прежнему. Нужно десять человек.

Ева выругался.

— Блокируют — поздно будет, — предупредил Менигон.

— Сам знаю! А может, двадцать им?!. Нету у меня десяти человек, нету. Не дам!

Менигон пожал плечами. «Сказал бы мне кто вчера, кого придется защищать, — мрачно начал Ева, — я бы тому...» Где-то опять грохнуло, дрогнули стены. Издалека долетело отчаянное: «А-а-аа-а...» и грохнуло еще раз. Несколько человек, молча переглянувшись, побежали на звук. Гулко загремели выстрелы. Ева Панчев вдруг страшно засопел, ощерился и кинулся вслед за каким-то прошмыгнувшим мимо человеком в светлом кителе инженера: «Стой! Стой, говорю!..» Заорали оба. Ева прижал инженера к стене. — «Ты где должен быть?! Ты мне связь дал? Связь ты мне дал, я спрашиваю!..» — Инженер вырывался. — «Ку-уда-а?! Почему нет связи? А ну, отдай!..» — Инженер кричал что-то про поврежденный фидер и не отдавал пистолет. — «Назад! Сдохнуть еще успеешь. Марш обратно!» — «Куда? Антенны нам отрубили... Фейсал там. И Брусницин...» — «И ты — марш! — орал Ева. — Связь мне давай, сволочь, понял? Связь!!.»

— С Базой? — спросил Шабан. Ева безобразно ругался, выкручивая пистолет из инженерских рук. Стрельба приближалась.

— С Базой связь есть, — сказал Менигон. — Армия не поможет.

— Почему? — тупо спросил Шабан.

— Потому что не поможет, — объяснил Менигон. — А если и поможет, то не нам. Сейчас ребята пробуют включиться в оповестительную сеть, обратиться напрямую к солдатам, но, боюсь, толку не будет. Там каждый второй — грибник. Связь нужна спутниковая, с Хинаго и Межзоной. Кто услышит. Пока мы держим системы — куб наш.

— У нас есть шанс? — спросил Шабан.

— Нет.

— Их же всего сотня...

— Кого сотня? — спросил Менигон.

— Охранников.

— А-а... — равнодушно протянул Менигон. — Вот ты о чем... Так ты, дружок, просто не в курсе. Какие там охранники... Это грибники, без них Живоглот разве бы посмел... У них в паханах Редла-Штуцер, ты его знаешь?

Шабан промолчал. Бой приближался, и нужно было идти туда, где дерутся. Штуцер... Грибники. Вот, значит, как...

— Говорил тебе, дураку: напросись в разведку, — сказал Менигон. — Ну что тебе стоило?

Не торопиться. И не зевать. Поймать в прицел очередную фигуру, как вездеход каких-нибудь гончих. Плавно надавить на спусковой крючок, и фигуры не станет. С гончими проще: можно не думать о том, что в вездеходе люди. И здесь нужно не думать. Держать их на расстоянии, это самое главное.

Они лежали за хилым завалом из стульев и выломанных дверей и ждали новой атаки. Сначала их было четверо, кроме Менигона и Шабана этот коридор держали еще двое: Гугнивый Мартин, тоже разведчик, и какой-то пожилой незнакомый механик в промасленном комбинезоне и с нервным тиком на пол-лица. Первую атаку отбили шутя: на технических ярусах никто не рисковал пользоваться лучевым оружием, зато гранато-пули вымели коридор начисто. С полдесятка охранников и боевиков Редлы-Штуцера лопнули и разлетелись дымящимися клочьями. Потом что-то крепко рвануло перед самым завалом и механика убило, а Менигону оцарапало голову, и снова поперли, полезли орущие потные рожи в надвинутых на глаза беретах, молча-

ливые боевики с короткими автоматами наперевес, нанюхавшиеся грибного порошка до полного бесстрашия и желающие только одного: добраться и разорвать; и снова пули крошили завал. Отбили с трудом, а еще через минуту прибежал трясущийся парнишка с вестью о том, что с той стороны наседают, сил нет, связь по-прежнему не работает, ребята отходят, нельзя ли хотя бы двух человек? Ну хоть одного... И Гугнивый Мартин пошел с парнишкой, а Менигон молча оттащил тело механика к стене, чтобы не мешало. А потом два человека долго лежали за завалом и ждали, когда на них полезут снова, но никто почему-то не лез, прошло уже минут двадцать, но никто не пытался еще раз атаковать с этой стороны, и Шабан думал о том, что звуки боя позади становятся все громче, и как бы не ударили в спину, зато сверху, с правительственного яруса уже давно не слышно никаких звуков боя, хотя поначалу они отчетливо доносились через вентиляционную шахту — вот она, решетка, такая же, как та, на которой маленькая девочка ловила коричневых тварей. Жуки, жу́ки...

— Ты о чем думаешь? — спросил Шабан.

Менигон не ответил, и Шабан, подождав немного, снова прилип к своей амбразуре и стал смотреть. Противник не показывался. На полдороге к ближайшему боковому лазу покореженные стенные плиты были забрызганы неприятными кляксами и лежала чья-то нога без туловища. Еще одно тело боевика, почти целое, скорчилось перед самым завалом.

Смотреть не хотелось, было тошно. Случившееся отказывалось укладываться в голове. Живоглот — понятно, но грибники?!. Почти что своя, домашняя, во многом еще неопытная мафийка — кто не знал о том, что она существует? Кто не нюхал порошка? Каждый знал, каждый видел: люди как люди, ты им хорошо — и они к тебе со всем уважением, а что боевики у них, так это специфика такая, нужно только знать простые правила, и не будет никаких неприятностей. Плати аккуратно за порошок, плати разовые взносы, не задавай вопросов — вся наука.

Совсем, видно, плохи наши дела, если мафия берет формальную власть, подумал Шабан. Не хочет, наверное, а берет — деваться ей некуда, не допускать же страну до развала... Мафия подзаконна. Перестав ею быть, она перестанет быть мафией и станет высшей государственной властью, а на ее место неизбежно придут другие. Рано или поздно — придут, и Штуцер не дурак, чтобы этого не по-

нимать, иначе не гасил бы так долго порывы Живоглота. Но кто-то же должен быть виноват в том, что нет другой силы, кроме той, что у Штуцера, способной заменить этот Совет, похожий на собрание окаменелостей, ведь нас же убивают, господи, кто-то же должен быть в этом виноват...

— Ты как думаешь, Винс: если еще раз полезут — отобьемся?

Менигон, морщась, щупал ссадину на голове, смотрел на ладонь и вытирал ее о комбинезон.

— Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, — сказал он непонятно. — Это надо знать. С виду вроде ничего, а потом хряп — и отказывает. Очень просто.

— Это ты о чем? — спросил Шабан.

— Это я просто так, — сказал Менигон. — Ты давай за коридором смотри. Тоже мне: отобьемся — не отобьемся... Стратег вшивый.

Стрельба за спиной неожиданно смолкла. Стало тихо, только поодаль негромко гудели какие-то насосы, что-то позвякивало, и было слышно, как из пробитых труб с шумом низвергаются не то потоки аммиачной воды, не то канализационные стоки. Шабан глубоко вдохнул: почему-то вдруг стало трудно дышать. В голове зашумело.

— Э! — Менигон замер, подняв кверху палец. — Чувствуешь?

Шабан потянул носом.

— Это кислород.

— Отдали аппаратную, — спокойно сказал Менигон. Его желтые глаза погасли. — Все, крышка.

Он вдруг начал ругаться — очень грязно и очень спокойно, и все никак не мог остановиться. Шабан потащил его за рукав. Ярус снова наполнился звуками. Но теперь это были звуки бегства.

— Куда? — вяло спросил Менигон. Он был как пьяный.

Куда, куда... Шабан тянул Менигона прочь, и в голове у него трещало. Он кричал, не чувствуя, что кричит. Ты надышался, что ли, Винс? Или все еще рассчитываешь стать экспертом? Вниз, вот куда! Нет, сначала наверх: возьмем Лизу — и вниз. Если повезет прорваться к гаражу, захватим вездеход — и тогда в ущелье, к ребятам... Ну же, Винс! Быстрее!

— А-а, — сказал Менигон, едва ворочая языком. — Вот ты о ком вспомнил... Так их убили. Разве я тебе еще не говорил?

Эта дверь поддалась сразу — вероятно, была повреждена или просто не заперта по оплошности, — и едва она успела задвинуться за спиной, как по коридору прогрохотали преследователи. Мимо. Кажется, ушел... Шабан привалился к двери спиной и закрыл глаза. Сил не было. Где-то еще стреляли, но исход был ясен. В жилые ярусы удалось прорваться немногим; их отстреливали поодиночке. Часть защитников отступила вниз и, по-видимому, пыталась организовать оборону на новом рубеже. В глазах плавали цветные круги и стояли картины бегства: мчащаяся на выстрелы толпа, в которой каждый был сам за себя, хриплые крики, неожиданный фонтанчик брызг, ударивший из кителя инженера, и бессмысленное лицо охранника за мгновение до того, как это лицо размозжило прикладом. Карабин так и остался где-то там, и куда-то пропал Менигон, а Ева Панчев был еще жив, еще кричал, стрелял и дрался в последней рукопашной своим коротким автоматом, он был жив до самого пандуса, и только там его отбросило пулей...

— Ну и ну, — сказал знакомый голос. — Здравствуйте.

Это был Роджер. И это была его комната. Он сидел на краю смятой постели, спустив босые ноги на пол, и имел блаженный вид, а на его коленях, подставляя себя под блуждающие руки, сидела модель.

— Вон пошла, — сказал ей Шабан, пытаясь отдышаться.

Модель деловито отклеила от себя руки Роджера, спрыгнула с колен, и, раньше, чем она въехала Шабану кулаком в переносицу, он понял, что это не модель. Кулачок у нее был маленький и твердый, и она знала, как с ним обращаться.

— Вы что?! — закричал очнувшийся Роджер. — Это же не модель! Это моя невеста! Магда, скажи ты ему...

— Я ему уже сказала, — девица улыбнулась, открыв мелкие белые зубки, и, подрагивая бедрами, вернулась на исходную позицию. Руки Роджера немедленно пришли в движение. Шабан механически ощупал переносицу. Синяк будет.

— Ну, что там нового? — бодро спросил Роджер.

Шабан судорожно сглотнул.

— Уже все, — сказал он, — уже больше ничего не будет. Так вот. Одежду мне дай... чистую. И попить.

Пока он переодевался, умывался и пил, Роджер смотрел на него не отрываясь. Он явно не знал, как себя вести.

— Я ненадолго, — успокоил Шабан. — Передохну вот и пойду. Минуту.

— Ну отчего же минуту... — дипломатично сказал Роджер. — Передохните, отсидитесь...

— Это ты дверь не запер? — спросила Магда.

— Сейчас, сейчас... — сказал Шабан, глубоко дыша. Круги перед глазами наконец пропали, остался только Ева Панчев. — Уже ухожу... Слушай, а может, вместе?

— Зачем? — с тревогой спросил Роджер.

— Посмотришь, как это бывает, — сказал Шабан. — Ну? Пойдешь?

— Еще чего, — сказала Магда и отвернулась, положив одну красивую ногу на другую. Роджер беспомощно покрутил головой туда-сюда, словно ожидал подсказки.

— Сидеть надо, — он убрал глаза. — Спокойно сидеть, и все. Тогда ничего не будет.

В коридоре опять застучали торопящиеся ноги, кто-то отчаянно заколотил в двери и вдруг завизжал на высокой ноте. Грохнул взрыв, осколок с визгом ударил в косяк.

— Сиди, — сказал Шабан. — Ты вот что. После всех этих дел охранников, наверно, стало немного меньше, так?

— Ну? — спросил Роджер.

— Значит, будет объявлен набор. Ты бы шел. Тебя Живоглот возьмет, ему такие нужны.

Роджер задумался. Шабан плюнул под ноги и пошел прочь. Ему показалось, что дверь поползла в стену слишком медленно, и он помог ей рукой.

— Сидеть надо... — сказал за спиной Роджер.

К двум часам дня все было кончено. Последние разрозненные группки сопротивляющихся были истреблены или рассеяны, последние желтые каски, загнанные в тупиковые коридоры правительственного яруса, положили оружие. Было похоже на то, что, несмотря на весь шум и грохот боя, инсургенты не понесли значительных потерь.

В два часа пять минут по коридору под конвоем наряда Особой Охраны провели пленных: Правительственный Совет в полном составе, с Арбитром и Председателем, и десяток оборванных защитников. Поздняков тоже был здесь, старался держаться особняком и шагал бодро.

В два пятнадцать сама собой включилась газета и одновременно заговорили динамики. Передавалось информационное сообщение и обращение к населению. Прежний Правительственный Совет объявлялся лишенным власти как превысивший свои полномочия касательно контрактной

политики, нарушающий права свободной личности и не способный направить Редут на путь истинного процветания. Новым Арбитром с функциями Председателя назначался Нейл Маккалум Редла, его заместителем по законности и правопорядку — Юстин Мант-Лахвиц. Сообщалось, что члены бывшего Совета будут подвергнуты домашнему аресту вплоть до специального решения по этому вопросу.

В связи с имеющим место массовым недовольством рабочих, чей контрактный срок истек, создавалась специальная комиссия для ускоренного рассмотрения подобных дел во главе с заместителем Арбитра по законности и правопорядку.

Все без исключения плантации ползучего гриба объявлялись государственной собственностью (с выплатой компенсаций бывшим пайщикам) и подлежали строгому учету и контролю. Особо подчеркивалась ответственность за самовольный посев гриба, а сбор, переработка и реализация урожая приравнивались к государственным преступлениям.

Обращение к населению было составлено в бодром тоне. Населению предлагалось сохранять спокойствие, не терять исторически присущего народу Редута оптимизма, оказывать всяческую поддержку и помощь новой администрации и ни в коем случае не поддаваться панике, поскольку короткий период эксцессов деструктивного характера благодаря решительным действиям нового руководства страны остался, к счастью, позади. Некий неведомый Конвент Спокойствия по поручению нового руководства извинялся за неизбежный хаос, вследствие которого праздничный отдых истинных добропорядочных граждан оказался нарушенным и вина за который целиком возлагалась на прежнее руководство, и уведомлял о том, что праздник по случаю завершения прокладки тоннеля будет дополнительно продлен на один день. Добропорядочным гражданам рекомендовалось сотрудничать с уполномоченными Конвента Спокойствия в деле выявления террористов и мародеров, препятствовавших установлению режима подлинно народной власти, а ныне напрасно пытающихся укрыться от суда народа.

Вот я уже и террорист, равнодушно подумал Шабан. Или мародер? Штуцер, Штуцер... Кто бы мог подумать? Мелкий жучок, вечный должник всех и всякого... Еще полшага — и диктатор. Диктатура не устанавливается сразу, она вырастает постепенно. Сейчас еще можно рыпнуться, если с умом, еще можно пытаться пикнуть, играя на инте-

ресах то Штуцера, то Живоглота — через несколько месяцев, когда один из них перегрызет другому глотку, это станет невозможно. Люди привыкнут, да ведь они уже сейчас не против, вот что самое похабное. Люди против того, чтобы застрять в Редуте сверх контрактного срока.

Может быть, на первых порах в самом деле ускорят ренатурализацию и вывоз наиболее отъявленных горлопанов — толку от них все равно немного, — а вместо них наберут новых. Через пару лет горлопанов станут просто расстреливать. Станут шире использовать убегунов и раздавят Коммуну — это может дать одну-две тысячи военнопленных, в перспективе, после соответствующего трудового воспитания, — новых лояльных подданных. Остальных уже завтра начнут вызывать поодиночке и с пристрастием допрашивать, в какой части Порт-Бьюно был такого-то числа в такое-то время, да что делал, да какие свидетели могут подтвердить...

Сзади неслышно подкралась Лиза, потерлась о плечо, как ласковый котенок. Разве что не мурлыкала. На всякий случай Шабан пощекотал ее за ухом, а она, прильнув к нему всем телом, полузакрыв глаза, тихонько гладила его по голове, и он совсем не думал о редеющих волосах. Порт-Бьюно просыпался. Редко, теперь совсем редко и очень далеко бухали одиночные выстрелы: не то охрана просто веселилась, не то творила суд народа.

...Будет ночь, и когда все утихнет, когда над Прокной хвостиком вниз повиснет Терей, дрогнут и раскроются ворота Порт-Бьюно и из его темной глубины, галошно блестя в свете прожекторов, беззвучно выползет грузовая платформа, до отказа набитая людьми, неторопливо проползет мимо вышек с развернутыми на куб пулеметами и, прибавляя ход, призраком уйдет в степь. Потом она остановится, и из ее лопнувших бортов посыпятся люди: вооруженные выпрыгнут сами и распределятся широким полукругом; невооруженных выведут силой и поставят на край ямы в резком свете бьющих в глаза фар. Это — мелкую сошку. Поздняков, пожалуй, выкрутится, подумал Шабан. Даже наверняка: должен же кто-то объяснять разведчикам, что новая власть руководствуется исключительно интересами народа и чувством высокого патриотизма... А потом вся эта гниль попрет на Юг — Винсент сказал правду: тоннель только ускорил дело, — если бы не перспектива все ближайшие годы снимать сливки с южных месторождений, Штуцер, может быть, и не решился бы...

— Тебе хорошо со мной? — спросила Лиза.

— Да, — сказал Шабан. — Хорошо.

— А без меня тебе хорошо?

— Мне сейчас просто, — сказал Шабан. — Понимаешь, все было очень сложно... Я не знал, что делать, — так мне было сложно. А сейчас мне просто.

Глава восьмая

Прожженный шлюзовой створ, терзая ноздри вонью дымящегося металла, с грохотом выпал наружу. С крыши Порт-Бьюно мир выглядел плоским, как поднос. Унылое солнце, размытое по краям дрожащей дымкой, корчилось низко над хребтом, примеряясь к спуску; где-то вдали, там, где не торчали отвалы шахт, серая равнина сливалась с серым небом, и только на севере небо наливалось чернотой — оттуда шел грозовой фронт. Запоздавший период дождей спешил наверстать свое. На космодроме было сонно: судя по всему, никто из последних защитников Порт-Бьюно не сделал попытки вырваться.

Шабан лег на край крыши, достал и настроил бинокль. В зрачки уперлась темная поверхность колоссальной колонны «Юкона», исчерченная прожилками сварных швов, мелькнул под дюзами щербатый бетон. Въездной пандус грузовика был опущен. По обе стороны от пандуса, положив руки на висящие на шеях карабины и переминаясь с ноги на ногу, тосковали два охранника. Шабан пошарил биноклем по летному полю. Других кораблей на космодроме не было, их и не могло быть в этот сезон, только на посадочных площадках выделялись неровные круги опаленного бетона. Космодром казался вымершим. Обслуживающий персонал, если он вообще присутствовал, сидел сейчас по служебным помещениям и не высовывал носа. Охранников тоже не было видно, если не считать еще одной парочки у складов да часового на вышке при въезде на летное поле. От складов по направлению к «Юкону» неторопливо пылил энерговоз. Водитель в синем комбинезоне сидел за рулем истуканом, словно боялся сделать лишнее движение. Один из охранников отошел так, чтобы его было видно в зеркало заднего обзора, снял с шеи карабин и шутя прицелился — лицо водителя сделалось серым.

Север застилала мгла. Если на Базе что-то и происходило, то разглядеть это не было никакой возможности.

Только вряд ли там что-то происходило. Где-то очень далеко, почти сливаясь с наползавшей на небо чернотой, висела летающая платформа, посланная, по-видимому, для наблюдения за миграцией убегунов. Больше в небе ничего не было.

Шабан оторвал глаза от бинокля и обернулся. Лиза подошла, и он зашипел на нее и замахал рукой: «Дальше! Дальше! От края!» Потом осторожно отполз сам. Четверо охранников, пятый на вышке... И еще неизвестно, сколько их в самом корабле. Идеально было бы сразу завалить вышку, но тогда они могут успеть поднять пандус. «Ничего, — сказал он себе, — прорвемся. Если нахрапом, только умным нахрапом, — должны прорваться. Второй попытки никто не даст, но и одну никто не отнимет...»

Прыжок, прыжок, прыжок! Уклон винтового коридора заставлял бежать. Вперед! Теперь больше ничего, только вперед и вниз, сквозь все пятьдесят пять ярусов — вниз! Прочь отсюда. А вы думали, голубчики, что я стану с вами жить? Я — с вами? Живите сами, жрите своих лангустов, любитесь с моделями и друг с другом, нюхайте натощак свой порошок... Убивайте друг друга. Вы мне не нужны, вы вообще никому не нужны, кроме самих себя, вы удержите свою власть, укрепите ее, оградите специальными институтами подавления, тщательно застрахуетесь от случайностей и сгниете живьем, отравив миазмами все, что только сможете. Но вы сгниете без меня, слышите вы!..

Когда ноги от усталости стали чужими, он перешел на шаг. Лиза пошла рядом — тонкая, прямая, совершенно не запыхавшаяся. Она хотела о чем-то спросить, но Шабан, глотая набежавшую слюну, только мрачно взглянул на нее между двумя судорожными вдохами — и она не спросила. На ее лице было недоуменное выражение. «Как у ребенка, которому не объяснили, — подумал Шабан. — Ребенок и есть. Прости меня, девочка, но объяснять я сейчас ничего не стану. Не хочу. Не время. Ты только на меня не обижайся, хорошо? Не станешь обижаться? Да, я забыл, ты же еще не умеешь обижаться...»

Откуда-то снизу тянуло гарью. Из жилых ярусов сквозь задвинутые двери доносилась бодрая музыка. Праздник продолжался. Слышались смех и шарканье ног — люди уже не боялись выходить из комнат. Было слышно, как кто-то раздраженным со сна голосом требует, чтобы ему объяснили, что, собственно, произошло. Ему объяснили, что произошло. «А-а...» — разочарованно протянул вопрошавший.

Потом музыку свели на нет, и далекий репродуктор забормотал значительным голосом — как видно, передавалось очередное обращение к населению. Шабан ускорил шаг, споткнулся о мусор, выругался и затрусил мелкой вихляющейся рысцой. Вниз, вниз! Скорее! Какой идиот придумал этот коридор, мало ему было лифтов и пандусов?.. Сам Эриксон придумал или кто-то ему подсказал? Наверное, сам. Умница, что придумал, гениальный был человек: построил ловушку-куб и дал шанс из нее выбраться. Только так и надо делать.

На нулевом ярусе едва не проскочили служебный лаз, и здесь пришлось гнуться в три погибели. Внутри было темно и воняло гарью, в тесном воздухе висел какой-то особенно едкий дым, впереди что-то торопливо капало, но не было видно, что, и руки натыкались на какие-то толстые пыльные трубы, а комбинезон с визгливым шорохом терся о шершавые стены. Дышать было нечем. Позади раскашлялась и всхлипнула Лиза, кашель прозвучал глухо, как в тумане. Ч-черт! Вот где это было... Шабан, прижимаясь к стене и стараясь не задеть оборванные кабели, боком прополз мимо нагромождения развороченных труб и стальных листов. Ладони скользнули по чему-то липкому. Кровь? Кровь, конечно. Кто-то прятался в этом лазе... Кого-то достали гранато-пулей. Чтобы не прятался — зачем добропорядочному гражданину прятаться? Шабан нащупал и стряхнул с руки прилипший комочек. Та-ак. Опять. Опять кровь, не можете вы без крови. Лет через сто скажут, если будет кому сказать: вынужденная необходимость, объективный-де исторический процесс, куда денешься? И вообще, кровь (не своя персональная, разумеется) при подобных социальных эксцессах, может быть, и не вполне оправдана с гуманистических позиций, но уж безусловно необходима как смазка для исторического процесса... Скажут, и выпьют, и зажуют вкусным дымящимся лангустом, рыгнут в платочек и откинутся в удовлетворении... Он поперхнулся дымом и вытер рукавом слезящиеся глаза. Дьявол, какое мне дело до потомков? Потомки — дураки, им простительно. Не нам. Не вам, сволочи! Рвите друг друга дальше. Не буду я с вами жить, а ведь вы про меня главного не знаете: я с вами не только жить не хочу, я с вами еще и помирать не намерен, и других убивать я вам не дам...

Прыжок! Прыжок! Прыжок! Рывок к служебному шлюзу, ведущему в гараж со стороны энергоподстанции — так ближе всего до главных ворот. Быстрее! Какой он длинный,

этот машинный зал... Еще быстрее, ну же! Кто-то в синем, попавшийся на дороге, — по виду, дежурный механик — порхнул в сторону балетным прыжком. Фильтр на босу рожу. Охранников, как ни странно, нет. Почему здесь нет охранников? Надоело глотать дым? Непорядок. Или, может быть, Штуцер решил, что все уже кончено? Это он по неопытности; не умеешь — не берись... Шабан с размаху влетел в шлюз, втолкнул Лизу.

— Фильтр надень, девочка.

Пришлось помочь: сама она никак не могла управиться. Даже в намордник она была красива и желанна, но сейчас не было времени любоваться. Сейчас откроется шлюз, и не будет ничего удивительного, если в гараже окажется охрана и в живот без обиняков упрется начищенный ствол. А я что? Я ничего, не надо меня пугаться, ребята, вот он я весь, целиком перед вами, уберите от пупка свое железо. Разведчик спустился посмотреть, как идет ремонт вездехода и идет ли он вообще, потому что нынче праздник, — кому праздник, а кому завтра на маршрут, никто ведь не отменял... Что? Ах, модель? Это моя модель, ясно вам, я ее одну не оставлю, как хотите, у меня в соседях половой маньяк, я ему позавчера бил морду и вчера бил морду, а сегодня, если что замечу, — вообще кастрирую, чтобы не исходил слюной на чужое... Тут можно и переиграть, только не очень сильно, главное их насмешить — тогда, может быть, даже пропустят, но более вероятно, что дадут пинка и, приказав убираться, с гоготом посоветуют не тянуть с кастрацией, и тогда можно будет выждать и попытаться еще раз. Конечно, все будет зависеть от того, сколько их там окажется, и если, к примеру, всего двое-трое, то можно и не ждать... Шабан нащупал в кармане лучевик, снял его с предохранителя и переключил на непрерывный режим. Секунд пять выдержит, но ведь и одной достаточно. Карман загорится, черт... Плохо то, что Лиза все это увидит, ей бы этого видеть не следовало, замучает потом вопросами: «А они умерли, да?», «А как это — умерли? Зачем?», «А я тоже могу умереть?» Лиза, Лиза...

Охраны в гараже не было, зато дыма было еще больше. Дым ел глаза, у главных ворот он висел слоями, он тек ленивыми мутными струями, сворачивался в кольца и вращающиеся хвостатые спирали, делился на фракции и медленно растекался по потолку и полу. У потолка его затягивало в вентиляцию, но толку было чуть: плотные дымные столбы стояли над откинутыми настежь люками гигантского

«армадила» с развороченным бортом, края пробоины были вывернуты наружу, как лепестки уродливого цветка.

Вокруг вездехода на щербатом бетоне вповалку лежало несколько трупов. Вот оно что, отстраненно подумал Шабан. Значит, попытка вырваться все же была... Он осмотрелся. Та-ак. Вон там «армадил», кроша бетон, вывернул со стоянки, вот тут он взял разгон, намереваясь с ходу пробить ворота, но его уже ждали, и вон оттуда хладнокровно, как в макет, всадили в борт планирующую гранату, и «армадил» загорелся, пошел юзом на заклинивших гусеницах, а набившиеся в него люди, те, что не были перемешаны в кисель кумулятивной струей и стаей осколков, полезли наружу под карабины охранников. Ясно, почему пусто: охранники сделали свое дело и ушли, когда им приказали, а приказали им тогда, когда прорываться наружу стало уже некому, и, кстати, держать под охраной все жизненно важные объекты Порт-Бьюно у Живоглота холуев не хватит. Между прочим, ворота можно открыть из диспетчерской, если только они не заблокированы, а заблокированы они или нет, мы сейчас выясним...

— Они не спят, — со страхом сказала Лиза, указывая на трупы. — Они не такие.

— Такие, такие, — мрачно сказал Шабан. — Они спят. Они уже проспали все, что могли.

— А ты спать не будешь? — спросила Лиза.

— Мне еще рано...

Пока все шло как по маслу. Диспетчер, какой-то незнакомый красномордый здоровяк с толстым, распирающим фильтр носом, увидев Лизу, в первый момент оторопел и не сразу потянулся к пульту, а через секунду Шабан уже бил его по черепу рукояткой «магнума» и, отвернувшись от непонимающе-расширенных Лизиных глаз, кряхтел, стаскивая с диспетчерского кресла расслабленное тело. Ничего, ничего, моя девочка, бормотал он, вот примерно так с ними и надо. Живой, очухается. Тут главное, чтобы процесс был обратимым, это очень важно, нельзя лишать человека шанса когда-нибудь понять и проснуться, это — преступление, хоть я и уверен, что эта рожа до смерти не проснется, но мало ли, в чем я уверен... Да, как там ворота, не заблокированы? Нет, и это прекрасно. Где мой «эшевен»? Вот он, мой побитый, корма оплавлена, локатор, разумеется, не починен. Это ладно. Мы с тобой обязательно вырвемся, моя хорошая, слушай меня внимательно. Сейчас ты сядешь за управление... я знаю, что ты не умеешь, но это не сложно,

я тебе покажу, как это делается, ты только очень постарайся... Для меня постарайся. Прогрей двигатель... вот так, хорошо. Я открою ворота на тридцать секунд, там есть такой режим, а ты, как только я окажусь на броне, трогай и набирай умеренную скорость. Обязательно умеренную, скучную такую, зевотную, нельзя ни гнать, ни ползти, иначе на вышках всполошатся, а нам с тобой это ни к чему. Дорога одна, не ошибешься, ты только плавнее рули, а я буду торчать из люка и поплевывать по сторонам, мою плешь охранники знают и должны пропустить, нужно только вести себя спокойно и нахально, тогда пропустят. А если нет...

— Там нет крыши, — сказала Лиза. — Я не хочу туда. Там страшно.

— А если не пропустят, — сказал Шабан, не обращая внимания, — тогда слушай мои команды и четко их выполняй. Я не собираюсь быть мишенью. Ты меня поняла?

— Хочу домой, — сказала Лиза. — Пойдем домой, ладно?

— Заткнись! — грубо оборвал Шабан, чувствуя, как внутри у него что-то болезненно сжалось. — Тебя еще слушать...

Первые тучи наползавшего дождя, еще не черные, еще только свинцовые, но уже захватившие половину неба, вытягивали перед собою короткие косматые хвосты, на равнине шевелились неясные тени. Север окончательно почернел и сжался. Отсюда Порт-Бьюно был похож на кристалл пирита, только цвет был не совсем тот, отсюда без бинокля не было видно ни вышек, ни проволоки. Здесь не было людей, здесь индикатор радиоактивности наливался вишневым цветом и по краям насыпи среди хаотичного рельефа вывороченной и вздыбленной земли толпились строительные механизмы. Отдельно зиял недокопанный котлован, куда после окончания строительства предполагалось спихнуть террикон строительного мусора — малая победа бывшего отдела Поддержки Среды. По пологой насыпи шла и уходила в тоннель обыкновенная рельсовая однопутка, временная, конечно, позднее намечалось строительство скоростной магнитотрассы. Как Шабан и предполагал, охраны у входа в тоннель не было: очевидно, бывший Совет намеревался пропустить убегунов без нежелательных случайностей. Вместо охраны на левом рельсе бок-о-бок сидели два голых

убегуна — оба разом вздрогнули, когда вездеход со скрежетом остановился в десяти шагах от них, завозились, пихаясь, и завертели безволосыми головами на морщинистых цыплячьих шеях. Лица у них остались равнодушными, вездеход их явно не заинтересовал. Шабан натянул хитин, жестом приказал Лизе сделать то же самое и выбрался на броню. Один из убегунов заметно вздрогнул и дернулся, порываясь вскочить, другой, успокаивая, неестественно вывернул руку, почесал первого между лопаток и сам же захрюкал от удовольствия, будто скребли его. Убегуны были прирученные, рабочие. Диким вид человека внушал, несомненно, панический ужас — очевидно, наследие каких-то древних времен, — и они успокаивались только тогда, когда пространство степи между ними и человеком превосходило границы прямой видимости. Впрочем, бывали исключения. Эти два убегуна убегать не собирались. Они ждали своих. Когда первая волна орды нахлынет и полезет на насыпь, они пойдут в тоннель первыми и поведут орду в Южные Земли. Туда-где-Тепло. Туда, где много света, пищи и совсем нет людей — в это они верят, ведь и убегуну нужно во что-то верить. Туда, где их опять ждет обман, таких кретинов сам бог велел обманывать, а в видах рекреации им, может быть, позволят быть загонщиками, когда какому-нибудь хмырю придет в голову позабавиться охотой на вариадонтов... Хватит! Раньше надо было ныть! Шабан боком слез с вездехода на землю, нашел и высыпал на ладонь остатки грибного порошка. Жмурясь, втянул в ноздри, привалившись спиной к броне, ждал, когда подействует. Перед глазами плясал и качался мир, горы дышали, как исполинские животные, как огромные умирающие киты, выброшенные на берег, — слабее, слабее... Порошка мало, черт... Не доза — едва полдозы, надолго не хватит. Он отшвырнул коробочку, и она запрыгала по насыпи. Хватило бы до космодрома...

У входа в специальный бункер, построенный с началом работ в тоннеле как склад ядерных зарядов для проходки, бродил, загребая ногами пыль, одинокий охранник, судя по форме — не живоглотов. Увидев Шабана и Лизу, он заморгал было и даже раскрыл рот, но тут же справился с растерянностью, сдернул с плеча карабин и петушиным фальцетом скомандовал: «Стой! Назад!» Совсем молодой парнишка, еще старательный. Юный верзила под два метра по вертикали, уши трогательно оттопырены, даже ряшку себе еще не наел... Наверное, присутствовали и веснушки,

но под слоем пыли на лице их не было видно. Нормальный молокосос. Шабан остановился, сдерживая себя. После сушеного гриба стоять не хотелось, хотелось броситься вперед на наставленный ствол.

— Караулишь? — спросил он, сплевывая себе под ноги.

— Кара... — начал охранник и вдруг, спохватившись, выпятил челюсть и взял карабин поудобнее. — Кто такие?

— Почему один? — строго спросил Шабан, игнорируя вопрос и изо всех сил стараясь придать голосу начальственное звучание. Он помнил, что охранников на этом посту должно быть двое. — Почему один, спрашиваю! Подойдите сюда, рядовой!

Охранник растерянно потоптался на месте, потом сделал один нерешительный шаг вперед. Потом подумал и сделал второй. «Живо!» — прикрикнул Шабан. Караульный подошел. Он явно не знал, как себя вести, и плечи его при каждом шаге поднимались, словно от холода, но черный зрачок дула по-прежнему смотрел Шабану прямо в лицо. Расстояние для одного прыжка было великовато.

— Инспекция, — сказал Шабан первое, что пришло на ум. — Что тут у вас? Выкладывайте, рядовой.

Рядовой начал выкладывать — озираясь по сторонам и нервно облизывая губы. Он чуть не хныкал и был готов схватиться за протянутую соломинку. Что произошло, почему нет смены? Они с Луи в карауле с утра, уже и чужую смену отстояли, ноги гудят и жрать охота — сил никаких нет, радио почему-то не отвечает, хрип один, четыре часа назад Луи пошел пешком в Порт-Бьюно, чтобы выяснить, за это время можно дважды успеть туда и обратно, а Луи все нет и нет, и смены нет, о чем там думают? Он-то, разумеется, пост не бросит, но всему же должен быть свой предел... В голосе охранника звучала неподдельная мальчишеская обида.

— Убили, наверно, твоего Луи, — сказал Шабан, переступая на полшага вперед. — Так-то.

— Как это? — Охранник заметно растерялся.

— Насмерть, — сказал Шабан. — Соболезную. Государственный переворот, понял?

— Д-да, — нерешительно сказал охранник. — Вот оно что... А как же... это... смена? — Слово «смена» он произнес почему-то шепотом.

— Будет вам смена, рядовой, — отчаянно плел Шабан. Зуд стал нестерпимым, телу хотелось действия: броситься, ломать, рвать, только не стоять на месте. Он сделал еще

полшага. — Сейчас там просто не до вас. Свяжитесь с Особой Охраной — пришлют вам смену. Не обещаю, что не арестуют, но смена будет.

— А радио... — унылым голосом проговорил охранник. — Радио-то не работает...

— У меня в вездеходе есть радио. — Шабан показал рукой. Он млел от предчувствия удачи. — Это вон там. Идите и свяжитесь.

Лицо охранника прояснилось. Он сделал шаг, хотел сделать второй и вдруг замер с поднятой ногой: по-видимому, до него начало доходить, что он делает что-то не так. Не дожидаясь, пока сомнение караульного перерастет в уверенность, Шабан прыгнул вперед. Поднырнув под наставленный ствол, он ударил с коротким вскриком, целясь в солнечное сплетение, но, кажется, попал мимо, потому что охранник не задохнулся, а завопил и попытался ударить сверху карабином, — тогда он схватил охранника за штаны и натужно перебросил через себя. В нем было немало весу, в этом молодом здоровом теле, и Шабан с размаху приложил его о камни. Охранник взвыл. Где-то рядом с ухом грохнул карабин, пуля бесполезно ушла в небо. Ненужный шум. Шабан выдрал оружие из цепляющихся рук и, размахнувшись, забросил его за бункер. Вот так.

— А теперь встать! Встать, я сказал! Ну!

Охранник встал. Его лицо выражало полную растерянность. Он еще не успел по-настоящему испугаться за свою жизнь, он боялся реакции начальства на неуставное ротозейство, глотал воздух и кривился от боли в подбитом боку. Ничего, сейчас он перестанет кривиться... Шабан извлек оба пистолета, «магнум» отдал Лизе:

— Стой тут, девочка. Шевельнется — стреляй без предупреждения.

Охранник замер. Теперь до него дошло, и пыль на его лице стремительно потемнела, впитывая нервный пот. Со лба, не удержавшись, сорвалась струйка, прочертила след. Лиза, довольная игрушкой, вертела в руках тяжелый «магнум».

— «Стреляй» — это как?

— Вот так. — Шабан повернул ее руку так, чтобы ствол пистолета глядел на охранника. — Так и держи, девочка. А шевельнется — нажмешь вот сюда, на этот вот крючок. Справишься?

Она радостно кивнула.

— Ты у меня молодец, — серьезно сказал Шабан, и она просияла. — Жди тут. Я скоро.

Минут пять он возился, отключая сигнализацию, затем расплавил замок и откатил дверь вручную. Над этим бункером особенно не мудрили, внутри не было ни хитрых устройств распознавания, ни связанных с ними газовых, радиационных или иных ловушек: в горячую пору проходки бронированные двери откатывались по пять и более раз на день и никому не хотелось случайностей. Мелкие заряды хранились прямо здесь, более мощные и редко используемые прятались в бетонированном каземате под бункером. Там могли быть и универсальные заряды, годящиеся для использования в качестве бомб, и многое другое, но вход туда преграждала толстая броневая плита, и там могли быть ловушки. Шабан покачал головой: нет, хватит риска, обойдемся тем, что есть. Стотонные заряды, похожие на карандаш, и тысячетонные, похожие на стаканчик для карандашей. Есть еще пятисоттонные и какие-то совсем маленькие... нет, это лишнее. Четырех тысячетонных должно хватить с избытком. Взломав стенной шкаф, он выбрал инициирующую таблетку — стандартную, на десять минут. Достаточно. Только не зевать, не терять зря времени — и вездеход на полной скорости ворвется на космодром как раз в ту минуту, когда горы вздрогнут от взрыва, взрыв отвлечет охрану. Посеять панику, рассеять, разметать, прорваться в «Юкон» и дать Штуцеру тридцать... нет, пятнадцать минут на то, чтобы разыскать и доставить на корабль экипаж, угрожая в противном случае поднять на воздух корабль, космодром и Порт-Бьюно... я не знаю, как это делается, но Штуцер поверит... Возьму пилота и навигатора, остальных мне не нужно. Придется не спать несколько суток... Он приложил пылающий лоб к свинцовой облицовке стены. Холодная... Это я выдержу — не спать. Ты знаешь, что такое Земля, Лиза? Ты ее увидишь через два месяца — невзрачный такой шарик у спокойной желтой звездочки. Это наш с тобой мир, он такой же большой, как Прокна, только лучше. Может быть, потому и лучше, что там сделано больше ошибок, на Прокне же их только предстоит совершить. Не хочу так думать. Скажут: человечество молодое, ему простительно, скажут так, будто человечество — это человек. С человека много не возьмешь, человеку свойственно ошибаться. Еще ему свойственно бить тех, кто мешает ему совершать ошибки, но это не значит, что не надо пытаться помешать, надо только вовремя унести ноги и ждать, когда одумается... Одумается, пожалуй, лет через двести.

Для какой надобности на боковом пути вот уже несколько лет ржавели три сцепленные вагонетки, вряд ли кто-нибудь знал. Может быть, в них когда-то намеревались возить в тоннель разные грузы, например, сменные бригады убегунов или другие вещи, но потом оставили эту затею. В дождливый сезон ковши вагонеток по край наполняло аммиачной водой, сухим сезоном воздух вытягивал воду прочь, и набросанный на дно мусор пополам с фекалиями давно уже слежался в монолит и даже не вонял. Крайнюю вагонетку удалось отделить, только разрезав сцепку, но катиться она не желала до тех пор, пока Шабан, ворча и ругаясь сквозь зубы, не срезал приржавевшие тормозные колодки. Быстрее, черт... Забравшись внутрь, он разместил заряды по углам ковша, установил максимальный угол раскрыва струи — пять с половиной градусов. Этого хватит. На всякий случай придавил заряды камнями — теперь они никуда не денутся, четыре взрыва ударят веером в потолок тоннеля. Быстрее! Торопясь, он выдолбил каблуком лунку для инициирующей таблетки — точно посередине: заряды должны сработать одновременно, с точностью до наносекунды. Быстрее! Штуцер или Живоглот могут опомниться, могут найти время подумать о тоннеле или о складе зарядов. Южных Земель захотели, живоглоты? Вот вам Южные Земли! Они не по вашим зубам, и до вариадонтов вы у меня не доберетесь...

Потревоженный мусор защищался, как умел: вагонетка наполнилась вонью. Шабан выбрался из нее на насыпь и перевел дух. Где Лиза? Вон она, отсюда плохо видно, но ясно, что у нее все в порядке и охранник не рыпается. Молодец, девочка.

— И-и... раз!

Вагонетка качнулась, колеса отчаянно застонали. — И-и — два! — Колеса нехотя провернулись. Ну же! Ну давай! Шабан уперся ногой во вторую вагонетку. Ага! Еще раз! Кажется, пошла. Главное, не останавливаться, толкать и толкать, вогнать эту тяжесть тоннелю в глотку, дальше она пойдет сама, там уклон. А здесь подъем, здесь тяжко и воздуха нет. Где воздух? Дышишь какой-то ватой... Шабан сорвал с лица дыхательный фильтр, швырнул под ноги. Вот так-то лучше. Ну же! Ну, еще!..

Вагонетка скрипнула и остановилась. Шабан вытер лицо рукавом и пнул вагонетку ногой. Пот на лице лез из всех пор, ладони были в ржавчине. Нет, так не пойдет. Он поискал глазами по сторонам. Один из убегунов куда-то ис-

чез, зато второй все так же сидел на рельсе и смотрел на вагонетку тусклым взглядом. Экземпляр был молодой и еще крепкий, видно, работал в тоннеле недавно. Чтобы привлечь внимание, Шабан плюнул в его сторону.

— Эй! Поди сюда.

Пришлось еще прикрикнуть. Убегун, вытянув выдвижной рот, хлопнул губами.

— А что мне за это будет? — голос у него был тягучий и гнусавый, как при насморке — мешало неприспособленное для речи строение носоглотки.

— Шею сверну. Поди сюда, я сказал.

Убегун осклабился совсем по-человечески, с хлюпаньем втянул свой рот и отвернулся. Кажется, он сообразил, что пугают не всерьез, и наслаждался. Должно быть, в тоннеле его иногда баловали подобными шутками. Уж чему-чему, зло подумал Шабан, а своему юмору мы их научили!

— Смотри, — сказал он. — Это лучевой пистолет. А теперь смотри на тот камень. Ты все понял? Надо еще повторить?

Камень шипел и шкворчал, ярко полыхал покрывавший его лишайник, вокруг расползающегося огненного пятна текло и пузырилось, — и вдруг с гулким хлопком камень лопнул и развалился на несколько кусков. Шабан убрал палец с курка и повел стволом в сторону убегуна:

— Живо.

Вдвоем пошло веселее.

— И — раз! — кричал Шабан, наваливаясь на вагонетку. — И — два!.. — Колеса уже не скрипели, они победно пели на высокой ноте: вагонетка разгонялась. — Вперед!.. Толкай, слышишь! Сильнее! Кто так толкает, гад? Убью! Вот так надо! И еще р-раз! Хорошо!.. — Вагонетка подпрыгнула на клацнувшей стрелке, покачнулась, и у Шабана упало сердце. Вот он — тоннель, теперь ее уже не остановить... Впер-ред! Еще раз! Не-ет, от толчка заряды не сдвинулись, это было бы слишком несправедливо, они просто не могли сдвинуться, не имели права, я это чувствую... Теперь хватит. Скорость еще небольшая, но дальше эта ржавь пойдет в разгон. Пора.

Рядом тонко мычал от натуги убегун, в сумраке тоннеля жутко светились его внешние кольцеобразные зрачки. — Пошел вон! — закричал на него Шабан. — Убирайся, ну! — Убегун не заставил себя ждать. — И у входа не торчи, — крикнул Шабан вдогонку, — плохо будет! — Убегун, втянув голову в плечи по самые уши, нелепо ска-

кал по шпалам к выходу. Часто-часто мелькали ноги. Пусть живет, подумал Шабан, пусть забудет работу в тоннеле и сам тоннель, где распылены в атомы сотни таких, как он, пусть как можно дольше не знает, что такое лучевая болезнь, потому что все это человек и дела человека, а убегуны тут ни при чем...

Некоторое время он трусил рысцой, держась за борт вагонетки. Один раз ему показалось, что вагонетка замедляет ход, но тут же он понял, что это не так, и что скорость мало-помалу увеличивается. Время! Он сдавил в пальцах инициирующую таблетку — она загорелась красным, — запрыгнул животом на борт ковша и точно послал таблетку в приготовленную лунку. Попал! Задыхаясь, он спрыгнул вбок, споткнулся о шпалу и несколько шагов бежал на четвереньках. Ничего, ничего...

Главное сделано. Вагонетка обогнала его, ее уже не нужно было толкать, она с нарастающим гулом сама рванулась под уклон. Грохотали колеса, что-то жалобно дребезжало, стонали ржавые оси. Разгоняясь, заряд уходил в гору. Через десять минут где-то там, в самой сердцевине горы тысячи и тысячи тонн камня придут в движение, и потолок тоннеля рухнет на протяжении нескольких километров — хорошо бы по всей длине... Вагонетку уже нельзя было догнать, ее можно было только проводить взглядом. На миг Шабан почувствовал страх, сознание чего-то непоправимого. Оказывается, он не был готов к тому, что когда-нибудь уже ничего нельзя будет изменить и некуда будет отступать, оказывается, он принимал это только в мыслях — то, что в мыслях для мыслей же и хорошо, а вот когда кончается действие грибного порошка... Шабан яростно замотал головой: грохочущая вагонетка уже исчезла из виду. Вперед! То есть, назад! Прочь отсюда! Повернувшись, он побежал к выходу. Все нормально, время есть... Времени как раз хватит: до космодрома вездеходу на полной скорости гнать минут шесть, не больше. Успеем: еще целых девять с половиной минут... нет, уже только девять. И «ишак» сдох, скотина... Надо спешить. Все будет хорошо... Он наддал и понесся к выходу так быстро, как мог. Вот вам! Он торжествующе вскрикнул, и своды тоннеля ответили гулким эхом. Хотелось расхохотаться. Вот вам на память от Искандера, живоглоты, штуцеры и кошкодавы, вот вам ситуация, до которой вы не додумались, но теперь вам придется думать, думать быстро, иначе вы не удержитесь...

Восемь минут! Уже только восемь, а надо еще добежать,

надо еще стукнуть по голове охранника и сесть в вездеход... нет, охранника достаточно припугнуть, парнишка вроде ничего, не надо его бить. Но как просто! Как легко все получилось, даже не думал, что так может быть, я теперь все могу, вы слышите! Все! Оказывается, здесь самое главное — решиться, а дальше намного проще, нужна только капелька везения. Я уже решился, и вы мне помогли. Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, это надо знать, и вы у меня еще вспомните эту отказавшую деталь! Вы ее долго будете помнить!..

Он выскочил из тоннеля на свет. Тусклые преддождевые сумерки показались ему слишком яркими. Сначала он не поверил своим глазам и замер в изумлении: равнина шевелилась. Она колыхалась и рябила на всем своем гигантском протяжении, она была покрыта чем-то движущимся, наползающим, нацеливающимся. Шабан бешено выругался. Так вот что за тени гуляли по степи — началось великое переселение! Вся равнина до горизонта была заполнена убегунами, их было невообразимо много — миллионы — должно быть, к северу от хребта Турковского разом опустели все стойбища. Убегуны шли молча, и только топот множества ног сливался в ровный гул, на всей равнине не было ни одного звука, кроме этого гула. Шабан не мог себе представить, что на Прокне живет такое множество убегунов. Они надвигались, как море. Это было похоже на запомнившийся с детства учебный фильм о миграции леммингов, только тот фильм был совсем не страшным.

— Назад! — заорал Шабан.

Колышущееся море вытягивало вперед язык, нацеливаясь в устье тоннеля. Передовые отряды уже лезли на насыпь с обеих сторон. Мужчины, одни мужчины, сильные и выносливые, тяжело дышащие, некоторые в рваной одежде — как видно, из прирученных, — но в большинстве совершенно голые, пропыленные до серости и чем-то очень напоминающие людей. Толпа. Бессмысленная напирающая плоть. Самки с детенышами отстали — наиболее сильные из них поспеют в тоннель как раз к самой давке, и тоннель огласится криками, когда под напором тел захрустят их кости, но некуда будет свернуть, а сзади, не обращая внимания ни на крики, ни на дергающиеся тела под ногами, будут напирать и напирать новые толпы, пока от взрыва в глубине горы не расколются своды и на тех, кому повезет пробиться сквозь давку, не ринется сверху потолок...

— Стой! — надсаживаясь, кричал Шабан. — Сто-о-о-ой!

Его не слушали. Его видели, но на него не обращали внимания. Человек был страшен для убегуна, но не для всего народа убегунов. Пусть будет хуже для человека, если он мешает. Орда поглотит и растопчет его, уходя прочь с этих холодных равнин. Туда-где-Тепло. Без оглядки. Шабан сжал в руке рукоять лучевика. Толпа была уже шагах в пятидесяти.

— Наза-ад! — яростно заревел Шабан. — Кретины! Сто-о-ой! Там смерть! Назад, животные!

Огненная дорожка прочертила линию перед ногами забежавших вперед. Повис легкий дымок и тут же всколыхнулся — орда перевалила через линию. Взвизгнул какой-то убегун: как видно, наступил босой пяткой на горячее. Ах, вот вы как? Нет, вы у меня остановитесь!

— А ну, стой!!

Дымящийся зигзаг пересек насыпь. Вот так! И еще раз! Мало вам?.. Крича что-то невообразимое и не слыша сам себя, Шабан с локтя бил лучом перед собой, стараясь попасть как можно ближе к толпе. Он очень боялся, что дрогнет рука. Густо дымила земля, вспыхнули шпалы, расплавился и потек рельс. Первые ряды замялись. Ага-а! Назад! Я кому сказал! Шабан шагнул вперед, и орда попятилась. Кто-то из убегунов бессмысленно оглядывался, кто-то уже повернул, чтобы бежать, но бежать было некуда: сзади напирали те, кто еще не видел лазерного луча. Ничего, сейчас они побегут... Шабан заорал сорванным голосом и еще раз прочертил насыпь перед пятящейся толпой. Как только выдерживает лучевик? Сейчас, сейчас... не задеть бы только вездеход. Толпу бы не задеть... Еще немного — и побегут. Вас же спасаю, кретины!.. Он сделал еще шаг, и тут в него полетели камни.

— Наза-а-а-ад!!!

Теперь уже отступал он, и орда снова накатывалась. Кто-то в передних рядах споткнулся и дико завизжал, упав на дымящуюся землю. Упавшего топтали, не замечая. Некоторые выбегали вперед, нырком нагибались, хватая очередной кусок щебня с полотна. Метальщики они были никакие, но их было много, и Шабан сразу же получил чувствительный удар по ноге, другой обломок щебня зацепил ухо. Отступать было некуда: толпа уже обошла его с боков. Какой-то низкорослый убегун проскользнул вдоль скальной стены и с торжествующим воплем скрылся в тоннеле. Кинутся все сразу — конец, отчаянно подумал Шабан.

— Назад, сволочи!

Все-таки они боялись — толпа надвигалась медленно. Кое-кто из первых рядов силился протиснуться назад. Неожиданно ударил выстрел — пуля с визгом срикошетировала от свода тоннеля. Слава богу, обычная пуля... Шабан затравленно озирался. Значит, оружие у них все-таки есть, слухи не врут. Откуда у них оружие? Попасть не попадут, но еще один выстрел, еще только один — и они кинутся...

Он попятился к самому зеву тоннеля, еще на что-то надеясь, но когда грохнуло второй раз и они кинулись, надеяться стало не на что, тогда он зажмурился, чтобы не видеть, и с длинным страшным криком полоснул лучом по толпе, по тянущимся к нему уродливым рукам, по бессмысленным лицам с выдвижными ртами. Прочь! Он кричал, чтобы не слышать их криков, и на лице его не было фильтра, чтобы уберечься от запаха горящего мяса. Прочь! Луч метался над насыпью до тех пор, пока лучевик не отказал, и тогда Шабан открыл глаза. Ему захотелось закрыть их снова. За несколько секунд на насыпи не осталось ни одного живого убегуна. Уцелевшие бежали кто куда, толпа по обе стороны насыпи стремительно таяла, паника передавалась дальше, и теперь на равнине не было равномерного колыхания, теперь в живом шевелящемся море возникали неожиданные течения и водовороты. Каждый спасался сам, слабые и замешкавшиеся, упав под ноги бегущим, больше не поднимались. Над равниной стоял тысячеголосый вой. Шабан перевел дух и сбежал с насыпи. Следовало уходить, пока не поздно. Какой-то убегун ползком выбрался из-под дымящейся груды тел, скатился следом и медленно, мучительно пополз наугад, как слепой, не видя, куда ползет, и двигая свежей культей так, как будто на этом месте все еще была нога.

Наверное, было бы гуманно его застрелить, но Шабан почувствовал, что не сможет. Его вдруг неудержимо вырвало какой-то желчью. Прочь отсюда! Он вытер слезящиеся глаза и побежал, ускоряя шаги, но почти сразу же ахнула и застонала земля, что-то сбило его с ног и бросило ничком на камни. Гора содрогнулась. Из тоннеля вылетел горячий вихрь. Крепления сводов стонали и корежились, как живые, каменная тяжесть ломала тюбинги. Высоко над зевом тоннеля что-то трещало, ворочалось и сыпалось, но это были только оползни, а самое главное происходило сейчас в глубине горы, где ожили и подвинулись геологические пласты, где в ревущей ярости взрыва погибал двухлетний ти-

танический труд — равнодушный труд равнодушных людей, половина из которых вообще не знала, зачем нужен этот тоннель, а другой половине было плевать на все, кроме заработка и срока контракта. Где-то уже катились камни, слышался нарастающий гул близкого обвала. Шабан вскочил на ноги и побежал прочь от склона. Вездеход? Нет, вездеход стоит нормально, его не должно задеть. Нам опять повезло, моя девочка, нам просто невероятно везет. Все хорошо, все у нас с тобой в порядке, самое главное сделано, вот только упустили удобное время, но еще неизвестно, что для нас лучше: неожиданный для охранников взрыв или нашествие на космодром полчищ обезумевших убегунов.

— Ли-и-и-за-а!..

Лизы нигде не было видно. Бункер стоял на месте, но рядом с ним не было ни Лизы, ни охранника.

— Ну я вас, — сказал Шабан неуверенно. Ну нельзя же так... — Ли-и-и-и-за-а! — Кой черт... Убегуны? Нет, до бункера убогие не дошли, хотя были совсем рядом... не настолько, впрочем, рядом, чтобы увлечь их с собой при бегстве. Девчонка! Охранник удрал, конечно, да и как от такой не удрать, а она играет в прятки!

Он позвал еще раз и обежал бункер кругом. За бункером валялся мусор и кал, карабин охранника тоже был здесь, но Лизы не было. Может быть, вон за теми валунами? Конечно, там, где же ей еще быть... Уши оборву. Сатанея на ходу, Шабан двинулся к валунам и тут же увидел Лизу.

Она лежала на боку там, куда ее отбросило, — маленький скорчившийся комочек. Она уже не была похожа на Лизу, и не застонала, когда Шабан перевернул ее на спину. Вероятно, она была еще жива, когда гранато-пуля, выпущенная из «магнума», разорвалась в трех шагах от нее и охранника не стало, а огненный вихрь опалил и отшвырнул ее пробитое осколками тело. Она еще жила, когда упала на камни, и, наверное, пыталась подняться, но смогла только скорчиться, стараясь унять боль и не понимая, откуда вдруг взялось столько боли. Хитин спереди был сожжен и висел горелыми лохмотьями. Нажав на спуск, Лиза не успела закрыть лицо, и Шабан заставил себя посмотреть еще раз на то, что было ее лицом. Он смотрел долго, запоминая, он боялся, что забудет какую-нибудь подробность, а перед глазами стояло живое растерянное лицо, и Лиза говорила: «Там страшно. Там нет крыши...» А ведь она сегодня первый раз вышла из Порт-Бьюно...

Все было кончено. Шабан осторожно опустил ее голову на камень, встал и побрел прочь. Наверное, Лизу надо было похоронить, но он не мог себе представить, как будет копать какое-то специальное углубление, оглядываясь на обожженное мертвое тело и не веря, что все так просто, и как придется все-таки поверить и закидать могилу землей и камнями. От охранника не осталось ничего, и не на ком было отыграться. Подлец, все-таки рыпнулся... А может, нет? «Шевельнется — нажмешь на этот крючок», — вспомнил Шабан. Лиза, девочка моя... Ты же уже не модель, как ты могла понять буквально? Попробуй простоять столько времени и не шевельнуться...

Он сходил к вездеходу, нашел в бортовой нише флакон, выторгованный у Роджера и вернулся. Его движения были точны и спокойны. Когда ослепительно-белая пенная струя ударила в труп, он вздрогнул: ему показалось, что тело Лизы шевельнулось. Но он не прервал работы, и вскоре тела не стало видно под рыхлым коническим сугробом, а флакон все извергал и извергал из себя быстро твердеющую пену, пока сугроб не превратился в высокий снежный конус — тогда Шабан отшвырнул баллончик, повернулся и зашагал в степь. Сначала он шел наугад, затем свернул туда, где уже надсадно стонали сирены, где над Порт-Бьюно хаотично взлетали в небо сигнальные ракеты и где на крышу куба только что упали первые капли дождя.

У каждого свои проблемы

1

Окна в кабинете полковника Нуньеса все еще продолжали противно дребезжать, но дурнота уже отхлынула, и теперь следовало собрать и привести в порядок мысли, нарушенные нежданным толчком. Долгий гул потревоженных гор продолжал давить на уши, было прекрасно видно, как вслед за обвалами над ущельями встают облака пыли: сегодняшний толчок оказался намного сильнее всех предыдущих — судя по всем признакам, противник, ничуть не скрываясь, развивал бурную и совершенно непонятную деятельность. Цель этой деятельности обозначилась сегодня вполне отчетливо, не вполне ясными оставались методы и уж неясными совершенно — способы их реализации. Полковник не находил себе места. О случившемся следовало

доложить немедленно по обнаружении, но он доложил только днем, когда стало очевидно, что невидимая твердая стена, укрывшая за собой все южные территории Редута и часть чужих земель в придачу, не только существует, но намерена существовать и далее, издеваясь над всеми попытками задерганных людей найти в ней брешь, пробить ее залпами зенитных ракет или прожечь насквозь с лазерного поста. Доложил с отчаяния, отчетливо понимая, какую это вызовет реакцию, и услышал, как на том конце кто-то вполголоса подал реплику: «Плюнь, у старого пня мозги с плесенью», — наорал, добился, чтобы соединили лично с командующим и, как мальчишка, стоял перед телефоном навытяжку, выслушивая финальное: «Вы мне за это ответите!..»

За что? Сжимая голову руками, Нуньес не находил ответа на этот вопрос. За то, что у противника появилось новое, секретное и, по-видимому, совершенно неуязвимое средство защиты? За то, что противник продолжает дробить горы как хочет и смеется над военной мощью сопредельных государств? Начальство найдет, за что. Когда ничего нельзя сделать, начальство всегда ищет виновных — это тоже занятие. Нуньес закрыл глаза. Отставка, отставка... Уже не избежать, не отсрочить. Хорошо, если в память о прошлых заслугах позволят самому написать прошение, а не выгонят с позором и без пенсии. Но разве в пенсии дело, когда не будет ни линейной пехоты, ни даже этого гарнизона в сельве, когда вокруг не станет привычного размеренного порядка, требовательности начальствующих и исполнительности подчиненных, а будет только пустота и ничего, ничего не останется в жизни, кроме пустоты и приближающейся старости... Разве в пенсии дело?

Он встал и подошел к окну, как делал много раз до этого, оглядывая с высоты свои владения. Низкие сизые облака, гонимые ветром к хребту, натыкались на невидимую стену и расползались по ней; затем их продавливало внутрь, и они растрепанно ползли дальше. В горах продолжало грохотать, но уже слабее. Напуганная стайка каких-то некрупных животных, совсем потеряв голову, выскочила из сельвы чуть ли не на самый плац — сработали периферийные пулеметы, и на границе зарослей заплясали огоньки разрывов. С шумом упало дерево. Так их... Подлость: всякое зверье свободно шляется сквозь стену в обе стороны, а человеку хода нет. Видели, как туда свободно прошел чудовищных размеров глипт, а обратно выползло нечто со-

всем уже невообразимое, поминутно меняющее форму, постояло, пялясь на ошарашенных дозорных, и успело уйти за стену за секунду до выстрела. И лазерный луч гаснет в стене, несмотря на всю ее прозрачность, и сверху не достать, и из-под земли... Может быть, в самом деле пора в отставку, подумал Нуньес. Новое оружие — новые люди. Так было всегда. Старики не нужны. Они могут рассчитывать лишь на то, что молодые им объяснят, когда разберутся сами, и пусть кто-нибудь скорее разберется, ведь я уже не способен, я сойду с ума, мне просто страшно, пусть кто-нибудь разберется и объяснит мне, ведь я же уже не могу...

2

— Он идет, — сказал Менигон.

Сидящий напротив ответил ленивым кивком. Идет — ну и пусть себе идет, мало ли, кто там идет. Никогда не знаешь, что у куратора на уме, подумал Менигон. Если и не разобрался, что к чему, то виду не покажет.

— По-моему, он идет сдаваться, — осторожно уточнил он.

— Я понял, мусорщик.

Ага, теперь-то уж точно понял. И, наверное, намерен что-то предпринять, иначе бы мы тут не болтались. Суконное это дело — быть куратором. Существуют тысячи дел поинтереснее. Спросить бы его прямо, сам ли вызвался, а если не сам, то за что его сюда и на какой срок. Так ведь не ответит — что ему какой-то мусорщик?

— Не уйти ли нам выше, равный? — Менигон оторвал взгляд от бредущей по равнине фигурки, поймал презрительную усмешку и опустил глаза. — Не в самый Ореол, конечно, — быстро поправился он. — Только на внешний уровень, не более. Мы сможем наблюдать и оттуда.

— Для чего, мусорщик?

— В облаках разрывы, равный. Нас заметят. Хватит с Искандера диверсии, зачем же еще шпионаж в пользу щитоносцев?

Куратор равнодушно пожал плечами. Черный корабль неторопливо вошел в разрыв. Блеснуло слабое солнце, по степи раскорячкой побежала тень. Теперь наверняка заметят, засуетятся, но какое ему до этого дело? Он из Ореола, ему все равно, хоть он и куратор. Но обращение «равный» проглотил, даже дважды, а это уже кое-что. Может быть, хватит намеков, пора прямо просить его за Искандера? Но

что теперь можно для него сделать? Что, спрашивается? Мальчишка потерял терпение, даже не подумал, что до вариадонтов можно добраться не только с севера через тоннель, не предположил даже теоретически, что о них есть кому позаботиться, кроме него, как о единственной расе, достойной стать партнером Ореола... да, собственно, уже позаботились. Когда терять уже нечего, обычно теряют голову. Жалко мальчишку, очень жалко.

— Муравей, — сказал куратор, глядя под ноги. — Ползет к своему муравейнику. Уже и инстинкт самосохранения нарушен, только не стадность. Что ему грозит, мусорщик?

Менигон скосил на куратора один глаз: неужели не понятно? Впрочем, откуда им может быть понятно? Что они там в Ореоле знают о людях и об их обществе? Кому об этом нужно знать? Мусор, пыль под ногами...

— Разорвут, — сухо объяснил Менигон. — Ясное дело: тоннель будут восстанавливать, отправку отработавших контракт на Землю снова отодвинут на несколько месяцев. Может быть, Живоглот сумеет отбить его у толпы. Тогда через пару дней его вместе с другими пленными вывезут подальше в степь и заставят вырыть яму, если он еще сможет двигаться. Впрочем, здесь же Биртолли... Вероятно, изобразят какой-то суд, Искандера приговорят к пожизненному, поскольку смертной казни в Редуте не существует, а Биртолли накропает об этом заметку «В добрый час!», где подчеркнет демократизм нового правительства и исключительное уважение к законности. После чего в камеру осужденного вполне можно будет пустить кислородно-азотную смесь в земных пропорциях, само собой, без примеси этой гадости — аммиака. Кто сказал, что человек не способен этим дышать? Заключенный умрет своей смертью...

— Утихни, мусорщик. Я понял.

Пренебрежения в голосе куратора Менигон не уловил. Он и не пытался уловить. Что с того, что мусорщик, кому-то надо и мусором заниматься, всякая работа на благо Ореола достойна и уважаема, если делается от души, а по-другому и не бывает. Неспособных нет. Ранняя отбраковка делает дело, даже на Земле об этом начинают догадываться.

— Спустись к нему, мусорщик.

— Его прощают? — спросил Менигон.

Куратор посмотрел на него так, что пришлось отвернуться. Вредно подолгу жить вне Ореола, начинаешь забывать элементарные вещи. Ореол не прощает и не наказывает. Ореол отсекает от себя лишнее, это очень тонкая

работа — заметить лишнее и вовремя убрать, пока оно не пустило корни. Лучше перестраховаться, допущенную ошибку можно потом исправить.

— Пригласи его сюда, мусорщик.

— Ясно, равный.

Так и есть, они там намерены исправить ошибку. Исправлять будет мусорщик — это его работа, работа очень редкая, один-два случая на сто лет, — а куратор проследит, чтобы все было как надо. Потом он подхватит эстафету и передаст ее дальше, потом еще дальше и так до самого Ореола, до окончательного исправления ошибки. Что нужно отбракованному, чтобы Ореол признал свою ошибку? Может быть, взорвать одну-две горы?

— Ты еще здесь, мусорщик?

— Иду, равный.

Надо идти. Искандер обалдеет, когда к нему с неба аки ангел спустится его бывший наставник. Кстати, почему бывший? И сейчас придется наставлять, куратор имеет в виду именно это. Добрый ангел-хранитель, мудрый и всепрощающий, заботящийся по-отечески — кто может поклясться, что никогда не мечтал о таком, хотя бы подсознательно? Искандер не может, нет сомнения. И это замечательно.

«Ну вот и все, Искандер. Ты видишь, как просто все кончается. Нужно только смотреть на человечество со стороны, а лучше сверху, и тогда все будет очень просто. Попробуй, это совсем не трудно. Неаппетитное зрелище, правда? Забудь свои земные детские воспоминания, их не было. Забудь все до того дня, когда твой отчим привел тебя в кадетскую школу».

«Это был ты, Винс?»

«Нет, это был другой мусорщик. Меня тогда на Земле не было».

«А мои настоящие родители?»

«Они в Ореоле. Возможно, они захотят с тобой встретиться».

«Возможно?!»

«Если найдут время. Мы очень много работаем, Искандер. Без этой работы и тщательнейшего, скрупулезнейшего отбора достойных мы бы никогда не вырвались вперед и не стали такими, какие мы есть. Человечество унизительно следует законам природы — мы научились менять их по своему вкусу. И создавать новые. Вселенная людей тесна и убога даже по сравнению с внешним уровнем Ореола, а

ведь в нем двенадцать уровней. Будущее человечества ничтожно по сравнению с нашим будущим. Мы работаем на будущее, Искандер. Мы его делаем».

«А своих отбракованных детей вы, значит, отправляете на Землю? Вываливаете мусор?»

«Именно мусор, Искандер. На Земле ему самое место».

Хорошая фраза. Вот так и надо ему сказать, пусть прочувствует. Захочет стереть ложную память — сотрем. Восстановить истинную? Может быть, лучше не надо: маленький мальчик, больше всего боящийся быть отбракованным, преувеличенные детские страхи... Ошиблись, бывает. Радуйся, бывший человек, ты признан достойным Ореола!

«А Лиза?»

«Что — Лиза?»

«Ее ведь можно спасти, правда? Ты ведь ее оживишь? Ну скажи мне, Винс!»

«Зачем?»

«Винс!»

«Она никогда не сможет встать вровень с нами. Ореолу не нужны примитивные биороботы».

«Плевать на Ореол! Винс! Сделай же что-нибудь, это не для нее, это для меня. Вы же там всемогущие, для вас это раз плюнуть. Не нужно мне никакого Ореола, оставь меня здесь, только оживи ее, слышишь, только оживи, ведь ты же можешь!..»

Могу, подумал Менигон. Наверное, именно поэтому при исправлении ошибки всегда присутствует куратор: от этих мусорщиков можно ждать чего угодно. Специфика работы у них такая: одной ногой в мусоре, другой в Ореоле. Ни один мусорщик не скажет, что ему по душе эта работа. И ни один из них не хочет навсегда уйти в Ореол. Почему? Об этом не говорят. Даже мусорщик с мусорщиком не станут об этом говорить. Это стыдно. Никто из нас не признается в том, что мы просто любим этих людей, это бездарное, грешное, плоско-нахрапистое человечество с предсказуемым будущим, что часто, очень часто нам отчаянно и бесплодно хочется помочь этому человечеству стать немного счастливее, помочь хотя бы одному человеку, хотя бы одному...

— Равный, — сказал Менигон, — ты уверен, что он согласится вернуться?

1989, 1991-92г.

ТАКОЙ ЖЕ, КАК ВЫ

— Хэй, хэй, хэй!

Рывок на открытое пространство, бросок через площадь. Барабанный топот ног — справа, слева, сзади. Горячий ветер в хрипящий рот. Нет времени развернуться в цепь, да и не нужно. Расчет на внезапность. Спустя секунды противник опомнится, за эти секунды нужно успеть пробежать как можно больше, хотя бы четверть расстояния до мертвой зоны, где уже не достанут десинторы выродков. Победа неизбежно будет за людьми, вопрос только в том, чего это будет стоить.

— Хэй, хэй, хэй!..

Залп! Большая часть мимо, но позади уже кричит раненый. Хуже нет быть раненым. Кто-то не выдержал, ответил на бегу очередью. Зря. Автомат не десинтор, боеприпасы будут нужнее в ближнем бою. Выродки не выдерживают ближнего боя, чем ближе к ним, тем меньше у них шансов, и они это знают. Если бы не их защитное поле, с ними уже давно было бы покончено, а если бы они могли держать поле непрерывно, а не по полчаса в день, с ними не было бы покончено никогда.

Незадолго до атаки Гуннар лежал за завалом на примыкающей улице и набивал магазин автомата. Патроны в ящике были новенькие, желтые и масляные на ощупь, их было приятно зачерпывать горстью, катать в пальцах, но на воздухе их моментально облепляла копоть. Копоть была повсюду — витала в воздухе как снег, падала с неба жирными хлопьями, сеялась мелкой удушливой пылью, оседая на лицах людей, на мертвых черных развалинах, на стенах уцелевших домов. Копоть и вонь. На окраине города вторую неделю горели и все никак не могли догореть гигантские склады химкомбината; иногда там что-то рвалось, и тогда сумеречное небо над крышами внезапно окрашивалось в неожиданные цвета. Сейчас оно было зеленое, с розовыми сполохами. Кое-где еще продолжали чадить жилые дома, но уже гораздо меньше: огню не дали распространиться по периферии, выгорела только часть примыкающих к центру кварталов. После неудачной попытки выродков прорваться из города к лесу их медленно отжимали обратно, тесня к разрушенному кораблю, развалившему при падении три дома на той стороне площади.

Все отделение лежало здесь же, за завалом. В ожидании сигнала к атаке занимались кто чем. Пауль, заткнув за ремень два снаряженных магазина, набивал третий. Братья-близнецы Семен и Луис шепотом вели спор о том, кто та-

кие выродки и откуда они берутся. Бейб старательно тер автомат какой-то тряпкой, но только зря размазывал копоть. Особняком лежал новенький из резерва, заменивший убитого утром Иегуди, и заметно нервничал, поплевывая через завал для поднятия духа. Все северяне какие-то ненормальные, а этот, пожалуй, и вовсе из бывших отклонутиков. За таким не мешало бы присмотреть, а уж о том, чтобы довериться ему в бою, и речи быть не может...

Залп! Кажется, накрыло кого-то справа. Полплощади позади. Далеко за спиной загрохотали пулеметы, над головой заметались трассы, пытаясь нащупать вражеские огневые точки. Бухнула безоткатка. Нет, так толку не будет... Гуннар споткнулся, перепрыгивая через распухший труп, и тут же его обогнали. Дьявол! Нельзя отставать от своих, нельзя ни в коем случае, это почти так же плохо, как быть раненым. Кто не с людьми, тот не имеет права называться человеком. Догнать! Душный воздух клокотал, обжигая легкие. Полон рот слюны пополам с копотью. Сейчас будет еще один залп. Пусть меня не ранят, отчаянно подумал Гуннар, пусть убьют, пусть я останусь на площади раздутым трупом, только пусть не ранят...

Вчера сдалась отрезанная от корабля группа выродков из двадцати человек. Они надеялись, что им сохранят жизнь. Один мальчишка лет четырех был признан годным и отделен от группы. Мать сильно кричала, не хотела отдавать. Мальчишка будет жить и станет человеком, а ей это не по вкусу. Выродков не поймешь.

Залп! Оранжевый столб возник на том месте, где был Бейб. Ударило воздухом. Близнецы кинулись в сторону, но между ними встал второй столб, и они упали одновременно. Хорошая смерть. Пауля подбросило в воздух и грянуло о мостовую — одежда на нем горела, он извивался. Новичок, казалось, проскочил, он изо всех сил мчался к ближайшему дому, но за его спиной вспухли один за другим два куста оранжевого пламени, и он нырком уткнулся в асфальт и заскреб ногами. Позади кто-то зашелся режущим визгом. Хэй, хэй, хэй!.. Гуннар несся вперед огромными прыжками. Уже близко, в прошлый раз где-то тут была граница мертвой зоны, но выродки постоянно меняют огневые позиции. Они еще на что-то надеются.

Первый корабль был взорван сразу после посадки. Второй, подбитый, тянул над промышленным районом к лесу и свалился почти на центральную площадь города. Две недели войны на истребление — кто кого. Пленных выводили

за город и заставляли копать себе яму. Теперь уже ясно, кто кого. Уничтожены десятки и десятки выродков, но кто знает, сколько их еще засело в корабле и окружающих домах? Сколько бы их ни было, они уже не уйдут: их развалина не сможет взлететь.

Ага, теперь-то уж точно мертвая зона! За спиной Гуннара десинторы продолжали подметать площадь, а он проскочил и уже не слышал позади себя топота ног. Он был один в мертвом пространстве. Атака захлебывалась. Слева и сзади густо вставали оранжевые столбы, а правый фланг наткнулся на кромку защитного поля и уже отходил, отстреливаясь. После утренней атаки защитного поля от выродков никто не ожидал, и вот на тебе... Лезут из кожи вон, кто же знал? Все равно им каюк. Гуннар вихрем пронесся последние метры, прижался к закопченной стене и сплюнул черной слюной. Сердце выскакивало наружу, дышать было нечем, но голова оставалась ясной. Заметили его или не заметили? За дымом и копотью могли не заметить. Плохо остаться одному, совсем плохо. Телу хотелось самоубийственного: броситься назад вслед за отступающими. Телу хотелось жить.

Он медленно двинулся вдоль стены, держа автомат наготове. Заметить его могли только отсюда: двухэтажное здание библиотеки выпирало на площадь уступом. Оно выгорело еще на прошлой неделе, его зажгли ракетой, надеясь, что огонь перекинется на дома, обступившие корабль выродков. Не перекинулся, хотя горело здорово. Эх, не одному бы сюда, хотя бы одним отделением, но где оно, это отделение? Вон лежат. Хорошие были ребята. Люди. Пауля, кажется, кто-то дострелил. Это правильно: лучше быть мертвым, чем выродком.

Шаг. Еще шаг, еще. Лопатки чувствуют стену. Пот лезет в глаза, под мышками противно хлюпает. Ага, окно. Прутья решетки вывернулись наружу, как еж, пролезть можно. На фундаменте застыл ручей оконного стекла. Гуннар неслышно перебросил тело через подоконник, метнулся в угол. Прислушался. Нет, показалось. Все тихо, только снаружи еще постреливают. Либо в здании никого нет, либо проморгали выродки Гуннара Толля!

В хранилище было по пояс пепла. Пепел был странный: к потолку от резкого движения взвились очень тонкие черные обрывки и разлетелись, медленно оседая. Невесомый лист спланировал Гуннару на руку и рассыпался от легкого прикосновения. У выродков все не как у людей. Потрево-

женный пепел колыхался, как море. Сумрачными волноломами торчали покореженные стеллажи, некоторые были оплавлены. Стараясь не очень шуршать, Гуннар поднял повыше автомат и неспешно, как по болоту, пересек хранилище. Дальше был короткий темный коридор и обглоданная огнем узкая лестница на второй этаж — наверное, служебный ход. Откуда-то сверху пробивался свет. На первом этаже оказались еще два горелых хранилища, но опасности оттуда не предвиделось. Следя, чтобы не скрипнуло под ногой, Гуннар медленно поднялся наверх. Здесь уже кто-то побывал после пожара, и совсем недавно: смазанная сажа ступеней и свежие царапины на стенной копоти говорили сами за себя. Похоже, вверх по лестнице волокли что-то громоздкое. Здесь они, здесь... Гуннар задержал дыхание, и ему показалось, что он услышал шорох, но наверняка утверждать было трудно: перестрелка на площади продолжалась. Он мысленно выругался. После неудачной атаки всегда отводят душу стрельбой, а выродкам наплевать. Так... Либо они на крыше, либо в угловой комнате, больше им негде быть. Хэй! Гуннар снес ногой покореженную дверь и тут же столкнулся с выродками нос к носу.

— Здравствуйте.

— Э-э... здравствуйте. Где это я?

— Успокойтесь, вы среди друзей. Вам помогут.

Человек неуверенно переставлял ноги. Его поддерживали, слева — миловидная женщина в белом халате, справа — санитарный робот.

— Ваша профессия?

Человек наморщил лоб.

— Э-э... знаете ли... Кажется, я... Нет, не помню. — Человек сконфуженно хихикнул. — Совсем не помню. Вот черт...

Крепкий мужчина, стоящий перед ним, не улыбался, смотрел понимающе. И симпатичная врачиха, мягко поддерживающая под пижамный локоть, тоже смотрела понимающе. А робот смотрел в потолок.

— Ничего страшного, — сказал мужчина. — В каждом третьем случае пациент не может сразу вспомнить свою профессию, так что я не советовал бы вам отчаиваться раньше времени. Сейчас вы вспомните сами, мы будем лишь направлять вас. Итак, вы специалист в области естественных наук?

— Н-нет... Где я?

— Может быть, вы специалист в области медицины? Нет? — Человек мотнул головой. — Или, допустим, в сфере информатики? Тоже нет. А в области права? Вы не юрист?

— Нет. Как я сюда попал?

— Об этом не сейчас, если позволите. Вы среди друзей, и это главное, разве не так? — Мужчина подошел вплотную, широко улыбнулся. Взял вялую руку, пожал, отпустил. — Итак, продолжим. Вы специалист в области техники?

— М-м... Да! Верно!

— Прекрасно. Вот видите, вы вспомнили сами. Теперь нам остается только уточнить вашу техническую специализацию. Вы электронщик? Нет? Механик? Энергетик? Гм... Строитель? Оператор проходческого щита? Тоже нет? Жаль, проходчики нам сейчас нужны позарез. Робототехник?

Человек встрепенулся. Вытер на лбу капли пота.

— Я вижу, вы вспомнили, — кивнул мужчина. — Значит, робототехник?

— Нет, — сказал человек. — Я строитель. Инженер-строитель. Проектирование и строительство мостов, тоннелей и трубопроводов. Извините, больше я ничего не помню.

— Прекрасно. — Мужчина раскрыл блокнот, черкнул что-то. — Следовательно, графу «профессия» можно считать заполненной. Ну, теперь отдыхайте.

Отдыхать? Как, уже?

— Подождите! — Человек рванулся вперед. — Какая там профессия... Вы не поняли: я не помню даже того, как рассчитывается на изгиб мостовая ферма!

— Это неважно. Пройдет время, и вы вспомните. Даю вам слово.

Ну и ну. Здоровенный лоб и добродушный, как штангист-средневес вне помоста. Слово дает. Нужно мне его слово...

— Что со мной было? Я попал в катастрофу?

Дружелюбная улыбка на лице мужчины. Шагнул вперед, несильно хлопнул по плечу — чтобы не сбить с ног. Женская ладонь гладит локоть.

— Ну что вы. Если это называть катастрофой, то мы все в нее попали. Отдыхайте.

— Вы пройдете ускоренный курс адаптации, — мягко сказала женщина. — Все будет хорошо, поверьте нам.

Черт знает что. Разговаривают, будто с душевнобольным. Но приятно. И женщина — красивая.

Очень.

Штангист собрался уходить. Робот заскользил вбок, потянул за собой. В смежном помещении четыре стены и постель, отсюда видно. Женщина выпустила локоть, помахала рукой.

— Э-э... Э! — Человек напрягся. Ноги скользили по полу. — Подождите! Да подождите же, как вас... Я хочу знать: я в своем уме?

— Конечно, — наклонила голову женщина. Мужчина тоже кивнул:

— Случаев помешательства у нас пока что не зарегистрировано.

— Тогда почему я ничего не помню? Где я? Что со мной произошло?

Женщина сделала знак роботу — тот замер, но локтя не выпустил. Мужчина взглянул на часы. Он уже не улыбался.

— С вами ничего не могло произойти. Вы были синтезированы около часа назад. Десять минут назад вы были разбужены, с этого времени и ведите отсчет. И примите наши поздравления.

Бред какой-то... Человек уставился в пол, усваивая. Нет, все равно бред. Не может быть.

— Какие еще поздравления?

— Искренние.

...Врут. Все врут... Зачем?..

— У вас знания и жизненный опыт тридцати семи—сорокалетнего мужчины, — продолжал рокотать штангист. Врачиха кивала, подтверждая. — Для инженера это самый выгодный и продуктивный возраст. Но биологически вам около тридцати, меньше, к сожалению, нельзя, иначе сами же будете страдать от внутренней дисгармонии... Спешу предупредить ваш вопрос: у вас вовсе не украли тридцать лет, как вы, вероятно, думаете. Продолжительность вашей жизни будет увеличена в соответствии.

Человек ошалело повертел головой.

— Но я и не думал задавать такого вопроса...

— Я знаю. — Голос был уверенным, без нарочитости. Штангист явно знал, о чем говорит. — Вам пришло бы это в голову немного позже, скорее всего, к вечеру, и вы провели бы беспокойную ночь. Поймите, у нас большой опыт работы с людьми, подобными вам, и поверьте, наш опыт

позволяет предсказывать некоторые естественные реакции. Мы видим свою задачу в том, чтобы у наших пациентов не формировалось ненужных комплексов, препятствующих адаптации в нашем обществе. У нас очень гармоничное общество, вы скоро убедитесь в этом сами.

Ну да, подумал человек. Это клиника. Точно. Гармония: пироманьяки, фюреры, агорафобы и отдельная палата для буйных. «А вы знаете, вчера Бонапарт подрался с Конфуцием...» Меня лечат, вот что. Заглушили сознание, гады, и теперь...

— Нет-нет, — возразила женщина. — Совсем не так, как вы думаете. Притом вы бы просто не успели — за десять-то минут. Впрочем, теперь уже одиннадцать... но неважно. Повторяю, вы никогда не были душевнобольным, поверьте нам.

Звучит убедительно. И приятно, что говорит женщина — с мужчиной можно было бы и поспорить по-мужски. А такой женщине хочется только поддакивать. Это они хорошо придумали.

— С чего вы взяли? Я и не думал об этом...

— Вы думали об этом, — засмеялся мужчина. — Зачем же отрицать то, что лежит на поверхности? Отрицайте что-нибудь другое. Поначалу каждому приходит в голову именно это, исключений не бывает и быть не может по причинам, о которых мы поговорим в свое время... Поверьте на слово, наша работа не более чем рутинная процедура, все известно заранее. Не сочтите за обиду, но мы знаем, о чем вы думаете сейчас, о чем вы будете думать через пять минут, когда именно и на какое время вы станете социально опасным, сколько дней вам потребуется на первичную адаптацию, знаем, когда вы покинете наш «родильный дом», знаем, когда вы в него вернетесь и зачем вы в него вернетесь. Сказать по правде, я вам завидую: мосты все-таки разные. Не люди. Но что поделать, коли родился со специальностью психолога...

Мосты, усмехнулся человек. Рутина. Да что ты понимаешь в рутине, умник? Предсказать он может — удивил... А когда один и тот же проект, да из года в год... Стоп! Как это он сказал: родился со специальностью?

Мужчина кивнул. Улыбнулся:

— Четыре секунды. Поздравляю, у вас нормальная реакция. Как у всех.

Запершило в горле. Человек откашлялся.

— Я что, не один такой?

— Здесь все такие, — засмеялся штангист. — Я, кстати, тоже.

— И я, — отозвалась женщина. — Все мы. Только разбужены в разное время. Самым старшим из нас чуть больше трех относительных лет, два с половиной по местному, а самые младшие...

За прозрачной стеной — стеллажи. Ровный металлический блеск груза. Похоже на артиллерийский склад.

— А вот ваш.

Человек повертел в руках металлический стакан.

— Стало быть, вот из этого я и родился?

Добросердечное понимание в глазах женщины.

— Не совсем так. Это всего лишь запал-инициализатор. По окончании синтеза параметры личности автоматически стираются, во избежание случайного дублирования. Теперь он пуст, можете взять на память.

— Спасибо...

А штангист опять говорит... Помолчал бы он. Вопросы конструирования личности, технология хранения и синтеза... непонятно. И совсем не нужно сейчас. Мы никакие не андроиды, выбросьте из памяти это слово... Ладно. Мы нормальные люди. Мы такие же, как все, даже лучше: конструкция личности исключает наличие скрытых пороков, вызывающих ненужную неудовлетворенность... Приятно слышать. На стеллажах — более семнадцати тысяч «стаканов», в каждом — человеческая личность. Которая как все и даже лучше. Было двадцать тысяч... Двадцать тысяч личностей.

— А зачем?

Снова прикосновение женщины — мягкое, расслабляющее... С ума можно сойти.

— Подойдите к окну.

Попробуй не подойди, когда робот тянет, словно локомотив, и подошвы едут по полу с противным скрипом. Человек попытался упереться — безрезультатно. И просить, чтобы этот железный отпустил руку, очевидно, не стоит — не позволят, видно без очков. Чего им нужно? Но почему бы не подойти, если просят? Тем более что женщина идет рядом. Как ее зовут?

Еще улыбка:

— Вы не на меня, вы в окно смотрите.

В окно так в окно. Человек обвел взглядом незнакомый пейзаж. Н-да. Растрепанные облачка в густосинем небе, незнакомая растительность по склонам холмов, горная цепь

на горизонте, а над всем этим очень маленький ослепительно-белый диск, глазам больно. Нет, пожалуй, даже красиво, только растительности чересчур, как в тропиках. Что это за место?

— Гавайи? — спросил человек. — Канарские острова?

— Не сорите словами, — неожиданно жестко сказала женщина. Человек вздрогнул. — Вы уже догадались, что это не Земля. Кому вы нужны на Земле, да и мы тоже...

— Клара... — укоризненно прогудел штангист, — ну зачем же так...

— Да что они все, как маленькие. Землю ему подай... ждали его там, как же.

— Клара...

— Ну простите, простите. Нервы.

Они меня добьют, подумал человек. Сейчас еще скажут, что настоящих людей здесь нет вообще, что мы передовой отряд, призванный освоить эту планету для первых переселенцев, ожидаемых здесь лет через двести. Или через триста. Что мы и наши дети, если они у нас будут, должны выполнить долг перед человечеством, чего бы нам это ни стоило. Мужественным тоном скажут, твердым и уверенным, особенно про долг, и говорить будет, конечно, штангист... Так и есть.

— Чепуха, — сказал человек. — Я вам не верю.

— Ваше неверие ничего не изменит.

Похоже, что так. Св-волочи... Подарили жизнь.

— А меня?.. — рванулся человек. — Меня кто-нибудь спросил?!

— Выбор запала производится автоматически, по случайному закону. Там, где невозможно обеспечить равные права, во всяком случае, полное их равенство, должны быть обеспечены равные шансы. Это основополагающий принцип...

Гады!.. Зубы стиснулись сами собой, до скрипа. Равные шансы стать рабочей скотиной... или так и остаться на складе консервированных мускулов — беспорочной личностью в железной банке. Принцип им! Основополагающий!

— Вы снова не так поняли. Никто не намерен вас принуждать...

Женщина отскочила за робота. Осекшись на полуслове, штангист выпрямился, смотрел в глаза. И выгадал многое: металлический стакан запала-инициализатора, вместо того чтобы быть пущенным ему в голову, с гулким звоном ахнул в окно. Брызнули осколки стекла.

— Бьющееся, — пояснил штангист. — Держим специально для снятия стресса.

— С-скоты!.. Мразь! — Человек забился, не давая роботу второй локоть.

— Ну что вы, — серьезно сказал мужчина. — Ведь мы такие же, как вы, уверяю вас. А ведь вы вовсе не скот, разве не так?

— Успокаивающее? — деловито спросил робот.

— Да, обычную дозу. И новое стекло.

Их было двое, и оба насели раньше, чем Гуннар успел сориентироваться. Один схватился за автомат и начал, сопя, выкручивать из рук, другой плясал сбоку и пытался приладить по голове кулаком. Что могут выродки против человека? Через полторы секунды они уже корчились на полу и, закатив глаза, глотали воздух. Один еще пытался совершать осмысленные телодвижения, и ему пришлось добавить под ребра. Морщась от гадливости, Гуннар обыскал выродков. Личного оружия у них не оказалось, даже ножа, зато у окна стоял и глядел с треноги на площадь настоящий станковый десинтор. Из глубины комнаты Гуннар пробежал взглядом по окнам, быстро оценил позицию. Что ж, неплохо.

— Ну, как вы себя чувствуете?

Человек лежал на кровати, нога за ногу. Хотелось курить. Должно быть, конструкторы личности, вытравливая пороки, упустили по меньшей мере один. Курева не было.

— Спасибо, жив.

Штангист панибратски присел на кровать — взвыли, жалуясь, пружины.

— Вам нужно выбрать себе имя.

— Мне нужно, чтобы меня оставили в покое. Убирайтесь.

— Ну-ну, — штангист предостерегающе поднял палец, — не надо так горячиться. И, пожалуйста, не делайте вид, будто сейчас наброситесь на меня, я знаю, что это не так. Сказать вам, почему? Во-первых, вам просто не хочется...

— Да? — Человек иронически поднял бровь.

— Именно не хочется, можете мне поверить, я знаю. И не изображайте обратного. Очень скоро вы поймете сами, что наше общество слишком прозрачно для такого рода...

гм... театральной деятельности. Ну, а во-вторых, для драки вы еще слишком слабы, легко устаете, сегодняшний ваш побег вполне это показал, разве не так? Вот через месяц вы со мной сравняетесь, и мне может потребоваться помощь санитарного робота... впрочем, вы покинете наше заведение гораздо раньше. И гораздо раньше поймете, что мы вам друзья, а не враги. Кстати, зачем вам понадобилось пытаться отсюда убежать? Охота была бегать в исподнем...

Человек усмехнулся:

— Вы же, наверное, и так знаете.

— Представьте, знаю. Все бегут — один раз. И все безуспешно. Между прочим, мы не держим постоянного кордона вокруг здания. Мы просто знаем, когда пациенту захочется выбраться отсюда, и даже не мешаем ему немного побегать. Опыт. Вот сегодня будет пытаться сбежать одна женщина, ее синтезировали через день после вас, но у женщин иные поведенческие реакции. В окно будет видно, хотите посмотреть?

— Нет. Уходите.

— В исподнем, — сказал штангист. — Почти прозрачное.

— Уходите, ну!

Штангист встал. Прошелся по комнате.

— Вы, конечно, предпочитаете, чтобы с вами разговаривала Клара...

Молчание.

— Клара зайдет к вам позже. Сейчас она в женском отделении: беседует с той пациенткой, которая через пару часов даст деру.

Человек сглотнул.

— Откуда вы только все знаете...

— Опыт. Опыт.

— Врете. Я вам не верю. Я даже не понимаю, зачем вы все время врете. Пока существует естественная дисперсия реакций, все ваши предсказания — чушь, извините, собачья. Плюнуть и растереть. Когда вы обрабатывали своего первого, вам тоже помогал опыт?

Штангист рассмеялся:

— Хороший вопрос, все его задают... Представьте, да. Только это был мой собственный опыт, опыт моего пробуждения. Вполне достаточно, знаете ли, и никакой дисперсии реакций. Ее нет, усвойте это. Мне кажется, вам уже пора избавиться от атавистических представлений. Вот дисперсия внешности существует в определенных пределах, и я, как

видите, не похож на вас. Зато мы оба — крепкие, сильные мужчины, работоспособные, в должной мере уравновешенные... не надо ухмыляться, пожалуйста, — с хорошей головой и превосходно развитыми рефлексами. На Земле бы нам завидовали, уж вы мне поверьте на слово. Но здесь все мужское население, а это почти полторы тысячи мужчин, не хуже и не лучше нас с вами, так что завидовать некому. Пусть нам всем завидуют земляне. А наши женщины... да разве на Земле найдется хотя бы сотня таких женщин? Красивые, но каждая по-своему, нежные, но сильные, без мусора в голове и очень верные. Как правило, хорошие подруги, а в перспективе и матери. У них будут красивые и здоровые дети. — Штангист перевел дух.

— Понимаю, — кивнул человек. — Красивые и здоровые. Это эстетично. Красивым инструментом и работать приятнее.

— Ну вот, опять вы за свое... — то ли штангист в самом деле огорчился, то ли сделал вид. — Да не работайте, кто вас заставляет... Но, по крайней мере, постарайтесь понять благородство наших создателей: они обеспечили нам абсолютно равные права, сами ими не обладая, равенство во всем, достижимое лишь при тиражировании одной-единственной человеческой личности. И я смею думать, — штангист прищурился, — что это не такая уж плохая личность, такой личности жить и радоваться... Вы ведь не предпочитаете быть немощным уродом? Или, скажем, уродом нравственным?

— Нет, — сказал человек. — Не предпочитаю.

— Ну вот и хорошо. А что касается записанной в вас профессии, то пусть вас это не смущает: все-таки лучше иметь что-то на старте, чем начинать с нуля, разве нет?

— Естественно.

— Я рад, что вы поняли. Так как же все-таки насчет имени? Неудобно получается, знаете ли.

Человек наморщил лоб.

— Имя... гм, имя... как-то не думал об этом. Имя... Ну, пусть будет, допустим, Ро... Нет, лучше Рудольф. Э-э... или все-таки Рональд?

Штангист покачал головой. Заметно усмехнулся.

— Не пойдет.

— Это почему?

— А не догадываетесь?

— Нет. Э, постойте-ка...

— Вот именно. Не забывайте, у всех нас вкусы одного

и того же прототипа. Полторы тысячи Рудольфов — не многовато ли будет? И десять тысяч в перспективе.

— А если... м-м... Ричард? Или Родион?

Опять качание головой:

— Ни даже Ромуальд. Согласно Уставу Покорителей, вы вправе сами выбрать себе имя. Но только случайным образом.

Человек привстал на локте.

— Это — как?

— Терминал видите? Жмите эту клавишу.

Готово. На экранчике сначала возникла рамка с завитушками, потом появилась короткая надпись. Человек фыркнул.

— По-вашему, это имя?

— По-моему, имя, — штангист развел руками. — Вы ведь сами выбрали. А что? Мне кажется, не так уж плохо, могло ведь выпасть и хуже. Кстати, мое имя Максут Шлехтшпиц. Будем знакомы.

— Взаимно... Ну и имечко же...

— У кого?

Человек рассмеялся. Все-таки этот Шлехтшпиц, по-видимому, неплохой малый — тоже товарищ по несчастью. Или по счастью, если верить ему на слово. Но было бы интересно посмотреть на его физиономию, когда он сам впервые увидел свое имя в кудрявой рамке.

— А еще раз попробовать нельзя?

— Увы.

— Ладно, — человек махнул рукой, — уговорили. Считайте, ваша взяла.

— Наша всегда берет... Еще что-нибудь?

— Да, пожалуйста, — человек кивнул на окно, отвел глаза. — Когда, вы говорите, будет бегать женщина?

— А ну, встать!

Любому человеку был бы понятен наставленный ствол автомата. Этим — хоть бы хны. Гуннар усмехнулся. Не люди — настоящие выродки, особенно вот этот рыжий. Даже под копотью видно, что рыжий. Да и другой хорош — старикан с трясущимся брюхом. Как он прыгал, пытался ударить — умора. Выродки, что с них взять. Напрочь не владеют приемами ближнего боя, похоже, их даже никогда не били. Смешно. Черт с ними, не хотят вставать — пусть валяются.

— Эй, вы! Хотите умереть быстро?

Рыжий молча пытался приподняться, хватался за стену. Старикан разлепил воспаленные веки:

— Мы, собственно, вообще не хотим...

— Тебя никто не спрашивает, хочешь ты или не хочешь, — возразил Гуннар. — Тебе предлагают легкую смерть. Но не даром.

— С-сволочи!.. — Рыжий наконец-то встал, шатаясь, и потянулся поднять старикана, но смог только усадить его, привалив спиной к стене. — Мерзавцы!..

Ругань выродка — музыка в человеческих ушах. Но медленно же до них доходит! Не сводя с рыжего глаз, Гуннар без натуги перетащил треногу к торцевому окну.

— Все понятно?

— Что — понятно? — спросил рыжий.

— Ты знаешь, как обращаться с этой штукой, — терпеливо объяснил Гуннар. — Или вот этот знает, мне все равно, кто из вас. Когда наши повторят атаку, вы поддержите их огнем.

Старикан и рыжий переглянулись.

— И что потом?

— Я бы на вашем месте не думал, что потом, — сказал Гуннар. — Я бы думал о том, как подавить огневые точки в окнах. Это ваш единственный шанс на легкую смерть.

Он успел вовремя — рыжий в своем диком прыжке нашел пахом ствол автомата. Совсем неплохой был прыжок: выродок, а жить хочет. Рыжий взвыл. Не давая упасть, Гуннар коротким взмахом отправил его назад к стене.

— Звери-и-и!.. — зашебуршал старикан.

Где звери? Какие звери? Гуннар презрительно сплюнул. Мало того что выродок, так еще и дурак: ну какой зверь полезет сейчас в город?

Рыжий медленно приходил в себя. Гуннар подождал, давая ему очухаться.

— Ну что, согласен?

— Нет, — корчась, вымучил рыжий.

— Я подожду, — сказал Гуннар. — Мне спешить некуда.

Спешить действительно было некуда: повторная атака начнется через час, не раньше. Раньше просто не выйдет. Если атаку поддержать десинтором, она может оказаться удачной.

Старикан елозил лопатками по стене — пытался подняться. Должно быть, ему казалось, что с людьми надо разговаривать вот так — лицом к лицу, на равных. Ну, пусть.

— Друзья! — проскрипел рыжий с издевкой. — Братство по духу и торжественная встреча. С цветами.

Старикан смешно сопел и все силился встать. Это у него не получалось.

— Еще хорошо, что не решились отправить всех сразу, — сказал рыжий. — Представляешь себе картину?

Стрельба на площади мало-помалу начала затихать. Случайная пуля, отыскав окно библиотеки, тукнула в стену — на выродков посыпалась сажа.

— Может, отпустите нас? — жалким голосом сказал старик. — Нас всех. Мы больше не прилетим, даю вам слово. Может быть, отпустите?

— И что вам еще нужно? — Гуннар едва удерживал смех.

— Нам нужна помощь, — заторопился старик. — Свяжитесь со своим начальством, прошу вас. Нужен мир. Время и материалы для ремонта корабля. Может быть... может быть, мы все-таки сможем взлететь...

— Ты обдумал мое предложение? — спросил Гуннар.

Рыжий неожиданно фыркнул.

— Материалы!.. — с презрением сказал он. — Откуда у этих дикарей материалы? Ты посмотри на него получше — убийца же. Все они убийцы.

— Полегче, — сказал Гуннар, напрягаясь. — Я человек.

— Человек! — рыжий оскалился. — Если человек, тогда расскажи, как ты нас будешь убивать медленно. И подробнее.

Гуннар подумал.

— Ты прав, выродок, — сказал он. — Я просто пристрелю вас обоих. Вы умрете быстро.

Рыжий усмехнулся:

— Тогда какой же нам смысл?

— Если один из вас сделает то, что я сказал, я вас не убью, — сказал Гуннар. — Я сдам вас кому следует, и, если вас признают годными к исправлению, вы будете жить.

Он кривил душой: всякому было понятно, что этих двоих никто и никогда не признает всего лишь отклонутиками. Исправительный лагерь не для таких, как они. Таких выводят за город и показывают, где копать.

— Вы согласны?

— Нет.

— У вас не очень много времени, — сказал Гуннар. — Подумайте.

Тоннель вышел из скальной стены с ошибкой в полметра — Ксавье Овимби лично замерил отклонение. Многовато, но в пределах допустимого, а для первого раза, вероятно, неплохо. Теперь еще неделя — и в каньоне Покорителей, в тысяче метров над пенным потоком повиснет легкий ажурный виадук, и если со временем, лет через сто, его решат не менять на новый, а подновить, сохранив как памятник эпохи, то он, очень может быть, еще увидит первых переселенцев... Ксавье усмехнулся одними глазами — чтобы не заметили. Хоть какой-то след в истории... Виадук хорош: и красив, и прочен. Тоннель хуже. Мало металла, нечем крепить своды и, как назло, целый пояс трещиноватых пород. Дрянь. Но какое-то время выдержит, а как только ветка дотянется до месторождения, с металлом сразу станет легче, тогда и укрепим настоящими тюбингами — навек, до самых до землян. А кроме того, можно будет попросить кратковременный отпуск.

Ночь была теплая, тихая. Молчали машины, и когда рассказчик замолкал, слышался лишь треск сучьев в костре да временами попискивало в кустах какое-то ночное насекомое. На лицах людей, сидящих у костра, плясали багровые отблески.

Ксавье Овимби любил такие вечера. Обычно у огня собирался весь участок, все, кроме Хьюга Огуречникова, вечно искавшего уединения. С Хьюгом сложнее, он ветеран, из самых первых, ему скоро три года, и получается — брезгует... А все-таки зря это он, мало ли что на участке подобралась сплошь двух-трехмесячная молодежь, зато уютно, день позади, никто не суетится, не бегает, не ругается в прототипа бога душу, ни пыли нет, ни грохота — покой и приятное отдохновение. Можно и послушать, что рассказывают, и самому порассказать в свое удовольствие. Правда, если честно, то слушать других как-то не очень хочется, может быть, поэтому Хьюг и уходит каждый раз? Опять-таки зря, всегда ведь можно потерпеть и дождаться своей очереди...

Рассказывал Леви Каюмжий, проходчик из новеньких, и рассказывал неправильно. Было досадно, Ксавье собирался сам рассказать эту историю и теперь морщился, ловя рассказчика на несообразностях. Зелен, неопытен, выдумывает на ходу для пущего правдоподобия, вязнет в несущественных деталях — а кому они нужны? Не воображает же в самом деле, будто кто-то и впрямь поверит этим байкам о Земле, где он сроду не был? Но, видимо, очень уж хочется, чтобы поверили.

Рассказывали видения, фантазии, сны. Двадцать мужчин — женщин на участке не было, — двадцать слепков с прототипа, с разными лицами и одинаковыми снами, достаточно общительные, чтобы не разбежаться, и слишком сильные для того чтобы взвыть. Они были молоды, и для рассказов о реальных событиях время еще не пришло.

«...Так вот, мужики, только я, значит, это — и вдруг скрипит дверь. Ну, думаю, влип, муж пришел, а она смотрит мне поверх плеча, огромными такими глазами, да как завизжит прямо над ухом! Аж заложило. Оборачиваюсь — никакого мужа, а в дверь просовывается во-от такая морда, глаза в темноте светятся, и вроде бы пока только любопытствует, но уже и к прыжку готовится. Гиено-лев, одним словом, а вокруг, естественно, никого... Флора визжит, как зарезанная, зачем-то простыней прикрывается, а я, сами понимаете, в чем был, то есть ни в чем, ищу нож, он у меня всегда на поясе. Пояс нашел — нет ножа! Тогда хватаю табурет...»

Эту историю про домик егеря в саванне Ксавье слышал в разных вариантах, и обычно женское имя варьировало от Флоранс до Лауры, а ворвавшийся зверь — от леопарда до носорога. Далее следовал рассказ о том, как именно герой одолел зверя и какую восхитительную ночь провел с возлюбленной. Финал был драматический: уйдя из домика еще затемно и удивляясь про себя недальновидности мужа Лауры-Флоранс, герой на следующий день узнавал, что мужегерь в ту же ночь погиб в перестрелке с браконьерами. (Варианты: умер от укуса змеи, затоптан стадом гну, поскользнулся на откосе и съехал в речку к крокодилам и т. п...) «И больше, мужики, я ее не видел...» Общий вздох, особенно громкий у тех, кто сам имел виды на эту историю. Но дважды за вечер рассказывать одно и то же не дозволяется — неписаный закон.

— Врешь ты все, — не выдержал Ксавье. — Нет на Земле никаких гиено-львов, там или гиена, или лев, одно с другим не скрещивается. Молчал бы лучше. Бездарь.

Теперь все смотрели на него — осуждающе. Ксавье опустил глаза. Надо же, нехорошо как получилось: не уследил за собой, сорвался. Перебивать рассказчика нельзя, это всем известно, новичков этому учат в первый же вечер у костра. А уж оскорбить кого-то значит оскорбить всех, кто услышал, и себя в том числе. Жаль. Но почему именно я, любой же мог...

Ждать, когда обиженное выражение на лице Леви сме-

нится праведным гневом, не стоило. Ксавье встал, скороговоркой извинился и пошел прочь от костра. Второй неписаный закон: при угрозе конфликта виновный обязан удалиться и не показываться на глаза некоторое время. Правда, нередко трудно бывает определить, кто виновен. Забавно смотреть, как двадцать человек, бросая работу, спешат разойтись по двадцати разным направлениям. Впрочем, поправил он себя, забавно только тому, кто видит это впервые...

В тоннеле было сумрачно, провешенный по стенам светящийся кабель не давал настоящего света. Сюда уже была втащена малая ферма будущего виадука, и Ксавье не утерпел, прошелся ощупью по швам, выискивая дефекты. Нету. Ну и хорошо, что нету. Чем-то и тоннель хорош: идти спать не хочется, к костру возвращаться еще рано, не в чащу же идти, там ночное зверье, тот самый гиено-лев, которого Леви поселил на Земле... ладно, с кем не бывает. А оружие заперто — от соблазна, и в руках ни ножа, ни даже табурета, хотя все это фольклор: даже Леви знает, что убить гиено-льва ножом невозможно. Его можно только поджечь, он вспыхивает сразу, как пропитанный эфиром, ревет и мечется, мечется и горит...

Ближе к концу тоннеля резко чувствовалась сырость: в любой сезон над каньоном висела водяная пыль. Хьюг боком сидел на краю, привалившись спиной к стенке тоннеля. Одну ногу он поджал под себя, другая свешивалась в каньон. Противоположной скалы видно не было, она только чувствовалась и гнетуще давила на сознание. Прямо напротив в мокрой черноте дрожал и плавился белый круг, обведенный кольцевой радугой, — светящийся вход следующего тоннеля.

— Не упадешь? — спросил Ксавье.

— Когда-нибудь упаду обязательно, — равнодушно согласился Хьюг. Он отвернулся от черноты и заморгал, привыкая к свету. — Кого опять принесло?

— Это я, Ксавье. Не ждал?

— Ксавье, говоришь, — пробормотал Хьюг. — Это который же?.. А, помню, помню, инженер. Ты иди отсюда, Ксавье, ладно?

— Ладно, — Ксавье пожал плечами. Ему вдруг до смерти захотелось вот так же посидеть на скользком краю, впитывая кожей сырую тьму и думая только о своем, неприкосновенном. Интересно, удастся ли отсюда разглядеть звезды? — Я, собственно, ненадолго. Немного побуду, потом уйду.

— Ты не потом, ты сейчас уйди...

— Куда это? — спросил Ксавье, отступая на шаг. Он был уверен в том, что Хьюг видит его усмешку. Разумеется, нехорошо провоцировать, и Хьюг безусловно прав, но господи, как же надоело...

— К прототипу! — рявкнул Хьюг. — Сам уйдешь?

Многовато на сегодня, подумал Ксавье. Сначала Леви, теперь Хьюг... тормоза не держат. И я уже не первый.

— А если сам не уйду? — спросил он, косясь на обрыв. — Тогда что?

Хьюг подвигал желваками. Помедлил.

— Тогда садись...

Ксавье осторожно приблизился к краю, осторожно сел, не спуская глаз с Хьюга, оперся о скалу напряженными лопатками — в случае чего можно успеть вскочить. Второй неписаный закон нарушался безбожно, такое даром не проходит.

— Следишь за мной? — спросил Хьюг.

— Слежу, — согласился Ксавье. Он был готов ко всему. — Да кто за тобой не следит? Все следят.

— Ты-то зачем?

Ксавье пожал плечами:

— Да так, знаешь ли. Все-таки я твой начальник, обязан знать, что с тобой происходит, разве нет?.. — Было видно, как Хьюг обмякает, расслабляясь. Похоже, он держал себя в руках. — А если человек избегает общества и прячется в тоннеле, — продолжал Ксавье, воодушевляясь, — то следить за таким человеком я просто обязан. Да и каждый обязан.

— Следи, следи, — кивнул Хьюг. — Ты за мной хорошо следи, спрыгну ведь.

Ничего себе... Ксавье осторожно посмотрел вниз, в черноту. Дна каньона не было видно, его и днем не было видно, только слышался шум потока, пробравшийся сквозь километровую толщу тумана. Лететь и лететь... Чепуха, опять Хьюг шутит.

— Они, наверно, хотели как лучше, — равнодушным голосом сказал Хьюг. — Как положено, из ума пополам с сердцем, из высших гуманистических устремлений... как могли. Они там на Земле большие гуманисты, иначе у них уже не получается. Создать людей разными — да разве это возможно? Для гуманиста? Ведь один созданный обязательно будет умнее или сильнее, красивее... м-м... агрессивнее другого, а ведь это уже преступление — знать, что кто-то

заведомо будет обделен, кому-то не достанется чего-то нужного, когда так просто ему это нужное дать. Просто протянуть руку и дать — живи, имей, пользуйся на благо, больше не дадим и меньше иметь не позволим... избавь себя хотя бы от зависти, стань человеком, скот, в обществе таких, как ты. Иметь возможность создать идеальный социум, извечную мечту, общество абсолютного, безграничного равенства и пренебречь — разве не преступление?.. Идеальное общество нельзя населить неидеальными людьми. Это не для практического гуманиста, верно? И ведь хорошие, наверно, ребята... — Хьюг хрипловато рассмеялся. — Я бы с ними непрочь поделиться впечатлениями. Одного только не могу им простить...

— Чего? — спросил Ксавье, моргая.

Глаза Хьюга совсем потухли.

— У нас слишком большая тяга к жизни, — сказал он, глядя в черноту. — Слишком. Покоритель и должен быть жизнестойким, тут у гуманистов сомнения не было. Это и так само собой разумеется, — он опять рассмеялся. — Мы должны жить и работать, до прилета переселенцев мы должны освоить хотя бы десятую часть суши, да в конце концов мы должны жить и для себя, они об этом не забыли, для них это наверняка было даже важнее... У нас прототип вместо генотипа, нам прописано радоваться. Видишь — я смеюсь... Скажи, а ты мог бы сейчас спрыгнуть, а? Вон туда?

— Туда? — Ксавье почувствовал, как его ладони ищут опору. — Н-нет... А зачем?

— Не хочешь, — удовлетворенно сказал Хьюг. — Это так естественно. А если бы очень захотел, если бы все надоело до головной боли, до рвоты... — смог бы?

— Ну, наверное, — Ксавье сделал движение, будто собирался еще раз наклониться над обрывом. Он знал, что этого не сделает. — Почему бы нет. Если бы, как ты говоришь, все надоело... Всегда можно себя заставить.

— Вре-ешь, — злорадно сказал Хьюг. — А ну попробуй. Никогда ты себя не заставишь, запомни это как следует. Ни-ко-гда. И никто из нас не сможет себя заставить, даже в темноте с разбега, мы слишком сильны для этого. Слишком любим жизнь, слишком предназначены для жизни, долгой и счастливой — по благородному замыслу наших создателей. Беда в том, что мы созданы еще и слишком общительными, чтобы, значит, не разбеглись друг от друга, а образовывали социум. Ты что-нибудь слыхал об отшельниках?

Ксавье покачал головой.

— Ну еще бы, где тебе. Об этом мало говорят, и правильно. Детская болезнь. Время от времени кто-нибудь, до этого числившийся вполне благополучным, вдруг начинает огрызаться, иногда даже буйствует, это смотря по обстоятельствам, а потом просто бежит. Подальше. Прячется в лесу, в горах, жрет черт-те что, воюет со зверьем и первые дни совершенно счастлив. Только больше месяца никто не выдерживает — возвращаются, и все по новой... Так-то.

— Зря ты здесь сидишь, — сказал Ксавье, — ревматизм ловишь. Потому и мысли у тебя такие. Шел бы к костру, что ли. Погрелся бы, послушал — разве плохо?

Хьюг с интересом посмотрел на него:

— А что, историю про трех баб на леднике там еще рассказывают?

— Рассказывают.

— А про домик в саванне?

Ксавье кивнул.

— Я так и думал, — сказал Хьюг. — И зачем мне идти? Себя я могу и здесь послушать. Три года, знаешь, слушаю — не надоедает.

— А ты других послушай.

Хьюг сморщился, будто сжевал лимон. Что-то я не то сказал, подумал Ксавье. А ведь и верно — чушь. Где их взять, других этих?

— Ну, сам бы рассказал что-нибудь такое... невыдуманное. Ты же можешь, у тебя опыт.

— Могу, — согласился Хьюг. — Только не хочу. Знаешь, почему? Смотрю вот я сейчас на тебя и думаю: каким же наивным, до слез трогательным дурачком я был три года назад... не обиделся? Не обижайся, ты не один такой, там у костра таких двадцать человек... терпят друг друга, не расходятся. Двадцать крепеньких таких Хьюгов Огуречниковых... И ты тоже Хьюг, а я — Ксавье. Только потрепанный. А самым молодым, знаешь, даже нравится, что каждый встречный для них — ожившее зеркало. Ты женатый?

— Нет.

— Женись, — сказал Хьюг. — Непременно женись, у женщин же совсем другой прототип, хоть отдохнешь... Женись, пока и тебя на край не потянуло. Кандидатура есть?

Ксавье помялся. Кивнул.

— Есть. — Ему вдруг захотелось поделиться с Хьюгом тем, чем он не делился еще ни с кем — единственным

сном, который он ни разу не решился рассказать. — Ее зовут Клара...

— Как-как? — перебил Хьюг. — Клара, говоришь?

Ксавье запнулся.

— Д-да. Клара. А что?

— Да нет, ничего, — Хьюг зачем-то отвернулся в черноту. — Хорошее имя.

Стрельба снаружи совсем прекратилась. Стало тихо, только где-то очень далеко гудело пламя, вылизывая пустые коробки зданий, да иногда с шумом, похожим на тяжелый вздох, рушились перекрытия. Тишина отчетливо выдавала подготовку к новой атаке, Гуннар почти ощущал, как выдвинутые из глубины резервные роты занимают исходные позиции. Выродки этого не ощущали. Старикан сидел и тяжело дышал, как жаба, издыхающая под лучами солнца, а рыжий приподнялся, пошарил под собой и неожиданно вытащил сверток.

— Цела? — ожил старикан.

— Цела. Помялась только.

— Что за вещь? — спросил Гуннар, настораживаясь. На оружие было не похоже, но от выродков всего можно ожидать.

Рыжий раздраженно развернул сверток.

— «Хроника одного свершения». Старая книга. Точнее, рукопись. В подвале не все сгорело.

Гуннар мельком взглянул. Внутри свертка оказалась кипа тонких листов, вроде тех, на которых рисуют пиктограммы. Ничего опасного.

— Зачем?

— Чтобы читать, дикарь. Ты хоть читать-то умеешь?

Гуннар сел на пол спиной к стене, держа автомат между колен. Занятные твари эти выродки, правду говорят, что долго смотреть на них вредно. И внеочередную комиссию придется из-за них проходить, это ясней ясного. Может быть, пристрелить? Нет, попозже.

— Я не дикарь, а человек, — лениво сказал он. — А ты выродок, вот ты и читай. Мне читать незачем.

— Он книг никогда не видел, — встрял старикан.

Выродки снова переглянулись. Рыжий с безнадежным видом покачал головой:

— А еще говорили, что мы ошиблись с выбором прототипа... Какой там прототип. Это система.

— Эй, ты! — Пришлось поднять автомат.

— Что это за здание? — засипел старикан. У него был скорбный вид школьного учителя, объясняющего непосильную задачу сопливому кандидату в отклонутики. Гуннар усмехнулся. Ну-ну.

— Библиотека.

— Зачем она?

— Здесь хранится ненужное. Это все знают.

Рыжий замычал, раскачиваясь.

— Вот как, — сказал старикан. — Ненужное. Ты здесь бывал когда-нибудь раньше?

— Нет.

— Запрещено?

Гуннар не выдержал — фыркнул. Ну, дают эти выродки! Смех, да и только.

— Ничего не запрещено. Сюда можно входить любому, у кого есть дело. У меня дела не было, и я не входил.

— Ты слышал? — спросил рыжий. — У него не было дела.

Гуннар мельком взглянул в окно. Ему удалось охватить взглядом всю площадь. Там было мертво и сумрачно, свежие трупы уже успело припорошить копотью, и они мало отличались от вчерашних. Над площадью висела осторожная тишина. Новая атака могла начаться каждую минуту.

— Ты почитай ему, — просяще сказал старик. — Почитай, пожалуйста, вдруг он поймет, это же история... Вслух почитай. — Он придвинулся и затеребил рукав рыжего. — Андрей, ну не надо так, ну я прошу тебя, почитай, ведь не может же быть, чтобы он ничего не понял, не верю я в это... Ну хочешь, я ему почитаю...

— Да хватит тебе! — угрюмо сказал рыжий. — Не мечи бисер. Безнадежно, видно же... Ну, на, читай, если хочешь...

— Извини, — тоскливо сказал старик. — Это я, наверно, сдуру. Понимаешь, очень жить хочется...

Судили Лисандра Парахони, проходчика. Дело было нешуточное: впервые на планете произошло умышленное убийство. Мало того что оно было бессмысленно-жестоким, оно вдобавок случилось на участке Ксавье, и это было неприятно, как заноза. Ксавье ловил на себе чужие взгляды, иногда сочувствующие, но большей частью просто любопытные, и от этих взглядов становилось тошно. Хотелось

куда-нибудь сбежать и остаться наконец одному, но сейчас это было невозможно. Ну зачем, зачем, спрашивал он себя, этому дураку понадобилось убивать?!.

Оба работали в боковом тоннеле — Лисандр Парахони и Хьюг Огуречников. Что там между ними произошло, осталось неясным, только Лисандр вдруг набросился на Хьюга, как безумный, ударил его о скалу и, когда Хьюг упал, разбил ему голову несколькими ударами камня — в кровавую кашу. Когда его хватали, он был в полной прострации и не оказал сопротивления.

Судили на центральной площади городка — в столице не нашлось здания, способного вместить половину населения планеты. Если бы смогли прибыть все желающие, не хватило бы и площади. Для зрителей были поставлены скамьи, под крышами близлежащих зданий висели репродукторы. Маленькое белое солнце, с утра уже нестерпимо яркое, заливало площадь потоками жгучего света. Было жарко. Над толпой витал крепкий запах пота, и очень тянуло назад, в прохладную глубину тоннеля — отдышаться, а потом, может быть, постоять на том месте, где погиб Хьюг, провести ладонью по влажной шершавой стене. Как же это ты, Хьюг? Вот там, недалеко, до поворота и налево, мы с тобой сидели и разговаривали, и ты задавал мне странные вопросы: смогу ли я спрыгнуть, например. Ты спрыгнул, Хьюг. Наверняка ты сам спровоцировал этого Лисандра, спасибо тебе, Хьюг, что не меня...

Говорил Менахем Чжэн Вэй, судья, единственный пока юрист на планете. Вступительная речь была краткой. Излагались обстоятельства дела, была сделана специальная оговорка, что процесс, в соответствии с Уставом Покорителей, будет проходить по земным правовым установлениям, в каковые, к прискорбию, придется-таки внести определенные изменения, обусловленные катастрофической нехваткой юридических кадров. Какое-то время ушло на выдвижение и избрание присяжных и общественного обвинителя. Долго не могли найти защитника, пока, наконец, не выбрали какого-то лесоруба, проголосовав за лишение права самоотвода. Лесоруб был красен, кричал: «А почему я??» и вызывал сочувствие. Подсудимый сочувствия не вызывал — обращенные к нему лица людей были угрюмы. Ксавье с недоумением отметил отсутствие какой бы то ни было охраны или конвоя — Лисандр неподвижно, как истукан, сидел за символическим барьером с краю судейского помоста, и за ним не было никого, ни одного человека, только короткая

пустынная улица — несколько десятков хороших прыжков, а дальше — нетронутый лес, поди его там поищи. Захочет бежать — убежит, оружия что-то ни у кого не видно. Не хочет... Что-то немного в нем смирения, подумал Ксавье, — должно быть, просто понимает, что лучше понести наказание от людей, чем рано или поздно быть сожранным гиено-львом. Это он правильно понимает. А интересно, есть ли среди уже синтезированных хоть один со специальностью тюремщика?

Когда подошла его очередь, он дал свидетельские показания — ни у адвоката, ни у прокурора вопросов не возникло. Лисандр, кажется, не слушал вовсе, и Ксавье избегал на него смотреть. Вот нас уже и девятнадцать, с горечью подумал он, возвращаясь на свое место. Из двадцати одного — девятнадцать, и те уже врозь. Ничего, скоро пришлют новых, свежесинтезированных — молодых ослов, любителей занимательных баек под треск горящего валежника...

— Подсудимый, вы признаете себя виновным?

Лисандр очнулся, завертел головой. Словно пытался сообразить, где это он находится и почему.

— Господин судья... то есть, э-э... ваша честь... — слова шли из него с трудом, — я бы это... Я бы хотел сделать заявление.

— Подсудимый, — судья повысил голос, — вы признаете себя виновным?

— Д-да, — сказал Лисандр. — Я признаю. А вы?

Менахему пришлось постучать по столу — шум среди зрителей утих.

— Секретарь, зафиксируйте: подсудимый признает себя виновным в убийстве Хьюга Огуречникова, двух лет десяти месяцев, монтажника, члена Лиги Ветеранов. Подсудимый, признаете ли вы, что совершили убийство с заранее обдуманным намерением?

— А? — спросил Лисандр. Адвокат-лесоруб, красный как рак, наклонился к его уху и что-то сердито зашептал. — Что-о? — Лисандр вскочил с места. — Какое еще намерение? Я кто, по-вашему? — он уже кричал. — Да любой бы его убил, не я один, любой бы не стерпел! И вы бы убили! Что, нет? Да я такой же, как вы! Да у нас с вами один общий прототип!..

Площадь зашумела. Судья заметно сконфузился:

— Подсудимый, сядьте. Я просил бы вас впредь не употреблять непристойных слов...

Сейчас начнется, подумал Ксавье, морщась — кто-то орал над ухом. Скотина этот Лисандр, знал куда ударить, и самое противное, что он прав. Никто здесь не имеет права его судить, ни у кого из нас нет для этого моральной опоры, да и откуда ее взять. Какая разница! Так или иначе его осудят, разве что Менахем надолго потеряет душевное спокойствие. Только Хьюга уже не вернешь...

— Кого?! — несся крик. Лисандр пытался перекричать толпу. — Себя! Себя судите, вы! Вы и я — мы же одно и то же, одного корня, да что там, мы этот самый корень и есть, у нас у всех один и тот же прототип... Прототип, я сказал! Вы точно такие же, как я, почему бы мне не судить вас так же, как вам меня!..

Ксавье встал и, наступая кому-то на ноги, стал выбираться из толпы. Ему очень хотелось остаться и посмотреть, чем тут кончится дело, но приходилось выбирать одно из двух. Времени оставалось не так чтобы очень много. Он прикинул: успею. Если повезет взять у кого-нибудь на время винтолет, а еще лучше орнитоптер, то вполне можно будет слетать в долину Счастья — красота там, говорят, необычайная. С Кларой... Он на ходу зажмурился, представляя, как это будет. Только бы она согласилась, только бы ее отпустил этот Шлехтшпиц. А почему бы, в конце концов, и нет?

Он пошел быстрее. Позади еще раз взвыла толпа — вся разом — и, перекрывая ее рев, донеслось уже знакомое: «А я такой же, как вы!..» Прочь, прочь отсюда! Ноги несли его сами. Прочь от ваших собраний, от ваших судебных процессов, от ваших очень больших и нужных дел — не сейчас, потом! От вашего Устава Покорителей — прочь! Не время. Сейчас время только для нее одной, для единственной, и пусть кто-нибудь попробует меня остановить!.. Пусть попробует. Да. А потом, когда вернемся из долины Счастья, я покажу ей свой виадук...

«Родильный дом» располагался на самой окраине поселка, и Ксавье, подгоняя себя, срезал путь через рощицу. Здесь он задержался, чтобы нарвать цветов — крупных и желтых, источающих тонкий волнующий аромат. Торопясь, он обрывал со стеблей листья, выравнивал цветы по высоте — Кларе должно понравиться. «Ему было три месяца, он шел на первое в жизни свидание», — почему-то пришло в голову, и Ксавье, поморщившись, выгнал эту мысль вон. Он миновал обширный двор и остановился перед входом в здание. В дверях, мешая пройти, торчал знакомый санитарный робот, тот самый, что когда-то выкручивал ему руки.

Пес-бульдог с мертвой хваткой. Страж покоя, специалист по утихомириванию новорожденных — с новорожденными это у него получалось. Но сейчас Ксавье чувствовал в себе достаточно силы, чтобы разломать его голыми руками.

— Отойди, — сказал он.

Самым удивительным было то, что робот подчинился — откатился в сторону и даже развернулся вполоборота, будто привратник, приглашающий войти. Ожидая подвоха, Ксавье проскользнул внутрь и мягко зашлепал по коридору — так и есть, привратник, шурша, покатился следом. Черт с ним. Где тут Клара?

— Прошу вас подождать в приемной, — суконным голосом объявил робот. — Это направо. Я попрошу, чтобы к вам вышли.

Ну попроси, попроси... Ксавье вошел в приемную. Привратник был прав. Не рыскать же в самом деле по всем холлам и палатам — неловко может получиться, и персонал будет в справедливой претензии. Интересно, кто выйдет? Только бы не Шлехтшпиц...

— Вы ко мне?

Ксавье обернулся. Это была Клара.

Он нерешительно переступил с ноги на ногу, открыл рот, собираясь как-то начать, и вдруг понял, что сказать ничего не может. Это была Клара. Она. Единственная на свете, других таких нет. И не было, и никогда не будет. Она ждала и смотрела на него, прищелкивая в нетерпении пальчиками, а он, растеряв все слова, стоял и молчал, забыв закрыть рот, все более поддаваясь тихой панике, и не мог выговорить ни слова. Он знал, что нужно говорить в таких случаях. Но это была Клара, и заготовленные заранее фразы, придуманные человечеством в незапамятные века, казались сейчас беспросветно убогими, и было мучительно, и было невозможно... Мелькнула мысль: тот, кто умеет говорить о своей любви — не любит. И от этой мысли стало немножко легче.

— Так вы ко мне?

— Д-да, — с трудом выговорил он. — Вы... вы меня помните?

Она покачала головой.

— Я был у вас около трех месяцев назад, — сказал Ксавье, — пациентом. Я еще окно тогда разбил, помните?

— Не вы один, — Клара пожала плечами. Эти плечи хотелось обнять. — Все бьют. Так что вы мне хотите сказать? Только быстрее, прошу вас. Вы по делу?

Она была равнодушна. Она была неприступна, как снежный пик. От нее веяло холодом.

— Я вот что, — сказал Ксавье. — Я тут э-э... проходил мимо и подумал... — «Господи, что несу!» — ужаснулся он. — Я подумал, что, может быть, вы сейчас свободны и мы могли бы слетать вместе э-э...

— В долину Счастья? — спросила Клара.

— Д-да, — растерянно сказал Ксавье. — В долину Счастья. А как вы догадались?

— Все предлагают именно туда. Я вам нравлюсь?

Ксавье кивнул.

— Может быть, вы даже любите меня? — спросила Клара.

— Да, — сказал Ксавье. Он чувствовал, как его лоб покрывается бисеринами пота. — Да. Я вас люблю.

— Тем хуже для вас, — сказала Клара. — Впрочем, я вам сочувствую. Но, видите ли, дело в том, что я вас не люблю. Я вас даже не помню.

Ксавье отступил на шаг. Украдкой облизнул пересохшие губы. Что ж, этого следовало ожидать, к этому надо было быть готовым. Тоже мне — размечтался, расслабился... Лопух. А ведь она права: кто я такой, чтобы мечтать о ней? Нет, надо начинать как-то иначе, с нуля, может быть, с примитивных традиционных ухаживаний, настойчиво и расчетливо, как это ни противно...

— Не надо, — сказала Клара. — Пожалуйста, не надо. И цветов тоже не надо, пожалейте рощу. Уходите, прошу вас.

— Почему? — спросил Ксавье. Перед глазами у него плыло. — Я вам неприятен?

— Вы мне безразличны. Извините меня, но мне сейчас действительно трудно. Может быть, вы избавите меня от объяснений?

— Да-да, — Ксавье кивнул, и слипшаяся прядь волос упала ему на глаза. — Конечно. Разумеется. Могу я прийти еще?

Она покачала головой.

— Но почему?!

— Потому что прошло время, когда меня это забавляло, — сказала она. — Вы еще не поняли? Ведь говорили же вам, что вы сюда еще вернетесь... да мы каждому это говорим. И никто не делает выводов. Возвращаются, лепечут, потеют... Одно и то же. Обычно по одному в день, это бы еще ничего, но сегодня из-за этого суда вы у меня уже

третий. Одно и то же, одно и то же... все вы одинаковы. Максут говорит, что это что-то вроде первой детской любви, со временем проходит. Не приходите больше, прошу вас. Не придете?

— Приду, — упрямо сказал Ксавье. — Врет ваш Максут. У меня это не пройдет.

Она пожала плечами. Ее белый халат мелькнул в дверях приемной, превратился в светлое пятно в полутьме коридора. Она уходила — навсегда. Ксавье чувствовал, что навсегда.

— Стойте! — крикнул он вслед. — Хоть скажите: каким нужно быть, чтобы вам понравиться?

Светлое пятно колыхнулось — Клара оглянулась через плечо. Ксавье был рад, что не видит сейчас ее лица. Мысленно он обозвал себя идиотом. Вопрос был из проигрышных, хуже некуда.

— Вам это действительно нужно знать?

— Да! — рявкнул он. — Мне это нужно знать! Так каким?

Светлое пятно пропало, видимо, Клара свернула в боковой коридор.

— Не таким, как вы, — донеслось уже откуда-то издалека. — Всего вам доброго...

Бормоча под нос ругательства, Ксавье двинулся прочь. Он чувствовал себя униженным. Униженным сознательно, будто с ног до головы облитым жидким пометом — не отмыться. «Не таким, как вы!» А каким?! И ведь верно, предупреждали же: «Мы знаем, когда вы к нам вернетесь и зачем вы вернетесь...» Знали заранее, сволочи!

В здании было тихо, оно казалось вымершим. В мусорном баке на выходе Ксавье заметил букет цветов — точно таких же желтых бутонов, еще не увядших, ярких. Сегодняшние... Поколебавшись, он бросил в бак и свой букет. Все.

Тень от «родильного дома» осталась позади, в затылок уперлось яростное солнце. На этот раз робота нигде не было видно — его счастье — зато откуда-то совершенно неожиданно вынырнул Шлехтшпиц. На его лице было написано сочувствие.

— Отвергла? — спросил он, поравнявшись. Ксавье бросил на него мрачный взгляд. — А объяснила, почему?

— Потому что я такой же, как все, — сказал Ксавье со злостью.

— И правильно, — Шлехтшпиц кивнул. — Так и дол-

жно быть. Женское тщеславие подпитывается не количеством претендентов, а их разнообразием, вы этого не замечали?

— Тварь, — пробормотал Ксавье. — Что ей нужно?

— Ну-ну, — мягко возразил Шлехтшпиц. — Это вы с досады, это пройдет. Да вы ведь и сами понимаете, что не правы, разве нет? А вы попробуйте ее пожалеть: она же несчастная женщина, сразу видно... Вот приходите года через три, сами увидите, что Клара, если все еще будет свободна, встретит вас совсем по-другому и, очень может быть, вы ее заинтересуете. Все зависит от того, в каком направлении вы будете эволюционировать. Мы одинаковы, это так, но все же работа у всех разная, обстановка разная, и значит, люди рано или поздно начнут изменяться, каждый в свою сторону. Человек, простите за банальность, продукт среды, и от эволюции нам никуда не деться...

— Это вы каждому советуете приходить через три года? — перебил Ксавье, ускоряя шаг — очень хотелось уйти. Шлехтшпиц не отставал.

— Вам плохо, я вас понимаю, — рокотал он над ухом. — Всем сейчас плохо, я по роду профессии обязан это знать, но мне кажется, мы имеем дело со случаем, не требующем какого-либо специального вмешательства — я говорю об обществе в целом... Все образуется само собой, а когда подрастет новое поколение, то поверьте, никто и не вспомнит о наших нынешних проблемах. Ничего не потеряно, мы еще поживем в нормальном человеческом обществе... оно будет даже лучше земного, потому что издержки уйдут со временем, а достоинства останутся. У нас будут нормальные человеческие отношения, мы еще поломаем головы над общечеловеческими проблемами, и кто знает, не будут ли когда-нибудь эти проблемы решены именно здесь?.. Я в это верю. А вы верите?

— Да, — сказал Ксавье, чтобы отвязаться. — Да, конечно. Спасибо вам, Максут, вы мне помогли. До свидания.

Шлехтшпиц наконец отстал. Какое-то время Ксавье шел, не видя куда, пока не сообразил, что вышел на улицу, ведущую к площади. Голова была набита чем-то горячим. Или это солнце? Он приложил ладонь к затылку — да, действительно... Здорово сегодня печет. Душно и тесно, как в электропечи, и дышать нечем. Мозгу тесно...

Улица была пуста, только навстречу по противоположному тротуару шел Леви Каюмжий, и было заметно, что

он торопится. На оклик Ксавье он отозвался со второго раза, зато подошел с какой-то чрезмерной готовностью.

— Ты далеко? — спросил Ксавье. — Может, вместе?

Леви помялся, переступил с ноги на ногу:

— Понимаешь, у меня тут дела...

— Дела, — сказал Ксавье. — Ну ладно. Суд, как я понимаю, уже кончился?

— Н-да, — сказал Леви. — Вроде того.

— А Лисандр?

— А что Лисандр? — Леви виновато улыбнулся, развел руками. — Убили его. Как пошла толпа рвать... Дурак он, ну кому может понравиться, что его называют убийцей?.. Вот так вот. Каждый по разу — там уже и смотреть не на что. Лесоруб, говорят, старался очень, только я не видел, я далеко был, не пробиться... Менахему тоже попало, тоже не на своих ногах ушел...

— А-а, — сказал Ксавье. Перед глазами на миг стало темно, но только на миг. — Ну ладно, иди, не буду задерживать...

Сворачивая на площадь, он оглянулся — на опушке рощицы Леви торопливо рвал желтые цветы.

— Ну, хватит, — сказал Гуннар. Старикан заткнулся и заморгал воспаленными глазами. — Все это вранье от начала до конца. Такого не могло быть.

— Это уникальный документ, — зло сказал рыжий. — Ваша история, дикарь.

Все-таки он прямо напрашивался на то, чтобы его пристрелили. Гуннар сплюнул. Надо же додуматься: записать в предки людей чуть ли не выродков, а уж отклонутиков — точно. Каждый знает, что отклонутики не могут иметь потомства, в лагере им не до этого. Предками людей могут быть только люди.

— Последний раз спрашиваю, — сказал Гуннар. Пора было кончать. — Кто из вас встанет у десинтора?

— Это не десинтор, дикарь, — процедил рыжий. — Это аварийное сигнальное устройство для планетарных катеров. Вроде ракетницы. У нас нет настоящего оружия. Не для того к вам летели.

— Убийцы, — хрипло сказал старик. — Они и нас сделали убийцами. Всех... Если мы даже вырвемся, мы не должны возвращаться...

— Ты, — решил Гуннар, указав на рыжего стволом автомата. — Встать!

Черная коробочка радиотелефона жгла ладонь. Ксавье Овимби еще раз набрал код Севера. Прислушался. В эфире опять не было ничего, кроме незначительных помех, тогда он, чертыхнувшись, дал отбой и стал размышлять, что все это может значить. Западный сектор замолчал еще вчера и до сих пор не удалось выяснить, что там могло случиться, а теперь вот еще и Северный... Авария? Он пощипал себя за подбородок. Гм... Ясно, какая там авария, — после того, как во время вчерашнего безобразия Директору залепили в лоб железным болтом, можно ожидать чего угодно, говорил же я ему: не суйся ты на площадь, народный лидер, без тебя справимся... Не послушал, а кому теперь расхлебывать?

Он позвонил на Юг, поинтересовался у Сантос-Пфуля, прибыла ли отправленная вчера колонна грузовых «диплодоков», и, узнав, что не прибыла, скрепя сердце подарил сектору один день на то, чтобы войти в график работ и впредь из него не выбиваться. Его не покидало ощущение, что одним днем здесь не обойдется. Сначала Курлович, потом Сантос этот Пфуль... Тупик.

Вошла секретарша Директора, принесла кофе. Ксавье проводил взглядом ее ножки. Топ-топ. Ладно. Не забыть сказать ей, чтобы позвонила домой, предупредила, чтобы рано меня не ждали, а пока пусть продолжает вызывать Север и Запад каждые полчаса. Нет, каждые пятнадцать минут...

Он шумно выпил кофе и набрал код Восточного сектора. Чей-то незнакомый голос оглушительно спросил, чего надо. Ксавье отдернул коробочку от уха и, сатанея, попросил Курловича. В ответ донесся смешок, было слышно, как на том конце зашаркали чьи-то ноги, зашелестел приглушенный разговор, прервавшийся взрывом гогота, и наконец послышалось очень тихое «да?» Бенедикта Курловича.

— Здесь Овимби, — сказал Ксавье. — Как идет работа?

— Какая работа? — спросил Курлович еще тише, и где-то неподалеку от него опять заржали. — А-а, работа... Да нет тут никакой работы. А где Директор?

— Я! — рявкнул Ксавье. — Я Директор! Полномочия временно переданы мне, это ты запомни. У тебя связь с Западом есть?

— Нет.

— А с Севером?

— Нет.

Ксавье почувствовал, что багровеет. Значит, это серьез-

но, значит, вчерашние симптомы были не случайны, и похоже, это только начало. Как они там кричали: «Мы такие же, как вы»? Черта с два. Почему-то их особенно раздражает закон об образовательном цензе для занятия административных должностей. Глупо же. Амебе ясно, что иначе нельзя, иначе землянам светит явиться на пустое место. Ну подождали бы год, ну два, а там можно было бы принять положение, разрешающее смену профессии, развернуть систему переподготовки — так ведь не терпится же! Любой штукатур не в состоянии пережить, что Ксавье Овимби, скажем, может по жребию стать координатором всего строительства и даже Директором, а он, штукатур, не может, хотя он точно такой же. А предложи ему это самое директорское место — отпрянет в испуге. Потому как знает: тяжело, ответственно и медом не намазано.

— Ты там поосторожнее, — помедлив, сказал радиотелефон. — Мои орлы в столицу двинулись, ты их не очень задерживай, ребята злые... — «Что-о?!» — закричал Ксавье, но связь уже прервалась. Он швырнул коробочку на стол. Выругался. Происходило черт знает что.

В одном Южном секторе полторы тысячи человек, и если даже возмутились только лишь строительные рабочие, что маловероятно, то и тогда закону об образовательном цензе осталось жить считанные часы. Но если Север и Запад тоже двинулись на столицу... Ксавье зажмурился. Их нельзя пускать, подумал он. С ними нужно договариваться не в столице, уже одно это — проигрыш, их нужно встречать на подступах, дополнительно укрепить завалы. Может быть, приказать взорвать один-два моста? Нет, не надо их злить. И никакого оружия. А надо послать людей, чтобы их задержали, пусть говорят, что Директор внес новые предложения, учитывающие требования неквалифицированного большинства, пусть говорят что угодно, только пусть задержат толпу, толпа — это страшно. Противопоставить некого: два десятка человек служилой братии, десяток специалистов, случайно оказавшихся в городе, несколько женщин... Нет, женщин не нужно. Сейчас же собрать всех, кто готов помочь, — только добровольцев, это очень важно, — проинструктировать, направить... Шлехтшпица и Риплинга — обязательно, психологам там самое место...

Пискнул, вызывая, внутренний телефон и тут же мелко-мелко задребезжало стекло. Послышался нарастающий гул. Ч-черт! Ксавье метнулся к окну, уже зная, что сейчас

увидит. Опоздали!! Прижав лицо к вибрирующему стеклу, он смотрел, как падают деревья, как из леса на дорогу выползают тяжелые машины — одна, две... Много. Пропавшая колонна возвращалась. В грузовых бункерах «диплодоков» было черным-черно от людей, и на дороге было черным-черно — к столице неслась бурлящая человеческая река, люди уже бежали. Оранжевыми кораблями плыли грузовозы. Над головным выгибался и хлопал на ветру гигантский брезентовый транспарант, и нетрудно было себе представить, что на нем написано.

Телефон за спиной пищал. Головной «диплодок» с ходу протаранил завал и прошел сквозь него, будто и не заметил, — веером взлетели обломки. Донесся тысячеголосый восторженный рев. В доме напротив кто-то распахнул окно, высунулся посмотреть. Наверно, только что проснулся — морда недоуменная. Спокойно... Ксавье заставил себя отойти от окна. Полное спокойствие, никаких конвульсий. Капитулировать тоже надо уметь — с достоинством. Тем более перед такими же, как мы, перед такими же, как я, получается — почти что перед собой. К прототипу! Вас всех. Варите сами свою кашу, кушайте ее на здоровье, только не подавитесь... Он снял трубку:

— Да!

— Овимби? — Это был Максут. — Ксавье, ты? А где Директор?

— Я Директор, — сказал Ксавье, косясь на окно. — Пока что.

— Слушай! — закричал Шлехтшпиц. — Я нашел спецификацию, ты себе представляешь!

— Нет, — Ксавье мысленно выругался, — не представляю. Какую еще спецификацию?

— Спецификацию к инициализаторам! Я так и чувствовал, что она должна где-то быть! — Шлехтшпиц захлебывался. — Ни за что не поверишь, где она была, жаль, что не полная, четыре листа всего... Да! Держись крепче. Там у номера двести семь — его мы еще не синтезировали — знаешь какая профессия? Руководитель!

— Руководитель чего? — спросил Ксавье.

— Не знаю! — Максут ликовал. — Всего, наверное. Ру-ко-во-ди-тель! Вероятно, организатор, так надо понимать. Лидер.

Ксавье почувствовал, что у него темнеет в глазах. Он нащупал стол, оперся. Решение было рядом, только протяни руку. Есть выход, есть человек, готовый не кряхтя взять

на себя весь груз ответственности — хотя бы на первых порах, в первые годы, а потом все устроится... Поздно! Подлец этот Шлехтшпиц, нашел время порадовать! Знать бы это неделю назад, а лучше месяц... Он прислушался. Судя по звукам, толпа была уже в городе, растекалась по окраинным улицам, а авангард, прикинул Ксавье, через три минуты будет здесь. Что я им скажу, когда ворвутся? «А я, ребята, такой же, как вы»?..

— Ты вот что, — сказал он, помедлив. — Ты этот запал уничтожь, понял? Это не приказ, это совет и просьба. Плохо нам всем будет, если ты его не уничтожишь. И помалкивай там...

Когда автомат в его руках затрясся и выродков переломило очередью, ноги уже несли его к торцевому окну. Хэй, хэй, хэй!.. Снаружи доносились крики, топот сотен ног рассыпался в частую дробь. Размеренно работали пулеметы — площадь оживала атакой. Хэй! Он все-таки ждал до последней минуты, жаль, что не получилось... Очень жаль. Крепкие попались выродки. Если бы не внешность и не глупые слова — совсем как люди. И все равно они обречены. На настоящие дела способны только люди, это знает каждый школьник. Люди непобедимы. Все вместе, плечом к плечу, как патроны в обойме, под руководством Великого Человека... Только так!

Бесполезный десинтор мешал, и Гуннар отпихнул его ногой. Длинная очередь ударила по окнам здания, занятого выродками. Если они не смогут поставить защитное поле, на этот раз им не удержаться...

Хэй, хэй, хэй!

Следующий сук оказался крепким, и Ксавье осторожно, чтобы не сорваться, переместил на него свое тело. Рваная рубашка цеплялась за ветви, на коре остались кровавые пятна. Теперь можно было перевести дух. Гиено-лев ушел, но спускаться на землю вот так, сразу, было бы неосмотрительно. «А все-таки я его ранил», — удовлетворенно подумал Ксавье, и тут же, словно в ответ, из чащи донесся протяжный рев. Ага, вот он где... Ничего, уйдет. Хорошо, что гиено-львы не лазают по деревьям и не имеют привычки караулить, а то сидеть бы тут и сидеть...

Ему повезло, он это прекрасно понимал. Повезло, не-

смотря на то что зверь утащил в себе последний нож, а зажигалку еще предстояло искать где-то там, внизу, среди ободранных корней и хаоса развороченной земли вперемешку с прелыми листьями — гиено-лев, упустив добычу, перепахал лапами все, что только мог. Жаль, что зажигалку так и не удалось пустить в дело, хоть раз посмотреть вблизи, как горит эта зверюга, но тут ничего не поделаешь — уж очень неожиданным был прыжок.

Чепуха, главное — жив.

Морщась, Ксавье снял с себя рубашку — серьезных ран, как он и предполагал, не оказалось, зато царапин было множество, а на левом предплечье, задетом не то клыком, не то лапой, кожа была содрана на ширину ладони и висела лоскутом. Он оторвал рукав от рубашки, перевязал себя как мог. Обнаженная рука была грязна, и рукав тоже был грязен, но Ксавье не обратил на это никакого внимания: по-видимому, местные микроорганизмы за шестнадцать лет так и не смогли приспособиться к человеку. Пока что.

Он терпеливо ждал. Снова донесся рев, но уже значительно дальше, почти на пороге слышимости. Зверь уходил. Выждав еще час, Ксавье осторожно соскользнул на землю. Все было тихо. Мускулы слушались, тело было напряжено, и Ксавье не сомневался, что успеет взлететь на дерево раньше, чем какая бы то ни было тварь, возможно, скрывающаяся в кустах, дотронется до его кожи. Хорошее все-таки досталось тело — сильное и ловкое. Долговечное. Он усмехнулся: «Продолжительность вашей жизни будет увеличена в соответствии...» Похоже на то. Даже морщин за все эти годы почти не прибавилось, приятно, что жизнь удлиняется за счет молодости, а не старости. Ужасно не хочется быть стариком, разве старику в лесу выжить? Когда припрет?

И Стефания тоже практически не стареет. Сколько нам с ней сейчас — по сорок три? Иными словами, по тринадцать? Цветущий, черт возьми, возраст. Когда дети вступят в жизнь, родители будут еще ого-го!

Он отыскал зажигалку, сунул в карман. Теперь оставалось решить, что дальше. Возвращаться к людям? Гм... Разумеется, возвращаться, тут и выбора нет. Без ножа в лесу лучше не ночевать, существуют менее болезненные способы самоубийства. Хотя, конечно, с древесным чертом можно справиться и так, если он не свалится на голову неожиданно, а от свиньи-летяги можно попробовать увернуться — с

ее инерцией она не станет повторять заход, только взвизгнет режущим визгом, пробивая дыру в зеленой стене, и еще долго после нее будут сыпаться листья... Лучше, пожалуй, обойтись без этого. Он вдруг почувствовал, что рад тому, что приходится возвращаться, правду говорил когда-то Хьюг: больше месяца никто не выдерживает. И — по новой... Конечно, по новой, тут уж никуда не денешься.

До захода солнца он отмахал километров двадцать, последние три — по хорошему шоссе, похоже, проложенному через лес совсем недавно — Ксавье не помнил этого шоссе. Дорожный настил был свежим, было видно, что по нему еще никто не ездил, и в воздухе пахло связующей смолой. Наступление человека на планету продолжалось. Что ж, так и должно быть, подумал Ксавье. Здесь земляне не ошиблись, здесь они решили грамотно, дав нам желание работать и подарив Устав Покорителей, здесь через двести лет к вящей радости переселенцев будет полный успех и процветание. Вот только тоски нашей они не учли. Хьюга они не учли и его последователей, светлая им память. Отшельников, наверное, тоже не учли, хотя это спорный вопрос: Максут говорит, что любой-де грамотный социопсихолог в состоянии предсказать фазу отшельничества и даже ее конкретные сроки — в зависимости от обстоятельств каждого конкретного индивида. Врет, наверное.

Солнце уже садилось, когда он вышел из леса — шоссе, как он и предполагал, вело в город. Городок за последние годы сильно вымахал вширь, оброс административными зданиями и уже с полным правом именовался столицей. Лес отодвинулся от него километра на два, и с высоты холма городок был как на ладони. Ксавье остановился, глубоко вдохнул знакомый воздух. Желтая вечерняя заря висела над крышами, дробилась в дрожании горячих струй, поднимающихся от нагретых за день стен, а вон там, что-то плохо видно, должен быть «родильный дом», только там сейчас уже никого нет, склад запалов пуст и здание собираются снести, а парк расширить и устроить в нем рекреационную зону — аттракционы, бассейны и все такое... Ксавье даже сглотнул. Да, искупаться сейчас было бы в самый раз. Поплавать по-человечески. Э, ладно, на первый раз хватит и душа, но сначала я войду в дом, подумал он, — войду тихо, без стука и буду виновато смотреть, как у Стефании задрожат губы, как глаза Оскара раскроются до последнего предела, и как он бросится ко мне, захлебываясь радостным визгом, повиснет на шее, а маленькая Агнесса, конечно, за-

хнычет в своей кроватке, потому что ей не будет видно, но я подойду ближе, и она сразу успокоится и невозможно серьезно скажет: «Па-па». А потом еще раз: «Па-па...»

И тогда мне станет стыдно за то, что я ушел, и за свою записку, оставленную на столе, и ужасно захочется зареветь, как маленькому, но при Оскаре я, конечно, реветь не стану. Стефания все поймет, она у меня умница, зато Мария осудит безоговорочно и молча, а может быть, и вслух назовет мать тряпкой, о которую всякому подлецу не лень вытереть ноги. Подлец — это я. И еще эгоист, об этом уже было сказано со всей детской прямотой. Марии уже двенадцатый, и значит, впереди у нее самый жестокий возраст, когда еще можно заставить, но увещевать уже бессмысленно, а скоро и заставить не удастся...

«А может, не возвращаться?» — подумал Ксавье. Шоссе полого шло вниз, делая плавный поворот перед плантациями и коттеджами аграриев, и здесь он пошел быстрее. На крыльце крайнего коттеджа вразвалочку стоял кто-то полузнакомый — увидев Ксавье, он ухмыльнулся, отворил дверь и что-то крикнул внутрь. Ксавье скосил глаза — так и есть: наружу высыпало все семейство. Обсуждали вслух, качая головами, показывали пальцами. Он мельком осмотрел себя: ну и видок... Наука для юношества. Будь как все, не будь, как этот дядя, а то и над тобой будут смеяться... Остальные коттеджи выглядели пустыми, и Ксавье облегченно вздохнул. После известных событий, вошедших в историю под названием бунта Необученных, большинство населения покинуло пригороды, Шлехтшпиц уверял, что — временно. Но сейчас это было как нельзя кстати.

Миновав аграриев, он с разбега перепрыгнул кювет, сел на теплую землю и стал ждать. Идти в город до темноты было нельзя, теперь он это ясно понимал. И после темноты — подождать, пока угомонится юное поколение. Ветераны еще так-сяк, многие поймут и воспримут сочувственно: каждый же бежал, каждый пытался жить отшельником, мужчины почаще, женщины — пореже. Молодежь не простит. «Мари, это не твой папа такой ободранный? Он что, отклонутик?» Гадкое словечко, кто только выдумал? Дети... цветики... Заведут из окон, из-за углов пищащий концерт: «Отклонутик идет! Отклонутик!» Оскара начнут травить — старательно, как только дети и умеют. Мария окончательно перестанет разговаривать.

Когда же это началось? — подумал он. Вроде бы и недавно, еще до охоты на калек, правда, но заведомо позднее

бунта Необученных. Как же это мы упустили? Не додумали, не разглядели, а когда увидели, то было уже поздно. В какую голову могло прийти, что все то, с чем едва-едва смогли свыкнуться родители, покажется необъяснимо-привлекательным их детям? В противовес, должно быть. И никто ничего не противопоставил, да и что мы могли противопоставить, склеенные одноименные заряды — ни вместе, ни врозь. Что мы могли? У нас не было идеологии, у них уже есть. Идеология похожести: «А я такой же, как все!» Кто-то, конечно, не такой, гены берут свое, — ему же хуже, не такому. «А знаешь, папа, у Марго, оказывается, шрам на руке, синий-пресиний, а она скрывала, так мы ее теперь каждый день дразним...» Это когда-то, лет в девять. Ныне — бледное существо, затравленное, в глазах вечный испуг, в голове свистящий ветер несет обрывки... И — Мария. У нее все на месте, все в порядке, вот только отец с придурью, но и отца она скрутит в свое время, никуда он, голубчик, не денется...

Он поднял голову, плюнул в сторону города. Туда, куда ему предстояло идти. Их уже сейчас больше, чем нас, подумал он с ужасом. Их станет еще больше, а когда они вырастут, и потом, когда вырастут их дети... А через пять поколений — что будет тогда, когда идеология станет религией? Будут ли они сбрасывать со скалы непохожих от рождения — по-спартански — или дадут непохожему вырасти, в цивилизованном духе, чтобы дрожащая жертва попыталась оправдаться? И будут старательно, с усердием, замерять пропорции тела, фиксировать отклонения в поведении или словах, а какой-нибудь ученик ученика Максута Шлехтшпица представит специальные тесты, более строгие, чем раньше, и это сочтут шагом вперед...

А потом прилетят земляне... Господи, да мы же их не примем! Он вдруг понял это окончательно. Да, так оно и будет. Мы не отдадим им эту планету, да что там планета — мы не отдадим им свой способ жизни, они улетят ни с чем, ужасаясь и недоумевая, если только мы позволим им улететь, они улетят ни с чем...

Человек, сидящий на обочине, засмеялся. Он подозревал, что над этим уже хохотали, складывались, держась за живот, тысячи других, таких же, как он, людей, и еще будут смеяться тысячи таких, как он. И от этого он захохотал еще громче.

ТЕКОДОНТ

Особенно сильный удар тупым носком ботинка свалил его с четверенек на бок, и тотчас последовал еще один, заставивший захрипеть и скорчиться, — в солнечное сплетение. Били профессионально, но голову, живот и позвоночник не трогали, видно, был приказ не калечить, а ребра Пескавин прикрывал локтями. Сопротивляться было бессмысленно, он это понял сразу, еще до того, как отобрали стилет. Бежать тоже не следовало: тот третий, с кровяными кроличьими глазами, что встал у выхода из коридора на стреме, не выпустит, а если все же случится чудо — еще того хуже: найдут, не могут не найти, еще два дня здесь торчать. «Расположенный в одном из красивейших уголков Тверди, — пульсировали в голове фразы из путеводителя, — и окруженный живописными вершинами, заповедник в последние годы заслуженно приобрел славу наиболее посещаемого объекта всего Восточного Рукава. Горные озера с чистейшей водой, альпийские луга и величественные горы, окружающие Ущелье, придают заповеднику неповторимый колорит...»

Ему удалось откатиться к стене. Теперь эти двое мешали друг другу, удары пошли пореже и не такие сильные. Парни уже перестали шипеть при каждом ударе, как коты, и только посапывали: видно, выдохлись. «Хватит уже, — злобно подумал Пескавин. — Мне все ясно, понял. Добродушное отеческое внушение. Слушайся старших, не огорчай папу и маму».

Бить перестали. Он немного поворочался, покряхтел — «Талантливо изобразил в самом начале, что попали в пах, иначе бы не удовлетворились, добавили бы еще», — потом медленно поднялся на четвереньки. Дальше подниматься не стоило: внушение внушением, а в конце должен стоять жирный восклицательный знак. Ну, где он?

Пинок в шею бросил его лицом в пол. Теперь можно было встать, ребятки получили полное педагогическое удовлетворение. Педагог педагогу волк, подумал Пескавин, отклеивая лицо от пола. Каждый гад вокруг педагог, потому что учитель учит, а педагог внушает, а внушать все любят, это им только дай... Он помотал головой, разгоняя муть перед глазами. Муть раздвинулась, и из нее выплыли кроличьи глаза:

— Больше к мумиям не ходи. Понял?

Пескавин кивнул.

— Увидим еще раз — пеняй на себя. Дружеский тебе совет: улетай сегодня же. Помой морду и уматывай. Деньги есть?

Пескавин сглотнул слюну, пошевелил во рту языком — зубы целы, «восклицательный знак» пропал даром. Подавил желание ухмыльнуться.

— Какие там деньги. Билет есть. На послезавтра.

— Обменяй. Чтобы завтра мы тебя здесь не видели. Хорошо понял?

— Угу, — Пескавин снова кивнул.

— Не слышу!

— Я хорошо понял. — Поспешная фраза, запнувшись на вылете, прозвучала жалко. На всякий случай Пескавин громко хлюпнул носом. Кажется, получилось убедительно. Провинция... Там, где его знали, приходилось играть со всей отдачей — здесь клевали и на халтуру в четверть силы.

Педагогов черти уже унесли куда-то. Красноглазый, сворачивая в фойе, подмигнул с добрым юмором и, куражась, соорудил из пальцев бодливую козу. Пронесло. Морщась от боли, Пескавин кое-как отряхнулся, ощупал лицо — ничего, крови вроде бы нет. Хоть сейчас иди через толпу к кассе менять билет — рыло как рыло, никто и не обернется. Он тихонько выругался. Черт, угораздило же, чтобы и без денег, и облажаться, как последний ватрух! Ломтиками себя называют, пальчики ломают у мумий, а может, и не только у мумий, по всему видно, что не только. Местный прайд, ребята серьезные, цепкие, и работают, видно, чисто, чужаков неопрятных к пальчикам близко не подпустят. А без пальчиков — долгов по самые ноздри, опять набегаешься с высунутым языком и половую тряпку не раз из себя изобразишь к всеобщему удовольствию. Рифмач того и ждет.

Он уже знал местную цену пальчикам. Указательный и большой идут по триста, реализацией ведает мелкая фарца. Дешевка, но денег хватит разве на один, а для того чтобы оправдать полет на эту самую Твердь (с экскурсиями и проживанием в туристском приюте, оказавшемся вдруг дорогим отелем), их нужно четыре, это минимум. Да еще горное снаряжение. «Сволочи эти ломтики, — подумал он не в первый раз. — Из-за четырех-то пальчиков!»

Где он свалял дурака, он и сам не понимал, и это было самое противное. А было так. Вчера, проплутав весь день в горах — нарочно вышел с утра и отправился в другую сторону, — он к вечеру одолел перевал в Ущелье Каменных Мумий. Все было тихо. Экскурсанты уже убрались, да и вообще в этот конец Ущелья мало кто заглядывал. Солнце уже упало за горы, снег сделался серым, а выходы скальной породы чернели, как зевы пещер. Быстро темне-

ло, и времени было в обрез. Ему повезло сразу же. То ли здесь недавно расчищали, то ли снег подтаял и осел, но первая же мумия повергла его в шок. Позавчера ее здесь не было. Он напряг память. Точно не было. Такие долго не стоят. Их либо перетаскивают в начало экспозиции, где и охрана и все такое, либо охрану опережают ломтики и тащат мумию через дальний перевал, а как и куда потом вывозят — о том лучше спросить их самих, да что-то никто не спрашивает. На том перевале, по слухам, снег не успевает заносить россыпи стреляных гильз и среди куч брошенного барахла все еще отчетливо виден остов боевой платформы, не то потерпевшей аварию, не то сбитой ракетой «земля-воздух». И второе скорее, чем первое.

Собственно, мумий было две. Женщина с ребенком на руках, оба каменные, и одежда на них, та, что еще сохранилась, тоже каменная, ломкая, как старый целлулоид. Ишь ты, повернута спиной к выходу из Ущелья, согнулась над ребеночком-то, загораживает, стало быть. Как же, загородишь от того, что тут было! Очень даже! Пескавин негромко рассмеялся. Такая удача ему и не снилась. Мать, защищающая дитя! Да за такой классический сюжет любой ненормальный коллекционер, а они все ненормальные, отвалит кусков пятьдесят и не вякнет! Это вам не пальчики отломанные, это вещь!

За надсадным визгом резака (нечего было и думать тащить через перевал ее всю, взять хотя бы верхнюю половину с ребенком — и то килограммов пятьдесят) он не сразу услышал гул вертолета. А когда услышал, сделал все как надо: разбрасывая снаряжение, кинулся вверх по склону, обходя нависший снежный карниз, успел влезть и спустил лавину как раз тогда, когда из-за поворота Ущелья показались бортовые огни. Уже совсем стемнело. Укрывшись за гребнем, Пескавин наблюдал, как вертолет порыскал туда-сюда, высматривая, потом завис, осветил прожектором сошедшую лавину с выдавленным на поверхность рюкзаком, нетронутую лавиной мумию, валявшийся рядом брошенный резак. Садиться не стал, повисел немного, развернулся и унес свои огни и гул винтов туда, откуда прилетел. Мордам из охраны все было ясно. Спугнули шустрого ломтика, ломтик кинулся бежать и угодил под лавину. Туда ему и дорога. Пескавин тихо выматерился. Мумия уходила из-под носа, нечего было и думать к ней возвращаться. С вертолета-то ее тоже разглядели, запросто могут вернуться со специалистами и оборудованием, выворотят по всей науке

из снега, выковырнут и перетащат в зону обозрения. Было обидно. Он вернулся в отель, не догадываясь о том, что завтра утром будет настойчиво приглашен в пустой коридор. Утренний моцион вышел боком.

У себя в номере Пескавин первым делом обозрел себя в зеркало. Так и есть, всего лишь маленькая ссадина в верхней части лба, почти не заметно, но лучше будет зачесать волосы на другую сторону. Вот так. Совсем другое лицо. Хм, а зачем оно нужно, другое лицо? Рискнуть? Можно и рискнуть, я для них теперь козявка раздавленная, медуза на берегу, им, гадам, предположить такую наглость и на ум не придет... Стой, дурак, сказал он себе. Тебя же пожалели, они же сами имели глаз на ту мумию, а ты и нагадил под носом, шкодник. Счастлив должен быть, что жив, светиться должен радостью, петь и плясать должен, если порядочный человек, а не сукин сын! Он порылся во внутреннем кармане куртки, полный скверных предчувствий, вынул и развернул бумажку. Мало, ох, мало. Единственный пальчик, добытый на давешней экскурсии, да и тот мизинец. Теперь он был сломан, раскрошился на части от удара ботинком. Та-ак. Пескавин несколько раз сжал и разжал кулаки, потом облизнул пересохшие губы. Съел, дружок, вкусно? Это тебе Твердь, не что-нибудь, а где и когда на Тверди наносили одиночные удары? Здесь не просто бьют, здесь добивают. Сам же и виноват, нельзя было все надежды на будущее связывать с этой поездкой. Кто там сказал: светиться радостью? Рифмач, если будет в настроении, сощурится, зевнет в лицо всей пастью и под гыгыканье подпевал выдаст что-нибудь вроде: «Как здоровьице, сынок, много бабок приволок?» — и станет ясно, что теперь самое время начинать каяться, ползать на брюхе и плести слезливую ахинею. Занятие вполне бессмысленное, но — ритуал, поучительный для многих. Никого не интересуют басни — попытка выползти из-под Рифмача обнаружена и прощена не будет. Тут хорошо, если какой-нибудь умник из молодых и неотесанных сунется подсказать Рифмачу рифму, а Рифмач этого не терпит и непременно возьмется сам насовать умнику в личность, а там, глядишь, и отложит на время науку шустрому выползку. Но не забудет — это точно.

В кассе он обменял билет на корабль до Хляби («Есть только на грузовой рейс, будете брать?» — «Еще как буду»), сгреб сдачу и огляделся. Глаза за ним вроде бы не было. Через фойе стадом шла большая группа экскурсан-

тов. Последний шанс, прежде чем исчезнуть, решил подразнить. Сейчас эта группа прошаркает ногами по скользкому мрамору, пройдет мимо касс, мимо автоматов с сувенирами, мимо двух скучающих сотрудников внутренней охраны и погрузится в туристский автобус, галдя и предчувствуя впечатления. И тогда шанса уже не будет, а будет нудное ожидание рейса, попытки склеить поломанный пальчик и долгий путь в тесной грузовой банке, где, говорят, даже коек на всех не хватает, так и спят по очереди, как в подводной лодке. Пескавин оторвал лопатки от стены и, непроизвольно оглядываясь, направился к выходу. Кажется, все было чисто. Никто не двинулся, и даже знакомый фарцмейстер Детка, мелкий жучок из самых лопоухих, который и сегодня, как всегда, торчал в дверях, выискивая клиентуру, не повернул головы в его сторону. «Обратно только перевалом, — решил он, ввинчиваясь в толпу и уже подмаргивая какой-то яркой девице. — В крайнем случае с другим автобусом, впритык к рейсу. И в гостиницу не соваться». Ему вдруг стало весело: он сообразил, что забыл в номере почти весь остаток денег.

Туристский автобус-многоножка припал на один бок, в разинутую дверь лезли экскурсанты. Пескавин забился на заднее сиденье. Группа была как группа, ничего особенного, так, старички-путешественники, не считая двух юнцов с мамашами. Последним пришел гид, крепкий малый с запущенной бородой, похожий на инструктора по альпинизму. Пескавин мысленно пририсовал ему моток веревки через плечо, молоток и набор крючьев у пояса. Тигр снегов! Слава богу, не тот, что был три дня назад, тот мог бы и вспомнить. Хотя нет, едва ли.

Многоножка медленно тронулась, и Пескавин рискнул отодвинуть занавеску на окне. Страх вдруг пропал сам собой. Видели его или не видели, теперь уже все равно. Неважно, что они подумают, когда спохватятся, а на космодроме будут ждать непременно, уйти не дадут и на этот раз не ограничатся отеческим внушением. Ну и ладно, и нечего об этом думать.

— Эй! — раздалось сбоку, и его пихнули локтем. — Не туда смотришь. Привет!

— Привет. — Он вздрогнул и обернулся, прежде чем успел сообразить, что, может быть, лучше не оборачиваться и не отвечать. Рядом с ним сидела незнакомая девчонка.

Она была одета в оранжевую спортивную куртку с рыжими разводами. «Кто такая?» — подумал он с удивлением и вспомнил, что именно ей имел неосторожность подмигнуть. На душе немного отлегло.

— До тебя, я вижу, не достучишься, — сердито сказала девушка. — Мировая тоска, а? Так как же нам все-таки познакомиться, не подскажешь?

Непонятно было, что у нее ярче — куртка или рыжие волосы, еще сохранившие следы укладки в прическу, известную в широких кругах под названием «не сомневайся». Пескавин откровенно поерзал глазами по ее фигуре, сначала сверху вниз, потом снизу вверх и еще раз так же. С девчонкой все было ясно, кроме одного: как таким удается просачиваться через въездной контроль нравственности? Впрочем, они придумают...

— Меня зовут Теко, — сказал Пескавин. — Это прозвище.

— А меня Анна. Это имя.

— Похоже на то. Как тебе с ними? — он кивнул на экскурсантов.

— Отвратительно. Маменькины сыночки — этим мамаши не дают ко мне липнуть, спасибо им за это, а остальные — старые козлы. Воображают, что им здесь безумно интересно. Под старость все играют в одну игру: езда по всей обитаемой Вселенной, сбор сувениров и того, что они громко называют впечатлениями. Тьфу.

Пескавин от души рассмеялся и заметил, что смех получился немного нервный. Нет, что за бред, подумал он. Чего ради ломтикам подсаживать ко мне эту птаху?

— А не круто ты их?

— Не круто, — отрезала Анна. — Ты их только послушай.

Слушать было особенно нечего. На гида сыпались вопросы из тех, что гидам приходится выслушивать раз по двести за смену, и ничего — выслушивают и отвечают.

— Ты права, — он погладил ее по руке.

— Убери лапы, — нервно сказала Анна.

— Это почему? — Пескавин усмехнулся и потянул ее к себе. — Я, кажется, не старый пень и не маменькин сынок. Тебя не радует такое совпадение?

Тут что-то было не так. Она сопротивлялась, что само по себе еще не было удивительно — встречается и такое, — но сопротивлялась бесшумно, стараясь не привлечь постороннего внимания. Пескавин быстро провел рукой по карманам ее куртки. Анна тихонько охнула.

— Так я и знал, — он откинулся на спинку кресла. — Дай-ка мне сюда свое железо.

— Возьми.

Он покопался в ее кармане дольше, чем нужно, чувствуя пальцами теплоту и упругость молодого тела. Затем извлек наружу маленький никелированный молоточек. Игрушка.

— Между прочим, — сказал он назидательно, — ты утверждаешь дурной тон. Пальчики мумиям ломают руками. Вот так.

— Отпусти, больно.

Пескавин выпустил ее руку и, нагнувшись, сунул молоточек под сиденье, в пыль и мусор.

— И вправду больно? — поинтересовался он. — А ты не боишься, что я настучу кому следует?

— А ты?

Умница, подумал Пескавин. Знать бы мне еще, как с этой умницей общаться, не у себя в номере — там-то ясно, — а здесь, сейчас? Девочка что надо, по статям, пожалуй, для Рифмача, только на этот раз Рифмач перебьется. Надо будет иметь ее в виду после, когда вернемся... Он вдруг вспомнил, *как* ему предстоит возвращаться, и помрачнел.

— Я сразу усекла, что ты «заяц», — сказала Анна. — В нашей группе я уже всех знаю. Радуйся, что я не завопила, когда ты меня лапал. Кстати, почему тебя зовут Теко?

— Текодонт. Маленький прыткий ящер. Сигарету хочешь?

— Здесь нельзя курить.

— Правильно. И кроме того, у меня нет сигарет.

Она улыбнулась. Нет, с ней сидеть — как голому в витрине. И так уже старые пни все шеи себе отвертели: с кем это шушукается предмет их старческих вожделений? Когда автобус тронется обратно, могут заметить, что не хватает одного человека, хотя по числу баранов все сойдется. Ничего, подумал он. Поломают головы и плюнут.

Он зачем-то кивнул и стал смотреть в окно. Дорога круто поднималась вдоль левого склона ущелья, а правый склон был рядом и так же крут и заснежен, как левый. По дну ущелья бежала переплюйная речка. Многоножка, как это бывает с автономными биомеханизмами, избрала себе путь по самой кромке обрыва — пассажиры, сидящие справа, хватались за сердце. Пескавин смотрел вниз. Он плохо помнил дорогу: на прошлой, «штатной» экскурсии было не

до того, нервничал, будто предчувствовал неудачу, а еще раньше, задолго до заповедника, когда дорога еще не портила ландшафт, хотя очень бы пригодилась, когда шли по тропе, протоптанной теми, кто шел впереди, и никому не приходило в голову думать о ландшафте... Стоп, назад! Пескавин закусил губу. Об этом лучше забыть, если решил вернуться живым и с удачей. Из памяти выплывет больше, чем хотелось бы, и тогда ничего не получится. Перед работой лучше думать о девках. Можно и о Рифмаче, чтобы быть злее. Или о ломтиках, чтобы быть осторожнее. И ведь не так трудно затереть часть памяти, маленький такой кусочек, и не дорого вовсе: сотню за процедуру, мнемооператору в лапу, чтобы не болтал, — всегда можно наскрести, даже сейчас. Черта с два я на это соглашусь, подумал он с раздражением и вдруг почувствовал на себе взгляд Анны.

Он обернулся. Девчонка напряженно сидела, не касаясь спинки кресла, и, кажется, чуть не кусала губы. Ого! Впереди хрюкнул от удовольствия какой-то дед: вислоносый юнец с переднего сиденья, квалифицированно отведя глаза мамаше, до пояса высунулся в проход, делая понятные знаки, — не преуспел и разочарованно убрался назад. Пескавин задавил усмешку. Ай да рыжая! Как смотрит, как держит паузу! Вот оно что: случайная одиночка-импровизатор, вольная охотница на ловле простаков. Девочка свое дело знает, сейчас и начнется. Атака на инстинкты. Он почувствовал ее горячие пальцы на своей ладони.

— Теко, — прошептала она. — Красивое имя. Те-ко. Текодонт — это плохо, что-то громоздкое. Теко — лучше. Можно тебе вопрос, Теко? — Он кивнул. — Скажи, ты бывал раньше на Тверди?

Интересное начало. Нет, вероятно, просто подстраховка. Но вопрос не последний, можно не сомневаться.

— Да, давно. Успокойся, не наследил. Здесь за мной все чисто.

Горячие пальцы ласкали его ладонь. Кто-то спереди опять оглянулся на них, и Пескавин почувствовал, что вид у него, должно быть, глупейший. Бревно, дерево деревянное. Нет, деды не одобрят. Девушка ждет — вся внимание, — а он, видите ли, никак не соизволит, знает, видите ли, чем это обычно кончается. Знает? Знает. И считает, что лучше быть бревном, чем трупом.

— Ты еще не сказал, что мы будем делать сегодня вечером, — напомнила Анна.

— Разбежимся, — сказал Пескавин. — И чем быстрее будем бежать, тем лучше. В разные стороны.

— Я думала, у тебя есть другие идеи, — сказала Анна. — Или я тебя совсем не интересую как женщина?

Фу, как прямолинейно, подумал Пескавин. Халтурно, в лоб! — тройка с минусом. Хотя, если подумать, ни на что другое уже нет времени, девчонка форсирует. Но какая игра, какой трепетный призыв! Какое высокое искусство в будто бы небрежных словах. Песня сирены по-твердиански. Взгляд ласкового удава.

— Как кто? — внутри шевельнулось что-то полузабытое, и тут же проснулся сарказм. — Как женщина? Повтори, я что-то не понял.

— Вот даже как... — Анна встряхнула копной рыжих волос. — Ну хорошо, — медленно сказала она. — Тогда скажи: как девка я тебя привлекаю?

Пескавин честно кивнул и почувствовал, что она придвинулась к нему вплотную. По телу прошли сладкие токи и погасли. Он знал, что она сейчас скажет. Девчонку было пора ставить на место.

— Теко, — как-то по-особому сказала Анна и трогательно замялась. — Я... то есть... ты ведь мне поможешь, верно?

— Нет, — быстро сказал Пескавин.

Взмах огромных ресниц, огненная волна поверх головы.

— Ты хочешь сказать, что... Нет, ты погоди...

— Я хочу сказать: нет. Не помогу.

Она убрала руку и отодвинулась. Салон качнуло: многоножка по-крабьи переваливалась через валун, свалившийся сверху три дня назад, хотя, если верить тому, что писано о заповеднике, никак не имевший права этого делать, чуть не угробивший одного ротозея, отставшего от последней группы и потому пробиравшегося пешком, и до сих пор не убранный. Нехороший попался валун, недисциплинированный... А ротозеем был он, Пескавин, а единственной добычей дня — мизинчик, который теперь невозможно всучить даже Детке. Нет, девочке многого хочется, здесь она не найдет желающих подставить за нее шею, и эта прыть просто от незнания. Теперь не штрафуют, теперь любителям сувениров светит каторжный срок в целях перевоспитания, охране не возбраняется позабавиться с пойманным мародером, сколько хватит фантазии, и охрану недавно усилили — в который уже раз. Так-то, девочка. А цену одного пальчика где-нибудь на Хляби или, скажем, на Земле, ты знаешь? Полагаешь, озолотят? Да у нас Риф-

мач больше даст тому, кто на его глазах под комментарий каким-нибудь анапестом сожрет собственное дерьмо, и находятся охотники...

«...Жемчужиной заповедника по праву считается открытое менее десяти лет назад Ущелье Каменных Мумий, уникальное образование, воочию представляющее потрясенному взору окно в мир безжалостного прошлого. Дорога, ведущая в Ущелье, окруженная первозданной дикой красотой гор, как бы готовит туристов к тому, что им предстоит увидеть...» — бубнил гид заученное из путеводителя.

Если она из охраны, то в Ущелье тем более не отлипнет, размышлял Пескавин. Только она не из охраны. Слишком уж было бы бредово, до того бредово, что даже остроумно, на них не похоже, да и не могут же они внедрять подсадку в каждую группу! Нет, девочка, ты самая настоящая «не сомневайся», да еще не местная — не так уж и плохо, а если подумать хорошенько — просто подарок судьбы, и отлипнуть я тебе сам не дам. У девчонки неприятности, девчонка землю роет, только комья летят, и о ломтиках явно никакого понятия. Выкупиться хочет, что ли? — он поглядел на нее почти с нежностью. Ну-ну. Успеха тебе, наивная. Моргай пореже, не прячь глаза святой Инессы. Они у тебя хорошо получаются, замшелых-то дедов ты еще обманешь, да и молокососов, наверно, тоже. А вот чего ты, дорогая, еще не поняла — так это того, что ты мне понадобишься, и еще того, зачем ты мне понадобишься. Но ты поймешь. Когда двое утопающих ищут соломинку, они хватаются друг за друга.

— Знаешь что, прыткий ящер, — сказала вдруг Анна. — Не хочешь помочь — не мешай. У тебя свое дело, у меня свое, понял, прыткий? Верни молоток и не шурши мне на дороге.

Умница, но из непонятливых. Пескавин вздохнул. Поискав по внутренним карманам, он вынул мятый рекламный проспект и бросил Анне на колени.

— Читала?

— Да.

— Плохо читала. Смотри здесь: «Внутренняя охрана заповедника надежно обеспечивает безопасность посетителей и сохранность уникальной экспозиции под открытым небом. Особые полномочия сотрудников охраны позволяют решительно и эффективно пресекать возможные попытки мародерства», — ну и так далее. На практике это, например, значит, что первый же попавшийся охранник сможет без

долгих разговоров тебя обыскать и будет в своем праве. Сказано же: решительно и эффективно. Разумеется, в рекламном проспекте прямо сказать об этом невозможно. Так вернуть тебе молоток?

— Оставь себе. — Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. То-то же. Пескавин улыбнулся. Не нервничай, девочка, еще рано. Тому, кто сочинял проспект, не стоило употреблять слово «эффективно».

Восьмой километр шоссе в том месте, где в сторону ничем не примечательного бокового ущелья ответвлялась скверная грунтовая дорога, был украшен большим щитом с надписью:

ОСТОРОЖНО!!!
ЛАВИНООПАСНЫЙ УЧАСТОК!
НЕ ШУМЕТЬ. НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ ГРОМКО.
НЕ ДЕЛАТЬ НЕОБДУМАННЫХ И РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ.

Многоножка, свернув на грунтовку, остановилась. Чувствовалось, что она не доверяет этой дороге: некоторые из лап осторожно ощупывали кромку обрыва. С шумом сорвался и загрохотал вниз камень.

— Приехали, — пояснил гид и откашлялся, отчего его голос превратился в мужественный баритон. — Итак, добро пожаловать в Ущелье Каменных Мумий. До цели не более пятисот шагов. Прошу выходить за мной.

Многоножка вжала в себя лапы и встала на брюхо. Тридцать пять экскурсантов затолпились на выход. Выскользнув на раскисший снег, Пескавин протолкался за чужие спины. Гид пошевелил бородой, вызвав смех юнцов, и указал на щит. На его лице была написана решимость ознакомить с текстом всех. Мамаши юнцов, изображая внимание, тянули шеи.

За поворотом скальный карниз сузился. Слева поднималась каменная стена, не настолько, впрочем, крутая, чтобы нельзя было рассмотреть нависшую снежную шапку, справа был обрыв и снежный завал на дне ущелья. Здесь торчала вбитая посреди дороги гнутая металлическая вешка, и здесь дорога кончалась, а дальше тянулась только тропинка, протоптанная в плотном лежалом снегу. Еще одна вешка — и тоже гнутая, словно в самом деле побывала под лавиной, — маячила шагах в ста впереди, обозначая конец опасного участка.

Здесь предстояло идти поодиночке. Гид, весь подобравшийся и ставший теперь окончательно похожим на покорителя снежных вершин, вдохновенно вещал о коварстве гор и мерах безопасности. Пескавин тайком зевнул. Все это он уже слышал в прошлый раз слово в слово, и даже ободряющая улыбочка под занавес, чтобы у напуганных экскурсантов не очень тряслись коленки, была точно такая же. Сценарий, мысленно усмехнулся он. Причем бездарный. Скучно это, дядя, убого — для детей или для впавших в детство. Имитация риска, и весь этот реквизит для большего эффекта — гнутая дурацкая вешка, пугающий текст на щите — прямо вопит: «Опасность! Опасность!», а всего-то — настрой, эмоциональная прелюдия к Ущелью. Цирк, щекотка для нервов. Каждый старый гриб впоследствии будет рассказывать, как он шел под готовой сорваться лавиной и что при этом ощущал, а слушатели будут смотреть ему в рот и гордиться знакомством с первопроходцем. Не ново.

Он прошел участок одним из последних. Здесь можно было не волноваться: гид смотрел не на него, а на снежную шапку наверху, и смотрел со значительностью, ни на шаг не отклоняясь от своей роли в заученном раз и навсегда действе: доставить, обеспечить, довести до сведения, напугать, дать почувствовать, вычерпать из прошлого всю бессмысленность и безжалостность и опрокинуть разом на экскурсантов, чтобы визжали и захлебывались. И непременно добавить специи: пафоса — это обязательно, романтики — тоже. Как же без романтики, и что с того, что здесь ее сроду не было? Как это не было, если должна быть, и, значит, будет!

Тропа полого пошла вниз. Повстречали группу, идущую навстречу, и гид кивнул коллеге. Еще один поворот — и скальные стены раздвинулись. Анна демонстративно забежала вперед и теперь, должно быть, с удивлением рассматривала дно Ущелья — неровное снежное поле, стиснутое скалами, вывалившими на снег серые языки подтаявших ледников, хаос вынесенных ледниками каменных глыб. Сейчас она увидит и остальное. Пескавин отвернулся. Этот ракурс считается великолепным: в поле зрения не менее трехсот неподвижных фигур — но именно отсюда смотреть на них нельзя. Отсюда мумия не человек, а деталь ландшафта. Он вдруг понял, что тот первый, кто придумал устроить в Ущелье музей под открытым небом, был осенен этой идеей именно здесь. Удобное место: можно принять

решение, а потом спуститься осмотреть мумии и уже видеть в них не людей, а экспонаты будущего музея. Это не страшно. Некоторые утверждают, что это облагораживает. В таком случае ломтики — благороднейшие люди.

Он глубоко вдохнул влажный воздух Ущелья, закашлялся и скривился от боли в боку. Достали все-таки. Взять бы тех гадов, да по организму. Он представил себе эту сцену: вот тут сидит Рифмач, а вот тут стоят Шуруп с Хабибом да еще двое-трое ребят, и Рифмач делает вид, что ему скучно, а по ковру, вопя, катается красноглазый, и он, Пескавин, Теко, бьет, и нога его входит в мягкое, содрогающееся. Вот так. И еще раз. И повторить. До тех пор, пока Рифмач не скажет: «Хватит», а если не скажет, то тем хуже для красноглазого. Да только кто такой Рифмач для ломтиков — козявочка божья, глазу не заметная, и писк издать не посмеет, где уж там...

Тропа расширилась, захватывая Ущелье. Мумии были рядом.

— Мы у цели, — торжественно провозгласил гид. — Перед вами единственный во Вселенной заповедник Каменных Мумий. Равнодушный и Осмотрительный приветствуют вас!

И никто не спросил, кто такие Равнодушный и Осмотрительный.

— О, господи! — вырвалось у кого-то из женщин. — Что же здесь было?

Гид сдержал улыбку. Его избавили от необходимости спровоцировать этот вопрос. Мало кто не знает о том, что здесь было, но гид обязан рассказать и тем, кто знает. Например о том, как правительственные советы обеих колоний одновременно получили приказ открыть боевые действия. Или взять низкий старт и начать с того, как давным-давно люди заселили планету, похожую на Землю, и дали ей имя Твердь. Что такое война, они знали и раньше.

— О, господи!

«Меньше пяти и брать не стоит, — думал Пескавин, не слушая гида, пустившегося многословно и патетически излагать хронику событий двухсотлетней давности. — Нет, никак нельзя брать меньше. А лучше сразу кисть или ступню, но тогда придется взять еще хотя бы один пальчик на мелкие расходы. Денег-то нет. И не надо. Пальчики вам деньги».

— Исход дела на Тверди мог решить судьбу всей войны, — говорил гид. — Но что можно было требовать от двух чахлых колоний? Для того чтобы вести войну на

уничтожение, у них не хватало ни ресурсов, ни решимости. Так или иначе, обе стороны старались вести лишь ограниченную войну. Она продолжалась несколько лет и окончилась ничем.

— Ограниченные войны, как правило, не выигрываются, — неожиданно для себя сказал Пескавин.

Гид сбился и недовольно посмотрел на него. Пескавин прикусил язык. Раскис, подумал он с досадой. Только этого не хватало. С чего это я? Не терпелось показать, какой умный? Терпелось ведь. А засветился, еще как засветился, весь свечусь, как фонарь, как прыщ красочный на гладком месте, сам свечусь и окрестности освещаю, вон как оглядываются, морды. И что тебе теперь, жертва словесного недержания, возвращаться паинькой в автобус вместе с дедами? Идиот! А может, и ничего? Обойдется, подумал он и вдруг вспомнил, что все это уже не имеет абсолютно никакого значения, что обратного хода нет и пальчики надо добыть хотя бы на виду у всех, что с пальчиками или без пальчиков только чудо поможет прорваться через ломтиков в грузовой корабль, а ведь это еще не все, при желании могут достать и в корабле, и после старта даже... Он отыскал в толпе рыжую куртку. Анна во все глаза смотрела на мумии, только раз она мельком взглянула в его сторону, и в ее взгляде почему-то не было ни насмешки, ни презрения, как он ожидал увидеть, а было в нем что-то малодоступное пониманию, и теперь стало похоже, что она в Ущелье действительно первый раз. Ну-ну.

— У нас в экспозиции около тысячи мумий, — гид обвел рукой Ущелье. — И, вероятно, под снегом не меньше. Вообще считается, что к моменту атаки здесь находилось от трех до пяти тысяч беженцев. Женщины, инвалиды, дети; похоже, все они шли к дальнему перевалу. Трудно сказать, удалось ли кому-нибудь из них его перейти.

Первая мумия стояла к ним спиной, чуть отклонившись назад, будто задумавшись, широко расставив ноги, до колен ушедшие в снег. Руки были заложены за спину, подбородок высоко поднят, остекленевший взгляд без всякого выражения направлен вперед и вверх.

— Это Равнодушный, — гид по-приятельски похлопал мумию по плечу. — Обратите внимание: он смотрит туда, где, по нашим расчетам, должна была зависнуть боевая платформа. Может быть, он даже успел увидеть, как ее сбили. Но было поздно: растр летаргатора уже успел нащупать Ущелье.

Экскурсанты обступили мумию. Вислоносый юнец потрогал пальцем окаменевшую одежду.

— Нам повезло, что луч только скользнул, — продолжал гид, скашивая глаза на вислоносого. Тот с хмыком убрал палец и запустил его в нос. — При большей дозе облучения мумии в скором времени рассыпались бы в пыль — именно поэтому их не находят на местах боев. В проблемном институте при заповеднике, — гид указал рукой на прилепившееся к скале вычурное зданьице, — не исключают и возможного воздействия своеобразных местных условий. Трудно утверждать наверняка. Во всяком случае, эксперименты на животных с резонансными летаргаторами тех времен не дали даже близких результатов. Потому что...

Пескавин скучал. Сейчас этот трепач по должности еще разок-другой напомнит об уникальности, потом поведет группу к расщелине, где, укрывшись за валуном, скорчился Осмотрительный. Вот у того взгляд впечатляет: страх, мольба и надежда одновременно, и если посмотреть с трех разных точек, можно увидеть все три выражения в отдельности. Трехликий Шива. И между прочим, на руке, вцепившейся в камень, не хватает двух пальчиков. Дальше будут знаменитые Близнецы, затем Командор, Недоумевающая, еще дальше группа детских фигур, потом Дервиш на одной ноге, поддерживаемый подпорками. Обязательная часть экскурсии. Каждый должен проникнуться величием трагедии. А не было здесь никакого величия. Трагедия была, а величия не было, не случилось. Он отвернулся и процедил себе под ноги длинный плевок.

Кто-то взял его за руку. Пескавин обернулся и увидел Анну.

— Теко, — зашептала она. — Теко, я тебя прошу... Нет, не то, так ты не станешь... Я не думала, что они такие, думала: мумии — и все. Они же как живые, понимаешь? Я, наверно, не смогу сама. Ты ведь мне поможешь, Теко? — Она судорожно теребила его рукав. Он молчал. — Теко, ведь я же не смогу. Ты видел его? Вот я подойду к нему и начну делать ЭТО... Ведь ему же будет больно, я понимаю, что все это чушь, но что мне с собой, дурой, делать, ведь они же, правда, как живые, только серые, а так они как живые...

— Они и есть живые, — сказал Пескавин. — Я не занимаюсь гробокопательством. Они спят. Говорят даже, будто они иногда двигаются, но это вряд ли. И они чувствуют,

когда им ломают пальцы, но чувствуют не то, что чувствуем мы, и не так, как чувствуем мы. Я знаю.

— Это правда? — Анна нервно вздрагивала.

— Может быть. Для меня они живые, мне так проще. Не могу себе представить, что ломаю пальцы у мертвецов. Не умею я этого.

— Вот оно что, — Анна отступила на шаг и прищурилась. — Теперь я понимаю, почему тебя зовут Теко. Ну что, идем, ящер?

«Как просто все решилось, — подумал Пескавин. — Так, как я хотел, теперь шансы удвоились и я знаю, что выберусь. Но радости от этого я не ощущаю. Устал я, вот что. Ущелье давит».

— Не суетись, — пробурчал он. — Скоро нас выпустят на вольный выгул, и тогда времени будет хоть отбавляй.

Впереди в тумане опять замаячило что-то темное, и Пескавин, поняв, что это мумия, обошел ее кругом, с трудом выдирая ноги из глубокого снега, и неожиданно вышел на протоптанную тропинку. Он и не заметил, откуда наполз туман, ему показалось, что воздух вдруг сгустился и помутнел сразу во всем Ущелье, и туман был не белый, как молоко, а сизый и слоистый, как отстоявшийся табачный дым. «Ущелье Туманов, — подумал Пескавин. — Оно так и называлось, теперь я вспомнил. Тогда тоже был туман, и в тумане брели к перевалу измученные люди, их не было видно, но их было очень много, и все они были обыкновенными беженцами пятого года войны, тихими, привыкшими, равнодушными к своим и чужим страданиям. А потом туман рассеялся, и люди, поднявшие кверху серые лица, чтобы увидеть солнце, увидели зависший над Ущельем черный прямоугольник боевой платформы...»

Он остановился, определяя направление. Они шли уже долго, экскурсанты остались позади, вокруг не было никого, и скоро должен был показаться второй пост охраны, но его мешал разглядеть туман. Еще немного, решил Пескавин. Пусть я их увижу. Не тайком — именно так и попадаются, — а нагло, почти на глазах, так будет надежнее. А туман-то, кажется, редеет...

Он опять потерял тропинку и, продавив толстый наст, завяз по колено в снегу и беззлобно выругался. Анна догнала и встала рядом, наст под ней не проваливался, не трещал даже, и Пескавин еще раз с удовольствием оглядел ее фигуру.

— Хорошая у тебя куртка, — сказал он весело. — Слепой заметит. Хочешь, чтобы нас засекли, так тебя понимать?

— У меня свои правила, — огрызнулась Анна.

Наивная настырность. Даже не спросила, при чем здесь куртка. Или она в самом деле не знает, что Ущелье просвечивается насквозь в любое время суток? Тогда молчать. Девчонке незачем дергаться, зная, по какой тонкой проволоке предстоит пройти. Пескавин осклабился:

— Не суетись. Если засекут, постарайся мне подыграть. Можешь даже визжать, если нравится, — все равно звук в тумане глохнет.

— Ты что затеял? — насторожилась Анна.

— Развлечение для охраны. Мы оба ненормальные, из тех ненормальных, что мечтают уединиться в самом экзотическом месте, иначе им пресно. Теперь дошло?

— Дошло. А охрана?

— Пусть лучше любуются на нас, чем обыскивают.

— Кретин! — сказала Анна. — Давай двигай.

Сизый туман, слоясь, тек им навстречу и редел, а вокруг стояли мумии — с подпорками и без подпорок, — сидели и лежали мумии, и здесь давно не расчищали, и лежачие тянули из своих сугробов руки с растопыренными пальцами, а туман неторопливо обтекал эти руки, словно желая укутать их и тут же раздумывая. Снова начался подъем, и стало жарко. За спиной всхлипнула Анна — похоже, не от усталости.

«Что они искали за тем перевалом? Жизнь? Они разучились жить, научившись спасаться. Это уже жизнь, если тебя не ищут, чтобы убить, это уже праздник. Что-то ведь мерцало им по ту сторону. Они шли и шли, качаясь, как привидения, они устали физически и устали бояться своего страха. Они уже тогда были мумиями, среди них еще попадались Осмотрительные, но куда больше было Равнодушных — этих не скрючил ужас при виде платформы, вряд ли они даже удивились ее появлению, а если удивились, то только тому, что они еще живы, в то время как луч летаргатора уже гуляет по Ущелью...»

Пескавин остановился.

— Опять на ногу наступила, — сердито сказал он. — Иди тогда ты вперед, раз уж так не терпится. Хотя нет, мы уже пришли. Вон то пятно слева видишь?

Анна еще раз всхлипнула и часто задышала.

— Мумия?

— Будка. Это и есть второй пост. Там один охранник, и он нас видит, если не пьян. Ага, вот он вышел, мордоворот. Видишь?

— Да. То есть, нет, не вижу.

— Неважно. Где-то поблизости бродят еще двое, их мы проглядели. Но здесь им делать нечего, это служебный проступок — собираться втроем в будке, — он хохотнул. — Так что работать буду здесь.

— А как же... — Анна смотрела во все глаза то на Пескавина, то на темное пятно будки, рядом с которым в редеющем тумане проявлялась, как на фотобумаге, смутная фигура охранника.

— Пяток пальчиков тебе, надеюсь, хватит? — спросил Пескавин. Анна кивнула. Он порылся в карманах, достал несколько бумажек и мелочь. Отстегнул от запястья браслет.

— На. Добавишь своих, пойдешь вон к той морде и попросишь продать пальчик. Сувенир на память. Заговоришь ему зубы, не мне тебя учить, как это делается. Канючь, скули, что хочешь делай, хоть отдайся ему на снегу, но десять минут мне обеспечь. Ясно?

Она кивнула:

— Так что, мне идти?

— Постой, — сказал Пескавин. — В автобус я не вернусь. Будешь ждать меня на космодроме возле касс, а будет шухер — жди на смотровой площадке. Я тебя найду. Поняла?

Анна нерешительно перемялась с ноги на ногу, и Пескавин понял, о чем она сейчас спросит. На душе стало пакостно.

— Теко, — сказала она. — А ты меня не обманешь?

— Успокойся, — он заставил себя бодро улыбнуться и проглотил комок. — Иди и делай дело.

Она прошла немного и обернулась. Он успокаивающе кивнул, и тогда она пошла решительно, все быстрее тая в тумане. Сейчас охранник заметит ее, и заметит не инфракрасной оптикой — а глазами, и глаза у него вылупятся, а пасть осклабится. Прощай, девочка, с тоской подумал Пескавин. Ничего не поделаешь, так уж получается. Если выберусь и если ломтики не ждут на космодроме, тогда — может быть, но это уже два «если». Хватило бы и одного.

Прощай, девочка.

Туман почти исчез, зато пошел снег, крупный, хлопьями, липкий и мутный, тающий на лице и заползающий

за воротник. Пескавин отряхнулся. Он был один. Сначала, оглядываясь, он еще видел темное пятно, о котором знал, что это та же будка, и выверял по ней направление, потом будки не стало видно и уж тем более нельзя было рассмотреть, чем там заняты Анна и охранник, зато это можно было себе представить. Он представил и смачно плюнул. Ведь сучка же, сентиментальная «не сомневайся» и больше ничего, пальчики, видите ли, сама ломать не может, так почему я должен казаться себе таким подлецом? Когда это со мною в последний раз было? Забыл. Место, что ли, такое? — Он осмотрелся. — Место и вправду незнакомое, не шел я здесь, и вообще здесь никто не шел, ни одной мумии на этом уклоне, а почему? Может, здесь под снегом каменная осыпь, помню, как мы обходили какие-то камни, и еще помню, что был водопад, но водопад не здесь, а дальше, почти у самого перевала, он теперь иссяк. Где-то там должен стоять я, подумал он тоскливо. Значит, мы почти дошли. Я и мама. Мне было шесть лет, и мама обещала мне подарок ко дню рождения, но в тот день привезли папу и мама сидела какая-то чужая, непохожая на маму, а я смотрел исподлобья и с недоверием, потому что знал точно, что папа воюет, управляет боевой машиной, стреляющей по ракетам, что падают по ночам, а раз управляет, то никак не может быть в этом глупом железном ящике. Соседки утешали маму и говорили, что маме еще повезло, другим посылают просто землю, подобранную на полях сражений, но я их не слушал, потому что уже знал твердо: папы там быть не может, с чего бы папе лезть в этот ящик? — и я восторженно запрыгал, крича: «Сколько у нас гостей, как здорово!» — а мама вдруг ударила меня по затылку, закричала, забилась об этот ящик, и я тоже заревел, сначала от подзатыльника, а потом от страха за маму. И все равно я знал, что папа жив, ведь в ту ночь не упало ни одной ракеты, и я показал язык соседкам, смотревшим на меня кто гневно, а кто с жалостью. Вот вам! Вот папа научит и меня стрелять по ракетам, и тогда уж точно ни одна не свалится на ваши глупые головы... А через неделю всем пришлось уходить, потому что на город все же упали три ракеты и вокруг говорили, что это не обычные ракеты и что теперь в городе жить нельзя, а надо уходить. И мы шли вместе со всеми, мама катила тележку с вещами, а я радостно скакал впереди, пока не устал, и тогда мама посадила меня на тележку поверх вещей, но уже в Ущелье у тележки отскочило колесо, и ее пришлось бросить. И еще я тогда очень

устал и хныкал, но мама не давала мне отдохнуть и говорила, что надо спешить, а вокруг все действительно спешили, многие обгоняли нас с мамой, и лица у людей были серые...

Впереди зачернели пятна, и Пескавин понял, что вышел правильно. Здесь было скопление мумий, в погожие дни экскурсантов доводили до этого места. Здесь нетрудно было встать так, чтобы мумии загородили от любой оптики для туманов, — а потом к перевалу, к перевалу!

Вот она!

Он остановился как вкопанный. Вот, значит, как. Старая знакомая, склонившаяся над ребенком. Ко входу не потащили, оставили туристам на десерт. Он обошел мумию кругом. След от резака, забитый снегом, выглядел белым шрамом. Как ей хочется распластаться, защитить, закрыть собой ребенка в проснувшейся вдруг острой надежде, что это удастся. Немолодая уже, изможденная женщина. Может, бабушка? Нет, наверное, все-таки мать. Поздний ребенок, долгожданный, единственный. Здоровый обормот, мог бы идти и сам, а не виснуть на шее матери. Сколько этому лентяю — лет шесть? А если...

По спине пробежал озноб. Нет, чепуха, не может быть. Пескавин деревянно шагнул вперед. Не может быть, подумал он вслух. Это не я. Пальцы, пальчики проверить... Если все целы — тогда это не я, это кто-то другой и держит его другая женщина: А если нет?.. Он вспомнил зудящий визг резака и, холодея, смахнул с мумии снег.

На детских ручонках, обвивших материнскую шею, было по пяти пальцев. Пескавин шумно выдохнул воздух и нервно рассмеялся. Значит, мимо... Он весело выругался. Пентюх, барышня! Мерещится ему, поверил! Ха! Экскурсанты вот тоже верят, но по-умному, и чем дороже им вышла поездка, тем охотнее они верят. Надо смотреть — смотрят, за тем и едут, надо ужасаться — ужасаются, картинно и с удовольствием, закатывая глаза и соря междометиями. Всюду свои игры. А потом они разъедутся, пополнив свою память приятной жутью зрелища, и станут размышлять, куда бы поехать еще, — трухлявые пни, вошедшие во вкус, рассчитывающие в обеспеченной старости всласть отыграться за жизнь, без толку вымотанную на добровольной каторге Системы Общественного Блага. Добропорядочные граждане.

Он еще раз обогнул мумию и зашел спереди. Похожа, очень похожа. И это, стало быть, я на ней так повис? Он

отступил на шаг и сморщил нос. Н-да. Нужно быть неврастеником, чтобы увидеть маму в случайной мумии — или нужно раз в жизни попасть под удар летаргатора. Одно и то же. Экая трагедия, подумать только! Страсти по Текодонту. Во-первых, и не похож вовсе, абсолютно ничего общего, не таким я был в шесть лет... — он запнулся, осознав, что совершенно не помнит, каким был в шесть лет, и помотал головой. Ну, ладно. Зато все пальчики на месте... гм... один, если всмотреться, какой-то подозрительный, но главное, что он налицо, тут — или-или. Это во-вторых. Говорят, правда, что мумии способны к регенерации — вроде бы по миллиметру в полгода, — и такие, как Детка, свято в это верят, равно как и в то, что мумии могут двигаться и общаться между собой. Ну, Детка — это особый клинический случай, дурак он, родился дураком, им же, как видно, и помрет, коли, как рассказывал Пупырь, прячет где-то пяток пальцев от разных мумий, терпеливо ожидая, когда они срастутся в единую кисть — спрос-де нынче на пальцы уже не тот, рынок насыщен. Что взять с кретина, его и ломтики не трогают, убогого. Пескавин хмыкнул. Зато в-третьих — и это уж наверняка — не может здесь быть наших мумий, скорее всего, их давно уже не существует, раз до них добрались задолго до официального объявления об открытии Ущелья. И здесь нет разницы, кто добрался: небритый дядя с рюкзаком и карабином за плечами, хмурый предшественник нынешних ломтиков, — или сразу сотрудник спецслужбы, бойкий и усердный, рыщущий по заданию начальства. Любопытное было времечко, пока не поднялся шум. «Что?» — «Где? На Тверди, в этой дыре?! Да не может быть!» — «А чем там заняты спецслужбы?» — «Ну как же... Надо же понимать...» — «Обеспечить охрану! Преградить путь мародерам!!» Это был уже лозунг. Под него входы в Ущелье обнесли проволокой, был создан патруль и некую группу заезжих зевак, опрометчиво обошедшую контрольный пост, скопом гоняли по всему Ущелью, не слушая их воплей и постреливая — долго не могли попасть. Случай разбух до шумного скандала, и тогда — под вопли и лепет, под рык и брызганье слюной в неведомых кабинетах — родился известный нарост по имени Заповедник, и общественное мнение поуспокоилось.

Он нагнулся, набрал горсть сырого снега и протер им лицо. Кожа вспыхнула, и сразу закололо в сотне точек. Пескавин вытер руки о куртку. Чего это я стою, подумал он с недоумением. Работать же надо, работать! Время идет;

Анна, должно быть, еще держит охранника, но вечно это продолжаться не может, рано или поздно он ее раскусит. Пора. Кто у нас будет первым? Пескавин огляделся. Вы? Или, может быть, вы? Да-да, я вам говорю, который с подпоркой... А вы не хотите уступить очередь даме с ребенком? Не хотите? Нет, и не надейтесь, за вами я приду в следующий раз, а вы пока стойте смирненько, вы очень хорошо стоите, как раз в той стороне должен быть ближайший локатор, если я ничего не напутал, и дай мне бог ничего не напутать... — он бормотал, уже сознавая, что боится, что руки и ноги у него ватные, и все эти избыточные словеса, эти «во-первых», «во-вторых» и так далее — всего лишь барьерчик, хлипкий самодельный плетень, имеющий целью отвлечь, и не более. Забормотать страх. Он чувствовал, что уже не может отойти от мумии. Неужели все-таки она? Конечно, не она, настолько не она, что не она совершенно, я же так хорошо себе объяснил... А вот мы сейчас проверим, и долой умозрительные построения. Вот мы сейчас подойдем... — по его телу бежали мурашки — ...да-да, именно подойдем и заглянем ей в лицо. Только-то. Тогда мир снова станет прост и понятен, и окажется, что я зря теряю время и должен бы быть уже на подходе к перевалу. Это начало. А потом — бросок к космодрому, домтики и, если повезет, пыльный и тесный танк грузовоза, наспех переоборудованный в пассажирский салон. Уйти будет трудно, но это не самое худшее. Гораздо труднее будет забыть встречу с мумией, похожей на маму. И еще труднее ломать пальцы у мумии после того, как посмотрел ей в лицо. Очень трудно. И хотелось бы этого не делать.

Но Пескавин уже знал, что сделает это.

Он бежал в вязком снегу, не разбирая дороги, проваливаясь и снова выскакивая на наст; один раз он упал и в краткий миг, перед тем как подняться и побежать дальше, почувствовал, как в груди бешено колотится сердце. Его бил озноб. Все размылось, снег лепил в глаза тяжелыми липкими хлопьями, и Пескавин, хватая ртом сырой воздух, размазывал их по лицу. Иногда навстречу попадались мумии, и тогда он резко сворачивал в сторону, но мумии были и здесь, выныривали из метели, и от них невозможно было убежать, их было очень много, на одну из них Пескавин даже налетел, выбив подпорку, отпрыгнул, оттолкнулся от нее руками и побежал не оборачиваясь, не видя

и не желая видеть, как мумия будет медленно, словно в нерешительности, крениться, и как она будет падать, уткнется в снег, и снег под ней чавкнет. Бежать! Он хрипло дышал — воздух, врываясь в легкие, резал, как тупой нож. Боишься, Текодонт? Ты же мечтал об этой встрече, всю жизнь мечтал, хоть и не следовало, так куда же ты теперь бежишь? Ты не верил, что это возможно, как не верил в то, что мумии все-таки регенерируют, ты запрещал себе об этом думать. Но ведь ты хотел этого, ящер, признайся! Хотел?

«Хотел, — ответил он себе. — Но не теперь».

Можно было остаться. Можно было выдумать целую теорию о том, что способно сделать время с лицом мумии, и никто не помешает всю жизнь исповедовать эту теорию как защиту, убеждать себя и в конце концов убедить. Пескавин глухо замычал на бегу и затряс головой. Он вдруг вспомнил давнее странное ощущение, когда понял, что не может пошевелиться, и свой детский страх, и как сознание медленно гасло, будто тонуло в чем-то черном. А потом — провал на двести лет, какие-то серые тени и пробуждение в оборонном исследовательском центре, люди в мундирах и без, поздравляющие сияющего счастливчика, которому, как говорили вокруг, удалось регенерировать человека из окаменевшего пальца. И еще плач ребенка, который понял, что остался без мамы. Белые потолки, белые стены, очень много стен. Дальше был побег из закрытой клиники, интернат, снова побег, колония для несовершеннолетних на Ржавой Хляби, команда Рифмача, дела и делишки, постижение на практике законов прайда и маска хищника, которая сначала была маской, а потом стала лицом. В новом мире не падали ракеты и не умирали города, и этот мир казался лучше прежнего. Он был прост для освоения. Один из первых уроков показал, что глупость и необдуманность действий в новом мире наказуемы так же, как в старом. Маленький прыткий ящер учился не повторять ошибок.

Перед глазами плыло. Больше не могу, подумал Пескавин. Кривясь от рези в боку, он остановился и тяжело сел на снег. Все. Побегали — хватит. Теперь думать. Он с трудом отогнал стоящее перед глазами лицо мумии и белый шрам на боку под прижатым локтем руки, поддерживающей ребенка. Меня! Маму — резаком! Он закусил губу. Забыть бы. Не выйдет, живи теперь с этим всю жизнь, ящер, мучайся, гад.

Сначала он подошел к ней. Так было. Затем он накло-

нился, еще не видя ее лица и еще не веря. Потом он поверил, поверил вдруг и сразу, еще не успев увидеть, и еще можно было все поправить, если отвернуться и уйти, но на это уже не нашлось сил. Потом он увидел. Он сделал шаг назад — один, другой, третий. Должно быть, их, шагов, было больше, потому что мумия отодвинулась в метель и как-то потускнела, теряя очертания. И тогда он побежал, не видя, куда бежит, потеряв направление и ориентиры, не представляя, в какой части Ущелья находится. Мало приятного заблудиться — но не безнадежно, последнее слово не сказано, еще не поздно уйти, и даже не с пустыми руками. Пескавин знал, что выберется. Он-то выберется, а она... Она останется стоять, вцементированная в снег и покрытая снегом, прижимая к груди ребенка и только на него смотря окаменевшим взглядом. Когда резак с визгом врезался в ее тело, она смотрела на ребенка, и когда ее, кружащуюся в петле троса под вертолетом, тащили к зоне обозрения, она тоже смотрела только на ребенка. Иначе не должно быть. И поэтому в хорошую погоду экскурсантов будут водить смотреть на нее в расчете на их умиление материнским чувством, но никто из них не умилится, потому что все к этому времени устанут и насытятся впечатлениями, а обратно шагать далеко, и вообще не пора ли в отель?.. И тогда они снова зацепят эту мумию и перетащат поближе ко входу в ущелье. Так и будет.

Он поднял голову и вслушался. В снежной пелене кто-то был, и не один, судя по доносившимся обрывкам разговора. Двое. И совсем близко. Пескавин глубже вжался в снег. Это были охранники, две серые фигуры, смутные тени, потерявшиеся в снегопаде. Они двигались быстро, и не вальяжной развалочкой, как обычно, а скорым походным шагом, совсем не характерным для охранников, и Пескавин подумал, что так идти им, должно быть, натужно и непривычно и они злы на начальство, которому неймется, но раз они так спешат, значит, действительно что-то случилось. Или может случиться. В Ущелье случается всякое.

Они прошли мимо шагах в десяти, не заметив. Снег чавкал под их ногами, и Пескавин попытался сквозь чавканье уловить хотя бы одну-две фразы из торопливого, с одышкой, разговора — и не смог: совсем низко, а где — не разобрать из-за эха, с омерзительным всасывающим звуком прошел патрульный флайдарт, явно на телеуправлении в эту погоду. Пескавин зажал уши. «А вот это уже серьезно, — подумал он, провожая взглядом охранников в ме-

тель. — Ясней ясного: кто-то опять наследил, кого-то ловят, и этот кто-то — понятное дело, не ломтик. А кто? — Он криво усмехнулся. — Гм, есть тут один человек...»

— Пора уходить, — сказал он вслух.

А мама?

Пескавин встал и снова сел на снег. Под ним таяло и было мокро, но он не замечал сырости. Мама. Он называл ее так, пока не поблекли воспоминания детства, ему не приходило в голову назвать ее про себя иначе, хотя бы матерью, и однажды, еще в колонии, он в кровь избил одного хлыща — хлыщ был на голову выше и сильнее, но он, ища объект для травли и найдя слабое место, позволил себе гнусную шуточку — и следующие десять минут провел очень скверно: Пескавин уже тогда умел драться расчетливо и безжалостно. В конце концов его оставили в покое.

Здесь драться не с кем. Здесь нужно думать, очень много думать. И мало быть просто умным, иначе без толку разведешь руками и утешишь себя мыслью, что против ветра не плюют. Разве что случай, везение? Столько везения не бывает, негде достать. Изволь сначала доказать, что эти люди почти живы. И кому? Администрации заповедника? Пескавин зашипел сквозь стиснутые зубы. Этой мрази ничего доказывать не нужно, сами прекрасно знают, недаром институт отгрохали, вместо ответа просто наведут справки — и привет. Гостеприимны, улыбчиво скалятся и даже почти согласны, что выставка мертвецов это немного аморально, ну и что с того? А туристский бум, а отели, а лучшее на Тверди обслуживание, гордость Системы Общественного Блага? А то, что признаков обмена веществ у мумий не обнаружено? Эксперты из института опровергнут что угодно, тоже ведь живы не святым духом. Падаль. Положим, с музеем живых людей, пусть окаменевших, но живых, они оскандалятся, шум будет немалый, и с первого взгляда кажется, что здесь у них слабина, но это только с первого взгляда. Ткнуть их носом в регенерировавший палец? И что? А вы, простите, специалист? Эксперт? Кристаллы ведь тоже растут. Растут, должно быть, и горы закрытых материалов в сейфах института, растет охрана. Пескавин выпрямился. Он вдруг понял то, до чего не мог додуматься раньше: охрану начали усиливать тогда и только тогда, когда выяснилось, что мумии регенерируют... Нет, шума не будет.

Что еще, подумал Пескавин. Не шум, так вой поднять? Я сам как доказательство? Чушь лезет в голову. Из оборонного центра ничего не вытрясешь, а потом выяснится,

что «доказательство» числится в розыске на шести планетах. И не нужно ничего доказывать, не нужен мне шум, а если честно, то и мумии мне не нужны, слишком их много, а нужна мне только одна. Вот так. И глупо внушать себе благородство, которого сроду не было — откуда ему взяться, — и глупо корчить из себя пророка и заранее пыжиться. Хорош пророк с уголовным прошлым — этакий радеющий обо всех мессия, со всех сторон положительный...

Так. Что у нас еще? Еще, кажется, есть какие-то чахлые организации, какие-то общества веры в кого-то, воюющие с заповедником по религиозным мотивам. Совсем не то. Пока эти моралисты чего-то добьются, ломтики успеют растащить половину заповедника.

Значит, вернуться, понял Пескавин. Только это. Вернуться и взять мамин пальчик. Он представил себе, как это будет, и зажмурился. Его передернуло. Да, мама, я подойду к тебе и буду стараться ни о чем не думать, иначе у меня ничего не получится, подойду, как вор, и возьму палец. И это я тоже не забуду никогда. Если повезет, доберусь до оборонного центра. Сдамся. На коленях буду ползать... Он перевел дух. И еще... Матери нужен сын, а не Текодонт. Значит, еще один пальчик — у сына, у шестилетнего Пескавина, и пусть сын растет не зная, кто такие текодонты...

— Встать! — скомандовали сзади.

«Это кому? Мне?!»

Он ошарашенно вскочил и оглянулся. Совсем близко, шагах в пяти за его спиной, растопырив ноги для упора и наставив карабин, стоял охранник. Кажется, это был молодой парень, детина с круглыми розовыми щеками. Наверное, недавно в охране и не упустит случая отличиться. Под краем низко надвинутой каски на Пескавина смотрели внимательные глаза. Дергаться не стоило.

— Оружие, добычу — ну! Живо!

Пескавин зло усмехнулся: «Добычу!» Он не спеша опорожнял карманы и все, что в них было, кидал охраннику под ноги. Охраннику это не нравилось, он морщился и иногда странно дергал лицом, но молчал. «Боится, — подумал Пескавин, — все они боятся...» Его рука скользнула во внутренний карман. Ему еще не приходилось убивать человека, но сейчас он был готов это сделать. Одно движение кистью — и стилет влетит охраннику под край каски раньше, чем тот успеет выстрелить, а потом прыжок в сторону — и добить, если еще жив... Но стилета нет, отобрали ломтики.

Может быть, это к лучшему.

— Руки за голову, — скомандовал охранник. — Марш!

Комната, куда его втолкнули, оказалась мала и темна, половину ее занимал гигантский письменный стол, и в первый момент Пескавин решил, что кроме стола с единственным исчерканным листком посередине в комнате никого нет, но тут же понял, что ошибся, потому что сзади уже не покрикивали и не пинали в спину, а только старательно сопели над ухом. Он скосил глаза. Охранник ел глазами начальство, и Пескавин проследил за его взглядом. Есть было что. Оконный проем занимала туша, не оставляющая никаких сомнений в том, кто здесь начальник охраны заповедника, а кто наглец, ворвавшийся без стука с риском получить дисциплинарное взыскание. Под затылком туши, хранящем в ежике жестких волос след фуражки, растекалась по воротнику розовая шея. Туша стояла лицом к окну, глубоко засунув руки в карманы, отчего штанины со скромным капитанским кантом поддернулись и съежились гармошкой, а лоснящийся зад брюк отвис и не соответствовал замыслу природы. За окном не было видно ничего, кроме падающего снега. Охранник над ухом засопел громче и вдруг неожиданно тонко кашлянул. В ухе заложило, и Пескавин потянулся было поковырять в нем пальцем, но по руке ему немедленно треснули, а самого вытолкнули вперед. Начальник охраны вздрогнул и, отворотясь от окна, строго посмотрел на вошедших.

— Снег, — сказал он сурово. — Хорошо. Падает и падает. — Он с усилием вытянул руки из карманов, и карманы у него вывернулись наружу. На пол посыпалась начинка: кипа мятых бланков, перехваченная резинкой, дамский перстень-компьютер, несвежий носовой платок, шоколадная конфета, какой-то неопределенный сор, пачка зубочисток, рассеявшихся при падении... Охранник, выскочив из-за спины Пескавина, оттолкнул его в сторону и кинулся собирать рассыпанное. Начальник охраны смотрел на него в глубокой задумчивости. Его шея, задушенная воротником, быстро приобретала багровый цвет.

— Вы зачем? — рявкнул он в пространство между Пескавиным и охранником. — Вы кто? Я спрашиваю!

Пескавин открыл рот, не зная, что ответить, и закрыл, не желая отвечать, а охранник уже стоял в струнку, зажав в руках собранные предметы. Выкатывая глаза, он прокричал:

— Третьего взвода рядовой Хурц, господин капитан!

— Вы! — закричал начальник охраны, свирепея на глазах. — Вы что, я спрашиваю? А? Руки по швам!

Рядовой Хурц выполнил приказание, отчего собранные было предметы снова покатились по полу.

— Это что? — кричал начальник охраны. — Это что, я вас спрашиваю, рядовой! Будет когда-нибудь порядок у вас в третьем взводе? Молчать, вы этого знать не можете. Почему, я вас спрашиваю, задержанный, которого я видел из окна, как вы вели, до сих пор не здесь? Карцера захотели, рядовой? Ма-алчать! — Пескавин с изумлением смотрел на брызжущего слюной начальника охраны, а тот все багровел, все раздувался, словно готовясь взорваться с максимальным фугасным эффектом, и орал:

— Что «господин капитан»? Вы не господин капитан, вы рядовой, а потому — ма-алчать! Это что у вас на полу? Бардак у вас на полу. Где задержанный? Немедленно ко мне сюда задержанного! Марш!

Охранник очумело козырнул и выскочил за дверь. Какое-то время до слуха доносился удаляющийся топот, потом его не стало слышно. Начальник охраны замолчал и стал как-то меньше ростом. Он отошел от окна, впустив в комнату свет снаружи, тщательно заправил карманы на полагающееся им место, поддернул брюки у колен и, опустившись на корточки, принялся собирать вещи. «Помогите», — буркнул он, покосившись на Пескавина. Его лицо и шея шли красными пятнами.

В оперетту его, думал Пескавин, собирая зубочистки. Сказал бы кто, что здесь такой процветающий идиотизм, — не поверил бы. Приходи и бери голыми руками. Он сдул пыль с зубочисток и высыпал их на стол. Бред какой-то. Неужели вырвусь? Или прав блажной Детка, уверяя, что у человека есть право на чудо? Один-то раз он оказался прав...

В голове стучало. Начальник охраны выпрямился и перевел дух. На его лице обозначилась мучительная работа мысли.

— Здравствуйте, — сказал он, вытирая шею. — Э-э... вы давно здесь?

— Где? — не понял Пескавин.

— Ну-у... на Тверди. Я, например, здесь родился.

— Я тоже.

— Н-да, — сказала туша. — И... и что?

— И все, — сказал Пескавин.

Возникла томительная неловкость. От непомерного напряжения начальник охраны снова начал багроветь.

— Чему обязан? — спросил он наконец. — Здесь посторонним находиться запрещается. Для вас я мог бы сделать исключение, вы мне сразу понравились, но сейчас сюда приведут задержанного, так что никак э-э... не могу быть вам полезен. При всем уважении к вам — не могу. Да. Приходите в приемный день, это завтра, договорились?

— Хорошо, — сказал Пескавин. Он был как на крыльях. — Завтра зайду обязательно.

Он взялся за ручку двери. Случившееся ошеломило и не укладывалось в сознании, невероятная удача накатывала волной, теперь бы только удержаться на гребне, не съехать, уйти умно и нахально... Рифмач со смеху сдохнет, подумал он. А потом послать Рифмача подальше. Сказать, что я от ломтиков, тогда не убьют. Ты жди меня, мама. И когда-нибудь странный человек, в котором ты не узнаешь сына, расскажет тебе эту историю, и ты не будешь смеяться, потому что ничего не поймешь, а странный человек уйдет тихо, как и пришел...

Дверь неожиданно распахнулась сама. Пескавин сделал шаг назад. Перед ним, наставив карабин ему в живот, с ухмылкой стоял охранник.

— Совсем забыл, — довершая удар, донесся сзади голос туши. — По-моему, мы с вами еще не закончили, как вы думаете?

Игра, с тоской понял Пескавин. Он готов был взвыть. Опять игра, опять меня надули. Солдафон играет солдафона. Классика: нет ничего слаще, чем отнять подаренную надежду. Отработанная забава, не я первый, не я последний, и сколько их было, попавшихся на явный крючок? Теперь, по идее, клиент должен распустить сопли и расколоться в два приема. Кстати, первичный допрос зачтется этой туше в плюс.

— Лицом сюда! — рявкнул начальник охраны. — Фамилия. Имя.

Пескавин назвался. И хватит с них. Фамилия была дежурная, под ней он зарегистрировался на въездном контроле. Пусть повозятся.

За спиной прошуршали шаги. Пескавин обернулся и увидел Анну. Она уже успела избавиться от своей рыжей куртки и, ладная, стройная, вошла комнату легкой походкой беззаботной девчонки. Но теперь на ее плечах висел умышленно не застегнутый на груди форменный китель со-

трудника спецслужбы, а рыжие волосы — «не сомневайся» — спадали на сержантские погоны. Она приветливо помахала рукой, и Пескавин отвернулся. Он чувствовал себя рыбой, которую глушат. Несладко рыбе. «На Тверди не просто бьют, здесь добивают...» Случайность? Любовь к эффектам или девочка тоже претендует на роль в спектакле? Ему было безразлично.

— Познакомьтесь, — предложил начальник охраны, с удовольствием разглядывая Анну. — Это сержант Ланге, прикомандированный сотрудник Управления Расследований, а это... — он с трудом оторвал замаслившиеся глазки от прикомандированного сотрудника и с юмором посмотрел на Пескавина. — Может быть, все-таки назоветесь подлинным именем?

Пескавин молчал. Туша пожала плечами:

— Что ж, дело ваше. На следствии за вас возьмутся по-другому.

— Что у него нашли? — с интересом спросила Анна.

— Вот, — начальник охраны ткнул толстым пальцем в другой палец, давешний раскрошившийся мизинец, лежащий на мятой бумажке. Капельки выступившей в местах сколов жидкости уже застыли белым налетом.

— Только-то? — удивилась Анна. — Что же это ты, Текодонт, а? Мы же договаривались — пять штук, не меньше. Забыл?

Конвойный у двери заржал. Три цикла каторги, подумал Пескавин. Или пять лет одиночества, и то если не раскопают остальное. Потом я вернусь, мама. Еще можно вывернуться: в сущности, кроме этих обломков у них ничего нет, давно было пора их выбросить, да пожалел, увидел в них кусочки чьего-то живого тела. Опять виноват сам: в Ущелье, как и везде, удача не совмещается с нравственными категориями. Так называемыми. Он молчал. Заповедник вернул свой мизинец. В это самое время где-нибудь в безлюдном месте Ущелья кто-нибудь, хотя бы мамаша вислоносого недоросля, трясясь и заикаясь, будет упрашивать охранника продать сувенир, и тот сперва припугнет, заставляя поднять цену, а потом начнет расшвыривать снег в том месте, где вчера вечером сумел припрятать мумию. Так было и так будет.

— Сегодня отдыхайте, сержант, — добродушно разрешила туша, и заскучавшие было глазки вновь вернулись к ощупыванию достоинств Анны. — Э-э... Гм. Я доложу о ваших успехах. Завтра за вами, как обычно, экскурсия на

одиннадцать тридцать. Легенда старая. Кстати, впредь запрещаю вам выпускать объект из поля зрения.

— Запрещайте Хурцу, — фыркнула Анна. — У меня свое начальство. Плевать мне на ваши запреты.

Конвойный у двери замер, боясь пошевелиться. Туша всколыхнулась и опала под насмешливым взглядом Анны. Сержант Ланге улыбалась.

— И на вас мне плевать, — сказала она кротким голосом. — И на мартовский хвост трубой, на сальце ваше хамское...

У начальника охраны отвалилась челюсть, багровые щеки стремительно налились густым свекольным оттенком. Конвойный испуганно попятился, уперся в стену и, маясь, перебирал ногами. Его лицо выдавало жгучее желание провалиться на месте, но избавиться от роли незванного свидетеля, припомнит ведь. «Сейчас шумно будет, — понял Пескавин, морщась. Он уже чувствовал себя лишним. — Сволочи! Как же вы все мне надоели!..»

К большому начальству арестованного вводят, к малому — вталкивают, а в пустую дежурку обычно вколачивают, как гвоздь. В дверях Пескавин дернулся вбок, уворачиваясь от пинка, и резко повернулся к Хурцу: все, парень, остынь, теперь в другой раз получишь удовольствие. Остыл?

Он сел на скамью у стены. Было тихо, только за дверью зло сопел Хурц, да еще слышалось, как за стеной орет начальник охраны и как ему отвечает насмешливый голосок. Слов было не разобрать. Малое время спустя дверь с писком распахнулась, и в дежурку влетела Анна, запыхавшаяся и возбужденная.

— Сел рапорт писать, — сказала она весело и подмигнула Пескавину. Ее глаза блестели. — Дурак ты, говорю, толстый, кому пишешь, кто его будет читать, твой рапорт? Тут-то он и взревел, как прищемленный... Да! Что я говорю... — она с прищуром посмотрела на Пескавина. — Интересная ты птица, оказывается. Тебя, представь, до сих пор не установили, я глазам своим не поверила, когда увидела. Нет такого, и все. Нигде. Получается, что и не рождался ты вовсе и не жил — фантом какой-то. Сейчас ползают по архивам межзвездных станций — и ведь тоже, небось, не найдут, а?

— Уйди, — попросил Пескавин.

Анна присела на край стола, небрежно закинув ногу за

ногу. Она смотрела на Пескавина, как художник смотрит на оконченное полотно, гордый удачей, и от ее взгляда хотелось чесаться.

— Нервный ты, — сказала она с удовольствием. — Я же тебя привлекаю, сам сказал. А теперь — «уйди»... Несолидно как-то. Да и несерьезно в твоем положении. Кстати, ты, надеюсь, не собираешься наделать глупостей? Например, броситься на меня и задушить? Или использовать как заложницу?

— Нет, — сказал он. — Не такой дурак. Уйди.

Уходить она не собиралась. Наоборот, по тому, как она расположилась на столе, можно было предположить, что разговор только начинается и очень ее интересует. Пескавин по-сухому сглотнул. Его мутило. Мало, все им мало... Извращение же, и не новое. Были, говорят, когда-то в древности не то на Земле, не то где-то еще этакие дамы, прилежные посетительницы колизеев, — по ночам к ним водили гладиаторов, а утром дама рукоплескала, глядя, как более удачливый боец насаживает ее ночного любовника на трезубец. Насквозь. А может, их тогда и не было, дам этих, может, они появились позднее, и одна из них — вот сидит. Смысл жизни — игра, смысл игры — наслаждение, и, конечно же, интеллектуальное, это острее, простодушные римлянки до этого не додумались. Нет, девочка, сержант ты мой, матрона, разговора у нас с тобой не получится. И если ты еще не поняла этого, я помогу тебе понять.

— .....!

— Плоско, — поморщилась Анна. — И неумно. Если хочешь меня прогнать, придумай что-нибудь другое. Между прочим, в Ущелье ты рефлексировал гораздо интереснее, я никак не могла тебя предугадать. Это я-то, психолог-практик — и не смогла ни разу, можешь себе представить? Что-то я в тебе не до конца поняла, сложный ты, Текодонт, с твоей работой это опасно, имей в виду на будущее. Только сейчас ты такой же, как все. Скучный. Побитый. А в сущности, что изменилось? Только фаза работы и больше ничего. Понимаешь, фаза! В начальной фазе я тебе нравилась, ты же меня всю глазами обглодал, попробуй только отрицать. И я не стану тебе врать, что мне было неприятно. Но это моя работа. Вот так, ящер.

— И нравится? — не удержался Пескавин.

— Хорошая работа, интересная, — сказала Анна. — И перспективная. Не век же торчать в этой дыре, которая даже не курорт. На днях мне присвоят лейтенанта и отзовут,

так что ты у меня, наверное, последний. Честное слово, мне жаль, что ты не появился здесь неделей позже.

«Мне тоже жаль, — подумал Пескавин. — Но неделей позже все могло бы сложиться иначе, и я бы не увидел то, что увидел. При удаче реализовал бы добычу и жил бы расчетом сколотить свою группу... Пупыря можно взять, Хабиба уговорить рискнуть — ходить в Ущелье и объявить вендетту ломтикам. И прозвали бы они меня не Текодонтом, а каким-нибудь Тиранозавром. Но сам бы я в Ущелье больше не пошел. Никогда».

— Сейчас за тобой придут, — сказала Анна. — Прогуляешься до выхода, машина туда уже вызвана. Не хочешь со мной разговаривать? Тогда почитай и оцени, пока есть время, — она протянула ему несколько скрепленных в брошюру листков. — Бери, бери. Это «Психология преследования», моя дипломная работа. Допущена в качестве учебного пособия. Я буду тебе благодарна за замечания. Да ты на гриф не смотри, ты читай, тебе уже можно...

Пескавин с силой размахнулся и запустил брошюру через всю комнату. Ударившись о стену, брошюра спланировала на пол. Анна, казалось, того и ждала, и Пескавин понял, что опять ошибся. Сержант Ланге уничтожила его, но под сержантским кителем была другая Анна — настоящая «не сомневайся», ни одна актриса так не сыграет, — и этой Анне не было дела до успехов сержанта, и она органически не умела проигрывать.

— Но как ты бегал! — расхохоталась она, припоминая. — Как ты петлял! Как заяц. Чуть локатор не свихнулся и я вместе с ним. Ты же от целого взвода уходил, дважды пробегал сквозь цепь, а сам, небось, и не заметил. То-олько наведешь на него охрану — а он уже в другом месте и опять куда-то вскачь. Стой, говорю, дурачок, куда ты несешься, зачем зря нервировать охрану... Спасибо, дурак Хурц тебя зацепил, а то дождался бы ты крайних мер. Тебе не интересно, что это за крайние меры?

— Нет, — ответил Пескавин и содрогнулся. — Летаргатор?!

Анна снисходительно усмехнулась:

— Летаргаторы, как известно, запрещены. Правда, в особых случаях можно сделать исключение... но ты не особый случай, с тобой проще. Тебя бы просто убили.

Недостоин, значит, с облегчением подумал Пескавин. Так тебе, Текодонт, так. Мелкий ты, хоть и прыткий. Букашка.

«Тебя бы просто убили...» Смысл этих слов не сразу дошел до него, а когда дошел, спине стало жарко. Значит, она знает и это. Летаргатор убивает наверняка, и часто человек даже не понимает, что он убит; он просто засыпает. Но был один случай, когда летаргатор не убил...

Анна кивнула:

— Ты правильно понял, ящер. Мумии живы, ты и сам это прекрасно знаешь. Только у нас говорят не «живы», а «сохранены». Есть такой термин. Я знаю, ты знаешь, все знают, даже гиды, а не знают те, кому этого знать не нужно. Экскурсанты должны получить то, за чем приехали. Или нет?

— Должны, — безразлично подтвердил Пескавин. — Обязательно.

Лязгнула дверь, впуская охранника. Пескавин поднялся.

— Кажется, мне пора. Благодарю за цирк с этим... бегемотом. Не ожидал.

— Для тебя старалась, — отозвалась Анна.

В бок уперся металл. Пескавин повернулся, как ходячий манекен, и шагнул к двери.

— Эй, ящер! — донеслось сзади, и он замер. — Совсем забыла спросить. Только без вранья: ты ведь с самого начала не собирался искать меня у касс, верно?

Вот что ее интересует, без удивления подумал Пескавин. Зачем? Ждет ответа типа: «Ну, разумеется»? И очень хочется ответить ей так, чтобы было о чем вспомнить в каторжном бараке, заставить ее кинуться на меня с когтями, как вульгарную девку, чтобы непременно с визгом — и шерсть клочьями. Слова найдутся, заставят взвыть любую. Но эта не взвоет. И поэтому я скажу тебе правду, девочка, какой мне хотелось бы видеть эту правду, и пусть ты первая посмеешься надо мной, как над этой бегемочьей тушей — новой твоей забавой. Тебе пока еще весело играть в эту игру, и ты думаешь, что так будет всегда. Но это не так. Когда тебе станет плохо, когда твой выдуманный мир сыскной романтики начнет разваливаться, ты, может быть, вспомнишь то, что я тебе скажу, и тогда... Не знаю, что тогда. Достаточно того, что ты меня вспомнишь.

— Нет, — сказал он твердо. — Я бы пришел. Я бы постарался тебя найти.

— И дурачок же ты, — послышался вслед насмешливый голосок Анны. — Но все равно, спасибо за удовольствие.

— Тебе спасибо, — серьезно сказал Пескавин.
Охранник что-то буркнул и вытолкнул его в дверь.

Двое конвойных за спиной, еще один идет впереди. Этот все время оглядывается и тогда сбивается с тропинки, вязнет в снегу, бормочет что-то — должно быть, ругается, потом снова месит ногами снег, и по напряженной бритой шее под каской заранее можно сказать: вот сейчас он обернется... Так и есть. Будто боится получить по уху. Пентюх. Да нет, смотрит скорее с любопытством, будто никогда таких не видел. Ну смотри, смотри.

Не надо меня подгонять, я хорошо иду. Я иду правильно, и вовсе незачем тыкать в спину. Когда торопишься, возникает одышка и кровь приливает к голове, а вам, ребята, это вредно. Начнете нервничать, кто-нибудь споткнется и нечаянно нажмет на спуск, а зачем мне нужна ваша пуля? Знаю я эти пули: от человека остаются одни обугленные подошвы. А для чего вам нагоняй от начальства? Для коллекции впечатлений?

Ну вот, нельзя и поскользнуться, непременно нужно долбануть под ребра. Это, наверное, тот, что повыше. Прикладом. Белобрысая сволочь. Начальство одобрит служебное рвение и обманется, потому что это не рвение, а свойство натуры. Ударить, благо дозволяется. Втоптать. Изувечить. Размозжить.

Ущелье текло навстречу, позади на растоптанном экскурсантами снегу остались мумии, бесконечно одинокие наедине со своей полусмертью. Экскурсии кончились, последняя группа сейчас, должно быть, тряслась к отелю в загнанной многоножке, и высоко над Ущельем гнало ветром инверсионный след натужно взлетающего грузового корабля с одним незанятым местом на борту. Пусть. Жалеть не о чем. Пескавин улыбнулся. Много лет я ждал этого дня, мама, и боялся его, но теперь мне совсем не страшно. Я еще приду к тебе и в следующий раз буду удачливей, каждый шаг я продумаю в деталях, времени на это мне отпустится достаточно. И унесу с собой два пальца. Только два. Я эгоист, а не пророк, теперь, когда я в этом признался, мне легче. А остальное сделает он, второй Пескавин, когда подрастет. И если он захочет что-то сделать, нас будет двое. Впрочем, и первый Пескавин кое-что может, например, продержаться на следствии, неожиданно расколоться на суде и к черту адвокатов! Говорить, кричать, если нужно, по-

ка не заткнут рот, это шанс. Не только святые проповедуют с крестов.

Но и распинают не только святых, подумал он. Продержаться на следствии, гы! Дитя! Да что я, под следствием не был, что ли? На Тверди, правда, не был, но тут, говорят, еще хуже. И кому здесь нужен скандальный суд, да еще с последствиями, способными подорвать важную статью в экономике планеты? Сгноят и так, они умеют, и тут трудно что-либо придумать. Но должно же хоть однажды, хоть раз в жизни по-настоящему повезти!

...Там, где утром шли поодиночке, у первой вешки, предупреждающей о лавиноопасном участке, его сбили с ног, выкрутили назад руки, навалились, прижимая к раскисшему снегу.

— Вот так, — отдуваясь, сказал кто-то, судя по голосу — тот, белобрысый. — Незачем рисковать, пусть пока полежит, специалист по лавинам.

Над головой засмеялись. Потом до уха донеслось удаляющееся чавканье снежной каши: один из конвоиров пошел вперед. Кажется, любопытствующий, тот, что оглядывался, исследователь арестантских физиономий.

Подкладка куртки промокла от набившегося снега. Знают, с отчаянием понял Пескавин. Все знают, даже про лавину, вчерашнюю мою отсрочку. От ломтиков, больше неоткуда. Значит, у них связь, значит, это система со своими каналами обмена и законами дележа, с привычным уничтожением истины, система в Системе, против которой одиночка не имеет шансов, и сержанта Ланге, если она еще не с ними и если не спасует, можно только пожалеть. Впрочем, ей интересно ловить мародеров, она для них человек полезный, пока не начала думать. Или хотя бы вслушиваться в высокопарный слог текстов, читаемых гидами, настроченных кем-то ушлым на всеобщую потребу. Ему вдруг стало смешно. Эти маленькие люди пытаются распоряжаться своим прошлым! Земляной червь, прокопавший ход, объявляет его своей собственностью! История, развешенная дозированными порциями. Та история, что описана в школьных учебниках. Другой не существует. Подземный ход червя должен быть невидим.

— Козлы! — выдохнул он — и засмеялся, давясь снегом, когда в затылке вспыхнула пульсирующая боль от тычка стволом карабина.

— Отпусти, дубина, задохнусь!

Ему подняли голову за волосы, и он выплюнул комок

снега и закашлялся. Перед глазами плыли круги. Кажется, тот тип уже успел пройти участок.

— Теперь ты, — белобрысый ткнул Пескавина в спину и взял карабин наизготовку. — Топай, сука.

Пескавин покачнулся и обрел равновесие. В голове еще болело, и он потер рукой затылок. Шишка будет. Пройдя немного, он обернулся, запоминая как следует черты белобрысого. Тот ухмыльнулся:

— Топай, топай.

Далеко впереди, существенно дальше второй торчащей вешки, маячил третий конвоир. «Опять в снегу валяться, — подумал Пескавин. — Наставит карабин — и придется лежать, пока не подойдут те двое. Боятся, что сбегу. Не соображают, что бежать мне уже некуда, да и незачем».

Он поднял голову. Снегопад нарастил снежную шапку, теперь она нависала гигантским карнизом, еще удерживаясь в хрупком равновесии, но уже готовая оборваться в любую минуту. Ему стало жутко. То, над чем он смеялся, оказалось единственной правдой в этом фарсе. Над головой угрожающе потрескивало, и Пескавин ускорил шаг, стараясь идти плавно и мягко, как на лыжах. Он почти не дышал. От напряжения взмокла спина и рубашка прилипла к телу, но он боялся пошевелить лопатками. Сейчас, сейчас... Вот уже пройдена треть пути, вот уже почти половина. Я дойду. Что он делает, этот конвойный? Он целится, и это понятно — но почему он целится вверх? Пескавин оглянулся. И те двое... и те двое делают то же самое. Да нет же, они не решатся, багровый бегемот с них шкуру спустит. Разве что...

Он вдруг все понял. Его вычислили. Пусть местные архивы и не слыхали о таком — в галактическом банке данных найдутся сведения о двадцатилетнем уникуме, родившемся двести лет назад. Незачем быть гением, хватит и бегемочьих мозгов, чтобы насторожиться, потом испугаться до пота — и от страха принять единственно возможное решение. Речь на суде? Полноте, господа, суд над покойным — это же нонсенс!

Никого не удивишь несчастным случаем в горах. Это бывает.

«Неужели так просто?!.»

Он не хотел верить. Глупо было бы думать, что в конце концов не убьют, он знал это и готовился. Но оказалось, что он был готов только к смерти в борьбе.

— Э-э-э! — отчаянно и жалко закричал Пескавин. — Не надо! Э-э-э...

Из трех стволов вылетело беззвучное пламя. Где-то на-

верху грохнуло, донеслась воздушная волна. Теперь там ворочалось что-то большое, неохотно просыпалось, разбуженное вырванными из тела комьями снега. Пескавин повернулся и побежал назад, втягивая голову в плечи.

— Не стреляйте! Я буду молчать! Я никогда...

Блеснуло еще пламя. Плечо белобрысого дернулось, погасив отдачу.

Лавина пошла.

Сначала донесся гул, как от приближающейся грозы, потом над головой потемнело, и тогда раздался ухающий грохот, нарастающий с каждым мгновением, парализующий волю и способность к сопротивлению. Пескавин бежал, с хрипом втягивая в себя воздух. Он понимал, что не успеет, и видел, что оба охранника тоже это понимают и лишь из перестраховки держат его на прицеле. Гады! Га-а-ды!

Боковой язык лавины отрезал его от вешки. Пескавин прыгнул влево, прижимаясь к скале, вжался, обняв руками шершавый камень. Бесполезно.

Лавина накрыла его. Он ощутил удар, как будто на него с размаху налетела бетонная стена, и он еще успел удивиться силе удара, а лавина, казалось, на мгновение задержалась на уступе, словно ей потребовалось усилие, чтобы схватить жалкую человеческую фигурку, но в следующую секунду Пескавин почувствовал, что падает в вязкую бурлящую массу. Он закричал от дикой боли в выворачиваемых суставах, но снег тотчас забил ему рот, не давая вылететь крику. Донесся близкий удар, и Пескавин, крутясь в снежном водовороте, понял, что лавина достигла дна. Потом внутри него что-то с хрустом сломалось, и сразу наступила тишина.

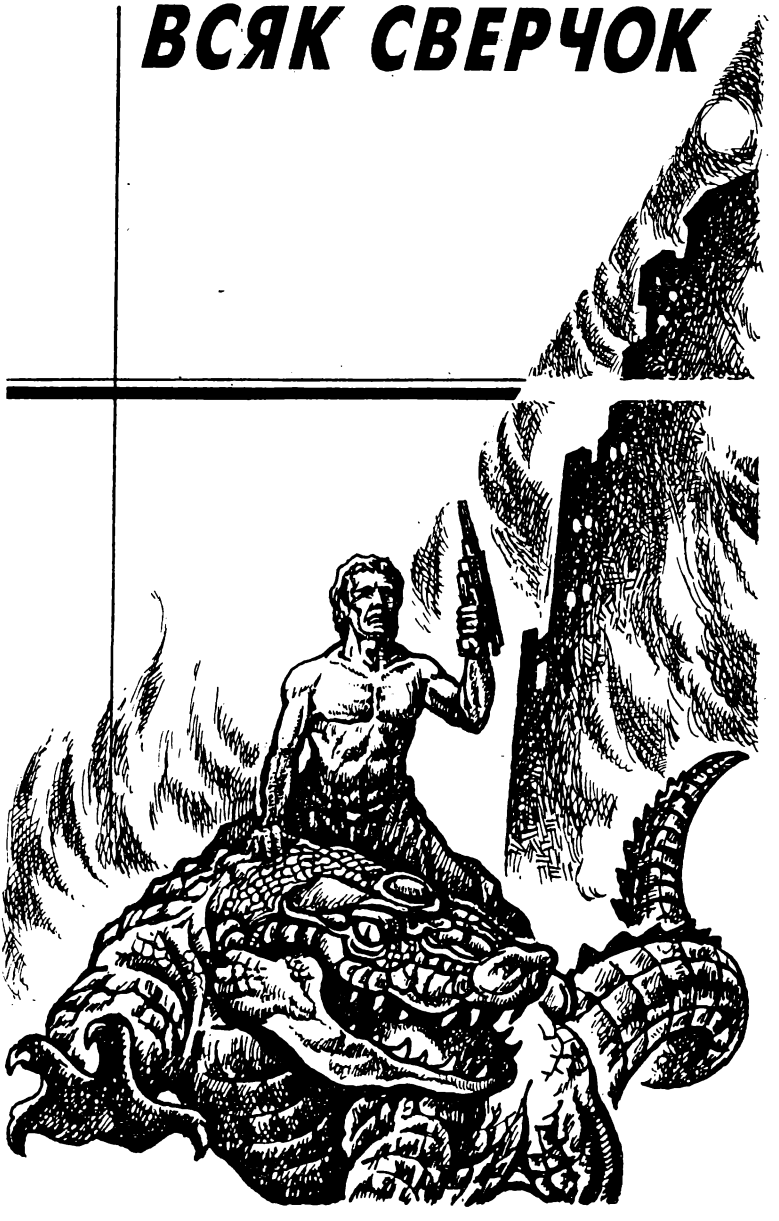
Он не ощущал своего тела. Сознание мучительно уплывало, как тогда, на руках у склонившейся над ним мамы. Дышать было нечем. Прости, мама, захотелось шепнуть ему, но он не смог пошевелить губами. Прости меня, я не сумел. Я ведь только Текодонт, не более. Ты жди, мама, все будет хорошо. Пока жив заповедник, будут жить и текодонты, иначе не бывает. От них нечего ждать, они бесполезны и отвратительны, рано или поздно их все-таки выбьют, но они протопчут след, большего они и не могут. И тогда до заповедника доберутся люди. Так будет лучше, успел подумать он, задыхаясь под толщей снега. Да, так будет лучше.

Женщина осмотрелась по сторонам и выдернула ногу из снега. Ее удивила странная мысль, будто она разучилась

ходить, и женщина сердито отогнала эту мысль. Ничего не разучилась, просто устала, но это пройдет, вот только бы одолеть перевал. Она выпрямилась и сделала еще шаг. Самым неприятным было то, что болела спина, так, будто там был глубокий порез, но женщина не решалась его осмотреть: на руках спал ребенок. Ну спи, спи, малыш. А что же остальные? Будто тоже только проснулись: должно быть, оцепенели от страха перед налетевшей боевой платформой. Успокойтесь вы, эту платформу сбили, очнитесь, пойдем! А откуда снег? Не помню я. Ну ладно, снег так снег, что с того, что снег? Через перевал бы перейти, пока снова не налетели, вот что. Проснись, малыш, я устала тебя нести. Давай-ка сам. Ну? Вот так, хорошо, и терпи, если хочешь вырасти сильным. Хочешь? Ну конечно, мне тоже этого хочется. Не запросишься больше на руки? Видишь: все идут, и нам не надо отставать. Вот так, молодец, обогнал маму. Да ты у меня уже совсем большой, я вижу!

1989-90 г.

ВСЯК СВЕРЧОК

Героям космических боевиков
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Шаг. Еще шаг. И звенят цепи.

Опять? Ну да, опять. Как будто нельзя было подождать еще немного. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, где я и что со мной можно сделать. А цепи все звенят.

Я еще плохо видел, но по долгому, сопровождавшему нудный стук шагов эху понял, что дорога ведет через горы. Кажется, уже наступил рассвет; в такое время нынешнее белое светило, сегодня заметно более крупное, чем вчера, только набирает размах, готовясь к взлету над хребтом, а два его карликовых спутника, желтый и оранжевый, стараются вовсю, раскрашивая вершины радостными красками, — но когда наступит полдень и тройное солнце выползет в зенит — тогда все будет иначе: карлики исчезнут в короне главной звезды, снежные пики вспыхнут нестерпимым блеском, и безжизненные склоны зальет ровный мертвенный свет. Вот тогда начнется самое трудное: сколь ни жмурься, а к вечеру резь в глазах станет невыносимой и воспаленные веки будут царапать глазные яблоки как крупный наждак. Нет, утро куда лучше. Глаза пока не болят, темп движения невысокий, и когда прекратится озноб, оставленный на память убийственным холодом ледяной ночи, я на короткое время пожалею, что не родился поэтом, чтобы описать великолепную игру красок на гребнях гор, тонкие струи водопадов, срывающихся с далеких скальных уступов, настолько совершенные, что к ним просто нечего добавить, и поэт будет мучиться, подбирая слова и подозревая, что слов таких нет. Ну, нет так нет, и значит, можно написать куда короче, к примеру так:

...Дорога петляла среди гор в нескончаемом подъеме. Колонна осужденных понуро двигалась вперед. Время от времени позади сухо щелкал выстрел: конвойные добивали отставших...

Вот и все. Более чем достаточно. И я подозреваю, что именно так и будет написано. Дело в том, что Он...

Трах! Не дали довести мысль до конца. Это где-то сзади. Ну вот, что я вам говорил.

Я оглянулся. Позади густо вставала пыль, поднятая сотнями ног, но сквозь пылевую завесу было видно, как двое охранников тащат тело убитого к краю обрыва. Люди в колонне, втягивая головы в плечи, невольно ускорили шаг. Но надолго их не хватит, через некоторое время усталость

возьмет свое, кто-то отстанет и тогда снова прозвучит выстрел. В хвосте колонны, как всегда бывает, идут самые слабые и измученные и, может быть, самые счастливые из всех осужденных, потому что они не увидят рудников, им не дойти даже до перевала, они это знают и, наверное, сознают, что лучше уж сразу, — но идут, идут...

Тело убитого было сброшено вниз. Оно будет долго лететь, переворачиваясь в воздухе, ударяясь о выступы скалы, и в конце концов достигнет дна. И пока колонна не дойдет до рудников, многим придется испытать ту же участь. Но только не мне. Потому что это было бы слишком просто...

...Цепь, сковывающая руки, больно врезалась в кожу. Чтобы отвлечься, Орк считал шаги. Через каждые пятьсот он разминал затекшие пальцы на руках, предчувствуя, что руки еще понадобятся, и осторожно скашивал глаза в сторону идущего справа охранника. Следовало выждать удобного момента...

Итак, начало положено. А Ури Орк — это я. На сей раз я родился в колонне осужденных на бессрочную каторгу, а значит, максимум на полгода, больше никому не выдержать. Не самая приятная стартовая позиция, но прежде бывало и похуже. И я скован цепью, иными словами — буйный и склонен к побегу. И охранник, тот самый, идущий справа, при первой возможности подстрелит меня с особенным удовольствием, да только успеет ли? И то, что он, держа карабин под мышкой, преспокойно шагает на полпути между мной и обрывом, говорит очень о многом. Например, о том, что он болван, каким по авторскому замыслу и полагается быть охраннику, и еще о том, что мне действительно предстоит попытка побега с этапа, откуда не убегал еще никто, да еще самым прямолинейным и недвусмысленным путем — в пропасть.

Будь моя воля, я подождал бы более реального шанса. Это Он думает, что я не боюсь высоты. Автору позволено многое. Впрочем, пока все верно: высоты я действительно не боюсь. Но из этого факта Он, кажется, намерен вывести заключение о том, что я не боюсь и падать с любой высоты. А это совсем другое дело.

Так или иначе, мое рождение состоялось, и снова в роли главного героя, другой роли я не знаю. Это ко многому обязывает, и поэтому теперь хорошей жизни не жди. К финишу я, скорее всего, приду полумертвым, но в конце кон-

цов верх будет за мной. Это неизбежно. Меня не убьют, не искалечат непоправимо, не выбьют мозги, сделав идиотом. Ничего этого не случится, зато о погонях, драках, прекрасных дивах и хитрых головоломках можно сказать с уверенностью: что-то будет. Если особенно не повезет, то все сразу.

Какое же это рождение по счету: двадцатое или двадцать первое? Надо же, сбился. Ну ладно, пусть двадцать первое. Выводок рассказов с общим героем — мною. Да, еще был роман и, кажется, имел успех, но о романе вспоминать не хочется, на то есть свои причины. Нет, Герой — это замечательно. Главный — тоже неплохо звучит. Но Главный Герой у моего Автора — это мускулистый мальчик для битья. И бьют больно.

...В полдень жара дошла до высшей точки. За спиной все чаще гремели выстрелы — конвойные, одетые в охлаждающие костюмы, не знали пощады. Идущий, вернее, плетущийся рядом с Орком молодой осужденный вдруг остановился с широко раскрытыми невидящими глазами, пошатнулся и упал под ноги идущим. Изо рта его хлынула темная кровь. Один из охранников, не сбавляя шага, вскинул карабин, прищурился на упавшего и пустил пулю в уже мертвое тело. Орк шел, трудно дыша сквозь стиснутые зубы, и поднятая колонной пыль скрипела на зубах...

Здесь Он прав, я действительно трудно дышу и мне тяжело, потому что корявая фраза о жаре, дошедшей «до высшей точки» хотя и метафорична, но тем не менее не допускает двоякого толкования. Очевидно, имеются в виду пределы человеческой теплостойкости. Впрочем, это неважно. Если Он заявит, что жара превзошла эти пределы, ничего особенно не изменится. Затем я на время отключаюсь, потому что Автор решил больше не темнить и кратко рассказать обо мне — этакий небрежный реверанс в сторону олухов, не читавших предыдущих рассказов, — а заодно и прояснить ситуацию.

Короче говоря, я — Ури Орк, в редких случаях — Уриэл Оркад, положительный Герой-всегда-остающийся-в-живых, неизвестно — блондин или брюнет, выше среднего роста, мужеска пола и неопределенного зрело-молодого возраста. Цвет глаз серый, оттенка нержавейки, подбородок квадратный. Часто — очень квадратный. Иногда подбородок есть то единственное, из чего состоит мое лицо. Вынужденно спортивен. Любим женщинами за характер и твердые бицепсы (о трицепсах Автор забыл, поэтому трицепсов у меня нет). Мастерски владею любым оружием, и хотя часто

успеваю выстрелить только вторым, но попадаю в цель, как правило, первым. Главное занятие и смысл жизни — борьба с мировым Злом, поскольку убежден, что Добро безгранично, а Зло имеет предел, до которого я пока что не добрался. Кроме того, охотно занимаюсь перевозкой грузов на собственном звездолете. Беру наличными и вперед.

Как оказалось, на этот раз я взялся транспортировать обогащенную руду с Дилии XXIII и после очередного внепространственного прыжка был занесен во враждебное пространство, охранявшееся весьма строго. Убедившись на месте, что картина сигма-поля совсем не та, я осознал свой промах и, не решившись на немедленный повторный скачок, после которого меня с большой вероятностью могло бы занести в неизведанную область Галактики, продолжил полет, надеясь вырваться на форсаже плазменных двигателей. Разумеется, я понимал, что попираю все местные законы, если таковые существуют, но как хотите, а есть во мне некая изначальная злонамеренность, Герой-всегда-остающийся-в-живых просто обязан быть немного злонамеренным, иначе пресно. Как и следовало ожидать, я попался, оказав сопротивление при аресте. Груз был конфискован в пользу здешней Империи, звездолет, получивший серьезные повреждения, продан на слом, а я был приговорен к смертной казни, милостью Верховного Распорядителя замененной пожизненной каторгой на радиоактивных рудниках отдаленной планеты, имеющей странное название — Бражник.

Следовало признать, что влип я основательно. Империя, в чьи владения я вломился без приглашения, давно торчала костью в горле всего прогрессивно настроенного человечества и пыталась распространить свои феодальные порядки на всю обитаемую Вселенную. Назревала война. Империя накапливала силы, и все большие массы рабов и проштрафившихся вассалов сгонялись на Бражник, находившийся на краю владений Империи и являвшийся ее главной сырьевой базой.

Как не замедлило выясниться, Бражник не имел постоянного солнца и располагался в тесном звездном скоплении. Эта обобществленная планетка кочевала от звезды к звезде, двигаясь по сложной незамкнутой траектории, что обусловливало резкие изменения климата и отсутствие сколько-нибудь специализированных форм жизни. Зато гигантские тектонические разломы, явившиеся следствием чудовищных приливных сил, сделали планету богатейшей кладовой разнообразнейших руд редких элементов. Какую-то из этих руд мне и предстояло ломать в неведомой ра-

диоактивной шахте всю оставшуюся жизнь, то есть (или я уже говорил об этом?) — недолго. Когда нынешнее белое светило, поиграв Бражником и раскрутив его, как метатель молота раскручивает дурацкий свой снаряд, запустит планету в неизвестном направлении, начнется многомесячная ледяная ночь и большая часть каторжников попросту вымрет от холода. Если до того времени не сдохнет от радиации. Потому-то так торопят охранники, привала не дают — жми, пока солнышко светит. Кто там опять отстал? Трах!

...Это был убийственный марш. После полудня, когда одолели перевал, число людей в колонне уменьшилось на треть. Несмотря на то, что самая трудная часть пути осталась позади и начался монотонный спуск, заключенные едва волочили ноги. Орк чувствовал, что сильно устал, но не позволял себе расслабиться. Мысль о том, что с рудников бежать невозможно, держала его в напряжении. Оставалось либо смириться, либо предпринять отчаянную попытку побега раньше, чем колонна достигнет рудников. Следовало лишь дождаться удобного случая...

Я начинаю звенеть своей цепью, вызванивая гарпийским кодом: «Побег, побег, побег...» — в расчете на то, что среди моих соседей по колонне найдутся люди с Гарпии IX. Мне может не повезти, и один раз я едва не срываюсь на вульгарный тюремный код, тюремный код знают многие, но наверняка он известен и охранникам. И я продолжаю названивать по-гарпийски.

Наконец один откликается. Он идет впереди меня, и, когда оборачивается, будто бы невзначай, я вижу его лицо, квадратную и мясистую ряшку типичного гарпийца с трехнедельной щетиной до поросячьих глаз. На нем нет цепей. Он едва заметно кивает и выщелкивает пальцами ответ: «Сам ты кретин!» Он не верит. Пальцы у него короткие, но щелкают что надо, даже слишком громко, потому что ближайший охранник обращает на него внимание, берет карабин наизготовку и нехорошо усмехается. Будет стрелять или нет?

Ну вот, теперь он смотрит на меня, смотрит с прищуром, и мушка его карабина ползет в мою сторону. Почему в мою? Зачем это нужно Автору? Вот гад, сейчас ведь выстрелит. Пока не поздно — усыпить его бдительность! Вот та-ак. Ноги заплетаются, голова безвольно поникла. Вот я спотыкаюсь, чуть не падаю и всем своим видом выражаю

животный страх и томление души. Охранник доволен. Он презрительно сплевывает и отворачивается. Тем временем мои ноги, отчаянно заплетаясь, начинают дрейф в его сторону. Через минуту я уже нахожусь на правом фланге колонны, теперь один хороший прыжок, и... Неужели ласточкой с обрыва?

...Обломок скалы качнулся под ногой охранника и, едва тот успел отскочить, рухнул вниз, увлекая за собой камни помельче. Секунду спустя за кромкой обрыва уже грохотала лавина катящихся вниз камней, и Орк в мгновение ока понял, что в этом месте под дорогой нет пропасти с отвесными стенами, а есть каменная осыпь. Это давало надежду на спасение.

Но что если он ошибся? Тогда на дне ущелья останется исковерканный труп. Орк не колебался ни секунды. Неожиданно для конвоя...

У моего Автора всегда «неожиданно». Или «вдруг». Иногда — «внезапно». Это непременный атрибут жанра. «Неожиданно» на моем пути встает препятствие, «вдруг» я вижу прекрасную незнакомку и замираю в стойке, «внезапно» — ой! — я проваливаюсь в люк, и т. д...

...предостерегающий крик. Орк прыгнул на ближайшего охранника, вложив в удар весь остаток сил. Цепь, сковывающая его руки, опустилась на череп конвойного...

А я еще терялся в догадках: зачем меня с попущения Автора сковали такой длинной цепью? Оказывается — вот зачем.

...Охранник дернулся всем телом и осел в пыль, но не успел он упасть, как Орк завладел его карабином. Закрываясь охранником как щитом, он успел отстегнуть от его пояса патронную сумку, сорвал тяжелый солдатский нож в ножнах и, отпустив обмякшее тело...

В одно мгновение я обобрал охранника до нитки и, прежде чем ошарашенный конвой успел что-либо предпринять, изо всех сил прыгнул...

...вниз с обрыва. Ему казалось, что падению не будет конца.

Удар. Переворот через голову. Орк успел ухмыльнуться: здесь все-таки была осыпь. Потом ему стало не до ухмылок. Камни рвали его одежду, а он продолжал катиться по почти отвесному склону, пытаясь прикрыть голову скованными руками. Следом с рычанием и яростными проклятиями, цепляясь за все подряд, катился гарпиец. Орк, сжавшись, ждал сокрушительного удара о дно ущелья, но удар неожиданно оказался менее сильным, чем он думал: камни на дне густо поросли толстым слоем мха и лишайника...

В этом весь Автор. Когда Ему нужно, Он и соломки подстелит. Помню, как-то раз я был выброшен из летящего на границе тропосферы флаера, и что бы вы думали — упал в пруд и выплыл.

Я не люблю моего Автора. Он много на себя берет. Например, Ему кажется, что Он умеет писать. Это заблуждение. Он умеет выдумывать сюжеты, и, честное слово, мне жаль, что я обязан Ему своим рождением. А ведь встречаются, встречаются люди, достойные зависти, имеющие порядочных родителей — взять хотя бы добрейшего старину Ийона или, к примеру... Черт, где это я?

Снова в воздухе и стремительно падаю вниз. Все понятно. Автору почему-то не нравится предыдущий кусок, и, значит, мне предстоит дубль номер два. Скомканный лист летит на пол, а я лечу к осыпи и готовлюсь повторить номер «катится-катится Колобок...» Позади снова рычит и сквернословит гарпиец, но теперь его ругательства звучат куда как внятно. Вот оно что: Автору захотелось колоритных выражений. Гм... длинно и как-то не по-русски. Ну, естественно. Пока проговоришь такую фразу, пролетишь полкилометра. И вот еще что интересно: как Автор собирается вставить эти проклятия? Акцент сосредоточен на мне, следовательно, гарпийский фольклор нужно давать через мое восприятие — а что можно воспринять, кубарем катясь по откосу? Я злорадно ловлю Его на несообразности, втайне надеясь, что Он ее не заметит — иначе, чего доброго, последует дубль номер три.

Однажды Он заставил меня выдержать девять дублей. Сцена была проста: я душил за толстую шею здоровенного четырехглазого монстра, а монстр кинжалом, выхваченным у меня же из-за пояса, выпускал мне кишки. К концу девятого дубля кишки кончились, и Автор вернулся к первоначального варианту. В довершение всего какая-то неоп-

рятная монашка из орбитального монастыря зашивала мне живот пять раз подряд. Пять! И разумеется, без наркоза, взамен которого весь клир с воодушевлением тянул псалмы в честь Мирового Разума с поминанием пророка Гегеля и неизвестного мне великомученика Хубилайнена. Задушенный-таки монстр оказался слабым утешением, но эту подачку Автора я принял. А что мне оставалось делать?

Справедливости ради должен сказать, что такое с Ним случается редко. Вряд ли Он привык задумываться над тем, что пишет.

...Лежа за валуном, Орк прислушался. Сверху доносилась стрельба: конвой расправлялся с теми несчастными, кто рискнул последовать примеру беглецов. Это не заняло много времени. С обрыва на осыпь не прыгнул больше никто, Орк и гарпиец оказались единственными спасшимися. Спасшимися ли? Сжимая до боли зубы, Орк осторожно выглянул из-за валуна, и тут же в валун ударила первая пуля. Над кромкой обрыва появились фигуры охранников. Перекатившись к противоположному краю валуна, Орк вскинул карабин и выстрелил. Град пуль был ему ответом. Он выстрелил снова, не целясь. Часть охранников залегла, остальные рассредоточились по обрыву, стараясь свести к минимуму непростреливаемый участок за валуном. Это им удалось, и вскоре пули стали плющиться о камни совсем рядом с беглецами. Неожиданно выглядывая из своего укрытия каждый раз в новом месте, Орк вел беглый огонь...

Я не особенно целился. Все равно мои пули полетят туда, куда их направит Автор. Пока что Он направлял их довольно точно: трое охранников скатились вниз и остались лежать среди каменных глыб. Я мельком взглянул на гарпийца — тот лежал, скорчившись, как эмбрион, за своим валуном шагах в двадцати от меня. По нему тоже постреливали, но как-то лениво. Им займутся позже, когда разделаются со мной.

А дальше что? Вот так мы и будем лежать до вечера? У меня не хватит патронов, чтобы продержаться до темноты. Или Автор вдруг решил дать охранникам меня поймать?

...При этой мысли Орк покрылся холодным потом. Лучше было не думать о том, что они сделают с пойманным беглецом. Он в отчаянии пробежал взглядом по

голым скальным стенам ущелья. На противоположном склоне в тени скалы — должно быть, поэтому Орк заметил его не сразу! — темнело неровное пятно.

Пещера!

Спасение. Жизнь.

Но до пещеры еще нужно добраться...

Он выстрелил трижды подряд и, пригибаясь, кинулся к соседнему валуну, надеясь только на внезапность своего броска. Ошарашенные охранники открыли огонь слишком поздно, когда Орк уже был в новом укрытии. Гарпиец следил за ним непонимающим взглядом.

— Прикроешь! — крикнул Орк, указывая на пещеру. — Лови! — Точно рассчитав, он перебросил карабин гарпийцу. Теперь оставалось рассчитывать только на собственную ловкость...

И на меткость гарпийца. Гарпийцы все неплохие стрелки, а этот, пожалуй, из лучших... В одном из предыдущих рождений я не поладил с аборигенами Гарпии и был превращен ими в решето. В благодарность я спас их планету от нападения эскадры космических каннибалов и основал на Гарпии школу снайперов имени Орка Великодушного, с девизом, взятым из широко изданного на планете цитатника Ури Орка: «Разуй глаза и смотри, в кого стреляешь».

Я перебегаю за соседний валун. Теперь моя очередь прикрывать, и гарпиец бросает мне карабин. Он летит, мотая ремнем и крутясь в воздухе, как палка. Я ловлю. Делая короткие перебежки, мы все ближе подбираемся к пещере. Остается последний бросок. Охранники нервничают и в который уже раз промахиваются. Институтки. Если я правильно понимаю, сейчас мне нужно снять вон того долговязого, что торчит столбом на правой скале, не давая мне прорваться в пещеру, и тщательно целится — но, конечно же, промахнется. Целюсь и я.

...Долговязый взмахнул руками и покатился вниз. Путь был свободен.

Гарпиец на несколько прыжков опередил Орка и был уже в безопасности; Орк бежал к пещере, не чувствуя под собой ног. Мешали камни, ноги скользили по валунам, сдирая с них моховой покров. Орк выкладывал последние силы. Ему не хотелось думать о том, что будет, если нога вдруг застрянет между камнями. Спасительная тень пещеры была совсем рядом...

Залп! Пули с визгом расплющились о камни у его ног. В следующее мгновение Орк был уже в пещере.

Свобода? Или всего лишь продление жизни на несколько минут?

Теперь спасение было в том, чтобы найти второй выход из пещеры раньше, чем его блокируют охранники. Если, конечно, второй выход существует...

Гарпиец мчался впереди, и Орк, задыхаясь от сумасшедшего бега, изо всех сил старался не отстать. В слабеющем свете быстро удаляющегося входного отверстия пещеры, отраженном ледяными сводами, фигуры беглецов походили на две стремительно несущиеся бесплотные тени...

Спереди донесся глухой удар: одна из бесплотных теней впотьмах нашла головой сталактит. Гарпиец взревел, как медведь гризли, и, не прерывая бега, схватился руками за голову. Мысленно я ему посочувствовал: ему приходится больше думать о себе, ему достаются неудобоваримые огрызки авторского внимания, сосредоточенного в первую очередь на мне. Но нельзя сказать, что я этому рад, очень часто авторское внимание выходит мне боком. Слишком часто.

... — Что это? — хрипло спросил Орк, всматриваясь в непроглядный сумрак. Перед ним, обвившись вокруг остроконечного сталагмита, лежал человеческий скелет в истлевшей одежде. Тазовые кости скелета рассыпались, тускло отсвечивающий череп был покрыт серым налетом высохшей плесени. Орк понял. Этот человек умер давно, многие столетия назад, и успел истлеть в те короткие промежутки времени, когда пылающий жар очередного временного солнца растапливал ледяные пещеры Бражника.

Вперед! Смотреть некогда. Интуитивно Орк чувствовал, что погони не будет, но зато имперцы, лучше знакомые с топографией местности, наверняка попытаются перекрыть второй выход...

Ага, значит, второй выход все-таки существует. С моим Автором не пропадешь. Мы несемся вперед, скользя по льду, спотыкаясь о неровности, и я уже не разбираю, что у меня под ногами: камни ли, обломанные ли сталагмиты или древние скелеты, разбросанные здесь Автором неизвестно зачем и ухмыляющиеся нам вдогонку.

...остановились, тяжело дыша. Орк чувствовал, что его сердце вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Тело было избито и в нескольких местах кровоточило: кубарем катясь по осыпи, он оставил на камнях лоскутья своей кожи. В висках стучало. Перед глазами плыли круги. Путь вперед преграждал скальный монолит, более могучий, чем заслон из тысячи вооруженных стражников. Дальше пути не было, зато слева угадывалось пустое пространство. Может быть, проход в боковой коридор?

— Там вода! — крикнул гарпиец. — Нам дальше не пройти! Мы погибли!

Орк попытался задержать дыхание, чтобы прислушаться. Это удалось ему лишь на секунду, но он успел услышать гулкие удары капель, срывающихся с ледяных сводов, явственное урчание воды, стекающей по наклонному полу боковой пещеры. Где-то невдалеке шумел подземный водопад. Кажется, гарпиец сказал правду.

— Как тебя зовут? — спросил Орк.

— Тебе зачем? — с рыданием в голосе выкрикнул гарпиец, и эхо подхватило: «чем... чем... чем...» Будто смеялось.

— Не знаю, — поразмыслив, ответил Орк. — Пожалуй, могу ответить так: человек, о котором знаешь хоть что-нибудь, внушает больше доверия. У нас есть еще карабин, а в сумке — патроны. Постараемся продать свои жизни как можно дороже, а вдвоем нам будет не так скучно. Может быть, ты все-таки назовешь мне свое имя?

Он назвал. Но лучше бы он этого не делал. В его имени присутствовали все восемьдесят четыре буквы гарпийского алфавита, а некоторые и по два раза. У меня зашумело в голове. Ни за что не взялся бы повторить его имя ни по памяти, ни с листа. Хорошо бы заставить Автора проделать это в качестве упражнения — жаль, это не в моих силах. Должно быть, мама этого гарпийца, качая младенца в люльке — или в чем там качают на Гарпии, — ласково называла отпрыска уменьшительными именами, используя каких-нибудь пятьдесят-шестьдесят букв. Бедная мама.

... — Вода! — вдруг закричал Орк и расхохотался, почувствовав внезапный прилив бодрости. — Ты слышишь — вода! Вода-а-а!

Впервые за много дней он смеялся настоящим счастливым смехом. Он бы пустился в пляс, но на это уже не

осталось сил, и Орк, задыхаясь, опустился на ледяной пол пещеры. В кромешной тьме он не видел лица гарпийца, но чувствовал его настороженное непонимание.

— Я не сошел с ума, — торопливо объяснял Орк. — Там вода, ты понимаешь? Вода! А откуда здесь вода? Почему лед в ледяной пещере тает именно здесь? Пойми! — Он ощупью нашел гарпийца и тряс его за плечи. — Лед тает оттого, что в эту часть пещеры снаружи поступает воздух, нагретый нынешним солнцем. А это значит... — Орк снова рассмеялся. — Это значит, что где-то совсем близко есть выход! Мы должны его найти! Идем!

Они по очереди протиснулись в узкую боковую щель. Ноги сразу захлюпали по подземному ручью, с потолка и стен пещеры обильно текла вода, холодная как лед. «Если сведет ногу, я упаду, а если упаду, то уже не встану», — озабоченно подумал Орк. Обжигающая вода уже доходила ему до колен. Ноги скользили по ледяному, не успевшему растаять дну, и приходилось двигаться осторожно, придерживаясь за стены.

Но время, время! Орк проклинал себя за задержку перед неизвестностью, которую они приняли за тупик и ждали, когда их придут убивать. Но сейчас он заставлял себя идти медленно, скользил, стараясь не оступиться, понимая, что проигрывая секунды здесь, он, может быть, тем самым выигрывает жизнь.

За вторым поворотом пещеры показался дневной свет...

Нет нужды описывать мои скупые междометия и восторженный рев гарпийца. Тех, кто этим заинтересуется, следует отослать к полному тексту рассказа. Там можно будет прочесть и о том, как мы, обессиленные и, разумеется, задыхающиеся, выбрались из пещеры, причем гарпиец напоследок поскользнулся и окунулся с головой, что ничуть не умерило его энтузиазма. Я одолжил ему карабин, чтобы он прострелил замок цепи, все еще сковывающей меня и болтающейся в такт ходьбе, но он разломал цепь голыми руками, что сэкономило нам один патрон. Спасибо Автору и на этом.

Однако странно, что на выходе из пещеры нас никто не встречает: нет ни шквала огня, ни пикирующих на нас сверху боевых летательных аппаратов, ощетиненных устрашающими шипами, ни даже внимательных снайперов, све-

шивающихся на веревках с отвесных скал специально затем, чтобы в них было легче целиться.

Вокруг тишина. А ведь место для засады удобное: узкий каньон с вертикальными стенами, здесь нам просто некуда деться. А засады нет. Странно. Не узнаю моего Автора. Где враг? Мы с гарпийцем одолели бы его в рукопашном бою. Я бы получил три-четыре раны в самые болезненные места, и гарпиец — вон какой бык здоровый — вынес бы меня на себе к каким-нибудь людям... Но нет. Я зря обманываю себя. Неприятности, конечно, будут, только не теперь, а немного позже, где-нибудь ближе к середине рассказа...

Стоп. А почему я, собственно, решил, что это рассказ? Я чувствую, что покрываюсь непредусмотренным Автором холодным потом. Что если это повесть или, не приведи господи, роман? Вот это страшно. Один раз я уже был героем романа и на протяжении действия двадцать пять раз был убит, но выживал всем назло, и двести пятьдесят раз убивал сам, и враги мои не выживали. Я стрелял. Взрывал. Топил. Жег. Доводил до самоубийства. Я больше не хочу, ты слышишь меня, Автор?

Не слышит. Ему-то что. Он не поступится и малым. Если Он мой бог, то не из всепрощающих, а из склонных к кровавой уголовщине, вроде Баала или Вицлипуцли. А мне хочется Его спросить: куда Он дел свой компьютер белой сборки, аппарат, каких еще поискать? Сейчас Он долбит мой образ на отвратительной клавиатуре пишущей машинки «Ижица», а прежде, бывало, я торжественно и неторопливо выползал на свет из лазерного принтера, еще тепленький и сразу на чистовике. Если этот Вицлипуцли довел свою эйтишку до поломки, я как-нибудь переживу — но если Он толкнул ее из-за безденежья?!.. Тогда Он будет вынужден сделать меня героем еще одного романа. Я не хочу.

Так. Теперь мы оба лезем вверх по стене каньона. У Автора странная любовь к сильно пересеченным рельефам. Горы, горы... Почему опять горы? Было это уже, не раз было. Нет, в предыдущих моих рождениях бывали не только горы, случались, например, и джунгли, один раз был океан, один раз — ледовая пустыня, а пустыня с песком, зноем и высохшими костями неудачников — даже дважды. Но все-таки чаще всего — горы. Уверен, что Автор знает о горах понаслышке и поэтому злоупотребляет геометрической терминологией.

По обе стороны каньона громоздятся утесы в виде пи-

рамид, призм и даже параллелепипедов, а на одной весьма странного вида скале красуется авторское пояснение: «Скала в виде усеченного ромбододекаэдра». Гарпиец, с пыхтеньем карабкающийся вверх, разглядев скалу и пояснение, едва не срывается вниз и бурчит проклятия. Ему тоже кажется, что скалу усекли как-то не так.

Кстати, он лезет по скале довольно резво, а я — медленно, очень медленно. Автор при каждом удобном случае старается напомнить, как я устал в борьбе с мировым Злом, и намекнуть, что то ли еще будет, поскольку борьба только начинается. А вот если я разожму пальцы — что будет?

...Потеряв равновесие, Орк из последних сил уцепился руками за выступ скалы, судорожно пытаясь нащупать опору для ног. Тщетно. Его ступни скользили по гладкой стене. Он старался не смотреть вниз, зная, что если взглянет туда, то упадет. Несколько метров, оставшиеся до верха каменной стены, казались непреодолимым препятствием.

Сейчас, сейчас... Мысль Орка лихорадочно работала. Нужно только добраться до следующей зацепки, дальше будет гораздо проще, там не зацепки, а целые ступени... Стиснув зубы, собрав в кулак всю свою волю, Орк попробовал подтянуться на руках.

Напрасная попытка. У него не осталось сил, чтобы подтянуться даже на миллиметр. Пусть сведенные судорогой пальцы пока еще держат его на уступе — он чувствовал, как с каждой секундой последние остатки сил покидают его организм...

Между прочим, гарпиец уже вылез наверх и кричит, что у него все в порядке. Чего нельзя сказать обо мне.

— Эй! — кричу я, отбросив к чертям всякое достоинство. — Вытащи! Сорвусь!

Вытаскивать меня гарпиец не торопится. Я слышу, как он ходит над обрывом взад-вперед и почему-то кряхтит, будто ворочает неподъемные камни, а затем принимается бурно ругаться, рычит, что пообломает кому-то все отростки. Гарпийцы размножаются черенкованием, это всякий знает.

Наконец склоняется ко мне:

— Прости меня... — Он почти рыдает. — Прости, я не могу помочь! Я не виноват, я ничего не могу с собой поделать!..

— Ладно! — ору в ответ. — Все в порядке!

Мысленно добавляю несколько слов по адресу Автора. Мог бы и вслух, все равно последние фразы в текст не войдут, но не хочу травмировать гарпийца. Гарпиец не в курсе, а я уже понял. В любой работе рано или поздно наступает перерыв. Автор утомился создавать новый шедевр, встал с кресла, размялся, а теперь, должно быть, ушел на кухню и делает плезир — пьет чай и кофей.

Я вишу. Под ногами метров двести. Боль в сведенных судорогой пальцах невыносима, но теперь я твердо убежден в том, что мою хватку не сможет разжать никто, даже я сам. Мордатый гарпиец с непроизносимым именем мечется по обрыву, умоляет и грозит кому-то. Он может делать все, что угодно, но не может спуститься и помочь мне, а тот, кто может мне помочь, бросил меня и сбежал на кухню. Кажется, гарпиец начинает что-то подозревать. Он не дурак, даром что с Гарпии, — а я-то в свое время понял все окончательно лишь на третьем рассказе...

... — Помоги! — крикнул Орк, чувствуя, что сейчас упадет...

Ну вот, наконец-то. Действие продолжается. Я вытащен за шиворот, мы карабкаемся по почти отвесной стене, но в конце подъема силы оставляют меня (наверно, Автор так и написал: «его оставили силы»), и гарпиец буквально выталкивает меня наверх, кладет на большой плоский камень и хлопочет. По-моему, он намерен сделать мне искусственное дыхание. Не поломал бы ребер.

Я слабо отбиваюсь. Гарпиец раскрывает волосатую пасть:

— Я тебе вот что скажу, — рычит он. — Ты меня спас...

— Ну уж... — я смущен или делаю вид, что смущен, — это безразлично и на дальнейшее развитие сюжета никак не повлияет.

— Можешь на меня рассчитывать, парень. Если чего нужно, ... (непроизносимое имя) не подведет. Будем держаться друг друга, ладно?

Это он зря. Опыт показывает, что от меня лучше держаться подальше. Мой путь борьбы со Злом вымощен костями ближних. Гарпиец рискует, очень рискует. Но предупредить его об этом у меня нет возможности.

Вокруг снежные горы, а мы находимся на небольшом плато, и наш каньон рассекает его зигзагообразной линией.

На плато негде укрыться, здесь нас прихлопнут еще вернее, чем в каньоне. Нужно выбираться отсюда, и чем скорее, тем лучше. Но куда? И успеем ли?

Конечно, не успеем. На краю плато встает и тянется хвостом пыль — на нас мчится имперская боевая машина. Мы видны как на ладони и деваться нам некуда. Мы и не пытаемся — какой смысл? Тот же опыт учит меня, что боевая машина будет уничтожена. Кем? Вероятно, мною. Как — не знаю. Пусть об этом позаботится Автор, мне все равно. Я чувствую сильнейшую апатию, ни о чем не думаю и не желаю думать. Пусть за меня думают другие.

Но сейчас Автору не до меня — Его внимание сосредоточено на приближающейся боевой машине. Она похожа на устрашающих размеров танк, разве что позади башни помещается бронированный короб, напоминающий бункер сельскохозяйственного агрегата. Он предназначен для штурмовой пехоты. На лобовой броне машины кишмя кишат шустрые механические «блохи», оснащенные магнитными, нейтринными и ультраглюонными ловушками, необходимыми для сбивания с толку неприятельских ракет и отчасти читателей.

...Орк и гарпиец застыли в оцепенении. Боевая машина стремительно приближалась. Под широкими гусеницами дрожала земля, бешено крутящиеся катки глубоко вминали в почву тяжелые ребристые траки. Казалось, в облике машины была воплощена неукротимая жажда убийства...

По-моему, неукротимая жажда убийства свойственна скорее моему Вицлипуцли. Сейчас Он не жалеет красок, чтобы показать: на нас несется нечто чудовищное и сейчас мне придется плохо. Но я-то знаю, что плохо придется не мне, а танку. Читатель тоже это знает, но охотно вступает в игру; он напоминает мне рыбу, которая прекрасно видит, что перед ней плывет блесна, но не желает в это верить и бросается на блесну с разинутым ртом. Автор прав. Тут важен бодрый стиль, украшенный одним-двумя подобранными с пола эпитетами, — и никакой посторонней лирики. Читатель на крючке, млеет и даже не трепыхается. Так и надо.

Между прочим, прежде Он пробовал вставлять в текст лирику, иногда даже стихи. С рифмами у Него было все в порядке, а наивысшим достижением явилась строка:

«На нас глазели глаза газели...»

Должно быть, красивые глаза. После этого Он затосковал и в противовес газели родил меня. Но Он мне не отец. Он насильник.

Орк выпустил в приближающееся стальное чудовище всю обойму. Может быть, ему удастся «ослепить» танк, и тогда тяжелая махина проскочит мимо и рухнет на дно каньона? Орк не знал, где у танка расположены смотровые приборы...

— Стреляй же! — хрипло кричал гарпиец.

Патроны должны быть в сумке, отобранной у охранника. Нужно успеть. Скорее! Что-то выпало из патронной сумки и со стуком упало на землю.

Патроны?

Нет. Гранаты.

Виноградная гроздь на толстом пластиковом черенке. Каждая виноградина — противопехотная граната. Их можно отрывать по одной и швырять в противника. А можно швырнуть всю гроздь разом...

Орк метнулся вперед. И в ту самую секунду, когда он, швырнув гранаты под брюхо накатывающейся боевой машины, падал ничком на землю, башенное орудие танка выстрелило, казалось, прямо в него.

В упор.

Невероятная сила подбросила Орка в воздух. Совсем рядом взметнулся черный, подсвеченный огнем султан взрыва. Несколько раз перевернувшись в воздухе, Орк неловко упал на спину. Удар ошеломил его, но он сразу вскочил на ноги.

Танк горел...

Не знаю, как в действительности должны гореть подбитые танки. Этот полыхал как фанера, с треском, буйством пламени и крутящимся столбом черного дыма. Из танка не выскочил никто. Уцелевшие при взрыве механические «блохи» дезертировали и прыжками уносились прочь.

Перевожу дух. Первое сражение выиграно, но это, конечно, только начало. Имперцы от нас не отвяжутся, пока не убьют. То есть, конечно, не убьют, но не могу же я перестрелять полностью все заблудшее население Бражника! Арифметика подтверждает, что не могу: в патронной сумке остался единственный патрон. Последний. Заряжаю им карабин и пинком ноги сталкиваю сумку в пропасть. Красивый жест. Уверен, что Автору он понравится и, следовательно,

сумка не прилетит обратно. Действительно, не летит. Ну то-то. Иногда и я кое-что могу. Всякий раз, когда мне удается добавить мелкий штрих, я бываю горд до умопомрачения. Вот и сейчас совсем уже собираюсь самодовольно ухмыльнуться...

И слышу за спиной слабый стон.

...Орк знал, что в лотерее, именуемой Жизнью, только один выигрыш на миллион. Выигравший вчера может проиграть сегодня, но не наоборот. Проигравший вычеркивается из лотереи навсегда.

Ури Орк выиграл. Снаряд, разорвавшийся прямо под его ногами, не причинил ему иного вреда, кроме ушибов от падения. Судьба еще раз оказалась к нему благосклонна.

Он склонился над неподвижно лежащим гарпийцем. С первого взгляда Орку стало ясно, что дела гарпийца плохи. Открытый перелом бедра, рана на голове, повреждение позвоночника... Должно быть, гарпиец и сам понимал, что его песенка спета. Он был в сознании.

— Ты можешь пошевелиться? — спросил Орк...

Разумеется, нет. Повинуясь чужой воле, я задаю глупый вопрос. С переломом позвоночника гарпиец не сможет двигаться самостоятельно. А с такой раной на голове он проживет не более нескольких часов, от силы — дней. Кажется, пробита черепная коробка, и гарпийца надо спасать. Немедленно! На Офелии XIII есть отличная клиника, по себе знаю, а на тройной системе Нерон II неплохо лечит один шаман, если его еще не съели соплеменники за ложные предсказания погоды...

Помутнение рассудка, иначе не назовешь. До Офелии, если я не ошибаюсь, пять тысяч парсек, а до Нерона — тысячи на полторы меньше. Гарпиец обречен остаться здесь, на Бражнике, но я найду укрытие и буду защищать раненого до последней минуты, или я не Ури Орк. Зубами грызть буду.

И еще я знаю моего Автора. Он почему-то убежден, что на любой планете с архаичной формой управления должна существовать более или менее подпольная оппозиция — подземные ростки грядущих прогрессивных перемен. Теперь самое время появиться оппозиционерам, которые нас поймут (предварительно, конечно, приняв за имперцев и попытавшись убить), а поняв, помогут, укроют и, чем черт не шутит, может быть даже вылечат. Где они? Вытягиваю

шею и кручу головой, с надеждой оглядывая плато и геометрические пики. И никого не вижу.

... — Теперь-то они меня поймают, — с усилием сказал гарпиец, — и станут пытать, пока в конце концов не убьют. Я буду умирать долго...

А я вдруг понимаю, куда клонит Автор, и меня начинает трясти мелкая дрожь.

... — Тебя не будут пытать, — процедил Орк, снимая с плеча карабин. Его лицо исказила гримаса. — Я не позволю тебя пытать.

— Ты что задумал? — с тревогой спросил гарпиец...

Это не я задумал, не я! Господи, да можно же еще что-то сделать! Если нужно, я понесу его на себе, буду ходить за ним, как за малым дитем, охранять его, карабкаться с ним на плечах по скалам...

Не выйдет. Я это чувствую. Песенка гарпийца спета, как и было сказано. Читатель подустал от крови мерзавцев и козлищ, ему хочется крови агнцев. На грязных и небритых, на мордатых агнцев спрос такой же, как и на всяких других.

...Орк оглянулся. Вершины гор сверкали, как алмазные иглы. Заходящее светило резко очерчивало острые грани скал. Он еще увидит эту красоту, если ему повезет пережить ночь. Но гарпиец видит этот мир в последний раз.

— Прости, — со вздохом сказал Орк. — Прости, если можешь. Так будет лучше.

Приклад карабина толкнул его в плечо. В горах долго не смолкало эхо...

Я забросал труп камнями. На этот раз Автор ничего не имел против, но заставил меня поторопиться. Это больше походило не на похороны, а на сокрытие следов преступления.

Автор и я — кто из нас двоих убийца, если каждый порознь на убийство не способен? Никто? Или оба? Впрочем, каждый считает убийцей не себя, а другого. Вероятно, иначе и не бывает. Кажется, то, что я сделал, обозначается диким словосочетанием: убийство из милосердия. Похоже на запах фиалок из выгребной ямы. По Автору выходит, что я человек

высоких нравственных принципов, а я не могу и возразить. Может быть, существует и пытка из милосердия?

Не хочу об этом думать. Стою столбом, мерзну на ветру и не чувствую в себе ну абсолютно никакого желания что-то делать, да что там — просто жить. Куда там! Сейчас Автор настучит на своей «Ижице» что-нибудь вроде: «Орк стряхнул с себя оцепенение», — и я опять куда-то пойду, поплетусь искать себе укрытие и спасать свою шкуру.

...Стряхнув с себя оцепенение, Орк двинулся вдоль обрыва на запад. Ему было все равно, куда идти, и он выбрал путь в сторону солнца, подставляя лицо и тело под последние предзакатные лучи...

Карабин я выбросил. Я не мог носить оружие, которым убил друга. Автор не возражал. Карабин, в отличие от меня, выполнил свою функцию и больше не понадобится. Но вряд ли Автор забыл о том, что у меня еще остался нож... Впрочем, врагов пока не видно.

...Прошел час, за ним другой. Тройное солнце село, зато вершины, окружающие плато, заметно приблизились. На горы опускалась ледяная ночь, светлая, как все ночи на Бражнике, от бесчисленного множества солнц звездного скопления и холодная, как могила. Ветер усиливался с каждой минутой и промораживал до костей. Не будь Орк столь измучен, он еще до заката успел бы дойти до гор и отыскать убежище, где можно переждать ночь. Он шел, шатаясь, и больше всего на свете ему хотелось лечь и уснуть, но это означало замерзнуть и умереть. В довершение всего он начал чувствовать муки голода...

И я действительно начинаю ощущать такой голод, что уже не в силах думать о смерти несчастного гарпийца, да простят меня читатели за беспринципность. Простят, конечно, а вот Автору давно уже не мешало бы меня накормить, я не кормлен со вчерашнего утра и желудок уже давал себя знать, но так, как сейчас — это уже слишком жестоко. Ну что Ему стоит написать: «Орк не чувствовал голода, подавленного настороженностью», — или что-нибудь сходное в том же излюбленном Им стиле... Так ведь не напишет! И мои глаза алчно бегают по сторонам, ища, в кого тут можно воткнуть зубы, а в затуманенном мозгу поселилось волнующее видение — большая банка консер-

вированных сосисок. Они стоят в банке тесно, одна к одной, как солдаты в парадном строю, а сверху они облиты умопомрачительным венерианским соусом... Сейчас я съем вон ту, что торчит выше остальных. Чтобы не торчала. Вытягиваю губы трубочкой, приближаю лицо к банке...

И издаю отчаянный голодный вой, задрав голову и апеллируя к астрономическим объектам в сером ночном небе.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что попал в какую-то совсем уж жуткую ситуацию, — наоборот, то, что сейчас со мной происходит, есть нормальное условие моего существования. Помню, на Мезозонии, крайне отсталой планете, населенной полуразумными динозаврами, мне пришлось не в пример тяжелее. Но там, по крайней мере, хватало провианта. По утрам, отбившись от выросших вокруг меня за ночь саблезубых растений, я поглощал наскоро приготовленный стегозавтрак, в полдень с аппетитом съедал сочный бронторостбиф, сдобренный молодыми побегами гигантского хвоща, а по вечерам мне нередко доставался птероужин, зачастую сам пикирующий на меня с самыми злостными намерениями. Этот, на мой взгляд, жестковат и к тому же любит заходить в атаку от солнца — но если его хорошенько прожарить на углях, да еще с дикой луковицей, нарезанной кружочками...

Мой рот немедленно наполняется слюной. Слюна — это единственное, что я могу сейчас проглотить, но она, к сожалению, не питательна. Мясо, вот что мне сейчас нужно. Хоть какое. А вот, кстати, и живность.

...Какие-то некрупные животные, похожие на волосатых тритонов с шестью голенастыми ногами, прыснули из-под ног и стайкой кинулись прочь. Одного из них Орку удалось убить, метнув камень. Орк съел животное сырым, без всякого аппетита, пытаясь заглушить муки голода, но так и не почувствовал сытости...

Морщась, я ел этого мелкого гада, и к горлу подступали спазмы. Какая уж там сытость, живым бы остаться. Но жив, жив. Кое-как встаю на ноги и чувствую, что с тритоном в желудке до гор мне не добраться. Я знаю, что это значит: вот-вот произойдет что-то, что радикально изменит ситуацию, и если я что-нибудь понимаю, это произойдет раньше, чем я успею сделать три шага. Начинаю считать шаги: раз, два, тр...

...Орк пошатнулся. В первую секунду у него мелькнула мысль, что из-за усталости он плохо координирует движения, но тут же он понял, что это не случайность. И еще Орк понял, что он здесь не один...

Он сделал шаг, затем другой и попытался упереться ногами. Тщетно. Какая-то неведомая могучая сила тянула его к обрыву. Казалось, ровное, как стол, плато вдруг вздыбилось, его поверхность стала наклонной и наклон увеличивался с каждой секундой. Орк упал на землю, вжался в нее, вцепился руками в торчащие камни, уже понимая, что произошло, и сознавая, что его усилия бесполезны. Против гравитационной атаки нет защиты — но разве мог он предположить, что Империя имеет гравитационное оружие да еще держит его на захудалой периферийной планете? Яростно цепляясь за все подряд, Орк неуклонно сползал к обрыву. Лихорадочно перебирая в уме события минувшего дня, он искал, где же он допустил просчет, хотя бы незначительную неточность, цена которой — жизнь. И — не находил ошибки.

Обессиленные пальцы разжались, Орк почувствовал, что стремительно падает в пропасть. Что ж, несколько секунд полета — и он найдет легкую смерть на камнях, устилающих дно каньона. Вероятно, удар о камни будет похож не на взрыв, а на щелчок выключателя, отключающего сознание...

Что и говорить, изменение ситуации радикальное, но нельзя сказать, что оно мне очень по душе. Впрочем, мое падение почему-то замедляется, потом прекращается совсем, и я мягко опускаюсь на дно каньона. По-моему, здесь кладбище разбитой техники: справа и слева от меня громоздятся исковерканные механизмы, грудами валяется разнообразная рухлядь и ржавь, все здорово слежалось и не на чем остановиться глазу.

Зато прямо передо мной на ровной каменной площадке перед входом в пещеру (еще одна пещера!) происходит нечто достойное внимания. Сначала на площадке возникает фигура коренастого мужчины, одетого в неописуемые лохмотья и с лицом разъяренного троглодита. Фигура цепко держит в руках весьма странного вида оружие, и я бы терялся в догадках о том, что это за штука, если бы не знал заранее, что это гравитатор — гравитационное оружие лучевого действия и практически неограниченной дальности боя. Ну а в кого это оружие в данный момент нацелено —

говорить просто излишне. Затем троглодит куда-то исчезает и на его месте возникает прелестнейшая девушка с великолепной гривой темных волос — Автор, как видно, решил, что троглодит нехорош с эстетической точки зрения. А может быть, Он просто забыл, что в предыдущих рассказах успел всучить мне не один десяток подобных девушек.

... — Ты умрешь, проклятый имперец, — с ненавистью сказала девушка. — Но сначала ты расскажешь о том, что тебе велел твой сюзерен!

Орк сделал шаг вперед, но девушка оказалась проворнее. Отброшенный гравитационным лучом, Орк упал на камни, а когда поднялся, то увидел, что прямо ему в лицо направлен матово отсвечивающий ствол бластера.

— Еще шаг — и я сделаю из тебя головешку, — решительно сказала девушка...

Разумеется, я сделаю шаг, и не один. Но вдруг она и в самом деле выстрелит? Интересно знать, какие у Автора представления о действии бластера? Если что-нибудь вроде огнемета — тогда худо...

...Орк осторожно шагнул к девушке, и увидев, что ствол бластера в ее руке дрогнул, предостерегающе поднял руку:

— Я вовсе не имперец, — сказал он, пытаясь улыбнуться. — Собственно, я вообще не с Бражника. И еще я хочу сказать, что не воюю с красивыми девушками.

— Ты лжешь, — мотнула головой девушка. — Имперцы всегда лгали...

Недоразумение утрясалось на пяти страницах; на протяжении трех из них мы с бластером играли в «кто кого переглядит». Переглядел я, и девушка, недоверчиво поглядывая на меня, убрала оружие. Кажется, она не до конца поверила в то, что я не собираюсь броситься на нее с голыми руками.

Делаю успокаивающий жест. Я не брошусь. Во-первых, устал, а во-вторых, на такого породистого жеребца, каким по милости Автора я являюсь, девушки бросаются сами. Но куда они исчезают по завершении очередного рассказа?!

Эту зовут Беата, и ее фигура превыше всяких похвал. Обычно Он так и пишет, когда чувствует приступ литературной импотенции: «превыше всяких похвал». Подразуме-

вается, что нужные эпитеты подберу я сам, и читатель тоже. Но мне не хочется, да и вообще восхищаться ее фигурой что-то не тянет. Гораздо благосклоннее я бы сейчас посмотрел на ужин и на какую-никакую постель. Впрочем, как раз к постели дело и без того идет много стремительнее, чем мне хотелось бы.

...В пещере оказалось сухо и тепло, подземные коридоры освещались светящимися комками желтой слизи, подвешенными на крючьях, вбитых в шершавую стену, — один из комков, почуяв людей, потянулся к ним и показал пасть. Пещера была обитаема, Орк сразу это почувствовал по запаху, от которого испытал легкое головокружение, — устоявшемуся запаху жилья, вызывающему к жизни ностальгические воспоминания. Справа и слева от главного тоннеля отходили короткие боковые коридоры, оканчивающиеся грубо сколоченными дверями, и Орк понял, что это жилые кельи. Свернув в один из боковых коридоров, Беата обернулась и положила ладони Орку на плечи.

— Я ждала тебя, — просто сказала она.

— Меня? — переспросил Орк.

— Такого, как ты. Я не одна, здесь, в пещере, много людей, но все они смирились с жизнью кротов. Да, здесь пока безопасно, но только потому, что мы не оставляем в живых имперцев, осмеливающихся приблизиться к нашему убежищу; потому, что мы сбиваем имперские флаеры, пролетающие над каньоном. Ты видел их обломки. Но когда-нибудь наше убежище будет раскрыто, и тогда нам придется либо погибнуть, либо уйти в нижние ярусы пещеры. Навсегда. Подземная жизнь не для таких, как мы с тобой. Ты умный и сильный, ты обязательно что-нибудь придумаешь...

— Конечно, — сказал Орк.

У покосившейся двери он подхватил Беату на руки и осторожно поцеловал. Девушка обвила руками его шею, и тогда он бережно понес ее в келью и легким толчком затворил за собой дверь.

— Меня еще никогда не носили на руках, — потрясенно сказала Беата...

Меня тоже. Что делает Автор, о чем Он думает, этот дурак! Последние мои силы уходят на то, чтобы дотащить нежданно свалившийся на меня груз до постели. Я букваль-

но валюсь от усталости и уже ни на что не способен. Я, наконец, просто грязен. Но нет никакой передышки, и Беата впивается в меня долгим и страстным поцелуем, напрочь перекрывая дыхательные пути. Кое-как борюсь за жизнь, а она думает, что это — прилив страсти. А Автор, похоже, вообще не думает. В случае драки или бегства от стражников Он мог бы еще написать что-нибудь вроде: «отчаяние придало ему силы». Но сейчас не тот случай.

А дальше? Если Он поставит многоточие, я готов простить Ему весь сегодняшний день, но вдруг Он решится дать более детальное описание? Вот это страшно, даже если предстоящее, древнее как мир действо будет описано игривыми обиняками. Но откуда Он возьмет столько обиняков в своем словарном запасе?

Что ж, пусть. И если Он на свою беду когда-нибудь вздумает написать рассказ от первого — своего — лица и опрометчиво окажется в пределах моей досягаемости, я загрызу Его зубами. Как-то раз Он выдал фразу, впоследствии кем-то исправленную: «загрызть голыми зубами». Вот голыми и загрызу. Но прежде возьму за шиворот, чтобы не убежал, и выскажу Ему все, что о Нем думаю.

... — Ты мой, — прошептала Беата. — Мой...
Орк бережно заключил девушку в объятия...

Слава Вселенной, Он поставил многоточие! Остальное читатель должен додумать сам, ибо предполагается, что фантастику читают люди с воображением. Я разжал объятия и облегченно свалился на постель.

— Ты что? — непонимающе спросила Беата. Она была бесподобна, но сейчас я был не в состоянии даже любоваться ею.

— Сплю — вот что! — И, терпя решительное поражение в борьбе со сном, я кое-как объяснил ей ситуацию.

— Я тебя ненавижу, — неуверенно сказала она.

— Не-е-ет, дорогая, — проговорил я сквозь сон. — Ты меня теперь любить будешь, ты без меня жить не сможешь, ты теперь, если понадобится, и собой пожертвуешь ради меня, это я тебе говорю. Потому что... — я зевнул, отключаясь, — потому что так задумано...

Она спихнула меня на пол. Я не вскочил, не попросил прощения, не наградил ее оплеухой. Я заснул. Смертельно уставшему человеку все равно, где спать. И если Автор захочет начать мой завтрашний день с того, что я просыпа-

юсь в постели рядом с Беатой, — так оно и будет. И мне безразлично, каким образом Автор, подобрав меня с пола, перенесет к ней в постель. Это Его личное дело.

...Когда Орк проснулся, Беата еще спала, положив голову ему на плечо. Во сне она казалась еще привлекательнее...

Ну вот, видали? Между прочим, Беата действительно привлекательна, и я думаю, что мы с ней как-нибудь поладим, тем более что я теперь снова в боевой готовности: жив, здоров и весел, и даже вчерашний тритон как будто переварился во мне без эксцессов. Лежу, смотрю в потолок кельи, считаю сталактиты, а в голове бродят разные мысли и догадки — но это не мои мысли, а Его. Они предназначены для особо тупоумных особей из читательской среды, и мне до них дела нет. Терпеливо жду, когда это кончится, а потом разбужу Беату, и пусть она познакомит меня с племенем.

...Здесь, в огромном подземном зале собрались жертвы космических катастроф, остатки экипажей и пассажиров, по счастливой случайности не попавшие в лапы имперцев, сумевшие выжить в этом мире жестокости. И еще их потомки, некоторые — в третьем колене. Всего набралось человек тридцать мужчин и почти столько же женщин — беглецов и изгнанников, потерявших надежду, но сохранивших страстное желание сражаться за свою свободу и умереть, сжав зубы на горле врага. Орк присматривался к их грубым, обветренным лицам, пытаясь определить, откуда сюда попали эти люди. Гарпийцы казались мрачными и насупленными; дилийцы, напротив, выглядели весьма приветливыми, если не знать, что более коварного и изобретательного в военных хитростях народа во всей Вселенной нет и никогда не было; долговязые, с оливковой кожей, тиониты по обычаю закрывали тканью нижнюю часть лица; попадались и изящные женщины с Андромахи, легко узнаваемые по коротким прическам и ритуально купированным ушам.

Двое угрюмых мужчин, еще носивших на себе обрывки имперской военной формы, оказались бывшими стражниками, не поладившими с начальством и счастливо избежавшими единственного на Бражнике наказания для строптивых, которое заключалось в сажании провинив-

шегося на специально заостренный сталагмит в одной из многочисленных пещер...

Так. Скелет, встретившийся нам с гарпийцем в ледяном тоннеле, дождался своей очереди и получил вполне рациональное, хотя и жутковатое объяснение. Но мне ясно и другое: это не рассказ. Нет привычной динамики (Орк выстрелил — враг упал), медленно вводятся в действие новые персонажи. Автор замахнулся, по меньшей мере, на повесть. И я снова бодр, готов крушить и подставлять себя под удары разной степени силы и жестокости, чтобы привнести мир и благодать, как я их понимаю, на эту планету, которой, если сказать совсем честно, вовсе и не существует. Но нет смысла открывать на правду глаза всем этим людям. Они новички, не поймут.

...Люди возбужденно загомонили. Рассказ Орка о неотвратимо приближающейся войне с Империей вызвал бурю восторга, а сознание того, что среди них находится человек, вырвавшийся из плена имперцев, вселило в сердца людей надежду.

— Это и наш шанс! — крикнул Орк. — И мы должны его использовать, а не сидеть сложа руки!..

Ну разумеется. Уж что-что, а кричать «граждане, к оружию» я умею. И «граждане», конечно, рады встретить мой призыв взрывом энтузиазма, но тут некстати вмешивается оппонент. Я его уже видел: это тот самый троглодит, который уже мелькал передо мной, а потом был оставлен про запас, по виду — дегенерат и потенциальный предатель. Брызгая слюной, он обвиняет меня в двурушничестве и обзывает имперским агентом, но я-то знаю, уже догадался, что он попросту ревнует Беату к невесть откуда взявшемуся конкуренту. Сейчас Автор, по-видимому, решает, каким именно образом я должен прервать троглодитские словоизлияния: свингом или апперкотом?

Свингом. Конкурент бит в лучших пещерных традициях и окончательно уничтожен презрением соплеменников, полагающих с подачи Автора, что критика такого замечательного человека (меня) недостойна порядочного литературного героя. Но я великодушен и, приняв командование над сформированным мною отрядом, в последний момент назначаю троглодита ответственным по уходу за верховыми и вьючными животными.

Ибо это пещерное племя имеет своих скакунов — родных братьев того тритона, что я съел, но величиной с хорошую лошадь, с крупной крокодильей головой, — вид, выведенный местными умельцами методом генетических трансформаций. Они (т. е. скакуны, а не умельцы) земноводные и чахнут на глазах, если время от времени не поливать их шкуру водой. Остро чувствую, куда клонит Автор: троглодит, конечно же, выпустит воду из припасенных емкостей (помятых топливных баков, снятых с разбитых флаеров) и в самый неподходящий момент оставит наш отряд без транспорта. Подлый прием как со стороны Автора, так и троглодита.

...Застоявшиеся скакуны в нетерпении били землю ребристыми хвостами. Когда отряд был готов к выступлению, Орк приказал трогаться в путь. Разветвленная сеть пещер, располагавшаяся под горной страной, позволяла выйти на поверхность практически в любой удобной точке...

В какой именно? — вот вопрос. Куда я, собственно говоря, веду этих людей, наврав им о том, что у меня есть какой-то необыкновенный план? У меня его нет. Допускаю, что такой план есть у Автора, однако Он не позаботился сообщить его кому бы то ни было.

Через две страницы положение проясняется. Мы уже на поверхности и, укрывшись за валунами, сидим в засаде возле дороги, проходящей по краю плато. Наша первоочередная задача — взять пленного, по возможности более разговорчивого. А по дороге уже что-то движется...

...Беата решительно повела стволом гравитатора, и армейский транспортер, не удержавшись на дороге, вильнул вбок и с оглушительным скрежетом врезался в скалу. Солдаты, посыпавшиеся из него, не успели изготовиться к обороне — отовсюду, справа и слева, на них кинулись всадники Орка. Солдаты успели дать лишь один нестройный залп, несколько всадников упало, но тут же противники смешались, и в гуще сражения, озаряемой вспышками бластеров, замелькали ружейные приклады солдат и каменные метательные дубинки воинов Ури Орка. Ужасные пасти «лошадей» разрывали имперцев в клочья...

В клочья! Так я и знал, что наиболее эффективным оружием ближнего боя окажется крокодил. И о том, что

каменная дубинка составит достойную конкуренцию бластеру, я тоже догадывался, Как и о том, что в этой стычке я неизбежно буду ранен телесно, но сохраню присутствие духа.

Оп! А ведь больно. Ну зачем, зачем с таким усердием колоть меня штыком? Ткнул раз, ткнул другой — и будет...

...Истекая кровью, сочащейся из трех ран, Орк сумел отчаянным движением отбить новый удар, который наверняка оказался бы смертельным, и, прежде чем офицер успел опомниться, обрушил массивный ствол своего гравитатора на голову противника. Офицер упал, а на его лице застыло выражение ненависти и страха...

Конец сцены. Противник уничтожен, «язык» взят мною слегка оглушенным, но живым, а я едва стою на ногах, плохо соображаю от потери крови и чувствую такую боль, что готов выть. Но даже выть не могу, а только разеваю рот, как загарпуненная рыба, и пытаюсь поймать хоть немного воздуха. Что-то не ловится.

Между тем Беата мастерски ведет допрос пленного. Ей помогает один из бывших стражников, не утративший своих профессиональных навыков. Редкая по омерзительности сцена, сразу ясно, что Автор ничего подобного в жизни не видел. Иначе невозможно понять, почему пленный офицер еще жив и даже пытается стойко молчать, когда его так квалифицированно разделывают на мясное азу; иначе Автор и писал бы иначе — и если бы Он решился об этом написать, то, пожалуй, итоговым продуктом могло бы оказаться что-то другое, а не книжка про Ури Орка.

Самое печальное то, что я, по-видимому, бессмертен. Остальные смертны, кроме, возможно, Беаты. Когда-то я затруднялся, а теперь, когда Автор вводит нового героя, могу довольно точно предсказать, сколько этот герой протянет. Есть герои «до конца повести», есть — «на пять минут» и масса таких, что не стоят плевка — эти, как правило, сами старательно лезут под выстрел. И бывают моменты, когда я остро завидую «пятиминутникам».

Как, например, сейчас.

Но я бессмертен. Бессмертен, как это ни противно. И это надолго.

...Предсмертный вопль офицера на миг заглушил голос Беаты, подбежавшей к Орку.

— Орк! — крикнула она. — Теперь мы знаем, где искать стартовые шахты имперских кораблей! Но для того, чтобы взлететь, нам придется сначала убрать силовое поле...

К черту! Опять не дали довести мысль до конца. Какое еще поле? Ах, поле! Ну да, как же без поля, без поля нам никак нельзя, в чью это крамольную голову забралась мысль о том, что можно без поля? Само собой, Бражник, как всякая порядочная планета с тоталитарным режимом, окружен санитарным силовым полем, не позволяющим стартовать ни одному звездолету без специального разрешения Верховного Властителя. Генератор же поля, как удалось установить, находится в укрепленном замке, принадлежащем Верховному Распорядителю Тхахху Вялому, ленному вассалу Верховного Координатора с не менее музыкальным именем Псахх Хилый. Должно быть, процесс вырождения аристократии зашел у имперцев очень далеко, а присущая им извращенность побудила превратить собственные стати в родовые фамилии. Подразумевается, что физическая немощь высшего эшелона здешней власти с лихвой компенсируется исключительной зловредностью ее представителей. Таких уничтожать одно удовольствие, но сначала, как водится, необходимо узнать о враге хоть что-нибудь. Беата наскоро просвещает меня насчет иерархии здешних Верховных. Для памяти наскоро рисую в уме схемку:

1. Верховный Властитель (царь и бог на Бражнике и вообще, по-видимому, нехороший человек).
2. Верховные Координаторы (министры и генералитет).
3. Верховные Распорядители (офицеры старших рангов).
4. Верховные Понукатели (младшие офицеры и штабные писари).
5. Верховные Исполнители (наемные солдаты, стражники и надсмотрщики на рудниках).
6. Рабы и военнопленные.

В схему не вписались люди вне закона, всякое недобитое отребье, вроде меня и моего отряда. Ну, меня теперь добить нетрудно — ткни только пальцем. В глазах темно. Но так или иначе, а замок Тхахха Вялого нам придется брать штурмом; зная Автора, иного пути представить себе невозможно.

... — Да, — с усилием сказал Орк. Сознание его покидало. — Напасть нужно немедленно... — Он вдруг пошат-

нулся и начал оседать на землю. — Кажется, я не совсем в форме...

— Нет! — крикнула Беата...

Уже через десять минут, напичканный местными стимуляторами, добываемыми из пещерных лишайников, я двигался к замку Тхахха в главе своего отряда инсургентов...

Да, чуть не забыл. Здесь слово «двигался» означает, что двигался и двигаюсь именно я, а не «лошадь» подо мною. «Лошадей» у нас больше нет. А того троглодита, который, как я и предполагал, уморил наших земноводных скакунов, лишив их полива, я заколол своим ножом (вот и нож пригодился), причем все племя бурно протестовало и требовало для предателя казни через сажание на сталагмит. Но я оказался милостив, и к тому же у нас не нашлось времени на обтесывание сталагмита, а все обтесанные, что встретились нам по пути, были уже заняты.

... — Теперь обратный путь отрезан, — сказала Беата, кусая губы. — Без транспорта мы погибнем на обратном пути. Орк, ты что задумал?

Орк закончил одеваться и критически осмотрел себя. В наряде убитого пленника он ничем не отличался от заурядного имперского офицера.

— Будьте готовы к атаке, — сказал он, пряча за пазухой нож. — А мне хочется нанести визит Тхахху Вялому.

— Зачем? — воскликнула Беата.

А действительно — зачем? С помощью гравитаторов мы легко могли бы стащить с башен замка дозорных, а затем забросить на стены десяток-другой молодцов из моего отряда. Девчонке, однако, всего не объяснишь.

— Так нужно, — цежу я сквозь зубы и морщусь. — Сама подумай: стычки были, драки были, любовь, будем считать, тоже была, а интрижки — ни одной. А кроме того, нужно же Автору показать изнутри гнездо врагов прогрессивного человечества!

— Какому Автору? — не поймет Беата.

— У нас с тобой один Автор, — бурчу я, вылезая из укрытия. — Да и тот, честно сказать, сволочь.

** ...Его заметили. Взвыла сигнальная сирена, часовые на башнях перестали расхаживать взад-вперед и замерли, на-*

пряженно вглядываясь. Орк уверенно двинулся к воротам, заметив краем глаза, что в его сторону развернулся тонкий ствол пулемета. Кто-то невидимый дал команду опустить подъемный мост.

Орк невольно замедлил шаги. Успеет ли Беата вместе с отрядом прийти к нему на помощь? Должна успеть.

Он взглянул вверх. Над главной башней цитадели возвышался, медленно вращаясь, массивный дротонный отражатель...

Всякому известно, что дротонный отражатель — это отражатель, имеющий форму дротона, а вовсе не отражатель дротонов, которых не существует. Насколько я понимаю авторский замысел, дротонный отражатель — это именно то, что нам сейчас нужно, а зачем — пока не знаю, но узнаю в свое время.

...Наконец его ввели в парадный зал, и Орк, увидев невысокого рыхлого человека с властными манерами, понял, что перед ним Тхахх Вялый, хозяин замка. Не дойдя до вышестоящего положенных пяти шагов, Орк замер и, согласно этикету, максимально отведя вбок левую ногу, представился:

— Верховный Понукатель Орхх Дохлый — к Верховному Распорядителю!

Маленькие хитрые глазки Тхахха Вялого впились в Орка. Орк почувствовал себя неуютно: в случае провала выбраться из замка будет не так-то просто.

— Какой ты Дохлый, — брюзгливо сказал Тхахх, продолжая разглядывать Орка. — Вон какой здоровяк, будто только что из надсмотрщиков. Нечистая кровь... Признайся — бастард?

Что делать? — подумал Орк. — Изобразить оскорбление? Но нет, это будет ошибкой, пусть лучше Тхахх почувствует превосходство, превосходство усыпляет.

— Да, я бастард, — смиренно сказал он. — Мой отец, Верховный Координатор, был женат тайным браком на дочери Верховного исполнителя, моей матери. И хотя я старший из его сыновей и ношу родовое имя, я всего лишь скромный Верховный Понукатель.

— Ты не похож на скромного, — хитро прищурившись, сказал Тхахх. — Что у тебя ко мне?

— Имею счастье передать устное приказание Верховному Распорядителю, — отчеканил Орк, — от Псахха Хилого, моего сюзерена.

Глазки Тхахха Вялого превратились в щелки.

— Вот как, — сказал он, масляно улыбаясь. — Значит, Псахх и твой хозяин? Гм. Нет-нет, я вовсе не подвергаю сомнению истинность твоих слов. И Верховный Координатор Псахх Хилый, мой добрый сюзерен, без сомнения подтвердит свое приказание, поскольку уже третий день является почетным гостем в моем замке...

Вот это номер! Впрочем, в том, что Тхахх, хоть он и Вялый, а меня раскусит, можно было не сомневаться: в этом вся соль, иначе зачем мне было лезть в этот замок? Автора стремительно несет по узкому фарватеру, на котором нам обоим знаком каждый поворот. Мне кажется, Он уверен в том, что стоит ему выгрести в сторону, как его корыто немедленно наскочит на риф; поэтому Он лег в дрейф и, как говорится, бросил весла.

По-моему, Он их и не поднимал.

А впереди на фарватере — драка. И какая! — Ури Орк против целого гарнизона имперцев. Но беспокоиться излишне. На этот раз меня даже не ранят: Автор считает, что читатель уже проникся ко мне живейшим сочувствием и желает мне всяческих благ. Автор прав. Он всегда прав. Сейчас Он моими руками расшвыряет врагов направо и налево. Но теперь пусть это сделает Он, я же по собственному почину не шевельну и пальцем. Хватит. Я устал и, будь моя воля, охотно позволил бы себя убить. Так ведь не убьют, вот в чем вся трагедия.

...По мере того как зал наполнялся солдатами, Орк медленно пятился, пока не ощутил лопатками стену.

— Взять его живьем! — визгливо закричал Тхахх. — Ничтожный самозванец, ты будешь корчиться на сталагмите!

Бластер в руке Орка полыхнул двумя вспышками, и два обугленных тела, отброшенных огненным ударом, дымясь, рухнули на пол. Толпа солдат накатывалась лавиной. Третий выстрел пришелся прямо в чье-то искаженное ненавистью и ужасом лицо, а четвертого не последовало: бластер был выбит из руки Орка и со стуком покатился по полу. Но прежде чем кто-либо из солдат коснулся его тела, Орк успел выхватить нож...

Малое время спустя парадный зал замка Тхахха Вялого был завален трупами, а трое уцелевших солдат все так же яро-

стно продолжали брать меня живьем. На их месте я бы искал спасения в бегстве. Автор обнаглел окончательно: я, конечно, супермен, но все же не комбинат по производству трупов.

... — Стреляйте в него! — закричал Тхаxx.

Орк понял, что находится на пороге смерти. Он взмахнул рукой — тяжелый нож просвистел в воздухе и вонзился в горло одному из солдат. Двое других подняли оружие.

— Огонь! — скомандовал Тхаxx.

Огненная вспышка сверкнула молнией, и в зал через выбитую дверь ворвалась Беата с бластером, готовым к бою. За ней следовал отряд. Один солдат был убит сразу, другой, подхваченный лучом гравитатора, находящегося в руках оливковокожего тионита, был поднят в воздух и, извиваясь всем телом, медленно выплыл за окно. Тионит выключил антигравитационный луч — из-за окна донесся продолжительный вопль, закончившийся звуком падения тела.

— Сдавайся, Тхаxx! — крикнул Орк. — Ты мне нужен живым!..

А это еще зачем? Впрочем, не исключено, что это часть моего хитроумного плана. Пора бы узнать, какого именно. Пока что действие напоминает мне не доведенный до конца процесс изготовления сдобных булочек: теста много, а изюма в нем нет. Но хотя бы одна изюмина должна присутствовать, иначе пропадет эффект ожидания; уж что-что, а эту истину Автор усвоил прочно.

... — Не давай нашим разбредаться по замку, — шепнул Орк Беате. — Любая воинская часть, занявшись мародерством, перестает существовать как боевая единица. Скажи им, что я приказываю всем собраться здесь. Но сначала пусть отыщут Псахха Хилого.

— А ты? — спросила Беата.

— А я займусь Тхаxxом. Только он знает, как снять с планеты санитарное поле. Хочу попробовать уговорить его изменить присяге.

Беата покачала головой.

— Не выйдет, Ури, — сказала она. — Ты не знаешь, что это такое — вассальная присяга. Из-за страха перед сталагмитом он охотнее даст разрезать себя на кусочки...

— Если понадобится, разрежем, — сказал Орк. — Но я уверен, что до этого не дойдет. Вспомни историю Земли, нашей прародины. В средние века феодалы давали вассальную клятву своему непосредственному сеньору, но только ему и никому другому. Понимаешь? Любой ничтожный барон мог игнорировать даже приказ короля, если этот приказ не был подтвержден каким-нибудь графом, принявшим от барона клятву верности. Этот средневековый принцип назывался «вассал моего вассала — не мой вассал». Если мы найдем Псахха, то не думаю, что Тхаxx станет долго упираться: по моим наблюдениям, такие сморчки, как он, — большие жизнелюбы...

Вот и изюмина. Правда, изрядно залежалая: та виноградина, из которой ее сделали, поспела задолго до войны Алой и Белой розы. Но сойдет и такая. Баловать читателя совершенно незачем, он и так избалован донельзя. Зато теперь, как говорится, повесть приобретает определенное познавательное значение, а перенесение в космос нравов и порядков средневековья вообще очень плодотворно. Только не надо брать Возрождение и эпоху гуманизма, этот период истории суть ошибка человечества, а мне, Ури Орку, убиваться по поводу пролитой крови и вовсе неприлично. Допускается лишь чувство легкого отвращения, вроде манерной стыдливости, и то через два раза на третий.

...Орк отвернулся. В руках у оливкового тионита находилась отрезанная голова Псахха Хилого. Тионит держал ее за уши, как кастрюлю. По-видимому, Верховный Координатор был убит в опочивальне, не успев проснуться: к окровавленному обрубку шеи прилипли перья из рассеченной подушки.

— Лучше убейте меня сразу! — вопил Тхаxx. — Я не нарушу своего долга! Я присягал своему сюзерену!

— Вот этому? — спросил Орк, а тионит по его знаку выставил голову напоказ.

— Вот эт... Что-о?! Он убит?

— Как видите, — любезно пояснил Орк. — Остальное в опочивальне. Вы сможете воздать последние почести покойному, как только примете наши условия. И так как ваша присяга превратилась теперь в пустой звук, я предлагаю немедленно приступить к сотрудничеству.

— Это с вами-то? — фыркнул Тхаxx. — Ладно, развяжите меня...

Вот, собственно, и все. В сущности, на этой фразе Автор мог бы поставить точку, дальнейшее и без того предельно ясно — но такой конец годится разве что для рассказа, а у повести законы иные. Из повести Автору так просто не выбраться, и Он это знает. А посему обязан коекак закруглить сюжет, и я думаю, что Он уложится страниц в пятнадцать-двадцать.

Во-первых, Тхахх Вялый, получив гарантии личной неприкосновенности, откроет нам секрет управления санитарным полем и произнесет несколько фраз о преимуществах свободы перед вассально-ленными отношениями с кем бы то ни было.

Во-вторых, мой отряд, опьяненный первым решительным успехом, решив после непродолжительных дебатов, что негоже думать только о собственной шкуре, ринется взрывать рудники, освобождать рабов и захватывать имперские космические корабли. При этом какой-нибудь смертник останется в замке отбивать атаки имперцев и манипулировать санитарным полем, а так как добровольцев на эту роль не отыщется, в замке останусь я, выдержав трогательно-суровую сцену прощания с Беатой.

В-третьих, этого мало. Все эти события хотя и необходимы, но финала повести еще не делают. В довесок к ним требуется дополнительная сюжетная находка (или выходка?) — лучше одна, но ошеломляющая и желательно такая, чтобы можно было говорить о кровном родстве этой вещи с подлинно научной фантастикой. Автор берет быка за рога: Тхахх уже что-то лопочет о парсеках, численных методах и релятивистских поправках к ньютоновой теории тяготения.

Вот оно что: оказывается, в центре звездного скопления, в котором путешествует Бражник, находится «сверхмассивная черная дыра», не обозначенная ни на одной звездной карте. Мало того, как раз сейчас планета вместе со своим временным солнцем проходит чрезвычайно близко от сферы Шварцшильда, но, как показывают расчеты, будет втянута черной дырой не в этот заход, а в следующий, лет этак через триста-четыреста. Мои воины, услыхав о таком сроке, теряют интерес к теме и, кажется, намерены линчевать Тхахха за болтливость. Им простительно, они не обладают интеллектуальным уровнем Уриэла Оркада, Орхха Дохлого, и не способны связать полученную информацию с фактом наличия на крыше замка дротонного отражателя. Сейчас Тхахх покажет, где тут у него чердачная лестница...

... — А теперь, — скомандовал Орк, — пусть каждый, у кого есть гравитатор, настроит его на максимальное притяжение и целится в главный фокус отражателя. По моей команде — залп! Беата, разворачивай отражатель к солнцу. Собьем Бражник с пути истинного!

— Орк, ты гений! — воскликнула Беата. Ее глаза сияли.

— Это не я, — возразил Орк, хотя ему было приятно. — Это законы физики...

Так. Автор потерял решительно всякую совесть и уже отождествляет себя с законами физики. И еще Он, кажется, воображает, что я способен получить в уме численное решение математической задачи о движении равноускоренной планеты с учетом притяжения хотя бы двух-трех десятков ближайших звезд. Должно быть, Он забыл мою Им же описанную биографию, где ясно сказано, что я сбежал в космос в самом нежном возрасте из подготовительной группы детского садика, а необходимые в космосе знания почерпнул у одного непросыхающего космического люмпен-пролетария, встреченного мною на траверсе Бетельгейзе, — он затормозил свой звездолет перед гигантской красной звездой и который день подряд торчал у иллюминатора, ожидая, когда же наконец будет дан зеленый свет. Так что университетов я не кончал, и Автор много от меня хочет. Но я даже не возмущаюсь, до того все это мерзко, больно и тошно.

Несколько дней спустя. Поскольку в тексте стоит «несколько дней», я не имею понятия о времени, истекшем со дня штурма замка. Это и неважно. Гораздо существеннее то, что все эти дни я наслаждался миром и спокойствием. Нет, конечно, время от времени я выходил на связь с Беатой, когда она просила меня убрать санитарное поле, да еще оснастил пулеметы, торчащие из бойниц, дистанционным управлением, чтобы отражать атаки имперцев, не вставая с постели, — и действительно отразил две такие атаки. Вот и все дела. Остальное время я блаженствовал: Он меня не трогал!!

Один раз я выстрелил себе в сердце. Это было ошибкой. Никогда не стреляйте себе в сердце: болевой шок не так мгновенен, как об этом принято думать. Но все же мне удалось умереть сравнительно быстро, однако ненадолго: как только Беата в очередной раз вызвала меня на связь, я был немедленно реанимирован, а незаконная дырка в

моей груди затянулась как ни в чем не бывало. Такие шуточки с Автором не проходят. Поразмыслив как следует, я раскаялся в своем необдуманном поступке и предался горькому сожалению. Из-за своего неблагоразумия я потерял несколько часов, которые мог бы провести, наслаждаясь свободой, а не валяясь трупом в луже замерзающей крови.

Да-да, именно замерзающей. Со времени нашей гравитационной диверсии Бражник уже успел пройти на минимальном расстоянии от солнца, а Автор попутно разъяснил, что такое пертурбационный маневр. Белая звезда занимала четверть неба, горы дымились, и во время одной из атак от теплового удара погибло больше имперцев, чем от огня моих пулеметов. Зато теперь совсем другое дело: за окном непрерывно сыплет снег, пока еще обыкновенный, — атмосфера же, вероятно, замерзнуть не успеет. Когда небо проясняется, я вижу, что звезды меняют цвет — сказывается допплеровское смещение, — и Бражник, наращивая скорость, летит прямиком в черную дыру.

У Беаты дела идут прекрасно. Подавляющая часть рабов освобождена и выведена в космос на захваченных у противника кораблях. Имперцы оказывают вялое сопротивление и охотно сдавались бы в плен, если бы их в плен брали. А еще Беате удалось перехватить космограмму, из которой следует, что межзвездная армада потерявшего всякое терпение прогрессивного человечества полным ходом идет к Империи, намереваясь не оставить от нее камня на камне. Прямым текстом следует ликующее заявление Автора: лишившись редкоземельных рудников Бражника, Империя не выдержит затяжной войны!

Мажорный финал обеспечен. Но чувствую, как Автора грызет сомнение: не слишком ли он мажорный? Не пора ли слегка подпортить столь светлую перспективу? По-моему, самое время, а сделать это Ему проще всего одним способом — убив меня. Если Он это сделает, я готов все простить и облобызать Ему ноги. Впрочем, убивать меня совсем не обязательно, достаточно попросту оставить на Бражнике, падающем в коллапсар. В самом деле, не могу же я умереть от болезни или, скажем, погибнуть от рук врагов! Такое смешно даже предположить. Меня может убить (еще убить ли?) только слепая стихия, не подвластная человеческому разуму, — и стихия космических масштабов, а не какое-нибудь там смехотворное извержение или наводнение. Какая трогательная и величественная картина: планета, несущаяся в бездонную дыру, ужас (живот-

ный) имперцев, а посреди — Ури Орк, спокойный и чем-то похожий на капитана, стоящего на мостике тонущего корабля. Блеск! Волосы дыбом.

Ха! Изо всех сил хлопаю себя по лбу — за недогадливость. Ха! А ведь я Его поймал! — в первый раз за всю историю нашего «сотрудничества». Не-ет, лобызать Ему ноги я теперь не стану, зато с удовольствием посмотрел бы, как Он чертыхается и чешет в затылке. Сам же и виноват: проглядел и позволил остаться в замке караулить санитарное поле именно мне, а не кому-то другому. Если я отключу поле, чтобы взлететь, кто включит его снова, чтобы не дать уйти имперцам? То-то. Теперь у Автора два выхода: либо набивать заново добрый десяток последних страниц, либо отпустить Ури Орка на волю. Что с того, что моя жизнь продлится недолго? Это мы еще посмотрим. В сущности, никто не знает, что такое черная дыра. И очень может быть, что я останусь жив в той или иной форме да еще встречу там неплохое общество — других литературных бедолаг, выброшенных в черные дыры за ненадобностью или вследствие чрезмерного износа. Жду...

Душераздирающая сцена прощания с Беатой (по радио). Ура! Он пошел по второму пути, и да здравствует авторская лень! Правда, теперь я снова попаду в Его власть — должен же Он описать мои последние минуты! — однако долго это не продлится, напоследок можно и потерпеть.

...Орк подошел к окну и посмотрел вверх. Близилась развязка, звезды в небе плясали, меняя свой цвет. Вокруг замка по-прежнему не было видно ни одного имперца.

Затем он вернулся к пульту управления полем, замкнул накоротко контакты и нанес пульту сокрушительный удар. Он бил и бил до тех пор, пока пульт не превратился в бессмысленную груду радиодеталей, металла и стекла, хрустящего под ногами. Покончив с пультом, Орк перевел дух и улыбнулся. Теперь, даже если его убьют, имперцам не так-то просто будет отклю...

А где же имперцы? Снаружи тихо. Бежит время, и тишина затягивается до неприличия. Неужели враги так и не будут штурмовать мою крепость всеми наличными силами? Я топчусь в недоумении и вдруг, поняв, начинаю безудержно хохотать. Ну конечно же, все до смешного просто. Никакого штурма не будет. Весь фокус в том, что те имперцы, которые пойдут на приступ, уже НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ

УСПЕЮТ вернуться к стартовым шахтам и взлететь до того, как Бражник, вытянувшись в каплю, будет засосан черной дырой. Время упущено, можно себе представить, что творится сейчас на космодромах! Ай да Автор! Наверняка найдется какой-нибудь тип, который похвалит Его за глубокое проникновение в психологию наемников, особенно если больше хвалить будет не за что.

У меня есть идея. Пока еще есть немного времени, не попробовать ли самому ощутить себя Автором? А что? Найти в хозяйстве Тхахха письменные принадлежности и вывести собственного главного героя. Пусть он будет умным и симпатичным, каким и должен быть человек, пусть он вращается в кругу понимающих и неагрессивных людей, какими и должны быть люди, пусть он будет занят каким-нибудь антиэнтропийным делом, каким и должно быть дело, достойное человека, и наконец, пусть он будет счастлив, хотя бы иногда, потому что изредка человек все-таки имеет право на счастье. Вот примерно так мне и хочется написать, а самое главное состоит в том, что здесь мой Автор уже не сможет вмешаться, и в утешение Ему останется краеугольный принцип феодальных отношений:

«ВАССАЛ МОЕГО ВАССАЛА — НЕ МОЙ ВАССАЛ».

Мне кажется, Он поставил последнюю точку. Свобода?!!

...Тихо. Я на чем-то сижу и, как мне кажется, внимательно слушаю. Чей-то бубнящий голос разрушает тишину и действует на нервы. Ничего, сейчас я приду в себя и выясню, где я и что со мной можно сделать. А голос все бубнит.

Я еще плохо видел, но уже догадался, что нахожусь в своей конторе и слушаю клиента, предлагающего выгодную, на первый взгляд, сделку по доставке неизвестного мне груза на Альбину IX. Доставить груз должен я. Клиент, толстяк с испариной на лице, разливается соловьем: «Одна из самых спокойных космических трасс! Абсолютно никакой опасности!»

Он лжет, и глазки у него бегают. Мне хочется молча указать ему на дверь, но я знаю, что сейчас мы придем к взаимному согласию и спрыснем сделку. Потому что так хочет Автор.

А я-то, глупый человек, думал, что уже никто не сможет достать меня из коллапсара... Как бы не так. Уж если никто толком не знает, что такое черная дыра, то здесь у Автора есть лазейка. ОН ДОСТАНЕТ МЕНЯ ОТОВСЮДУ. Уже достал! И отныне я снова обречен жить, снова схва-

чусь с мировым Злом, буду бить и принимать удары, но меня никогда не добьют, потому что я вечный. Вот я уже снова в действии, и мне остается радоваться, что на этот раз я родился в спокойной обстановке и пока не успел проявить наиболее привлекательных для читающей публики качеств своего характера, при столкновении с которыми в жизни та же публика шарахнулась бы, как от чумы. Но я стерплю эту выходку Автора, если история выйдет короткая и без особенной крови, лучше всего — маленькая новелла с легкой интригой. Вот сейчас Он переключится на описание толстяка, тогда я подниму глаза вверх и, может быть, мне удастся что-нибудь разглядеть.

Он переключается на толстяка. Поднимаю глаза кверху, тянусь. Заголовок мелькает и скрывается, но все же я успеваю...

Рыжий тайваньский телефонный аппарат с замысловатым золотым иероглифом на двузубой хваталке уже в пятый раз успел возопить со стены дурным голосом, когда Андрон Васьковский, путаясь в шлепанцах и матерясь, наконец добежал и сорвал с иероглифа трубку.

— Да! — заорал он. — Да! Слушаю! Але! Говорите, чтоб вас... Перезвоните, ничего не слышно! — «Если опять Маню — убью», — подумал он.

— Все пишешь, Крыса? — спросили из трубки. — Все творишь? — Голос хихикнул.

Андрон переступил с ноги на ногу.

— Да! — сказал он. — Але, кто это? Потрох, ты?

— Кому Потрох, а кому Стась Иванович, — сказала трубка. — Тебе, кстати, Стась Иванович, это ты запомни. Крысеночек.

— Я слушаю, — сказал Андрон.

— Это я должен слушать. А ты должен говорить. О чем, догадываешься? Или напомнить?

— А о чем?

— Ну ты даешь, пасюк. Когда книгу сдашь, пидор? Ждем, понимаешь, с нетерпением. Заждались. И Бугай уже интересовался.

Андрон почувствовал, что вспотел. Пот был холодный.

— Так есть же еще время...

— Что-что?

— Хотите быстрей — «Вектру» верните, — сказал Андрон.

— А?

— Ну хоть какой-нибудь «Хюндай», нельзя же так... У меня зубчатый ремень все время соскакивает.

— Про зубчатый ремень ты Бугаю расскажи, — посоветовала трубка, — а то он что-то гугнивый ходит, давно, наверно, не веселился. Ты, Крысонька, ремешок тот пальчиком придержи, он и не соскочит. Левым таким мизинчиком, понял? А как каретка наедет, ты быстренько строку и допечатай. В общем, твое дело. Я до тебя полтора года придерживал и делал главу быстрее, чем Бугай успевал бабу трахнуть. Прожрал, понимаешь, аванс, а толку нет, и еще кобенится: «Вектру» ему...

Пересохло в горле.

— Какой аванс? — спросил Андрон. — Ты мне, Потрох... Стась, про аванс не говори, не было никакого аванса. Я еще за тот раз гонорар не получил.

— Ах, не получил? — сказала трубка. — Ну-ну. Слушай, пасюк, интересно выходит: Желязны гонорара не требует, Сильверберг не требует, Муркок и тот не требует, а Стиву Шайну вынь да положь. С чего бы? Может, переслать ему в Штаты, ты как думаешь?

В трубке заржали.

— Суки! — тихонько сказал Андрон.

— А?

— Я говорю, тут у меня работы еще на месяц. Так Бугаю и передай.

— Так и передать, Крысонька? Это можно.

— Ну, не так, а сам понимаешь... Ну хоть три недели, полный же зарез... Потрох!

— Как?

— Стась Иванович!

— Что, Шайнушка?

— Три недели даешь? Ты этого не видел, это же блеск будет, ты такого и у Гаррисона не читал...

— А у тебя, значит, прочту? Это про Орка опять? Мог бы, кстати, себе и получше имечко выискать. Мурло какое — Шайн... Хрен с тобой, Крыса, неделю дам, а больше ничего не обещаю, с Бугаем — сам знаешь... Будешь потом лапу сосать под родной фамилией. Ну, скрипи дальше.

— Эй! — закричал в трубку Андрон. — Стась, а насчет гонорара...

Трубка разразилась гудками. Андрон тихо выматерился и вернул ее на хваталку с иероглифом. «С-св-в-волочи!» — сказал он, подумав. Ничего другого сказать не хотелось. На журнальном столике в углу комнаты сердито жужжала не-

выключенная «Ижица», и по звуку было ясно, что зубчатый ремень опять слетел. Столик тоже вибрировал, мелко дрожала торчащая из машинки и допечатанная почти до конца страница, вверху на ней можно было разглядеть:

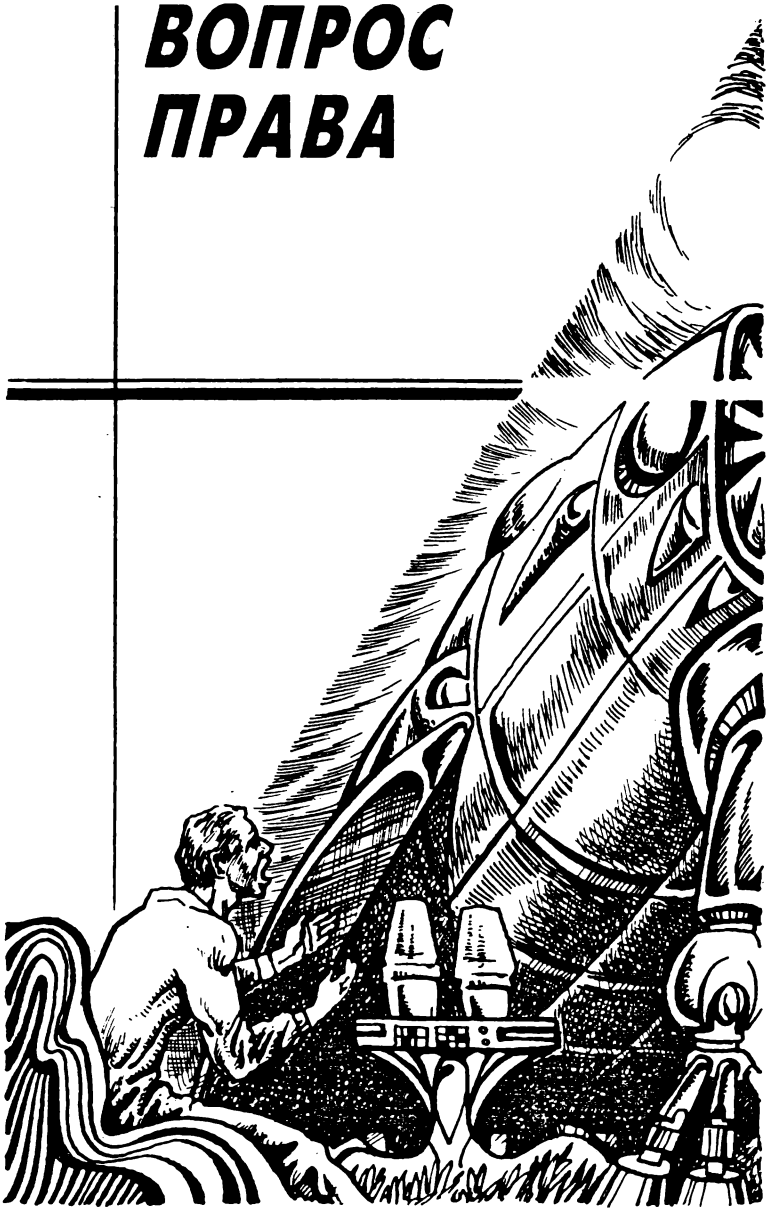
Стив Шайн

«УБИЙЦЫ С ПРОКСИМЫ»

Роман

Андрон проследовал мимо столика к шкафу, раскрыл его и из картонной коробки, угнездившейся на нижней полке среди обуви, вытянул прозрачную бутылку. На кухне он ее обезглавил, сорвав колпачок, налил полный стакан и, задержав дыхание, выпил его в два глотка. Не дав себе отдышаться, он наполнил стакан вновь.

ВОПРОС ПРАВА

Завтра меня будут судить.

Нет, я не виновен, во всяком случае, таковым себя не считаю. Дело за малым — чтобы таковым меня не сочли присяжные. У них будет трудная задача, и я им заранее сочувствую. Впрочем, завтра будет видно, кому в действительности пригодится сочувствие. Боюсь, что мне. И истец, я уверен, не пожалеет слов для того, чтобы обрисовать мои — им же вынужденные — поступки в самом черном и невыгодном для меня свете. Он взбешен и жаждет мщения, сладострастно потирая руки.

Пусть. У меня еще есть надежда: в сущности, ведь не доказано, что я совершил преступление. И может быть, то, что я собрался написать, как-то поможет делу? А что, это, пожалуй, идея. Оратор из меня никакой, чего доброго, начну невразумительно мямлить, когда судья спросит меня о мотивах, — но если мне удастся выразить на бумаге хотя бы десятую часть того, что мне пришлось пережить, весы Фемиды должны дрогнуть. Обязаны. У меня, как и у всякого другого, есть право давать показания в письменном виде.

Приговор? Не думаю, что он будет очень уж суров — вероятно, лишение какого-либо гарантированного права на более или менее продолжительный срок. Какого? — вот вопрос.

Права на жизнь? Разумеется, нет: никакой суд не правомочен решать такие вопросы, будь я хоть трижды убийцей. Не средние века. К тому же я никого не убивал. Это меня чуть не убили.

Права на общество себе подобных? Не смешите меня. Это не наказание, а благо. От себе подобных только и жди какой-нибудь пакости или нечуткости — нет, не ко мне лично, это бы еще полбеды, — а к делу, которому я посвятил большую и лучшую часть своей жизни. Делу! — а не общению с субъектами вроде моего истца.

И далее — в том же духе, по перечню гарантированных прав. Решительно не возьму в толк, как суду удастся решить главную свою задачу: заставить преступника раскаяться? Во-первых, я не считаю себя преступником и не постесняюсь заявить об этом во весь голос, а во-вторых, не раскаиваюсь и раскаиваться не собираюсь. Уверен: всякий на моем месте поступил бы точно так же. Если не хуже.

И все-таки я кривлю душой. Есть, есть одно право, лишения которого я смертельно боюсь... Черт, что за плоское слово — «боюсь»? Совершенно не отражает сути моего со-

стояния. Страшусь? Бр-р... Ужасаюсь? Еще того хуже. Нужного слова нет. Но эпитет «смертельно» верен, потому что отнять у меня это право — все равно что отнять право на жизнь. Не менее.

Я вам скажу, какое это право, все равно ведь догадаетесь рано или поздно. Но постарайтесь не смеяться. И уж тем более не нужно меня жалеть, жалости я не терплю. Откройте перечень гарантированных прав и прочтите на странице пятой под номером двадцать семь: «Право на время, материалы и условия, необходимые для занятия деятельностью, не представляющей угрозы для человечества и выполняемой в свободное от основного труда время». Витиевато, но исчерпывающе. Некоторые называют это правом на хобби.

Ну вот, еще одно идиотское слово.

Чахлое растеньице неопределенного цвета, конус ломких листьев, окружающих хилый стебель с единственной почкой наверху, из которой, может быть, лет через пять разовьется вялый скомканный цветок. А может быть, и не разовьется. Природа решила пошутить, отпустив растению долгий тепличный век и очень мало жизни. Росток до того слаб, что трудно понять, как он вообще способен выбраться из земли, — но он все же выбирается, похоже, только затем, чтобы печально продемонстрировать миру свою бледную немощь. Это, с точки зрения профана, и есть конусоид остролистный, привередливый гость, завезенный из невообразимой дали будто специально для того, чтобы людям вроде меня было чем заняться.

Выращивать конусоиды — дело почти безнадежное, а если за это берется простой любитель, то безнадежное втройне. В девяносто восьми случаях из ста он разорится на рассаде, ничего не добившись, а если не разорится, значит, он либо очень состоятельный человек, либо плохой любитель. Удачи редки. И если любителю удалось-таки взрастить, да еще в обыкновенных цветочных горшках, пару кривоватых росточков, годных для высаживания в грунт, то этот любитель вправе преисполниться любой степени самодовольства, включая сочинение од и мадригалов в свою честь. Другой пользы от конусоидов нет и не предвидится. Зато счастливый обладатель проросшего уникума отныне обречен на плохой сон и скверный аппетит. Он отложит деловые встречи и отменит самое необходимое, чтобы иметь возможность лишний раз подышать над росточком или поэкспериментировать с новым видом питательной смеси. Ес-

ли любитель человек увлекающийся, он потерян для общества навсегда. Это маньяк. Он одержим стремлением познакомить мир с принадлежащим ему чудом. Если ему удается затащить к себе какого-нибудь простака, он благоговейно указывает перстом на цветочный горшок и тут же, наслаждаясь и мучаясь одновременно, шипит на гостя, подошедшего к растению слишком близко. Друзья к нему не ходят. Широкие слои общественности, к сожалению, прискорбно равнодушны к вопросу акклиматизации конусоидов на Земле. Остается одно: стучаться в двери ботанических институтов и селекционных центров во всей обитаемой Вселенной и регистрировать свои ростки под разными номерами в надежде когда-нибудь встретить свое имя в почтенном академическом каталоге. И вот он гордо ступает на борт космического лайнера и дерзит помощнику капитана, категорически отказываясь сдать свои горшки в багаж под надзор киберов. Дрожа за судьбу своих питомцев, он неуклонно движется к розовой мечте — не к славе, нет, слава ему не нужна, — а только к признанию своих усилий и трудов, поистине титанических. Это смешно, скажут многие. Что же тут смешного, достойно отвечу я, если человек определил цель и смысл своей жизни?

Итак, горшки пристроены в каюте, разбитый в пух и прах помощник капитана уходит искать, на ком бы сорвать злость, а вдохновенный любитель даже еще не осознал своей победы. Ему сейчас не до подобных мелочей: ведь предстоит старт, затем маневры корабля, затем разгон — и все это время на хрупкие ростки будут действовать совершенно недопустимые перегрузки. Но истинный любитель охотнее выдержит взлетные четыре «же» стоя посреди каюты со штангой на плечах, чем позволит росткам ощутить хотя бы малейший дискомфорт.

Левитационная ванночка спасает дело. Они безумно дорогие, эти ванночки, и вдобавок весьма далекие от совершенства, с точки зрения конусоидоводов, — их применяют главным образом для доставки трансплантируемых органов на слаборазвитые планеты — и тем не менее именно ванночка дает ростку неплохой шанс выжить в полете. Между прочим: если вам когда-нибудь встретится любитель конусоидов, не имеющий левитационной ванночки, плюньте ему в лицо: он либо шарлатан, либо вандал, не заслуживающий права называться подлинным любителем.

С такими я не желаю иметь ничего общего.

Всякий нормальный человек проводит во сне третью

часть жизни. Любитель конусоидов — меньше. В глубине души он уверен, что если с ростками случится самое худшее, это произойдет именно во время его сна. На ночь его мучают скверные предчувствия, а снятся ему кошмары. Нет, я отнюдь не ручаюсь, что с каждым любителем дело обстоит именно так, и не претендую на полноту картины. Не взыщите, я всего лишь описал свои личные ощущения.

Кошмар прервался на середине, и я понял, что проснулся. Выла сирена, и кровать ходила ходуном, так что моя голова скакала по подушке, а ноги, продетые в пижамные брюки, от каждого толчка взлетали к потолку каюты. Спросонья я туго соображал и для начала попытался перевернуться на другой бок, чтобы досмотреть, чем там кончилось дело, но подлая конструкция, послушная программе побудки, накренилась и вывалила меня на пол, да так, что горшки с конусоидами, стоящие рядом на журнальном столике, вздрогнули и угрожающе закачались. Я осатанел. Когда я с облегчением убедился, что ростки целы, первым моим желанием было содрать с мгновенно присмиревшей кровати одеяло и устроиться доспать на полу, заткнув уши, чтобы не слышать воя сирены. Знаю я эти штучки. Один-два раза за время рейса на любом пассажирском корабле принято устраивать учебную метеоритную тревогу, причем, как правило, в ночные часы. Дань традиции замшелых времен, когда на трассах еще можно было встретить метеорит, способный пробить броню лайнера. Теперь такие реликты давно выбиты, а традиция будить людей осталась — с кровати спихнули, и сирена, вот, воет.

Традиция в космосе почти закон, а законы отличаются одним свойством: их необязательно чтить, над ними можно смеяться, их можно даже не знать, но соблюдать их нужно. Поэтому я ворчливо оделся, вышел в коридор и стал искать ближайший спасательный вельбот. В коридоре было пусто, и я сперва, вообразив, что все пассажиры уже успели занять свои места, даже припустил рысцой, но тут из-за двери семейной каюты донеслось приглушенное сиреной сонное бормотание и довольно явственный смешок. Разумеется, там и не думали сломя голову бежать спасаться, а скромно и терпеливо ждали отбоя тревоги и, позевывая, проверяли, не перестали ли уже взбрыкивать кровати. Проклиная свое законопослушание, я доплелся до первого из двух пристыкованных к нашей палубе вельботов и дернул

ручку люка. Пусто. Один я такой ненормальный. Ладно, решил я. Посмотрю во втором и пойду спать. По крайней мере упрекнуть меня будет не в чем.

...Он набежал на меня прямо в пижаме, суетливый пухленький человечек с трясущимся брюшком навыпуск, потный и растерзанный, прижимающий к боку большой портфель. На его лице было написано отчаяние. Трудно запомнить всех пассажиров, особенно с других палуб, но этого я узнал: видел на смотровой площадке и в ресторане. Наверное, бедняга сразу, еще не до конца проснувшись, кинулся искать вельбот и заблудился. Помнится, глядя на него, я подумал, что нечего так бегать, если не умеешь справиться с одышкой. И еще с удовлетворением отметил, что существуют люди еще более ненормальные, чем я сам.

Мысль мелкая, тщеславная. Но, как вскоре выяснилось, настолько справедливая, что даже как-то неловко называть ее просто мыслью. Голая Истина.

— Вы — что? — спросил я строго.

Вместо ответа человечек отпихнул меня в сторону и полез в люк вельбота. На него было жутко смотреть.

Стоит мне в самой спокойной и унылой обстановке увидеть смертельно перепуганного человека, как я, вместо того чтобы его высмеять, сам начинаю нервничать. Наверное, это оттого, что смертельно перепуганных людей мне в жизни доводилось видеть очень уж мало.

Захлопнувшийся было люк распахнулся рывком. На меня уставились налитые ужасом глаза. В них было все: свист воздуха, уносимого в пространство через рваную пробоину, грохот осыпающихся переборок, визг осколков в тумане конденсата и самое страшное: океан жидкого огня из пробитого двигателя, врывающийся в жилые отсеки... Мне стало не по себе.

— Ну что же вы! — закричал он, чуть не плача. — Лезьте же!

По его залысинам сбегали крупные капли пота.

И я, представьте, чуть было не полез в этот люк. До сих пор не могу вспомнить об этом без стыда. Я совсем забыл о своих ростках, на одну секунду — но забыл!

— Стойте! — закричал я, опомнясь. — Подождите меня! Мне необходимо вернуться в каюту. Я мигом! Ждите меня зде-е-есь!..

Последнюю фразу я выпалил уже на бегу. Она-то меня и погубила.

— Вы с ума сошли! — завопил человечек мне вслед. —

Через полминуты будет поздно, слышите! Да остановитесь же вы, кретин!..

Я его не слушал. Полминуты! У меня оставалось только полминуты, и я должен был успеть спасти свои ростки. Я несся по коридору гигантскими прыжками. Какое счастье, что перед сном мне пришла в голову спасительная мысль навинтить на горшки с конусоидами защитные колпаки! Если бы я этого не сделал, можно было бы никуда не бежать: ростки были бы обречены. Никогда бы себе не простил.

Между прочим, следовало подумать еще и о людях. По-прежнему не умолкала сирена, и по-прежнему в коридоре, ведущем к спасательным вельботам, не было ни души. Никто не желал спасаться. Мирные пассажиры, недовольные тем, что кто-то так не вовремя прервал их сон, уверенно полагающие ночную побудку обыкновенной учебной тревогой... и не без основания. По статистике, в пассажирских рейсах на десять тысяч учебных тревог приходится одна настоящая — так зачем же куда-то спешить? Вот потому-то число жертв в космосе растет, а не уменьшается, несмотря ни на какие тревоги, и неудивительно.

Теряя драгоценное время, я тормозил возле дверей кают — одна дверь, другая, третья... Черт знает, сколько здесь кают! Я колотил в двери что было сил. Я кричал: «Спасайтесь! Да проснитесь же!! Тревога!!!» Я зря терял время. Из первой каюты мне сквозь дверь весело пожелали спокойной ночи, из второй доносился тяжелый храп, а невидимый, но крайне раздраженный обитатель третьей каюты грубым голосом послал меня поискать точное место Большого Взрыва, найти его и там остаться. Эти идиоты ничуть не верили в самую возможность катастрофы; чтобы их спасти, потребовалось бы каждого брать за шиворот и тащить к вельботу, а спасаемый еще упирался бы.

К черту! Я не склонен мешать самоубийцам — в конце концов, это их право. Но мне умирать еще рано, и я должен спасти свои ростки, плод трудов, мук и терзаний многих лет. Ростки должны уцелеть во что бы то ни стало.

Вот они! Сгибаясь под тяжестью бесценного груза, я бежал назад, к вельботу. Мне казалось, что воздух внутри корабля стал разреженным, и я дышал с хрипом, судорожно разевая рот, и все никак не мог поймать достаточно воздуха. Сообщения о разгерметизации не поступало, но на терпящем бедствие лайнере возможно всякое. Следовало спешить. Скорее!

Как мне хватило рук, чтобы за один заход унести самое главное — о том отдельный разговор. Кое-что, конечно, пришлось бросить. Бедные ростки под прозрачными колпаками дрожали при каждом прыжке, и у меня сжималось сердце, но я не мог при всем желании уделить горшкам больше одной руки, а другой рукой я прижимал к себе левитационную ванночку, наспех набитую баллончиками со стимуляторами и питательной смесью для ростков, рукописный дневник наблюдений и усовершенствованный мною биотестер. Между прочим, левитационная ванночка только называется ванночкой, а вы попробуйте удержать ее одной рукой. Ванна! Сорок один килограмм чистого веса.

Горячий пот заливал мне глаза. Скорее! Прошло уже не тридцать секунд, а, наверное, пятьдесят. Человечек ждал меня, высунувшись из люка по пояс, и его лицо не выражало ничего, кроме отчаяния.

— Да быстрее же! — закричал он страдальчески, увидев меня. — Полезайте!

Я перевел дух. Все-таки он рискнул дождаться меня, не стартовал. Хороший, наверное, человек.

— Примите горшки, — сказал я, просовываясь в люк. — Только осторожно, не тряхните их случайно. Ставьте их вон туда, на кресло. Вот-вот, сюда. Да осторожнее же, черт!.. Что там у вас — портфель? Поставьте-ка его на пол. Вот так.

Я подал ему второй горшок. Пришлось прикрикнуть на него, чтобы он не трясся. По-моему, он уже жалел, что связался со мной, отсчитывал в уме секунды и прощался с жизнью.

— Теперь ванночку, — скомандовал я. — Быстрее! Подберите ноги, поставим ее на пол. Хватайте же, ну!

Этого человечек не выдержал.

— Какая еще ванночка, — завизжал он на высокой ноте, — если мы сейчас погибнем! Бросьте ее! Да бросьте же, идиот! Все равно она не пройдет в люк!..

Бросить ванночку, ха! Ляпнуть такое мог только дремучий невежда в вопросах разведения конусоидов, которому в определенных ситуациях лучше помалкивать и не вмешиваться в действия специалистов. Еще несколько секунд я, закусив губу, пытался протиснуть ванночку в люк — и прямо, и боком, и по-всякому, пока не понял, что мои усилия бесполезны, — и каждая упущенная секунда могла оказаться для нас последней. Человечек рыдал. Сирена про-

должала выть — надрывно, стонуще. Лайнер летел навстречу катастрофе.

Горстями я швырял в люк баллончики, пипетки, иглы — все, что смог запихнуть в ванночку. Скорее! Нужно успеть! Нужно!!.. И я успел запрыгнуть в люк, как мне показалось, в последнюю секунду, и тут же человечек взвился и, издав громкий всхлипывающий звук, изо всех сил дернул рычаг старта. Меня толкнуло: вельбот дрогнул и медленно заскользил по магнитным рельсам. Обратный путь был отрезан. Мы были спасены: теперь уже ничто не могло нас остановить, разве что прямое попадание метеорита в эвакуационный кингстон. Более того, я спас свои конусоиды!

Впрочем, спас ли еще? Не факт. Вытирая с залысин обильный пот, человечек с изумлением смотрел, как я устраиваю свои горшки на противоперегрузочном кресле и фиксирую их ремнями. Конечно, кресло не спасет ростки от толчков, но и не даст им погибнуть сразу же. А это пока главное.

Едва я успел закрепиться сам, как нас рвануло вбок — спасательные вельботы пассажирских судов, в отличие от разведывательных ракет крейсеров, выстреливаются не вперед, а в сторону. Глухо чавкнул кингстон, и мы увидели звезды, а на левом экране возникло громоздкое тело лайнера, медленно удаляющееся в пространство — вельбот уходил в сторону от линии соприкосновения с таящейся впереди опасностью. Затем заработали носовые двигатели торможения, и мы бестолково забились в ремнях безопасности, с опозданием осознав, что наш вельбот оказался устаревшей моделью без поворотных кресел. Хотелось ругнуться: держат же подобную заваль на лайнерах, рекламируемых как первоклассные! — но и ругнуться я не мог, а на соседнем кресле схваченный ремнями человечек пучил налитые глаза, как недоваренный рак, и задыхался. Ладно, мы-то выдержим, главное то, что конусоидам абсолютно безразлично, повернуто кресло или не повернуто. Им плохо в любом случае.

Уф-ф! Кажется, спасены. Лайнер проскочил мимо нас, как пустынный смерч мимо залегшего верблюда. Через две секунды он был уже далеким светлым пятном, уходящим в черноту; через пять секунд он стал похож на яркую звезду, быстро теряющую блеск, потом на тусклую искорку, едва заметную среди тысяч других звезд. Наконец звездочка погасла совсем.

И мы остались одни.

Минут тридцать мы всматривались в черноту, с замиранием сердца ожидая вспышки, похожей на вспышку сверхновой, в той части неба, куда ушел лайнер, но вспышки все не было. Если бы мои мысли не были столь заняты ростками, то наверняка я понял бы гораздо раньше, что ее и не должно было быть. Но в тот момент я ощутил всего лишь осторожное сомнение.

А космос вокруг нас был пуст и к нам безразличен.

— Но где же другие вельботы? — спросил я. Вопрос был резонным: по идее, с терпящего бедствие лайнера спасательные суденышки должны сыпаться как горох. Не может быть, чтобы абсолютно все пассажиры оказались такими же беспечными олухами, как мои соседи. Тут что-то было не так.

— Послушайте, — сказал я не очень уверенно. — Могу я полюбопытствовать: почему вы, собственно говоря, решили, что это была не обычная учебная тревога? Вам встретился кто-нибудь из экипажа?

Человечек оторвался от экрана, откинулся на спинку кресла и сложил пухлые ручки на животе. От его отчаяния не осталось и следа. Клянусь, более самоуверенного и самодовольного человека я еще не видел. Он смотрел на меня с видом явного превосходства.

— Я его почувствовал, — изрек он, противно улыбаясь. — До него оставался миллиард километров, но я его все равно почувствовал. В первый раз у меня получилось, — он сиял гордостью. — Вы должны меня благодарить за то, что спаслись, потому что мы оба наверняка погибли бы, если бы я его не почувствовал...

— Кого? — спросил я, начиная подозревать неладное.

— Метеорит, — радостно сообщил он. — Очень крупный обломок, почти астероид. Мы шли прямо на него, но теперь, конечно, для нас опасность уже позади...

— Постойте-постойте! — загорячился я. — Как это? Что это значит — «почувствовал»? Как вы могли почувствовать метеорит за миллиард километров? Это что, камень под ногами? Вы соображаете, что говорите? Или нет? В конце концов, существуют же для чего-то следящие локаторы, или как их там?

— Существуют, — признал человечек все с тем же отвратительным тоном превосходства. — Конечно, существуют. Но на этот раз либо ошиблись они, либо ошибся корабельный мозг, поэтому вам повезло, что среди пассажиров

оказался человек со способностями, которые в скрытом виде дремлют в каждом из нас и нуждаются лишь в должном развитии. Я имею в виду ясновидение, ридинг-эффект. Вы, я вижу, не в курсе...

— Что-о?! — закричал я, осознавая страшную правду. — Ясновидение? Так, значит, тревога и в самом деле была учебной?!

Он смотрел на меня и сиял. В его глазах ясно читался ответ.

— Ах ты!..

Нехорошо хватать человека за шиворот, но я это сделал. Нехорошо также возить его носом по заблокированному пульту управления, но я совершил и это. И уж совсем не следует говорить при этом слов, которых пришлось бы впоследствии стыдиться, а я наговорил ему немало всякого, и ошибется тот, кто подумает, будто мои выражения отличались чистотой и литературным благородством. Да, какое-то весьма непродолжительное время мне было стыдно — но теперь мне стыдиться нечего. Пусть благодарит судьбу за то, что я, не страдая ясновидением, не смог в тот момент предвидеть дальнейший ход событий и потому не вытряс из него душу. А следовало бы.

Не знаю, сколько времени я успокаивал нервы. Когда я его выпустил, лицо человечка было синим, прикушенный язык распух и не помещался во рту. Я немедленно почувствовал неловкость и извинился со всей возможной деликатностью. Человечек, как ни в чем не бывало, встряхнулся, привел себя в порядок и снова прилип к экрану. Уж не знаю, что он там ожидал увидеть.

— И фы такой ше, — сказал он немного погодя, с трудом ворочая распухшим языком. — Фы фше такие, даше лушшие предштафители, не шелаете дошлушать... Шерт, пошему ше так долго не фидно фшрыфа?

Я оглянулся на горшки. Ростки, слава богу, были в порядке. Впрочем, по внешнему виду конусоидов никогда нельзя судить, в порядке они или не в порядке. А этому — взрыва хочется. Псих.

— Не будет взрыва, — сказал я мрачно. — А ваш метеорит, извините, фикция. Как и ваше ясновидение. Надо же было мне, дураку, вас послушать! Где теперь лайнер? — Я ткнул пальцем в черноту на экране. — Ну? Покажите мне его. Если бы мы остались в своих каютах, то сейчас бы преспокойно досматривали сны, а не болтались без дела посреди Вселенной. Между прочим, если вы дума-

ете, что лайнер затормозит и начнет нас разыскивать, то глубоко заблуждаетесь. Мы — классические потерпевшие кораблекрушение, и все из-за вашего ясновидения!

— Яшнофидение не фикция, — возразил человечек. — Фаш лайнер погиб шо фшеми людьми, а ешли не ферите, то дафайте попробуем догнать.

— Как?! — закричал я на него. — Спасательные вельботы все до единого на автоматическом управлении. Вы что, знаете, как разблокировать пульт? А управлять вельботом вручную вы умеете?

Он не умел. И значит, нам предстоял путь к одной из ближайших спасательных планет — удовольствие недели на две, а если не повезет, то и на все три. Да еще ждать спасателей. Выдержат ли такое мои хрупкие ростки? Может быть, да, а может быть... страшно и подумать. О конусоидах ничего нельзя знать заранее, можно только пытаться продлить их жизнь, насколько это вообще возможно. Накрытые колпаками, в надежных горшках, оснащенных системами термо-, влаго- и магниторегуляции, ростки, возможно, продержатся месяц-другой, если не забывать вовремя менять баллончики с питательной смесью. Но уж я-то, конечно, не забуду! Гораздо хуже то, что все это время мне придется провести бок о бок с типом, к которому я чувствую естественную неприязнь одураченного человека, смешанную с неловкостью за свою несдержанность. Однако сосуществовать с ним как-то придется.

Из вежливости я представился, и человечек в свою очередь назвал мне свое имя. Он вообразил, будто меня интересует его имя. Он ошибался. Я не собирался уделять ему свое время. Приятно побеседовать с разумным человеком, особенно, если он хоть что-нибудь смыслит в конусоидах, но разговаривать с умалишенным, из-за которого я влип в эту дурацкую историю — увольте. Это монстр. Рыба-Кит — вот как я прозвал его в самом скором времени. По-моему, попал в точку.

Прошло десять секунд.

— Вы что читаете? — спросил он.

— Звездный Атлас, — ответил я нелюбезно. — Хочу понять, где мы по вашей милости находимся и далеко ли отсюда до спасательной планеты. А вы что думали?

— А-а, — сказал он. — Правильно.

Прошло еще секунд пять. Рыба-Кит сидел молча, всматривался в черноту на экране, вслушивался и, по-моему, даже внюхивался.

— Недалеко, — сказал он, улыбаясь. — Совсем недалеко, я это чувствую. И планета хорошая. Если бы вы, подобно мне, всерьез занялись развитием дремлющих в вас способностей, вы бы тоже почувствовали, что планета недалеко. Хотите, попытаемся вместе?

— Не мешайте, — сказал я. — Я занят.

Прошло еще две секунды.

— А скажите, — вкрадчиво произнес Рыба-Кит, — что вы вообще думаете о парапсихологии?

— Ничего не думаю, — ответил я, не отрываясь от Атласа и тщетно пытаясь определить наше местоположение в пространстве. — Лично с ней не сталкивался. Какое мне дело до парапсихологии? Дремлют способности — ну и пусть себе дремлют. Нужно уважать чужой сон.

Прошла секунда. Рыба-Кит начал закипать.

— Так что же, — довольно агрессивно атаковал он, — вы, стало быть, вообще не верите в парапсихологию?

Я глубоко вздохнул и решительно захлопнул Атлас. Нет, заняться делом мне здесь не дадут, и мне же хуже будет, если я стану это терпеть. Настырного собеседника пора было ставить на место.

Плохо же я знал Рыбу-Кита! Позже я усвоил, что его абсолютно невозможно поставить на место. Ни на какое.

— Мне нет дела до парапсихологии, — объявил я. — Есть ли она, нет ли ее, мне как-то безразлично. Допускаю, что есть, хотя за те несколько столетий, что о ней талдычат, она вполне могла бы превратиться в серьезную науку, а поскольку этого не произошло, то, по-видимому, никакой парапсихологии в природе не существует. А «верю» или «не верю» — это все, извините, не научные категории. — Черт возьми, я был так глуп, что пытался его убедить. — Научные категории — «знаю» или «не знаю». Так вот: я не знаю. И знать не хочу.

Прошла минус одна секунда. Рыба-Кит взорвался раньше, чем я успел договорить.

— Здесь! — закричал он, брызгаясь, и схватился за свой портфель. — Здесь собрано все, что может с легкостью опровергнуть идиотские рассуждения таких вопиющих дилетантов, как вы! Существование экстрасенсорных способностей человека не отрицали величайшие мыслители древности и современности, и не вам с ними спорить! Парапсихология, если хотите знать, до сих пор не признана наукой только из-за воинствующего самодовольства невежественных обывателей, вроде вас, да нескольких десятков ученых ортодоксов! И есть еще крикуны, такие, как...

— Как вы, — закончил я не без удовольствия. — Замолчите, сделайте милость. У меня от вас голова болит.

Рыба-Кит запнулся и разинул рот. Как рыба. Потом до него дошло, и он стал раздуваться. Как кит.

— Уймитесь, — упредил я. — Давайте лучше спать. Не хватало нам еще подраться. Не знаю, как вам, а мне сегодня выспаться не дали. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — произнес кто-то. Я вздрогнул. Но тут же понял, что голос исходит от обшивки вельбота, и успокоился. По-видимому, за нами присматривало какое-то автоматическое устройство. — Спокойной ночи, — пожелал ему и я. — А я не сплю, — ответило устройство.

Рыба-Кит покричал еще немного, побрызгал слюной и мало-помалу успокоился. Когда он наконец заснул, полулежа в кресле, нездоровое любопытство толкнуло меня исследовать содержимое его портфеля. Там не было ничего, кроме книг. Книги о парапсихологии и мессмеризме. Книги о телепатии и телекинезе. Книги о смежной области — полтергейсте. Было «Практическое руководство по ясновидению» некоего Р. Х. Бауха. Был один толстый фолиант под названием «Медуизм. Теория, практика и прогнозы». Имелись и старинные трактаты, написанные на мертвых языках неизвестными буквами, а некоторые — иероглифами. (Позже выяснилось, что мертвыми языками Рыба-Кит не владеет, а иероглифы ему необходимы для самососредоточения, слияния чего-то с чем-то, усиления экстрасенсорного восприятия и генерации вокруг себя какого-то поля. Не разобрал, какого.) Всего книг оказалось десятка два. Я вздохнул и вернул портфель на место. Уж если человек, подобно мне, вместо личных вещей спасает малопригодные в практической жизни предметы, то похоже, что любитель нарвался на любителя. Может быть — на фанатика. Я понял, что мне не повезло.

Тогда я еще не знал, до какой степени мне не повезло!

Между прочим, классификация фанатиков допускает наличие двух типов: фанатиков самоуглубленных и фанатиков фонтанирующих. Не дай бог никому встретиться с представителем второго типа в ограниченном объеме пространства. Бойтесь этого, люди.

— Доброе утро, — проговорил в темноте некий воркующий голос.

Я открыл глаза и увидел склонившуюся надо мной лос-

нящуюся физиономию Рыбы-Кита. Застонав, я отвернулся — но куда можно отвернуться в четырехугольном отсеке с полированными стенами, отражающими все ту же физиономию? Положение было безвыходным, и я проклинал свою глупость. Вспоминать вчерашний день не хотелось. Он был ничуть не лучше тех кошмаров, что так любят преследовать меня по ночам. Обыкновенно мне снится, что мои ростки гибнут...

Беглый осмотр меня обнадежил: оба конусоида были целы и выглядели неплохо. Тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо — и поменять баллончики с питательной смесью!

— Осмелюсь выразить надежду, что вы на меня не сердитесь, — проворковал Рыба-Кит. — Все-таки я вас спас... — Здесь я так посмотрел на него, что он осекся. — Кхм. Знаете ли, вчера я несколько погорячился, но и вы должны понять меня: разве можно так грубо отзываться о том, что, может быть, составляет смысл жизни человека?

— Нельзя, — согласился я, думая о конусоидах. — Ни в коем случае.

— Тогда могу ли я надеяться, — продолжал он светски, — что вы примете мои искренние извинения?

— Приму, — сказал я, пытаясь свинтить баллончик с одного из горшков. Баллончик не отвинчивался. — Как не принять? Считайте, что уже принял.

— В таком случае не будет ли с моей стороны слишком смелым предположить, что вы, как интеллигентный человек, позволите мне заострить внимание на некоторых весьма и весьма любопытных аспектах парапсихологии как науки?

— Нет, — отрезал я, воюя с резьбой. — Нет. Заострить не позволю. И вообще разговаривать с вами о парапсихологии я не стану. Не на такого напали.

— Но почему?! — изумился он.

— Потому что это не тема для разговора, — сказал я. — Потому что говорить ни о чем можно до бесконечности, а у меня нет времени на болтовню. Я, извините, занят. Лучше найдите себе дело и не загораживайте мне свет.

Все-таки я был здорово зол на него за вчерашнее. Хотя умом понимал, что злиться мне нужно только на собственную глупость — но то умом...

Вконец вспотев, я все-таки отвинтил от горшка заевший баллончик и навинтил свежий. Черт знает что: если так пойдет и дальше, недолго сорвать резьбу. Ну ладно, пусть я заслужил такие мытарства, но росток-то тут при чем? Несправедливо.

Рыба-Кит внял совету и нашел себе дело: сел в соседнее кресло и принялся просвещать меня по вопросам парапсихологии. В его тоне проскальзывало участие: подумать только, ведь есть же на свете люди, никак не желающие понять, какие неисчерпаемые возможности сидят у них внутри!

У меня внутри сидела тоска. Раза два я не выдержал и рявкнул, но на Рыбу-Кита это не произвело ни малейшего впечатления, он даже не сбился. По-моему, он был вообще не способен обижаться. Вскоре я забрал горшки и перешел в корму на последнюю пару кресел. Это не помогло. Рыба-Кит следовал за мною, как привязанный. Уже через десять минут я был вынужден бороться с искушением надрать ему уши, но мой мучитель ничего не замечал. Будь мы по-прежнему на борту лайнера, я нашел бы случай скрыться и он бы меня еще поискал, — но куда сбежать в спасательном суденышке, рассчитанном всего-то на десять мест? В санузел?

Я решил не обращать внимания и попытался не слушать. Но то ли его голос обладал повышенной проникающей силой, то ли мой слух сам непроизвольно настраивался на единственный звук внутри вельбота, только мои потуги ни к чему не привели. Потоки, ручьи, целые реки слов проникали, казалось, в самый мой мозг и блуждали в нем без всякого желания выбраться наружу. Это было ужасно. Только за едой я немного отдохнул. Правда, Рыба-Кит продолжал вещать и с набитым ртом, но все-таки это было уже легче. Живут же такие настырные типы! Между прочим, вот задача: как мне в сих условиях обеспечить должный уход за конусоидами, требующими, как хорошо известно, постоянного и напряженного внимания? Любой знаток признает, что это невозможно.

— Да хватит же! — взмолился я к вечеру. — Оставьте меня в покое, у меня от вас мозговая чесотка. Читайте лучше свои книги. Только, ради бога, не вслух.

— А вы не хотите почитать? — спросил он, доставая портфель.

— Увольте.

— А если даже не читать, — Рыба-Кит вдруг оживился, видно, напал на идею. — Вот посмотрите на эти иероглифы. Не правда ли, прекрасно? Красота и лаконичность, только и всего, скажете вы и будете не правы. Созерцание иероглифов успокаивает ум и улучшает ауру, но и это еще не все. Сейчас я вам покажу, вот, возьмите. Смотрите на иероглифы внимательно, постепенно сосредотачиваясь...

— И что будет? — спросил я.

Он не успел ответить. А если бы и попытался, я бы не стал слушать его бред.

— А что будет, — зловеще сказал я, вставая с кресла и медленно надвигаясь на Рыбу-Кита. Руки чесались. — А что будет, как вы думаете, если я сейчас ударю вас по голове и выброшу за борт? Чтобы вы не отравляли мою жизнь. А? — Я нависал над ним, как горилла. — Как вам это понравится?

— На помощь! — взвизгнул Рыба-Кит. Он понял, что я не шучу, да и как тут было не понять. — Спасите!..

Интересно, к кому он обращался?

— Ни с места! — раздался посторонний голос.

Я вздрогнул и нервно оглянулся. Никого. Ну и правильно, кто тут еще может быть? По-видимому, голос подал сам вельбот. Скучный такой голос, даже ленивый, с расстановочкой, как у человека, которому абсолютно нечего делать. Стоит такой балбес, вроде часового, зевает до икоты, ловит мух... Тьфу.

Рыба-Кит визжал не переставая. Деваться ему было некуда, я загнал его в угол.

— Остановитесь! — предупредил голос. — Вы собираетесь нарушить право человека на жизнь. В случае, если вы не измените своих намерений, я буду вынужден вас обездвижить.

Вот тебе и раз. Торжествующе хрюкнув, Рыба-Кит проскочил у меня под рукой и как ни в чем не бывало повалился в кресло. Меня передернуло. Какой-то безмозглый механизм намерен меня учить, мало того — распоряжаться моими поступками! Слыханное ли дело — обездвижить? Не слишком ли?

— Эй, железо, — начал я с оскорблений. — Ты кто такое, чтобы здесь командовать?

— Я являюсь модернизированной моделью мозгового механизма спасательного средства, — донеслось из стены ничуть не обиженным тоном. По-видимому, механизм был достаточно примитивным. — Сокращенно — ММСС-М. В мои обязанности входит доставка пассажиров на ближайшую спасательную планету и обеспечение им гарантированного минимума прав, утвержденных законодательно.

Рыба-Кит хихикнул.

— Так вот, о правах, — сказал я, стараясь не обращать внимания на Рыбу-Кита. — Почему ты, собственно говоря, решил, что я собираюсь его убить? Тебе известно, что такое

гротеск, преувеличение? Я ведь только хотел, чтобы он от меня отстал, и не более. Что скажешь?

Надо отдать механизму должное, он не затянул с ответом:

— Намерение нарушить право человека на жизнь было высказано вами прямо и недвусмысленно, — сказал он, — а также подтвердилось вашими дальнейшими действиями. В этих условиях я был обязан не допустить нарушения права, входящего в гарантированный минимум.

— И эдак ты следишь за всеми правами, сколько их там? — спросил я из интереса. — Так-таки за всеми без исключения?

— За всеми, — ответило железо.

Очень мило. Я задумался. А ведь в этом что-то есть, что-то такое, что сразу переводит жизнь спасаемых пассажиров в ранг сравнительно безопасного времяпровождения. Что-то очень дальновидное и очень оскорбительное. Ведь если вдуматься как следует, что из себя представляет нормальный контингент на спасательном судне? Нетрудно вообразить: десять ополоумевших от страха пассажиров, будущее неочевидно, кто-то кого-то потерял, шум, слезы, дети плачут, нервы на пределе... Далеко ли до беды? Ну, положим, метать жребий, кого первым съесть, пассажиры не станут, еды полно, но так или иначе несколько недель сначала на вельботе, потом на спасательной планете люди будут вынуждены вариться в собственном соку вместе со своими претензиями и жалобами, со своими склоками и амбициями. Со своим нытьем. Худо. Иное дело мозговой механизм или как его там — совсем ведь иная ступень бытия. Он не командует, боже упаси, не вмешивается без острой нужды, не развлекает пассажиров научно-популярными лекциями, не показывает их детям мультиков — зачем? ОН СЛЕДИТ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ. Ему нет дела ни до неизбежной скуки на борту, ни до того, что людям, лишенным возможности выплеснуть на ближнего свои эмоции, хотя бы и с попранием каких-то прав, остается лишь скрипеть зубами в полном бессилии и медленно сходить с ума. Ну и пусть. Зато все люди останутся целы — как звери в клетке. Каждый — в своей, а тех, кто грызет прутья, можно и обездвижить. Чтобы впредь не грызли и берегли зубы.

— Но послушай, — сказал я, не стесняясь присутствием Рыбы-Кита — кстати, сам он наверняка бы и не подумал, что этого можно стесняться. — Но послушай... — Я

собирался с мыслями. — Да! Кажется, существует право человека на общество себе подобных — это право входит в гарантированный минимум?

— Входит.

Рыба-Кит уже не хихикал, а внимательно слушал.

— А право человека на одиночество? — спросил я коварно.

— Входит.

— В таком случае я прошу защиты, — объявил я. — Человек, сидящий со мной рядом, нарушает мое право на одиночество. Убедительно прошу обеспечить защиту моего права.

Как я его, а! Пусть-ка механизм потрудится и подумает, как можно совместить право на общество с правом на одиночество. «Но позвольте!..» — начал было Рыба-Кит. Я отмахнулся — ждал ответа. Однако ответа не последовало.

— В чем дело? — раздраженно сказал я. — Разве тебе непонятно: я хочу реализовать свое право на одиночество!

— Реализуйте, — ответил вельбот. — Вы имеете полное право на реализацию этого права.

Рыба-Кит фыркнул и посмотрел на меня укоризненно. Конечно, он не был сознательным злоумышленником, он просто не умел и не хотел быть кем-то иным, а не самим собой. Но мне-то от этого разве легче?

— Как?! — закричал я. — Каким образом я могу это реализовать, ржавь ты трухлявая?!

Нет ответа.

— Не молчи, скажи что-нибудь. Как я могу реализовать свое право?

— В мои функции входит надзор за соблюдением гарантированного минимума прав, — ответил вельбот спокойно. — Что же касается реализации того или иного конкретного права, то человек, являясь носителем прав, должен позаботиться об этом самостоятельно.

Бр-р! Какое-то время я тряс головой, пытаясь сообразить, что к чему. До сих пор я жил, не особо разбираясь в юридических тонкостях, и неплохо жил. А теперь вдруг оказывается, что соблюдение прав и реализация права — это отнюдь не одно и то же, если я правильно понял этого механического дурака, и из одного вовсе не вытекает другое. Ладно, пусть, дураку виднее, — но как же мне в этих условиях прикажете реализовать свое право не одиночество, если я не могу задушить Рыбу-Кита или хотя бы оглушить его на время? Если в багажном отсеке и имеется хло-

роформ, вряд ли мне удастся его найти. Заткнуть себе уши? Нет уж. Связать Рыбу-Кита и соорудить из чего-нибудь кляп? Но ведь это будет нарушением права человека на свободу передвижения...

Я не успел додумать — Рыба-Кит подобрал с пола свой фолиант с иероглифами и спрятал его в портфель. Взамен он достал «Практическое руководство по ясновидению» Р. Х. Бауха. Я отвернулся и сжал зубы, чтобы не взвыть.

На третий день пытка повторилась. Рыба-Кит нашел в моем лице незасеянную почву и с жаром продолжал ее обрабатывать. Он мешал мне ухаживать за конусоидами. Он не дал мне заполнить дневник наблюдений. К концу дня я был похож на мученика инквизиции, подвергаемого изнурительной пытке и мечтающего только о том, чтобы палач как-нибудь поскользнулся и свернул себе шею. Может быть, мне удастся удавить его прежде, чем вельбот меня обездвижит? Вряд ли. Но если полет продлится еще неделю, думал я обреченно, — я, пожалуй, попробую...

На четвертый день мы сели.

Спасательная планета — вот она, под ногами, — это, как правило, планета земного типа, способная дать приют терпящим бедствие. Ни одна мало-мальски протяженная космическая трасса не считается сданной в коммерческую эксплуатацию до тех пор, пока вдоль нее не оборудовано необходимого количества спасательных планет. На этих планетах прежде всего уничтожаются потенциально опасные для человека микроорганизмы, атмосфера насыщается кислородом до нужной кондиции, и в большинстве случаев работа на этом считается завершенной. Спустившийся на планету вельбот включает радиомаяк, а пассажиры терпеливо ждут, когда их заберут спасатели, и между делом вдыхают аромат внеземной экзотики. Конечно, спасательная планета отнюдь не курорт и лишь в первом приближении годна для жизни человека, потому-то и не рекомендуется значительно удаляться от вельбота, обеспечивающего дополнительную защиту. Но я не был намерен следовать рекомендациям, а при каждом взгляде на Рыбу-Кита только укреплялся в своем решении. Будь что будет.

Нас чуть качнуло — вельбот коснулся поверхности планеты, вплавился в грунт заостренной нижней частью, выпустил где-то там, в глубине, фиксирующие лапы и укоренился. Теперь он стал нашим домом, из него можно было

выйти в любой момент и почувствовать, наконец, вожделенную свободу.

Нет, насчет свободы, это я, пожалуй, хватил. Кое-какую свободу передвижения — назовем это так. И с оглядкой: кроме микроорганизмов на чужих планетах встречаются и организмы покрупнее.

Рыба-Кит, радостный и потный, уже колотился всем телом в люк и рвался на волю. Не тут-то было: прежде всего вельбот пожелал ознакомить нас с «инструкцией по краткосрочному пребыванию на спасательных планетах», каковую и прочел нам все тем же скучным голосом. В инструкции особо подчеркивалось, что обеспечиваемый вельботом радиус зоны защиты от местной флоры и фауны составляет восемьсот метров, а на большем удалении «права человека, входящие в гарантированный минимум, не могут быть соблюдены в полном объеме». На случай же стихийных бедствий (ураганы, извержения, лесные пожары) пассажирам давался мудрый совет искать спасения в вельботе. Вот и вся инструкция.

Как только голос замолк, люк откинулся сам собой и Рыба-Кит выпал наружу. Почти сразу после стука его падения до меня донесся торжествующий вопль: планета, по-видимому, была что надо. Тогда и я не заставил себя ждать.

Под моими ногами стелилась мягкая трава, а над головой синело небо. Вельбот стоял на невысоком холме, поросшем кое-где редким кустарником, вокруг простиралась ковыльная степь, невдалеке блестела река и по склонам речной долины спускался к воде лес. И по ту сторону реки — даль степи до самого горизонта. И желтое солнце, клонящееся к закату. И легкий ветерок, играющий ковылем. И ни одной хищной твари, способной оскорбить величие природы в ее стремлении к совершенству. И воздух... У меня закружилась голова. Это почти Земля, подумал я ностальгически. Это даже больше, чем Земля, это такая Земля, какой она должна быть и какой ее уже никто, по всей вероятности, не увидит. Здесь нельзя жить. Сюда нужно приезжать умирать, чтобы в конце жизненной гонки насладиться единением с природой, а с последним вздохом вспомнить настоящую Землю и подумать о том, что потерял, в сущности, не так уж много... И такой мир прозябает в ранге спасательной планеты!

Тут мои мысли заработали в другом направлении. Спасательная, значит, планета, так? А ведь Рыба-Кит проро-

чествовал, что спасательная планета окажется неподалеку и что это будет хорошая планета. Совпадение это или случай ясновидения — вопрос второй, а первый и главный: ведь он же меня теперь совсем замучает! И непременно выставит свое удачное «предсказание» в качестве неколебимого и исчерпывающего аргумента — а что делать мне? Я задумался. Гм, а ведь я знаю, что мне делать!

Багажный отсек вельбота был велик и чего в нем только не было, но я упорно искал то, что мне было необходимо, и нашел. Палатка — раз. Рюкзаки — из них я выбрал самый большой — два! Спальный мешок с химическим подогревом — три. Туристский топорик с фонариком в рукоятке — четыре! Консервы, посуда, тренога для котелка — пять! Все-таки над оснащением вельбота поработали и психологи: люди, оказавшиеся на спасательной планете, не должны ощущать себя несчастными пассажирами, потерпевшими бедствие. Они должны хоть в малой степени чувствовать себя первопроходцами, а свой лагерь — передовым форпостом земной цивилизации, и благодаря этому они должны крепче сплотиться между собой. Как бы не так.

На сборы ушло менее десяти минут — я торопился. Оба горшка с конусоидами были со всей возможной осторожностью пристроены в самой сердцевине рюкзака и обложены одеждой от тряски. Управившись с рюкзаком, я осторожно выглянул из люка. Рыба-Кит, устав кувыркаться в траве, бежал теперь с пригорка к реке, подпрыгивая на бегу, как резиновый мячик. Пока что ему было не до меня, и я знал, что другого такого шанса мне вряд ли дождаться. Я осторожно спустился на землю и, нервно оглядываясь, двинулся к лесу. Кажется, Рыба-Кит ничего не заметил. Он вовсю наслаждался полнотой жизни и вел себя как нормальный человек, это потом он приступит к самососредоточению, познанию Абсолютной Истины, общению с астральными силами, а может быть, даже к пению мантр. Но без меня.

Мягкая трава обнимала мне ноги, но не путалась в них. Стараясь идти плавно, чтобы не тряхнуть горшки, я отсчитал тысячу шагов. Потом еще сто. Если вельбот не наврал, то где-то здесь должна проходить граница зоны защиты. Что-то я ее не вижу.

Фью-у-уу-у... Бац! Что-то со свистом пролетело над моим ухом и шлепнулось на землю шагах в десяти впереди меня. Я подошел поближе. Ничего особенного, просто небольшой металлический ящичек, похожий на коробку для обуви. При моем приближении он вскочил на паучьи нож-

ки и отряхнулся, как собака. Наверное, это был механический поводырь, вельбот выпустил его мне вслед, чтобы я не потерялся. А может быть, вовсе и не поводырь. Может быть, полицейский.

— Чего тебе? — спросил я.

— Внимание! — заверещал ящик и замигал красной лампочкой. — Вы опасно приблизились к границе зоны защиты, обозначенной моим настоящим местоположением. Если вы немедленно не повернете назад, спасательный вельбот будет вынужден снять с себя всякую ответственность за вашу жизнь!

— Так иди за мной и охраняй меня, — буркнул я, перешагивая через ящик. С этого шага я был предоставлен самому себе, если, конечно, этот пауко-собако-ящик не вцепится в меня и не потащит обратно силой.

— Внимание!.. — снова заверещал ящик мне вслед и в точности повторил все, что я уже от него слышал.

Дурацкий и никчемный механизм, не о чем с ним разговаривать.

В лес я вошел с большой опаской, держа наготове топорик. Сколько я ни искал, более серьезного оружия в вельботе не нашлось. Впрочем, съедят меня звери или не съедят — это еще вопрос, это мы еще посмотрим, зато оставаясь наедине с Рыбой-Китом вплоть до прибытия спасателей, я наверняка сойду с ума. Это точно. Я шел и радовался. Крупных зверей мне не попадалось, следов их тоже, а несколько мелких зверьков, замеченных мною в траве, выглядели вполне миролюбиво. Планета была добра и благожелательна к людям. Она была спасательной в самом высоком смысле: она спасала меня от общества Рыбы-Кита!

И свершилось чудо: я вновь обрел способность думать! Я шел в глубину леса, перешагивая через выпирающие из-под земли корни, и мучительный шум в голове, не покидавший меня все последние дни, мало-помалу исчезал сам собой. Мои мысли текли легко и плавно, теперь я мог думать даже о Рыбе-Ките, не испытывая острой головной боли, и был счастлив. Безусловно, Рыба-Кит не был утонченным садистом, сознательно стремившимся довести меня до умоисступления, как не был он и глубоким знатоком предмета, о котором прожужжал мне все уши. А был он, если я правильно понял, просто новичком, ринувшемся в неведомую область зажмуря глаза и стремящимся в неофитском азарте объять необъятное, начинающим адептом-фанатиком, мечтающим, скорее всего, неосознанно, через возве-

личивание своего предмета возвеличить самого себя. У таких, как он, по моим наблюдениям, чрезвычайно развит инстинкт пророка, они просто не могут без того, чтобы не наставлять других на путь истины, они просто неспособны понять, как это у людей могут быть интересы, отличающиеся от их собственных, — и не поймут, пока их увлечению не исполнится год или два. Со временем одни из них становятся серьезными специалистами в выбранной ими области, а другие без всякой видимой причины бросают все и начинают собирать марки. И очень не любят, когда им напоминают о том, с каким жаром они еще так недавно вербовали себе сторонников... Странно, правда? Да нет, ничего странного. Человек, конечно, не конусоид, но и он достаточно сложен.

Я поставил палатку на лесной поляне, рядом с родником, наполненным восхитительной свежей водой, и подальше от деревьев, ибо не хотел, чтобы ночью на меня вдруг свалилась какая-нибудь живность. Солнце садилось. Лес тихо шумел на вечернем ветерке, и кричали в сумерках мелкие животные. Не спеша поужинав подогретыми на костре консервами, я последовательно заполз сначала в палатку, а потом в спальный мешок, и уж совсем было собрался уснуть, но не тут-то было. Как только наступила темнота, я немедленно ощутил жгучий укол в лицо и в ту же секунду изменил свое мнение о благосклонности этой планеты к человеку — еще и теперь вздрагиваю, вспоминая. Вторая раскаленная игла вонзилась в веко. А затем воздух под полотняной крышей вдруг загудел, задвигался, и в палатке стало очень тесно.

Сначала я вскрикнул. Потом заорал. У меня было открыто только лицо, и в мгновение ока на нем не осталось живого места. Вероятно, кровососущие твари набились в палатку через открытый вход, пока я ужинал, нежась у костра. Впредь наука дураку! Чертыхаясь и мотая головой, как припадочный, я вытянул из тесного мешка руки и принялся ожесточенно лупить себя по щекам и по лбу, но добился этим лишь того, что насекомые облепили не только мое лицо, но и кисти рук. Было ужасно больно, и я, продолжая что есть силы себя бить, чувствовал, как по лицу, испещренному укусами и раздавленными насекомыми, стекают капельки крови. Хуже всего было то, что я не мог дать себе свободы действий, а если бы начал кататься по полу палатки, оглашая окрестности воем и нелитературной бранью, как, вероятно, поступил бы на моем месте любой

несчастный, терзаемый такой мукой, то наверняка опрокинул бы горшки с конусоидами, стоящие у меня под боком. Оставалось терпеть.

При свете фонарика мне удалось хорошо разглядеть этих кровососов. Это были самые настоящие рыжие комары или москиты, я не силен в их классификации, — но величиной с небольшую стрекозу, быстрые и увертливые, как реактивные истребители на противоракетном маневре, и безжалостные, как пираньи. Они пировали на мне вовсю, а насосавшись до отказа, секунду или две сидели, перебирая лапками, как бы в глубокой задумчивости, после чего отваливались и, трепыхнувшись раз-другой, замертво падали на пол. «Ага! — ликовал я, содрогаясь от жгучей боли. — Вот вам! Не нравится?» Очевидно, моя кровь была для этих кровососов чистейшим ядом, но кровососам было невдомек, и они не оставили меня в покое, пока последний из них не упал мертвым.

В мечтах я строил фантастические прожекты: объявить набор добровольцев-доноров, собрать как можно больше крови и опрыскать ею лес, не пропуская ни одного кустика, ни одного пня, пока последний рыжий упырь не задергает лапками в агонии. Разве не благородная цель? Чужие планеты должны доставаться кровью, и это правильно. Скажете, преувеличение? Ничуть. Если подобные москиты обитали на Земле в меловом периоде, тогда я знаю, отчего вымерли динозавры.

Обессиленный, я кое-как обтер свое уже начавшее опухать лицо, выключил фонарик и сделал вторую попытку уснуть. Напрасно: не прошло и пяти минут, как я явственно услышал невдалеке шорох ветвей и громовой треск сухого валежника. Какой-то зверь лез напролом, подбираясь все ближе к моей палатке, и если у этого зверя такой же нрав, как и у местных комаров, думал я, — то с ним шутки плохи. Я осторожно вылез из мешка и ощупью нашел топорик. Бежать было бессмысленно, да и некуда — леса я не знал. Оставалось драться.

Треск валежника прекратился: зверь вышел на поляну. Слабый свет коснулся деревьев — по-видимому, шкура зверя фосфоресцировала. Пора, решил я. Нет смысла сидеть и ждать, когда инопланетная тварь сожрет меня вместе с палаткой. Нужно принять бой снаружи, и пусть у меня мало шансов, но и зверюге не поздоровится... Я крепче сжал рукоять топорика и тихонько выскользнул из палатки.

В мою кожу немедленно впились тучи комаров, а в гла-

за ударил свет. Зверь подошел ко мне вплотную и произнес знакомым голосом:

— Вот вы где, оказывается! А я вас ищу, ищу...

— Уберите фонарик, — прошипел я, лупя комаров и кривясь от боли. — Кстати, как вы меня нашли? Вельбот дал биопеленг?

— Дал, — нехотя признал Рыба-Кит. — Но я бы вас все равно нашел, — добавил он, воодушевляясь, — ведь, как известно, поиск людей методами биолокации не более чем элементарная задача для подготовленного человека, пробудившего в себе естественные экстрасенсорные способности...

О боже!

— А почему вас не кусают комары? — перебил я, приплясывая. — Или они не едят экстрасенсов? Вот что, бросьте дурить и давайте сюда репеллент...

К тому моменту, когда мы вернулись в вельбот, я совсем опух от укусов и все тело невыносимо чесалось. Без репеллента меня бы просто съели. Следовало признать, что моя попытка к бегству провалилась самым жалким образом, и я это признал. Как признал и то, что мой мучитель оказался более крепким орешком, чем мне представлялось: ведь надо же — идти одному в кромешную ночь по незнакомым внеземным чащобам, подвергая свою жизнь опасности только лишь затем, чтобы вытащить из леса другого человека — на это, согласитесь, способен не каждый. Но он спасал не человека, мрачно думал я, продолжая мучительно чесаться. Он спасал своего слушателя, свою жертву, будущего подвижника новой веры, парапсихологии или как ее там. Это не подвиг, потому что подвигов из эгоизма не бывает... И Рыба-Кит блестяще подтвердил мое умозаключение тем, что до глубокой ночи читал мне лекцию о биолокации и таящихся в ней неисследованных возможностях. По чистой случайности мне удалось заснуть.

Наутро я нашел в багажнике мазь от укусов и смазал фасад, а как только Рыба-Кит, бросив нудить, удалился «предаться самососредоточению», пристал с расспросами к вельботу. Вельбот давно меня раздражал.

— Так это ты меня выдал? — спросил я, с трудом сдерживаясь и внутренне кипя. — Ты, железо старое?

— Не понял вас, — скучно ответил вельбот. — Если вас не затруднит, уточните запрос.

Вежливый, паразит!

— Какого лешего ты дал этому маньяку мой пеленг? — повысил я голос. — Я тебя просил об этом?

— В мои обязанности входит соблюдение гарантированного минимума прав человека, — заявил вельбот. — В том числе и права на информацию.

— На правдивую? — механически поинтересовался я, соображая, как лучше подойти к главному вопросу.

— На любую, — сухо ответил вельбот.

У меня пересохло в горле. Одно из двух: либо вельбот слишком глуп, либо глуп я. Право на ложную информацию — как вам это нравится?

— Уточни, — потребовал я.

— Абсолютно правдивой информации не существует, — пояснил вельбот, — поскольку средства сбора информации всегда ограничены, а сам критерий правдивости размыт и не ясен. Любая информация является субъективной вне зависимости от того, собрана ли она человеком, либо машиной, и, следовательно, содержит определенный (чаще — неопределенный) процент недостоверности. Помимо этого, человек имеет право и на заведомо неверную информацию, находящую свое выражение в некоторых видах искусства, устного творчества и литературы.

До меня наконец дошло. Вельбот был прав, такие механизмы всегда правы. Искусство — это конечно... И литература. Выбросьте вымысел, например, из исторического романа — и в лучшем случае получите плохой учебник. Согласен, без права на заведомо ложную информацию жизнь была бы скучна: ни тебе розыгрышей, ни хорошей книги... Впрочем, это к делу уже не относится.

— А твой гарантированный минимум прав, — попытался поддеть я, — это стопроцентно достоверная информация?

Вельбот молчал несколько секунд. Видимо, эта мысль никогда прежде не приходила в его кристаллические мозги, и теперь он переваривал ее, переворачивая так и эдак. У меня появилась надежда.

— Нет, — ответил вельбот, — поскольку человечество постоянно работает над расширением своих прав. В частности, за последнюю сотню лет в гарантированный минимум были добавлены три новых пункта и еще восемь подверглись переформулировке. Но в случае любого изменения я должен руководствоваться прежним гарантированным минимумом прав до тех пор, пока мне не будет сообщен новый.

Так. И здесь — мимо. Наивно было и думать о том, что можно как-то обмануть этого стража порядка. Я по-прежнему был в клетке, хотя и на воле. Из этой клетки было невозможно убежать, Рыба-Кит в два счета найдет меня по пеленгу.

И тут мне показалось, что я нашел блестящий выход.

— Эй, железо, как тебя там... — начал я.

— Модернизированная модель мозгового механизма... — завел он.

— Вот-вот. Слушай меня внимательно. Если, как ты утверждаешь, я имею право на информацию вообще, значит я имею право и на информацию о том, как вывести тебя из строя...

— Безусловно, — ответил он, подумав самую малость. — Но хочу предупредить вас о том, что любая попытка повреждения спасательного средства будет являться посягательством на права обоих спасаемых пассажиров, и, следовательно, такая попытка будет мною пресечена.

— Обездвижишь? — спросил я.

— Обездвижу.

Это был тупик, и свет, забрезживший было впереди, погас.

— Но я хочу всего лишь реализовать свое право на одиночество! — закричал я в отчаянии. — Ведь мне больше ничего не нужно, слышишь!

— Реализуйте, — равнодушно сказал вельбот.

— «Реализуйте!» Как??!

Нет ответа. То ли машина не хотела за меня думать, то ли в самом деле не видела здесь противоречия. Но как я могу реализовать свое законное право на одиночество, если Рыба-Кит рвется реализовать свое не менее законное право на общество? В режиме разделения времени? День так, а день эдак? Я бы, пожалуй, согласился, но ведь Рыба-Кит не согласится ни за что. Но должен же быть хоть какой-то выход!

Право на свободное волеизъявление? Гм-м... Я могу сколько угодно изъявлять свою волю, это ничего не изменит. Не то.

Право на отдых? Но, с точки зрения вельбота, мы только и делаем, что отдыхаем. Не то.

Право на ненасилие над личностью? Чепуха, такого права не существует. Что такое насилие над личностью — ударить личность по голове? Не только. А дисциплина и единоначалие, присущее, скажем, космофлоту, — это не

насилие над личностью? Будет ли сладок без кнута пресловутый пряник? А государство? А воспитание ребенка — не насилие над его личностью? Терпим же. Сколько угодно насилия над личностью — и ничего, живем и будем жить.

Не то. Я оставил эту мысль там, где она лежала. Правда, несколько позже выяснилось, что она все же пустила во мне кое-какие корни.

— Ладно, — сказал я, решившись начать сначала. — Ты можешь перечислить все права, которыми любой человек вправе воспользоваться?

— Право на жизнь, — начал вельбот. — Это основополагающее право, поэтому оно стоит первым пунктом в перечне гарантированных прав. Хотя, строго говоря, по закону все права равноценны и ни одно из них не может быть доминантно над другими.

— Дальше, дальше, — поторопил я. — Не болтай лишнего. Если понадобятся комментарии, я спрошу отдельно.

— Пункт два: право на труд как средство существования, — продолжил он. — Пункт три: право на труд как источник наслаждения; пункт четыре: право на рекреацию; пункт пять: право на здоровье...

Я терпеливо слушал. Примерно на пятидесятом пункте у меня заболела голова, а еще через полчаса я, вероятно, был похож на марафонца в конце дистанции и остро завидовал пещерным охотникам, косматым пращурам человечества, имевшим только одно право: жить, пока не съели звери. Я чувствовал себя опутанным правами по рукам и ногам.

— Пункт двести восемь, — тягуче тянул вельбот, — право на эстетические ценности как средство самосовершенствования. Пункт двести девять: право на продление жизни домашнему животному как средству сохранения душевного спокойствия человека...

— А домашнему растению? — спросил я с некоторой надеждой.

— Такого пункта нет.

— Ясно. Давай дальше.

К концу перечня я совсем ошалел. Человечество поработало не зря: триста семьдесят семь гарантированных прав охватывали, казалось, все. В перечне нашлось даже право отказаться от выбора способа смерти для человека, замыслившего самоубийство. Решительно не представляю себе, как это можно осуществить.

— Это все? — спросил я.

— Перечень исчерпан, — подтвердила машина. — Что-нибудь непонятно?

— Да, — сказал я, собирая в кучу растрепанные мысли и ища соломинку, за которую можно ухватиться. — Непонятно. Объясни мне, пожалуйста, каким таким образом мне здесь обеспечивается право на здоровье, если Рыба-Кит жужжит у меня над ухом каждую минуту? Он мне надоел и действует на нервы. А ведь нервничать вредно для здоровья, не так ли?

— Поясняю, — сказал механизм. — Человек, желающий избежать опасности для здоровья, может удалиться от источника этой опасности либо уничтожить его. В случае, если источник опасности не может быть уничтожен, поскольку также является человеком, и если он преследует человека, человек может удаляться непрерывно, сохраняя между собой и источником опасности безопасное расстояние...

— Да ты соображаешь, что говоришь! — закричал я. — Это что же, мне придется все время от него бегать?

— Физическая активность приносит пользу здоровью человека, — сообщил механизм.

Я задохнулся.

— Второй человек, являющийся источником опасности для здоровья первого, преследуя его, также реализует свое право на здоровье.

— Ну вот что, — ядовито сказал я, сдерживаясь из последних сил, — скажи тогда: как мне в этих условиях реализовать свое право на хобби... то есть... это... на время, материалы и условия для занятия деятельностью.., в общем, пункт двадцать семь? А? Подумай и скажи, да смотри не задымись от натуги. Умник.

— Какой род деятельности имеется в виду? — последовал вопрос.

— Выращивание конусоидов, — ответил я, предчувствуя свой триумф. — Это растения. Растут в горшках.

— Поясняю, — немедленно ответил механизм. — Человек, удаляющийся от источника опасности, может взять горшки себе под мышку...

Позднее я понял, что был неправ, машина не способна на преднамеренную издевку. Но в тот момент, когда я прыгал на одной ноге и массировал другую, отбитую о борт вельбота, мне было не до логики. А тут еще явился Рыба-Кит и сказал, что я неправильно дышу, что мой случай (вы подумайте — мой случай!) очень запущенный и что ничего

не поделаешь, придется ему заняться мною с самых азов, но это ничего, ибо если правильно заложить основы, развитие парапсихологических способностей пойдет дальше уже само собой. Я впал в отчаяние и весь остаток дня просидел на траве, тупо уставясь в одну точку и согласно кивая, когда мой гуру останавливался, чтобы перевести дух. Мне было все равно.

Решение — и, как мне показалось, удачное, я нашел на следующее утро, когда Рыба-Кит еще спал. Оно показалось мне таким простым и ясным, что я чуть не подпрыгнул от радости. Река! Как-то раз Рыба-Кит сознался, что не умеет, к сожалению, плавать. А по-моему — к счастью!

Осторожно, чтобы не разбудить спящего, я снял одно из пассажирских койко-кресел вельбота. Вельбот молчал: видно, решил, что я имею на это право. Кресло было пухлым и легким — вспененная пластмасса, — но на всякий случай я отделил металлические крепления. Плотик был готов.

Стараясь не производить ни малейшего шума, я собрал свои пожитки, нашел палатку и тихонько вынес вещи из вельбота. Через полчаса на берегу реки высилась скромная горка моего имущества и я раздумывал, что перевезти на тот берег в первую очередь. Разумеется, не конусоиды — их нужно везти последними, мало ли что. А вот палатку, обувь и часть баллончиков — можно.

Раздеваясь, я услышал позади крики и обернулся. С пригорка по направлению ко мне со всех ног бежал Рыба-Кит. Ему не хотелось оставаться одному, он кричал и на бегу отчаянно размахивал руками. Сочувствия во мне он не вызывал. Я усмехнулся, спустил плотик на воду и поплыл. Вода была теплая, ленивое течение медленно сносило меня в сторону. Внутренне я ликовал и даже начал было напевать что-то бодренькое, но тут же глотнул воды, закашлялся и решил ликовать молча.

Плаваю я неважно, а тут еще приходилось толкать перед собой довольно-таки нескладный плотик. Кое-как проплыв около трети ширины реки, я оглянулся. Рыба-Кит был уже на берегу и что-то кричал мне вслед, обильно жестикулируя, судя по жестам — умолял вернуться. Нет уж, дудки. Обидно то, что ко второму заплыву мне, судя по всему, придется готовиться, выслушивая его упреки в бессердечии с самого близкого расстояния, а может быть — как знать? — даже нейтрализуя определенное физическое противодействие — но разве цель того не стоила? Ничего

не поделаешь, думал я, работая ногами и отфыркиваясь. Придется быть жестоким.

Он останется один — ну и что с того? Я тоже буду один, по крайней мере, до тех пор, пока Рыба-Кит не придумает, из чего сделать плот. Несколько дней одиночества — это именно то, что мне сейчас крайне необходимо. Нет, я не уйду далеко — кто знает, на что можно напороться на незнакомой планете? Мы будем жить у реки: я на одном берегу, Рыба-Кит — на противоположном. Но на ночь я буду отходить от реки подальше, ночью над водой очень уж хорошая слышимость...

Фью-у-уу-у...Плюх! Знакомый уже пауко-ящик приводнился впереди меня с фонтаном брызг, развернулся против течения и заработал лапками, как жук-плавунец. Обычно ящики умеют плавать только по течению, а этот очень старался и пенил воду, как танкер, силясь выгрести, но необтекаемая форма сводила на нет все его потуги. Его медленно сносило. Навряд ли он оказался бы способен меня спасти, начни я тонуть. Наверняка вельбот, как и в прошлый раз, выплюнул его мне вдогонку не затем, чтобы меня спасать, а затем, чтобы реализовать мое право на информацию.

— Внимание, — завел свое ящик булькающим голосом. Вероятно, в голосовое устройство попала вода. — Вы опасно приблизились...

К чему я опасно приблизился, я так и не услышал. В нескольких метрах от меня зеркальная поверхность реки вдруг вспучилась горбом, и из воды, разбрасывая кольцевые волны, высунулась отвратительная треугольная морда размером с три моих плотика и внимательно оглядела меня выпученными, как у лягушки, и такими же холодными глазами. Ящик замолк и повернул к берегу, бестолково шлепая лапками по воде. Я все еще держался за плотик, не осознавая ситуации, когда лягушкоглазая тварь, видимо, удовлетворившись осмотром, взволнованно зевнула, показав глоточные зубы, и без спешки заскользила ко мне, раздвигая воду, как волнолом. Тогда я бросил плотик и поплыл назад что было сил.

Если бы не говорящий ящик, я бы погиб — тварь плавала явно быстрее. Но именно он подвернулся ей первым, и это меня спасло. Оглядываясь назад между взмахами, я видел, как ящик перед самой пастью зарыскал по воде туда-сюда, потом был подхвачен, вздернут над поверхностью реки и бестолково замолотил лапками. Чудовище перехва-

тило ящик поудобнее и, запрокинув морду, по-жабьи глотнуло. Ящик исчез, и чудовище какую-то секунду пребывало в неподвижности, прислушиваясь, очевидно, к внутренним ощущениям, — затем его холодные глаза уставились прямо на меня.

Я выбивался из сил. Рыба-Кит на берегу истерически визжал, словно в воде находился он, а не я. Что касается меня, то мне визжать было некогда. Планета, может быть, была и спасательная, но и на спасательных планетах люди гибнут точно так же, как и на всяких других. Какое мне было дело до того, что чудовище, закусив мною, вероятнее всего, сдохнет, как те комары, если я этого уже не увижу? Мне было все равно, умрет эта жаба или не умрет. Я не хотел умирать сам. И — нащупал ногами отмель в тот момент, когда уже казалось, что все кончено: чудовище раскрыло пасть, как тоннель, в полуметре от моих ступней. Если бы оно догадалось втянуть в себя воду, эти записки, по всей видимости, остались бы ненаписанными.

Ни один пингвин, спасающийся от морского леопарда, не вылетал из воды с такой прытью, с какой вылетел я. Течение отнесло меня в сторону, за границу зоны защиты. Скорее назад, к вельботу! Вернее, к конусоидам!

До сих пор не знаю, умела ли эта тварь передвигаться по суше — во всяком случае, она не стала преследовать нас на берегу. Оглядев на прощанье меня, а заодно и Рыбу-Кита пустым, ничего не выражающим взглядом, треугольная морда скрылась с поверхности, и через минуту вода в реке текла так же спокойно, как прежде — захлопнувшийся вхолостую капкан вновь был готов к употреблению.

Так еще более бесславно окончилась моя вторая и последняя попытка найти уединение. Река неторопливо уносила перевернутый плотик. Я потерял палатку, добрую половину питательной смеси для конусоидов и свои ботинки. Пересчитав в уме оставшиеся баллончики, я ужаснулся. А Рыба-Кит вертелся рядом, как заводной, и кричал:

— Вы видели! — Он даже подпрыгивал от восторга, и лысина его сияла. — Вы видели! Попробуйте теперь утверждать, что парапсихология это чушь! Вот вам — доказательство реальности психофизического воздействия! Я мысленно приказал этой жабе нырнуть, и она нырнула!

— Заткнитесь, — сказал я. (А что я мог еще сказать?)

Он не обратил на мою грубость никакого внимания. Что было делать? Я угрюмо подобрал одежду, взял горшки и попделся назад, даже не огрызаясь — у меня не было сил.

И потянулись мучительные дни.

Рыба-Кит не отходил от меня ни на шаг. Порой мне казалось, что он принадлежит к какой-то тайной сектантской организации, каждый член которой обязан обратить в истинную веру не менее десяти непосвященных, а поскольку я тут всего один, мне достается десятикратная доза. Заставить его замолчать я так и не сумел.

Изредка мне удавалось на несколько минут избавиться от его присутствия, и тогда я шел к вельботу задавать новые вопросы. Ответы были различны, но сводились к одному: помочь мне вельбот не мог. Или не хотел. Иногда мне хотелось заложить под него фугас в полтонны весом. Это были мечты. Во-первых, вельбот бы этого не позволил, во-вторых, у меня не было фугаса, а в-третьих, повреди я вельбот, мы лишились бы радиобуя, по которому нас ищут спасатели, и, скорее всего, застряли бы здесь на веки вечные. А у меня не было уверенности в том, что эта планета имеет достаточные размеры, чтобы я мог на ней скрыться от своего сотоварища.

Вот что я писал в своем дневнике:

День двенадцатый. С утра, пока еще было можно, занялся измерениями. У первого конусоида вита-индекс 0,87; у второго — 1,02. Если биотестер не врет (а с чего бы ему врать?), то первый росток в самом ближайшем будущем причинит мне немало хлопот. Второй, пожалуй, выкарабкается, ему достаточно обычного ухода, насколько он здесь вообще возможен.

В 7 ч. 00 м. проснулся Рыба-Кит и сразу же попытался втянуть меня в разговор об экстрасенсорной сущности всего живого, исключая, может быть, простейших. Втянул, конечно. Я говорил «да-да» и «само собой», потому что спорить с ним себе дороже, а Рыба-Кит воодушевлялся с каждой минутой, а потом потребовал перейти к практическим приложениям теории. Велев мне сидеть прямо и смотреть ему в глаза, он заявил, что будет мысленно внушать мне *нечто*. Ничего, кроме отвращения, он мне не внушил, но вряд ли он имел в виду именно это. Очень неприятные у него глаза — выпученные и какие-то *обволакивающие*, как кисель. Я плюнул и сослался на мигрень, надеясь отвязаться, — и был немедленно награжден лекцией о лечебных возможностях парапсихологии, продолжавшейся с минимальными перерывами до самого вечера.

И вечером тоже было что-то такое, отчего голова в самом деле разболелась ни на шутку. Впрочем, к головной боли я уже привык; если бы конусоиды так же легко адаптировались к местным условиям, ничего лучшего нельзя было бы и желать.

День тринадцатый. Весь день не отходил от конусоидов. Первый мне не нравится: с ним творится что-то неладное, я бы сказал, что он *устало* выглядит. Мне показалось, что нижние листья начинают желтеть по краям. Может быть, попробовать питательную смесь «Супер-Ультра»? Нет, пожалуй, подождем один-два дня, а там посмотрим. Зато второй росток, по-видимому, чувствует себя великолепно: пустил два новых листа, а почка на стебле вздулась и вот-вот готова лопнуть. Если в таких условиях распустится цветок, это будет первый случай за всю историю конусоидоводства, а уж если мне удастся получить семена — им цены не будет! Неужели мне выпадет счастье вывести новый сверхустойчивый сорт? Не могу поверить.

Рыба-Кит откопал какой-то корень. Говорит, что корень этот — мать всего сущего, содержит трансцендентальные начала, расширяет парапсихологические способности человека, а по части целебных свойств даст сто очков вперед любому женьшеню. Но при чем тут я? Казалось бы, откопал корень, похвастался — так уйди с глаз и жуй свое сокровище где-нибудь вне поля зрения. Так нет же. С самого утра Рыба-Кит сидит неподалеку на травке, свесил слюни веревочкой и чавкает. При этом продолжает обращать меня в свою веру даже с набитым ртом — и ведь не подавится! Я удачно запустил в него порожней консервной банкой, и он отстал, однако настроение было уже испорчено на весь день, тем более что через десять минут Рыба-Кит вернулся, зашел ко мне с другой стороны и с видом благодетеля сообщил, что оставил кусочек своего корня специально для меня и надеется, что я, как цивилизованный человек, отброшу наконец ложную скромность и займусь пробуждением в себе скрытых возможностей. Кончилось тем, о чем стыдно вспоминать: я жалобно просил его оставить меня в покое и позволить моим скрытым возможностям оставаться скрытыми, сколько им заблагорассудится. Просил, разумеется, напрасно.

У первого конусоида начал деформироваться один из периферийных листьев, а желтизна по краям стала видна отчетливо. Очень грозный признак! — чувствую, что мне предстоит беспокойная ночь.

День четырнадцатый. Росток гибнет, это ясно. Утром, одурев от бессонницы, я не выдержал и через клапан защитного колпака ввел в завязь стимулятор роста, потом провел общую дезинфекцию и подсоединил к горшку баллончик с «Супер-Ультра». Не знаю, насколько это поможет, но иного выхода не видно. Плохо, что баллончиков с «Супер-Ультра» осталось всего два, и если спасатели не явятся в течение ближайших двух недель, росток заведомо погибнет.

Зато второй конусоид продолжает меня радовать. Почка треснула, и, значит, цветок будет! Рыба-Кит ходит кругами вокруг меня и наконец-то соизволил обратить внимание на конусоиды. Минуты три он смотрел на них во все глаза и даже слушал мои пояснения, а потом брякнул, что, дескать, не худо бы попробовать укрепить жизненную силу ростков, направив на них сконцентрированную латентную энергию. Я его прогнал и до завтрака наслаждался относительным покоем — он не решался приблизиться и вещал издали...

Катастрофа разразилась на пятнадцатый день, утром. Как правило, я недосыпал, стараясь встать раньше Рыбы-Кита, чтобы без помехи заняться ростками и уделить им хотя бы часть того, что обязан был им уделить, — но в то утро я преступно проспал и открыл глаза никак не раньше восьми утра.

Конусоидов в вельботе не было!

Не было в нем и Рыбы-Кита. Связать одно с другим было секундным делом. С протяжным воплем я выскочил из вельбота и остолбенел. Потом онемел. Потом у меня потемнело в глазах. Защитные колпаки конусоидов небрежно валялись на траве, а над обоими горшками рыхло, как туча, нависал Рыба-Кит и таращился на них, как на ископаемое. Ростки, мои хрупкие беззащитные ростки впитывали в себя гибельный воздух чужой атмосферы, а этот потный идиот с вытаращенными глазами и ухом не вел! Я сжал зубы. Потом сжал кулаки.

— А, это вы, — приветливо обратился ко мне Рыба-Кит, продолжая совершать над ростками сложные пассы растопыренными пальцами. — Как спали? А я, как видите, решил воплотить вчерашнюю идею, подкачать, так сказать, ваши цветочки своей психоэнергией. А и утомительное же дело, уверяю я вас...

— Мерз-завец! — зашипел я сквозь стиснутые зубы. — С-скотина!!

— Ну что вы, — ничуть не обиделся он. — Поверьте мне как специалисту: подпитка ваших цветочков психоэнергией была совершенно необходима — вы только посмотрите, как они сейчас выглядят. Не то что раньше, а! Небольшое психофизическое воздействие — и полюбуйтесь, как у них теперь замечательно прослушивается биопсихополе!..

Он продолжал свою блестящую речь, глядя на меня выпуклыми честными глазами, и поэтому не видел то, что видел я. Его рука задела один из ростков. Конусоид рассыпался так легко, как будто был слеплен из песка. В одно мгновение растение превратилось в черную пыль, изгадившую горшок, в котором еще побулькивал насосик, подающий к омертвевшим корешкам уже совсем не нужную питательную смесь. Конусоиды были мертвы, неведомые вирусы убили их в считанные минуты после того, как с горшков были сняты защитные колпаки, я это понял сразу, как только увидел ростки, понял, но не захотел поверить. И вот — поверить пришлось. Нет, ни один конусоидовод не посмеет упрекнуть меня в том, что растения погибли по моей вине, напротив, мне будут сочувствовать, сопереживать, говорить глупые утешительные словечки. Но разве мне нужно чье-то сочувствие? Или чья-то жалость? Ростки погибли, да. Но Рыба-Кит был еще жив.

Мало того — он с пафосом закончил свою речь, убедительно доказав, что прав был он, а не я, и вдруг его взгляд остановился на обращенном в пыль конусоиде. На его лице появилось растерянное выражение. Мельком взглянув в мою сторону, он кинулся бежать, и это было самое лучшее, что он мог сделать.

Когда-то в уже достаточно отдаленной молодости я неплохо бегал на средние дистанции, да и сейчас еще многим дал бы фору. Рыба-Кит с заячьим писком несся впереди меня и, оборачиваясь на бегу, пытался что-то кричать, но я его не слушал. Расстояние между нами сокращалось. «Убью, — исступленно думал я, делая гигантские прыжки. — Или загоню в реку». Река была уже близко...

И тут я потерял сознание.

Очнувшись, я обнаружил себя лежащим на траве недалеко от реки и, повращав глазами, заметил знакомую жабью морду, высовывающуюся из воды несколько выше по течению, а рядом со мной — Рыбу-Кита с лоснящейся и

ничуть не виноватой физиономией. Один гад другого стоил. Я попытался пошевелиться, но безрезультатно: из моего правого бедра торчала оперенная анестезирующая игла. Вельбот защищал право человека на жизнь. Прикинув на глаз расстояние, я оценил великодушие механизма: он не препятствовал мне преследовать негодяя в пределах зоны защиты и вмешался лишь тогда, когда мы опасно приблизились к границе, за которой одно из гарантированных прав могло быть нарушено. Но мне было все равно, какими соображениями руководствовался вельбот. Ростки, мои ростки... Я был уничтожен. Я был втоптан. Да, втоптан. В землю. Ногами. По самые уши. Нормальный мерзавец удовлетворился бы этим сполна, но фанатику не терпелось попрыгать сверху, утаптывая меня поплотнее. Поглубже. Чтобы уже не распрямиться. И, конечно, со слов Рыбы-Кита выяснилось, что во всем виноват я сам, поскольку, обладая исключительно мощным психополем, дарованным мне природой, не пожелал обратить свое дарование во благо, «и вот к чему привело столь легкомысленное противодействие усилиям специалиста», но вообще-то с научной точки зрения этот случай очень интересный, так как открывает новые возможности для усиления пси-воздействия на объекты путем использования интерференции двух направленных и противоположных по знаку психополей...

По моей щеке медленно катилась слеза. Лучше бы я умер, чем такое слушать. Но слушал, ибо еще целый час был не в состоянии пошевелиться, а Рыба-Кит максимально использовал каждую минуту этого часа. Я не мог на него смотреть. Я следил за гигантской жабой, терпеливо поджидающей нас в реке. По сравнению с Рыбой-Китом она была просто совершенством.

Нет, я не умер. Я остался жив. К чему вам знать о том, как я пытался покончить с собой и почему у меня ничего не вышло? Это неинтересно. И насчет Рыбы-Кита... скажу только, что вельботу еще трижды пришлось меня обездвиживать, причем в третий раз лишь попутный ветер помог ему всадить в меня иглу: мне удалось выманить убийцу моих ростков за пределы зоны защиты...

И все-таки человек сделан правильно. Не прошло и трех дней, как я вновь ощутил желание жить. Но видеть Рыбу-Кита я не мог по-прежнему. Если бы не он, распалял я себя, я бы сейчас находился в обществе людей, поистине

объединенных общей целью, мы говорили бы о конусоидах и только о конусоидах, а в плодотворных спорах дали бы шанс родиться истине, я бы демонстрировал своих питомцев и со сдержанной гордостью выслушивал одобрительные возгласы настоящих специалистов, особенно приятные для простого любителя, мало того — абсолютно необходимые ему как стимул к последующим годам мук и вдохновенного творчества, блистательных побед (редко) и горьких поражений (гораздо чаще), — и мы были бы благожелательны и полны непритворного уважения друг к другу. Вместо этого я был вынужден делить круг радиусом восемьсот метров с человеком, которого не хотел видеть и которого не мог убить.

А спасателей все не было...

Рыба-Кит сделал вид, что между нами не произошло ничего особенного. Он даже пообещал мне, что если я снова «заведу себе цветочки», то он поможет мне их вырастить, если, конечно, я не буду мешать ему своим психополем. Ему было попросту скучно — теперь, когда после гибели ростков на меня самого свалилась уйма свободного времени, я хорошо это понял. Здесь и поговорить не с кем. Вельбот? Он не собеседник, а цепной пес на страже перечня гарантированных законом прав. Кроме того, Рыбе-Киту требовались не собеседники, а слушатели. Его поведение было гнусно, но иначе он не мог. Я гнал его прочь — он возвращался и спрашивал, на чем мы в прошлый раз остановились. Он пробовал левитировать и учил левитировать меня, хотя сам не оторвался от земли ни на сантиметр. Он читал мне выдержки из Р. Х. Бауха и заставлял глядеть на иероглифы. Я чувствовал, что схожу с ума. И в тот самый день, когда уже казалось, что сумасшествие неминуемо, я нашел то, что мне было нужно.

Это была металлическая стойка от палатки. Она поблескивала в траве на полпути к реке, должно быть, я выронил ее в спешке, когда пытался бежать вплавь. Тонкостенная трубка из алюминиевого сплава, очень удобная не только как подпорка. Конечно, ею нельзя убить, размышлял я, сжимая в руке свое оружие. Тем лучше. Следовательно, не будет и речи о том, чтобы нарушить право человека на жизнь.

И как жаль, что я не додумался до этого раньше!..

Но сначала следует проконсультироваться у вельбота, прежде чем к нему или ко мне подоспеет Рыба-Кит, осененный новой идеей. Вон он идет. А это значит, что мне

предстоит сложный обходной маневр со всевозможными обманными финтами. Мне нужна одна минута. Если вельбот до сих пор еще не понял, что к чему, я в немногих словах обрисую ему ситуацию. А потом невинно (очень невинно, как бы между делом) спрошу, имею ли я в этих условиях право на самозащиту.

И как только механизм подтвердит мое право, я это право реализую.

Александр Громов: Что делать? Кто виноват?

— Так то выродки! — сказал Гай проникновенно. — На то они и выродки!

«Обитаемый остров».

Александр Громов — один из самых ярких дебютантов в научной фантастике за последние годы. И тем не менее околофантастическая критика не спешит высказываться по его адресу. Может, потому, что Громов вошел в фантастику плавно, без скандалов, ставших опять-таки в последние годы непременным ритуалом литературного обихода. То ли потому, что сейчас, когда в серьезной НФ хорошим тоном считается поиск новых форм (киберпанк, турбореализм), Громов проявил себя, — хотя бы внешне — как автор нарочито традиционный. И зависимый от вполне определенной традиции. Речь, конечно, о традиции братьев Стругацких. Что не оригинально. Все сколько-нибудь заметные современные российские фантасты «вышли из шинели» АБС, как реалисты натуральной школы из гоголевской. А на произведениях Александра Громова это сказалось особенно. Это касается языка и стиля, порою словно вдохновленных незабвенным Феликсом Сорокиным из «Хромой судьбы»: «С руками бы оторвал это любой читатель, в особенности если писать в этакой мужественной современной манере...»

«А по берегам порогов уже лежал и не собирался таять цепкий крупитчатый снег, и было пусто, как в яме, вообще в том походе было что-то траурное, река остывала буквально на глазах, к утру тихие плесы охватывало звенящим ледком, и мы ломали лед веслами, и двигались медленно, сосредоточенно, стараясь оберечь байдарку от ранений лезвиями ледяных кромок». (А. Громов. «Мягкая посадка»)

А также сюжетных мотивов. Первое крупное произведение А. Громова «Наработка на отказ» — чуть ли не энциклопедия «стругацких» сюжетов: «подкидыши» среди человечества («Жук в муравейнике»), уход от того же человечества в космос вышедших на новый генетический уровень его представителей («Волны гасят ветер»), «наставничество» («Град обреченный»), нелепый и жестокий государственный переворот и столь же нелепая и жестокая гибель любимой женщины («Трудно быть богом»). Следующий роман — «Мягкая посадка» — во всех отношениях самостоятель-

нее — и о нем-то в основном речь и пойдет, но лейттемы, о которых будет сказано ниже, остались.

Однако, если бы А. Громов просто наловчился «снимать» язык и сюжетные ходы Стругацких, вряд ли его творчество стало бы предметом для разговора (таких умельцев, подбивающих потом под покраденный стиль «нужную» идеологию, достаточно, они не стоят слов, взглянул — и мимо). Речь идет об эволюции определенных мотивов. А конкретно: почти в каждом романе Стругацких есть некая группа, генетически или социально обособленная от нормального общества и, по мнению этого самого общества, представляющая для него потенциальную или реальную опасность. Это мокрецы («Гадкие лебеди»), выродки («Обитаемый остров»), «амазонки» («Улитка на склоне»), «подкидыши» («Жук в муравейнике»), «людены» («Волны гасят ветер»), фловеры («Отягощенные злом») — перечень не полон. На наукообразном сленге отношение к ним формулируется следующим образом: «Выродки несомненно опасны... Но они гораздо более опасны, чем ты думаешь... Они борются за свое место в этом мире, за существование своего вида, и эта борьба не зависит ни от каких социальных условий, а кончится она только тогда, когда сойдет с арены биологической истории либо последний человек либо последний выродок-мутант». Ну а на обывательском уровне и так все ясно: «На то они и выродки...»

Но: как правило, обвинения эти ложны, и никакой угрозы человечеству эти группы на представляют (за единственным исключением — «амазонки», но это особая тема). Они могут быть необъяснимы и тем страшны, как мокрецы или людены, могут быть чисто физиологически неприятны, как фловеры, но *в том, в чем их обвиняют, они неповинны.* А это главное.

Столь длинное отступление неслучайно. Дело в том,что у Громова не только присутствуют подобные группы — ясно также их происхождение: «щитоносцы» («Наработка на отказ») ведут его от ушедших от человечества людоенов, а выродки — несомненные сородичи адаптантов «...Я правильно сказал? Выродки? Да-да, именно выродки». («Мягкая посадка») Но какова эволюция! Словно бы автор задал себе вопрос: а что, если бы эти выродки-людены и впрямь оказались таковы, какими их представляют люди?

И оказываются...

И людоенам, и «щитоносцам» в высшей степени безразлично человечество. Оскорбительно безразлично. Но «лю-

дены», как сказано, пугают именно своей необъяснимостью. А «щитоносцы» абсолютно понятны — это фашизированное общество с его селекцией «неполноценных».

Напротив, выродки и адаптанты ведут с человечеством жестокую войну за выживание. Но выродками движет отчаяние загнанных в угол, адаптанты же как раз начали «борьбу за выживание своего вида». «Рассматривать нынешнюю стычку людей с адаптантами с точки зрения морали совершенно бессмысленно, как бессмысленно навешивать моральные ярлыки на любую борьбу видов за выживание. Моральным или аморальным было вымирание, ну, скажем, шерстистых носорогов?.. Может быть люди проиграют. И тогда закат нашей цивилизации произойдет сравнительно тихо... и еще один вид сойдет в историю, как сошли до него пятьсот миллионов других видов». («Мягкая посадка»)

И вот уже человек должен «сойти с арены биологической истории», и по ледникам заснеженной Москвы «движутся колонны человекоподобных чудовищ, чтобы растоптать нас и превратить в ничто» («Обитаемый остров»). Но парадоксальность ситуации такова, что окружающая среда естественной становится не для людей, а для адаптантов... Идея о климатической катастрофе, и собственно нового ледникового периода в научной фантастике не нова, и ледники уже ползли по улицам (не Москвы, правда, а Лондона) в произведениях Дж. Кристофера и А. Кларка. Но Александр Громов, кажется, впервые, объединил «новое оледенение» с сюжетом о тотальном вырождении и перерождении человечества. Однако без ответа остается вопрос, кто в данной ситуации вправе именоваться человекам, а кому впору считаться выродком.

А тут подоспевает повесть «Такой же, как вы», где понятия «люди» и «выродки» просто-напросто меняются местами. И на данном конкретном этапе победа — полная и безоговорочная — за «людьми», которые на самом деле суть выродки. «Люди непобедимы. Все вместе, плечом к плечу, как патроны в обойме, под руководством Великого Человека. Только так!» Или так: «Единая нация, единый народ, единый фюрер...»

Такие дела...

Можно предположить, что для Стругацких, чьи произведения созданы в тоталитарную эпоху, свойственны неприятие «системы» и сочувствие к отверженным, к «отклонению от нормы». Для Громова же — в эпоху анархии — сохранение нормы представляется единственным выходом.

Но все не так просто. Недаром же в нашем обществе существует давняя шутка о «просвете между культами». И возникает еще одна сквозная тема — переворота, тирании, давления. Переворота мафиозного «...Почти что своя, домашняя, во многом еще неопытная мафийка... Совсем видно, плохи дела, если мафия берет формальную власть... Не хочет, наверное, а берет — деваться ей некуда, не допускать же страну до развала...» («Наработка на отказ»). Переворота фашистского (повесть «Такой же, как вы»).

Впрочем, последнюю можно рассматривать как развитие еще одного «стругацкого» мотива — о том, до чего может дойти «человек сытый невоспитанный» (или в данном случае «необученный»). А можно — как вариацию на вечную тему «Благими намерениями вымощена дорога в ад». Как замечательно все задумывалось... «Как положено, из ума пополам с сердцем, из высших гуманистических устремлений... как могли создать людей разными — да разве это возможно? Для гуманиста? Ведь один созданный обязательно будет умнее или сильнее, красивее... агрессивнее другого, а ведь это уже преступление — знать, что кто-то будет заведомо обделен, кому-то не достанется чего-то нужного, когда так просто ему это нужное дать... Идеальное общество нельзя населить неидеальными людьми. Это не для практического гуманиста, верно?» А чем кончилось? «Исправительный лагерь не для таких, как они. Таких выводят за город и показывают, где копать..» Хотя — фантастика — не фантастика, фашизм — не фашизм, было ли на свете преступление, была ли мерзость, которые не оправдывались бы благими намерениями? «Лучше я, чем какой-нибудь подонок...» Оправдать можно все... но об этом — несколько позже.

Даже в отменно смешном рассказе «Всяк сверчок», пародирующем фантастические штампы, возникает образ двойного гнета — «героя фантастических боевиков», страдающего от выкрутасов жалкого своего создателя, и самого создателя — литературного поденщика, зажатого в жадной лапе издателя-пирата. И, наконец, чистая, как слеза, классическая тирания в «Мягкой посадке», когда согласно лучшим традициям, тираном становится бывший бунтовщик. Остается констатировать: «Стая с обязательной иерархической структурой — крайне устойчивое и дееспособное образование. Совершенно безразлично, как называется эта стая: военная диктатура, абсолютная монархия или первобытная толпа...»

А как же с извечными-то русскими вопросами? Как же, звучат и они. На частном, скажем так, уровне. В повести «Текодонт», несколько выделяющейся в контексте творчества А. Громова — хотя бы потому, что она не столько об обществе, сколько о конкретном человеке. Мелкий уголовник по прозвищу Текодонт, то есть «маленький прыткий ящер», а по фамилии Пескавин (не от латинского ли peccavi — «грешен» произведена она?) у которого вроде бы и за душой-то ничего нет, кроме умения отрываться от погони и «драться рассчетливо и безжалостно», поставлен в ситуацию, когда должен предать единственное, что, как выяснилось, для него важно — память о матери. И не может. Просто не может. И вот тогда Система, внешне вполне благообразная Система Общественного Блага на него и обрушивается. Со всей силой. В материализованном облике горной лавины. О да, автор дарует ему перед смертью просветление. «Пока жив заповедник, будут жить и текодонты, иначе не бывает. От них нечего ждать, они бесполезны и отвратительны, рано или поздно их все-таки выбьют, но они протопчут след, большего они и не могут. И тогда до заповедника доберутся люди». Но пока что остается «система в Системе, против которой одиночка не имеет шансов», а также «история, развешенная дозированными порциями. Та история, что описана в школьных учебниках. Другой не существует».

И на уровне общем. «...Как мы довели себя до состояния, при котором лютая борьба за выживание *обыденна*, а проигрыш начальной фазы борьбы *очевиден*? Как же вы не заметили, спросят дети... Разумеется, мы начнем выкручиваться и врать, что сделали все от нас зависящее, а если бы сверху на нас не давили страшной каменной тяжестью несколько твердолобых или корыстных дураков (которых мы сами же и взгромоздили себе на шею, но об этом мы распространяться не будем), то сделали бы гораздо больше, и, обидевшись, что нехорошо так разговаривать с отцами, прожившими несладкую жизнь — сам бы попробовал, сопляк! — по вине тех, кто жил прежде нас и не принял мер — ведь старт ползучему обесчеловечиванию, превратившемуся ныне в обвальное, был дан не при нас, а значительно раньше, так что ваши отцы не повинны ни в чем, и не перед кем — уяснил, щенок! Марш к амбразуре! Проверь пулемет и гляди в оба! Кто же виноват? — спросят с громадным детским недоумением, готовые верить любому ответу. И мы, конечно, придумаем канонические ответы на

любые детские вопросы, потому что ничего другого нам не останется...» («Мягкая посадка»)

Никто не виноват.

«Нет в мире виноватых! Берусь любого оправдать затем, что вправе рот заткнуть любому». (В. Шекспир).

Куда ни кинь, все клин.

Может быть, дело все же не в смене исторических формаций, и не в национальной специфике, а в литературе?

А литература ответов на вопросы не дает. Она их ставит.

В. Черных

СОДЕРЖАНИЕ

Мягкая посадка 5

Наработка на отказ 195

Такой же, как вы 391

Текодонт 433

Всяк сверчок 475

Вопрос права 521

В. Черных
Александр Громов: Что делать? Кто виноват? 563

Литературно-художественное издание

Александр Николаевич Громов

МЯГКАЯ ПОСАДКА

Компьютерный дизайн обложки
Н. Луковкиной

В оформлении обложки использованы фрагменты работ Луиса Ройо

Ответственный редактор **М. Редошкин**
Художественный редактор **А. Гришин**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 17.08.95. Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 28,17. Уч.-изд.л. 32,87. Тираж 20 000 экз. Заказ 2211

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛП № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

издательство
«Параллель»

Библиотека отечественной фантастики
«Хрустальный шар»

640 стр.

Издательские цены

Прекрасное оформление

672 стр.

704 стр.

Увлекательное содержание

Две книги в месяц

576 стр.

Тираж 20 т. экз

Оперативная доставка автотранспортом, контейнерами, почтовым багажом

Приглашаем к сотрудничеству региональных дилеров, авторов.

По вопросам оптовой поставки обращаться по телефонам: (8312) 33-62-98, 33-80-16

В ПЕРВЫХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Мирер
"Обсидиановый нож"

Александр Мирер — выдающийся мастер современной фантастики. Великолепно выстроенный сюжет, нетривиальность идей, отточенный стиль, глубина осмысления образов по праву ставят Мирера-фантаста в первые ряды отечественной НФ.

Авторский однотомник "Обсидиановый нож", открывающий новую серию отечественной фантастики, включает все произведения А. Мирера, созданные в этом жанре, за исключением "детской" повести "Субмарина "Голубой кит" и некоторых рассказов.

Роман "Дом скитальцев" сразу после выхода стал бестселлером, и найти его на книжных прилавках и полках библиотек практически невозможно. Впервые публикуется полный вариант романа "У меня девять жизней", повествующего об экспедиции в Совмещенные Пространства и о трагической судьбе обнаруженной там биологической цивилизации. Также ранее не издавалась написанная в жанре фантастического детектива повесть "Остров Мадагаскар". Завершают том рассказы "Дождь в лицо", "Обсидиановый нож" и "Знак равенства".

В ПЕРВЫХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Тюрин

"Падение с Земли"

Александр Тюрин — один из самых ярких представителей новой генерации российских фантастов. Сам автор определяет свою творческую манеру как "русский киберпанк", имея в виду широко распространенное в современной западной НФ направление.

Захватывающие, сверхдинамичные сюжеты, способные поспорить с самыми "крутыми" боевиками, буйный размах фантазии, своеобразие авторского стиля и языка уже привлекли к творчеству А. Тюрина внимание читателей.

В сборник "Падение с Земли" вошли романы "Каменный век", "Конечная остановка: Меркурий", "Сверхнедочеловек" и "Подвиг разведчика" (ранее публиковался только "Каменный век"), являющиеся частью разрабатываемой автором своеобразной "истории будущего" под общим названием "История Космики", эпической и иронической одновременно.

В ПЕРВЫХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Ольга Ларионова

"Сотворение миров"

Книги Ольги Ларионовой давно и заслуженно вошли в золотой фонд отечественной фантастики и заслужили любовь не одного поколения читателей.

Сборник "Сотворение миров" включает одно из самых значительных произведений О. Ларионовой — "космическую" трилогию "Соната моря": повести "Соната моря" (удостоена премии "Аэлита" в 1987 г.), "Клетчатый тапир" и "Лабиринт для троглодитов".

Впервые собран воедино уникальный для мировой фантастики цикл повестей и рассказов, написанных "по мотивам" картин одного из наиболее поэтичных художников XX века Микалоюса Чюрлениса — "Знаки зодиака".

Также публикуются рассказы "Где королевская охота", "Сон в летний день" и повесть "Картель".

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Генри Лайон Олди
"Путь меча"

Генри Лайон Олди — псевдоним молодых украинских писателей Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, работающих в редком для отечественной литературы жанре героической фантастики. По литературному мастерству, глубине разработки увлекательного сюжета, красочности стиля лучшие их романы могут быть поставлены в один ряд с произведениями таких признанных мастеров жанра, как Р. Желязны и М. Муркок.

В романе "Сумерки мира" ведут непримиримую борьбу Изменчивые, оборотни и Девятикратные, несущие бремя своих девяти жизней — не зная о тайне, что кроется в их общем прошлом и о том, что из тумана на них неотвратимо надвигается третья сила — мороки, Бледные Господа, порождение Бездны...

"Путь меча" повествует о мире, где боевые искусства, доведенные до высшей степени совершенства, сравнялись с религией, этикой и поэзией, где люди забыли, что оружие существует для того, чтобы убивать, и само оружие забыло об этом, забыло, что не все согласны жить по таким законам...

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Щербаков

"Шорох дерева Вселенной"

(название условное)

Юрий Тупицын

"Гнев Немезиды"

(название условное)

Владимир Михайлов

"Восточный конвой"

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР